

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. XV, part 3

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

St. Petersburg
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
2019

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XV, часть 3

Главный редактор Е. В. Головкин

Санкт-Петербург
Институт лингвистических исследований РАН
2019

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Глав. ред. Е. В. Головки.

Т. XV. Ч. 3. I. Актуальные проблемы изучения русского глагола / Ред. М. Д. Воейкова, С. В. Краснощекова, Е. Г. Сосновцева; II. *Varia*. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. 512 с.

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / Ed.-in-chief Evgeny V. Golovko.

Volume XV. Part 3. I. Current issues in the study of Russian verb / Eds. M. D. Voeikova, S. V. Krasnoshchekova, E. G. Sosnovtseva; II. *Varia*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2019. 512 p.

Редакторы раздела I:

М. Д. Воейкова, С. В. Краснощекова, Е. Г. Сосновцева

Ответственные за выпуск от редколлегии:

Г. А. Мольков, Н. М. Заика, А. Ю. Урманчиева

Материалы выпуска доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737153

© Коллектив авторов, 2019
© ИЛИ РАН, 2019

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н. А. К. Байбури (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); PhD, Assoc. Prof. А. Барентсен (Амстердамский университет); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. П. Е. Бухаркин (Санкт-Петербургский государственный университет); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. Л. Гренобль (Чикагский университет); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН, Санкт-Петербургский государственный университет); д. филол. н., проф. В. Б. Касевич (Санкт-Петербургский государственный университет); к. филол. н. А. Ю. Кожевников (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ «Высшая школа экономики», Москва); д. филол. н. В. М. Круглов (ИЛИ РАН); к. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН, Москва); академик РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлеская (Российский государственный гуманитарный университет, Москва); д. филол. н., проф. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж); PhD, Prof. Дж. Рассел (Университет штата Калифорния в Фресно); д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); к. филол. н. С. С. Сай (ИЛИ РАН, Санкт-Петербургский государственный университет); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, заместитель главного редактора (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (Московский государственный университет); к. филол. н. А. Ю. Урманчева (ИЛИ РАН); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (Институт этнологии и антропологии РАН; Московский государственный университет); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); М. Е. Шляхтер, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. Ю. А. Янхунен (Университет Хельсинки)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Petr E. Bukharin (St. Petersburg State University); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Dmitry A. Funk (Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences; Moscow State University); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Vadim B. Kasevich (St. Petersburg State University); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Kozhevnikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (Higher School of Economics, Moscow); Vasilii M. Kruglov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO, Paris); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (California State University, Fresno); Sergey S. Say (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University); Andrey N. Sobolev, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Mayya E. Shlyakhter, secretary of the editorial board (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmachieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voelikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University)

**I. АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОГО ГЛАГОЛА**

ИЗУЧЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В XXI ВЕКЕ: 50 ЛЕТ КНИГЕ А. В. БОНДАРКО И Л. Л. БУЛАНИНА «РУССКИЙ ГЛАГОЛ»

М. Д. Воейкова

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
maria.voeikova@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой предисловие к сборнику избранных докладов конференции 2017 года, посвященной 50-летию выхода в свет книги «Русский глагол» А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина. В ней рассматриваются основные теоретические проблемы, которые обсуждались на конференции, и коротко характеризуются основные тематические разделы данного выпуска. Подчеркнута актуальность и теоретическая нейтральность описания грамматической системы русского глагола А. В. Бондарко и Л. Л. Буланиным, важная роль этой книги в современных учениях о русской видо-временной системе. Современные представления о грамматической системе русского глагола претерпели значительные изменения: 1) в связи со стремительным развитием типологических исследований возникла необходимость соотношения русских грамматических терминов с теми, которые используются для описания других языков; 2) корпусные исследования дали возможность «микродиахронического» анализа актуальных процессов, протекающих в современном языке; 3) расцвет психо- и онтолингвистики позволил глубже проникнуть в процесс речепорождения и реального использования говорящим системы глагольных форм; 4) в связи с развитием техники произошел значительный прорыв в описании особенностей разговорной речи; 5) при этом остались актуальными сопоставительные и исторические исследования.

Ключевые слова: русский глагол, вид, аспектуальность, залог, микродиахрония, детская речь, типология.

**Studying Russian verb system in the XXI century:
50 years of the book “Russian verb” by A. V. Bondarko
and L. L. Bulanin**

M. D. Voeikova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg
maria.voeikova@gmail.com

Abstract. This is the preface for the collection of selected papers presented at the International conference dedicated to the 50-th anniversary of the book “Russian Verb” by A. V. Bondarko and L. L. Bulanin held in 2017 at the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences in Saint Petersburg. It outlines the basic problems discussed at the conference and gives a short presentation of the five thematic sections of this volume. The description of the Russian verb system by Bondarko and Bulanin is theoretically neutral and thus remains relevant even now, enjoying a high citation index. At the same time, modern studies have significantly changed some views on the Russian verbal system: 1) the rapid developments in typology make it necessary to bring the Russian grammatical, especially, aspectological, terminology in line with that applied internationally; 2) corpus linguistic studies open a way for “microdiachronic” analyses of the actual processes taking place in modern Russian; 3) recent achievements in psycho- and ontolinguistics allowed to better understand the process of speech production and verb form acquisition; 4) recent advances in technology have led to a breakthrough in spontaneous speech descriptions; and 5) comparative and diachronic studies have not lost their relevance either.

The volume is split into 5 parts. Part 1 includes papers on theoretical and comparative studies. Gorbova analyzes the consistency of aspectual pair formation. Her main point is to show that Russian aspect is rather an inflectional than a derivational category. Milliaressi proposes that Russian past tense forms may carry the extra meaning of evidentiality. Kocková investigates Russian and Czech converbs from a comparative perspective. Several papers address spontaneous spoken Russian. Bogdanova-Beglarian proposes a theoretical analysis of the process wherein verbs are transformed into pragmatic markers. Her second paper, co-authored with Maslova, and the paper by Blianova consider the development and use of such discourse markers. Tseitlin describes typical slips of the tongue with verb phrases found

in the speech of adult, educated native speakers of Russian. Iakovleva discusses grammatical restrictions on the use of speech verbs. Two papers deal with the diachronic perspective. Plungian and Urmanchieva show that some perfect tense forms with copula have a focusing, rather than a temporal function. Skachedubova proposes a new interpretation for the pluperfect-like forms found in the earliest Russian chronicles.

Three authors propose micro-diachrony probes. Akhapkina addresses modern lexical-choice changes in the speech of native speakers compared to that found in works by Ivan Turgenev. Zhukova describes the discourse markers *kak khochesh* 'as you want' and *kak znaesh* 'you know better' and a history of their use in the course of the last three centuries. Kitajo addresses some changes in the position of converbs and verbs found in direct speech constructions.

The last section deals with child language. Eismont analyses acquisition of phase verbs by Russian monolingual children, whereas Dobrova and Ringblom treat aspectual distinctions in the speech of Russian-Swedish bilinguals. We hope that this selection of papers will be useful for both general linguists and experts in respective specific domains.

Keywords: Russian verb, aspect, aspectuality, voice, microdiachrony, child language, typology.

Статьи, представленные в этом выпуске, являются итогом международной конференции «Русский глагол: К 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина», проведенной совместно СПбГУ и ИЛИ РАН на базе ИЛИ РАН 15–17 ноября 2017 года. Мы надеемся, что в результате интенсивной работы рецензентов, редакторов и авторов содержание статей оказалось более разработанным по сравнению с первоначальной версией докладов, поэтому публикация материалов через 2 года после самого события не является досадной задержкой, а только позволяет прояснить и углубить авторские позиции. Идея этой необычной конференции пришла в голову тогдашнему проректору СПбГУ С. И. Богданову, который в настоящее время является ректором РГПУ им. А. И. Герцена. Кажется, мы так и не поблагодарили его за эту счастливую мысль и с удовольствием делаем это сейчас. Необходимость широкого обсуждения книги через 50 лет после ее выхода в свет объясняется ее исключительным местом в ряду исследований грамматической системы русского глагола и значительным прогрессом, который произошел в этой области и требует детального анализа и осмысления.

Книга «Русский глагол» (далее РГ–1967) — одна из наиболее цитируемых книг по русской морфологии. В России (что удивительно) она никогда не переиздавалась, существует во всех библиотеках в издании 1967 года, зато дважды была переиздана в Чехословакии. Вероятно, причина заключается в том, что книга написана в соавторстве, и оба автора после ее выхода в свет занимались каждый своей любимой проблематикой, не заботясь о дальнейшей ее судьбе: А. В. Бондарко выпустил в свет «Вид и время русского глагола» [1971], а Л. Л. Буланин начал работать над «Трудными вопросами морфологии» [1976]. Помимо расхождений в тематике, была заметна и разница в подходах авторов к описанию глагольных категорий: если в разделах А. В. Бондарко применялись основы функционального подхода, то глава о залоге, написанная Л. Л. Буланиным, основывалась на анализе грамматического содержания залоговых оппозиций. Однако соединение двух подходов в книге РГ–1967 было органичным и отвечало тому, что сейчас все чаще называют теоретической нейтральностью. Функциональный подход А. В. Бондарко в разделах о виде и времени в первую очередь опирался на формальное выражение описываемых значений. Так, способы действия рассматриваются в порядке от характеризованных (имеющих формальные словообразовательные средства выражения) к нехарактеризованным (которые в современной литературе все чаще называют акциональными классами). Семантика временных форм также сгруппирована на основе формальных показателей того, что в других языках принято называть *tenses*, а в русском языке описано как система времен. В каждой главе, написанной А. В. Бондарко, есть разделы, охватывающие не только морфологические, но и лексические и синтаксические средства выражения данной функционально-семантической категории (например, «Вид и аспектуальность», «Время и темпоральность»).

Глава «Залог», написанная Л. Л. Буланиным, является исходно формальной, однако и в ней проводятся существенные семантические разграничения. Так, автор обращает внимание на различие между формами пассива и специальными возвратными глаголами, указывая на омонимические отношения между ними. Он отмечает, что в первом случае постфикс *-ся* является формообразующим, а во втором — словообразующим, ср. примеры Л. Л. Буланина (1–2) [Бондарко, Буланин 1967: 152]:

- (1) Письма разносятся почтальоном (возвратная форма страдательного залога глагола *разносить*);
- (2) Звуки песни далеко разносятся в тишине (форма действительного залога глагола *разноситься*).

Иными словами, уже в РГ–1967 было обозначено отличие форм страдательного залога от лексикализованных возвратных глаголов, которые являются, в отличие от форм пассива, воспроизводимыми лексическими единицами.

Успех и неизменная высокая цитируемость книги «Русский глагол»¹ объясняется тем, что в ней подробно и теоретически нейтрально рассмотрены основные глагольные категории, причем описаны не только общие и частные значения форм, но и более маргинальные, обусловленные контекстом употребления, в том числе переносные и относительные [1967: 98–114]. Именно поэтому «Русский глагол» вошел во все рекомендательные списки пособий по морфологии русского языка как наиболее компактный и содержательный справочник по русской глагольной системе. Не в последнюю очередь долговременный успех объясняется тем, что для этой книги характерно строгое и последовательное использование терминов, в первую очередь, аспектологических. Она позволила упорядочить описание глагольных категорий не только в русском языке, но и в типологической литературе на русском языке, хотя терминологические споры не утихают и сейчас.

В последнее время для разграничения грамматикализованного вида, присущего славянским языкам, и различных способов обозначения характера протекания действия в других языках все чаще используются разные термины: «вид» и «аспект». Это разграничение опирается на точку зрения Ю. С. Маслова, в соответствии с которой следует отличать грамматическую категорию вида, присущую славянским языкам (и с некоторыми оговорками — ряду неславянских языков), от различных аспектуальных значений, передаваемых частично лексически, а частично при помощи контекста или

---

¹ В системе eLIBRARY.RU зафиксировано 359 ссылок на РГ–1967 при средней цитируемости по направлению 14,6. Около 30 ссылок приходится на 2018–2019 годы. Очевидно, что в системе не отражается всей области цитирования, так как огромная часть лингвистической литературы конца XX в. по разным причинам не попала в список.

средствами «скрытой грамматики». В. А. Плунгян эксплицитно разграничивает понятия вида и аспекта: «В русской типологической литературе закрепляется тенденция использовать термин *вид* применительно к славянской оппозиции совершенный ~ несовершенный вид, а термин *аспект* — для описания любых грамматических противопоставлений, принадлежащих данной семантической зоне (так что славянский вид оказывается, вообще говоря, частным случаем универсального аспекта)» [2000: 293]. В этом определении речь идет о семантическом противопоставлении рассматриваемых понятий: *аспект* оказывается семантически более широким по сравнению с бинарным противопоставлением НСВ / СВ и потенциально может отражать и другие особенности протекания действия во времени, помимо длительности, повторяемости или наличия результата.

Разграничение вида и аспекта проводится в большинстве современных грамматических работ, особенно в тех из них, которые имеют типологическую или компаративную направленность, ср., например, сходное определение понятия «аспект» в более поздних работах В. А. Плунгяна [2011: 280–315; 2012: 9–25] и Е. В. Горбовой [2017: 32–33]. Описывая аспектуальные системы языков мира, В. А. Плунгян обращает внимание еще на одну существенную проблему: анализ аспекта даже в неславянских языках часто опирается на бинарное противопоставление целостного / нецелостного действия (в терминологии А. В. Бондарко) или перфективного / неперфективного «ракурсов» (в трактовке К. Смит), в то время как в языках мира аспект может иметь гораздо более сложную и разветвленную структуру, включающую в качестве компонентов такие граммемы, как перфектив, дуратив, перфект и хабиитуалис [Плунгян 2012: 10–12].

Для русской аспектологической традиции наиболее существенными оказываются признаки грамматической выраженности вида (в славянских и в греческом языках), а также его облигаторности. Эти значения и функции, объединенные в «систему противопоставленных друг другу рядов морфологических форм» (по определению морфологической категории А. В. Бондарко [2005: 20]), и обозначаются в настоящее время термином *вид* применительно к славянским языкам. Более широкое понятие *аспектуальность* подразумевает передачу тех же (или подобных им) семантических различий либо неграмматическими средствами, либо грамматическими средствами

при условии их необлигаторности. Иными словами, в современной русистике сложилась, в принципе, нежелательная ситуация употребления дублирующих терминов: если *вид* понимается в целом одинаково и русистами, и типологами, то между терминами *аспект* и *аспектуальность* существует не только зона пересечения, но и некоторые различия.

Есть исследователи, которые используют в различном смысле все три термина, см., например, определение Е. В. Петрухиной: «Термин “глагольный вид” употребляется по отношению к русскому и другим славянским языкам, в которых это отдельная морфологическая категория. По отношению же к неславянским языкам, где в глаголе и его временных формах также могут выражаться характеристики протекания действия, целесообразнее использовать термин “аспект”, обозначающий универсальную семантическую категорию глагола. (...) *Аспектуальность* определяется как семантическая категория, характеризующая протекание и распределение действия во времени, а также как функционально-семантическое поле (ФСП) разных языковых средств, объединенных этим категориальным значением» [Петрухина 2009: 44]. Для Е. В. Петрухиной оказывается существенным, что *вид* и *аспект* выражаются в глаголе и его формах в первом случае в виде морфологических противопоставлений, а во втором случае, возможно, в виде лексических или словообразовательных классов. Так, для описания существенных функциональных различий между славянскими языками используется все-таки узкий термин *вид* [Петрухина 2019]. Средства же выражения аспектуальности могут оказаться за пределами глагольной формы, в каком-либо из элементов контекста.

При сравнении русского материала с данными языков, имеющих другую аспектуальную систему (например, с германскими или романскими языками) чаще используется типологический термин *аспект*, ср. определение Е. В. Горбовой: «В данном исследовании мы следуем хоть и не слишком долгой, но уже вполне сложившейся традиции, в соответствии с которой термину *аспект* отдается предпочтение, когда речь идет о соответствующей грамматической категории либо применительно к неславянским языкам (в нашем случае — к испанскому и английскому), либо в типологическом ракурсе» [Горбова 2017: 32]. Нужно полностью согласиться с мнением Е. В. Горбовой о том, что такое разграничение согласуется с концепцией Ю. С. Маслова, однако нам кажется

противоречивым употреблением в данной цитате и в заглавии книги сочетания *грамматическая категория аспекта*. Специфика термина *аспект*, на наш взгляд, как раз и состоит в том, что он может не составлять отдельной грамматической категории в языке, а выражаться при помощи лексических или словообразовательных показателей или на уровне специальных временных форм, как в германских или романских языках. Из этого краткого экскурса становится понятно, что аспектологическая терминология и через 50 лет после выхода в свет РГ–1967 не окончательно устоялась, однако вопрос о содержании категории вида в настоящее время значительно разработан на материале разноструктурных языков, что позволило выделить как идиозмические, так и универсальные его характеристики. В нашей подборке представлена теоретическая статья Е. В. Горбовой о статусе категории вида в русском языке. Привлекая новые корпусные данные, автор статьи показывает, что вторичная имперфективация приставочных глаголов является значительно более регулярным процессом, чем было принято считать ранее, таким образом, укрепляя представление о словоизменительном характере категории вида в русском языке.

На конференции 2017 года был представлен доклад В. С. Храковского, в котором защищался альтернативный взгляд — о словоклассифицирующем характере категории вида. А. В. Бондарко придерживался промежуточной точки зрения и называл категорию вида «непоследовательно коррелятивной» [Бондарко 2005: 71–89]. В докладе В. С. Храковского рассматривалась также проблема инвариантного значения видов: для СВ постулировалась общая идея «изменения», а для НСВ — идея «неизменности». Видовые различия противопоставлялись более регулярным с точки зрения грамматической выраженности временным различиям [Международная 2017: 158–163]. Сопоставление категорий вида и времени в русском страдательном залоге рассматривалось на конференции и в докладе Е. В. Петрухиной, которая показала, что употребление пассива в русском языке тесно связано с семантикой «стихийности, произвольности, отчасти неконтролируемости» [Международная 2017: 118]. Иными словами, конференция показала перспективность линии исследования, намеченной в РГ–1967: не до конца ясные правила употребления отдельных форм обычно объясняются заложенными в них дополнительными смыслами, которые пока еще не получили исчерпывающего описания. Сходные идеи в нашей

подборке статей развиваются Т. В. Миллиареси: она усматривает выражение скрытой эвиденциальности в формах прошедшего времени любых глаголов, но с наибольшей частотностью — глаголов модальных. Хотя не все эксперты соглашаются с такой трактовкой и авторским анализом примеров, статья представляет интересный материал для интерпретации и возможной полемики. Статья Я. Коцковой посвящена сопоставительному исследованию средств выражения таксиса в русском и чешском языках. Несмотря на близость грамматического строя славянских языков, в них могут наблюдаться существенные различия: так, по данным Я. Коцковой, в чешском языке деепричастия нельзя отнести к основным средствам выражения таксиса (в отличие от русского), так как они постепенно выходят из употребления. Утрата ядерных компонентов поля таксиса влечет за собой существенные последствия для всей языковой системы: на смену деепричастиям приходит разветвленная система периферийных средств выражения временного соотношения действий. Эти наблюдения особенно важны в свете высказанных в последнее время гипотез А. Барентсена, С. Дики и Е. В. Петрухиной о значительных ареальных различиях в видо-временных системах славянских языков.

В свете сопоставительного изучения русской глагольной системы особую роль играет интерес к истории ее формирования: анализ русского глагола отнюдь не исчерпывается синхроническим описанием, для которого обязательно детальное проникновение в то, насколько изменился набор функций отдельных форм. В нашей подборке это направление представлено целым рядом статей. Так, В. А. Плунгян и А. Ю. Урманчиева, анализируя формы перфекта в «Повести временных лет», приходят к выводу, что перфект со связкой в этом тексте имеет не столько временную, сколько информационно-структурную функцию и связан с фокусным выделением. Это новое представление о роли перфекта и его противопоставлении формам аориста с учетом выделительной функции до сих пор не высказывалось в русистике, однако хорошо согласуется с новыми типологическими данными о функционировании аналитических форм глагола. Авторская интерпретация некоторых построений, по форме напоминающих плюсквамперфект, дается в статье М. В. Ермоловой. Она показывает, что в ряде случаев сочетания глагола *быти* в пр. вр. с л-формой трудно интерпретировать как плюсквамперфект, поскольку такое истолкование не соответствует

контексту. По-видимому, эти случаи нужно рассматривать как свободные синтаксические сочетания. Возможно, они, подобно рассмотренным выше формам перфекта, должны получить объяснение с точки зрения информативной структуры предложения или текста.

Ряд статей можно отнести к исследованиям «микродиахронии»: в них описываются изменения в употреблении русских глагольных форм на протяжении последних трех столетий. Статья Я. Э. Ахапкиной посвящена изменениям в языковом употреблении, которые произошли в течение последних двухсот лет: она рассматривает непривычные конструкции с глаголами в повести И. С. Тургенева «Ася». Оказывается, неувлимые изменения наблюдаются и в лексическом выборе, и в сочетаемости, и в семантической интерпретации глагольных сочетаний; кроме того, значительные сдвиги произошли и в употреблении отдельных существительных и прилагательных. С. Ю. Жукова анализирует различия в статусе и использовании разговорных формул *как знаешь* и *как хочешь*: если первая фактически выходит из употребления, то вторая, напротив, «набирает обороты». Обе конструкции встречаются в двух разных типах контекстов — двухчастном и трехчастном. Автор приходит к выводу об их композициональности, несмотря на высокую частотность и воспроизводимость. Статья М. Китадзё рассматривает микродиахронические изменения в употреблении русских глагольных форм, точнее, в их позиционном расположении по отношению к конструкциям прямой речи, которые он рассматривает как эмоциональные и смысловые доминанты художественного текста. В этом смысле его статья перекликается с наблюдениями Я. Коцковой: подсчеты М. Китадзё демонстрируют, что вид глагола косвенным образом «влияет» на степень удаленности от прямой речи; глаголы СВ на протяжении XIX века располагаются все ближе к конструкциям прямой речи, в то время как глаголы НСВ значительно удалены от последних.

В данной серии статей отражены не все темы РГ–1967 и далеко не все проблемы, которые обсуждались на конференции; это было бы невозможно, однако по материалам конференции [Международная 2017] можно судить о том, какие аспекты изучения русской глагольной системы оказались наиболее актуальными в наши дни. Целая серия докладов была посвящена разговорной форме русского языка, серьезное изучение которой Е. А. Земская начала с записи текстов, произнесенных в формальной и неформальной обстановке,

причем известно, что информанты Е. А. Земской были высокообразованными людьми. В РГ–1967 не были затронуты проблемы разговорной речи; вероятно, и А. В. Бондарко, и Л. Л. Буланин считали описание языковой системы достаточным для анализа и устной, и письменной разновидности речи. Такая точка зрения была распространена в то время, ср., например [Адмони 1994: 51–85]. В наши дни особенности устного регистра стали предметом интенсивного изучения в связи с появлением множества корпусов, включающих или прямо ориентированных на спонтанную устную речь.

Данные разговорной речи представлены в этом сборнике работами научного направления, развиваемого Н. В. Богдановой-Бегларян на основе корпуса «Один речевой день», который собирается и обрабатывается на филфаке СПбГУ. Основной пафос этих работ состоит в том, чтобы показать переход от полнозначной лексической единицы к так называемой «прагматеме» — слову или выражению со стертым лексическим значением, которое служит прагматическим целям коммуникации, например, является «ксенопоказателем», т. е. позволяет говорящему продемонстрировать, что он дистанцируется от содержания речи и передает мнение кого-то другого. В нашем выпуске представлены общетеоретическая статья Н. В. Богдановой-Бегларян о путях и разновидностях прагматизации, а также статья, написанная ею в соавторстве с Е. Р. Масловой, о русских контактных глаголах (типа *слушай*, *смотри*, *видишь* и т. д.). Наиболее интересные находки в этих статьях связаны с описанием семантических функций новых лексических единиц. Позиционным свойствам русских контактных глаголов (на примере глагола *слушай*) посвящена и статья О. В. Блиновой. В ней рассматривается связь между контактными глаголами, которые названы здесь дискурсивными маркерами, и разговорными вокативами типа *слушай*, *Коль*. Первоначальная гипотеза о функциональном сходстве между вокативами и дискурсивными маркерами при выборе позиций не подтвердилась; напротив, исследование показало важные различия между этими близкими по функции единицами речи.

Содержание статей показывает, насколько захватывающим оказывается путь описания значений разговорных форм, хотя даже из сопоставления этих трех статей становится ясно, что терминология и методика подобных исследований находятся в процессе становления. А. В. Бондарко с большим интересом относился к конкретным исследованиям, основанным на анализе живого языкового

материала. Вспоминая о том, что в советской науке такой анализ нередко презрительно называли «мелкотемьем», он неизменно подчеркивал важность внимательного отношения к конкретным языковым фактам. На конференции 2017 года мелких тем не было: рассмотрение отдельных форм и лексем сопровождалось детальным теоретическим и исследовательским комментарием. Статья И. В. Яковлевой посвящена конструкциям с глаголами речи (в основном *говорить* и *сказать о / про*). В дополнение к своим предшествующим публикациям о глаголах речи, автор исследует в данном случае их видовые предпочтения и особенности их функционирования в предложениях с прямой речью и изъяснительными придаточными. Вырисовывается сложная картина связи между отдельными значениями глаголов, их видовой характеристикой и особенностями их управления. Так конкретные исследования добавляют детали к общей картине взаимодействия лексики и грамматики, которая была намечена авторами РГ–1967.

Одним из важных направлений функциональной грамматики в последние десятилетия стало изучение особенностей детской речи — освоения родного языка ребенком. На конференции это направление исследований было представлено работами, проводимыми в Отделе теории грамматики ИЛИ РАН К. А. Ивановой, В. В. Казаковской, М. Д. Воейковой [Международная 2017: 66–68, 72–74, 37–39], Н. В. Гагариной из Берлина, Н. Рингблом из Стокгольма и Г. Р. Добровой (РГПУ им. А. И. Герцена), а также П. М. Эйсмонт (СПбГУ) [Там же: 43–45, 134–136, 175–177]. Речь шла как об усвоении русского языка детьми в русскоязычном окружении, так и о билингвизме в условиях другого доминирующего языка. В этом томе детская речь русских монолингвов рассматривается в статье П. М. Эйсмонт об усвоении детьми фазовых глаголов на материале обширного экспериментального исследования. Как выяснилось, семилетние дети фактически обладают сформировавшимися представлениями о фазах действия, в то время как в младшей возрастной группе наблюдаются важные особенности: судя по всему, маленькие дети плохо различают делимитативы и результативы, абсолютизируя начальное представление о целостности действия. С. Н. Цейтлин, одна из основоположниц данного направления, на этот раз сосредоточила свое внимание на анализе речевых сбоев и оговорок в речи взрослых носителей языка. Однако оговорки в речи взрослых объясняются теми же основными

«процедурными» правилами, что и ошибки в речи детей-дошкольников, как минимум, в области глагольного формообразования. Статья Г. Р. Добровой и Н. Рингблом посвящена особенностям употребления видовых форм русско-шведскими детьми-билингвами. Материал собран при помощи лексического теста, но основное внимание в данной статье уделяется процессу выбора глагольных лексем СВ или НСВ, который у билингов, как оказалось, отличается от моноязычных носителей русского языка.

Представленный набор статей широк по тематике и объединен только общим предметом рассмотрения — русской глагольной системой в синхронии и диахронии, в разных речевых жанрах, в сопоставлении с другими языками и с точки зрения онтолингвистики. Мы надеемся, что эти статьи окажутся полезны широкому кругу лингвистов, занимающихся не только славистикой, но и другими языками, а также специалистам по теории грамматики.

Литература

- Адмони 1994 — В. Г. Адмони. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994.
- Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола: значение и употребление. М.: Просвещение, 1971.
- Бондарко 2005 — А. В. Бондарко. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Бондарко, Буланин 1967 — А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. М.; Л.: Просвещение, 1967.
- Буланин 1976 — Л. Л. Буланин. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1976.
- Горбова 2017 — Е. В. Горбова. Грамматическая категория аспекта и контекст (на материале испанского и русского языков). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2017.
- Международная 2017 — Ю. П. Князев (предс. ред. колл.). Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина). Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2017 г. Тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Петрухина 2009 — Е. В. Петрухина. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М.: МАКС Пресс, 2009.
- Петрухина 2019 — Е. В. Петрухина. Интерпретация видовых различий между русским, чешским и словенским языками // *Slavistična Revija*. 2019. Letn. 67. No 1. С. 31–49.

- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Плунгян 2012 — В. А. Плунгян. Предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 9–42.

References

- Admoni 1994 — V. G. Admoni. Sistema form rechevogo vyskazyvaniya [The system of forms of a speech utterance]. St. Petersburg: Nauka, 1994.
- Bondarko 1971 — A. V. Bondarko. Vid i vremya russkogo glagola: znachenie i upotreblenie [Aspect and tense of the Russian verb: meaning and use]. Moscow: Prosveshchenie, 1971.
- Bondarko 2005 — A. V. Bondarko. Teoriya morfologicheskikh kategoriy i aspektologicheskie issledovaniya [Theory of morphological categories and studies in aspectology]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005.
- Bondarko, Bulanin 1967 — A. V. Bondarko, L. L. Bulanin. Russkiy glagol [Russian verb]. Moscow; Leningrad: Prosveshchenie, 1967.
- Bulanin 1976 — L. L. Bulanin. Trudnye voprosy morfologii. Posobie dlya uchiteley [Difficult questions of morphology. A handbook for teachers]. Moscow: Prosveshchenie, 1976.
- Gorbova 2017 — E. V. Gorbova. Grammaticheskaya kategoriya aspekta i kontekst (na materiale ispanskogo i russkogo yazykov) [The grammar category of aspect and the context (on the material of Spanish and Russian languages)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2017.
- Mezhdunarodnaya 2017 — Yu. P. Knyazev (ch. of ed. group). Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Russkiy glagol» (k 50-letiyu vykhoda v svet knigi A. V. Bondarko i L. L. Bulanina). Sankt-Peterburg, 15–17 noyabrya 2017 g. Tezisy dokladov [The International scientific conference “Russian verb” (in honour of the anniversary of the publishing of the book by A. V. Bondarko and L. L. Bulanin). St. Petersburg, 15–17 November 2017. The Book of Abstracts]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017.
- Petrukhina 2009 — E. V. Petrukhnina. Russkiy glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy) [Russian verb: Categories of aspect and tense (in the context of modern studies in linguistics)]. Moscow: MAKS Press, 2009.
- Petrukhnina 2019 — E. V. Petrukhnina. Interpretatsiya vidovykh razlichiy mezhdu russkim, cheshskim i slovenskim yazykami [Interpretation of aspectual

- differences between Russian, Czech and Slovenian languages]. *Slavistična Revija*. 2019. Vol. 67. No. 1. P. 31–49.
- Plungian 2000 — V. A. Plungian. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: An introduction to the problematics]. Moscow: URSS, 2000.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [An introduction to the grammar semantics: Grammar meanings and grammar systems of the languages of the world]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2011.
- Plungian 2012 — V. A. Plungian. *Predislovie* [Preface]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. Vol. VIII. Pt. 2. P. 9–42.

**1. Русская
видо-временная система
в свете сравнительных
и типологических исследований**

**ДИСКУССИЯ О РУССКОМ ВИДЕ
КАК ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНОГО
VS КЛАССИФИЦИРУЮЩЕГО
VS СМЕШАННОГО ТИПА
И ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ
ПЕРФЕКТИВНЫХ СПОСОБОВ ДЕЙСТВИЯ**

Е. В. Горбова

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
elena-gorbova@yandex.ru, egorbova@herzen.spb.ru

Аннотация. В статье обсуждаются возможности имперфективации перфективных способов действия (СД) русского глагола на фоне множественности трактовок вида в рамках типологии грамматических категорий, учитывающей статус (лексема или словоформа) противопоставленных носителей грамматических значений. Взятый из литературы перечень морфемно характеризованных перфективных СД обсуждается со стороны возможности их имперфективации, а имперфективных — со стороны их соотносительности с перфективными при условии наличия того же префикса. Тестируется несколько гипотез: о видовой соотносительности однокоренных глаголов делимитативного и прерывисто-смягчительного СД, префигированных *но-* (*посидеть* — *посиживать*); о видовой соотносительности аттенуативного и прерывисто-смягчительного СД с *под-* и *при-* (*подзабыть* — *подзабывать*, *призадуматься* — *призадумываться*); о более широкой, чем принято считать, имперфективируемости пердуративного СД с префиксом *про-* (не только трех глаголов ‘положения в пространстве’ — *просидеть*, *пролежать*, *простоять*); об исключительном по отношению к имперфективации положении семельфактивов среди прочих перфективов как единственного способа действия, имеющего суффиксальный показатель (*-ну-*, *-ану-*) и не способного к суффиксальной имперфективации. Анализ языкового материала, полученного из НКРЯ и русскоязычного интернета, позволяет уточнить требования к перфективам, членам

морфемно характеризованных способов действия, поступающим на вход имперфективации и тем самым как дополнительно аргументировать словоизменительную трактовку вида, так и поставить под сомнение необходимость «смешанной» трактовки русского вида как непоследовательно коррелятивной категории.

Ключевые слова: русский глагол, русский вид, грамматическая категория, типология грамматических категорий, дискуссия, перфективные способы действия, пердуратив, делимитатив, семельфактив, имперфективация.

Russian verb aspect as inflectional vs. classifying vs. mixed type grammatical category and the imperfectivation of perfective Aktionsarten

E. V. Gorbova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
elena-gorbova@yandex.ru; egorbova@herzen.spb.ru

Abstract. The article discusses possibilities for perfective Aktionsarten (modes of action) imperfectivation against a background of numerous approaches to Russian aspect description proposed by grammatical category typologies that differ in viewing aspect as a classifying vs. inflectional vs. mixed type category, and aspectual counterparts with the same lexical meaning as separate lexemes vs. inflectional forms of the same lexeme. A list of morphemically characterized perfective Aktionsarten gleaned from the literature is discussed with respect to the possibility of their imperfectivation, and a list of imperfective Aktionsarten, with respect to their correlation with perfective Aktionsarten marked with the same prefixes. Several hypotheses are tested, including: on the aspectual correlation of same-root delimitatives and intermittent-attenuatives with the prefix *po-* (*posidet*^{PFV} — *posizhivat*^{IPFV}); on the aspectual correlation of attenuatives and intermittent-attenuatives with the prefixes *pod-* and *pri-* (*podzabyt*^{PFV} — *podzabyvat*^{IPFV}, *prizadumatsya*^{PFV} — *prizadumyvatsya*^{IPFV}); on a broader, than previously thought, imperfectivability of perduratives with the prefix *pro-* (which is not only restricted to the three position verbs — *prosidet*, *prolezhat*, *prostoyat*); and on the exceptional position of semelfactives in relation to imperfectivation among other perfectives as the only Aktionsart that has a suffix marker (*-nu-*, *-anu-*)

and is therefore incapable of suffixal imperfectivation. My analysis of the material obtained from the Russian National Corpus and Runet makes it possible to specify the criteria a perfective verb that belongs to morpheme-characterized Aktionsart must meet to make imperfectivation possible. The paper thus provides additional arguments for the inflectional interpretation of the verbal aspect in Russian, as well as against a need for a “mixed” interpretation of the Russian aspect as an inconsistently correlative category.

Keywords: Russian verb, Russian verb aspect, grammatical category, typology of grammatical categories, discussion, perfective Aktionsarten, perdurative, delimitative, semelfactive, imperfectivation.

1. Введение. Постановка задачи исследования

В [Бондарко, Буланин 1967] — книге, 50-летний юбилей которой был отмечен международной научной конференцией (ИЛИ РАН, 15–17.11.2017), при обсуждении места категории русского вида в типологии ГК приводятся две точки зрения: авторская, в соответствии с которой «вид... следует признать ГК смешанного типа — отчасти словоизменительного, отчасти классификационного» [Бондарко, Буланин 1967: 48]¹, и точка зрения Ю. С. Маслова, считавшего

---

¹ Авторство цитируемого раздела принадлежит А. В. Бондарко. В более поздней публикации этого автора, монографии [Бондарко 1976], терминология (и трактовка) несколько меняется: русский вид характеризуется как «непоследовательно коррелятивная морфологическая категория», близость этих двух характеристик фиксируется [Там же: 90]. Коррелятивность при этом понимается как «соотносительность форм одного и того же слова» [Там же: 84]. Вывод А. В. Бондарко: при предложенной трактовке вида как впоследствии коррелятивной морфологической категории «[г]лагольный вид (...) получает самостоятельное место в классификации морфологических категорий, приобретая специфическую качественную характеристику, не сводимую к простой сумме свойств категорий, представленных формами одного слова, с одной стороны, и формами разных слов — с другой, не сводимую к чему-то среднему между теми и другими категориями» [Там же: 99]. Имея в виду эти разъяснения, а также критику автором монографии 1976 года подхода к русскому виду как к словоклассифицирующей категории П. С. Кузнецова и авторов [Грамматика-70], см. [Там же: 89–93], для нас очевидно, что модель русского вида А. В. Бондарко вряд ли может быть однозначно и последовательно охарактеризована как «морфологическая деривационная категория», что следует из [Петрухина 2014: 254], где монография [Бондарко 1976] упоминается

русский вид категорией словоизменительной, характеризуемой дефектностью парадигмы на отдельных участках системы [Там же].

Несмотря на то, что с момента выхода в свет упомянутой монографии прошло полвека, дискуссия так и не была закрыта, тем более, что РГ-80 [Шведова (гл. ред.) 2005] однозначно охарактеризовала русский вид как категорию несловоизменительную, то есть (слово)классифицирующую [Там же: 584] (в рамках бинарного противопоставления: словоизменительная vs. словоклассифицирующая ГК). Таким образом, налицо три различных трактовки категории вида русского глагола в рамках классификации ГК: две полярные (словоизменительная vs. словоклассифицирующая) и промежуточная, стремящаяся примирить эти два полюса и трактующая русский вид как ГК смешанного типа.

Немаловажно, что в недавнем перечне «болевых точек» русской аспектологии, сформулированных в [Храковский 2015], характеристика вида как (слово)классифицирующей vs. словоизменительной ГК имеет подчеркнутый статус. Обсуждению этого вопроса, а также регулярности механизма суффиксальной имперфективации, посвящена статья [Горбова 2017], ответом на которую, с приведением контраргументов в пользу словоклассифицирующей трактовки русского вида, явилась публикация [Храковский 2018].

Возвращаясь к дискуссии о статусе русского вида, отметим, впрочем, что не так давно был предложен еще один теоретический подход к указанному противопоставлению ГК. Он сформулирован британским лингвистом Эндрю Спенсером [Spencer 2013] в рамках модели морфологии, основанной на понятии парадигмы (Paradigm-based Model). В рамках предлагаемого Э. Спенсером решения словоизменение и словообразование² представлены как два полюса в рамках единого континуума «лексического родства» (lexical relatedness) между двумя однокоренными словоформами: «inflection and derivation are just end points on a single scale of lexical relatedness» [Ibid: 173].

как первоисточник и обоснование трактовки русского вида как (морфологической) деривационной категории. Близкая к последней модель русского вида Ф. Лемана (наиболее полно изложенная в созданном на ее основе словаре [ВАРГОС 2011]) в силу ограничений объема публикации здесь не рассматривается, см. ее анализ в [Горбова (в печати)].

² Т. е. деривация; последняя, как известно, служит базой словоклассифицирующей ГК при единстве корня у ряда словоформ.

Однако если мы обратимся к четырем параметрам, введенным Э. Спенсером и служащим для анализа «типологического пространства лексического родства», то увидим, что один из них, а именно «лексемный индекс» (LI), у всех классов словоизменительной зоны данного пространства неизменно имеет показатель «-» (признак без изменения), а у всех деривационных классов — столь же неизменно — «+» (признак изменен).

Другими словами, можно констатировать, что по крайней мере по этому параметру (принадлежность однокоренных словоформ к одной и той же лексеме vs. к двум различным лексемам) четкость деления на два различных типа сохраняется.

Если же обратиться к оставшимся трем параметрам (FORM, SYN, SEM — формы, синтактика / категориальность, семантика соответственно), то легко увидеть, что при варьировании параметра «форма» два последних в совокупности так же, как и параметр лексемного индекса, дают одинаковые комбинации в обеих (словоизменительной и деривационной) зонах «типологического пространства» [Ibid: 7]. При этом упомянутое пространство разделено на две части: верхнюю, которая обозначена как «та же лексема» (начинается от полюса «словоизменение», характеризуется одинаковым набором значений по избранным параметрам), и нижнюю, обозначенную как «новая лексема» (занимает пространство от полюса «деривация» и до границы подзоны «та же лексема»; характеризуется собственным набором значений, одинаковым в рамках подзоны, но специфичным по отношению к подзоне «та же лексема»).

Таким образом, можно сделать вывод, что даже при градусном рассмотрении отношений между двумя однокоренными словоформами в рамках единого пространства с полюсами словоизменения и словообразования необходимость в определении и дифференциации обоих экстремальных феноменов и соответствующих понятий остается. Следовательно, не теряет своей актуальности ни квалификация грамматических категорий в рамках классификации словоизменительная vs. словоклассифицирующая (при условии наличия единого корня у словоформ — результата словообразования), ни желательность охарактеризовать в рамках данной классификации вид русского глагола.

В дальнейшем в рамках данной работы понятия словоизменения и словообразования (как основ для словоизменительной и словоклассифицирующей ГК соответственно) будут рассматриваться

как четко противопоставленные. Разграничительной линией между ними, вслед за, в частности, [Плунгян 2011б: 8–17], будет служить обязательность (облигаторность) употребления данной словоформы (с ее специфическим значением) при построении высказывания носителем соответствующего языка.

При этом понятие ГК смешанного типа (в [Бондарко 1976] — непоследовательно коррелятивной морфологической категории; о близости этих двух характеристик см. в [Там же: 90]) мы считаем избыточным, далее оно не используется. При подведении итогов мы вернемся к этой трактовке ГК вида в русском языке и покажем, как можно описать имеющийся эмпирический материал, не прибегая к понятию смешанной (непоследовательно коррелятивной) ГК, созданного, как будто бы, специально для характеристики русского глагольного вида³.

Обратимся к дискуссии о характеристике русского вида в терминах словоизменяемая vs словоклассифицирующая ГК. Напомним, что в [Храковский 2015] было сформулировано пожелание, адресованное сторонникам словоизменяемой трактовки русского вида: предложить правило (не)образования вторичного имперфектива от префигированного перфектива. Это правило призвано описать «мотивацию существующих запретов» [Там же: 328] для глаголов СВ, не принимающих суффиксальную имперфективацию.

Поскольку автор этих строк имеет все основания принять это пожелание на свой счет, основной целью данной статьи и будет решение (приближение к решению) поставленной В. С. Храковским задачи. Для этого мы обсудим десять обозначенных как перфективные СД русского глагола в трактовке А. А. Зализняк и А. Д. Шмелева [Зализняк и др. 2015: 110–135] с точки зрения применимости к ним суффиксальной имперфективации, верифицируемой с помощью НКРЯ и/или поисковых систем Яндекс и Google, позволяющих осуществлять поиск в русскоязычном интернете. Особое внимание при этом будет уделено имперфективации пердуративного

---

³ В [Бондарко 1976: 84–99] в качестве примера категории описываемого типа приводится еще и категория залога русского глагола, а также упоминаются субстантивное число и компаратив прилагательных и наречий, однако подробно вводимый тип морфологической категории разбирается и обосновывается именно на примере вида.

СД (пердуративов типа *проработать*, *просидеть* <все утро>) и чрезмерно-интенсивного СД⁴ (с циркумфиксом *у-...-ся* типа *убежаться*, *уработаться*), поскольку для иллюстрации положения дел в этой области мы можем воспользоваться результатами проведенного в [Горбова 2019] исследования *про-* и *у-*глаголов, начало которому (на материале *про-*глаголов) было положено в [Храковский 2018].

Наконец, прежде чем непосредственно приступить к последовательному обсуждению возможностей имперфективации перфективных СД русского глагола, сделаем еще одну важную оговорку. Предлагаемый анализ проводится с учетом теории множественной префиксации и запрета на третичную имперфективацию, сформулированных С. Г. Татевосовым [Татевосов 2013а]. В частности, именно последним объясняется (не)возможность имперфективации обладающих одинаковым инхоативным префиксом *за-* глаголов типа *запеть* (→ *запевать*) и *запереживать* (→*запереживать). Во втором (но не в первом) случае селективно-ограниченный инхоативный префикс *за-* входит в имперфективную глагольную основу уже после введенного в нее на предшествующем этапе деривации имперфективирующего суффикса *-ва-* ([*за[пере[жи]]^{IPFV}ва*]^{IPFV}]^{PFV}*-ть*), вследствие чего еще одна имперфективация становится невозможной, поскольку возникают именно те условия, в которых реализуется запрет на третичную имперфективацию.

Далее изложение будет построено следующим образом. Раздел 2 формулирует исходные позиции для анализа имперфективности различных СД. В подразделах 2.1 и 2.2 приводятся перечни перфективных и имперфективных СД русского глагола по [Зализняк, Шмелев 2000: 104–127; Зализняк и др. 2015: 112–135], затем в 2.3 обобщаются наблюдения над представленными перечнями в виде ряда вопросов и ставятся задачи исследования; наконец, в 2.4 формулируется гипотеза. Последующие разделы (с 3 по 8) будут посвящены анализу способности к имперфективации отдельных перфективных СД. В заключительном разделе 9 подводятся итоги проведенного исследования.

⁴ По номенклатуре М. А. Шелякина, см. [Шелякин 2006]; в Бондарко, Буланин 1967: 18–19] эти глаголы являются «оттенком» интенсивного СД, в [Зализняк, Шмелев 2000; Зализняк и др. 2015] они входят в группу эволютивных СД, являющихся, в свою очередь, подтипом интенсивно-результативных.

2. СД русского глагола в их отношении к (им)перфективности

2.1. Перфективные СД

Перечень перфективных СД, а также комментарии относительно их имперфективируемости, даются в соответствии с [Зализняк, Шмелев 2000: 104–127; Зализняк и др. 2015: 112–135].

1. Начинательные СД: инхоативный (*за-*: *засвистеть*, *завонить*); несобственно-инхоативные глаголы (*за-*: *закипеть*, *запеть*; в отличие от первой подгруппы образуют НСВ₂⁵); ингрессивный (*по-*: *побежать*, *почувствовать*, а также: *о-/об-*: *опечалиться*, *образоваться*; *вз-/вс-*: *взвыть*, *вскричать*; *вз-/вс-...-ся*: *взмолиться*, *всполошиться*). То есть (собственно) инхоативные глаголы с префиксом *за-* не имперфективируются, но таким же (по форме) показателем обладают и несобственно-инхоативные глаголы, которые имперфективацию допускают. Комментарии по поводу (не)имперфективируемости подгруппы ингрессивных глаголов в [Зализняк и др. 2015: 112–117] отсутствуют.

2. Делимитативный (по [Бондарко, Буланин 1967: 16] — ограничительный) СД (*по-*: *погулять*) — «[д]елимитативные глаголы никогда не подвергаются вторичной имперфективации» [Там же: 118].

3. Пердуративный (по [Бондарко, Буланин 1967: 16] — длительно-ограничительный) СД (*про-*: *проговорить* <два часа по телефону>) — «глаголы пердуративного способа действия *просидеть*, *пролежать*, *простоять* подвергаются вторичной имперфективации [...] От прочих глаголов пердуративного способа действия образование вторичного имперфектива затруднено» [Там же: 119].

4. Финитивный СД (*от-*: *отцвести*) — «в принципе допускают имперфективацию, ср. *отрабатывать*, *отсидживать*, *отдежуривать* и др. Наиболее свободно подвергаются имперфективации те глаголы, которые уже прочно вошли в языковой узус» [Зализняк и др. 2015: 120].

5. Кумулятивный СД (накопительный; *на-*: *накупить*) — «глаголы данного класса поддаются имперфективации, ср. *накупать*,

---

⁵ Используемые здесь и далее обозначения НСВ₂ для вторичного имперфектива (и НСВ₁ — для первичного), а также понятие биимперфективной тройки, были введены в работе [Зализняк, Микаэлян 2010].

напиливать, натаскивать, наваривать, наезжать <по тысяче километров в год> и т. д. В ряде случаев именно вторичная имперфективация выявляет значение кумулятивности у глагола с приставкой *на-*» [Там же: 122].

6. Сатуративный СД (*на-...-ся: наестся*) — «глаголы сатуративного способа действия могут подвергаться имперфективации, ср. *наеда́ться, напива́ться, напаса́ться, нахватыва́ться* <разных сведений> и т. д.» [Там же: 123].

7. Интенсивно-результативные СД: достига́тельный (*до-...-ся: догуля́ться* <до>), чрезмерно-длительный (*за-...-ся: зачита́ться*), группа глаголов эволютивного СД: с показателями *раз-...-ся* (*разговори́ться*), *из-...-ся* (*изголода́ться, измучи́ться*), *у-...-ся* (*ума́яться, убега́ться*), *вы-...-ся* (*выспа́ться, вылежа́ться*) — «[Г]лаголы интенсивно-результативных способов действия, как правило, допускают вторичную имперфективацию, ср. *дозванива́ться, дожидат́ся, докурива́ться; заговари́ваться, засижива́ться; расхварыва́ться; упрыгива́ться* и т. п.» [Там же: 125].

8. Семельфактивный СД (однократный, одноактный) (*-ну-, -ану-: крикну́ть, мазану́ть*); а также «примыкающие» [Там же: 127] к ним глаголы с показателями: *с-* (*сглу́пить*), *у-* (*ужали́ть*), а также комбинации *-ну-* и *с-*, *при-*, *вз-* (*сосну́ть, сболтну́ть, припугну́ть, встре́пену́ться*); комментарии по поводу (не)возможности имперфективации отсутствуют.

9. Атенуативный СД (=смягчительный) (*по-*: *пора́змышля́ть; под-*: *подзабы́ть; при-*: *приле́чь*; при этом *по-* и *под-* обязательно являются второй приставкой в словоформе) — о (не)возможности имперфективации не говорится, однако простой интроспективный эксперимент с данными образцами глаголов показывает, что вторичная имперфективация возможна: ^{OK} *подзабы́вать*, ^{OK} *призаду́мыва́ться*, ^{OK} *приостанавли́вать*, ^{OK} *припуска́ть* <флаги>, ^{OK} *приоткрыва́ть* <двери>.

10. Дистрибутивный СД (распределительный) (*пере-, по-*: *переби́ть, повывбрасыва́ть*) — о (не)возможности имперфективации в [Зализняк и др. 2015] не говорится, однако этот вопрос обсуждается в [Татевосов 2013б]: дистрибутивный *пере-* трактуется как внешний селективно-ограниченный префикс (СО-префикс), соответственно, он присоединяется исключительно к имперфективной основе: *би́ть* <посуду> → *пере-би́ть* <всю посуду>. В том случае, если это была первичная имперфективная основа-симплекс,

возможен следующий шаг деривации — вторичная имперфективация: → *пере-би-ва-ть* <всю посуду>.

Итак, обобщая сведения по десяти перфективным СД из [Зализняк, Шмелев 2000: 104–127; Зализняк и др. 2015: 112–135], можно отметить, что:

- относительно пяти из них имеются указания на вторичную имперфективируемость (для пердуративного СД — только для трех глаголов),
- в трех случаях (аттенуативный, дистрибутивный и семельфактивный СД) отсутствует информация о (не)возможности имперфективации,
- в одном случае (начинательные СД) — проводится различие между (собственно) инхоативными и несобственно-инхоативными глаголами с *за-* именно по признаку (не)возможности имперфективации,
- еще в одном случае (делимитативный СД) — имеется специальное указание о неимперфективируемости.

2.2. Имперфективные СД

В общем перечне СД имеется четыре имперфективных (их список также составлен по общему перечню способов действия, представленному в [Зализняк, Шмелев 2000: 104–127; Зализняк и др. 2015: 112–135]). Для нас они представляют интерес исключительно как возможные пары для перфективов с теми же префиксами (при наличии).

1. Многократный СД (итеративный, фреквентативный; *-ыва-/-ива-, -ва-, -á-*: *сиживать, знать, есть*); суффиксы, являющиеся показателями имперфективации, присоединяются к имперфективной же основе-симплексу, или НСВ₁.

2. Прерывисто-смягчительный СД (*по-...-ыва- / -ива-*: *покашливать*; *под-...-ыва- / -ива-*: *подворовывать*; *при-...-ыва- / -ива-*: *прихрамывать*) — «являются одновидовыми, т. е. не образуют видовых пар с глаголами делимитативного СД с приставкой *по-*» [Зализняк и др. 2015: 130].

3. Взаимно-многократный СД (*пере-...-ыва- / -ива-...ся*: *переговариваться*); относительно него дан комментарий: «[с]ледует отличать глаголы этого способа действия от вторичных имперфективов, образованных от глаголов сов. вида с формантом *пере-...-ся*, обозначающих однократное взаимное действие;

ср. *перегляднуться* — *переглядываться*, *перекинуться* — *перекидываться* <мячом, парой слов, в картишки>, *переброситься* — *перебрасываться* <несколькими словами>, *перенюхаться* — *перенюхиваться* (о собаках)» [Там же: 132]; приведенная рекомендация естественным образом побуждает самым внимательным образом проанализировать аргументы за и против парности двух указанных форм.

4. Комитативный СД (=сопроводительный; *при-...-ыва- / -ива- / -ва-*: *приплясывать*, *припевать*, *под-...-ыва- / -ива- / -ва-*: *подпевать*); по поводу данного СД приводится аналогичный комментарий, который порождает аналогичную же реакцию: «[с]ледует отличать глаголы этого СД от вторичных имперфективов, образованных от глаголов сов. вида с приставками *при-* и *под-* в соответствующих значениях, ср. *причмокнуть* — *причмокивать*» [Там же: 134].

Отметим, что в обоих случаях (по поводу взаимно-многократного и комитативного СД) инструментов (или рекомендаций), позволяющих последовать призыву «отличать» два формально сходных (если не идентичных) явления, не предлагается.

2.3 Вытекающие из перечней СД вопросы и частные задачи исследования

Обращение к перечню СД (с особым вниманием к отношению каждого из перфективных СД к суффиксальной имперфективации и к каждому из имперфективных СД как к потенциальной паре для перфектива с тем же префиксом или набором префиксов) позволяет сформулировать следующие вопросы.

- i. Верно ли, что инхоативные глаголы с *за-* делятся на «собственно-инхоативные» и «несобственно-инхоативные» по признаку +/- имперфективация и что первые не могут имперфективироваться?
- ii. Верно ли, что однокоренные глаголы делимитативного и прерывисто-смягчительного СД, префигированные *по-* (*посидеть* — *посиживать*), не являются видовой парой, то есть что вторая форма не будет закономерным результатом вторичной имперфективации, и/или что делимитатив не имперфективируется?
- iii. То же — относительно аттенуативного и прерывисто-смягчительного СД с *под-* и *при-* (*подзабыть* — *подзабывать*, *призадуматься* — *призадумываться*, *прилечь* — *прилегать*).

- iv. Верно ли, что пердуративный СД с префиксом *про-* имперфективируется только на узком участке из трех глаголов ‘положения в пространстве’ (*просидеть, пролежать, простоять*)?
- v. Верно ли, что семельфактивы с *-ну-* / *-ану-* не допускают суффиксальной имперфективации «поверх» семельфактивного суффикса?

2.4. Гипотеза

Понятно, что чем больше отрицательных ответов мы получим на поставленные в предыдущем разделе вопросы, тем более регулярной в смысле «имеющей меньше ограничения на входе» окажется имперфективация как механизм видообразования.

Гипотеза сводится к следующему: из пяти поставленных выше вопросов положительный ответ следует ожидать только в последнем случае, то есть:

- (1) Имперфективироваться путем введения в основу суффикса *-(ы/и)ва-* не могут исключительно семельфактивы, имеющие собственные суффиксальные показатели *-ну-/ -ану-*.

Верификация данной гипотезы будет осуществляться через обращение к НКРЯ. При анализе пердуративов и глаголов с формантом *у-...-ся* использовались также поисковые системы Яндекс и Google.

3. (Не)собственно-инхоативные глаголы и имперфективация

Напомним, что по [Зализняк, Шмелев 2000; Анна Зализняк и др. 2015] инхоативы с префиксом *за-* делятся на (собственно) инхоативы и несобственно инхоативы. Первые не имперфективируются, для вторых же имперфективация доступна⁶. Под данное различие

---

⁶ В связи с поставленными в этом исследовании задачами и заданными рамками объема публикации вводится следующее ограничение: здесь обсуждается исключительно трактовка русских начинательных глаголов, предложенная в двух указанных монографиях, вместе с введенным там разделением на (не)собственно инхоативы. Обзор других наличествующих в литературе трактовок и классификаций русских префигированных глаголов, включающих в свою семантику идею начала, а также анализ их способности к имперфективации оставлены за пределами данной работы в качестве задачи для будущих исследований.

подводится семантическое обоснование: «все соответствующе [несобственно-инхоативные. — Е.Г.] глаголы несов. вида имеют нетривиальное значение — преимущественно значение процесса прохождения начальной фазы (отличной от срединной). Так, *закуривать* значит зажигать сигарету и делать первую затяжку, словом *зацветать* обозначают период, когда на дереве начинают распускаться цветы; *заболевать* обозначает состояние, непосредственно предшествующее состоянию ‘быть больным’ и т. д. Именно существование начальной (подготовительной) фазы и отличает эти глаголы от собственно-инхоативных» [Там же: 114–115].

По-видимому, логика, лежащая в основе указанного разбиения инхоативов⁷, такова: если есть возможность реализации актуально-длительного значения НСВ, то образуется и НСВ₂.

Однако, как известно, вторичные имперфективы, кроме актуально-длительного, способны также выражать тривиальное для НСВ итеративное значение, причем делают это значительно более регулярно. Именно по этой причине можно предположить, что инхоативы, в случае применения к ним вторичной имперфективации, могли бы выражать итеративность.

Выдачи НКРЯ дают нам примеры такой реализации, см. ниже примеры (2)–(4) с имперфективными формами *заванивать*, *захаживать*⁸, которые иллюстрируют возможность имперфективации собственно-инхоативных по [Зализняк и др. 2015] глаголов.

- (2) *На местах же никакого леченья не было, лекарств не было — больные или выживали, или заванивали трупом.* [Олег Павлов. Казенная сказка (1993)]
- (3) *Хотя с ведома моего на горизонте графа Льва Николаевича Толстого уже захаживали matrimониальные облачка, тем не менее я был обрадован и поражен письмом от 9 октября...* [А. А. Фет. Мои воспоминания. Часть I (1862–1889)]

⁷ Отметим, что подобное семантическое обоснование, как и само разделение начинательного способа действия на ингрессивы (с *по-*) и инхоативы (с *за-*), а последних — на (собственно) инхоативы и несобственно инхоативы, отсутствует, например, в [Бондарко, Буланин 1967: 14–15; Шелякин 2008: 151–152].

⁸ При работе с НКРЯ проводилось различение имперфективированных инхоативов и омонимичных им НСВ₂ от комплетивных глаголов: *заигрывать* от *заиграть* и *заигрывать* <до одури, до смерти>, *заплясывать* от *заплясать* и *заплясывать* <кого-то до одури>.

- (4) *Как-то пригнал Алешка лошадей в степь. Долго бочился, **захаживал** вокруг норовистой и брыкучей кобыленки, хотел репы выбрать из гривы и счистить с кожи присохишую коросту.* [М. А. Шолохов. Алешкино сердце (1925)]

Сравним с несобственно-инхоативным глаголом *запеть*, у которого имеется конвенциональная форма НСВ *запевать*⁹. Форма НСВ₂ для *запеть* в НКРЯ обнаруживается, в том числе и при обозначении единичной ситуации, как в (5) и (6) (в (5) — в актуально-длительном значении), и в итеративном значении, как в (7).

- (5) *Кудряш (свищет и громко **запевает**). Всё домой, всё домой...* [А. Н. Островский. Гроза (1860)]
- (6) — *Песню **запевай!** Я всегда ненавидел петь хором, но в этот раз все было совсем иначе, песня просто сама рвалась из груди...* [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)]
- (7) *А одноглазый Илко, ехидный старикашка, без долгих предисловий **запевает**, чуть пропустит стаканчик.* [Вероника Хлебникова. Смотреть! // «Однако», 2009]

С другой стороны, следует признать, что при попытке обнаружить в НКРЯ НСВ₂ от целого ряда инхоативов был получен ответ «по этому запросу ничего не найдено» (поиск производился последовательно по всем подкорпусам НКРЯ). Отрицательные результаты в НКРЯ были получены на запросы: *загруцивать* (гипотетический имперфектив от *загрустить*), *запестревать*, *загарживаться* (от *загордиться*), *заташничать*, *заволновываться*, *засверкивать*, *забегивать*.

В то же время для глаголов с другими префиксами, также включенными в «начинательный СД» (см. выше), в НКРЯ были найдены следующие формы НСВ₂:

---

⁹ Кстати, памятуя о том, что было предложено семантическое обоснование разделению на собственно- и несобственно-инхоативные глаголы по признаку + / — «нетривиальное значение» в прохождении начальной фазы, вполне разумным видится вопрос: имеется ли этот семантический компонент у глагола *запеть*, охарактеризованного как несобственно-инхоативный? По меньшей мере, он далеко не так очевиден, как в случае с *заболеть* — *заболевать*.

✓ форма *опечаливаться*:

- (8) *Сергей улыбнулся, добро и соглашиво, и как бы шагнул с помощью этой улыбки из зоны серьезного в зону улыбчивую, где не спорят, не присматриваются, не **опечаливаются**.* [Лазарь Карелин. Подснежник (1976)];

✓ форма *вздумывать*:

- (9) *Бабы если **вздумывали** что заметить друг другу, то делали это шепотом.* [С. Т. Семенов. Сюрприз (1903)]
- (10) *Если вы еще не нашли то что искали, желаю, чтобы это свалилось вам на голову, и не **вздумывайте** откидывать это в сторону, ведь если это упало именно вам на голову значит, так должно было случиться — судьба:)* [Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004)]

Возвращаясь к начинательным *за*-глаголам, можно сформулировать промежуточный вывод: необходимость делить инхоативные глаголы с *за*- на (не)собственно-инхоативные видится спорной, особенно базируясь на предложенном в [Зализняк, Шмелев 2000; Зализняк и др. 2015] семантическом обосновании данного деления.

Однако вопрос о том, существует ли некое абсолютно действующее ограничение на имперфективацию инхоативов, несомненно, имеет смысл. И ответ на него, по-видимому, положительный. Ограничение есть, однако оно не семантическое (и поэтому выходит за пределы глаголов с семантикой начинательности), а морфосинтаксическое.

По [Гатевосов 2013a] начинательный *за*- является одним из селективно-ограниченных префиксов (СО-префиксов), следовательно, доступность имперфективации ставится в зависимость от наличия или отсутствия суффикса имперфективации, вошедшего в основу на предшествующем этапе деривации. Имперфективация исключена в том случае, если в основе уже имеется суффикс имперфективации, то есть невозможна, например, от *за-пере-жи-ва-ть* → **за-пере-жи-вы-ва-ть* ([за[пере[жи]^{IPFV}]^{PFV}ива]^{IPFV}]^{PFV}-ть), однако вполне доступна в случаях типа *запеть* (→ *запевать*).

При этом при условии отсутствия в основе суффикса имперфективации, введенного на предыдущем этапе деривации, представляется верной следующая тенденция: «Наиболее свободно

подвергаются имперфективации те глаголы, которые уже прочно вошли в языковой узус» [Зализняк и др. 2015: 120]. Наблюдение это сделано авторами цитируемой работы по поводу финитивных глаголов, однако, по всей видимости, оно носит гораздо более общий характер.

4. Делимитатив и имперфективация

Напомним, что делимитативу обычно отказывают в имперфективации, ср.: «[в]се делимитативные глаголы являются одно-видовыми» [Шелякин 2008: 154]; [д]елимитативные глаголы никогда не подвергаются вторичной имперфективации; глаголы типа *покашливать*, *покуривать*, *погуливать*, которые можно принять за вторичные имперфективы к *покашлять*, *покурить*, *погулять*, таковыми не являются: они представляют собой другой способ действия, а именно — прерывисто-смягчительный, формальным показателем которого является комбинация приставки *по-* с суффиксом *-ыва-* [Зализняк и др. 2015: 118–119].

Проанализируем взаимоотношение форм типа *покашлять* и *покашливать*, поставленных в соответствие друг другу в приведенном утверждении. Понятно, что со стороны формы, плана выражения, пары типа *переписать* — *переписывать* (бесспорная видовая пара) и *покашлять* — *покашливать* не различаются. Таким образом, вполне очевидно, что утверждение о видовой несоотнесенности форм типа *покашлять* и *покашливать* базируется на учете плана содержания. Следовательно, требуется обращение к семантике упомянутых СД — делимитативного и прерывисто-смягчительного.

Семантика делимитативов эксплицируется авторами анализируемого утверждения следующим образом: «[г]лаголы этого класса описывают некоторую «порцию» действия, оцениваемую как небольшую и ограниченную временем, в течение которого оно производилось»; «делимитативный способ действия свободно образуется от любых глаголов со значением неопределенного процесса [...], ср. *побегать*, *повеселиться*, *повоевать*, *побеседовать*, *погрустить*, *подвигаться* [...] и мн. др.»; «может быть образован также и от предельных глаголов, но значение предельности при этом утрачивается, ср. *полчаса почитать* <газету>»; «относясь к сов. виду, глаголы делимитативного способа действия сохраняют некоторые свойства

производящего глагола несов. вида, обозначающего процесс» [Зализняк и др. 2015: 118].

Таким образом, семантика делимитатива разлагается на компоненты: ‘лимитатив’ (ограниченность «порцией») и ‘аттенуатив’ («оцениваемой как небольшая»). Также следует учесть важную в семантическом и сочетаемом планах деривационную историю делимитатива: происхождение от глаголов, обозначающих непредельный (реже — предельный) процесс.

Прерывисто-смягчительный СД охарактеризован следующим образом: [г]лаголы этого класса образуются от глаголов, обозначающих непредельные процессы и (реже) состояния, и значат ‘делать что-то время от времени и понемногу’: *покуривать, попивать, погуливать, покашливать, побаливать, похварывать, постукивать, покалывать* <в боку>, *похаживать, пощипывать* <травку>, *пописывать* <стишки>... и т. п. [Там же: 130].

То есть семантика глаголов прерывисто-смягчительного СД может быть представлена как сумма компонентов: ‘аттенуатив’ («понемногу») и ‘итератив’ («время от времени»). Здесь так же отмечено происхождение от непредельных процессов и (реже) состояний.

Сравнение представленной покомпонентно семантики обоих СД показывает, что и у того и у другого СД имеется общая часть — ‘аттенуатив’, но есть и различие: у делимитатива это значение ‘лимитатив’, а у прерывисто-смягчительного СД — ‘итератив’.

С учетом сведений о диахронии и семантике суффикса *-(ы/и)ва*¹⁰ можно утверждать, что значение итеративности — это не что иное, как семантический вклад данного суффикса (то есть именно то, что тривиально отличает НСВ₂, образуемого от префигированного СВ).

В этом месте нашего обсуждения возникает закономерный вопрос: можно ли считать, что (при гипотетической имперфективации делимитатива) значение ‘лимитатива’ исчезает, коль скоро оно не обнаруживается в семантике прерывисто-смягчительного СД?

Думается, что нет, поскольку, во-первых, именно лимитативное значение благоприятствует реализации в форме НСВ₂ итеративности, а во-вторых, оно вообще близко аттенуативности («делать что-то понемногу»). Ср. с анализом семантики делимитатива в [Федотов, Чуйкова 2013], где в качестве (непостоянных) компонентов (де)

¹⁰ См. подробное освещение данного вопроса в [Maslov 1959; Маслов 2004: 131–140], а также в более свежих публикациях [Шевелева 2010; 2013].

лимитативного значения выделяются такие оценочные компоненты, как брeвиативность (краткость), аттенуативность и пейоративность ('длительность ситуации / интенсивность ситуации / «добросовестность» участников ситуации меньше обычной') [Там же: 182–183].

Примечательны также следующие наблюдения тех же авторов над семантикой делимитатива и его деривационными связями: «[т]ак [...], оттенок аттенуативности в некоторых случаях проявляется достаточно отчетливо и не обязательно сопровождается явным оттенком брeвиативности (см. пример... *кой-чего подделать* — тихо, исподтишка, ненавязчиво). Отметим также, что именно через компонент аттенуативности можно связать делимитативную деривацию со «смягчительным» (*поостыть, попривыкнуть*) и «прерывисто-смягчительным» (*покашливать, позвякивать*) способами глагольного действия [...]

[Там же: 183 (сноска 56)].
Обратимся к языковому материалу и сравним три контекста с формой *покашливать*:

- (11) *Во дворе дедушка потюкивал топором да **покашливал***. [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968–1991)]
- (12) *Филатов вдруг стеснительно **покашливает** и обрывает поток информации, может быть вспомнив, что ему, физику и поэту, вроде бы не по чину знать так много подробностей о харьковском подпольном мире жуликов и фарцовщиков*. [Эдуард Лимонов. Молодой негодяй (1985)]
- (13) *⟨...⟩ говорит он, вертит шейей, **покашливает** и предупреждает шепотом* [Юрий Казаков. Трали-вали (1959)]

В (11) — типичная реализация «прерывисто-смягчительного» значения, в (12) — явно (а в (13) — скорей всего) единичная ситуация, то есть реализация даже не итеративного, а нарративного (равного здесь настоящему историческому и близкого актуально-длительному) значения НСВ₂ от *покашлять*.

При таком положении дел в качестве возможных видятся следующие решения:

- i. считать, что в (11) и (12) представлены омонимы: *покашливать* прерывисто-смягчительного СД и *покашливать* как НСВ₂ от *покашлять*; тогда оказывается, что запрета на имперфективацию (этого конкретного) делимитатива (по семантическим причинам) нет;

- ii. считать, что в (11) и (12) реализуется имперфективная форма от делимитатива *покашлять*, но в различных значениях — итеративном и значении единичной ситуации (в том числе и актуально-длительном); тем самым постулируется полисемия НСВ₂ (обычная для него) и устанавливается видовая парность между делимитативами и представителями «прерывисто-смягчительного» СД.

При любом из этих решений, принимаемых по отношению к паре *покашлять* и *покашливать*, формулируемый в литературе принципиальный запрет на имперфективацию делимитатива снимается. Предположительно этот вывод применим к аналогичным парам, конституируемым однокоренным делимитативом и глаголом прерывисто-смягчительного СД с префиксом *по-* (вопрос нуждается в дополнительном изучении¹¹). Из принципиальной имперфективности делимитатива не следует, однако, что любой русский делимитатив свободно подвергается суффиксальной имперфективации.

5. Аттенуатив и имперфективация

Похожим образом обстоит дело и с парами аттенуатив — прерывисто-смягчительный СД: *подвыпить* — *подвыпивать*, *призадуматься* — *призадумываться*, *поразмыслить* — *поразмысливать*.

Для глаголов с *по-*, *под-* и *при-* (*по-* и *под-*, как уже отмечалось в [Зализняк и др. 2015], всегда вторые приставки в словоформе) образуются пары из перфективного аттенуатива (смягчительного СД) и имперфективного прерывисто-смягчительного СД. Ср. (14) и (15), (16) и (17), (18) и (19):

- (14) *Но все **подвыпили**, болтали друг с другом, молодежи хотелось танцевать, и вообще у нас не привыкли к застольным*

¹¹ Показателен, однако, практически аналогичный вывод, к которому приходит автор недавнего исследования [Славкова 2017]: «Что касается русского языка, мы считаем, что нельзя исключить ... развития прагматических (оценочных) значений префикса *по-* ... у русских глаголов НСВ, образованных от делимитативов. Можно допустить, что в глаголах типа *полеживать* значение ограниченности во времени (*полежать*) сохраняется и итеративизируется ('лежать недолго неопределенное количество раз')» [Там же: 214] (автор приведенной цитаты ссылается также на работу [Пазельская, Татевосов 2008], в которой также предлагается анализ форм типа *покуривать* как имперфективации делимитатива, «результатом которой является итерация делимитативной ситуации» [Там же: 364]).

- речам, и я шепнул Ефиму...* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)]
- (15) *В Елабуге много народа провожает друзей, родных, получивших повестки и отправляющихся на фронт. Многие **подвыпивают** по сему случаю.* [Г. С. Эфрон. Дневники. (1941)]
- (16) — *Нам и самим стоит еще немного **поразмислить**.* [Ольга Онойко. Некромантисса (2014)]
- (17) *«Черт их знает, может быть, еще их дела и к лучшему как-нибудь обернутся: может, сын на шиншеевских деньгах женится, — **поразмисливал** всесторонний Полиевкт, — все может быть — чем черт не шутит!* [В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. (1867)]
- (18) *Гостья уже **подзабыла** колхозные председательские обычаи, но даже вспомнив, всё равно удивилась* [Борис Екимов. Пиночет (1999)]
- (19) *И всякий раз не мог не восхититься всей мерзостностью водочного вкуса, каждый раз **подзабывал**, думал, что, может, только в прошлые разы ему так казалось...* [Павел Мейлахс. Избранник (1996)]

Как можно видеть, и здесь прерывисто-смягчительный СД отличается от аттенуатива только наличием суффикса имперфективации и обычными для НСВ₂ значениями итеративности — в (15) и (19), либо, при единичности ситуации, актуальной длительности — в (17).

Аттенуативам приписывается значение ‘делать нечто слегка, не прилагая усилий, недолго’ [Зализняк и др. 2015: 127], а прерывисто-смягчительному СД — ‘делать что-то время от времени и понемногу’ [Там же: 130]. Явное различие этих значений сводится к итеративности, компоненты же ‘слегка, недолго’ и ‘понемногу’ — близки, если не идентичны.

6. Семельфактивы с *-ну-* и *-ану-* и имперфективация

Обращение к НКРЯ при попытке найти имперфективированный семельфактив, в котором суффикс *-(ы/и)ва-* входил бы в основу «поверх» суффикса *-ну-* и *-ану-*, неизменно дает один результат:

«по этому запросу ничего не найдено». В качестве гипотетических форм вводились следующие запросы: *дернывать* (от *дернуть*), *клюнывать* (от *клюнуть*), *двinyвать* (от *двинуть*), *грянывать* (от *грянуть*), *психанывать* (от *психануть*), *кашленывать* (от *кашлянуть*).

Единственное обнаруженное в НКРЯ исключение — форма *встрепенываться* (2 вхождения из 1 документа), см. (20).

(20) — *С разновысокими колесами? — встрепенывался Антон. — Нет, к этому времени, — уточнял дед, — колеса были уже одинакие.* [Александр Чудаков. Ложится мгла на старые ступени (1987–2000)]

Однако поскольку имеется также вхождение с формой *встрепетьваться* (см. (21)), то можно считать, что в имперфективной форме *-н-*, в отличие от «восстанавливаемого» *-т-*, закономерен, ср. *взгляд* → *взгля(д)нуть* → *взглядывать*¹² и *трепет* → *трепетать* → *встрепе(т)нуться* → *встрепенываться* или *встрепетьваться*. Согласный перед *-ыва-* необходим по фонотактическим причинам, чтобы избежать зияния, и появление здесь не исходного *-т-*, а сохранение *-н-* из производящей (на последнем шаге деривации) перфективной основы является техническим и не изменяет общей картины.

(21) *Ну, вы знаете: стоит этим закукленным тварям оказаться в подходящей среде, как они встрепетьваются и начинают жить полнокровной и радостной жизнью.* [Андрей Волос. Недвижимость (2000)]

Таким образом, общее правило может быть сформулировано следующим образом.

(22) Семельфактивы с носовыми суффиксами *-ну-* и *-ану-* не способны к имперфективации при помощи суффиксального показателя *-(ы/и)ва-* и, тем самым, вообще не имперфективируются¹³.

¹² Благодарю редактора за подсказанную аналогию.

¹³ Ср. с утверждением: «в русском языке именно семельфактивный суффикс *-ну-* оказывается наиболее тесно связан с видовой характеристикой лексемы: семельфактивные глаголы всегда совершенного вида, и никакие другие морфемы не способны «зачеркнуть» этот семантический эффект» [Плунгян 2011а: 302].

Соответственно, единственным доступным для семельфактивов имперфективом оказывается равный им по морфемной сложности (по одному суффиксу в обоих случаях) мультипликатив: *мах-а-ть* — *мах-ну-ть*, *рух-а-ть* — *рух-ну-ть*, *зырк-а-ть* — *зырк-ну-ть*.

7. Пердуративы (*про*-глаголы) и имперфективация¹⁴

Составленная по [МАС] выборка пердуративов насчитывает 333 (моносемичные) лексемы (23,77 % максимальной выборки от всех лексем *про*-глаголов), из которых 2 являются лексемами глаголов на *-и(зи)рывать*. Подчеркнем, что обращение к понятию моносемичной лексемы важно, поскольку весьма типична ситуация, когда пердуративное значение — лишь одна из лексем (полисемичной) вокабулы.

Приведем данные об имперфективированности пердуративных лексем: доля НСВ₂ от *про*-перфективов в рамках [МАС] — 3,30 % (11 из 333); то же в [МАС] + [НКРЯ] — 23,72 % (79 из 333); то же в [МАС] + Яндекс и Google — 54,35 % (181 из 333).

Мы видим, что обращение к НКРЯ и поисковым системам выявляет следующее: способность к образованию конвенционального, то есть зафиксированного в словаре (в нашем случае — в [МАС]), НСВ₂ присуща вовсе не трем глагольным лексемам, как указано в [Зализняк и др. 2015: 119], а одиннадцати. Это: *провести*, *прогулять*, *прожить* (2 лексемы), *пролежать* (2 лексемы), *проморозить*, *просидеть* (2 лексемы), *просудить*, *профильтровывать*. Кроме того, обнаруживается, что за пределами [МАС] уровень имперфективированности пердуративов существенно выше, чем в нем, см. (23) и (24).

(23) *Целые ночи он продумывал о жене Анне и своих ребятишках: что-то они там, как живут, как пребываются?..* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Золото (1892)]

(24) *Тогда только и разговоров у нас было о том мире — могли проговаривать часами...* (<https://www.litmir.me/br/?b=38419>)

---

¹⁴ Этот (и следующий) раздел представляет результаты исследования имперфективированности пердуративов, явившегося частью более широкого исследования — имперфективированности *про*- и *у*-глаголов [Горбова 2019]. Методика исследования предполагала составление сплошной выборки глаголов с данным префиксом по словарю [МАС] с последующим выяснением их имперфективированности в три этапа. Первый — по тому же словарю, второй — по НКРЯ, третий — в русскоязычном интернете путем обращения к поисковым системам Яндекс и/или Google.

Вместе с тем, становится очевидным факт затрудненности имперфективации пердуративов. Нельзя не признать, что в целом они имперфективируются значительно хуже, чем все *про*-глаголы. Результаты по максимальной выборке последних таковы: доля НСВ₂ от *про*-перфективов в [МАС] — 52,61 % (737 из 1401); то же в [МАС] + [НКРЯ] — 63,52 % (890 из 1401); то же в [МАС] + Яндекс и Google — 81,37 % (1140 из 1401) (по [Горбова 2019]).

Объяснение причин отмеченной для пердуративов затрудненности имперфективации должно, по-видимому, явиться целью отдельного исследования. До реализации этой работы с уверенностью можно утверждать только то, что эти трудности связаны отнюдь не с формой: типична ситуация, когда в рамках полисемичной вокабулы, включающей пердуратив, другие лексемы этой вокабулы имперфективируются без каких бы то ни было затруднений, ср. *проварить* — *проваривать* <мясо> и пердуратив *проварить* <нечто все утро>, НСВ₂ для которого в [МАС] отсутствует. На данный момент ограничимся предположением, что сопротивление имперфективации связано с актантной структурой пердуратива, причем особые трудности возникают у перфективных пердуративов с обязательной валентностью на прямое дополнение с семантической ролью Пациенса.

Проиллюстрируем это предположение текстовым фрагментом (25) с формой НСВ₂ *проваривать*.

(25) *Вкусное живое варенье готовится без сахара. Вместо него используется мед. Он сохраняет и увеличивает действие других компонентов. **Проваривать** часами и использовать технику — не нужно. Так сохраняется максимальная польза.* (https://rodovid.me/zelenaya_aptechka/kak-sdelat-vkusnoe-varene-i-naturalnye-lekarstva-bez-sahara.html)

В (25) из левого контекста у глагола *проваривать* восстанавливается Пациенс (варенье), что немедленно делает этот фрагмент далеко не идеальным для иллюстрации имперфективуемости *про*-перфектива *проварить*, поскольку становится возможной реализация другого значения префикса ‘распространенность действия во всей полноте на весь предмет’ [МАС]: «провари(ва)ть не что до определенного состояния, до готовности» И это происходит несмотря на присутствие адвербиала *часами*, который в силу присущей ему итеративности и семантической производности от типичного для пердуратива обстоятельственного выражения ‘X часов’

должен обеспечивать реализацию семантики итеративизированной пердуративности: *проварила час* → *проваривала часами*. Показательно, что при анализе (23) и (24), где Пациенс при глагольных предикатах отсутствует (в том числе, в исходной перфективной форме: *продумать целый час о жене, проговорить X часов о чем-либо*), легче согласиться с тем, что перед нами не что иное, как пердуративы, подвергшиеся стандартной в случае имперфективации семантической операции итеративизации.

8. Чрезмерно-интенсивный СД и имперфективация

В [MAC] было обнаружено 18 лексем с циркумфиксом *у-...-ся*, реализующих семантику чрезмерно-интенсивного СД (из 976 лексем максимальной выборки *у-глаголов*, то есть доля СД — 1,84%): *убегаться, убродиться, увалиться, увозиться, угоняться, уездиться, укачаться, умазаться, умориться, умотаться, умучиться, умыкаться, упиться, упрыгаться, уыхаться, уработаться, утрудиться, уходиться*. Глаголы этого СД обнаруживают следующий уровень имперфективируемости: доля НСВ₂ в рамках [MAC] — 38,88% (7 из 18); то же в [MAC] + [НКРЯ] — 38,88% (7 из 18); то же в [MAC] + Яндекс и Google — 77,78% (14 из 18).

Приведем несколько иллюстраций, см. (26)–(28).

(26) *Может быть, когда станет теплее и ребенок **будет убеги-ваться** на улице, он еще пару месяцев днем поспит. Но сейчас, похоже, просто потребности нет.* (<http://www.ljpoisk.ru/archive/6548399.html>)

(27) *Завтра — день неспешный. Салатиков **настрогать**, горячее в духовку сунуть, в ванне с пеной **полежать** до сморщенной кожи на пальцах... Но, для того, чтобы завтра не **упрыгиваться** у плиты до состояния "мордой в салат", сегодня нужно **авралить**. То есть **крутиться**, как белочке.* (mavka1961.livejournal.com/47361.html)

(28) *Дима, ну нельзя-же так **уработываться**! Лето ведь!* (<https://politikus.ru/v-rossii/55137-grem-filips-i-mariya-katasonovazaderzhany-po-donosu-liberala-ukrainca.html>)

Таким образом, можно констатировать, что если чрезмерно-интенсивный СД и показывает невысокую способность ко вторичной

имперфективации в словаре, то речевая практика успешно компенсирует эту картину, практически в два раза повышая имперфективируемость данной подгруппы перфективов и доводя ее до уровня, превышающего две трети. Тем самым подтверждается мнение авторов [Зализняк и др. 2015] о том, что «[г]лаголы интенсивно-результативных способов действия (к которым относится СД с формантом *у-...-ся*. — *Е. Г.*), как правило, допускают вторичную имперфективацию» [Там же: 125].

9. Итоги

Итак, на поставленные в разделе 2.3 вопросы мы получили четыре отрицательных и один положительный ответ.

- i. Неверно, что инхоативные глаголы с *за-* делятся на «собственно-инхоативные» и «несобственно-инхоативные» по признаку *+/-* имперфективация и что первые не могут имперфективироваться.
- ii. Неверно, что делимитативы (в принципе) не имперфективируются.
- iii. Неверно, что аттенуативы (в принципе) не имперфективируются.
- iv. Неверно, что пердуративный СД с префиксом *про-* имперфективируется только на узком участке из трех глаголов 'положения в пространстве' (*просидеть, пролежать, простоять*).
- v. Верно, что семельфактивы с носовыми суффиксами *-ну/-ану-* не допускают суффиксальной имперфективации «поверх» семельфактивного суффикса.

Таким образом, можно надеяться, что нам удалось добавить определенности в вопрос об экспликации ограничений по отношению к единицам, поступающим на вход механизма имперфективации, сократив количество групп префигированных (или имеющих циркумфиксальный формант) глаголов СВ, которым не доступна стандартная в формальном и семантическом отношении имперфективация.

Обсуждение перфективных СД с точки зрения их отношения ко вторичной имперфективации (и с учетом установленного в [Татевосов 2013а] запрета на третичную) показало, что участвовать в единственном регулярном процессе видообразования в русском языке — суффиксальной имперфективации — не могут

исключительно суффиксальные же семельфактивы. Тем самым было продемонстрировано, что уровень регулярности суффиксальной имперфективации как формообразовательного видового механизма несколько более высок, чем принято об этом думать, и это еще один аргумент в пользу словоизменительной трактовки русского вида.

Возвращаясь к вопросу о характеристике ГК вида русского глагола в терминах словоизменения vs. словоклассификации (включая также промежуточную характеристику вида как смешанной, или непоследовательно коррелятивной, ГК), выскажем следующие соображения. Во-первых, словоизменительная трактовка, имеющая в виду морфологический механизм суффиксальной имперфективации перфективов, вполне удовлетворительно работает на всем пространстве русских (единожды) префигированных глаголов¹⁵. Во-вторых, при условии выведения глаголов-симплексов (НСВ₁ и СВ₁ типа *читать* и *дать*) за пределы регулярного морфологического вида — в область вида лексического (см. аргументацию в [Горбова 2017: 27–30, 40–41]), и словоклассифицирующая, и смешанная трактовка в существенной степени оказываются лишенными эмпирических оснований. Таким образом наиболее адекватной моделью описания для русского вида следует признать словоизменение. При этом умножения сущностей не происходит, поскольку понятие лексического вида (акциональности) грамматике уже известно, кроме того, отпадает необходимость во введении дополнительного понятия смешанной ГК.

Условные обозначения

ГК — грамматическая категория, (Н)СВ — (не)совершенный вид, СД — способ действия, PFV — перфектив (СВ), IPFV — имперфектив (НСВ)

Литература

Бондарко 1976 — А. В. Бондарко. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976.

---

¹⁵ Словоизменительную (=формообразующую) модель описания русского вида, связанную с идеями и работами С. И. Карцевского, Ю. С. Маслова, А. В. Исаченко (подробнее см. в [Горбова 2017: 26–27]), изредка можно встретить в университетских учебниках, например, в [Касевич 2011: 80–83].

- Бондарко, Буланин 1967 — А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. М.; Л.: Просвещение, 1967.
- ВАРГОС 2011 — Ю. Менде, Е. Борн-Раухенекер, Н. Брюгеман, Х. Дипонг, Ю. Кукла, Ф. Леман. Вид и акциональность русского глагола: Опыт словаря / Wörterbuch zu den Aspekten und Aktionsarten im Russischen. München; Berlin: Otto Sagner. 2011.
- Горбова (в печати) — Е. В. Горбова. Что такое вид русского глагола? (теоретические модели описания русского вида) (в печати).
- Горбова 2017 — Е. В. Горбова. Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 24–52.
- Горбова 2019 — Е. В. Горбова. Имперфективируемость русских приставочных перфективов (на примере *про-* и *у-*глаголов) // Вопросы языкознания. 2019. № 1. С. 58–74.
- Грамматика-70 — Н. Ю. Шведова (ред.). Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.
- Зализняк и др. 2015 — Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Зализняк, Микаэлян 2010 — Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян. О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка. Доклад на конференции «Диалог 2010». URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/21.htm> (дата обращения 11.07.2018).
- Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Касевич 2011 — В. Б. Касевич. Введение в языкознание. СПб.: Филологический ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та; М.: Академия, 2011.
- Маслов 2004 — Ю. С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004.
- Пазельская, Татевосов 2008 — А. Г. Пазельская, С. Г. Татевосов. Отглагольное имя и структура русского глагола // В. А. Плуноян, С. Г. Татевосов (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 348–380.
- Петрухина 2014 — Е. В. Петрухина. Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности // Scando-Slavica. 2014. Т. 60. Вып. 2. С. 253–274.
- Плуноян 2011a — В. А. Плуноян. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме) // Scando-Slavica. 2011. Т. 57. Вып. 2. С. 290–309.
- Плуноян 2011b — В. А. Плуноян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков

- мира. М.: Издательский центр «Российский гос. гуманитарный ун-т», 2011.
- Славкова 2017 — С. Славкова. Супралексический префикс *no-* в русском и болгарском языках // R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova (eds.). The role of prefixes in the formation of Aspectuality. Issues of grammaticalization. *Biblioteca di Studi Slavistici*. V. 39. Firenze: Firenze University Press, 2017. P. 197–218.
- Татевосов 2013а — С. Г. Татевосов. Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола) // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 42–89.
- Татевосов 2013б — С. Г. Татевосов. Деструктивные заметки о распределительном способе действия // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 30–51.
- Федотов, Чуйкова 2013 — М. Л. Федотов, О. Ю. Чуйкова. К определению аспектуального значения лимитатива и вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола // Е. И. Грехова (ред.). Из прошлого в будущее. Сб. статей и воспоминаний к 100-летию проф. Ю. С. Маслова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 153–203.
- Храковский 2015 — В. С. Храковский. Категория вида в русском языке: болевые точки // М. Китадзё (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Киото: Танака принт, 2015. С. 321–334.
- Храковский 2018 — В. С. Храковский. И опять о болевых точках категории вида // Вопросы языкознания. 2018. № 1. С. 105–118.
- Шведова 2005 — Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 2005.
- Шевелева 2010 — М. Н. Шевелева. Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в летописях XII–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 200–242.
- Шевелева 2013 — М. Н. Шевелева. К истории восточнославянского суффикса имперфективации *-ыва-/-ива-* // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 3. С. 65–81.
- Шелякин 2006 — М. А. Шелякин. Способы действия в поле лимитативности // А. В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. 4-е изд. М.: КомКнига, 2006. С. 63–85.
- Шелякин 2008 — М. А. Шелякин. Категория аспектуальности русского глагола. М.: URSS; ЛКИ, 2008.
- Maslov 1959 — Iu. S. Maslov. Zur Entstehungsgeschichte des slavischen Verbalaspektes. *Zeitschrift für Slawistik*. 1959. Vol. 4 (4). S. 560–568.
- Spencer 2013 — A. Spencer. Lexical Relatedness. A Paradigm-based Model. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Источники

- МАС — А. И. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка в 4-х томах (Малый академический словарь). 2-е изд. М.: АН СССР, Ин-т русского языка, 1981–1984.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

References

- Bondarko 1976 — A. V. Bondarko. *Teoriya morfologicheskikh kategoriy* [A theory of morphological categories]. Leningrad: Nauka, 1976.
- Bondarko, Bulanin 1967 — A. V. Bondarko, L. L. Bulanin. *Russkiy glagol* [Russian verb]. Moscow; Leningrad: Prosveshchenie, 1967.
- Fedotov, Chuykova 2013 — M. L. Fedotov, O. Iu. Chuykova. *K opredeleniyu aspektualnogo znacheniya limitativa i voprosu ob osobennostyakh «delimitativnoy» derivatsii russkogo glagola* [On the definition of limitative aspectual meaning and on the features of “delimitative” verbs in Russian]. E. I. Grekhova (ed.). *Iz proshlogo v budushchee. Sbornik statey i vospominaniy k 100-letiyu prof. Yu. S. Maslova* [From past to future: A Collection of articles and memories in honour of the 100th anniversary of prof. Yu. S. Maslov]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2013. P. 153–203.
- Gorbova (in print) — E. V. Gorbova. *Chto takoe vid russkogo glagola? (teoreticheskie modeli opisaniya russkogo vida)* [What is Russian verb Aspect? (some theoretical models of Russian verb Aspect)]. (In Print).
- Gorbova 2017 — E. V. Gorbova. *Russkoe vidoobrazovanie: slovoizmenenie, slovoklassifikatsiya ili nabor kvazigrammem? (eshche raz o bolevykh tochках russkoy aspektologii)* [Aspectual formation of Russian verbs: inflection, derivation, or a set of quasigrammemes? (“sore points” of Russian aspectology revisited)]. *Voprosy yazykoznanija*. 2017. No. 1. P. 24–52.
- Gorbova 2019 — E. V. Gorbova. *Imperfektiviruemost russkikh pristavochnykh perfektivov (na primere pro- i u-glagolov)* [Imperfectivability of Russian prefixal perfectives (case of *pro-* and *u-*verbs)]. *Voprosy yazykoznanija*. 2019. No. 1. P. 58–74.
- Grammatika-70 — N. Yu. Shvedova (ed.). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [A Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow: Nauka, 1970.
- Kasevich 2011 — V. B. Kasevich. *Vvedenie v yazykoznanie* [An Introduction to Linguistics]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University; Moscow: Academia, 2011.
- Khrakovsky 2015 — V. S. Khrakovsky. *Kategoriya vida v russkom yazyke: bolevye tochki* [The category of Aspect in Russian: Problematic issues].

- M. Kitadjo (comp.). *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenerii diakhronicheskogo razvitiya* [Aspectual semantic zone: typology of systems and scenarios of the diachronic development]. Kyoto: Tanaka Print. P. 321–334.
- Khrakovsky 2018 — V. S. Khrakovsky. I opyat o bolevykh tochkakh kategorii vida [Aspect's "tender points" revisited once more]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2018. No. 1. P. 105–118.]
- Maslov 1959 — Iu. S. Maslov. Zur Entstehungsgeschichte des slavisches Verbalaspektes. *Zeitschrift für Slawistik*. 1959. Vol. 4 (4). S. 560–568.
- Maslov 2004 — Iu. S. Maslov. Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obsheche yazykoznanie [Selected writings. Aspectology. General Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2004.
- Pazelskaya, Tatevosov 2008 — A. G. Pazelskaya, S. G. Tatevosov. Otlagolnoe imya i struktura russkogo glagola [Verbal derived names and the structure of Russian verb]. V. A. Plungian, S. G. Tatevosov (eds.). *Issledovaniya po glagolnoy derivacii* [Issues of verbal derivation]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2008. P. 348–380.
- Petrukhina 2014 — E. V. Petrukhnina. Russkiy vid kak morfologicheskaya derivatsionnaya kategoriya v kontekste sovremennykh issledovaniy vidovoy korrelyativnosti [Russian Aspect as a Morphological Deivational Category in the Context of Modern Linguistics Studies of Aspectual Correlations]. *Scando-Slavica*. 2014. Vol. 60. Iss. 2. P. 253–274.
- Plungian 2011a — V. A. Plungian. Tipologicheskie aspekty slavyanskoy aspektologii (nekotorye dopolneniya k teme) [Typological aspects of Slavic Aspectology: some addenda]. *Scando-Slavica*. 2011. Vol. 57. Iss. 2. P. 290–309.
- Plungian 2011b — V. A. Plungian. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2011.
- Shelyakin 2006 — M. A. Shelyakin. Sposoby deystviya v pole limitativnosti [«Aktionsarten in the field of limitativity»]. A. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [The theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. 4th edition. Moscow: KomKniga. 2006. P. 63–85.
- Shelyakin 2008 — M. A. Shelyakin. Kategoriya aspektual'nosti russkogo glagola [The category of aspectuality of the Russian verb]. Moscow: URSS; LKI, 2008.
- Sheveleva 2010 — M. N. Sheveleva. Vtorichnye imperfektivy s suffiksom -yva-/-iva- v letopisyakh XII–XVI vv. [Secondary imperfectives with the

- suffix *-yva-/-iva-* in XII–XVI century Russian chronicles]. *Russkiyi yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010. No. 2 (20). P. 200–242.
- Sheveleva 2013 — M. N. Sheveleva. K istorii vostochnoslavlyanskogo suffiksa imperfektivatsii *-yva-/-iva-* [On the History of the East Slavic *-yva-/-iva-* Suffix of Imperfectivization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series. 9. *Filologiya*. 2013. No. 3. P. 65–81.
- Shvedova 2005 — N. Iu. Shvedova (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 2005.
- Slavkova 2017 — S. Slavkova. Supraleksicheskiy prefix *po-* v russkom i bolgarskom yazykax [The superlexical prefix *po-* in Russian and Bulgarian]. R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova (eds.). *The role of prefixes in the formation of Aspectuality. Issues of grammaticalization*. Biblioteca di Studi Slavistici. Vol. 39. Firenze: Firenze University Press, 2017. P. 197–218.
- Spencer 2013 — A. Spencer. *Lexical Relatedness. A Paradigm-based Model*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Tatevosov 2013a — S. G. Tatevosov. Mnozhestvennaya prefiksatsiya i ee sledstviia (Zametki o fiziologii russkogo glagola) [Polyprefixation and its consequences (Notes on the physiology of the Russian verb)]. *Voprosy yazykoznanija*. 2013. No. 3. P. 42–89.
- Tatevosov 3013b — S. G. Tatevosov. Destruktivnye zametki o raspredelitelnom sposobe deistviya [Critical remarks on the distributive Aktionsart]. *Russkiyi yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2013. No. 2 (26). P. 30–51.]
- VARGOS 2011 — Ju. Mende, E. Born-Rauchenecker, N. Brüggemann, H. Dippong, J. Kukla, V. Lehmann. Vid i aktsionalnost russkogo glagola: Opyt slovarya / Wörterbuch zu den Aspekten und Aktionsarten in Russischen [Aspect and actionality of the Russian verb: an experimental dictionary]. München; Berlin: Otto Sagner, 2011.
- Zaliznyak et al. 2015 — Anna A. Zaliznyak, I. L. Mikaelian, A. D. Shmelev. *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary* [Russian aspectology: In defense of the aspectual pair]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.
- Zaliznyak, Mikaelian 2010 — Anna A. Zaliznyak, I. L. Mikaelian. O meste vidovykh troek v aspektualnoy sisteme russkogo yazyka. Doklad na konferentsii «Dialog 2010» [About the place of aspectual triples in the aspectual system of the Russian language. Report at the conference «Dialogue 2010»]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/21.htm> (accessed on 11.07.2018).
- Zaliznyak, Shmelev 2000 — Anna A. Zaliznyak, A. D. Shmelev. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to the Russian aspectology]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000.

Sources

MAS — A. I. Yevgeneva (ed.). Slovar russkogo yazyka v 4-kh tomakh [Dictionary of Russian in 4 vol.] (Malyi akademicheskiy slovar). 2nd edition. Moscow: AS USSR, Institute of Russian Language, 1981–1984.

NKRYa — Natsionalnyi korpus russkogo yazyka [The national corpus of Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed on 11.07.2018).

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОЕ И МОДАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В КОНТЕКСТЕ ТАКСИСНОЙ ОДНОВРЕМЕННОСТИ ДЕЙСТВИЙ

Т. В. Миллиареси

Лилльский государственный университет, Франция
tatiana.milliaressi@univ-lille.fr

Аннотация. В работе рассматриваются нестандартные употребления прошедшего времени в русском языке при выражении одновременности действий. Прошедшее время выражает при этом как собственно временные, так и таксисные отношения (*taxis*). Другими словами, одновременность действий может быть рассмотрена по отношению к *моменту речи* или по отношению к *точке отсчета* и определяться, соответственно, либо временем, либо таксисом.

Эти употребления форм прошедшего времени глагола могут отражать перцептивный способ восприятия действий или эпистемический. Перцептивный способ связан с чувственным восприятием, эпистемический — с нашими знаниями о мире.

В статье рассматриваются два случая эпистемического восприятия одновременных действий: 1) дезиративные глаголы с глаголами говорения и 2) выражение эвиденциальности. В обоих случаях особую роль играет модальность, т. к. она включает в себя значение субъективности и подразумевает наличие оценки подаваемой информации говорящим.

1) Прошедшее время некоторых употреблений дезиративных глаголов типа *хотеть*, *желать* с глаголами говорения используется для выражения действий, происходящих в настоящий момент, и включает в себя оттенок вежливого обращения к собеседнику.

2) Эвиденциальность (т. е. семантическая информация, указывающая на источник сведений, передаваемых говорящим) связана с отношением говорящего к содержанию своего сообщения и с отсылкой к источнику информации. Обычно считается, что в русском языке нет грамматического выражения эвиденциальности и что она выражается при необходимости

лексически и синтаксически, например, при помощи слов: *мол, якобы, дескать*. В работе предпринята попытка показать, что проявления эвиденциальности, зафиксированные в других языках, но не в русском, могут быть выражены и в русском языке при помощи форм глагола несовершенного вида прошедшего времени, в которых несовершенный вид выражает одновременность, т. е. имеет таксисную функцию, в то время как эвиденциальность выражена абсолютным прошедшим временем и имеет дейктическую функцию.

Оба примера нестандартного употребления прошедшего времени (эвиденциальность и дезиративные глаголы) показывают целесообразность описания временных и таксисных категорий в дискурсивном ракурсе, а также целесообразность рассмотрения порядка следования действий в соотношении не только с относительным временем, но и с абсолютным.

Ключевые слова: эвиденциальность, одновременность, прошедшее время, вид, модальность, русский язык.

Evidentiality and modality: past tense for actions' simultaneity

T. Milliaressi

University of Lille, France

tatiana.milliaressi@univ-lille.fr, milliaressi@free.fr

Abstract. This paper describes non-standard uses of the past tense in Russian for describing simultaneity of actions. Since the past tense can express both temporal and taxis meanings, simultaneity of actions can be considered in relation to the *speech event* or in relation to the *narrated event* and determined either by tense or by taxis, respectively.

These uses of past tense forms may reflect a perceptual or epistemic way of perceiving actions. The perceptual way is associated with sensory perception, while the epistemic way is associated with human knowledge of the world.

The article discusses two cases of epistemic perception of simultaneous actions: 1) via combination of wishing verbs with speech verbs, and 2) via expression of evidentiality. In both cases, modality plays a specific role since it involves subjectivity and implies evaluation of the speaker's information.

1) Combinations of the past tense forms of some wishing verbs like (*khotet* 'want', *zhelat* 'wish') with speech verbs describe actions taking place at the speech moment and have connotation of politeness.

2) Evidentiality, i.e., indication of the source of information transmitted by the speaker, involves the speaker's attitude to the content of his/her message and a reference to the information source. It is generally believed that Russian lacks grammatical expression of evidentiality and it is usually expressed lexically or syntactically, for example, by using words *mol*, *yakoby*, *deskat*.

This article aims to show that grammatical marking of evidentiality, characteristic of other languages, is also found in Russian where past tense forms of imperfective verbs are used to express simultaneity, i.e., have a taxis function, while evidentiality is expressed by the absolute past tense and has a deictic function.

Both examples of the non-standard use of the past tense (as a device to mark evidentiality and taxis) make obvious a need to describe temporal and taxis categories in a discursive perspective, as well as to consider the order of actions in relation to both relative and absolute tenses.

Keywords: Evidentiality, simultaneity, past, aspect, tense, modality, Russian.

1. Введение

В формах русского глагола, как известно, морфологически выражаются вид и время, значения которых часто перекрещиваются. Другими словами, однозначно определить, какие семантические признаки передаются видом, а какие временем, оказывается чрезвычайно сложно. Таксис также оказывается смежной категорией, выражение которой непосредственно связано со значениями вида и времени глагольных форм. Таксисные отношения в дискурсивном плане вообще и реализация функции временного порядка на уровне текста в частности выражаются комбинаторикой видо-временных форм, т. е. чередованием глаголов СВ и НСВ вида, а также обстоятельствами времени типа *затем, через десять минут, до этого...* [Бондарко 2015: 127].

Мне представляется важным понять значение каждой категории в отдельности и проследить, в чем именно заключается роль вида и времени глагола независимо от влияния как обстоятельств

времени, так и любых других коннекторов. Виду посвящена обширная литература, время как таковое рассматривается намного реже и часто представляется как результат взаимодействия с видом. Я рассмотрю в этой статье лишь один из многих временных аспектов, а именно прошедшее время в контексте таксисной одновременности действий. Значение времени и таксиса я буду рассматривать не в рамках предложения, как делается в большинстве исследований по русскому таксису, а на уровне высказывания. Интерес к такому подходу в изучении временного порядка проявлял Бондарко [Бондарко 2015: 128], который подчеркивал «перспективность описания реализации категориальной семантики на уровне высказывания и целостного текста, т. е. описания временных и таксисных категорий в дискурсивном ракурсе». Именно в таком ракурсе я и рассмотрю некоторые нестандартные употребления прошедшего времени для выражения одновременного протекания действий.

Существует, как известно, два вида употребления языковых форм:

- 1) стандартные употребления, т. е. регулярные, парадигматические, соответствующие общему основному определению категории, к которой они относятся;
- 2) все остальные, т. е. нестандартные, периферийные употребления, не полностью удовлетворяющие характеристикам основного определения категории.

К стандартным употреблениям НСВ прошедшего времени обычно относят обозначение одновременности действий типа (1) и (2), когда НСВ ассоциируется с одновременными действиями (1а, 2а), а СВ — с последовательными (1б), (2б):

(1а) *Он сидел и смотрел вокруг.*

(1б) *Он сел и посмотрел вокруг.*

(2а) *Когда я читал книгу, он вошел в комнату.*

(2б) *Когда я прочитал книгу, он вошел в комнату.*

Одновременность действий может выражаться также исключительно обстоятельством времени, как в примере (3а), в котором действия воспринимаются как одновременные благодаря обстоятельству времени *в тот самый момент* и союзу *когда*. Если их убрать, то действия *опустил, нажал* будут восприниматься как последовательные, ср. (3б):

(3а) *Манчестер утверждает, что Освальд не попал в свою жертву только потому, что Уокер, как генерал де Голль в романе Форсайта «День Шакала», неожиданно опустил голову в тот самый момент, когда снайпер нажал на курок.* [А. Воронцов. «Долой клан Кеннеди!» (2003), НКРЯ]

(3б) *Уокер неожиданно опустил голову, снайпер нажал на курок.*

Отметим также, что НСВ не является абсолютным условием для того, чтобы действия интерпретировались как одновременные. Необходимым условием для этого является ситуативная возможность протекания действий одновременно. Ср. примеры (4а) и (4б), в которых действия, выраженные глаголами НСВ, воспринимаются или как одновременные (4а), т. к. они по природе своей могут протекать одновременно (можно одновременно играть на гитаре и петь), или как последовательные (4б), если действия не могут протекать одновременно (невозможно одновременно петь и читать стихи):

(4а) *Она играла на гитаре и пела.*

(4б) *Она пела и читала стихи.*

2. Время и одновременность

Рассмотрим теперь нестандартные употребления, в которых формы прошедшего времени могут играть особую роль для выражения как собственно временных, так и таксисных отношений. Другими словами, одновременность действий может быть рассмотрена по отношению к моменту речи или по отношению к точке отсчета и определяться, соответственно, либо временем, либо таксисом.

Эти употребления форм прошедшего времени (или сослагательного наклонения) глагола могут отражать перцептивный (6, 10) или эпистемический (5, 7, 8, 9, 11) способ восприятия действий. Перцептивный способ связан с чувственным восприятием, эпистемический — с нашими знаниями о мире (см., например, [Vogeleer 1994; de Mulder 2012]). Вот основные типы таких употреблений:

а) дезиративные глаголы с глаголами говорения (эпистемический способ):

(5) *Я хотел вас кое о чем попросить.*

b) перцептивный опыт восприятия статической ситуации [de Mulder 2012]:

(6) *Мы вышли из магазина. Подруга уже жалела, что не купила платье, и со вздохом сказала мне:*

— Красивое **было** платье!

c) выражение эвиденциальности [Milliaressi 2015, §3.3.2]:

(7) *Мы ходили с подружкой весь день по магазинам. Она пригласила меня зайти к ней домой. Мы вошли, но собака не выбежала, как обычно, мне навстречу. Сережи тоже не было дома. Я спросила подружку:*

— Сережа должен **был** гулять с собакой?

d) сослагательное наклонение (эпистемический):

(8) *Если **бы** у меня **было** время, я **бы** непременно занимался музыкой.*

(9) *Я очень хочу, **чтобы ты была** счастлива.*

e) согласование времен (10a) [Храковский 2009, §7; Guiraud-Weber 2004, §3.11.2]:

(10a) *Я смотрел, как дети **играли** в саду.*

(10б) *Я смотрел, как дети **играют** в саду.*

f) логическая связь («родовое понятие / видовое понятие» или «целое / часть»), обуславливающая интерпретацию одновременности действий [Milliaressi 2015, §3.3.4]:

(11) *Он **потолстел** и **обрюзг**.* [пример В. С. Храковского]¹

(12) *Я сегодня **убиралась**: **пропылесосила** и **вымыла** окна.*

Первые четыре случая (a, b, c, d) определяются семантикой времени (т. е. действие в прошедшем времени продолжается в настоящий момент речи), в то время как последние два (e, f) — семантикой таксиса (т. е. тем, что действие соотносится с другими действиями).

---

¹ Отметим, что этот пример интерпретируется В. С. Храковским как исключение из правила, согласно которому хронологическая последовательность событий выражается цепочкой глаголов СВ и объясняется, с его точки зрения, общей точкой отсчета [Храковский 2009: 19], а не логической связью.

Под основным, обобщенным таксисным значением я понимаю языковое выражение противопоставления действий, длительность которых ограничена временными границами (началом и концом), действиям, не ограниченным временными рамками. Это определение основывается на моих прежних исследованиях [Milliaressi 2015; Milliaressi 2018], посвященных определению семантических примитивов времени, и имеет целью разграничить время и таксис, а также время и вид. Статическое (недейкитическое) время (которое называется в русской лингвистике таксисом) противопоставляется собственно времени, т. е. динамическому (дейкитическому) времени. Это противопоставление основывается на оппозициях семантических примитивов: «лимитативность / нелимитативность» (таксисная оппозиция, соотносящаяся со статическим временем) и «непрерывность / дискретность» (временная оппозиция, соотносящаяся с динамическим временем).

Объем статьи не позволяет мне рассмотреть все эти случаи, поэтому я рассмотрю только два случая эпистемического восприятия одновременных действий: 1) дезиративные глаголы с глаголами говорения и 2) выражение эвиденциальности. Мы увидим, что в обоих случаях особую роль играет модальность.

3. Дезиративные глаголы с глаголами говорения

Прошедшее время некоторых употреблений дезиративных глаголов типа *хотеть*, *желать* с глаголами говорения может использоваться для выражения действий, происходящих в настоящий момент, т. е. соотносящихся с моментом речи:

- (13) *Перед администратором толпилось много народу. Наконец, подняв глаза на меня, он спросил:*
— *Вы что хотели?*

Употребление настоящего времени (*Вы что хотите?*) звучало бы несколько невежливо. Встает вопрос: почему прошедшее время может использоваться вместо настоящего и сглаживает отрицательный оттенок? Прежде чем ответить на этот вопрос, отметим некоторые факторы, ограничивающие употребление дезиративных глаголов:

а) дезиративные глаголы употребляются в прошедшем времени, но относятся к настоящему моменту речи в двух случаях: (i) в контексте первого лица, если это высказывание-утверждение (14);

(ii) после местоимения во втором лице, если это вопрос (15). Исключением являются случаи, когда говорят о присутствующем при разговоре человеке, интересы которого говорящий представляет (например, если отец обращается от имени сына к другому собеседнику) (16). Эти ограничения связаны с тем, что особое значение приобретает отношение говорящего к высказыванию.

(14) *Я давно **хотел** вас спросить...*

(15) *Вы что **хотели**?*

(16) *Мой сын **хотел** с вами поговорить.*

б) дезиративные глаголы в прошедшем времени со значением настоящего могут употребляться только тогда, когда они открывают диалог или новую тему в диалоге, как бы придавая субъективную окраску всему нижеследующему.

Чтобы разобраться в значении прошедшего времени в этом контексте, необходимо вспомнить, что формы НСВ прошедшего времени длительных глаголов вообще (процессуальных или стативных) в русском языке могут в зависимости от контекста интерпретироваться в одном из следующих двух значений:

1) неограниченной длительности, т. е. когда границы действия не фокусируются в высказывании (17):

(17) *Я **работал** над статьей, когда он мне позвонил.*

2) длительности ограниченной, т. е. подразумевающей начало и конец, когда границы действия выражены обстоятельством (18а) либо вытекают из контекста (18б):

(18а) *Я вчера **три часа работал** над статьей.*

(18б) *Что ты делал вчера? — **Работал** над статьей.*

В примерах (5) и (13) длительность действия в прошедшем времени НСВ не ограничена. Непонятно, когда говорящий начал «хотеть», но ясно, что действие еще не закончено и что говорящий по-прежнему хочет задать вопрос или попросить о чем-то собеседника. Здесь можно дать различные объяснения такого употребления формы глагола *хотел* (*хотела*, *хотели*):

1) во-первых, можно предположить, что именно время играет в подобных высказываниях определяющую роль. То есть прошедшее

время имеет модальное значение, отсылающее действие из фактивного мира в мир нефактивный², что позволяет смягчить окраску вопроса или просьбы. Если принять эту точку зрения, следует признать, что возникает дистанция между действием фактивным и нефактивным. Однако без учета семантики видовой формы глагол НСВ прошедшего времени будет обозначать действие, ограниченное временными рамками (началом и концом). В этом случае глагол *хотел* должен обозначать, что желание у говорящего уже прошло, а это не так;

2) во-вторых, можно предположить, что основную нагрузку здесь несет не время, а вид. Другими словами, именно НСВ обозначает действие, которое продолжается в момент речи, но началось до него. Но тогда встает вопрос: почему идентичное значение не может быть выражено настоящим временем? Ведь настоящее время (*что вы хотите?*) не говорит о том, что действие началось раньше, и придает невежливый оттенок вопросу. Значит, наше предположение неверно;

3) поскольку именно прошедшее время несет дополнительную информацию, необходимо ответить и на другие вопросы. Какую? И почему прошедшее время кажется более уместным и смягчает фразу? Вероятно потому, что имеет место именно *неограниченная* длительность прошедшего времени. Ограничение и неограничение длительности действия является, как было уже отмечено, основным таксисным значением. А если длительность прошедшего действия не ограничена, то ее необходимо локализовать не только по отношению к моменту речи, но и по отношению к определенной ситуации в прошлом, которая может выступать как точка отсчета (см. [Kleiber 1993]). Ведь длительное действие, не ограниченное временными рамками, не может существовать, т. к. все имеет начало и конец, но оно может концептуализироваться в языке на основе ситуативных рамок. Из этого вытекает, что необходимо найти событие, предшествующее действию (*хотел, хотели*) и определяющее употребление прошедшего времени.

В примере (13) прошедшее время (*что вы хотели?*) обозначает примерно следующее: ‘я видел, что вы ждете, но не мог заняться

---

² Под фактивным миром понимается мир, состоящий из фактов. Фреге отмечает [Frege 1956: 307], что «a fact is a thought that is true» (см. [Milliaressi, Vogeleeer 2015: 14]).

вами раньше'. Если употребить настоящее время (*что вы хотите?*), исчезнет значение 'я вас давно заметил', исчезнет временная дистанция между началом действия (когда посетитель начал ждать) и вопросом, который будет означать 'я работал, вас не видел, а вы вдруг неожиданно прерываете мою работу'. Другими словами, *что вы хотите?* передает дополнительное значение, что вас прервали против вашей воли, в то время как вопрос *что вы хотели?* несет информацию о том, что вы сами прервали свою работу по своей воле. Именно то, что вы сами прерываете свою деятельность, и придает более вежливый оттенок вопросу по сравнению с ситуацией, когда вы выражаете при помощи настоящего времени, что вас прервали. Прагматическая функция прошедшего времени сохраняется и в тех случаях, когда говорящий обращается к только что вошедшему человеку.

Следует, однако, отметить, что настоящее время (*Что вы хотите?*) может иметь как отрицательную окраску и означать 'вы меня беспокоите', так и положительную окраску, например: к вам подошел ребенок, вы рады прервать работу и заняться им и спрашиваете его: *Что ты хочешь?* Главное значение в этом случае: 'я прерываю свою работу по своей воле' при прошедшем времени; 'я прерываю свою работу НЕ по своей воле' при настоящем.

Событие, обуславливающее употребление прошедшего времени, каждый раз определяется ситуацией. Так, в примере (5) (*я хотел вас кое о чем попросить*) прошедшее время отсылает к прошлой ситуации, когда говорящий уже думал о своем вопросе, т. е. ситуация примерно следующая: 'то, о чем я сейчас говорю, является результатом длительного размышления'. Другими словами, спрашивающий подчеркивает обдуманый и обоснованный характер своего обращения к собеседнику, а не спонтанный, т. е. он беспокоит собеседника не просто так. Таким образом, прошедшее время придает высказыванию более вежливый оттенок, т. к. просьба оказывается непосредственно связанной с обстоятельствами в прошлом и говорящий косвенно ссылается на эти обстоятельства, чтобы смягчить просьбу или вопрос. Действие представляется в этом случае как продолжающееся в момент речи. При этом если нет обстоятельств в прошлом, локализирующих дезиративный глагол, то и употребление прошедшего времени оказывается невозможным. Так, если на улице вы заметили, что у женщины раскрылась сумка, и вы хотите ее предупредить, чтобы она не оказалась жертвой мошенников, невозможно сказать (19):

(19) **Я хотел вам сказать, что у вас раскрылась сумка.*

Употребление настоящего времени (*я хочу вам сказать, я хочу тебе сказать*) в разговоре несет коннотацию спонтанности реакции говорящего. Например, если кто-то жалуется на несправедливое к себе отношение, можно ему ответить ((20а) и (20б)):

(20а) *Я хочу тебе сказать, что ты не должен так близко принимать все к сердцу.*

(20б) *Я хочу тебе сказать, что ты тоже неправ.*

(20в) *Я давно хочу тебе сказать, что ты часто тоже неправ.*

Пример (20в) не опровергает значение спонтанности, передаваемое настоящим временем дезиративного глагола. Здесь это значение нейтрализуется обстоятельством времени *давно*.

Отметим также, что употребление прошедшего времени с модальными дезиративными глаголами подчеркивает эпистемическую окраску модальности, поскольку связано со знаниями о мире и верованиями говорящего³.

4. Эвиденциальность

Рассмотрим теперь другой случай выражения эпистемического восприятия ситуации в русском языке, а именно эвиденциальности, которая также может в некоторых случаях иметь модальную окраску. Но при этом модальность не является обязательным фактором выражения эвиденциальности, хотя она так же, как и модальность, основана на оценке ситуации говорящим [Milliaressi, Vogeleer 2015].

Обычно считается, что в русском языке нет грамматического выражения эвиденциальности и что она выражается при необходимости лексически и синтаксически, например, при помощи слов *мол, якобы, дескать* [Козинцева 2007а: 14]. Под эвиденциальностью, или засвидетельствованностью, согласно Н. А. Козинцевой [Козинцева 2007б: 37], «понимается область значений, представляющих собой указание на источник сведений, передаваемых говорящим». При этом Козинцева подчеркивает, что эвиденциальность «связана

³ О разных типах модальности см., например, Palmer [1986: 103–104]; Hacquard [2006]; Van der Auwera, Plungian [1998].

с одним из семантических параметров высказывания, отражающих отношение говорящего к содержанию своего сообщения, а именно — с отсылкой к источнику информации» [Козинцева 2007а: 13–14].

На основе типологического анализа категории эвиденциальности в различных языках (но не в русском) Н. А. Козинцева отмечает, что «передача высказывания другого лица может быть сопряжена с выражением собственного эмоционально-оценочного отношения говорящего к передаваемой информации» [Козинцева 2007а: 19]. Я попытаюсь далее доказать, что все эти проявления эвиденциальности, зафиксированные в других языках, могут быть выражены и в русском языке при помощи прошедшего времени и при условии таксисной одновременности⁴. При этом НСВ выражает одновременность, т. е. имеет таксисную функцию, в то время как эвиденциальность выражена абсолютным прошедшим временем и имеет дейктическую функцию.

Рассмотрим примеры типа *Он сказал, что работает здесь* (то, что в европейских языках выражается при помощи согласования времен, см. § 4.1.), т. е. примеры с придаточными после глаголов пропозициональной установки в прошедшем времени: *думать, знать, надеяться, говорить, сообщать, отвечать...* Для выражения одновременности в этом контексте в европейских языках используется прошедшее время, но настоящее тоже возможно (см., например, [Berthonneau, Kleiber 1997]). При этом прошедшее время является немаркированным, а настоящее маркированным, т. е. для употребления настоящего времени нужны дополнительные специфические факторы.

В русском языке для выражения одновременности придаточного после глагола пропозициональной установки в прошедшем времени возможны и настоящее, и прошедшее время:

- (21) *После паузы, так и не дождавшись продолжения фразы, я стал расспрашивать директора [японской школы — Т. М.] о том, как он **относился** к войне, как **отнесся** к капитуляции и т. д. и т. п. Он твердо отвечал, что капитуляцию **рассматривает** не как наказание за агрессию, а как несчастье, что войне он **сочувствовал**, считал ее справедливой*

---

⁴ Отметим, что выражение эвиденциальности в русском языке затруднительно при таксисном предшествовании.

и соответственно этому учил детей. [Константин Симонов, Япония. (1946)]

В этом примере К. Симонов рассказывает о своем посещении в 1946 г. японской школы и о своей беседе с директором этой школы. Симонову было очень интересно знать, как японцы воспринимают поражение в войне и что они об этом думают. Но директору не хотелось говорить об этом, и только после настоятельных расспросов Симонов получил этот ответ.

В этом конкретном случае можно предположить, что действия предикатов *относиться*, *рассматривать*, *сочувствовать*, *считать* и *учить* продолжаются в момент высказывания и после него, т. е. нет оснований считать, что японский учитель поменял свою точку зрения и что все эти действия закончились. Почему же употребляются одновременно и настоящее, и прошедшее время? И какова роль прошедшего времени? Важность употребления прошедшего времени в придаточных, выражающих одновременные действия, после глаголов пропозициональной установки отмечалась в работе [Altshuler 2008]. Однако в ней ошибочно, с моей точки зрения, утверждалось на основе формального анализа, что прошедшее время в придаточном возможно только с глаголами состояния. Мне представляется, что основным условием одновременности является длительность действия, которое может быть и состоянием, и процессом. Так, в примере (21) прошедшим временем выражаются как состояния (*сочувствовал*), так и процессы (*учил*). Что же касается конкретного анализа примера (21), то мы подробнее вернемся к нему позже. Отметим сначала следующую предпосылку нашего исследования.

Существует несколько причин употребления прошедшего времени, соотносящегося с настоящим, и несколько различных частных случаев, которые будут рассмотрены ниже. Мне представляется, что во всех трех случаях прошедшее время в этом контексте одновременности действий имеет общее значение ретроспективной оценки действия придаточного. При этом одновременность выражается видом. Именно поэтому в придаточном возможны и прошедшее, и настоящее время (21). Что же касается прошедшего времени, то оно реализует ретроспективный взгляд на события и приобретает поэтому дополнительное значение ретроспективной оценки ситуации. Поэтому эти значения встречаются чаще всего в нарративном тексте, но не только, что мы и увидим далее на некоторых примерах.

4.1. Относительное и абсолютное время

Известно, что в русском языке согласования времен не существует (см., например, [Падучева 2010: 293]). Оно хорошо представлено в европейских языках с развитой системой относительных времен. Суть его состоит в том, что если главная часть предложения в прошедшем времени, то придаточная должна с ней согласовываться. Для обозначения, например, одновременности, о которой идет речь в этой статье, будет употребляться не настоящее время, как в русском языке (22а), а относительное прошедшее, как в английском (22б) или во французском (22в):

(22а) *Он сказал, что работает здесь уже три года.*

(22б) *He said that he had been working here for three years.*

(22в) *Il a dit qu'il travaillait ici depuis trois ans.*

Таким образом, считается, что если в языках с согласованием времен в придаточной части стоит *относительное* время, то в русском языке нет согласования времен и в придаточной части употребляются времена *абсолютные* [Храковский 2009: 105].

Обычно при этом делается оговорка, что при глаголах чувственного восприятия типа *видеть*, *слышать*, *чувствовать*, *замечать*, т. е. глаголов восприятия при помощи одного из пяти чувств (зрения, слуха, вкуса, запаха, осязания), для выражения одновременности возможны как настоящее, так и прошедшее время:

(23) *Петя видел, как Маша переходила / переходит улицу.* [пример В. С. Храковского]

При этом иногда утверждается, что разницы между настоящим и прошедшим временем нет [Guiraud-Weber 2004: 109], с чем трудно согласиться. Одним из многих различий между ними является точка зрения [Varentsen 1996; Храковский 2009]. Напомним, что В. С. Храковский [2009: 106] объясняет разницу в примере (23) следующим образом:

«Если эта ситуация рассматривается с точки зрения автора текста, то выбирается форма прошедшего времени, а если эта ситуация рассматривается с точки зрения Пети, наблюдавшего эту ситуацию, то выбирается форма настоящего времени».

Если речь идет о нарративном тексте, то можно также противопоставить точку зрения автора точке зрения наблюдателя [Падучева 2010: 293].

Объем данной статьи не позволяет подробно остановиться на согласовании времен в придаточных после глаголов чувств и восприятия в русском языке. Следует, однако, отметить, что одновременность передает здесь не время, а НСВ (именно поэтому возможны и настоящее, и прошедшее время), что роль настоящего и прошедшего времени не одинакова. Настоящее время является здесь временем относительным, а прошедшее — временем абсолютным, т. к. настоящее время связано не с моментом речи, а с точкой отсчета, в то время как прошедшее время глаголов и главного, и придаточного связано с моментом речи, т. е. дейктично. При этом придаточные после глаголов чувств отражают *перцептивное* восприятие действий, в то время как придаточные после глаголов пропозициональной установки характеризуют *эпистемическое* восприятие.

Рассмотрим теперь эпистемическое восприятие действий после глаголов пропозициональной установки, в которых, как мы увидим, прошедшее время не обязательно выражает точку зрения автора, а настоящее не всегда соотносится с точкой зрения персонажа.

4.2. Косвенная оценка действия

Прошедшее время в придаточных после глаголов пропозициональной установки в контексте таксисной одновременности действий выражает, с моей точки зрения, косвенную оценку действия, в то время как настоящее время является нейтральным и не несет никакой дополнительной информации. Другими словами, настоящее время является немаркированным, а прошедшее маркированным (в европейских языках ситуация обратная). Итак, косвенная оценка действия может быть выражена при помощи прошедшего времени либо персонажем (24), либо автором текста (25):

(24) *Я ворвалась в дом, зареванная, в соплях, но никто ничего не спросил, почему я так **орала**.* [Людмила Петрушевская. Незрелые ягоды крыжовника (1998), НКРЯ]

(25a) *Вся многолетняя деятельность Ленинградского отделения Детгиза объявлена была диверсионной и вредительской. [...]*
Когда кто-то из присутствующих [на собрании]. — Т. М.]

спросил, почему же группа, поставившая своей целью диверсию, издавала из года в год книги, высоко ценящиеся у нас и за границей, — Криволапов, не смущаясь, ответил: «Это была маскировка!» [Л. К. Чуковская, Прочерк (1980–1994)]

(25б) *Кто-то из присутствующих на собрании спросил, почему группа **издает** из года в год эти книги.*

(25в) *Кто-то из присутствующих на собрании спросил, почему группа **издавала** из года в год эти книги.*

Косвенная оценка действия, как правило, отрицательная. В примере (24) маленькая девочка, которая пережила угрозу насилия, осуждает равнодушие окружающих, когда никто не хотел вмешиваться и предпочитал оставаться в стороне. В этом контексте возможно и настоящее время: *никто не спросил, почему я так ору*. Однако настоящее время описывает конкретный факт, в то время как прошедшее соотносится с отношением окружающих к этому факту.

Подобное различие между настоящим и прошедшим временем наблюдается и в примере (25а), в котором авторская оценка, хотя и положительная ('хорошо, что группа издавала много хороших книг'), но дана в отрицательном контексте осуждения несправедливости и неадекватной отрицательной реакции на положительный факт. При этом отрицательная оценка действия обусловлена в этом примере не только грамматическим временем, но и контекстом несоответствия причины (диверсия) и следствия (книги высоко ценились). Если убрать это несоответствие, выраженное контекстом, настоящее время больше подойдет к нейтральному вопросу, касающемуся конкретного факта (25б), в то время как прошедшее время будет подразумевать наличие сопутствующих имплицитных обстоятельств.

Рассмотрим теперь употребление настоящего времени (*не знает*) в примере (26):

(26а) [Отца Никодима] *потрясло умение маленького Феди Кульбарсова молиться. [...] Время от времени люди, видевшие, как он общается с Богом, с подобными расспросами к нему приставали, но он отвечал, что **не знает**, и видно было, что говорит правду.* [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря. (1997–2002)]

(26б) *Время от времени люди, видевшие, как Федя общается с Богом, приставали к нему с расспросами, но он отвечал, что не знал.*

Настоящее время (26а) объясняется объективностью того факта, что Федя 'не знает'. Это, кстати, подтверждается последующим контекстом: «и видно было, что говорит правду». Если убрать контекст подтверждения незнания Феде и заменить настоящее время на прошедшее (26б), то объективность «незнания» исчезает, а наиболее вероятной интерпретацией становится то, что Федя скрывал какие-либо ему известные обстоятельства либо говорил правду, но ему не верили.

Другими словами, если (i) информация представлена как неправда, если (ii) автор не уверен в ее истинности, если (iii) он не хочет брать на себя ответственность за источник, в русском языке возможно прошедшее время для выражения эвиденциальности. Чтобы доказать это положение, рассмотрим на примерах, как прошедшее время выражает отношение к верифицируемым фактам.

4.3. *Отношение к верифицируемым фактам*

Рассмотрим одно из проявлений выражения эвиденциальности в русском языке, связанное с отношением говорящего к пересказываемым фактам, истинность или ложность которых известна или может быть проверена. Так, например, гномическое высказывание *Земля вращается вокруг Солнца* заведомо истинно, а *Солнце вращается вокруг Земли* является ложным. В примерах (27)–(30) можно отметить особенности употребления настоящего и прошедшего времен в контексте таксисной одновременности при так называемом согласовании времен, т. е. когда глагол главной части стоит в прошедшем времени⁵. Стандартным и немаркированным в этом контексте является употребление настоящего времени, так как оно используется при нейтральном отношении говорящего к факту (27а). Однако существует немало нестандартных употреблений, в которых прошедшее время используется в случае неверия говорящего в истинность приведенного факта (28а) или в случае несогласия

---

⁵ Если глагол пропозициональной установки стоит в настоящем времени, то глагол придаточного не может выражать эвиденциальное значение из-за конкурентности с собственно временным значением прошлого.

говорящего с подачей общеизвестного факта (29) и эмоционально-окрашенной негативной оценкой (30):

- (27а) *Еще древнегреческий астроном Аристарх Самосский, живший в 3 веке до н. э., пришел к выводу, что Земля **вращается** вокруг своей оси и **движется** вокруг Солнца.* [Все для детей (2013)]
- (27б) *Еще древнегреческий астроном Аристарх Самосский, живший в 3 веке до н. э., пришел к выводу, что Земля **вращалась** вокруг своей оси и **двигалась** вокруг Солнца.*
- (28а) *Пожалуй, проблема в том, что каждый факт, кажущийся непреложным, можно увидеть с другой стороны, и ты увидишь, что то, что мы считаем фактом, можно увидеть совершенно иначе. К примеру, в Средние века люди долго и упорно считали, что Солнце **вращалось** вокруг земли.* [Livejournal (2014)]
- (28б) *Пожалуй, проблема в том, что каждый факт, кажущийся непреложным, можно увидеть с другой стороны, и ты увидишь, что то, что мы считаем фактом, можно увидеть совершенно иначе. К примеру, в Средние века люди долго и упорно считали, что Солнце **вращается** вокруг Земли.*
- (29) *Согласно тому, как любили подавать материал в школе, в мракобесном прошлом царил кошмар и ужас. [...] И только подвиг великих подвижников [...] разорвал оковы Тьмы и привёл к торжеству науки. Такими подвижниками называли Коперника, Бруно и Галилея. Мол, именно они доказали, что Земля **вращалась** вокруг Солнца, и погибли за свои убеждения... [...] Тем не менее в иницишированном мной опросе [...] как бы подразумевалось, что нужно озвучить реальную версию, а не ту чушь, что давали в школе.* [Виталий Зыков. Джордано Бруно и опрос на странице ВК [2017]]
- (30) *Моя жена — моя вторая половина. Не просто личность, которая соблюдает придуманные другими мужчинами правила. Некоторые из этих мужчин думали, что Земля **была** плоской и что Солнце **вращалось** вокруг Земли.* [К. Леписте. Обратная сторона монеты (2016)]

Если заменить настоящее время на прошедшее (ср. примеры (27а) и (27б)), то информация будет восприниматься опровергнутой наукой впоследствии. Другими словами, говорящий употребляет прошедшее время, чтобы подчеркнуть, что он считает информацию неактуальной.

В примере (28а) подчеркивается, что информация ложная, что люди считали так в Средние века и что мы сейчас так не считаем. Если заменить прошедшее время на настоящее (28б), то будет неясно, истинно ли это утверждение сейчас или ложно, т. к. настоящее время не передает отношения говорящего к информации.

Интересно, что в примере (29) информация истинная, но блогер не согласен с ее подачей, с тем, как этот факт преподается в школе. Он выражает свое презрительное отношение к ложным, с его точки зрения, историческим истинам и ставит под сомнение причины, по которым сожгли Джордано Бруно, используя прошедшее время, а не нейтральное настоящее.

В примере (30) речь идет о рассуждениях мужа о браке, о том, что «нужно забыть все созданные обществом стереотипы о браке и строить его по собственному усмотрению» [там же]. При помощи прошедшего времени говорящий подчеркивает свое неуважительное отношение к мужчинам, навязывающим женщине свое видение брака и мира вообще. Прошедшее время подчеркивает презрительное отношение не только к мужчинам прошлого, которые в прямом смысле считали, что Солнце вращается вокруг Земли, но и к мужчинам настоящего, которые придерживаются ложного «сложившегося мнения о том, какими должны быть брак, муж или жена» [там же]; это мнение представляется автору таким же абсурдным, как и то, что Солнце вращается вокруг Земли.

Разновидностью несогласия с представляемой информацией является также нежелание говорящего или персонажа отвечать на вопрос собеседника. В этом случае при нежелании прямо отвечать на вопрос, можно прибегнуть к отговорке. В качестве примера представим ситуацию, когда женщина рассказывает своей близкой подруге о том, как она провела вечер на официальном приеме, когда все танцевали, а ей танцевать не хотелось (31а):

(31а) *Он спросил меня, почему я не танцевала. Я отвечала, что не могла соперничать с таким замечательным танцором, как он.*

В этом примере прошедшее время создает впечатление, что истинная причина того, что женщина не танцевала, совсем не та, которую она дает мужчине, но что подруге известно истинное положение дел. Может быть, женщина не умела танцевать и не хотела в этом признаться, может быть, не хотела по определенным причинам танцевать с этим человеком.

Если в этом примере заменить прошедшее время на настоящее, подтекст исчезает и становится не ясно, истинна ли причина отказа или ложна:

(31б) *Он спросил меня, почему я не танцевала. Я отвечала, что не могу соперничать с таким замечательным танцором, как он.*

В примере (32) также усматривается нежелание персонажа отвечать на вопрос. Он не отвечает прямо, следили ли за ним, а отговаривается, что не выезжал из Женевы. Неизвестно, правда ли это и, если за ним и не следили в России, делали ли это в Женеве.

(32а) *Татаров не подозревал ничего. [...] Приходил ко мне на дом и много расспрашивал о боевой организации. Я не отвечал, ссылаясь на профессиональную тайну. [...] Он несколько раз спрашивал, следили ли за мной в России. Я отвечал, что давно не выезжал из Женевы. [Б. В. Савинков (В. Ропшин). Воспоминания террориста (1909)]*

(32б) *Татаров не подозревал ничего. Приходил ко мне на дом и много расспрашивал о боевой организации. Я не отвечал, ссылаясь на профессиональную тайну. Он несколько раз спрашивал, следили ли за мной в России. Я отвечал, что давно не выезжаю из Женевы.*

Настоящее время (32б) подчеркнет истинность высказывания: «не выезжаю и не хочу выезжать».

Если мы вернемся теперь к примеру (21), в котором К. Симонов разговаривает с директором японской школы, не желавшим отвечать на его вопросы, то мы увидим, что настоящее время (*капитуляцию рассматривает* не как наказание за агрессию, а как несчастье) обозначает факты, а прошедшее (*войне он сочувствовал, считал ее справедливой и соответственно этому учил детей*) представляется Симонову отговоркой, а не истинными ощущениями директора.

Другими словами, сочувствие директора войне, ее справедливость и тот факт, что именно этому он учил детей, кажется Симонову поверхностными, в то время как «рассмотрение» капитуляции как несчастья — истинным ощущением директора. Что же касается глагола *относился*, то прошедшее время подчеркивает в этом случае как раз то, что вопрос Симонова касался субъективного отношения директора к войне.

4.4. Неуверенность в достоверности информации или отчуждение источника

Иногда прошедшее время может выражать неуверенность говорящего в достоверности сообщаемой с чужих слов информации или отчуждение источника (т. е. ‘я сообщаю с чужих слов и это значит, что мое мнение не обязательно совпадает с подаваемой информацией’):

- (33) *Пресс-служба президента Польши сообщила, что Лех Качиньский **намередвался** обсудить со своим литовским коллегой «программу расширения энергетических связей между Польшей, Литвой, Латвией и Эстонией, а также значение Игналинской АЭС для снижения зависимости региона от поставок энергоносителей из России». [Кирилл Зубков. Польша ищет союзников (2008)]*

В этом примере сообщается информация, полученная из польской пресс-службы. Автор этой информации не опровергает ее, но и не берет на себя ответственность за ее достоверность.

Рассмотрим следующие примеры:

- (34a) *На мои расспросы о Гейзенберге Зубр отвечал, что **вряд ли** Гейзенберг и его окружение **старались** сделать бомбу, **не похоже**. [Даниил Гранин. Зубр (1987)]*
- (34б) *На мои расспросы о Гейзенберге Зубр отвечал, что **вряд ли** Гейзенберг и его окружение **стараются** сделать бомбу, **не похоже**.*
- (35a) *На мои расспросы о Гейзенберге Зубр отвечал, что **уверен**, что Гейзенберг и его окружение **старались** сделать бомбу.*
- (35б) *На мои расспросы о Гейзенберге Зубр отвечал, что **уверен**, что Гейзенберг и его окружение **стараются** сделать бомбу.*

В примере (34а), в котором главный персонаж Зубр не уверен в истинности информации (что подчеркивается лексически: *вряд ли, не похоже*), можно поменять контекст на (35а), при котором он окажется уверен в ней (при помощи *уверен, что*). В обоих случаях, при уверенности или неуверенности в заявляемой информации, прошедшее время (*старались*) отражает либо отношение говорящего (а не персонажа) к истинности информации, либо отчуждение источника говорящим. В примерах (34а) и (35а) можно заменить прошедшее время на настоящее (34б) и (35б). При этом употребление настоящего времени более естественно, если автор присоединяется к мнению источника.

Это подтверждается также примером (36а), где говорящий не заявляет о том, что разделяет точку зрения журналистов. В примере (36б) ситуация другая, настоящее время подчеркивает то, что говорящий принимает подачу информации журналистами:

(36а) *Так, журналисты сообщали, что арестованные **были** выходцами из Средней Азии и радикальными исламистами, убивающими водителей для тренировки, из чувства религиозной нетерпимости.* [Вехи года. «Русский репортер» (2014)]

(36б) *Так, журналисты сообщали, что арестованные — выходцы из Средней Азии и радикальные исламисты, убивающие водителей для тренировки, из чувства религиозной нетерпимости.*

Особым частным случаем неуверенности в достоверности информации является информация, представляющая собой результат воспоминаний (37) или снов (см. об этом на материале других языков, например, [Giorgi, Pianesi 2001]):

(37) *«В ящике письменного стола, — сказал я, — лежала большая фотография, где я на руках у моей матери. Мне, наверное, было меньше года». Пассажир сказал: «[...] ... А более позднее?» — Я ответил, что **была** еще карточка, на которой я был снят во весь рост, в бархатном костюмчике и с бантом на шее.* [Борис Хазанов. Дорога. (2001)]

Прошедшее время выражает здесь локализацию ситуации в воспоминаниях о прошлом, хотя она может действительно существовать и в настоящем (карточка где-то есть и сейчас).

4.5. Модальные глаголы

Эвиденциальность может быть выражена при помощи модальных глаголов. Модальные глаголы со значениями ‘мочь’ или ‘долженствовать’ в прошедшем времени могут использоваться для передачи сведений, известных из некоторого источника. Они могут выражать прямую эвиденциальность (38) или косвенную (39), (7).

В примере (38а) прямая эвиденциальность, выраженная глаголом *предполагал*, обусловлена прошедшим временем *мог*, несущим дополнительную информацию ‘думал, что не может’. В примере же (38б) эвиденциальность отсутствует, так как глагол *может* передает информацию ‘не знал, что может’.

(38а) *Теперь только и спохватился студент: он совершенно не предполагал, что его старший друг мог болеть столь долго, — у меня и в мыслях не было, что он еще не вернулся домой.* [Анатолий Ким. Белка. (1984)]

(38б) *Теперь только и спохватился студент: он совершенно не предполагал, что его старший друг может болеть столь долго, — у меня и в мыслях не было, что он еще не вернулся домой.*

Особенностью модальных глаголов является выражение косвенной эвиденциальности (39а), (7). В примере (39а) глагол *хотели* допустимо интерпретировать следующим образом: ‘сказали, что хотят’.

(39а) — *Заявления в партию есть? — спросил Костромин [...]. Ермолюк ответил, что несколько человек хотели вступить в партию, но у них пока нет рекомендаций.* [А. А. Бек. В последний час (1942)]

Если заменить в этом примере прошедшее время на настоящее (39б), то глагол *хотят* теряет эвиденциальную окраску и интерпретируется ‘знаю, что хотят’:

(39б) *Ермолюк ответил, что несколько человек хотят вступить в партию, но у них пока нет рекомендаций.*

Вернемся теперь к примеру (7), о котором шла речь в начале статьи. В этом примере *должен* был спонтанно интерпретируется следующим образом: ‘сказал, что (погуляет)’. Если заменить

прошедшее время на настоящее, исчезнет идея ‘сказал, что’ и останется значение долженствования (например, он всегда гуляет с собакой, значит должен гулять и сегодня).

5. Выводы

Я надеюсь, что эти два примера нестандартного употребления прошедшего времени (эвиденциальность и дезиративные глаголы) показали целесообразность описания временных и таксисных категорий в дискурсивном ракурсе, а также целесообразность рассмотрения порядка следования действий в соотношении не только с относительным временем, но и с абсолютным.

Прошедшее время может грамматически выражать эвиденциальность в русском языке, при этом оно не является обязательным. Грамматическое выражение эвиденциальности при одновременности глагола прошедшего времени пропозициональной установки и глагола придаточного является маркированным в русском языке. Прошедшее время выражает оценку самой информации и/или ее источника говорящим. Прошедшее время в этом случае является абсолютным и имеет дейктическую природу. Немаркированным выступает настоящее время, выражающее действие придаточного как нейтральный факт. Оно в этом случае выступает как время относительное и имеет таксисную природу.

Модальность является общей характеристикой двух рассмотренных случаев эпистемического восприятия действий, т. к. включает в себя значение субъективности и подразумевает наличие оценки подаваемой информации говорящим.

Литература

- Бондарко 2015 — А. В. Бондарко Глагольный вид: система и среда // Р. Беннакьо (отв. ред.). Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. *Die Welt der Slaven — Sammelbände. Bd. 56.* München; Berlin; Washington, D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015. С. 117–130.
- Козинцева 2007а — Н. А. Козинцева. Типология категории засвидетельствованности // В. С. Храковский (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36.
- Козинцева 2007б — Н. А. Козинцева. Связи засвидетельствованности с другими семантическими категориями // В. С. Храковский (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 37–46.

- Козинцева 2007в — Н. А. Козинцева. Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) // В. С. Храковский (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 85–103.
- Падучева 2010 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2010.
- Храковский 2007 — В. С. Храковский. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // В. С. Храковский (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 600–632.
- Храковский 2009 — В. С. Храковский. Таксис: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (отв. ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 11–113.
- Altshuler 2008 — D. Altshuler. Narrative effects in Russian indirect reports and what is relevant about the meaning of the past tense // T. Friedman, I. Saroshi (eds.). Proceedings of SALT 18. Ithaca: CLC Publications, 2008. P. 19–36.
- Barentsen 1996 — A. Barentsen. Shifting points of orientation in Modern Russian: Tense selection in reported perception // Th. Janssen, W. van der Wurff (eds.). Reported speech. Amsterdam: Benjamins, 1996. P. 15–55.
- Bertonneau, Kleiber 1997 — A.-M. Bertonneau, G. Kleiber. Subordination et temps grammaticaux: l'imparfait en discours indirect // Le Français moderne. 1997. № 2. P. 113–139.
- De Mulder 2012 — W. De Mulder. Un sens épistémique pour l'imparfait et le passé simple // Langue française. 2012. № 173. P. 99–112.
- Frege 1956 — G. Frege. The thought: a logical inquiry // Mind. 1956. Vol. 65. № 259. P. 289–311.
- Giorgi, Pianesi 2001 — A. Giorgi, F. Pianesi. Imperfect dreams: the temporal dependencies of fictional predicates // Probus. 2001. Vol. 13. Iss. 1. P. 31–68.
- Guiraud-Weber 2004 — M. Guiraud-Weber. Le verbe russe: temps et aspect. Marseille: Publications de l'Université de Provence, 2004.
- Hacquard 2006 — V. Hacquard. Aspects of Modality. Ph. D. thesis, Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, Massachusetts, 2006.
- Kleiber 1993 — G. Kleiber. Lorsque l'anaphore se lie aux temps grammaticaux // C. Vetters (éd.). Le temps, de la phrase au texte. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires de Lille, 1993. P. 117–166.
- Milliaressi 2015 — T. Milliaressi. Aspects et temporalité. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2015.
- Milliaressi 2018 — T. Milliaressi. Семантические примитивы категории времени // T. Milliaressi (éd.). La relation temps / aspect: approches typologique et contrastive. Villeneuve d'Ascq: Éditions du Conseil Scientifique de l'Université de Lille. 2018. № 3. P. 25–31.

- Milliaressi, Vogeleeer 2015 — T. Milliaressi, S. Vogeleeer. Aspectualité et modalité: entre le lexique et la grammaire // T. Milliaressi, S. Vogeleeer (éds.). Aspectualité et modalité lexicales. Lexique 22. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2015. P. 7–21.
- Palmer 1986 — F. R. Palmer. Mood and Modality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- van der Auwera, Plungian 1998 — J. van der Auwera, V. Plungian. Modality's semantic map // Linguistic Typology. 1998. Vol. 2. P. 79–124.
- Vogeleeer 1994 — S. Vogeleeer. L'accès perceptuel à l'information: à propos des expressions « un homme arrive — on voit arriver un homme » // Langue française. 1994. № 102. P. 69–83.

Источники

- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 24.12.2019).

References

- Altshuler 2008 — D. Altshuler. Narrative effects in Russian indirect reports and what is relevant about the meaning of the past tense. T. Friedman, I. Saroshi (eds.). *Proceedings of SALT 18*. Ithaca: CLC Publications, 2008. P. 19–36.
- Barentsen 1996 — A. Barentsen. Shifting points of orientation in Modern Russian: Tense selection in reported perception. Th. Janssen, W. van der Wurff (eds.). *Reported speech*. Amsterdam: Benjamins, 1996. P. 15–55.
- Bertonneau, Kleiber 1997 — A.-M. Bertonneau, G. Kleiber. Subordination et temps grammaticaux: l'imparfait en discours indirect. *Le Français moderne*. 1997. No. 2. P. 113–139.
- Bondarko 2015 — A. V. Bondarko. Glagolnyy vid: sistema i sreda [Verbal aspect: system and environment]. R. Benacchio (ed.). *Glagolnyy vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst* [Verbal aspect: grammatical meaning and context]. Die Welt der Slaven — Sammelbände. Bd. 56. München; Berlin; Washington, D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015. P. 117–130.
- De Mulder 2012 — W. De Mulder. Un sens épistémique pour l'imparfait et le passé simple. *Langue française*. 2012. No. 173. P. 99–112.
- Frege 1956 — G. Frege. The thought: a logical inquiry. *Mind*. 1956. Vol. 65. No. 259. P. 289–311.
- Giorgi, Pianesi 2001 — A. Giorgi, F. Pianesi. Imperfect dreams: the temporal dependencies of fictional predicates. *Probus*. 2001. Vol. 13. Iss. 1. P. 31–68.
- Guiraud-Weber 2004 — M. Guiraud-Weber. Le verbe russe: temps et aspect. Marseille: Publications de l'Université de Provence, 2004.

- Hacquard 2006 — V. Haquard. Aspects of Modality. Ph. D. thesis, Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, Massachusetts, 2006.
- Khrakovsky 2007 — V. S. Khrakovsky. Evidentsialnoct, epistemicheskaya modalnost, (ad)mirativnost [Evidentiality, epistemic modality, (ad)mirativity]. V. S. Khrakovsky (ed.). *Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 600–632.
- Khrakovsky 2009 — V. S. Khrakovsky. Taksis: semantika, sintaksis, tipologiya [Taxis: semantic, syntax, typology]. V. S. Khrakovsky (ed.). *Tipologiya taksisnykh konstruktivnykh* [The typology of taxis constructions]. Moscow: Znack, 2009. P. 11–113.
- Kleiber 1993 — G. Kleiber. Lorsque l’anaphore se lie aux temps grammaticaux. C. Vetters (éd.). *Le temps, de la phrase au texte*. Villeneuve d’Ascq: Presses Universitaires de Lille, 1993. P. 117–166.
- Kozintseva 2007a — N. A. Kozintseva. Tipologiya kategorii zasvidetelstvovanosti [The typology of evidentiality]. V. S. Khrakovsky (ed.). *Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 13–36.
- Kozintseva 2007b — N. A. Kozintseva. Svyazi zasvidetelstvovanosti s drugimi semanticheskimi kategoriyami [Evidentiality and other semantic categories]. V. S. Khrakovsky (ed.). *Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 37–46.
- Kozintseva 2007c — N. A. Kozintseva. Kosvennyy istochnik informatsii v vyskazyvanii [Indirect source of information]. V. S. Khrakovsky (ed.). *Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 85–103.
- Milliaressi 2015 — T. Milliaressi. Aspects et temporalité. Villeneuve d’Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2015.
- Milliaressi 2018 — T. Milliaressi. Semanticheskie primitivy kategorii vremeni [Semantic primitives of the category of time]. T. Milliaressi (éd.). *La relation temps / aspect: approches typologique et contrastive*. Villeneuve d’Ascq: Éditions du Conseil Scientifique de l’Université de Lille. 2018. No. 3. P. 25–31.
- Milliaressi, Vogeleer 2015 — T. Milliaressi, S. Vogeleer. Aspectualité et modalité: entre le lexique et la grammaire. T. Milliaressi, S. Vogeleer (éds.). *Aspectualité et modalité lexicales*. Lexique 22. Villeneuve d’Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2015. P. 7–21.
- Paducheva 2010 — E. V. Paducheva. Semanticheskie issledovaniya [Semantic studies]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2010.
- Palmer 1986 — F. R. Palmer. Mood and Modality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Van der Auwera, Plungian 1998 — J. van der Auwera, V. Plungian. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*. 1998. No. 2. P. 79–124.

Vogeleer 1994 — S. Vogeleer. L'accès perceptuel à l'information: à propos des expressions *un homme arrive — on voit arriver un homme*. *Langue française*. 1994. No. 102. P. 69–83.

Sources

NKRYa — Natsionalnyi korpus russkogo yazyka [The national corpus of Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed on 24.12.2019).

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ТАКСИСА В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ*

Я. Коцкова

Славянский институт Чешской академии наук, Прага (Чехия)
kockova@slu.cas.cz

Аннотация. Работа посвящена неличным формам глагола как средствам выражения таксиса в русском и чешском языках. Ядром зависимого таксиса в русском языке являются деепричастные обороты, в то время как причастные и предложно-падежные обороты занимают периферийное положение. Несмотря на то, что русский и чешский язык обладают почти тождественной системой неличных глагольных форм, имеются существенные различия в их употреблении: деепричастия, которые являются центральным средством выражения таксиса в русском, ограничены в чешском в своем употреблении и постепенно исчезают. Важное положение в рамках зависимого таксиса имеют конструкции с отглагольными существительными, а именно с т. н. вербальными существительными. В работе приведены результаты исследования, где на материале параллельного корпуса рассмотрены эквиваленты русских и чешских неличных форм, которые показывают различную позицию неличных форм глагола как средств выражения таксиса в русском и чешском языках. В чешском языке средства выражения таксиса более разнородны, а значения относительного времени также выражаются при помощи союзов и союзных слов, контекста и лексических элементов.

Ключевые слова: глагол, неличные формы, таксис, русский язык, чешский язык.

---

* Данное исследование было поддержано программой «Strategie AV 21» Чешской академии наук. Автор благодарит Марию Симеунович-Скворцову за языковую и стилистическую корректуру текста.

Non-finite forms of verbs as means of expression of the taxis in Russian and Czech

J. Kocková

Institute of Slavonic Studies, Czech Academy of Sciences, Prague
kockova@slu.cas.cz

Abstract. The paper addresses non-finite verb forms as means for expressing taxis in Russian and Czech. Adverbial phrases make the core of dependent taxis constructions in Russian, with participial and preposition-noun phrases remaining in the periphery. Although the Russian and Czech non-finite verb systems are almost identical, they show considerable differences in their usage: in contrast to Russian, adverbial phrases have restricted usage and are becoming obsolete in Czech, where constructions with deverbal nouns, especially the so-called verbal nouns, figure prominently in the dependent taxis domain. In a corpus-based analysis, this paper paid special attention to non-finite form equivalents in Russian and Czech. The results confirm the different positions of non-finite forms in expressing taxis in Russian and Czech. Czech uses more variegated taxis-expressing devices that include not only constructions with finite and non-finite verb forms, but also conjunctions and conjunctive words, as well as contextual and lexical elements.

Keywords: verb, non-finite forms, taxis, Russian, Czech.

1. Введение

При рассмотрении двух языков и языковых систем лингвистика часто сталкивается с проблемой их сопоставимости. Мы решаем вопрос, как сравнивать и описывать системы, включающие и предпочитающие различные средства выражения в одинаковой функции. Данную проблематику хорошо отражает Теория функциональных полей (ТФП), которая затрагивает все средства выражения, их взаимную позицию и учитывает их переходный характер. Этот подход позволяет сравнивать функциональные поля в целом, учитывать лакуны и разную частотность отдельных средств выражения в языках, а также совпадение разных функций (напр., таксиса и условия в чешском) и т. д.

2. Характер неличных форм

Исследуя неличные формы глагола, мы сталкиваемся с их «переходным» характером, т. е. указанные формы объединяют характеристики различных частей речи — глаголов, прилагательных, наречий, существительных. Неличные формы глагола — это формы с различными морфологическими и синтаксическими характеристиками, которые объединены способностью выражать второстепенную предикацию в предложении [Бондарко 1987: 235]. Неличные формы глагола объединяет возможность служить средством выражения таксиса, или точнее, зависимого таксиса. С точки зрения морфологии, они обладают характеристиками других частей речи, и по этой причине в разных языках их классифицируют по-разному (ср. вербальные адъективы в чешском, причастия в русском и т. д.). Межъязыковое сравнение таких категорий затрудняет также то, что такие переходные категории не имеют ясных ограничений (ср. адъективация причастий, переход деепричастий в другие части речи, значение действия у отглагольных существительных и т. п.).

Исследование затрудняет и тот факт, что неличные формы не обладают высокой частотностью в текстах. Новые возможности, которые сегодня представляют параллельные корпуса, стали поводом для подробного исследования эквивалентов неличных форм глагола в русском и чешском языках, целью которого является описание реально употребляемых и в межъязыковом сравнении эквивалентных способов выражения. В рамках этой работы под эквивалентами понимаются переводные конструкции, которые выражают в тексте соответствующее понятие. Этим подходом пользуется целый ряд лингвистов [Johansson 2007: 3; Gast, Levshina 2014; Altenberg, Granger 2002]; в докорпусное время [Mathesius 1975] и др. Анализ эквивалентов был приведен на основе данных параллельного корпуса InterCorp ÚČNK, версии 2–9¹, для каждой формы (три и четыре причастные формы в чешском и русском соответственно, две формы деепричастия, одна форма существительного) было взято около 100 примеров. В исследование входили не только оригинальные тексты, но и переводы с третьих языков, чтобы расширить количество примеров и виды текстов, рассмотреть разнообразные жанры и абстрагироваться от индивидуального авторского и переводческого стиля.

¹ В дальнейшем все примеры взяты из этого корпуса, если не указано иное.

3. Функционально-семантическое поле таксиса

Теория функционально-семантических полей включает все средства выражения, их взаимную позицию, и потому она хорошо подходит для описания переходных форм. На основе понятий ядра и периферии можно объяснить различные способы выражения в языках, которые обладают почти тождественной системой средств выражения.

Приведенные исследования являются одним из возможных подходов при изучении ФСП таксиса, сосредоточенного на неличных формах глагола и их функциях. Эквиваленты русских неличных форм в чешском и эквиваленты чешских неличных форм в русском подвергаются анализу во всех функциях неличных форм, что, однако, позволяет нам составить представление о способах выражения ФСП таксиса в чешском и русском языках. Границы неличных форм и их функций в ряде случаев неоднозначны даже в рамках одного языка, ниже приведенный материал стал попыткой провести широкое исследование, основанное на реальных языковых примерах и ограниченное в минимальной степени исходными категориями.

В русском языкознании ФСП таксиса описывается как полицентрическое, со сферой зависимого и независимого таксиса [Бондарко 1984: 77–79; 1987: 234–243]. Центром зависимого таксиса в русском являются деепричастные конструкции, а причастные и предложно-падежные конструкции имеют периферийное положение. Центром независимого таксиса в русском являются видо-временные формы в сложноподчиненных предложениях с придаточным времени, в предложениях с однородными сказуемыми и в сложносочиненных предложениях; периферийными являются конструкции с видо-временными формами в сложноподчиненных предложениях с придаточными различных функций — условия, причины, следствия, уступки и с изъяснительными придаточными [Бондарко 1987: 240–241].

В чешском языке имеются почти те же системные возможности выражения таксиса, что и в русском (см. *Таблицу 1*), но структура ФСП таксиса отличается². Если деепричастия занимают в русском

---

² Я искренне благодарна проф. Паневой за предоставление её пока не изданного текста «Таксис в чешском языке», который представляет собой совокупное описание средств выражения таксиса в современном чешском языке.

центральное положение, то в чешском они постепенно выходят из употребления. К тому же, добавляются другие черты чешского языка: чешский язык, с точки зрения типологии, является в высокой мере флективным языком, в котором предпочитается употребление первичной предикации в предложных конструкциях. Данные черты находят свое отражение также в способах выражения таксиса: чешский предпочитает конструкции с личными формами глагола в ССП и СПП или конструкции с отглагольными существительными. Вследствие выбора этих средств, категория таксиса выражена не только при помощи видо-временных форм глагола, но также при помощи лексических средств (наречий, предлогов, союзов), или же вытекает из контекста [Panevová: 3, 16–17, 28], что позволяет считать таксис функционально-семантической категорией [Panevová: 47]. В чешском имеется ограниченное количество специализированных средств выражения таксиса, функция таксиса часто выражена вместе с другими функциями (условия, сравнения, хабитуальности и т. д.).

4. Система неличных форм

Системы неличных глагольных форм в русском и чешском языках совпадают: в обоих языках в систему входят деепричастия и причастия. В чешском языке традиционно к неличным глагольным формам относятся также вербальные существительные, т. е. регулярно образующиеся от глаголов субстантивные формы, сохраняющие лексическое значение и некоторые другие глагольные признаки (см. ниже). В русском и чешском языке существуют две основные формы деепричастий: деепр. НСВ, в чешском традиционно называемое „přechodník přítomný“ (деепр. настоящего времени); и деепр. СВ, в чешском „přechodník minulý“ (деепр. прошедшего времени)³. Чешские деепричастия согласуются с субъектом в числе и роде. Система причастий в обоих языках поставлена на оппозиции залоговых и временных форм, однако в чешском отсутствуют формы СПН и образование форм ДПП ограничено.

---

³ Иногда упоминается настоящее деепричастие СВ [EŠČ 2002: 352], которое должно выражать значение предшествования в будущем. Эти формы имеют настолько низкую частотность, что почти невозможно сделать обоснованные выводы об их функциях в современном языке.

Таблица 1. Схема неличных глагольных форм в русском и чешском языках
 Table 1. Infinitive verb forms in Russian and Czech languages

Причастия	Русский	Чешский
ДПН	<i>делающий⁴ (сделающий)</i>	<i>dělající / udělající⁵</i>
СПН	<i>делаемый⁶</i>	-
ДПП	<i>сделавший/ делавший</i>	<i>udělavší / uslyšely⁸</i>
СП ПР. ВР.	<i>сделанный⁹ (деланный)</i>	<i>udělaný / dělaný¹⁰</i>
ДЕЕПРИЧАСТΙΑ		
НСВ	<i>делая</i>	<i>dělaje, dělajíc, dělajice</i>
СВ	<i>сделав(ши)</i>	<i>udělav, udělavši, udělavše</i>
ВЕРБАЛЬНЫЕ СУБСТАНТИВЫ		
	— ¹¹	<i>dělání / udělání</i>

В вышеприведенной таблице представлен обзор системы неличных форм глагола в русском и чешском, к нему необходимо сделать несколько примечаний:

- Деепричастия в чешском считаются средством книжного стиля и имеют низкую частотность употребления (см. далее).
- Термин «причастие» не имеет в чешском соответствующего эквивалента: «příčestí» в чешском обозначает часть аналитических форм глагола (напр. *já jsem/ty jsi/on — udělal*) и страдательные причастия прошедшего времени. Действительные причастия рассматриваются традиционно как так называемые «вербальные адъективы» или «адъективные партиципии»,

⁴ Только НСВ, от СВ данные причастия имеют значение будущего [Сай 2014: 326].

⁵ Образуются преимущественно от глаголов НСВ [МЃ II 1986: 423].

⁶ Только переходные глаголы НСВ [Сай 2011: 274–276].

⁷ Образуются преимущественно от глаголов СВ, однако их образование сильно ограничено [МЃ II 1986: 423].

⁸ Действительные причастия (-*ly*) образуются ограниченно, обычно от переходных глаголов [МЃ II 1986: 421].

⁹ Только от глаголов СВ, у глаголов НСВ лишь от некоторых бесприставочных [Сай 2011: 254].

¹⁰ Страдательное причастие образуется обычно только от переходных глаголов, исключения редки [МЃ II 1986: 420].

¹¹ Однако и в русском имеются существительные со значением действия, которые по значению близки глаголу, ср. *делание*.

хотя такой подход подчеркивает адъективные свойства причастий и оставляет без внимания регулярность их отглагольного образования, их способность выражать грамматические категории залога, возвратности, вида и пр.

- Термином вербальные субстантивы в чешском обозначаются существительные на *-ní/tí*, которые регулярно образуются от глаголов обоих видов и традиционно причисляются к неличным формам глагола.

5. Деепричастия

В русском языке деепричастие является специализированным и центральным средством выражения категории (зависимого) таксиса.

В чешском языке возможности употребления деепричастий более ограничены, МС² II характеризует их как «книжные, выходящие из употребления» [МС² II 1986: 154]. Деепричастия имеют очень низкую частотность¹², и их использование связано с авторским и переводческим стилем¹³. В чешском языке, как в письменном, так и в разговорном, наиболее часто выступают так называемые **абсолютные деепричастия** (напр. *počínaje, soudě, nemluvě, konče*), формы которых не согласуются в числе и роде, не соблюдают правило односубъектности и очень часто переходят в разряды других частей речи [EŠČ 2002: 353].¹⁴ Дворжак в своей монографии показал, что абсолютные деепричастия имеют в чешском стабильную частотность, в то время как частотность «неабсолютных

¹² Срав. в параллельном корпусе InterCorp, v9, находится 690 форм деепр. настоящего времени и 35 791 форм русских деепр. НСВ.

¹³ Например, из проанализированных 159 форм деепричастий пр. вр. (корпус InterCorp, v8), 107 форм находилось в книге «Osudy dobrého vojáka Švejka», 30 форм в переводе «Капитанской дочки» Пушкина (пер. Б. Матезиуса) и 16 форм в переводе «Книги джунглей» Киплинга (пер. М. Майкснера). Деепричастия пр. вр. почти не употребляются в журналистских текстах: в большом корпусе SYN2010 встречается только 46 форм в публицистических текстах, в большинстве случаев это цитаты старших текстов.

¹⁴ В одноязычном корпусе SYN2010 найдено 3048 форм деепр. наст. вр., однако формами с самой высокой частотностью являются абсолютные деепричастия: *počínaje* (1311 форм), *nemluvě* (1285), *nechtě* (456), *konče* (406), *soudě* (405), *nevýjíraje* (291) и т. д.

деепричастий» постепенно снижается начиная с периода национального возрождения [Dvořák 1983: 85].

5.1. Эквиваленты деепричастий

Таблица 2. Эквиваленты деепричастий
Table 2. Equivalents of adverbial participles

ДЕЕПР.	ЭКВИВАЛЕНТЫ РУССКИХ ДЕЕПР. В ЧЕШСКОМ	ЭКВИВАЛЕНТЫ ЧЕШСКИХ ДЕЕПР. В РУССКОМ
НСВ/ наст. вр.	личн. ф. глагола (59 %) • в простом или сложносочиненном предложении (30 %) • в придаточном (29 %)	деепр. НСВ (65 %)
	существительные (12 %)	деепр. СВ (12 %) личн. ф. глагола (8 %)
СВ/ пр. вр.	личн. ф. глагола (70 %) • в придаточном (36 %) • в простом или сложносочиненном предложении (34 %)	деепр. СВ (80 %)
	существительные (20 %) • 6,5 % ВС (4,7 % ВС СВ)	личн. ф. глагола (10 %) деепр. НСВ (3,7 %)

Приведенный материал подтверждает низкую частотность чешских деепричастий и их ограниченное употребление — даже в публицистических текстах используются только деепричастия наст. вр.; также среди эквивалентов русских неличных форм глагола в исследованном корпусном материале встретились только деепр. наст. вр. Результаты подтверждают центральную позицию деепричастий в ФСП зависимого таксиса в русском, русских деепричастий было среди эквивалентов довольно много (80 % для деепр. наст. вр. и 65 % для деепр. пр. вр., см. таблицу 2). И наоборот, в чешском деепричастия занимают и стилистически, и функционально ограниченную позицию. Самым частотным эквивалентом обеих **русских форм деепричастий в чешском языке** являются личные формы глагола, которые встречаются либо в простом предложении (1)¹⁵, либо в сложносочиненном предложении, либо в конструкциях

¹⁵ Следующие примеры приведены из русско-чешского параллельного корпуса: в первом примере дана искомая форма, а второй пример представляет эквивалентное выражение во втором языке.

с однородными сказуемыми, либо в сложноподчиненном предложении с придаточными разных видов: в придаточных времени (самая высокая частотность у эквивалентов деепричастий СВ) (2), в придаточных образа действия, изъяснительных, уступительных, относительных придаточных (чаще всего у эквивалентов деепричастий НСВ, (3)). Часто встречаются **сложноподчиненные предложения с придаточными присоединительными** (4). Видовые формы деепричастий в русском и глагольные видовые формы в чешском при этом не всегда совпадают, и в некоторых случаях мы находим среди эквивалентов одной формы деепричастий обе видовые формы (5), (6). Как показывают приведенные примеры, значение таксиса в чешском часто уступает другим значениям (см. примеры (3), (4)).

- (1) *«Это верно», — подтвердил Бенций, впервые улыгнувшись и чуть ли не просяв...
„To je pravda,“ řekl Bengt. Vůbec poprvé se **usmál** a obličej se mu málem rozzářil.
„Вообще первый раз улыбнулся ...“*
- (2) ***Добежав** до цели, он перебрался через край бассейна и спрыгнул в пенящуюся жидкость.
Když **dorazil** k fontáně, přešel okraj nádrže a ponořil se do zpěněné vody.
„Когда он добрался к фонтану...“*
- (3) *... спросил деликатный Полосков, **сдаваясь** на милость победительницы.
... zeptal se ohleduplný Poloskov, **který se vzdal** na milost a nemilost.
...который сдался на милость...“*
- (4) *Как утверждается, китайские солдаты заняли огневые позиции, **заставляя** индийцев отступить, чтобы не спровоцировать начало огня.
Čínští vojáci údajně zaujali palebné pozice, což **Indy přimělo** se stáhnout, aby nevyprovokovali přestřelku.
„что заставило индийцев отступить...“*
- (5) ***Чувствуя** необыкновенный прилив энергии, я огляделся по сторонам.
Pocítil jsem v sobě neobvyčejnou vlnu energie a rozhlédl se kolem sebe.
„Я почувствовал-PFV в себе необыкновенную волну энергии...“*

- (6) ... *спросил я, чувствуя, как за моей спиной сжимаются туго стянутые рукавами кулаки.*
... *zeptal jsem se a cítil-IPFV jsem, jak se mi za zády v pevně utažených svázaných rukávech kazajky svírají pěsti.*
... *спросил я и чувствовал-IPFV, как ...*‘

В чешском значительную роль среди эквивалентов занимали **вербальные существительные**, которые совпадали с русскими деепричастиями по виду. Вербальные существительные **несовершенного вида** встречались чаще всего в форме творительного падежа (7) или с предлогами со значением процесса *při* ‘при’ (8), *během* ‘в течение’ и с предлогом *prostřednictvím* ‘с помощью’. Паневова упоминает конструкции отглагольных существительных (не только ВС) с предлогами *při*, *během* как средства выражения частичной или полной одновременности [Panevová: 22]. Примеры вербальных существительных СВ с предлогами *po* ‘после’ (9), *od* ‘с’ выражают предшествование действия. Другие отглагольные существительные со значением действия встречались в форме творительного падежа или с предлогами.

- (7) *Позволить потерпевшим рассказывать свои истории, а затем дать подсудимому право затягивать процесс, **расхваливая** свои заслуги в качестве политического лидера, — вот формула бесконечного судебного разбирательства.*
*Povzbuzovat oběti, aby hovořily, a pak dávat obžalovanému právo mařit jednání **vychvalováním** svých zásluh v pozici politického lídra je recept na nekonečné zdržování.*
... *а затем давать-IPFV подсудимому право затягивать процесс расхваливанием своих заслуг...* ‘
- (8) *Преследуя эти цели, Россия должна помнить, что империализм — дорогое удовольствие и ведет к конфликту с Западом. **Při prosazování** svých cílů by Rusko mělo mít na paměti, že imperialismus je nákladný a že podnítí konfrontaci se Západem.*
... *При преследовании своих целей должна Россия помнить, что ...* ‘
- (9) *Остановив гиперинфляцию и заявив о стабилизации цен, она сократила свой государственный сектор, проведя приватизацию сталелитейной и нефтяной промышленности, банковского сектора, предприятий связи и авиакомпаний...*

Po zastavení hyperinflace a nastolení cenové stability zredukovala veřejný sektor; privatizovala nejen ocelárny, petrolejářské podniky, banky či letecké společnosti ...

‘После остановки-РФ гиперинфляции и постановки-РФ стабилизации цен...’

В некоторых случаях русские деепричастия не имели никакого эквивалента, чаще всего тогда, когда в роли деепричастия выступали семантически опустошенные слова (*являясь, находясь, будучи* или *достигнув*). Однако также при отсутствии глагольного элемента может быть выражено значение таксиса, ср. (10). Чешские **деепричастия** были обнаружены среди эквивалентов только как абсолютные формы (*soudě, nemluvě, počínaje*).

- (10) *Массовые убийцы, захватившие власть в двадцатом веке, были обречены на смерть в народных бунтах или на судебные процессы за свои преступления, если, конечно, они не умирали, будучи у власти.*

Masoví vrazi, kteří se dostali k moci ve dvacátém století byli odsouzeni k tomu, že budou buď zabiti při lidové vzpouře, nebo souzeni za své zločiny — tedy pokud nezemřeli u moci.

‘... если, конечно, они не умерли-РФV у власти.’

Совсем другая картина выявилась при анализе эквивалентов **чешских деепричастий в русском**. Самую высокую частотность имели деепричастия (80 % и 65 %) (11, 12). Высокая частотность подтверждает центральную роль деепричастий в ФСП таксиса.

- (11) *Byl to nějaký Šimek z Budějovic, který neznaje ničeho o tom vznešeném posláni těch dam, prohodil k svým soudruhům po odchodu dam: „Jsou ale tady ty kurvy drzý.*

‘который не зная ничего об этой высокой миссии дам...’

Шимек, не будучи осведомлен о высокой миссии дам, после их ухода по-своему расценил такое поведение и сказал своим товарищам: "Ну и нахальные же эти шлюхи".

- (12) *Uděliv ještě rozkazy týkající se kanárka a angorské kočky, odešel, neopomenuv ještě ve dveřích prohodit několik slov o poctivosti a pořádku.*

Otdav приказания, касающиеся канарейки и ангорской кошки, он ушел, не преминув еще раз в дверях проронить несколько слов о честности и порядке.

Небольшую частотность имели среди эквивалентов **личные формы** глагола (13).

(13) *Hrábl ostýchavě do kornoutu, otáčeje se provinilýma očima po tovaryši, který seděl obrácen k nim zády a ničeho si nevšimal.*

Он робко влез рукой в пакетик, обращая виноватые глаза-INST на подмастерье...⁶

*Он робко влез рукой в пакетик, виновато **взглянул** на Чепека, который сидел, повернувшись к нему спиной, и, казалось, ничего не видел.*

6. Причастия

Система причастий негомогенна не только с точки зрения возможностей и частотности их употребления, но и с точки зрения ограничений в образовании форм причастий. В русском и чешском языке причастия представляют промежуточную категорию, соединяющую глагольные и адъективные свойства. В ряде случаев глагольные свойства ослабевают и причастие полностью адъективируется. Провести четкую границу между неличной формой глагола и прилагательным невозможно, скорее имеется в виду шкала постепенного ослабления глагольной характеристики причастий.

Причастные конструкции также способны выражать таксисные отношения. Они вводят дополнительное сообщение распространительного характера. В отличие от деепричастий, причастие являет собой более употребительное и регулярное, но все же более обособленное средство выражения таксиса [Полянский 1987: 242]. Хотя конструкции с причастиями «не направлены специально на выражение таксисной функции...», «таксисная функция может включаться в отношения вторичной предикации, сопровождающие атрибутивные отношения, но может и отсутствовать» [Бондарко 1984: 90]. В русском и чешском языке причастные обороты занимают периферийную позицию в ФСП зависимого таксиса.

6.1. Эквиваленты причастий

В *Таблицах 3 и 4* приведены самые частотные эквиваленты причастных оборотов во всех функциях за исключением главной предикации, т. е. причастий как части сказуемого¹⁶.

¹⁶ В анализ также включены причастия в функции рестриктивного определения, хотя характер их временного значения оценивается неоднозначно и пред-

Таблица 3. Эквиваленты русских причастий в чешском
Table 3. Equivalents of Russian participles in Czech language

	препозитивные	постпозитивные
ДПН (-ущий)	дпн (-ící) (29,7 %) прил. (19,8 %) сущ. (9,9 %)	личн. ф. глагола (17,8 %)
ДПП (-(е)щий)	личн. ф. глагола (7 %) сп св (-ný) (3 %) ¹⁷	личн. ф. глагола (45 %) дпн (-ící) (9,5 %)
СПН (-емый)	0 (26 %) сп нсв (-ný) (17,5 %) личн. ф. глагола (17 %) прил. (10,6 %)	0 (19,4 %) личн. ф. глагола (19 %)
СП ПР. ВР. (-енный)	сп св (-ný) (27,2 %) 0 (6 %) прил. (6 %)	сп св (-ný) (19 %) личн. ф. глагола (14 %)

Таблица 4. Эквиваленты чешских причастий в русском
Table 4. Equivalents of Czech participles in Russian language

ДПН (-ící)	дпн (-ущий) (38,5 %) личн. ф. глагола (17,7 %) сущ. (11,4 %) ¹⁸
ДПП (-všící)	дпп (-(е)щий) (37 %) сущ. (12,8 %) ¹⁹ личн. ф. глагола (11,42 %)
ДПП (-lý)	дпп (-(е)щий) (33 %) прил. (вкл. -лый) (29,3 %) личн. ф. глагола (8 %)
СП СВ (-ný)	сп пр. вр. (-енный) (42,8 %) личн. ф. глагола (10,3 %) сущ. (вкл. -ние) (9 %)
СП НСВ (-ný)	спн (-емый) (25 %) сп (-ный) (17 %) личн. ф. глагола (17 %)

положительно зависит от степени их адъективации [Русакова, Сай 2009]. В анализ включаются также препозитивные формы причастий, которые не имеют других черт адъективации, ср. пример (21).

¹⁷ Русские действительные причастия пр. вр. встречались в случайной выборке примеров в большинстве случаев в постпозиции (75 %).

¹⁸ Включая одну форму субстантивированного ДПН и две формы существительных с суффиксом *-ние*.

¹⁹ Включая отглагольные существительные и субстантивированные ДПП.

Анализ эквивалентов **русских причастий в чешском** показал, что особую роль играет позиция причастного оборота. Если причастный оборот находился перед определяющим словом, то его наиболее частым эквивалентом являлись также причастные обороты.²⁰ Постпозитивным русским причастиям соответствовали в чешском эквиваленты в виде личной формы глагола в относительных предложениях. Особую позицию занимают при этом постпозитивные СП наст. вр., которые имели очень часто в чешском нулевой аналог (14). Причиной этого является, с одной стороны, факт, что в чешском отсутствует соответствующая форма причастия, и, с другой стороны, что в проанализированных данных часто наблюдались семантически опустошенные слова (напр.: *возглавляемый, проводимый, практикуемый, создаваемый, контролируемый, называемый*) в газетных текстах. Анализ также подтвердил низкую частотность чешских ДПП на *-vší* (одна форма среди всех эквивалентов) и *-lý* (две формы).

(14) *Из-за этого возникают вопросы относительно строгости критериев выбора Всемирного банка, а также используемых им моделей распределения, которые могут препятствовать поддержке наиболее нуждающихся.*

Uvstává proto otázka, zda kritéria a alokační modely Světové banky nejsou příliš přísné, což může bránit poskytování podpory nejpotřebnějším.

‘Возникает вопрос, если критерии и модели распределения Всемирного банка не слишком строгие...’

В обратном направлении, среди эквивалентов **чешских причастных оборотов в русском** преобладали причастные обороты как для препозитивных, так и для постпозитивных конструкций. Частыми, но не преобладающими эквивалентами чешских причастий на *-lý* были в русском действительные причастия прошедшего

²⁰ За исключением русских препозитивных ДПП, эквивалентом которых в чешском были личные формы глагола. Причиной этого являются словообразовательные, стилистические и функциональные ограничения употребления соответствующих чешских причастий на *-vší*. «Так, чешская форма на *-ší* типа *příšedší* не может рассматриваться в качестве типового функционально-семантического эквивалента русской форме на *-(в)ший* типа *пришедший* в связи с малоупотребительностью данного причастного типа» [Изотов 1993: 9]. Среди эквивалентов препозитивных ДПП ни в одном случае не встретились чешские ДПП.

времени, встречались также прилагательные (три примера на *-lýj*) и страдательные причастия прошедшего времени²¹. Чешским страдательным причастиям НСВ соответствовали среди эквивалентов разные типы причастий, чаще всего страдательные причастия настоящего времени (напр.: *chované ryby/выращиваемые рыбыны*). В русском среди эквивалентов также встречаются существительные на *-ние* (15):

(15) *To v letech 2000 a 2001 prohloubilo recesi a vedlo k rostoucímu rozpočtovému deficitu z důvodu klesajících příjmů z daní.*

‘В годах 2000 и 2001 это усугубило рецессию и привело к возрастающему бюджетному дефициту из-за сокращающихся налоговых поступлений.’

Это еще сильнее усугубило экономический спад 2000 и 2001 годов и повлекло за собой рост дефицита бюджета из-за сокращения налоговых поступлений.

После обработки материала обнаружилось несколько совпадений, касающихся самых частотных эквивалентов, характерных для обоих языков:

- самым частым эквивалентом русского действительного причастия наст. вр. было чешское действительное причастие наст. вр., и наоборот, самым частым эквивалентом чешских действительных причастий наст. вр. были русские действительные причастия наст. вр. (16);
- самыми частыми эквивалентами русских страдательных причастий пр. вр. были чешские страдательные причастия СВ, и также наоборот: самыми частыми эквивалентами чешских страдательных причастий СВ были русские страдательные причастия пр. вр. (17);
- в меньшей степени можно обнаружить эквивалентность между препозитивными русскими страдательными причастиями наст. вр., эквивалентами которых являлись чаще всего чешские страдательные причастия НСВ, и чешскими страдательными причастиями НСВ, эквивалентами которых были чаще всего русские страдательные причастия наст. вр. (18).

²¹ «Типовым функционально-семантическим эквивалентом в данном случае [ДПП] являются формы на *-lý* типа *příšlý*» [Изотов 1993: 9].

- (16) *Deprese tak následkem dlouhodobé chemické nerovnováhy v systémech **ovlivňujících** činnost srdce, imunitní systém a metabolismus vede ke změnám ve zbytku těla.*
... в системах, влияющих-IPF на работу сердца-ACC...
*Депрессия, таким образом, приводит к изменениям во всем организме, благодаря продолжительным химическим дисбалансам в системах, **контролирующих** работу сердца, иммунную систему и обмен веществ.*
- (17) *Nejnovější úsilí IAC s názvem **Jak osvětlit cestu: vstřícná udržitelná energetická budoucnost představuje ambiciózní vědecky založenou agendu pro naplnění nesmírně náročných energetických požadavků.***
... представляет собой амбициозную, на научных знаниях основанную программу...
*Последнее исследование MAC под названием «Освещение пути: к устойчивому энергетическому будущему» представляет собой амбициозную, **основанную** на научных знаниях программу удовлетворения энергетических потребностей мира.*
- (18) *Mnohé již bylo řečeno o „křížové výpravě“ **vedené** Američany s prezidentem Georgem W. Bushem v čele, která měla přinést muslimskému světu demokracii.*
*Mногое было сказано о **проводимом** под руководством Джорджа Буша и Америки «крестовом походе», направленном на экспорт демократии в мусульманский мир.*

Приведенные примеры демонстрируют некоторые структурные различия причастных оборотов в русском и чешском, где существуют ограниченные возможности для распространения препозитивного причастия другими членами предложения, см. примеры (17), (18).

7. Существительные с суффиксом **-nie / -tie** со значением действия

Существительные с суффиксом *-ní / -tí* называются в чешском языке вербальными субстантивами (*verbální substantiva*, далее — ВС) и традиционно относятся к неличным формам глагола. По этой причине они были включены и в наш анализ эквивалентов. Данный

разряд характеризуют специфические черты существительных (падежные формы, род, число, сочетаемость с притяжательными местоимениями и пр.) и глаголов (значение процессуальности, черты видового значения, способность присоединить трансформированные валентные дополнения глагола и пр.). В чешском, где существуют только малые системные ограничения образования ВС (не образуются, напр., от модальных, каузативных, фреквентативных глаголов и пр.²²), можно говорить о парадигматическом словоизменении²³ ВС. В отличие от русского, чешские ВС всегда имеют способность выразить значение действия и способны выражать таксисные значения.

Положение существительных на *-ние* / *-тие* в русском отличается, они рассматриваются как один из типов отглагольных существительных (рядом с конкурирующими с ними существительными с суффиксом *-ка*, *-ция*, с нулевым суффиксом). В русском именно существительные с суффиксом *-ние* / *-тие* от глаголов СВ часто имеют значение результата или продукта (напр., *собрание*, *расписание*) [Зализняк 2007: 44].

Существительные данного типа в чешском языке не только обладают некоторыми глагольными чертами, но и способны выражать значения таксиса. Хотя в этой функции могут выступать также некоторые другие отглагольные существительные, ВС представляют собой распространенное и системное средство, которое способно самостоятельно или с предлогом выражать значение таксиса. В русском предложно-падежные формы с отглагольными существительными считаются одним из периферийных средств ФСП таксиса. Предложно-падежные конструкции с отглагольными существительными в русском языке ближе к деепричастным конструкциям по сфере функционирования, но имеют частный и ограниченный характер [Полянский 1987: 242].

---

²² Однако с новыми возможностями поиска примеров можно найти подтверждения в отношении некоторых глаголов, у которых не предполагались ВС: *rostení*, *zbývání*. Ср.: [Kocková 2017].

²³ Учитывая критерии Е. Э. Пчелинцевой, сформулированные на основании исследований Дреслера и Перцова, чешские ВС находятся на шкале между словообразованием и словоизменением в ситуации, подобной ситуации в польском языке [Пчелинцева 2016: 310], т. е. ближе к словоизменению.

7.1. Эквиваленты существительных на *-nie* / *-tie*

Таблица 5. Эквиваленты существительных на *-nie* / *-tie*
в русском и чешском
Table 5. Equivalents of nouns ending in *-nie* / *-tie* in Russian
and Czech languages

ЭКВИВАЛЕНТЫ ЧЕШСКИХ ВЕРБАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ		ЭКВИВАЛЕНТЫ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА <i>-nie/-tie</i> СО ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ	
существительные с суффиксом <i>-nie/-tie</i>	50,8 %	ВС	24,9 %
сущ. со значением действия	22,0 %	сущ. со значением действия	24,2 %
глагольные формы	6,2 %	сущ. без значения действия	23,0 %
сущ. без значения действия	5,7 %	глагольные формы	13,0 %

Анализ **русских существительных** с суффиксом *-nie* / *-tie* показал, что большинство примеров из случайной выборки выражало значение действия (приблизительно в отношении 6:1). Эквивалентами существительных со значением действия²⁴ в чешском чаще всего были вербальные существительные (19), среди которых формы совершенного и несовершенного вида встречались приблизительно в равных частях. Почти в той же пропорции встречались отглагольные существительные со значением действия, чаще всего отглагольные существительные с нулевым суффиксом муж. рода, или с финалью *-ka*, *-a*, *-ba*, *-stvi* (20). Несколько реже встречались существительные без значения действия, употребленные в конструкциях с менее точным переводом. Интересно отметить более частое замещение глагольных форм, чаще всего личных форм глагола, но также инфинитивов, и причастий. Личные формы глагола часто встречались в придаточном предложении.

- (19) *Это был торговый винтовой пароход изящной формы, из его трубы валили густые клубы дыма, что указывало на скорое отплытие судна.*

²⁴ Наоборот, между эквивалентами русских существительных с суффиксом *-nie* / *-tie* с конкретным значением не встретились ни ВС, ни существительные со значением действия, а только две личные глагольные формы. В этом случае самыми частыми эквивалентами были существительные с конкретным значением (без значения действия) (72 %).

Jeho komín, vypouštějící husté oblaky dýmu, ohlašoval, že se loď chystá k vyplutí.

,... гудок [...] оглашал, что судно готовится к отплытию...‘

(20) *Отчаянное восклицание послышалось с пустой лодки.*

Z prázdného člunu se ozval úzkostný výkřik.

Если ВС составили почти одну четверть эквивалентов русских существительных на *-ние / -тие*, то в обратном анализе эквивалентов чешских вербальных существительных мы обнаружили русские существительные с суффиксом *-ние / -тие* в 50 % случаев (21, 22).

(21) *Rozdělení moci v politice současnosti jsem přirovnal k období třírozměrné hry v šachu.*

Я сравнил распределение силы в сегодняшней политике с трехмерными шахматами.

(22) *To se jeví jako další ozvěna řeckého scénáře, kdy se cíle snižování dluhového břemene opakovaně neplní, až začnou být nevyhnutelné drastičtější kroky.*

,когда цели снижения-IPF долгового бремени повторно не выполняются...‘

Это похоже на очередное повторение греческого сценария, когда наблюдалось неоднократное несоответствие целевым показателям по снижению долгового бремени, пока более решительные шаги не стали неизбежными.

Очень часто встречались другие отглагольные существительные со значением действия (поразительно редко с финалью *-ка*, чаще с нулевым суффиксом, с финалью *-ция* и т. д.) (23). Существительные без значения действия были среди примеров только в 5,7 % случаев.

(23) *Tyto diskuse se inspirovaly závazkem mezinárodního společenství k řešení strukturálních příčin chudoby, nerovnosti a zhoršování životního prostředí.*

,...решению структурных причин бедности, неравенства и ухудшения-IPF окружающей среды.‘

Участники обсуждений также были проинформированы о приверженности международного сообщества решению структурных причин бедности, неравенства и деградации окружающей среды.

8. Заключение

ФСП таксиса в русском языке описано довольно подробно (см. литературу в *Разделе 3*). Ядром зависимого таксиса являются деепричастные обороты; причастные и предложно-падежные обороты занимают периферийное положение. Независимый таксис выражается соотношением видо-временных форм в различных паратаксических и гипотаксических конструкциях, однако независимый таксис часто приобретает также другие значения (условия и т. д.). Деепричастные обороты являются специализированным средством выражения функции таксиса. Таксисные значения причастных оборотов, напротив, являются непростыми; прежде всего требует более подробного исследования вопрос выбора форм причастий, их временных значений и адъективации, ср. также [Сай 2011; 2014].

В чешском языке также имеются специализированные средства выражения — деепричастия, формы плюсквамперфекта и кондиционала, однако возможности употребления всех этих форм ограничены, все они постепенно выходят из употребления [Panevová]. Таким образом, чешский пользуется неспециализированными средствами выражения, которые часто приобретают и другие функции. Важное положение в рамках зависимого таксиса имеют конструкции с отглагольными существительными, а именно с так называемыми вербальными существительными. Эти конструкции отражают видовые значения глагола и могут регулярно выражать трансформирующуюся глагольную валентность. Предполагается также регулярность их сочетания с фазовыми глаголами (преобладают сочетания с НСВ) и временными предлогами (СВ или НСВ в зависимости от процессуального или непроцессуального значения предлога). Периферийную роль занимают причастия, а деепричастия встречаются очень редко. Независимый таксис выражается соотношением видо-временных форм в сложносочиненных и сложноподчиненных конструкциях, а также в предложениях с однородными сказуемыми. Значения относительного времени выражаются также при помощи союзов и союзных слов, контекста и лексических элементов [Panevová]. По причине отсутствия специализированных средств выражения таксис в чешском часто сочетается с другими значениями (условия, причины, следствия и т. д.).

Приведенный анализ материала показал, что оба языка используют имеющиеся средства неодинаково. Чешский пользуется

не только комбинацией видо-временных глагольных форм, но и комбинацией лексических и других контекстных показателей. Как показал анализ эквивалентов, таксис является не только функцией одного предложения, но и функцией текстовой, таким образом, значение таксиса можно выразить также при помощи видо-временных форм в самостоятельных предложениях в когерентном тексте.

В чешском языке средства выражения таксиса более гетерогенны как с точки зрения форм, так и с точки зрения значений (значение относительного времени не имеет такого центрального положения, как в русском).

Список сокращений

НСВ — несовершенный вид; СВ — совершенный вид; деепр. — деепричастие; сущ. — существительное; личн. ф. — личная форма; прил. — прилагательное; ДПН — действительное причастие настоящего времени; ДПП — действительное причастие прошедшего времени; СПН — страдательное причастие настоящего времени; СП пр. вр. — страдательное причастие прошедшего времени; СП — страдательное причастие; ССП — сложносочиненное предложение; СПП — сложноподчиненное предложение; ФСП — функционально-семантическое поле; наст. вр. — настоящее время; пр. вр. — прошедшее время; ВС — вербальные существительные

Литература

- Бондарко 1984 — А. В. Бондарко. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984.
- Бондарко 1987 — А. В. Бондарко. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 234–243.
- Зализняк 2007 — А. А. Зализняк. Связь отглагольных существительных на -ние, -тие с глагольным видом // Т. М. Николаева (отв. ред.). *Terra balcanica / Terra slavica*. К юбилею Т. В. Цивьян. Балканские чтения 9. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2007. С. 43–51.
- Изотов 1993 — А. И. Изотов. Чешские атрибутивные причастия на фоне русских. М.: МГУ, 1993.
- Козинцева 2002 — Н. А. Козинцева. Конструкции с причастными оборотами как средство выражения таксиса // Е. Г. Колонова (ред.). Основные проблемы русской аспектологии. СПб.: Наука, 2002. С. 99–113.
- Полянский 1987 — С. М. Полянский. Одновременность / разновременность и другие типы таксисных значений // А. В. Бондарко (ред.).

- Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 243–250.
- Пчелинцева 2016 — Е. Э. Пчелинцева. От глагола к имени: аспектуальность в русских, украинских и польских именах действия. СПб.: Наука, 2016.
- Русакова, Сай 2009 — М. В. Русакова, С. С. Сай. Конкуренция действительных причастий прошедшего и настоящего времени // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 245–282.
- Сай 2011 — С. С. Сай. Причастие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2014. С. 247–277. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения 24.12.2019).
- Сай 2014 — С. С. Сай. Действительное причастие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2014. С. 324–374. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения 24.12.2019).
- Altenberg, Granger 2002 — B. Altenberg, S. Granger. Recent trends in cross-linguistic lexical studies. В Altenberg, S. Granger (eds.). *Lexis in Contrast: Corpus-based Approaches*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 3–48.
- Dvořák 1983 — E. Dvořák. *Přechodníkové konstrukce v nové češtině*. Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Praha: Univerzita Karlova, 1983.
- ESČ 2002 — P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová (eds.). *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství lidové noviny, 2002. URL: <https://www.czechency.org> (дата обращения 24.12.2019).
- Gast, Levshina 2014 — V. Gast, N. Levshina. Motivating w(h)-clefts in English and German: A hypothesis-driven parallel corpus study. A.-M. de Cesare (ed.). *Frequency, Forms and Functions of Cleft Constructions in Romance and Germanic. Contrastive, Corpus-Based Studies*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. P. 377–414.
- Johansson 2007 — S. Johansson. *Seeing through Multilingual Corpora. On the use of corpora in contrastive studies*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007.
- Kocková 2017 — J. Kocková. Substantiva mezi slovesem a jménem. Substantiva na -ní (-tí) / -ние (-тие) v češtině a ruštině ve světle paralelního korpusu. *Časopis pro moderní filologii*. 2017. Vol. 99. № 1. P. 55–64.
- Mathesius 1975 — V. Mathesius. *A Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis*. Praha: Academia, 1975.
- MČ II 1986 — M. Komárek, J. Kořenský, J. Petr, J. Veselková, (eds). *Mluvnice češtiny II*. Praha: Academia, 1986.
- Panevová — J. Panevová. Таксис в чешском языке // В. С. Храковский (ред.). *Таксис в славянских языках*. СПб. (в печати).

Источники

InterCorp — Korpus InterCorp, Ústav Českého národního korpusu FF UK. URL: <http://www.korpus.cz> (дата обращения 24.12.2019).

SYN2010 — Korpus SYN, Ústav českého národního korpusu FF UK, 2010.
URL: <http://www.korpus.cz> (дата обращения 24.12.2019).

References

- Altenberg, Granger 2002 — B. Altenberg, S. Granger. Recent trends in cross-linguistic lexical studies. В Altenberg, S. Granger (eds.). *Lexis in Contrast: Corpus-based Approaches*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 3–48.
- Bondarko 1984 — A. V. Bondarko. Funktsionalnaya grammatika [Functional grammar]. Leningrad: Nauka, 1984.
- Bondarko 1987 — A. V. Bondarko. Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa [General characteristics of the semantics and structure of the field of taxis]. A. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [Theory of the functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad: Nauka, 1987. P. 234–243.
- Dvořák 1983 — E. Dvořák. Přechodníkové konstrukce v nové češtině. Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Praha: Univerzita Karlova, 1983.
- ESČ 2002 — P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová (eds.). Encyklopedický slovník češtiny. Praha: Nakladatelství lidové noviny, 2002. Available at: <https://www.czechency.org> (accessed on 24.12.2019).
- Gast, Levshina 2014 — V. Gast, N. Levshina. Motivating w(h)-clefts in English and German: A hypothesis-driven parallel corpus study. A.-M. de Cesare (ed.). *Frequency, Forms and Functions of Cleft Constructions in Romance and Germanic. Contrastive, Corpus-Based Studies*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. P. 377–414.
- Izotov 1993 — A. I. Izotov. Cheshskie atributivnye prichastiya na fone russkikh [Czech attributive participles against the Russian]. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1993.
- Johansson 2007 — S. Johansson. Seeing through Multilingual Corpora. On the use of corpora in contrastive studies. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007.
- Kocková 2017 — J. Kocková. Substantiva mezi slovesem a jménem. Substantiva na -ní (-tí) / -ние (-тие) v češtině a ruštině ve světle paralelního korpusu. *Časopis pro moderní filologii*. 2017. Vol. 99. No. 1. P. 55–64.
- Kozintseva 2002 — N. A. Kozintseva. Konstruktsii s prichastnymi oborotami kak sredstvo vyrazheniya taksisa [Constructions with participles as the means of expression of taxis]. E. G. Kolenova (ed.). *Osnovnye problemy russkoy aspektologii* [Basic problems of Russian aspectology]. St. Petersburg: Nauka, 2002. P. 99–113.
- Mathesius 1975 — V. Mathesius. A Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis. Praha: Academia, 1975.

- MČ II 1986 — M. Komárek, J. Kořenský, J. Petr, J. Veselková (eds). *Mluvnice češtiny II*. Praha: Academia, 1986.
- Panevová — J. Panevová. Taxis v cheshskom iazyke [Taxis in Czech language]. V. S. Khrakovsky (ed.). *Taxis v slavianskikh yazykakh* [Taxis in Slavic languages]. St. Petersburg. (In Print).
- Pchelintseva 2016 — E. E. Pchelintseva. Ot glagola k imeni: aspektualnost v russkikh, ukrainskikh i polskikh imenakh deistviya [From verb to noun: Aspect in Russian, Ukrainian and Polish action nouns]. St. Petersburg: Nauka, 2016.
- Polyanskiy 1987 — S. M. Polyanskiy. Odnovremennost / raznovremennost i drugie typy taksisnykh znacheniy [Simultaneity / non-simultaneity and other types of taxis meanings]. A. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taxis* [Theory of the functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad: Nauka, 1987. P. 243–250.
- Rusakova, Say 2009 — M. V. Rusakova, S. S. Say. Konkurentsia deystvitelnykh prichastiy proshedshego i nastoyashchego vremeni [Concurrence of the past and present active participles]. K. L. Kiseleva, V. A. Plungian, E. V. Rakhilina, S. G. Tatevosov (eds.). *Korpusnye issledovaniya po russkoy grammatike* [Corpus studies on Russian grammar]. Moscow: Probel-2000, 2009. P. 245–282.
- Say 2011 — S. S. Say. Prichastie. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki. Na pravakh rukopisi [Participle. Materials for the project of the corpus description of Russian grammar. As a manuscript]. Moscow, 2014. P. 247–277. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed on 24.12.2019).
- Say 2014 — S. S. Say. Deistvitelnoe prichastie. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki. Na pravakh rukopisi [Active participle. Materials for the project of the corpus description of Russian grammar. As a manuscript]. Moscow, 2014. P. 324–374. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed on 24.12.2019).
- Zaliznyak 2007 — A. A. Zaliznyak. Svyaz otglagolnykh sushchestvitelnykh nanie, -tie s glagolnym vidom [Relation of the deverbal nouns in -nie, -tie with verbal aspect]. T. M. Nikolayeva (ed.). *Terra balcanica / Terra slavica. K yubileyu T. V. Tsivyan. Balkanskie chteniya 9* [Terra balcanica / Terra slavica. On the anniversary of T. V. Tsivyan. Balcanic readings 9]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2007. P. 43–51.

Sources

- InterCorp — Korpus InterCorp, Ústav Českého národního korpusu FF UK. Available at: <http://www.korpus.cz> (accessed on 24.12.2019).
- SYN2010 — Korpus SYN, Ústav českého národního korpusu FF UK, 2010. Available at: <http://www.korpus.cz> (accessed on 24.12.2019).

2. Использование глагольных форм в устной речи

ГЛАГОЛЫ В УСТНОЙ РЕЧИ: ПУТЬ ОТ ЛЕКСЕМЫ К ПРАГМАТЕМЕ (ОТ ЗНАЧЕНИЯ К ФУНКЦИИ)*

Н. В. Богданова-Бегларян

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
n.bogdanova@spbu.ru

Аннотация. В статье приводятся данные о специфике функционирования глаголов и глагольных форм в русской устной повседневной речи. Показано, в частности, что далеко не все формально глагольные слова выступают в устном дискурсе именно как глаголы (предикаты), с набором соответствующих значений. Высокая употребительность данного класса слов достигается тем, что значительная часть таких форм подвергается в устной речи процессу прагматикализации (иногда через предшествующую ей грамматикализацию) и фактически проходит путь *от лексемы к прагматеме* (прагматическому маркеру). На материале двух устных корпусов русского языка — «Один речевой день» (диалоги / полилоги) и «Сбалансированная аннотированная текстотека» (монологи по заданному сценарию) — в работе строится типология глагольных прагматем, в которой выделены такие разновидности, как вербальные хезитативы (*знаешь, (я) не знаю*), метакоммуникативы (*знаешь/те, боюсь что, представь/те*), рефлексивы (*скажем так, так скажем, знает*), маркеры-ксенопоказатели (*грит, гыт, грю*), междометные прагматы (*здрасьте (пожалуйста), (ну) извини/те, (ну) давай/те*), дискурсивы, или пограничные маркеры: стартовые, навигационные и финальные (*значит, скажем так, думаю что*), а также группа вопросительно-риторических конструкций, включающих глагольную форму (*не видишь что ли?! с ума сошёл что ли?! издеваешься что ли?! знаешь что / где / как...; видишь как / какой...*). Отмечается структурная вариативность и полифункциональность большинства глагольных прагматем и предлагается поставить задачу их отдельного

---

* Статья подготовлена в рамках работы над проектом «Система прагматических маркеров русской повседневной речи», поддержанным грантом РНФ (проект № 18-18-00242).

лексикографического описания в специальном «Словаре прагматических маркеров русской речи».

Ключевые слова: глагол, глагольная форма, устная речь, прагматикализация, грамматикализация, прагматический маркер (прагматема).

**Verbs in the Oral Speech:
a Way from Lexeme to Pragmateme
(from Value to Function)**

N. V. Bogdanova-Beglarian

Saint-Petersburg State University, St. Petersburg
n.bogdanova@spbu.ru

Abstract. This article provides information on verbs and verb forms functioning in Russian oral everyday speech. Particularly, we conducted that not all formally verbal words appear in oral discourse precisely as verbs (predicates), and have a set of corresponding meanings. Frequency of this class of words is achieved by the fact that a significant part of such forms are involved to the process of pragmaticalization (sometimes through previous grammaticalization) and actually transfers from *lexeme to pragmateme* (pragmatic marker). The typology of verbal pragmatemes is based on the material of the two oral Russian corpora — “One Speaker’s Day” (dialogues / polylogues) and “Balanced Annotated Text Library” (pre-set scenario-based monologues). It includes verbal hesitations (*znaesh, (ya) ne znayu*), meta-communicatives (*znaesh/te, boyuschto, predstav/te*), reflectives (*skazhem tak, tak skazhem, znaete*), xeno-markers (*grit, gyt, gryu*), interjectional pragmatemes (*zdraste (pozhalusta), (nu) izvini/te, (nu) davay/te*), discoursives, or boundary markers: starting, navigational and final (*znachit, skazhem tak, dumayu chto*), as well as a group of interrogative rhetorical constructions with a verbal form (*ne vidishchto li?!, s uma soshel chto li?!, izdevaeshsya chto li?!, znaesh chto / gde / kak...; vidish kak / kakoy...*). Highlighting structural variability and polyfunctionality of the majority of verbal pragmatemes, the paper proposes that their separate lexicographic description should be undertaken in a special “Dictionary of Pragmatic Markers of Russian Speech”.

Keywords: verb, verb form, oral speech, pragmaticalization, grammaticalization, pragmatic marker (pragmateme).

1. О преимуществах корпусного подхода в лингвистических исследованиях

Коллоквиалистика, прицельно занимающаяся описанием устной разговорной речи [Скребнев 1985], уже давно уверенно опирается на большие языковые и речевые корпуса, сближаясь с тем направлением, которое получило название *корпусной лингвистики* и справедливо признано одним из самых активно развивающихся направлений современной науки о языке [Захаров 2005]. Преимущества корпусных исследований несомненны: во-первых, они дают возможность работать с большими объемами материала, что делает данные, полученные в результате такого масштабного исследования, более достоверными. Во-вторых, корпусный подход позволяет увидеть сам механизм порождения речи (когнитивный аспект лингвистики) и специфику построения устного дискурса (собственно коллоквиалистика). В-третьих, такой подход дает возможность увидеть все то новое в фонетике, лексике, грамматике, семантике, прагматике, чем, вне всякого сомнения, очень богата наша повседневная речь. Увидеть порой даже то, чего и не искали, ср.: корпус как «справочно-информационная система по современному русскому языку» позволяет «получать ответы на самые неожиданные вопросы» — более того, позволяет «ставить новые проблемы, которых лингвистика прошлого почти не касалась» [Плунгян 2005: 13]. Применительно к той зыбкой, диффузной, «неприглаженной языковой стихии», какую представляет собой устная речь, «не скованная традицией и нормой», это особенно актуально. Обращение к корпусным данным такого рода позволяет «отчасти заглянуть в будущее русского языка» [там же: 9]. Ср. также: «В свете корпусной идеологии совершенно по-новому предстают приоритеты лингвистической теории. Теоретическая лингвистика последних десятилетий затронула огромные усилия на анализ сложных синтаксических явлений. Однако с точки зрения корпусного подхода эта работа не всегда полезна, поскольку многие такие явления в речевой реальности не обнаруживаются или обнаруживаются крайне редко. В то же время исключительно частотные явления устной речи, такие как *хезитации*, речевые сбои, *регуляторные дискурсивные маркеры* (курсив мой; для настоящей статьи это положение особенно важно. — Н. Б.-Б.), *парцелляции* и т. д., практически не замечены лингвистической теорией» [Кибрик, Подлеская 2009: 27]. Наконец, корпусный подход

дает исследователю возможность подключить к анализу социо- и психолингвистический аспект, а также учесть коммуникативную ситуацию / коммуникативный сценарий, что еще более усиливает значимость получаемых в результате данных. Именно в рамках такого подхода выполнено и настоящее небольшое исследование.

2. Материал исследования

Основным источником материала для анализа послужили два корпуса, которые активно разрабатываются в Санкт-Петербургском государственном университете.

1. Корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД; диалоги и полилоги); корпус содержит на сегодняшний день записи речи 130 информантов (69-ти мужчин и 61-й женщины), а также около 1000 их коммуникантов, более 1250 часов звучания и 1 млн словоформ в расшифровках (транскриптах). Записи для корпуса производятся в максимально естественных для говорящего условиях, в течение его «речевого дня», который он проживает буквально «с диктофоном на шее», для чего используется методика многочасового мониторинга, непрерывной 24-часовой записи всей речевой продукции информантов [Asinovsky et al. 2009; Богданова-Бегларян и др. 2017а, 2019а]. Состав информантов достаточно строго сбалансирован по гендеру, возрасту и профессии. Материал корпуса анализируется на всех языковых уровнях, с целью описания специфики социолектов современного российского города и поиска диагностирующих признаков разных социолектов [Русский язык... 2016].

2. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ; монологи), включающий записи монологической речи от пяти профессиональных групп носителей языка (медики, юристы, «компьютерщики», преподаватели русского языка как иностранного и философы, студенты); а также четырех групп говорящих по-русски иностранцев (американцы, французы, голландцы, китайцы). Практически все монологи в САТ построены в рамках 4-х коммуникативных сценариев (чтение, пересказ, описание изображения, рассказ); всего в корпусе на данный момент 800 текстов, около 50 часов звучания, и он также подвергается многоаспектным исследованиям [Звуковой корпус... 2013, 2014, 2015; Богданова-Бегларян и др. 2017б, 2019б].

В редких случаях привлекались также материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Все примеры в статье соответствующим образом атрибутированы.

3. Глаголы в устной речи

Исследования последних лет накопили достаточно информации о специфике функционирования глаголов в русской речи. Так, оказалось, что в повседневной речи эта категория слов занимает первое место по частотности (17%), несколько опережая существительное, местоимение-существительное и частицу (по 16%) (см. табл.; данные приводятся по: [Звуковой корпус... 2014: 299]).

Таблица 1. Распределение словоупотреблений по частям речи в корпусах русского языка

Table 1. Distribution of parts of speech in the corpora of Russian language

Часть речи	Корпус	
	НКРЯ	ОРД
Глагол	17,1	17,2
Существительное	28,7	15,8
Частица	4,6	15,7
Местоимение-существительное	8,0	15,5
Предлог	10,6	7,9
Наречие	4,2	7,6
Союз	8,0	4,5
Местоимение-наречие	2,2	4,0
Местоимение-прилагательное	4,7	3,6
Прилагательное	8,6	3,5
Местоимение-числительное	—	0,2

Видно также, что глаголы — почти единственная морфологическая категория слов, чья употребительность не зависит от формы речи — устная или письменная (17,2 и 17,1% соответственно). Существительных в устной речи (УР) оказалось вдвое меньше, чем в письменной (15,8 vs. 28,7%), а местоимений-существительных, наоборот, вдвое больше (15,5 vs. 8,0%). Можно подробнее рассмотреть и другие данные, приведенные в таблице, но остановимся на глаголах в устной речи. Уже самые первые наблюдения показали, что эти единицы в УР далеко не всегда выступают именно

как глаголы, т. е. обозначают действие или состояние: наиболее частотными здесь оказываются употребления глагольных форм, выполняющих (иногда в составе развернутой конструкции / коллокации) функцию различных *прагматем* (см. подробнее: [Богданова-Бегларян 2014; Звуковой корпус... 2015]). Иными словами, глаголы в УР часто подвергаются прагматикализации, теряя в ходе этого процесса свое лексическое значение и приобретая прагматическое (функцию в речи), фактически переходя от лексемы к прагматеме. Результат этого процесса и стал предметом описания в настоящей статье.

4. Прагматикализация как активный процесс устной речи

В результате процесса *прагматикализации*, который свойственен естественной речи и тесно связан с процессом *грамматикализации* [Diewald 2011; Degand, Evers-Vermeul 2015], определенные формы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и становятся сугубо прагматическими единицами [Günther, Mutz 2004; Graf 2011]. Обычная лексема, словосочетание или даже предикативная единица превращаются при этом в *прагматемы*, или *прагматические маркеры* (ПМ): *это самое, как сказать, (ну) (ты) знаешь, вот (этот) вот, туда-сюда, как его (её, их), как это, (я) не знаю, боюсь что* и под. Большинство таких маркеров в основе своей хезитативны, однако функции их в устной речи весьма разнообразны и зачастую реализуются одновременно, что усложняет задачу идентификации ПМ в ходе восприятия (особенно иноязычными носителями), перевода с русского языка на другие или автоматической обработки речевого потока [Богданова-Бегларян 2014]. Многие из таких маркеров формально носят глагольный характер, и, думается, именно за счет таких единиц и повышается общая частотность «глаголов» в УР. В дальнейшем в статье термин «глагол» употребляется именно в таком значении: это не традиционная часть речи, обладающая определенной лексико-грамматической характеристикой, а прагматический маркер, структурный элемент исключительно устной речи или ее стилизации в письменной форме языка.

Анализ корпусного материала позволяет говорить о некоторой *типологии глагольных прагматем*, демонстрирующей результат

перехода (пройденного «пути») от лексемы к прагматеме. Типология получена в результате детального контекстного анализа корпусного материала¹.

5. Типология глагольных прагматем

5.1. Вербальные хезитативы

В роли *вербальных хезитативов* (ВХ), заполняющих в устном дискурсе паузы хезитации, способен выступать целый ряд глаголов или глагольных конструкций, ср. (об особенностях орфографического представления материалов ОРД (конвенциях дискурсивной транскрипции) см.: [Русский язык... 2016: 242–243]):

- (1) *то есть они знают что (...) **знаешь** как бы это борьба за местом под солнцем # *Н всё-таки **ты знаешь** // **знаешь** / у него больше здравого смысла *Н если человек работает то он работает / **я не знаю** // Де... Денис / @ **я не знаю**...@ Денис здесь такой же наёмный рабочий / как и мы с тобой (ОРД);*
- (2) *да да да да / да / *П да // *П **значит так** / Люба / давайте сделаем следующим образом // *П если вы надумаете делать резекцию / со временем / **скажем так** её # да да да (ОРД).*

Видно, что прагматические маркеры с глаголом в роли базовой единицы часто неоднословны (претендуют на роль разговорной конструкции-коллокации), структурно вариативны и полифункциональны. Так, в примере (1) все выделенные ПМ являются

¹ В настоящее время (в рамках работы над проектом «Система прагматических маркеров русской повседневной речи») проводится сплошное аннотирование ПМ в обоих корпусах (САТ и ОРД), что позволяет скорректировать и уточнить эту исходную типологию, а также ставит перед исследователями много новых вопросов, связанных как с дифференциацией дискурсивных и прагматических маркеров (двух типов маркеров, которые в равной степени присутствуют в любом устном тексте и выполняют в нем, в числе прочих, структурирующую функцию), так и собственно с выделением ПМ в устном тексте. Автоматическое аннотирование прагматических маркеров затруднено тем обстоятельством, что все они на первый взгляд не отличаются от значимых функциональных речевых единиц и лишь в контексте реализуют свой новый статус, появляющийся, как правило, в результате процесса прагматикализации (см. об этом подробнее: [Bogdanova-Beglarian et al. 2018; Zaides et al. 2018]).

не только гезитативными, но и метакоммуникативными, т. е. вербализуют функцию привлечения внимания собеседника (*знаешь*) или некоторую оценку собственных способностей говорящего в построении текста (*я не знаю*). Для ПМ в контексте (2) дополнительными по отношению к гезитации функциями можно считать дискурсивную стартовую (*значит так*) и «ложную»² рефлексивную (*скажем так*).

5.2. Пограничные маркеры (дискурсивы)

Среди дискурсивов выделяются три традиционных типа: *стартовые, навигационные (направляющие) и финальные*, ср.:

- (3) *знаешь / вот тоже слабое место а? так стало быть я там / вот за кордоном / они ж не привыкли ремонтировать // они к этому не привыкли как у нас* (ОРД) (старт + метакоммуникатив);
- (4) *она как-то называется / язык чего-то такое / (...) ну в общем короче / (м...м) *П каков наш / *В языковой день // так скажем / да ? *П вот мне дали такую штуковину / *П и я хожу / она на мне висит // *П все разговоры / *П записывает* (ОРД) (навиг.+ рефлексив);
- (5) *и она просто / у нее там на на уровне подсознания срабатывает / нет / не хочу / потому что // я не знаю почему / думаю что* (САТ) (финал);
- (6) [Лена, жен / 52 / массажистка] *Только по другому поводу / да?* [Интервьюер, жен / ? / ?] *Да / боюсь что* [Лена, жен / 52 / массажистка] (НКРЯ) (финал).

Снова налицо полифункциональность прагматических маркеров глагольного типа, что отмечено в комментариях к примерам. Навигационный дискурсивный маркер часто еще помогает говорящему сменить тему (4).

---

² Говорить в данном случае о реализации нормальной (не «ложной») функции *рефлексива*, пожалуй, нет оснований, так как ПМ *скажем так* употреблен в самом обычном контексте, не содержащем ничего «нетривиального», что потребовало бы какого-то маркирования (реакции) со стороны говорящего. О *рефлексиве* как разновидности прагматем см.: [Богданова-Бегларян 2015]. О «ложных» рефлексивах см. также п. 5.4 настоящей статьи.

5.3. Маркеры-ксенопоказатели

В роли *ксенопоказателя*, вводящего в повествование чужую речь (в широком понимании данного термина, то есть — и свою собственную, сказанную ранее), часто субъективно окрашенную (см. о группе таких частиц: [Виноградов 1972: 573–574; Левонтина 2010]), выступают личные формы глагола *говорить*, функционирующие чаще в редуцированном виде — *гы, гыт, грит, грю* и под.:

- (7) *она **грит** / не скажу / потому что **гыт** / если скажу **гыт** / я знаю / ты не приедешь* (ОРД);
- (8) *значит **гыт** / смотрю **гы** думаю о(:) / кто-то приколотся значит / поставил себе (...) эти / *П колёса от «Бентли» / *П диски* (ОРД);
- (9) *устраивает мамка-то **гыт** праздники нам тут // то **гарыт** свадьба / *П то похороны // то **гыт** ещё что-нибудь **говорит** // ужас **грит** какой-то в этом году* (ОРД).

Примеры хорошо иллюстрируют вариативность формы данного ПМ, необязательность (хотя и предпочтительность) фонетической редукции и сочетание в одном контексте разных форм данного маркера: от полной (*говорит*) до максимально редуцированной (*гы*). В некоторых случаях, когда подобных прагматем в одном контексте слишком много, можно предположить, что они реализуют еще и *ритмообразующую функцию* (см. о ней подробнее: [Богданова-Беларян и др. 2013]).

5.4. Маркеры-рефлективы

В роли *рефлектива*, с помощью которого говорящий вводит в свою речь нечто «нетривиальное» (поговорку, поговорку или иную идиому, имя собственное, прецедентный текст, жаргонное словечко и т. п.)³ или реагирует на сказанное, например, на результат произведенного хезитационного поиска (в примерах все такие

³ В коллоквиалистике рефлексивами называют глаголы, выражающие оценку говорящим своей и чужой речевой деятельности и отражающие его размышления о поиске языковых средств [Кормилицына 2000] в отличие от сложившегося в грамматике представления о рефлексивах как о возвратных глаголах и конструкциях, ср. [Кустова 2014].

фрагменты подчеркнуты), употребляется прежде всего глагольная конструкция (...) *скажем (...)*, во всех своих структурных разновидностях:

- (10) *ну просто здесь случай / *П **скажем так не самый простой*** (ОРД);
- (11) *там *Н // он пытается сейчас пересмотреть // *П ему помогают пересмотреть // *П **скажем так** / в том числе / толкают // *П это ж надо пересматривать // *П пересматривать ему не очень хочется* (ОРД);
- (12) *с другими // *П ну (...) неспециалистами так скажем // *П в той области / в которой я работаю* (ОРД).

Прагматема (...) *скажем (...)* структурно вариативна (наиболее частотны ее варианты *так скажем* и *скажем так*, не зафиксированные как цельная единица ни одним словарем) и может находиться в разных положениях по отношению к маркируемому фрагменту: в препозиции (10), постпозиции (11) (это можно назвать «упреждающим» рефлексивом [Богданова-Бегларян 2015]) и даже «интерпозиции» (12), т. е. внутри того выражения, к которому относится. Во всех приведенных примерах рефлексив является одновременно *маркером эвфемизации* как разновидности «нетривиального».

Возможны и другие маркеры-рефлексивы, также вполне полифункциональные, ср.:

- (13) *ну просто какое-то(?) хирургическая манипуляция / **знаете*** (ОРД) (+ метакоммуникатив + финал);
- (14) *да я так просто / ну чтоб повыпендриваться / **знаешь там*** (ОРД) (+ метакоммуникатив + финал);

Кроме типичных прагматических маркеров разговорной речи, в функции рефлексива (с глаголом в роли базовой единицы) могут выступать и литературные вводные словосочетания *что называется, как говорится, так сказать* и некот. др., ср. (объект рефлексии подчеркнут):

- (15) *понимаешь # понимаю *Н # () совершенно вот такого / (а-а) вокруг да около / **как говорится** / и ничего конкретного* (ОРД);

- (16) *там народу много / детей бегают // а потом (...) так посмотрел // в принципе так // очень здорово / душевно что называется сделано* (ОРД);
- (17) *а эта та / опять эта тетка там стоит // *П ой / пойти // # сегодня утром стояла женщина *Н # пойду пот... *Н *Ш как говорится / потрындеть* (ОРД);
- (18) *я вообще люблю / когда аптеки недалеко от аптек // Вить% (?) можно зайти сравнить цены // @ да / можно // # так сказать / понять // провести такой небольшой / маркетинг // так сказать / фармацевтическое (:) исследование* (ОРД).

Справедливости ради надо сказать, что эти вполне литературные рефлексивы, также выступающие в разных позициях по отношению к маркируемому фрагменту, в УР порой утрачивают эту функцию (включаются в новый виток процесса прагматикализации) и начинают функционировать как обычные ВХ:

- (19) *ну // в принципе / я сейчас смотрю / потому что / как говорится / он всё-таки составлял два месяца назад* (ОРД);
- (20) *оказывается/ (э) все измерения... *П это вот (э-э) / так сказать / (м-м) и есть те самые объекты* (ОРД);
- (21) *а вот (э-э) на... н... вот наше вот это вот (э-э) вот это вот / вот(:) тут / тут сложнее гораздо / @ да // @ потому что / значит / я вот вот э-э вот эти / ну в принципе / значит / ну / п... по моим / понятиям значит / я же не отличу так скажем / таджика от узбека что называется / @ да да да // @ да ?* (ОРД).

В контекстах (19)–(21) трудно обнаружить хоть что-нибудь «нетривиальное», что требовалось бы маркировать специальным образом. Скорее, здесь мы имеем дело с проявлением *гиперкоррекции*: говорящий старается говорить лучше, но, не обладая достаточными навыками (достаточным уровнем речевой компетенции), «перегибает палку» и делает, что называется, «ошибки от усердия»: употребляет «красивые и умные» выражения без всякой надобности (см. подробнее: [Богданова-Бегларян 2020]). Сам рефлексив в таком случае можно квалифицировать как «ложный» или отнести, помимо ВХ (снова налицо полифункциональность прагматем),

к классу *декоративов*, употребляющихся исключительно «для красного словца» (рабочее, и очень «говорящее», название данного типа ПМ — «никчемутивы»).

5.5. Маркеры-метакоммуникативы

Существует и большая группа *контактных глаголов*, выступающих в УР в функции *метакоммуникативов*: *знаешь/те, понимаешь/те, представляешь/те; прикинь, смотри/те* и под.:

- (22) *а сейчас / а сейчас они вот / (э...э) страховую да сперва ? *П (э...э) / ну у кого какая страховая / понимаешь ? у кого большая / тому выгодно // а у кого (...) она не повышалась (ОРД) (+ навиг.);*
- (23) *вот но времени но правда с утра и надо ехать / ну с Ленинского сама понимаешь (САТ) (возможно, + финал);*
- (24) *вот / я думаю что / (...) это не совсем правильный подход / потому что вот что касается компьютера / да ? *П # угу // # вот если мы в него как бы дополнительно вкл... вкладываем / и меняем его в лучшую сторону / да ? то да // это увеличивает стоимость основных средств // *П а если мы его просто ремонтируем / то ничего этого не происходит // *П **понимаете ? да ?** (ОРД) (+ финал);*
- (25) *доволен хозяин их / поит / наверное чаем / или англичане похуже / ну слушайте / чёрт его знает / в общем конец очень печальный (САТ).*

Группа подобных маркеров достаточно обширна, они так же полифункциональны, как и все другие ПМ (в комментариях к примерам выше это отмечено), более всех других рассмотренных «глагольны» и заслуживают отдельного описания (см. статью [Богданова-Бегларян, Маслова 2019] в настоящем сборнике). О разнообразных единицах такого типа существует довольно обширная литература: см., например: [Ведрева 2003; Branco, Valsiner 2004; Canestrari 2010].

5.6. Междометные прагматемы

Широко распространены в УР и *междометные* (в основе своей также глагольные) *прагматемы* типа *здрасьте (пожалуйста)! (ну) извини(те)! (ну) давай/те*, прошедшие, наряду с прагматикализацией, несомненный путь грамматикализации:

- (26) ну **давайте** / ага // *П хорошо / всё (ОРД);
- (27) Дыма / Дыма Дыма / ты не сюда залез // ну-ка **давай** ! *П **давай** ! (ОРД);
- (28) а вот ты знаешь / секретарь всё-таки это / ну бывает такой секретарь-референт который там / не знаю там / ну / грубо говоря **извини меня** / секретарь у нас даже не делает кофе директорам / начнём с этого / например приходит и сам себе делает / это уже как бы / **извини** (ОРД).

5.7. Вопросительно-риторические конструкции

Часто глаголы в УР образуют специфические *вопросительно-риторические конструкции*, также очень частотные и включающие порой уже описанные прагматы — контактные глаголы: *не видишь что ли?! с ума сошёл что ли?! издеваешься что ли?! знаешь что/где/как...; видишь как/какой... и под.:*

- (29) ну ты можешь так не тормозить // ну ты **что издеваешь** / **что ли** надо мной и над машиной ? *П # купи себе машину / ты уж наконец // и мучай её // пошли (ОРД);
- (30) покончить са... () самоубийством что ли // # ты **что** / с ума сошла **что ли?** человек развивается до самой смерти / и смерть / между прочим / является частью жизни (ОРД);
- (31) нам объясняют / **не видишь** / **что ли** !? (ОРД);
- (32) в том-то и дело что *П **понимаешь** *какая фигня* *П ну я ей говорю / позвони Татьяне% в принципе ж можно *Н приткнёмся (ОРД);
- (33) *везде вон* () в Челябинской_области§ **видишь что** творится (ОРД).

Как цельные единицы подобные конструкции также не зафиксированы ни в одном словаре.

6. Заключение

Проведенный анализ позволил сделать ряд конкретных выводов. Так, в сфере глагольного функционирования в устной речи активен процесс *прагматикализации* — именно за счет этого глагольные

формы столь частотны. Иногда этому сопутствует (предшествует) *грамматикализация* (переход глагольной формы в частицу, междометие, вводное слово/словосочетание).

Глагольные прагматы (как и прагматы вообще) часто *структурно вариативны* и *полифункциональны*.

Частотность глагольных ПМ намного выше, чем этих же форм в предикативном употреблении, ср. [Звуковой корпус... 2015]:

- (...) *скажем* (...): на 3–7% глагольных (предикативных) употреблений во всех корпусах приходится 93–97% прагматемных;
- (я) *не знаю*: 48,7% употреблений представляют собой вербальные *хезитативы*.

В прагматических маркерах глагольного типа часто видны остатки («атавизмы») *грамматики*:

- *давай/те, извини/те, знаешь/те* и под. (изменяемость по числу);
- *представляешь/представь* (изменяемость по виду и наклонению);
- *грю, грит, грят* (изменяемость по лицу и числу).

Нет сомнения, что необходимо отдельное и максимально подробное *лексикографическое описание* прагматем, в том числе глагольных, в специальном «Словаре прагматических маркеров русской речи», работа над которым уже ведется на филологическом факультете СПбГУ [Bogdanova-Beglarian et al. 2018].

Литература

- Богданова-Бегларян 2014 — Н. В. Богданова-Бегларян. Прагматы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
- Богданова-Бегларян 2015 — Н. В. Богданова-Бегларян. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 11–17.
- Богданова-Бегларян 2020 — Н. В. Богданова-Бегларян. *Главное, как говорится, в струю попасть*, или Что вводится в нашу речь маркером *как говорится?* (раздумья над корпусным материалом) // Славянская фразеология. Проблемы и перспективы. Сб. научных трудов к 75-летию проф. В. М. Мокиенко. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2020 (в печати).

- Богданова-Бегларян, Маслова 2019 — Н. В. Богданова-Бегларян, Е. Р. Маслова. Русские контактные глаголы в устной спонтанной речи: объем словника и функционально-семантическое разнообразие // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. СПб.: Наука, 2019 (в печати).
- Богданова-Бегларян и др. 2013 — Н. В. Богданова-Бегларян, А. И. Кислошук, Т. Ю. Шерстинова. О ритмообразующей функции дискурсивных единиц // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2013. Вып. 2 (22). С. 7–17.
- Богданова-Бегларян и др. 2017а — Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, Т. Ю. Шерстинова, Г. Я. Мартыненко. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Д. А. Кочаров, П. А. Скредин (науч. ред.). *Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара*. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.
- Богданова-Бегларян и др. 2017б — Н. В. Богданова-Бегларян, Т. Ю. Шерстинова, К. Д. Зайдес. Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Д. А. Кочаров, П. А. Скредин (науч. ред.). *Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара*. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 8–13.
- Богданова-Бегларян и др. 2019а — Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, К. Д. Зайдес, Т. Ю. Шерстинова. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2019. Вып. 21. С. 101–110.
- Богданова-Бегларян и др. 2019б — Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, К. Д. Зайдес, Т. Ю. Шерстинова. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2019. Вып. 21. С. 111–120.
- Вепрева 2003 — И. Т. Вепрева. *Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении (на материале высказываний-рефлексивов 1991–2002 гг.)*. Дис. ... докт. филол. наук, Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2003 (рукопись).
- Виноградов 1972 — В. В. Виноградов. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М.: Высшая школа, 1972.
- Захаров 2005 — В. П. Захаров. *Корпусная лингвистика*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
- Звуковой корпус... 2013 — Н. В. Богданова-Бегларян (ред.). *Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание*. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013.

- Звуковой корпус... 2014 — Н. В. Богданова-Бегларян (ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014.
- Звуковой корпус... 2015 — Н. В. Богданова-Бегларян (ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015.
- Кибрик, Подлесская 2009 — А. А. Кибрик, В. И. Подлесская (ред.). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Кормилицына 2000 — М. А. Кормилицына. Рефлексивы в речевой коммуникации // М. А. Кормилицына (ред.). Проблемы речевой коммуникации. Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 2000. С. 20–25.
- Кустова 2014 — Г. И. Кустова. Заметки о рефлексивных значениях // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. Вып. 1. С. 199–220.
- Левонтина 2010 — И. Б. Левонтина. Пересказываемость в русском языке // А. Е. Кибрик (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 9 (16). М.: Издательский центр «Российский гос. гуманитарный ун-т», 2010. С. 284–289.
- Плунгян 2005 — В. А. Плунгян. Зачем нужен Национальный корпус русского языка: Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. М.: Индрик, 2005. С. 6–20.
- Русский язык... 2016 — Н. В. Богданова-Бегларян (ред.). Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. СПб.: Laika, 2016.
- Скробнев 1985 — Ю. М. Скробнев. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985.
- Asinovsky et al. 2009 — A. Asinovsky, N. Bogdanova, M. Rusakova, A. Ryko, S. Stepanova, T. Sherstinova. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation // V. Matoušek, P. Mautner (eds.). Text, Speech and Dialogue. 12th International Conference, TSD 2009, Pilsen, Czech Republic, September 13–17, 2009. Proceedings. LNAI. Vol. 5729. Berlin; Heidelberg: Springer, 2009. P. 250–257.
- Bogdanova-Beglarian et al. 2018 — N. Bogdanova-Beglarian, O. Blinova, G. Martynenko, T. Sherstinova, K. Zaides. Pragmatic Markers in Russian Spoken Speech: an Experience of Systematization and Annotation for the

- Improvement of NLP Tasks // S. Balandin, T. S. Cinotti, F. Viola, T. Tyutina (eds.). Proceedings of the FRUCT'23. Bologna, Italy, 13–16 November 2018. Bologna: FRUCT Oy, 2018. P. 69–77.
- Branco, Valsine 2004 — A. U. Branco, J. Valsiner (eds.). *Communication and Metacommunication in Human Development*. Greenwich, CT: IAP, 2004.
- Canestrari 2010 — C. Canestrari. *Meta-Communicative Signals and Humorous Verbal Interchanges: A Case Study // Humor — International Journal of Humor Research*. 2010. Vol. 23. Iss. 3. P. 327–349.
- Degand, Evers-Vermeul 2015 — L. Degand, J. Evers-Vermeul. *Grammaticalization or Pragmaticalization of Discourse Markers? More than a Terminological Issue // Journal of Historical Pragmatics*. 2015. Vol. 16. Iss. 1. P. 59–85.
- Diewald 2011 — G. Diewald. *Pragmaticalization (Defined) as Grammaticalization of Discourse Functions // Linguistics*. 2011. Vol. 49. Iss. 2. P. 365–390.
- Graf 2011 — E. Graf. *Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011.
- Günther, Mutz 2004 — S. Günther, K. Mutz. *Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. P. 77–107.
- Zaides et al. 2018 — K. Zaides, T. Popova, N. Bogdanova-Beglarian. *Pragmatic Markers in the Corpus “One Day of Speech”*: Approaches to the Annotation // A. Elizarov, N. Loukachevitch (eds.). *Computational Models in Language and Speech*. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018). Kazan, Russia, November 1, 2018. Kazan (Volga Region) Federal University, N. I. Lobachevsky, Institute of Mathematics and Mechanics, Kazan, Russia; Lomonosov Moscow State University, Research Computing Center, Moscow, Russia. Kazan; Moscow, 2018. P. 128–143.

References

- Asinovsky et al. 2009 — A. Asinovsky, N. Bogdanova, M. Rusakova, A. Ryko, S. Stepanova, T. Sherstinova. *The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker’s Day»*: Creation Principles and Annotation. V. Matoušek, P. Mautner (eds.). *Text, Speech and Dialogue. 12th International Conference, TSD 2009, Pilsen, Czech Republic, September 13–17, 2009. Proceedings*. LNAI. Vol. 5729. Berlin; Heidelberg: Springer, 2009. P. 250–257.
- Bogdanova-Beglarian 2014 — N. V. Bogdanova-Beglarian. *Pragmatemy v ustnoy povsednevnoy rechi: opredelenie ponatiya i obshchaya tipologiya* [Pragmatemes in Spoken Everyday Speech: Definition and General

- Typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2014. Vol. 3 (27). P. 7–20.
- Bogdanova-Beglarian 2015 — N. V. Bogdanova-Beglarian. Refleksiv v sisteme diskursivnykh edinit russkoy ustnoy rechi [Reflexive in the System of Discourse Units of Russian Speech]. *Mir russkogo slova*. 2015. No. 3. P. 11–17.
- Bogdanova-Beglarian 2020 — N. V. Bogdanova-Beglarian. *Glavnoe, kak govoritsya, v struyu popast, ili Chto vvoditsya v nashu rech markerom kak govoritsya? (razdumya nad korpusnym materialom) [Glavnoe, kak govoritsya, v struyu popast, or What We Mean when Using Speech Marker kak govoritsya (More on Russian Speech Corpus Material)]. Slavyanskaya frazeologiya. Problemy i perspektivy. Sbornik nauchnykh trudov k 75-letiyu V. M. Mokienko [Slavic phraseology. Problems and perspectives. The collection of works in honour of the 75th anniversary of V. M. Mokienko]. Frankfurt am Main, 2020. (In Print).*
- Bogdanova-Beglarian et al. 2013 — N. V. Bogdanova-Beglarian, A. I. Kisloshchuk, T. Iu. Sherstinova. O ritmoobrazuyushchey funktsii diskursivnykh edinit [On Rhythm-Forming Function of Discourse Markers]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2013. Iss. 2 (22). P. 7–17.
- Bogdanova-Beglarian et al. 2017a — N. V. Bogdanova-Beglarian, O. V. Blinova, T. Iu. Sherstinova, G. Ja. Martynenko. Korpus «Odin rechevoy den» v issledovaniakh sociolingvisticheskoy variativnosti russkoy razgovornoj rechi [Corpus «One Speaker’s Day» in Studies of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech]. D. A. Kocharov, P. A. Skrelin (sc. eds.). *Analiz razgovornoj russkoy rechi (AR3-2017): Trudy sedmogo mezhdistsiplinarnogo seminarina [The analysis of colloquial Russian speech (ARS-2017): Works of the 7th interdisciplinary seminar]. St. Petersburg: Politekhnikaprint, 2017. P. 14–20.*
- Bogdanova-Beglarian et al. 2017b — N. V. Bogdanova-Beglarian, T. Iu. Sherstinova, K. D. Zaides [Korpus «Sbalansirovannaya Annotirovannaya Tekstoteka»: metodika mnogourovnevnogo analiza russkoy monologicheskoy rechi [Corpus «Balanced Annotated Text Library»: Methodology Multi-Level Analysis of the Russian Monological Speech]. D. A. Kocharov, P. A. Skrelin (sc. eds.). *Analiz razgovornoj russkoy rechi (AR3-2017): Trudy sedmogo mezhdistsiplinarnogo seminarina [The analysis of colloquial Russian speech (ARS-2017): Works of the 7th interdisciplinary seminar]. St. Petersburg: Politekhnikaprint, 2017. P. 8–13.*
- Bogdanova-Beglarian et al. 2018 — N. V. Bogdanova-Beglarian, O. Blinova, G. Martynenko, T. Sherstinova, K. Zaides. Pragmatic Markers in Russian Spoken Speech: an Experience of Systematization and Annotation for the Improvement of NLP Tasks. S. Balandin, T. S. Cinotti, F. Viola, T. Tyutina

- (eds.). *Proceedings of the FRUCT'23. Bologna, Italy, 13–16 November 2018*. Bologna: FRUCT Oy, 2018. P. 69–77.
- Bogdanova-Beglarian et al. 2019a — N. V. Bogdanova-Beglarian, O. V. Blinova, K. D. Zaydes, T. Yu. Sherstinova. Korpus russkogo yazyka povsednevnogo obshcheniya «Odin rechevoy den»: tekushcheye sostoyaniye i perspektivy [Corpus of the Russian Language of Everyday Communication «One Speaker's Day»: Current State and Perspectives]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2019. Iss. 21. P. 101–110.
- Bogdanova-Beglarian et al. 2019b — N. V. Bogdanova-Beglarian, O. V. Blinova, K. D. Zaydes, T. Yu. Sherstinova. Korpus «Sbalansirovannaya annotirovannaya tekstoteka» (SAT): izucheniye spetsifiki russkoy monologicheskoy rechi [Corpus «The Balanced Annotated Collection of Texts» (SAT): the Study of the Specifics of Russian Monological Speech]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2019. Iss. 21. P. 111–120.
- Bogdanova-Beglarian, Maslova 2019 — N. V. Bogdanova-Beglarian, E. R. Maslova. Russkie kontaktnye glagoly v ustnoy spontannoy rechi: obyom slovnika i funkcionalno-semanticheskoe raznoobrazie [Russian Contact Verbs in Oral Spontaneous Speech: Vocabulary Volume and Functional-Semantic Diversity]. *Acta Linguistica Petropolitana*. St. Petersburg: Nauka, 2019. (In Print).
- Branco, Valsine 2004 — A. U. Branco, J. Valsiner (eds.). *Communication and Metacommunication in Human Development*. Greenwich, CT: IAP, 2004.
- Canestrari 2010 — C. Canestrari. Meta-Communicative Signals and Humorous Verbal Interchanges: A Case Study. *Humor — International Journal of Humor Research*. 2010. Vol. 23. Iss. 3. P. 327–349.
- Degand, Evers-Vermeul 2015 — L. Degand, J. Evers-Vermeul. Grammaticalization or Pragmaticalization of Discourse Markers? More than a Terminological Issue. *Journal of Historical Pragmatics*. 2015. Vol. 16. Iss. 1. P. 59–85.
- Diewald 2011 — G. Diewald. Pragmaticalization (Defined) as Grammaticalization of Discourse Functions. *Linguistics*. 2011. Vol. 49. Iss. 2. P. 365–390.
- Graf 2011 — E. Graf. *Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011.
- Günther, Mutz 2004 — S. Günther, K. Mutz. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian. W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. P. 77–107.
- Kibrik, Podlesskaya 2009 — A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaya (eds.) *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Night Dream Stories: A Corpus Study of Spoken Russian Discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2009.
- Kormilitsyna 2000 — M. A. Kormilitsyna. *Refleksivy v rechevoy kommunikatsii* [Reflectives in Speech Communication]. M. A. Kormilitsyna (ed.).

- Problemy rechevoy kommunikatsii*. [Problems of speech communication]. Saratov: Saratov State University Publishing House, 2000. P. 20–25.
- Kustova 2014 — G. I. Kustova. Zametki o reflektivnykh znacheniyakh [Notes on Reflexive Meanings]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2014. Iss. 1. P. 199–220.
- Levontina 2010 — I. B. Levontina. Pereskazyvatel'nost' v russkom yazyke [Quotation and Rendering Markers in Russian]. A. E. Kibrik (ed.). *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Vyp. 9 (16) [Computer linguistics and intellectual technologies. Works of the International conference “Dialog”. Iss. 9 (16)]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2010. P. 284–289.
- Plungian 2005 — V. A. Plungian. Zachem nuzhen Nacionalnyy korpus russkogo yazyka? Neformalnoe vvedenie [Why Do We Need the National Corpus of the Russian Language? Informal Introduction]. *Nacionalnyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005* [The National Corpus of the Russian Language: 2003–2005]. Moscow: Indrik, 2005. P. 6–20.
- Russkiy yazyk... 2016 — N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.) Russkiy yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funkcionirovaniya v raznykh socialnykh gruppakh. [Everyday Russian Language in Different Social Groups]. St. Petersburg: Laika, 2016.
- Skrebnev 1985 — Ju. M. Skrebnev. Vvedeniye v kollokvialistiku [Introduction to Colloquialistics]. Saratov: Saratov State University Press, 1985.
- Vepreva 2003 — I. T. Vepreva. Metazykovaya refleksiya v funktsionalno-tipologicheskom osveshchenii. Dis. ... dokt. filol. nauk, Uralskiy gos. un-t im. A. M. Gorkogo [Meta-Language Reflection in Functional and Typological Description (on the Material of Statements-Reflexive 1991–2002)]. D. phil. diss., Gorky Ural State University]. Ekaterinburg, 2003. (Manuscript).
- Vinogradov 1972 — V. V. Vinogradov. Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian Language (Grammatical Theory of the Word)]. Moscow: Vysshaya shkola, 1972.
- Zaharov 2005 — V. P. Zakharov. Korpusnaya lingvistika: uchebno-metodicheskoe posobie [Corpus Linguistics]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2005.
- Zaides et al. 2018 — K. Zaides, T. Popova, N. Bogdanova-Beglarian. Pragmatic Markers in the Corpus “One Day of Speech”: Approaches to the Annotation. A. Elizarov, N. Loukachevitch (eds.). *Computational Models in Language and Speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018)*. Kazan, Russia, November 1, 2018. Kazan (Volga Region) Federal University, N. I. Lobachevsky, Institute of Mathematics and Mechanics, Kazan,

- Russia; Lomonosov Moscow State University, Research Computing Center, Moscow, Russia. Kazan; Moscow, 2018. P. 128–143.
- Zvukovoy korpus... 2013 — N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.) Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi: kollektivnaya monografiya. Chast 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University Press, 2013.
- Zvukovoy korpus... 2014 — N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.). Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. Tom 1. O nekotorykh osobennostyakh ustnoy spontannoy rechi raznogo tipa. Zvukovoy korpus kak material dlya prepodavania russkogo yazyka v inostrannoy auditorii [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 2. Theory and Practice of Speech Analysis. Vol. 1. Some Features of Oral Spontaneous Speech of Various Types. Speech Corpus as a Base for Material for the Teaching of Russian as a Foreign Language]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University Press, 2014.
- Zvukovoy korpus... 2015 — N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.). Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. Tom 2. Zvukovoy korpus kak material dlya novykh leksikograficheskikh proektov [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 2. Theory and Practice of Speech Analysis. Vol. 2. Speech Corpus as a Base for New Lexicographical Projects]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University Press, 2015.

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ ОГОВОРКИ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА*

С. Н. Цейтлин

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
stl2006@list.ru

Аннотация. В статье обсуждается лингвистический механизм разнообразных грамматических сбоев в области порождения русских глагольных словоформ, которые имеют явно неслучайный характер. Представлен опыт типологии глагольных оговорок, затрагивающих область морфологической структуры словоформ, указываются возможные причины их появления. Рассматриваются сконструированные говорящим окказиональные словоформы и выясняется их соотношение с нормативными словоформами.

Ключевые слова: порождение речи, речевые сбои, грамматические оговорки, выравнивание парадигмы, заполнение лакун, потенции языковой системы, избыточность.

Verbal word formation speech mistakes in Russian native speakers

S. N. Tseitlin

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
stl2006@list.ru

Abstract. The article discusses the linguistic mechanism of various non-random grammar failures in the production of Russian verbal forms. We present a typology of speech errors in verb use related

---

* Интересом к данной я теме я обязана М. В. Русаковой, которая убедительно продемонстрировала в своих исследованиях ценность этого материала для лингвистической теории.

to the morphological structure of word-forms and describe possible reasons for them. We analyze occasional speaker-generated word forms in relation to normative word-forms. We have found out that speaker-chosen infelicitous word-forms are usually simpler, more systematic (prototypical), and correspond to the logic of the language better than normative forms. Similar analyses of speech errors make it possible to discover variability of language forms, a hierarchical nature of grammar rules, the existence of lacunae, etc. Infelicitous word-forms are usually built to the simplest and most logical language rules that involve the least effort. Most verb-form errors are paradigmatic, while nominal-form mistakes can be of both syntagmatic and paradigmatic nature. A comparison of children and adult errors, surprisingly, shows that they are almost similar in their grammatical structure and even completely coincide in many cases. The mechanisms of word formation are the same: both children and adults give preference to simpler and more universal forms. Adults and children, however, follow different word building strategies that lead to errors. Children, lacking sufficient language experience or sufficiently rich mental lexicon, build word forms themselves, while adults, sometimes for some reason unable to access their mental lexicon, are forced to resort to word-form building. The main method of our study has been observation of the speech of educated adults. Additionally, we used introspection, or the researcher's observation over his/her own speech. Introspection allows researchers to study their own inner speech and take notice of both verbalized mistakes and the verbalization paths. No special experiments were undertaken in the course of this study.

Keywords: speech production, speech errors, grammar errors, paradigm leveling, lacunae filling, potential of language system, redundancy.

Если бы наш лингвистический опыт не был упорядочен у нас в виде какой-то системы, которую мы и называем грамматикой, то мы были бы просто понимающими попугаями, которые могут повторять и понимать только слышанное.

Л. В. Щерба

Операции, совершаемые механизмами речи в процессе ее порождения, не могут носить во всех случаях абсолютно «жесткий», автоматический характер. Они необходимо перемежаются с вероятностными операциями, в которых выбирается один из путей продолжения процесса.

С. Д. Кацнельсон

1. Введение

В данной статье речь идет об отклонениях от нормы в речи взрослых образованных носителей языка, которые с нормой, безусловно, знакомы. Это отклонения невольные, не запланированные говорящим, и именно этим обстоятельством они кардинально отличаются от так называемых речевых приемов, свойственных художественной речи, а также окказионализмов разговорной шутиливой речи. В отличие от речевых приемов, они вызывают не удовольствие, а досаду и у говорящего, и / или у слушающего — в том случае, конечно, если участники коммуникации могут эти отклонения заметить. Фактически никто не застрахован от невольных речевых сбоев при порождении речи, у образованных людей они встречаются не реже, чем в речи необразованных¹.

Рассматриваются оговорки (в другой терминологии — обмолвки), касающиеся морфологического оформления глагольной словоформы. К грамматическим (точнее — морфологическим) отклонениям, имеющим место при порождении речи, теоретически можно отнести три вида явлений.

1. Это может быть неверный выбор морфологической формы в целом или какой-либо из входящих в ее состав граммем, например: *Поговорим о министерстве **культуре**; Говорили о нашем поражении в русско-японской **войны***, — мы приводим примеры двух наиболее характерных оговорок, связанных с неверным выбором формы существительного. В первом случае налицо явление

---

¹ Просторечных ошибок мы в данном случае не учитываем, поскольку их нельзя считать сбоями, они по сути являются элементами просторечного варианта языковой системы.

праймаинга, то есть уподобление последующей формы форме предыдущего слова, во втором — следствие омонимии форм прилагательного в родительном и предложном падежах, повлиявшей на изменение формы существительного. Как в первом, так и во втором случае налицо сбой в речевой цепи, то есть нарушения синтагматического характера.

2. В других случаях мы имеем дело с не соответствующим традиционно избранному способом конструирования словоформы: *Вот чудесо* так *чудесо!*; *Не плакай!*.. *Ой, не плачь*. В первом примере налицо унификация основы: форма единственного числа построена с использованием основы множественного числа. Во втором — основа настоящего времени образована от основы прошедшего времени путем присоединения к ней звука /j/. Подобные сбои можно считать парадигматическими, поскольку они происходят в пределах парадигмы слова.

3. В ряде случаев возможно создание словоформы, не предусмотренной языковой нормой, то есть заполнение так называемой абсолютной лакуны: *Я очень волновался, едя сюда; Это был неберомый мяч!* (о футбольном матче). Форма *едя* не соответствует норме литературного языка (хотя в НКРЯ обнаруживается 10 вхождений), отсутствует в языке и страдательное причастие от глагола *брать*. Тем не менее с позиции языковой системы и первая, и вторая формы вполне допустимы, что интуитивно ощущает говорящий.

Первый из названных выше трех типов оговорок в данной статье не рассматривается. Это объясняется тем, что среди глагольных оговорок, являющихся объектом нашего рассмотрения, подобного вида оговорки возникают крайне редко². Взрослые носители языка, как, впрочем, и маленькие дети, не ошибаются в выборе глагольных граммем, используя, например, не соответствующую норме форму лица или числа глагола, употребляя форму будущего времени вместо формы настоящего и т. д. Крайне редко встречаются и оговорки, связанные с неверным выбором вида глагола. В то же самое время подобные отклонения от нормы у существительных (не тот падеж, например) встречаются на каждом шагу. Можно предположить, что морфологические навыки, связанные с выбором формы глагола, базирующиеся прежде всего на имплицитном знании ее

² Мы не рассматриваем случаи, когда не подходящая для высказывания форма вызвана изменением первоначального замысла говорящего.

семантических функций, складываются в очень раннем возрасте и фиксируются в индивидуальной системе человека достаточно прочно, не позволяя в дальнейшем ей разрушаться даже в трудных коммуникативных ситуациях, которые могли бы привести к сбоям. Причин для этого много, одна из них очевидна: лидирующее место глагола в синтаксической структуре предложения, обеспечивающее ему возможность не поддаваться провокациям контекста и разнообразным внешним влияниям. Не менее важно и то, что именно глагол аккумулирует основные интенции говорящего, связанные с актуализационными категориями (см. [Бондарко 2002]), поэтому именно эти характеристики находятся в центре внимания говорящего, точнее сказать — той сферы его мозга, которая отвечает за язык.

Задача, поставленная в данном пилотном исследовании, основанном на наблюдениях за спонтанной речью носителей русского языка, — предложить предварительную типологию глагольных грамматических оговорок, определить психолингвистический механизм их возникновения, а также, при наличии нормативного коррелята словоформы, установить направление его модификации.

Материал, который подвергается анализу, — оговорки взрослых, в том числе и не получившие реализации в речи (так называемые «перехваченные» или реализованные лишь частично)³. В качестве одного из важных методов используется интроспекция, как прямая, то есть зафиксированная автором данной работы в собственной речевой деятельности, так и косвенная, то есть отмеченная в результате самонаблюдения одним из информантов.

В данной работе внимание сосредоточено прежде всего на тех фрагментах языковой системы, которые наиболее уязвимы и подвержены модификациям в процессе порождения речи. Важно также определить, каково направление замены одной словоформы на другую, что может помочь разобраться в иерархии существующих грамматических правил. Кроме того, оговорки, заполняющие абсолютные лакуны, позволяют обнаружить так называемый «креативный потенциал» (см. [Ремчукова 2011]) языковой системы.

Материал исследования — нестандартные случаи использования глагольных словоформ в речи опытных, то есть владеющих

---

³ Под перехваченной оговоркой понимаем случаи из разряда «чуть было не сказал», когда говорящий, ощущая, что планируемая им словоформа не существует, останавливается или произносит лишь ее часть.

литературной языковой нормой, носителей русского языка в возрасте от 30 до 80 лет. Основной способ сбора материала — наблюдение за спонтанной речью людей, в том числе и радиожурналистов нескольких популярных радиостудий, а также за собственной речью автора статьи, то есть интроспекция. Кроме того, две женщины — одна 45 лет, вторая 60 лет, — по просьбе автора вели дневники, записывая собственные оговорки и сопровождая их описанием ситуаций, в которых оговорки имели место. Все высказывания записаны с учетом необходимого для их понимания контекста. Никаких специально организованных экспериментов не проводилось.

Метод интроспекции, начало использования которого фактически было положено Л. В. Щербой [Щерба 1976], в настоящее время получает все большее распространение; о его преимуществах см., например, [Фрумкина 2007]; он используется в работе М. В. Русаковой [Русакова 2013: 209–221]. Этот метод широко распространен и в западных исследованиях, посвященных оговоркам.

Именно интроспекция дает возможность наблюдать за глубинными процессами, происходящими в речемыслительной деятельности человека, в том числе и за тем таинством, которое принято называть внутренней речью. Этот метод позволяет учесть не только перехваченные оговорки, но и те, на первый взгляд — странные случаи, когда неожиданно для самого говорящего вербализуется мысль, не предназначавшаяся для вербализации; она может воплотиться в слове, которое, врываясь в чужое пространство, приобретает грамматическую форму, приготовленную для другого слова, благодаря чему синтаксическая структура предложения остается неизменной.

2. Оговорки как разновидность речевых сбоев

Хотя оговорки привлекают внимание ученых (как психологов, так и лингвистов) начиная с XIX века, их природа в настоящее время не ясна до конца, ибо для определения характера и особенно причин, их вызывающих, требуются серьезные междисциплинарные исследования с позиций не только лингвистики, но и нейрофизиологии, психологии, логопатологии.

Причиной оговорок могут быть факторы как объективного характера, связанные с закономерностями языка (что, собственно говоря, и дает лингвистам возможность использовать их как один

из инструментов научного познания), так и субъективного, зависящие от психофизиологических особенностей личности, возраста, характера речевого опыта, объема долгосрочной и рабочей памяти и многого другого. Кроме того, особенности порождения речи в каждом конкретном случае во многом определяются ситуацией, в которой осуществляется общение, а также контекстом — как в широком, так и узком смысле этого слова. Источником оговорки могут быть провокации контекста, левого или правого, а также ассоциации самого разного рода, приводящие в ряде случаев к неверному выбору лексемы или морфологической формы. Любая оговорка может быть рассмотрена как следствие некоей речевой операции, совершенной говорящим в процессе порождения речи при недостаточном контроле (или даже полном его отсутствии) сознания, точнее — той его области, которая относится к языку⁴.

Рассматривая процесс порождения высказывания с позиций функциональной грамматики, можно полагать, что все усилия говорящего при планировании и реализации какого-то текста сосредоточены на стремлении как можно точнее передать некий речевой смысл (термин А. В. Бондарко), для чего говорящий обращается к доступному ему арсеналу языковых единиц, выбирая их при опоре на знание их функций, как содержательных, так и структурных. Исходя из замысла, ему необходимо создать некий общий план высказывания, который может конкретизироваться и отчасти корректироваться в дальнейшем, выбрать нужные лексемы и т. д. По мнению Т. В. Ахутиной, одного из создателей отечественного варианта теории порождения высказывания, к выбору лексемы говорящий обращается дважды — в начале планирования и в дальнейшем ходе его [Ахутина 2014: 29–30]. Требуется подобрать подходящую синтаксическую конструкцию, определяющую иерархию синтаксических зависимостей компонентов, установить их порядок в речевой цепи, а также морфологическую форму каждого из них,

---

⁴ Термин «языковое сознание» пока не получил четкого и однозначного определения. Многие известные ученые (Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, И. А. Стернин, И. Г. Овчинникова и др.) придерживаются широкой трактовки языкового сознания, включая в него и сферу неосознаваемых явлений, другие (как, например, Т. В. Черниговская, Б. Ю. Норман) противопоставляют сознание и мозг, понимая под мозгом область бессознательных речевых операций. В нашем исследовании мы придерживаемся второго из указанных направлений. Следует отметить, что разногласия носят чисто терминологический характер.

обеспечить фонетическую реализацию всего высказывания и т. д. Ключевую роль в этом процессе играют выбор и грамматическая реализация словоформы.

Известно, что в течение достаточно длительного времени ведутся дискуссии о том, конструируются ли словоформы в процессе порождения речи или извлекаются из ментального лексикона гештальтно (см., например, [Gor, Chernigovskaya 2001]. Конкурируют две основные точки зрения: 1) абсолютно все словоформы хранятся в индивидуальном ментальном лексиконе и извлекаются из него при порождении речи; 2) в лексиконе хранятся только нерегулярные словоформы, что же касается регулярных, то они конструируются каждый раз говорящим, опирающимся на известные ему грамматические правила. Однако применительно к языкам с богатой морфологией, подобных русскому, это антиномия не срабатывает. Мы солидарны с теми исследователями, которые придерживаются т. н. гибридного подхода применительно к словоформам русского языка, допуская использование говорящим обеих стратегий: как гештальтного извлечения словоформы, так и ее конструирования (см. [Русакова 2013: 91–97]).

При этом выбор стратегии, по нашему мнению, определяется не только особенностями самой словоформы: частотностью ее в речи, временем (возрастом) ее освоения, регулярностью или нерегулярностью морфемной конструкции и т. п., но также и обстоятельствами коммуникации, психическим состоянием говорящего, наличием прайма⁵ в контексте и т. д. Наши наблюдения показывают, что один и тот же человек может при порождении речи в один и тот же день использовать как одну, так и другую стратегию: извлечь готовую словоформу из своего ментального лексикона или сконструировать ее самостоятельно. Последнее может привести его к оговорке, если избранный им способ конструирования отличается от одобренного традицией. Если же он избирает традиционный способ, то оговорка исключена, однако при этом мы не можем знать, имело место формотворчество или нет. Тот неоспоримый факт, что число грамматических оговорок в языке с такой сложной морфологией, как русский, сравнительно невелико, свидетельствует,

---

⁵ В психолингвистике праймом называется слово-стимул в предшествующем контексте, влияющее на распознавание или порождение последующего слова-стимула; о естественном прайминге см. [Русакова 2013: 55–60].

по нашему мнению, о том, что подавляющая часть словоформ извлекается из ментального лексикона при порождении речи гештальтно. В противном случае отклонений от нормы в таком языке, как русский, было бы намного больше. Так считает, например, Б. М. Гаспаров [Гаспаров 1996]. Дж. Филд, завершая небольшую статью об оговорках в своей энциклопедии терминов, замечает: «Оговорки в речи встречаются нечасто. Действительно, одной из удивительных особенностей речи является тот факт, что в ней так мало ошибок» [Филд 2012: 162].

Есть все основания полагать, что эта огромная работа по «техническому», т. е. языковому, оснащению высказывания совершается на очень низкой степени осознания, практически бессознательно. Мнения психологов, в первую очередь основателя теории бессознательного З. Фрейда, и лингвистов (И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. В. Крушевского, Л. В. Щербы, Р. Якобсона) в этом отношении совпадают. Можно полагать, что сознание при порождении речи занято преимущественно другой, не менее важной, работой: оно сосредоточено на смысле высказывания, ибо именно обмен смыслами и есть фактически цель человеческой коммуникации. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что как говорящий, так и слушающий часто не замечают ошибок и оговорок, если только они не влияют на понимание смысла высказывания. Ведь язык и осваивается ребенком тоже на бессознательном уровне, о чем автор данной статьи неоднократно писал (см., напр., [Цейтлин 2000; 2009]), ссылаясь на мнение таких авторитетных ученых, как Л. В. Щерба [Щерба 1976], М. И. Черемисина [Черемисина 2002] и др. Мозг маленького ребенка неустанно работает, создавая и организуя его языковую систему: определяя сферу референции лексем на основании семантической категоризации действительности, добывая языковые правила путем обобщения сходных явлений, формируя ментальный лексикон, содержащий единицы разного ранга и объема и т. д.

Термин *ментальный лексикон* широко используется в современной психолингвистике, большинство исследователей склонны отождествлять его с языковой памятью, способной хранить ментальные образы лексем, а также словоформ, которые не конструируются при речепорождении, но извлекаются из памяти как гештальты. Вслед за Б. М. Гаспаровым и рядом других исследователей мы полагаем, что в памяти человека хранятся также блоки словоформ

(по терминологии Гаспарова — коммуникативные фрагменты), причем они могут достаточно крупными: «В нашей языковой памяти целые фрагменты языкового материала разной длины присутствуют слитно, в виде целостного звукового — а для говорящего, погруженного в письменную культуру, также и графического — образа» [Гаспаров 1996: 74].

Можно полагать, что фактически именно мозг отвечает за «техническое» (языковое) оформление смыслов. Было бы странно думать, что эта великая привилегия, данная человеку, утрачивается, когда период детства заканчивается. Уже в детском возрасте начинает появляться и развивается дальше языковая рефлексия как один из компонентов сознания, которая сопровождает формирование индивидуальной системы, но не отождествляется с ней.

К настоящему моменту становится все более очевидно, что в процессе порождения речи мозг, который ведает сферой бессознательного, может принимать решение относительно выбора слова или его формы раньше, чем успевают вмешаться сознание, способное осуществить языковой контроль, при этом интервал между деятельностью мозга и сознания может быть очень коротким. В работе Т. В. Черниговской указывается, что «мозг принимает решение примерно за 7–30 секунд (по некоторым данным) до того, как личность это осознает» [Черниговская 2013: 358]. Судя по скорости реакции на оговорки, отмеченной нами, это решение иногда принимается гораздо быстрее — в считанные доли секунды. С одной стороны, это обстоятельство обеспечивает максимальную скорость речи, что, несомненно, есть благо, с другой стороны — может привести в случае неточного попадания в цель к сбоям, касающимся как лексической стороны словоформы (выбор не соответствующей замыслу говорящего лексемы), так и морфологической формы (выбор неподходящей формы или ее конструирование не соответствующим норме способом). Именно последний из сюжетов мы рассматриваем в данной статье на примере глагольных словоформ.

Оговорка представляет собой прежде всего продукт мозга (в том смысле, как мы его понимаем), а не сознания. Случается, что говорящий успевает исправиться, произнеся правильную словоформу сразу вслед за ошибочной, а иногда меняет свое решение в самом процессе порождения словоформы на одной из слоговых границ. Во многих случаях удаётся даже ее «перехватить»

(в психолингвистике есть специальный термин «перехваченная оговорка»): не соответствующая норме словоформа блокируется включившимся сознанием, осуществляющим языковой контроль.

Рассмотрим наиболее распространенные нарушения языковой нормы в области глагольного словоизменения, которые можно считать оговорками. Выше мы уже говорили о том, что информантами были люди с высшим образованием, подавляющая их часть — представители гуманитарных профессий. Они безусловно знакомы с языковыми нормами, иногда даже слишком щепетильны в выборе словоформы из числа предлагаемых языковой системой. В ряде случаев они не учитывают случаев разрешенной нормой вариативности и с подозрением смотрят на ту, которая им меньше нравится, считая ее использование ошибочным. В таких случаях можно говорить о мнимых оговорках, которые, по свидетельству словарей, не нарушают норму⁶.

3. Вариативность грамматической системы как предпосылка появления ненормативных словоформ

Выше мы уже говорили о том, что отклонения от нормы в выборе морфологической формы не характерны для глагола, в отличие от существительного. Большая часть грамматических глагольных оговорок практически сводится к нарушению правил конструирования словоформ, при этом говорящий опирается на знание закрепленного за этой формой грамматического значения. Если по тем или иным причинам он не имеет доступа к нужной словоформе, входящей в его ментальный лексикон, он вынужден конструировать словоформу самостоятельно, используя те процедурные правила, которые ему знакомы. В таком случае осуществляется словоизменительная деривация в пределах парадигмы одной лексемы. Созданная говорящим словоформа может совпасть с существующей в языке, что, по-видимому, случается достаточно часто, но может и не совпасть, в последнем случае возникает оговорка. Известно, что в русском языке широко распространена вариативность правил конструирования словоформ, что

---

⁶ Нужно также учитывать, что норма чрезвычайно подвижна, меняется в разных поколениях. Исследований, подтверждающих нормативность той или иной формы, пока явно недостаточно для оценки нормативности многих речевых фактов.

объясняется сложным и при этом иерархически организованным строением грамматической системы, о чем не раз говорили и писали исследователи, более других — С. Д. Кацнельсон. Поддерживая теорию асимметрического дуализма лингвистического знака, принадлежащую С. И. Карцевскому, он отмечает: «Асимметрия между планами содержания и выражения в языке часто усложняется настолько, что дуализм языковых планов нарушается, уступая место *многослойной структуре с рядом промежуточных образований* [курсив наш. — С. Ц.]. Именно так обстоит дело в языках, где на базе синтетической морфологии возникает гипертрофия форм и формальных грамматических функций» [Кацнельсон 1972: 15]. Многослойность структуры, отмеченную С. Д. Кацнельсоном, фактически можно трактовать как указание на иерархичность системы, элементы которой различаются степенью своей сложности и при этом связаны между собой. Говорящий может выбрать «неправильный», т. е. не соответствующий норме, основанной на сложившейся традиции, способ конструирования языковой единицы. Этот способ может отличаться от нормативного степенью своей сложности, но это не является обязательным. Широкая вариативность языковых средств, используемых при деривации одной формы от другой в пределах словоизменительной парадигмы, обеспечивает широкие возможности для формотворчества, что и проявляется, в частности, в оговорках.

Ниже представлен опыт типологии грамматических глагольных оговорок, отражающих зеркальным образом языковые закономерности деривации словоформ. Ни один из отмеченных нами грамматических сбоев не является случайным, все они вполне предсказуемы глубинными закономерностями языковой системы, которые реализуются в норме лишь частично и непоследовательно. Замена одного способа порождения словоформы другим отражает строение русской морфологической системы и в первую очередь отмеченную выше вариативность способов конструирования словоформ, передающих тождественные грамматические значения. Важно выяснить, в каком отношении находятся правила, используемые говорящим, совершившим речевой сбой, к тем правилам, которые реализованы в нормативном языке применительно к конкретным лексемам. Сопоставляя ненормативную (окказиональную) и нормативную формы, мы постараемся это показать, разбив имеющийся у нас материал на группы и подгруппы.

4. Глагольные словоизменительные оговорки

4.1. Акцентологическое выравнивание

Сбои, суть которых заключается в том, что целевая, т. е. нормативная, и заменившая ее словоформа различаются местом ударения, чрезвычайно распространены в повседневной речи. Нет никаких оснований считать, что говорящий просто так, без видимых причин, сдвигает место ударения в словоформе. Анализ парадигмы конкретного глагола всегда позволяет выявить словоформу или несколько с ударением на определенном слоге, послужившую образцом для создания ненормативной формы. В некоторых случаях эта форма выступает в качестве прайма в предшествующем контексте в союзе с той же лексемой или другой, но это обстоятельство не является обязательным⁷. Поскольку в данной статье мы имеем в виду речь взрослых интеллигентных людей, у нас нет оснований видеть в подобных случаях воздействие просторечных форм, хотя совпадение оговорок с последними встречается достаточно часто.

4.1.1. Смещение ударения в глагольных формах с открытой основой

Микропарадигма предикативных форм глаголов прошедшего времени насчитывает всего 4 формы⁸, к которым примыкает форма инфинитива, также имеющая открытую (оканчивающуюся на гласный звук) основу. Если деривация осуществляется внутри этой группы, при этом сдвиг ударения существует хотя бы в одной из форм, создается пространство для отклонения от нормы:

- (1) *Она дала оппозиции новые возможности.*
- (2) *Нужно, чтобы люди поняли, что выход есть.*

---

⁷ Под праймом понимаем некий образец, содержащийся в левом контексте, который копируется говорящим. О роли т. н. естественного прайминга в порождении речи см. [Русакова 2013: 50–62].

⁸ Наши наблюдения показывают, что адъективные формы глагола, т. е. причастия и деепричастия, выполняющие синтаксические функции, отличные от функций предикативных форм, мало с ними ассоциируются в речевой деятельности индивида. Главные ассоциации связывают формы в составе одной микропарадигмы.

(3) *Я издал эту книгу большим тиражом...* (Собеседник тихо поправляет: *изда́л*).

(4) *Татьяна бра́ла у меня интервью, когда я был в Мурманске.*

Присутствие в предшествующем контексте прайма усугубляет ситуацию. Роль прайма можно продемонстрировать на следующем примере, когда говорящий на протяжении нескольких минут меняет свое решение: использует неверную конструкцию под влиянием прайма и верную при его отсутствии:

(5) Жена мужу: *Тебе не пора лекарство принять?* — Муж: Я уже *приня́л!*

Через несколько минут при отсутствии прайма: Жена: *Как там насчет лекарства, я не расслышала.* Муж: *Принял уже давно, я же сказал.* Понятно, что обычно муж использует нормативную форму, имеющуюся в его ментальном лексиконе, но в ситуации прайминга ошибается. Акцентологические варианты открытой основы в данном случае максимально широки: ср. *приня́л, приняла́, принять́*, деривация окказиональной формы возможна с ударением на любом из слогов.

Трудно, а иногда и невозможно в каждом случае отследить, какая из форм повлияла на выбор акцентологической модели [РусакOVA 2013: 63]. Один и тот же человек может в течение одного дня и даже одного часа произнести словоформу различным образом — в соответствии с нормой и с отклонением от нее. Радиожурналисты иногда начинают советоваться друг с другом о месте ударения в слове, при этом бывает, что оба обсуждаемых варианта с точки зрения нормы являются возможными.

4.1.2. Смещение ударения в глагольных словоформах с закрытой основой

Большая группа глаголов в формах настоящего времени или будущего времени сов. вида также характеризуется подвижным ударением: форма 1 л. ед. ч. имеет ударение на флексии, все остальные — на основе, что создает почву для возникновения речевых сбоев, заключающихся в унификации основы. В большинстве случаев все 5 форм с безударной основой перестраиваются под влиянием формы 1 л. ед. ч.:

- (6) Ведущий телевизионной программы: *Упомянём всех погибших в этой неравной борьбе* (ср. *упомяну*).
- (7) *Разве мы не можем создать аппараты, которые заменят... заменят старые?* (ср. *заменю*).
- (8) *Скидки тут эти скоро отменяют ...отмёнят* (ср. *отменю*).
- (9) Из дневника: «Сегодня поймала себя на том, что хотелось сказать *помогут* вместо *помогут*: *Приспособлюсь, а еще ребята помогут*» (ср. *помогу*).

В примерах (7) и (8) говорящий успевает перестроиться, включив языковой контроль.

При наличии прайма вероятность оговорки возрастает:

- (10) Из дневника: «Говорю мужу: *Я это в ванне полощу*. Он: *Полощишь?* Сам засмеялся».

4.1.3. Смещение ударения у причастий

Акцентологический сдвиг, часто сопровождаемый колебаниями говорящего, часто наблюдается и у форм страдательных причастий прошедшего времени:

- (11) *Бельгия была так названа... или названá?* — спрашивает один из радиоведущих у другого (ср. *назван*). В данном случае оба варианта возможны, но говорящий этого не знает.
- (12) *Когда были отменены...отменены́* налоги? (ср. *отмененá*, но *отменим*).
- (13) *Это совпадает с его работой, начáтой много лет назад* — очевидно, влияние формы инфинитива (ср. *начáть*).

4.2. Чередования согласных внутри парадигмы настоящего/будущего времени

Стремление говорящего к унификации основы проявляется не только в сохранении постоянного места ударения, но и в устранении чередований согласных в конце основы. Чаще всего модифицируется форма 1 лица ед. ч. настоящего/будущего времени.

- (14) Из дневника: «Сын кричит: *Опаздываем! Бежим скорее!* — Я чуть не сказала *Бежу!*, но спохватилась». Налицо прайминг — давление формы внутри парадигмы.
- (15) Из дневника: «Говоря с Н. Е., сказала: *Я исхожу из того, что мы твердо обо всем договорились.* Почувствовала свою ошибку, посмеялись оба».
- (16) Диалог ребенка с ведущим детской передачи. Ребенку предлагают билет на елку. Он отвечает: *Завтра я не смогу.* Ведущий: *Не сможешь?* Чувствовалось, что сначала он действительно ошибся, но потом превратил это в шутку, рассмеялся. Имеет место и сдвиг ударения.
- (17) *Мне говорят: «Что поделать? Надо крутиться...» Я и крутюсь.*
- (18) *Я такие гаечные ключи возю всегда на помойку.*

Во всех приведенных выше примерах происходят изменения в основе 1 л. ед. ч., модифицирующей под влиянием основы других форм. Интересно, что в ситуации с изменением ударения направление модификации чаще всего обратное.

Нетрудно видеть, что исторические чередования в глагольных формах разрушаются. К таким же результатам приходят Н. А. Слюсарь и М. А. Холодилова [Slioussar, Kholodilova 2013], изучавшие словоизменительные процессы на материале речи пользователей интернетом. И действительно, такие примеры крайне немногочисленны:

- (19) *Тренер предложил укрепить... укрепить команду новыми игроками.* Несомненно воздействие основы 1 л. ед. числа.

4.3. Изменение способа корреляции открытой и закрытой основ

Как известно, каждый из русских глаголов имеет две формообразующих основы: открытую, т. е. оканчивающуюся на гласный, и закрытую, т. е. оканчивающуюся на согласный⁹. Отношения между ними узаконены традицией и представлены в описательных

⁹ Исключение составляет лишь небольшая группа глаголов.

грамматиках. В соответствии с традиционной классификацией, все глаголы делятся на так называемые продуктивные классы и непродуктивные группы, некоторые из последних могут быть представлены как двумя-тремя глаголами, так и достаточно большим их количеством. В сущности, эта классификация, основанная на способах корреляции основ, представляет собой наиболее важные и типичные правила перехода от одной основы к другой. Подавляющая часть глаголов продуктивных классов неузвима для ошибок и оговорок, связанных с не соответствующей норме корреляцией основ — это глаголы 1 и 2 продуктивного класса (типа *играть* — *играю* и *болеть* — *болею*), к этой же многочисленной группе можно отнести глагол *дуть* и производные от него глаголы, а также *обуть*, *разуть*, поскольку они основаны на том же принципе корреляции основ, когда закрытая основа образуется от открытой путем прибавления к ней звука /j/. При конструировании глагольной словоформы в процессе речепорождения деривация может совершаться с переходом от открытой основы к закрытой или наоборот. Если говорящий использует при этом способ корреляции, не соответствующий языковой норме, неминуемо возникает оговорка.

Нестандартное образование закрытой основы от открытой в большинстве случаев совершается по правилу, которое мы называем йотовой корреляцией [Цейтлин 2009: 247–251]. Особенно частотны модификации основ глаголов т. н. непродуктивных классов на *-а-*, приобретающие /j/ при переходе к закрытой основе. Эта модель настолько влиятельна, что не требуются никакие праймы для того, чтобы использовать ее в речи. При этом способе корреляции сохраняется место ударения в словоформе, устраняются чередования согласных (ср., например, *писать* — *пишу* и *писать* — *писа́ю*). Оговорка, основанная на йотовой корреляции, занимает первое место в числе глагольных оговорок: *метаётся* (вм. *мечётся*); *пахает* (вм. *пахет*) и т. п. Эти замены соответствуют тенденции, существующей в настоящее время и распространяющейся с достаточно большой скоростью. Та же тенденция свойственна и просторечию.

- (20) Из дневника: «Сегодня сказал мне, подойдя к компьютеру: *Покажи, что он там пишет... пишет*. Яростно спорил, когда я ему указала на оговорку, утверждал, что он так не говорил, просто не мог сказать. Это было буквально через несколько секунд после того, как сказал».

Одному из известных современных режиссеров удалось деформировать во время интервью глагол «понять»:

(21) Я ей (актрисе) сказал: *Пойди туда, присмотришь к этим людям и поняй ... пойми, что тебе делать дальше.*

Не менее странно слышать в речи носителей языка форму *взяю*, являющуюся следствием прайминга:

(22) *Дождик будет, неплохо бы зонтик взять, взяю вот этот.*

Особенно уязвимы в отношении йотовой корреляции глаголы небольшой непродуктивной группы на *-ва-* (*давать, переставать* и т. п.):

(23) *Это судебное дело не переставает меня удивлять.*

(24) *Детям задавают слишком сложные вопросы.*

Подобной модификации часто подвергаются и многочисленные глаголы т. н. 3 продуктивного класса, в котором серьезные различия в звучании двух основ закреплены традицией, ср. *рисовать* — *рисую*. В соответствии с нормативным правилом, при переходе от открытой основы к закрытой меняется место ударения, происходит чередование согласных основы, сокращается количество слогов. Можно утверждать, что ни факт многочисленности глаголов этого класса, ни их активизация в современном языке не влияют на тактику говорящего, который может при ослаблении речевого контроля прибегнуть к более простому способу корреляции, устраняя обозначенные выше различия. Вот один из диалогов:

(25) *Не надо волноваться! — Я и не волнуюсь.*

Часто приходится слышать *сувай* или *совай* вм. *суй*: *Совай сюда!* — сказано о батарееке, которую нужно было вставить в фотоаппарат.

Подобные примеры свидетельствуют о необходимости разграничения системной и эмпирической продуктивности: эмпирически продуктивный 3 класс перестраивается под влиянием более системной модели.

Реже подпадают под правило йотовой корреляции и другие открытые основы, не только основы на *-а-*:

(26) *И все упоминают... есть упоминания об этом событии...*
(ср. *дуть* — *дуют*).

Чрезвычайно уязвимой является императивная словоформа глагола *петь* и его производных. Большая часть опрошенных нами людей говорили, что не раз ловили себя на желании сказать *спей* вместо *спой*:

- (27) Детская передача, ребенок говорит: *Я могу что-нибудь спеть!*
Ведущий в ответ: *Спей...ой...спой.*

Все приведенные выше примеры нестандартной корреляции глагольных основ заключались в деривации закрытой основы от открытой. В нашем распоряжении есть всего два примера нестандартного образования открытой основы от закрытой. Оба приведены ниже.

- (28) *Хочу подчеркнуть, что мы не раз уже обсуждали эту проблему.*

Оговорка интересна тем, что фраза произнесена академиком, известным ученым, речь которого всегда отличалась безупречностью. А вот услышанное в аптеке:

- (29) *Вы для меня это лекарство ищите? Не надо ищить, я передумала.*

Наличие прайма здесь и в других случаях исполняет роль своего рода катализатора, активирующего процесс создания словоформы.

Все рассмотренные выше нестандартные глагольные словоформы фактически соответствует правилам, предусмотренным системой языка. Можно считать, что они заполняют некие относительные лакуны, которые являются ненормативными вариантами существующих нормативных словоформ. Анализируя степень абстрагированности языковых правил, мы в большинстве случаев обнаруживаем, что говорящий, допустивший оговорку, действовал по более простому и более системному (прототипическому) правилу, чем следовало. Ненормативные словоформы совпадают не только с речевыми ошибками русскоязычных детей, но и с окказионализмами пользователей интернета (см. [Цейтлин 1982; 2000; 2009]).

4.4. Заполнение абсолютных лакун в глагольной парадигме

Оговорки, как и ошибки, заполняющие т. н. абсолютные лакуны, являются особой группой языковых единиц, которые оказываются отклонением от нормы независимо от способа их конструирования.

Каким бы способом ни были образованы эти словоформы, они в любом случае окажутся за пределами языковой нормы просто потому, что отнюдь не все лексемы располагают полным набором словоформ, которые с позиций морфологической системы предусмотрены их статусом. Так, например, теоретически любое действие может быть представлено не только предикативной формой глагола, обозначающего основное действие, но и деепричастием, обозначающим второстепенное действие, сопровождающее основное или каким-то иным образом с ним связанное. Однако отнюдь не все глаголы имеют нужные для передачи таких значений формы деепричастий. Особенно остро ощущается эта нехватка применительно к глаголу *ехать*. Говорящие стремятся преодолеть это препятствие, используя забракованную нормой форму *едя*. От этой оговорки не застрахованы даже самые образованные люди, компетентные носители языка:

(30) *Едя сюда, я подумала о том, что хорошо бы сделать такие семинары бесплатными.*

(31) *Человек, едя на таком автомобиле, думает, что привлекает к себе внимание.*

Потребность в этой форме весьма высока, что доказывается многочисленностью примеров, из которых выше представлена лишь небольшая часть. При этом некоторые из говорящих, ощущая нестандартность этой единицы, превращают оговорку в своего рода шутку, инсценируя языковую игру:

(32) *Я устал, ждя тебя! Не мог прийти пораньше?*

От глаголов с основами, не имеющими гласных, деепричастные формы образуются с трудом.

Если формы 1 л. ед. ч. *победю* и *побежу* находятся за гранью нормы, то форма *убедю* и особенно *убежу* произносятся часто серьезно и без видимых колебаний:

(33) *Переводчица: Либо он меня убедит, либо я его убежу.*

Довольно часто, как мы уже говорили выше, отсутствие требуемой для выражения смысла высказывания словоформы говорящий обнаруживает уже во время его построения. Так, ведущая одной из радиостанций спрашивает тех, кто не пошел на вчерашний митинг, почему они так поступили:

- (34) *Что движж...* — успела произнести начало слова, как вдруг поняла, что формы прошедшего времени нет, и перешла на настоящее узуальное: *Что движжет вами, когда вы идете на какой-нибудь митинг?* Содержание высказывания при этом существенно меняется.
- (35) Политик о военном журналисте: *Я собл... смог соблюсти все меры предосторожности и остался жив* (успел перестроиться, почувствовав, что форма *соблюл* режет ухо, воспользовался модальным глаголом в сочетании с инфинитивом). Между тем, современные словари не считают такую форму недопустимой.

5. Заключение

1. Анализ речевых сбоев подтверждает психологическую реальность процедурных языковых правил, представленность их в подсознании человека.

2. При этом обнаруживается иерархический характер языковых правил. Нестандартные словоформы в подавляющем числе случаев строятся по наиболее простым, диктуемым логикой языка правилам, требующим от говорящего наименьших усилий. При отсутствии или ослаблении языкового контроля словоформы, принадлежащие одной и той же лексеме, разграничиваются преимущественно с помощью словоизменятельных аффиксов, при этом основа словоформы остается неизменной или меняется в минимальной степени. Данное обстоятельство можно трактовать как устранение избыточности, свойственной языку, которая заключается в наличии дополнительных, кроме предопределенных системой, средств маркированности различий между словоформами одной лексемы (сдвиг ударения, устранение чередований и пр.).

3. Сравнительно небольшое количество оговорок в речи носителей языка можно считать свидетельством того, что при порождении речи абсолютно преобладает стратегия гештального извлечения словоформы из языковой памяти, а не стратегия конструирования.

4. Сопоставление грамматических оговорок взрослых с ошибками детей в области словоизменения приводит к неожиданному, на первый взгляд, результату: они почти не отличаются по своей грамматической структуре друг от друга, во многих случаях наблюдаются и абсолютное совпадение (см. детские инновации

в [Цейтлин 2009; Елисеева 2014; Харченко 2012; Попова 2015]). Механизмы конструирования словоформ совпадают: в обоих случаях предпочтительной оказывается более элементарная и тяготеющая к универсальности структура.

5. Причины выбора стратегии конструирования применительно к оговоркам взрослых и ошибкам детей все же различны. Ребенок, вследствие недостаточности речевого опыта, еще не владеет богатым ментальным лексиконом и вынужден конструировать словоформы, а взрослый по каким-то причинам может временно утрачивать доступ к нему и также вынужден прибегнуть к конструированию словоформы.

6. Вне всякого сомнения, анализ причин оговорок помогает не только пролить свет на некоторые особенности речевой деятельности человека, но и уточнить иерархическую природу языковых правил и моделей, широкую вариативность способов выражения одного и того же грамматического значения в языках, подобных русскому, а также выяснить не реализованные в норме потенции языковой системы.

7. Абсолютное большинство зафиксированных нами речевых сбоев в сфере глагола относится к разряду парадигматических и представляет собой выравнивание парадигмы. Это существенно отличает глагольные грамматические оговорки от субстантивных грамматических оговорок, где в равной степени представлены оба вида оговорок — как парадигматические, так и синтагматические.

Литература

- Ахутина 2014 — Т. А. Ахутина. Нейролингвистический анализ лексики, семантики, прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Бондарко 2002 — А. В. Бондарко. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Гаспаров 1996 — Б. М. Гаспаров. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Елисеева 2014 — М. Б. Елисеева. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. Ранние этапы. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Кацнельсон 1972 — С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
- Попова 2015 — А. Р. Попова. Опыт описания и лексикографического представления речи ребенка раннего возраста. Орел: Горизонт, 2015.

- Ремчукова 2011 — Е. Н. Ремчукова. Креативный потенциал русской грамматики. 2-е изд. М.: URSS, 2011.
- Русакова 2013 — М. В. Русакова. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Филд 2012 — Дж. Филд. Психолингвистика. Ключевые концепты. Энциклопедия терминов с английскими эквивалентами. М.: URSS, 2012.
- Фрумкина 2007 — Р. М. Фрумкина. Психолингвистика. 3-е изд. М.: Академия, 2007.
- Харченко 2012 — В. К. Харченко. Корпус детских высказываний. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2012.
- Цейтлин 1982 — С. Н. Цейтлин. Речевые ошибки и их предупреждение. М.: Учпегиз, 1982.
- Цейтлин 2002 — С. Н. Цейтлин. Язык и ребенок. М.: Владос, 2000.
- Цейтлин 2009 — С. Н. Цейтлин. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.
- Черемисина 2002 — М. И. Черемисина. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2002.
- Черниговская 2013 — Т. В. Черниговская. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Щерба 1976 — Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1976.
- Gor, Chernigovskaya 2001 — K. Gor, T. Chernigovskaya. Rules in Processing of Russian Verbal Morphology. G. Zybatow, U. Junghanns, G. Mehlhorn, L. Szucsich (eds.). Current Issues in Formal Slavic Linguistics. Frankfurt am Main: Lang, 2001. P. 528–536.
- Slioussar, Kholodilova 2013 — N. Slioussar, M. Kholodilova. Paradigm leveling in non-standard Russian. A. Podobryaev (ed.). Proceedings of the 20th FASL conference. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2013.

References

- Akhutina 2014 — Т. А. Akhutina. Neirolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki, pragmatiki [Neurolinguistic analysis of lexicon, semantics, pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2014.
- Bondarko 2002 — А. В. Bondarko. Teoriya znacheniya v sisteme funktsionalnoy grammatiki: na materiale russkogo yazyka [Theory of meaning in the system of the functional grammar: on the material of Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2002.
- Cheremisina 2002 — М. И. Cheremisina. Yazyk i ego otrazhenie v nauke o yazyke [Language and its reflection in the linguistics]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Press, 2002.
- Chernigovskaya 2013 — Т. В. Chernigovskaya. Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie [Cheshire smile of Schrödinger's cat: Language and mind]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.

- Eliseeva 2014 — M. B. Eliseeva. Stanovlenie individualnoi yazykovoy sistemy rebenka. Rannie etapy [Development of a child's individual language system. Early stages]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2014.
- Field 2012 — J. Field. Psikholingvistika. Klyuchevye kontsepty. Entsiklopediya terminov s angliiskimi ekvivalentami [Psycholinguistics. The Key concepts. The handbook of terms with English equivalents]. Moscow: URSS, 2012.
- Frumkina 2007 — R. M. Frumkina. Psikholingvistika [Psycholinguistics]. 3rd ed. Moscow: Akademiya, 2007.
- Gasparov 1996 — B. M. Gasparov. Yazyk. Pamyat. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language. Memory. Image. Linguistics of the language existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996.
- Gor, Chernigovskaya 2001 — K. Gor, T. Chernigovskaya. Rules in Processing of Russian Verbal Morphology. G. Zybatow, U. Junghanns, G. Mehlhorn, L. Szucsich (eds.). *Current Issues in Formal Slavic Linguistics*. Frankfurt am Main: Lang, 2001. P. 528–536.
- Katsnelson 1972 — S. D. Katsnelson. Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie [Typology of language and speech thinking]. Leningrad: Nauka, 1972.
- Kharchenko 2012 — V. K. Kharchenko. Korpus detskikh vyskazyvaniy [The corpus of child's utterances]. Moscow: Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing Publishing House, 2012.
- Popova 2015 — A. R. Popova. Opyt opisaniya i leksikograficheskogo predstavleniya rechi rebenka rannego vozrasta [Attempt of description and lexicographical presentation of the speech of a child of early age]. Orel: Gorizont, 2015.
- Remchukova 2011 — E. N. Remchukova. Kreativnyy potentsial russkoy grammatiki [Creative potential of Russian grammar]. 2nd ed. Moscow: URSS, 2011.
- Rusakova 2013 — M. V. Rusakova. Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka [Elements of the anthropocentric grammar of Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.
- Shcherba 1976 — L. V. Shcherba. Yazykovaya sistema i rehevaya deyatelnost [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka, 1976.
- Slioussar, Kholodilova 2013 — N. Slioussar, M. Kholodilova. Paradigm leveling in non-standard Russian. A. Podobryaev (ed.). *Proceedings of the 20th FASL conference*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2013.
- Tseitlin 1982 — S. N. Tseitlin. Rechevye oshibki i ikh preduprezhdenie [Speech mistakes and their prevention]. Moscow: Uchpegiz, 1982.
- Tseitlin 2000 — S. N. Tseitlin. Yazyk i rebenok [Language and child]. Moscow: Vldos, 2000.
- Tseitlin 2009 — S. N. Tseitlin. Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi [Essays on derivation and inflexion in child language]. Moscow: Znak, 2009.

**РУССКИЕ КОНТАКТНЫЕ ГЛАГОЛЫ
В УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ:
ОБЪЕМ СЛОВНИКА
И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ
РАЗНООБРАЗИЕ***

Н. В. Богданова-Бегларян

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
n.bogdanova@spbu.ru

Е. Р. Маслова

Независимый исследователь, Санкт-Петербург
elena.r.maslova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается одна из разновидностей прагматических маркеров русской устной речи: группа контактных глаголов (КГ) (*знаешь/те, видишь/те, понимаешь/те, (по)слушай/те, (по)смотри/те, представь/те* и под.). На материале корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» был составлен пользовательский подкорпус КГ, включающий 2105 употреблений подобных глагольных форм. Все единицы подкорпуса были рассмотрены в семантическом, грамматическом и функциональном (прагматическом) аспектах. С семантической точки зрения, все КГ входят в группу глаголов интеллектуальной деятельности (*глаголы восприятия* и *глаголы понимания*). Оказалось при этом, что глагол *видеть* может быть членом обоих семантических классов. С грамматической точки зрения, КГ также делятся на две группы: формы 2 л. ед. и мн. ч. и формы императива. Кроме того, только слова из группы императивов могут быть представлены в качестве КГ и в совершенном (СВ), и в несовершенном виде (НСВ). И снова исключением стал один глагол: *представить / представлять*, который в форме СВ попадает в группу императивов (*представь/те*), а в форме НСВ

---

* Статья подготовлена в рамках работы над проектом «Система прагматических маркеров русской повседневной речи», поддержанным грантом РНФ (проект № 18-18-00242).

(*представляешь/те*) — в группу с глаголами *знаешь/те*, *понимаешь/те* и др. С прагматической точки зрения удалось выявить все дополнительные функции, которые накладываются на основную роль КГ в устном дискурсе — метакоммуникативную. Все рассматриваемые контактные глаголы, как и другие русские прагматемы, очень активны в устной речи, как правило, структурно вариативны и полифункциональны. Они могут стать частью словарика специального «Словаря прагматических маркеров русской речи».

Ключевые слова: глагол, глагольная форма, устная речь, прагматикализация, грамматикализация, прагматический маркер (прагматема).

Russian Contact Verbs in Oral Speech: Glossary and Functional and Semantic Variety

N. V. Bogdanova-Beglarian

Saint-Petersburg State University, St. Petersburg
n.bogdanova@spbu.ru

E. R. Maslova

Independent researcher, St. Petersburg
elena.r.maslova@gmail.com

Abstract. The article considers a group of contact verbs (CV) (*znaesh/te*, *vidish/te*, *ponimaesh/te*, *(po)slushay/te*, *(po)smotri/te*, *predstav/te* and so on) as a type of pragmatic markers in Russian oral speech. Based on the Russian everyday speech corpus “One Speaker’s Day”, we compiled a user sub-corpus of CV listing 2105 uses of such verb forms. All the sub-corpus entries have been analyzed from the semantic, grammatical, and functional (pragmatic) perspective. Semantically, all CVs belong to the group of intellectual activity verbs (*verbs of perception*, and *verbs of understanding*), with the verb *videt* ‘see’ falling into both semantic classes at once. Grammatically, CVs also can be divided into two groups: 2 sg/pl forms, and imperatives. Interestingly, it is only imperatives that can function as CVs in both the perfective (pfv) and the imperfective (ipfv) aspects. The grammatical perspective also shows one exception: the verb *predstavil/predstavlat* [imagine.pfv/ipfv] falls into the group of imperatives (*predstav/te*) in the pfv form, while in the ipfv

form (*predstavlaesh/te*), it belongs to the same group with the verbs *znaesh/te* ‘know.sg/pl’, *vidish/te* ‘see.sg/pl’, *ponimaesh/te* ‘understand.sg/pl’, etc. Our pragmatic analysis helps identify all the additional functions CVs have in oral speech apart from their main, meta-communicative function. As all the CVs considered in the paper, like other Russian pragmatemes, are very actively used in oral speech and normally show structural variability and multi-functionality, they can become part of the glossary of a special “Dictionary of Pragmatic Markers of Colloquial Russian”.

Keywords: verb, verb form, oral speech, grammaticalization, grammaticalization, pragmatic marker (pragmateme).

1. Введение

Анализ материала русской устной повседневной речи [Звуковой корпус... 2015; Русский язык... 2016] показал, что из всей глагольной лексики наивысшей употребительностью обладают не полноценные глаголы, а *глагольные прагматемы* (или *прагматические маркеры* — ПМ) [Богданова-Бегларян 2014], особенно *контактные глаголы* (КГ), выступающие в нашей речи прежде всего в *метакоммуникативной* функции, которая может быть сопряжена с *дискурсивной*, *хезитативной* и некот. др. [Блинова 2016; Маслова 2016]. Это вынуждает поставить задачу отдельного рассмотрения контактных глаголов и специфики их функционирования в русском устном дискурсе¹.

К группе *контактных глаголов* относятся глагольные формы с ослабленной семантикой (в таком случае часто говорят о «вымывании» семантики, или, в другой терминологии, «обесцвечивании» («bleaching») слова) — [Вубее 2003]), регулирующие речевое взаимодействие между участниками коммуникации (привлечение внимания адресата на начальной стадии установления речевого контакта, поддержание этого контакта в течение разговора и доведение

---

¹ В наших работах отдельные единицы из группы контактных глаголов (во всем многообразии их функциональных разновидностей) на материале устных корпусов уже довольно хорошо описаны, см., например: [Маслова 2014, 2015 а, б; Звуковой корпус... 2015]. См. также иные работы на эту тему: [Östman 1981; Кокошкина 2011] и ряд др.

его до логического завершения)² и выполняющие в речевом акте различные дополнительные прагматические задачи (вербализация речевого колебания (хезитации), маркирование границ реплики и др.). К таким глаголам можно отнести следующие формы (это наиболее полный на сегодняшний день словарь КГ, выявленный на материале исследования³, включая неформальные и неоднослов-ные единицы): *знаешь/те, видишь/те, понимаешь/те, представляешь/те (себе), представь/те (себе), (по)слушай/те, (по)смотри/те, (по)гляди/те, прикинь/те, зацени/те, вообрази/те, глянь/те, заметь/те* и некот. др., близкие к КГ по функции, такие как *скажи/те, подожди/те, слышь/те*.

2. Материал исследования

Источником материала для анализа в настоящей работе послужил корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), содержащий спонтанные диалоги и полилоги [Asinovsky et al. 2009; Богданова-Бегларян и др. 2015; 2017; 2019]. Корпус ОРД, без преувеличения, является наиболее представительным на сегодняшний день лингвистическим ресурсом для анализа русского устного дискурса. Записи, составившие этот корпус, выполнены по методике непрерывного многочасового мониторинга устной речи⁴. Статистические характеристики корпуса на данный момент таковы: более 1250 часов звучания, полученных от 130 информантов и около 1000 их коммуникантов, представляющих разные социальные группы (социолекты) современного российского мегаполиса, каким

² Подобные глаголы, привлекающие внимание адресата к высказыванию (обычно в форме императива или 2 л.) (*Слышь / брат! Ты мне поможешь / я тебе помогу / все люди братья!..; Здесь же формулы! Адски трудно / посмотри! А?*), Е. А. Гришина ставит в один ряд с частицей *ну*, текстовым коннектором *а* и обращениями (*Ребятам / ну / ну не надо!*) и относит к разряду «контактных слов» [Гришина 2007].

³ С расширением материала исследования не исключено пополнение этого списка за счет новых единиц, таких как, например, *чуешь, вишь/те* и под. Благодарим анонимного рецензента нашей статьи за эти добавления.

⁴ Подобная методика записи речи традиционно используется в японских лингвистических исследованиях (см., например, [Сибата 1983; Campbell 2004]), а также применялась при подготовке материалов для устного подкорпуса British National Corpus (BNC) [Reference Guide... 2007]. Ее преимущество состоит в получении для анализа речевого материала, наиболее приближенного к естественной повседневной речи.

является Санкт-Петербург, 2800 макроэпизодов речевой коммуникации, 1 млн словоупотреблений в текстовых расшифровках, 100 тыс. словоупотреблений в аннотированном подкорпусе (подробнее см.: [Русский язык... 2016]).

Общий объем проанализированного в настоящем исследовании материала составил 2105 употреблений глагольных форм. Материал анализировался в орфографических расшифровках (транскриптах), в которых отсутствуют знаки препинания, но отражены все признаки спонтанности (неподготовленности) речи (обрывы, повторы, заминки, самокоррекция, паузы хезитации, паралингвистические явления и проч., включая фрагменты, не поддающиеся расшифровке) и дано простейшее интонационное членение текстов (расстановка пауз разного типа и разной длительности). Толкование знаков, используемых при расшифровке текстов ОРД (конвенции принятой дискурсивной транскрипции), см. в: [Русский язык... 2016: 242–243]. Некоторые конкретные знаки в дальнейшем в статье будут пояснены дополнительно, по ходу приведения иллюстративного материала.

Хотя контактные глаголы знакомы любому говорящему и, несомненно, типичны для нашей повседневной коммуникации, действительно высокоупотребительным из них является, пожалуй, только глагол *знаешь*: в частотном словнике ОРД эта форма нашла свое место в первой сотне единиц, составляющих верхнюю зону этого списка [Шерстинова 2016]: относительная ее частота в общем словнике составила 0,19%, в женской и мужской речи, соответственно, — 0,24 и 0,16%. Еще более высокой частота этой формы оказалась в бытовой речи (в отличие от профессиональной, образовательной и коммуникации в ситуации «клиент — сервис») — 0,27%. В число «наиболее женских» слов попал, по данным того же исследования, и КГ *слушай* (0,13% в женском частотном списке), что отражает, в частности, общую бóльшую ориентацию женщин на собеседника [см.: Русский язык... 2016: 176].

Другие единицы из группы рассматриваемых контактных глаголов имеют в ОРД весьма невысокую частоту встречаемости, ср. некоторые данные такого рода (в %): *смотрите* (0,0096), *понимаете* (0,088), *слушайте, послушай, представь, видите* (по 0,0056). Остальные цифры еще ниже. Чтобы эти данные не воспринимались как противоречащие высказанному выше положению об общей повышенной употребительности контактных глаголов по сравнению

с прочими, приведем примеры глаголов, не относящихся к контакт-ным, из того же частотного списка ОРД (также в %): *едешь* (0,01), *сидишь* (0,004), *сидите* (0,0016) Знаменательных слов в верхней зоне частотного списка ОРД вообще немного.

3. Контактные глаголы с точки зрения семантики и грамматики

Среди КГ отчетливо выделяются две группы, которые различаются не только по форме, но и функционально: (1) глаголы во 2-м лице ед. и мн. ч. (*знаешь/те, видишь/те, понимаешь/те, представляешь/те, слышь/те*) и (2) глаголы в форме императива (*представь/те (себе), (по)слушай/те, (по)смотри/те, (по)гляди/те, прикинь/те, зацени/те, вообрази/те, глянь/те, заметь/те, скажи/те, подожди/те*).

Все описываемые единицы входят в семантическую группу *глаголов интеллектуальной деятельности*, и, вероятно, список их не закрыт и может быть пополнен. Л. Г. Бабенко включает все глаголы из группы императивов (2) в класс *глаголов восприятия*, тогда как единицы группы (1) являются *глаголами понимания* [Толковый словарь... 1999]. Любопытно, что только глагол *видеть* оказывается включен в оба семантических класса. Ср., например, фрагмент телефонного разговора из ОРД, когда собеседники однозначно не могут друг друга видеть:

- (1) *алё // *П привет // *П да // *П да // *П нет / я в Выборге\$ // *П да / сегодня по-моему // *П но там Городницкий\$ // *П или сегодня // *П а ! *П ну да // *П ну видишь / я сегодня не / ... (...) это самое // ну я вот () думаю / что нужно будет / ... я ведь / () приду завтра⁵.*

Глагол *видеть* употреблен здесь в значении не ‘воспринимать глазами’, что ожидается от него в первую очередь, а ‘сознать, понимать’.

⁵ Знак *П в расшифровках означает паузу; () — запинка говорящего; знаком \$ помечены слова-названия или известные, не связанные с участниками коммуникации, имена; знак (...) (многоточие в скобках) маркирует незаполненную паузу хезитации; ... (многоточие без скобок) — обрыв фразы, ставится в конце фразы после пробела.

Еще одна характеристика, которая позволяет разделить контактные глаголы на две группы, — это категория вида. Только слова из группы императивов могут быть представлены в качестве КГ и в совершенном (СВ), и в несовершенном (НСВ) виде: *слушай* — *послушай*, *смотри* — *посмотри* и т. д. Исключением является глагол *представить* / *представлять*, который в форме СВ попадает в группу императивов (*представь/те*), а в форме НСВ (*представляешь/те*) — в группу с глаголами 2-го лица *знаешь/те*, *понимаешь/те* и др.

О влиянии категории вида на употребление контактных глаголов *слушай* и *смотри* рассуждала М. Д. Воейкова: «...в императивных высказываниях, обращенных к детям, соотношение форм СВ и НСВ в речи взрослых распределяется примерно пополам. Это обстоятельство весьма любопытно, так как можно было бы ожидать, что формы императива СВ, как наиболее нейтральные и семантически не маркированные, будут встречаться чаще, чем формы императива НСВ» [Воейкова 2015: 552]. Интересно, что на материале ОРД (в рамках созданного пользовательского подкорпуса) соотношение количества форм СВ и НСВ в парадигме глагола *слушай* — 5,0 к 95,0 % (17 из 374 употреблений), а у глагола *смотри* — 30,0 к 70,0 % (296 из 423 употреблений). М. Д. Воейкова полагает, что процент форм НСВ вырастает в дискурсивных употреблениях форм *слушай* и *смотри* за счет их десемантизации, а также того факта, что мена СВ на НСВ не вызывает серьезных семантических или прагматических изменений [Там же].

4. Метакоммуникация как основа диалогической речи

При изучении диалогической речи объектом описания часто становятся не только речевые элементы, но и вопросы межличностной коммуникации, так как, вступая в общение, собеседники заинтересованы в успешном понимании друг друга и для этой цели они используют целую систему коммуникативных стратегий. Одной из подобных стратегий можно считать употребление метакоммуникативных единиц. Традиционно метакоммуникативные вставные конструкции считаются нормальным явлением для монологической речи, и под этим термином понимают «любое сообщение, имеющее своей целью комментарий, объяснение, констатацию или оценку человеком своих собственных коммуникативных действий»

[Трунов 2004: 80]. *Метакоммуникация* (от гр. μετά — ‘после, за’ и лат. *communicare* — ‘делать общим, связывать, общаться’) направлена на пояснение коммуникации ее же способами и средствами и позволяет взглянуть на общение со стороны и осмыслить его [Остапенко 2013: 32]; ср. также: «Метакоммуникация это как бы “взгляд в зеркало”, призванный регулировать процесс общения, оценить его, договориться об условиях и условностях» [Кашкин 2010: 193]⁶.

В диалоге целью метакоммуникации часто становится комментарий по поводу не столько содержания коммуникации («текст о тексте», или «коммуникация по поводу коммуникации»), сколько по поводу ее успешности. Человеку необходимо установить контакт с собеседником, поддерживать его в течение некоторого времени, удостовериться, что собеседник его понимает, и даже в какой-то степени повлиять на восприятие передаваемой информации. См. примеры употребления контактных глаголов в метакоммуникативной функции (знак *Ц в расшифровках ОРД означает цыканье языком; @ — наложение речи говорящих; (:) — растяжка звука, который отмечен этим знаком; *Н — неразборчивый фрагмент речи):

- (2) *ты знаешь / то / что я () с... видела / и (м-м) вот (м-м) последний / она на меня н(:)а () такое произвела сильное впечатление // @ *Ц ай;*
- (3) *а то она меня вечно боится / а так **видишь** нет;*
- (4) *и это вообще поток сознания / **понимаешь**;*
- (5) ***смотри** / сейчас ты мне объяснишь;*
- (6) ***ну слушай** / по-моему / его не хватает на зарядку полной батарее.*

Видно, что во всех приведенных контекстах глаголы практически теряют (или существенно ослабляют) свое лексическое значение и приобретают прагматическое, т. е. начинают выполнять различные функции, в основе которых лежит метакоммуникация. Такими функциями могут быть дискурсивная (стартовый маркер

⁶ О специфике метакоммуникации в диалоге и монологе см. также: [Богданова 2012].

в примерах (2), (5), (6); финальный — в (4)), поисковая или hesitantная (практически во всех случаях), а также (достаточно редко) функция маркера ренарратива (маркера-ксенопоказателя, вводящего в повествование чужую речь) (см. ниже п. 5.4). Иными словами, контактные глаголы как прагматические маркеры выступают в устном дискурсе как полифункциональные единицы.

Видно также, что подобные маркеры-метакоммуникативы часто употребляются не изолированно, а в составе различных комбинаций: *ты знаешь, ну слушай*. Такие комбинации можно интерпретировать либо как конструкции (*ты знаешь*)⁷, либо как обычные цепочки прагматических маркеров (*ну слушай*). В первом случае существует грамматическая (пусть и ослабленная, во многом формальная) связь между компонентами такой конструкции, во втором перед нами именно цепочка ПМ с одинаковой функцией (функционально синонимичных). В последнем случае встает вопрос о статусе таких цепочек: являются ли они именно комбинацией разных маркеров или представляют собой новый структурный вариант исходной единицы. Думается, что однозначного ответа на этот вопрос пока не существует⁸.

5. Функции контактных глаголов как прагматических маркеров

Помимо метакоммуникативной, основной функцией контактных глаголов, целью их использования в устной речи часто является структурирование дискурса. На материале исследования ожидаемо было обнаружено три традиционных типа дискурсивных ПМ: стартовые, навигационные (направляющие) и финальные. Рассмотрим их последовательно.

5.1. Маркер старта

Стартовые метакоммуникативы-дискурсивы, так же как и большинство прагматем, в том числе не только и не столько глагольных (см. об этом: [Богданова-Бегларян 2019а]), часто употребляются не изолированно, а в составе комбинаций, что, как правило,

---

⁷ Подробнее о понятии конструкции см. ниже — п. 6.

⁸ См. обсуждение подобных проблем, возникших в ходе пилотного аннотирования материалов ОРД: [Zaides et al. 2018].

сопровождается хезитацией (говорящий маркирует начало реплики и одновременно дает себе время обдумать ее), ср. (знак # в расшифровках ОРД означает мену говорящих):

- (7) ***вот ты знаешь** / я короче уже один раз завалила как будто // сдаю второй раз / и второй раз завалила;*
- (8) ***ну просто понимаешь** / я с ним согласна там / ну вот / просто очень много ... / вот я например / если пошла бы на место секретаря / **знаешь** / я бы вот (э...) сидя вот там вот я бы *Н и сказала ребята я секретарь ?*
- (9) ***ну значит видишь** / ты практически всё время / (э-э) правильно / анализируешь;*
- (10) ***ну вот смотрите** // ну / для меня это не человек / во-первых;*
- (11) ***слушай** / ты можешь его каким-нибудь цветом другим отметить ?*
- (12) ***а представь себе** / вот как решить // допустим / остается кровать / да ? последняя / как решить её смерть ?*
- (13) ***вот / представляешь** *П когда я говорю () что () вот ты сейчас опоздаешь / это я ему желаю чего-то плохого // # а / ну это всегда так;*
- (14) ***гляньте** / какие умные // как ...*

Помимо КГ, элементами таких стартовых комбинаций (появляющихся, как правило, в препозиции по отношению к базовому глаголу) являются прежде всего разнообразные частицы (*ну, вот, просто*) и практически десемантизованные личные местоимения (*ты, вы*). Разнообразие и необязательность подобных элементов в составе ПМ позволяют говорить о структурной вариативности глагольных прагматем: (...) *знаешь* (...), (...) *видишь* (...), (...) *понимаешь* (...) и т. п. Из приведенных примеров видно также, что в число КГ попадает и идиоматизированная конструкция *представь/те себе / представляешь/те себе*.

По примерам видно также, что подобные стартовые ПМ с контактным глаголом являются еще и маркерами регулирования очередности говорящих в диалоге (в терминах разговорного анализа — «коммуникативными девайсами»), прежде

всего — инициируют реплику (захват очереди) (ср. подобные наблюдения на английском материале: [Östman 1981]).

5.2. Навигационный маркер

Маркеры этого типа, также часто в составе комбинаций, не только структурируют дискурс, но и помогают говорящему сменить тему (фактически — тоже продвигают разговор вперед, направляют ход коммуникации), ср.:

- (15) *нет / нет / серьёзных я имею в виду / **знаешь вот** / это как у нас ... # как у Булгакова\$ / там вот это / скупают там всё это;*
- (16) *не / на самом деле не только меня / не / **ну прикинь** / там было (...) пятеро ролевиков / (...) с которыми в разведку ходили блин;*
- (17) *эт нет / это очень классно / **слушай** / единственное / что имоток у меня много / там как складывать / а на самом деле вот () я иска... () я () я ...*

Кроме того, контактный глагол *смотри* в этой роли сближается с *видишь*: они оба способны демонстрировать результат или вывод какого-либо действия или размышления, ср.: (знак % в расшифровках ОРД означает имя или другую личную информацию, связанную с участниками коммуникации; во всех таких случаях она анонимизирована, то есть изменена; в случае с именами — с сохранением ритмической структуры слова):

- (18) *Даша% / ты вообще пространственно мыслишь или нет ? **ну вот смотри** // я в плане тебе рисую / вот зрительный зал / то / что ты мне нарисовала / вот рампа сцены / она поднята на метр или на семьдесят сантиметров ?*
- (19) *я я сейчас еду вообще в Питер\$ // так что мои встречи отменяются // ну / мы уже договорились как бы //у нас всё / у нас всё запланировано // вот / **видишь** не получится.*

Видно снова, что ПИМ с контактными глаголами часто неоднословны: *знаешь вот, ну прикинь, ну вот смотри*, что еще раз позволяет говорить об их структурной вариативности, что свойственно употреблению этих глаголов именно в роли прагматем.

5.3. Маркер финала

Примеры на дискурсивную финальную функцию подобрать оказалось довольно затруднительно, потому что не всегда можно отличить ее от предикативного употребления глагольных форм с ослабленной семантикой. Но все же, как представляется, в приведенных ниже контекстах на первое место выходит именно функция прагматемы, а не значение глагола. Вопросы говорящих риторические, ответа на них не предполагается. Скорее всего, говорящие лишь призывают собеседника подумать над вышесказанным и одновременно (снова — совмещение функций: метакоммуникативной и дискурсивной) дают понять, что закончили реплику, ср. (знак *С в расшифровках ОРД означает смех, *В — вздох; знаками * или ** (по числу опущенных букв) *внутри* слова «завуалирована» обценная лексика, которой довольно много в нашем материале):

- (20) *а у меня друган / *П он занимается / клинингом // ну моет окна / **знаешь***;
- (21) **С а там *В слышишь / холодильник / варочная поверхность / на х** / короче (...) духовка / бл**ь (...) и микроволновка / просто вилки воткнули в розетки / на х** *С и сделали денег / **прикинь***;
- (22) *время было такое / **понимаешь***;
- (23) *без очков стригёт / вот храбрая / **слушай** !*
- (24) *допустим пришли там сказали казаки / всё там () наше государство / *П донское казачество / извините мы от вас отказываемся от России / мы будем жить сами // вот так сделали бы / это что называется / сепаратизм ? ну допустим / **представь***;
- (25) *я знаю // @ и в театре // там по сути те же самые плоскости / **вы представляете**.*

Видно, сколь разнообразны контактные глаголы в этой функции; и здесь они также способны выступать в составе комбинации-конструкции (*вы представляете*), хотя и в меньшей степени, чем в функции стартового или навигационного маркера.

5.4. Маркер ренарратива

Отдельно стоит отметить довольно редкую для контактных глаголов функцию маркера ренарратива (ксенопоказателя, единицы, маркирующей пересказывание, передачу чужой речи — в широком понимании данного термина, то есть — и своей собственной речи, сказанной ранее или даже только планируемой на будущее)⁹:

(26) *и он блин мне написал **слушай** сорри не могу.*

Вполне небезосновательно можно предположить, что КГ *слушай* — это не стартовый ПМ в составе чужой (написанной!) речи, то есть он выступает в данном контексте именно как маркер ренарратива.

5.5. Вербальный хезитатив

Одна из функций, характерных для контактных глаголов, — выполнение паузы хезитации, также в конечном счете с целью удержания речевой инициативы и привлечения (зачастую повторного) внимания собеседника:

(27) *и она ему говорит / *П ой / дядя Серёжа / а у него как бы / *П вообще у них такая история / **вот знаешь** / вот как всё-таки / зависит много / от людей;*

(28) *всё понятно / но **вот понимаешь** / то есть если человек работает / то он работает / он это ценит / вот не было бы такого / чтобы вот знаешь / если там что-то такое вот / вот /*

---

⁹ Термины «ксенопоказатель» [Арутюнова 2000; Плунгян 2008; Левонтина 2010] и «маркер ренарратива» [Коптев 2014] являются в коллоквиалистике в известной степени конкурирующими: первый из них (*ксенопоказатель*) не имеет значения показателя чужой речи, это, скорее, показатель «чужого» вообще; второй (*маркер ренарратива*) указывает именно на то, что пересказывается речь. Подробнее обсуждение данных терминов (их сходств и различий, плюсов и минусов) см. в: [Сурина 2017]. Для настоящего исследования эта конкуренция не столь важна, и термины в нашей статье используются как синонимы. Отметим также, что наиболее распространенными «глагольными» маркерами-ксенопоказателями являются формы (чаще всего — редуцированные) слова *говорить* (*грит, гыт, грю, горю* и под.), которые входят в число прагматем, но не являются контактными глаголами (метакоммуникативами). См. о них подробнее, например: [Левонтина 2010; Стойка 2017], а также статью [Богданова-Бегларян 2019б] в настоящем сборнике.

знаешь / вот я не могу кардинально / сказать что знаешь / вот мне не нравится много / вот я говорю что я с ним проработала / он всегда / работаешь хорошо / *П получи за это // он всегда боролся *Н зарплату / всегда;

- (29) *а ну да / пусть звонит // *П значит (э) слушай смотри ... *В # ты тёзку(?) выкинула на улицу.*

В примере (27) вербальный хезитатив (или цепочка хезитативов) *вот знаешь* вполне полифункционален: ему можно приписать, помимо хезитативной, еще и функцию дискурсивного маркера-навигатора, помогающего говорящему преодолеть возникшее коммуникативное затруднение и сменить тему. В контексте (29) говорящий использует для заполнения паузы колебания сразу два контактных глагола (*слушай смотри*), «подкрепленных» еще и речевым (невербальным) хезитативом (вокализацией, речеподобным звуком) (э), обрывом фразы — ... (многоточие без скобок) — и последующим вздохом (*В). Такой набор хезитативов и паралингвистических элементов говорит о серьезном затруднении говорящего, которое он так и не сумел преодолеть.

5.6. Маркер поиска

С хезитативной функцией КГ сближается и функция поиска: контактные глаголы *знаешь* и *понимаешь* часто используются не только для заполнения хезитационной паузы, но и при явно выраженном (вербализованном) поиске нужного слова. В этом случае контактные глаголы могут сопровождаться элементами *вот* (в составе прагматической комбинации-цепочки) и *такой* (утрачивающим в таких употреблении значение местоимения, но не входящим в структуру с КГ, а выступающим как самостоятельный ПМ)¹⁰ (в примере (30) такие употребления подчеркнуты):

- (30) *я не знаю почему / **знаешь вот** / просто у меня вот / *П такая **знаешь** как вот с картинки / **вот знаешь вот** как картинка / такая **вот знаешь вот** / мужская рука / *такая настоящая вот мужская рука // да ? у меня вот правда не такая симпатичная ручка / она и белая и такая вот маленькая / *П но что сама такая вот (...)* господи;*

¹⁰ Подробнее о слове *такой* в роли прагматемы см.: [Шклярчук 2018].

- (31) *купим (э-э) это самое / *Н ? # так вон те тоже ничего / *П с квадратиками // # ну этот лучше будет / понимаешь / с этим самым / с веером.*

Видны в приведенных контекстах и другие поисковые маркеры (вербальные и невербальные), «подкрепляющие» статус рассматриваемых ПМ: *(э-э) это самое, с этим самым* (в примере (31) подчеркнуты).

6. Контактные глаголы в составе указательно-риторической конструкции

При анализе материала ОРД удалось выявить еще одну особенность функционирования контактных глаголов, которая снова (но уже на других основаниях) позволяет разделить их на две группы. Глаголы *знаешь, понимаешь* и *видишь*, помимо уже описанных функций, могут использоваться в качестве компонента *указательно-риторической конструкции* с различными союзными словами. Такие устойчивые единицы, отличающиеся цельностью, воспроизводимостью и высокой употребительностью в устной речи, можно рассматривать с точки зрения *грамматики конструкций* (СхG). Подход к языковому/речевому материалу с этих позиций весьма плодотворен и чрезвычайно характерен для современной лингвистики, особенно для той ее разновидности, которую называют *коллоквиалистикой*, изучающей специфику разговорной речи как сферы коммуникации и особой разновидностью языка [Девкин 1979; Скребнев 1985].

Под *конструкцией* понимаются «языковые единицы любого уровня, если они обладают формой и содержанием, так что их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения — в рамках СхG есть работы, описывающие дативные, каузативные, залоговые, предложные, приставочные конструкции и т. д.» [Рахилина, Кузнецова 2010: 19], ср. также: «Любой лингвистический паттерн признается конструкцией до тех пор, пока некоторый аспект его формы или функции не является строго предсказуемым из его составных частей или из других конструкций, признанных существующими» (“Any linguistic pattern is recognized as a construction as long as some aspect of its form or function is not strictly predictable from its component parts or from other constructions recognized to exist”)

[Goldberg 2006: 5] (см. о СxG также: [Fillmore, Kay 1988; Fillmore et al. 1988; Goldberg 1995]).

- (32) *идут крестины / народу **знаешь сколько** / человек наверное тридцать-сорок // (а-а) огромных;*
- (33) *но тут вот просто / **понимаете какая** ситуация // это(:) // фасады(:) библиотеки / сейчас немножко новая серия(:) // она идет потемнее // а у нас образец старый;*
- (34) *ну то есть это можно было сделать но **видишь что** *П билеты сдавать ещё.*

В контекстах можно увидеть сочетание КГ с разными союзными словами (*сколько, какая, что*; возможны и другие варианты). По примерам видно также, что все такие конструкции имеют явный экспрессивный оттенок, формально они похожи на риторические вопросы (поскольку самоответ говорящего следует незамедлительно), но имеют указательно-восклицательное значение. Эту двойственность можно подтвердить тем, что подобные конструкции легко преобразуются в вопросительное сложноподчиненное предложение или утвердительное простое с указательным словом *вот*:

*у нас **знаешь, как** делали?*

знаешь, как у нас делали

***вот как** у нас делали*

Таким образом, выявленная конструкция может быть охарактеризована как относительно самостоятельный элемент сложноподчиненного предложения, выполняющий в речи контактоустанавливающую функцию и еще не утративший глагольной семантики.

Подобные конструкции следует отличать от *комбинаций маркеров*, о которых шла речь выше (*ты знаешь, вы понимаете*), поскольку здесь перед нами типичные разговорные *коллокации*. Под *коллокацией* при этом понимается неоднословная, устойчивая и регулярно встречающаяся языковая единица [Firth 1957; Ахманова 1969; Захаров, Хохлова 2010: 138]. При таком понимании конструкция и *коллокация* оказываются тесно связаны между собой, что отмечали уже и сами основатели СxG (см.: [Fillmore et al. 1988]).

7. Заключение

Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов.

Контактные глаголы представляют собой довольно обширный класс прагматических единиц, активно функционирующих в русской устной речи. Они легко делятся на две группы грамматически, семантически и функционально, а в рамках своей группы по большей части взаимозаменяемы, т. е. синонимичны на уровне выполняемых функций. При этом у глагола *понимаешь/те* наблюдается ослабление лексического значения в большей степени, чем у других КГ. Можно предположить, что функционирование в качестве *вербального хезитатива* — одна из последних ступеней на шкале прагматикализации глагола. Форма почти полностью десемантизируется и превращается в «пустую» вставку для заполнения паузы колебания.

Для всех исследуемых КГ было выявлено от двух (*смотри/те, посмотри/те*) до шести (*знаешь/те*) новых функций, не отмеченных в словарях и грамматиках (см., например: [Словарь русского языка 1999]).

Контактные глаголы являются интересным объектом для изучения с точки зрения различных социолингвистических подходов (таких как теория речевых актов, категория вежливости, конверсационный анализ).

Литература

- Арутюнова 2000 — Н. Д. Арутюнова. Показатели чужой речи *де, дескать, мол* // Н. Д. Арутюнова (ред). Язык о языке: сб. статей. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–452.
- Ахманова 1969 — О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969
- Блинова 2016 — О. В. Блинова. *Слушай, смотри, подожди, скажи, извини*: частотные императивы как «коммуникативные девайсы» // XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.: Тезисы докладов. СПб.: Филологический ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2016. С. 615–616.
- Богданова 2012 — Н. В. Богданова. Метакоммуникация в устной спонтанной речи (диалог vs монолог) // О. В. Терещенко (ред.). Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании.

- Материалы III Международной научно-практической конференции. 29–31 марта 2012 г., Минск. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2012. С. 330–331.
- Богданова-Бегларян 2014 — Н. В. Богданова-Бегларян. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). С. 7–20.
- Богданова-Бегларян 2019a — Н. В. Богданова-Бегларян. О синтагматической активности прагматических маркеров русской повседневной речи // XLVIII Международная филологическая конференция СПбГУ, 18–27 марта 2019 года. Тезисы докладов. СПб., 2019 (в печати).
- Богданова-Бегларян 2019б — Н. В. Богданова-Бегларян. Глаголы в устной речи: путь от лексемы к прагматеме (от значения к функции) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН (в печати).
- Богданова-Бегларян и др. 2015 — Н. В. Богданова-Бегларян, А. С. Асиновский, О. В. Блинова, Е. В. Маркасова, А. И. Рыко, Т. Ю. Шерстинова. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Д. Шумска, К. Озга (ред.). Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
- Богданова-Бегларян и др. 2017 — Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, Т. Ю. Шерстинова, Г. Я. Маргынченко. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин (науч. ред.). Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.
- Богданова-Бегларян и др. 2019 — Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, К. Д. Зайдес, Т. Ю. Шерстинова. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Вып. 21. С. 101–110.
- Воейкова 2015 — М. Д. Воейкова. Варьирование форм СВ / НСВ в императиве: анализ факторов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2015. Т. XI. Ч. 1. С. 539–565.
- Гришина 2007 — Е. А. Гришина. О маркерах разговорной речи (предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка) // Л. Л. Иомдин, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.). Б/н. М.: Изд-во Российского гос. гуманитарного ун-та, 2007. С. 147–156.

- Девкин 1979 — В. Д. Девкин. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979.
- Звуковой корпус... 2015 — Н. В. Богданова-Бегларян (ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов. СПб.: Филологический ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2015.
- Захаров, Хохлова 2010 — В. П. Захаров, М. В. Хохлова. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // А. Е. Кибрик (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 9 (16). М.: Изд-во Российского гос. гуманитарного ун-та, 2010. С. 136–143.
- Кашкин 2010 — В. Б. Кашкин. Метакоммуникация в пространстве быденного и научного познания // М. Б. Бергельсон, М. К. Раскладкина (ред.). Коммуникативное пространство: измерения, пределы, возможности. Материалы выступлений на V Международной конференции РКА «Коммуникация-2010». М.: Изд-во Московского ун-та, 2010. С. 193–196.
- Кокошкина 2011 — И. В. Кокошкина. Десемантизированные элементы дискурса: функционирование, классификация, факторы употребления. Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Саратовский гос. ун-т. Саратов, 2011.
- Копотев 2014 — М. В. Копотев. Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2014. Т. X. Ч. 2. С. 712–740.
- Левонтина 2010 — И. Б. Левонтина. Пересказывательность в русском языке // А. Е. Кибрик (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 9 (16). М.: Изд-во Российского гос. гуманитарного ун-та, 2010. С. 284–289.
- Маслова 2014 — Е. Р. Маслова. Все ли мы знаем о слове «знаете»? // А. Кюналь, И. Адамсон (отв. ред.). Studia Slavica. Сб. научных трудов молодых филологов. Вып. XII. Таллин: Таллинский ун-т, 2014. С. 240–250.
- Маслова 2015a — Е. Р. Маслова. *Знаешь и понимаешь* как вербальные хезитативы: сходства и различия // Т. Гузаиров, Е. Вельман-Омелина, А. Чекада (отв. ред.). Русская филология. Сб. научных трудов молодых филологов. Вып. 26. Тарту: Тартуский ун-т, 2015. С. 275–279.
- Маслова 2015б — Е. Р. Маслова. *Знаешь как это интересно!* (О некоторых особенностях употребления формы *знаешь* в русской спонтанной речи) // Материалы III конференции молодых славистов. Будапешт: Ин-т славянской и балтийской филологии, 2015. С. 166–170.

- Маслова 2016 — Е. Р. Маслова. Функционирование контактных глагольных форм в русской устной речи. Дис. ... маг. лингв., Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 2016. (рукопись).
- Остапенко 2013 — Д. И. Остапенко. К трактовке понятия «метакоммуникация» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 32–35.
- Плунгян 2008 — В. А. Плунгян. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие // В. Wiemer, V. A. Plungjan (eds.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen*. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband. Vol. 72. München: Sagner, 2008. S. 285–311.
- Рахилина, Кузнецова 2010 — Е. В. Рахилина, Ю. Л. Кузнецова. Грамматика конструкций: теории, сторонники, близкие идеи // Е. В. Рахилина (отв. ред.). *Лингвистика конструкций*. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–81.
- Русский язык... 2016 — Н. В. Богданова-Бегларян (ред.). *Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах*. СПб.: Laika, 2016.
- Сибата 1983 — Т. Сибата. Исследование языкового существования в течение 24 часов // И. Ф. Вардуть (ред.). *Языкознание в Японии*. М.: Радуга, 1983. С. 134–141.
- Скробнев 1985 — Ю. М. Скробнев. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985.
- Словарь русского языка 1999 — А. П. Евгеньева (ред.). *Словарь русского языка*. В 4-х т. 4-е изд. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
- Стойка 2017 — Д. А. Стойка. Редуцированные формы русской речи: лингвистический и экстралингвистический аспекты. Дис. ... канд. филол. наук, Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 2017 (рукопись).
- Сурина 2017 — А. П. Сурина. Маркеры ренарратива в разных типах устной речи. Дис. ... маг. лингв., Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 2017 (рукопись).
- Толковый словарь... 1999 — Л. Г. Бабенко (ред.). *Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*. М.: АСТ-Пресс, 1999.
- Трунов 2004 — Д. Г. Трунов. Вербальная и невербальная метакоммуникация // И. Н. Розина (ред.). *Материалы II Международной конференции «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты (Коммуникация-2004)»*. 24–28 мая 2004 г., Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Ин-та управления, бизнеса и права, 2004. С. 80–81.
- Шклярчук 2018 — Е. Я. Шклярчук. Единица ТАКОЙ в русской спонтанной речи: на пути от значения к функции // Ж. Кастельви, А. Зайнульдинов, И. Гарсия, М. Руис-Соррилья (ред.). *Актуальные проблемы и перспективы русистики. Материалы по итогам Международной*

- конференции русистов в Барселонском университете. МКР-Барселона 2018. Barcelona: Trialba Ediciones, 2018. С. 1590–1597.
- Asinovsky et al. 2009 — A. Asinovsky, N. Bogdanova, M. Rusakova, A. Ryko, S. Stepanova, T. Sherstinova. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker’s Day»: Creation Principles and Annotation. TSD 2009. LNAI. Vol. 57292009. Berlin; Heidelberg: Springer, 2009. P. 250–257.
- Bybee 2003 — J. Bybee. Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency. B. D. Joseph, J. Janda (eds.). The Handbook of Historical Linguistics. Oxford: Blackwell, 2003. P. 602–623.
- Campbell 2004 — N. Campbell. Speech & Expression; the Value of a Longitudinal Corpus. M. T. Lino, M. F. Xavier, F. Ferreira, R. Costa, R. Silva (eds.). LREC 2004 Proceedings. Lisbon: Universidade Nova de Lisboa, 2004. P. 183–186.
- Fillmore, Kay 1988 — Ch. J. Fillmore, P. Kay. Grammatical Construction and Linguistic Generalization: The What’s X doing Y construction. Language. 1988. Vol. 75. P. 1–33.
- Fillmore, Kay, O’Connor 1988 — Ch. Fillmore, P. Kay, M. C. O’Connor. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone. Language. 1988. Vol. 64. P. 501–538.
- Firth 1957 — J. R. Firth. Papers in Linguistics, 1934–1951. Oxford: Oxford University Press, 1957.
- Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press. 1995.
- Goldberg 2006 — A. E. Goldberg. Constructions at Work. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Östman 1981 — J.-O. Östman. *You know: A Discourse-functional Approach*. Amsterdam: John Benjamins, 1981.
- Reference Guide... 2007 — L. Burnard (ed.). Reference Guide for the British National Corpus (XML edition). Published for the British National Corpus Consortium by Oxford University Computing Services. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/docs/URG/2007> (дата обращения 24.12.2019).
- Zaides et al. 2018 — K. Zaides, T. Popova, N. Bogdanova-Beglarian. Pragmatic Markers in the Corpus “One Day of Speech”: Approaches to the Annotation. A. Elizarov, N. Loukachevitch (eds.). Computational Models in Language and Speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018). Vol. 2303. Kazan, Russia, November 1, 2018. Kazan (Volga Region) Federal University, N. I. Lobachevsky, Institute of Mathematics and Mechanics, Kazan, Russia; Lomonosov Moscow State University, Research Computing Center, Moscow, Russia. Kazan; Moscow, 2018. P. 128–143.

References

- Akhmanova 1969 — O. S. Akhmanova. Slovar lingvisticheskikh terminov [The Linguistic Vocabulary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1969.
- Arutyunova 2000 — N. D. Arutyunova. Pokazateli chuzhoy rechi *de, deskat, mol* [Markers of other's speech *de, deskat, mol*]. N. D. Arutyunova (ed.). *Yazyk o yazyke: sb. statey* [Language about language: the collection of papers]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 437–452.
- Asinovsky et al. 2009 — A. Asinovsky, N. Bogdanova, M. Rusakova, A. Ryko, S. Stepanova, T. Sherstinova. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation. TSD 2009. LNAI. Vol. 57292009. Berlin; Heidelberg: Springer, 2009. P. 250–257.
- Blinova 2016 — O. V. Blinova. *Slushay, smotri, podozhdi, skazhi, izvini*: chastotnye imperativy kak «kommunikativnye devaysy» [*Listen, look, wait, say, I'm sorry*: Frequency Imperatives as “Communicative Devices”]. *XLV Mezhdunarodnaya filologicheskaya nauchnaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 14–21 marta 2016 g.: Tezisy dokladov* [XLV International philological conference, Saint Petersburg, 14–21 March 2016: The Book of abstracts]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University Press, 2016. P. 615–616.
- Bogdanova 2012 — N. V. Bogdanova. Metakommunikatsiya v ustnoy spontanoy rechi (dialog vs monolog) [Meta-Communication in Oral Spontaneous Speech (Dialogue vs. Monologue)] // O. V. Tereshchenko (ed.) *Kommunikatsiya v sotsialno-gumanitarnom znanii, ekonomike, obrazovanii. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 29–31 marta 2012 g., Minsk*. [Communication in the social-humanitarian knowledge, economics, education: Proceedings of the III International scientific-practical conference. 29–31 March 2012, Minsk]. Minsk: Belarus State University, 2012. P. 330–331.
- Bogdanova-Beglarian 2014 — N. V. Bogdanova-Beglarian. Pragmatemy v ustnoy povsednevnoy rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya [Pragmatemes in Spoken Everyday Speech: Definition and General Typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2014. No. 3 (27). P. 7–20.
- Bogdanova-Beglarian 2019a — N. V. Bogdanova-Beglarian. O sintagmaticheskoy aktivnosti pragmaticheskikh markerov russkoy povsednevnoy rechi. [On the Syntagmatic Activity of Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech]. *XLVIII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya SPbGU, 18–27 marta 2019 goda. Tezisy dokladov* [XLVIII International philological conference, St. Petersburg State University, 18–27 March 2019: The Book of Abstracts]. St. Petersburg, 2019. (in Print).
- Bogdanova-Beglarian 2019b — N. V. Bogdanova-Beglarian. Glagoly v ustnoy rechi: put ot leksemy k pragmateme (ot znacheniya k funktsii) [Verbs in the

- Oral Speech: a Way from Lexeme to Pragmateme (from Value to Function)]. *Acta Linguistica Petropolitana* (in Print).
- Bogdanova-Beglarian et al. 2015 — N. V. Bogdanova-Beglarian, A. S. Asinovskiy, O. V. Blinova, Je. V. Markasova, A. I. Ryko, T. Yu. Sherstinova. *Zvukovoy korpus russkogo yazyka: novaya metodologiya analiza ustnoy rechi* [Speech Corpus of Russian Language: a New Methodology for Analyzing of Oral Speech]. D. Shumska, K. Ozga (eds.). *Yazyk i metod. Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka*. Vyp. 2 [Language and Method: Russian language in the linguistic research of the 21st century. Iss. 2]. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. P. 357–372.
- Bogdanova-Beglarian et al. 2017 — N. V. Bogdanova-Beglarian, O. V. Blinova, T. Yu. Sherstinova, G. Ya. Martynenko. *Korpus «Odin rechevoy den» v issledovaniyakh sociolingvisticheskoy variativnosti russkoy razgovornoy rechi* [Corpus «One Speaker's Day» in Studies of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech]. D. A. Kocharov, P. A. Skrelin (sc. eds.). *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR3-2017): Trudy sedmogo mezhdistsiplinarnogo seminar* [The analysis of colloquial Russian speech (ARS-2017): Works of the 7th interdisciplinary seminar]. St. Petersburg: Politekhnikaprint, 2017. P. 14–20.
- Bogdanova-Beglarian et al. 2019 — N. V. Bogdanova-Beglarian, O. V. Blinova, K. D. Zaydes, T. Yu. Sherstinova. *Korpus russkogo yazyka povsednevnogo obshcheniya «Odin rechevoy den»: tekushcheye sostoyaniye i perspektivy* [Corpus of the Russian Language of Everyday Communication «One Speaker's Day»: Current State and Perspectives]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2019. Iss. 21. P. 101–110.
- Bybee 2003 — J. Bybee. Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency. B. D. Joseph, J. Janda (eds.). *The Handbook of Historical Linguistics*. Oxford: Blackwell, 2003. P. 602–623.
- Campbell 2004 — N. Campbell. Speech & Expression; the Value of a Longitudinal Corpus. M. T. Lino, M. F. Xavier, F. Ferreira, R. Costa, R. Silva (eds.). *LREC 2004 Proceedings*. Lisbon: Universidade Nova de Lisboa, 2004. P. 183–186.
- Devkin 1979 — V. D. Devkin. *Nemeckaya razgovornaya rech: Sintaksis i leksika* [German Colloquial Speech: Syntax and Vocabulary]. Moscow: Mezh-dunarodnye otnosheniya, 1979.
- Fillmore, Kay 1988 — Ch. J. Fillmore, P. Kay. Grammatical Construction and Linguistic Generalization: The What's X doing Y construction. *Language*. 1988. Vol. 75. P. 1–33.
- Fillmore, Kay, O'Connor 1988 — Ch. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone. *Language*. 1988. Vol. 64. P. 501–538.

- Firth 1957 — J. R. Firth. *Papers in Linguistics, 1934–1951*. Oxford: Oxford University Press, 1957.
- Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Goldberg 2006 — A. E. Goldberg. *Constructions at Work*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Grishina 2007 — E. A. Grishina. O markerakh razgovornoj rechi (predvaritel'noe issledovanie podkorpusa kino v Nacionalnom korpusе russkogo yazyka) [On the Markers of Colloquial Speech (a Preliminary Study of the Subcorpus of Cinema in the National Corps of the Russian Language)]. L. L. Iomdin, N. I. Laufer, A. S. Narinyani, V. P. Selegey (ed.). *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2007» (Bekasovo, 30 maya — 3 iyunya 2007 g.)* [Computer linguistics and intellectual technologies. Works of the International conference “Dialogue 2007” (Bekasovo, 30 May — 3 June 2007)]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2007. P. 147–156.
- Kashkin 2010 — V. B. Kashkin. Metakommunikaciya v prostranstve obydenogo i nauchnogo poznaniya [Metacommunication in the Space of Everyday and Scientific Knowledge]. M. B. Bergelson, M. K. Raskladkina (eds.). *Kommunikativnoe prostranstvo: izmereniya, predely, vozmozhnosti. Materialy vystupleniy na V Mezhdunarodnoy konferentsii RKA «Kommunikatsiya-2010»* [Communicative space: dimensions, limits, possibilities. Proceedings of 5th International conference RKA “Communication-2010”]. Moscow: Moscow University Publishing House, 2010. P. 193–196.
- Kokoshkina 2011 — I. V. Kokoshkina. Desemantizirovannye elementy diskursa: funkcionirovanie, klassifikaciya, faktory upotrebleniya. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Desemantized Elements of Discourse: Functioning, Classification, Factors of Use. Author’s abstract of a phil. cand. diss., Saratov State University]. Saratov, 2011.
- Kopotev 2014 — M. V. Kopotev. Evolutsiya russkikh markerov renarrativa: sintaksis ili leksika? [Evolution of Russian Markers of Renarrative: Syntax or Lexicon?]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2014. Vol. X. P. 2. P. 712–740.
- Levontina 2010 — I. B. Levontina. Pereskazyvatel'nost v russkom yazyke [Quotation and Rendering Markers in Russian]. A. E. Kibrik (ed.). *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog»*. Vyp. 9 (16) [Computer linguistics and intellectual technologies. Works of the International conference “Dialogue”. Iss. 9 (16)]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2010. P. 284–289.
- Maslova 2014 — E. R. Maslova. Vse [Do we Know Everything about the Word “Know”?]. A. Kyunal, I. Adamson (eds.). *Studia Slavica. Sbornik nauchnykh trudov molodykh filologov*. Vyp. XII [Studia Slavica. The

- collection of papers written by young philologists. Iss. 12]. Tallinn: Tallinn University, 2014. P. 240–250.
- Maslova 2015a — E. R. Maslova. *Znaesh i ponimaesh* kak verbalnye khezitativy: skhodstva i razlichya [*Znaesh* and *ponimaesh* how Verbal Hezitatatives: Similarities and Differences]. T. Guzairov, E. Velman-Omelina, A. Chekada (eds.). *Russkaya filologiya. Sb. nauchnykh trudov molodykh filologov*. Vyp. 26 [Russian Philology. Iss. 26]. Tartu: Tartu University, 2015. P. 275–279.
- Maslova 2015b — E. R. Maslova. *Znaesh kak eto interesno!* (O nekotorykh osobennostyakh upotrebleniya formy *znaesh* v russkoy spontanoy rechi) [*Znaesh kak eto interesno!* (*Znaesh*: Some Peculiarities of Using Forms in Russian Spontaneous Speech)]. *Materialy III konferentsii molodykh slavistov* [Proceedings of the III Conference for young slavists]. Budapest: The Institute of Slavic and Baltic Philology, 2015. P. 166–170.
- Maslova 2016 — E. R. Maslova. Funkcionirovanie kontaktnykh glagolnykh form v russkoy ustnoy rechi. Dis. ... mag. lingv. [Functioning of Contact Verb Forms in Russian Oral Speech. M. ling. diss., St. Petersburg State University]. St. Petersburg, 2016. (Manuscript).
- Ostapenko 2013 — D. I. Ostapenko. K traktovke ponyatiya «metakommunikatsiya» K traktovke ponyatiya «metakommunikatsiya» [To the Interpretation of the Concept of “Meta-Communication”]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya. 2013. No. 1. P. 32–35.
- Östman 1981 — J.-O. Östman. *You know: A Discourse-functional Approach*. Amsterdam: John Benjamins, 1981.
- Plungian 2008 — V. A. Plungian. O pokazatelyakh chuzhoi rechi i nedostovernosti v russkom yazyke: *mol*, *yakoby* i drugie [On the Indicators of Another’s Speech and Unreliability in the Russian Language: *mol*, *yakoby* and others]. B. Wiemer, V. A. Plungian (eds.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband. Vol. 72*. München: Sagner, 2008. S. 285–311.
- Rakhilina, Kuznetsova 2010 — E. V. Rakhilina, Yu. L. Kuznetsova. Grammatika konstruktivnykh teorii, storonniki, blizkie idei [Grammar of Constructions: Theory, Supporters, Close Ideas]. E. V. Rakhilina (ed.). *Lingvistika konstruktivnykh teorii* [Linguistics of constructions]. Moscow: Azbukovnik, 2010. P. 18–81.
- Reference Guide... 2007 — L. Burnard (ed.). Reference Guide for the British National Corpus (XML edition). Published for the British National Corpus Consortium by Oxford University Computing Services. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/docs/URG/2007> (accessed on 24.12.2019).
- Russkiy yazyk... 2016 — N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.) *Russkiy yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funkcionirovaniya v raznykh socialnykh gruppakh*. [Everyday Russian Language in Different Social Groups]. St. Petersburg: Laika, 2016.

- Shklyaruk 2018 — E. Ja. Shklyaruk. Jedinica TAKOY v russkoy spontanoy rechi: na puti ot znacheniya k funktsii [The Unit TAKOY in Russian Spontaneous Speech: on the Way from Meaning to Function]. Zh. Kastelvi, A. Zainuldinov, I. Garsiya, M. Ruis-Sorrilya (eds.). *Aktualnye problemy i perspektivy rusistiki. Materialy po itogam Mezhdunarodnoy konferentsii rusistov v Barselonskom universitete MKR-Barselona 2018* [Actual problems and perspectives of Russian language studies. Proceedings of the International conference of Russian language researchers in the University of Barcelona MKR Barcelona 2018]. Barcelona: Trialba Ediciones, 2018. P. 1590–1597.
- Sibata 1983 — T. Sibata. Issledovanie yazykovogo sushchestvovaniya v techenie 24 chasov [Study of Language Existence within 24 Hours]. I. F. Var-dul (ed.). *Yazykoznanie v Yaponii* [Linguistics in Japan]. Moscow: Raduga, 1983. P. 134–141.
- Skrebnev 1985 — Ju. M. Skrebnev. Vvedeniye v kollokvialistiku [Introduction to Colloquialistics]. Saratov: Saratov State University Publishing House, 1985.
- Slovar russkogo yazyka 1999 — A. P. Evgenyeva (ed.). Slovar russkogo yazyka V 4-kh t. 4-e izd. [Dictionary of the Russian Language. In 4 vol. 4th ed.]. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy, 1999.
- Stoyka 2017 — D. A. Stoyka. Reducirovannyye formy russkoy rechi: lingvisticheskiy i ekstralingvisticheskiy aspekty. Dis. ... kand. filol. nauk [Reduced Forms of Russian Language: Linguistic and Extralinguistic Aspects. Phil. cand. diss., St. Petersburg State University]. St. Petersburg, 2017. (Manuscript).
- Surina 2017 — A. P. Surina. Markery renarrativa v raznykh tipakh ustnoy rechi. Dis. ... mag. lingv. [Markers of Renarrative in Different Types of Oral Speech. M. ling. diss., St. Petersburg State University]. St. Petersburg, 2017. (Manuscript).
- Tolkovyy slovar... 1999 — L. G. Babenko (ed.). Tolkovyy slovar russkikh glagolov: Ideograficheskoye opisaniye. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy [The Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description. English Equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-Press, 1999.
- Trunov 2004 — D. G. Trunov. Verbalnaya i neverbalnaya metakommunikatsiya [Verbal and Non-Verbal Metacommunication]. I. N. Rozina (ed.). *Materialy II Mezhdunarodnoy konferentsii «Kommunikatsiya: kontseptualnye i prikladnye aspekty (Kommunikatsiya-2004)». 24–28 maya 2004 g., Rostov-na-Donu* [Proceedings of the II International conference “Communication: conceptual and applied aspects (Communication-2004)”. 24–28 May 2004, Rostov-na-Donu]. Rostov-na-Donu: Soutnern University IMBL Publishing House, 2004. P. 80–81.
- Voeikova 2015 — M. D. Voeikova. Variirovanie form SV / NSV v imperative: analiz faktorov [Variation of Perfect/Imperfect Forms in Imperative: Factor Analysis]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2015. Vol. XI. Pt. 1. P. 539–565.

- Zaides et al. 2018 — K. Zaides, T. Popova, N. Bogdanova-Beglarian. Pragmatic Markers in the Corpus “One Day of Speech”: Approaches to the Annotation. A. Elizarov, N. Loukachevitch (eds.). *Computational Models in Language and Speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018)*. Vol. 2303. Kazan, Russia, November 1, 2018. Kazan (Volga Region) Federal University, N. I. Lobachevsky, Institute of Mathematics and Mechanics, Kazan, Russia; Lomonosov Moscow State University, Research Computing Center, Moscow, Russia. Kazan; Moscow, 2018. P. 128–143.
- Zakharov, Khokhlova 2010 — V. P. Zakharov, M. V. Khokhlova. Analiz effektivnosti statisticheskikh metodov vyyavleniya kollokatsiy v tekstakh na russkom yazyke [Analysis of the Effectiveness of Statistical Methods for Detecting Collocations in Russian Texts]. A. E. Kibrik (ed.). *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog»*. Vyp. 9 (16) [Computer linguistics and intellectual technologies. Works of the International conference “Dialogue”. Iss. 9 (16)]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2010. P. 136–143.
- Zvukovoy korpus... 2015 — N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.). *Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast 2. Teoretichskie i prakticheskie aspekty analiza. Tom 2. Zvukovoy korpus kak material dlya novykh leksikograficheskikh proektov* [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Pt. 2. Theory and Practice of Speech Analysis. Vol. 2. Speech Corpus as a Base for New Lexicographical Projects]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University Press, 2015.

ПОЗИЦИОННЫЕ СВОЙСТВА РУССКИХ УСЕЧЕННЫХ ОБРАЩЕНИЙ И ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ ТИПА *СЛУШАЙ**

О. В. Блинова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург
o.blinova@spbu.ru

Аннотация. В статье проверяется гипотеза о сходстве позиционного поведения функционально близких выражений: отымперативных дискурсивных маркеров (ДМ) *слушай(те)*, *послушай(те)* и форм усеченного обращения типа *мам, пап, Тань*. Использована схема описания, включающая три типа позиций в реплике: позиция абсолютного начала, позиция абсолютного конца, неначальная и неконечная (срединная) позиция. Полученные распределения позиций у нового русского вокатива (НРВ) и ДМ имеют одну форму («начальная» > «срединная» > «конечная»), ср.: НРВ: 365 (50,35 %), 220 (30,34 %), 140 (19,31 %), ДМ 468 (67,63 %), 202 (29,19 %), 22 (3,18 %). Однако сравнение выборов НРВ и ДМ показало, что между ними наблюдаются статистически значимые различия. Следовательно, гипотезу о сходстве позиционного поведения рассматриваемых выражений можно отбросить.

Ключевые слова: речевой корпус, парентетики, обращение, новый русский вокатив, дискурсивные маркеры, императив, линейная позиция

---

* При поддержке РФФ, проект № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи».

Positional properties of truncated vocatives and *listen*-forms in Russian

O. V. Blinova

Saint Petersburg State University, National Research University
Higher School of Economics, St. Petersburg
o.blinova@spbu.ru

Abstract. The paper tests the hypothesis of positional similarity between truncated vocative forms (TVFs) like *mam*, *pap*, *Tan'* (instead of, respectively, *mama* 'mom', *papa* 'dad', *Tanya*) and discourse markers (DMs) of the type "*slushay*", "*poslushay*" (lit. 'listen.2IMP'). The hypothesis is based on the functional similarity of these expressions that belong to a wide category of parentheticals and show similar patterns of syntactic and (presumably) prosodic incorporation into host phrases. The most significant difference between TVFs and *listen*-DMs in functional terms is the ability of TVFs to name addressees; *listen*-DMs do not identify the addressee and therefore cannot be used for "remote calls" where the speaker and the listener are separated from each other by distance or otherwise.

Two samples of utterances from the "One Speaker's Day" subcorpus (containing around 898 000 tokens) were taken: with 712 TVF utterances, and with 692 DM utterances, respectively. The relative frequency of TVFs is 808,91 ipm, and the relative frequency of DMs is 769,96 ipm.

The study classifies the vocative forms by their "initial", "middle", or "final" positions in the utterance. Initial positions seem to prevail in both samples with over 50 % for truncated vocative forms, and around 68 % for DMs. Although both samples show the same in-the-utterance position pattern in the order of diminishing frequency (initial > middle > final), the similarity hypothesis was not statistically validated.

The differences between TVFs and *listen*-DMs are noticeable in the first place in the share of parenthetical uses in the final and middle positions. The share of TVFs in the final position is about 19 % against about 3 % for *listen*-DMs. For a more meaningful assessment of the observed differences, an analysis of utterances with parentheticals in dialogues is required. Utterances with TVFs in the final position represent statements, questions, or directives. No interrogatives or directives have been registered in utterances with final *listen*-DMs.

Keywords: spoken corpus, parentheticals, address forms, truncated vocative, discourse markers, imperative, "look-forms", linear position.

1. Правомерность сравнения позиционного поведения форм НРВ и *слушай*-ДМ

Статья посвящена сравнению позиционных свойств обращений, выраженных формой нового русского вокатива (НРВ), и отымперативных дискурсивных маркеров (ДМ) *слушай(те)*, *послушай(те)*. Правомерность сравнения обусловлена функциональным сходством рассматриваемых выражений и их принадлежностью к широкой категории парентетиков, общим сходством способов синтаксического и, можно думать, просодического внедрения во фразу-хозяина. Проверяется гипотеза, согласно которой формы НРВ и *слушай*-ДМ демонстрируют схожее позиционное поведение.

1.1. *Слушай*-ДМ и НРВ среди парентетиков

«Прагматические маркеры» (или же «дискурсивные маркеры», для настоящей статьи различие между этими понятиями неактуально) и вокативы могут рассматриваться как парентетики. По обобщающему определению, парентетик — языковое выражение, линейно интегрированное в другую языковую структуру, но тем или иным образом (с точки зрения синтаксиса, семантики и / или интонации) не связанное с окружающим лингвистическим материалом [Dehé 2014: 1].

Прагматический маркер определяется как «фонологически краткая единица, синтаксически не связанная с остальной частью клаузы (являющаяся парентезой), не имеющая референциального значения (или имеющая ослабленное) и выполняющая прагматические или процедурные задачи» [Brinton 2008: 1], см. также [Heine 2013] и др. Синтаксические определения вокатива тоже апеллируют к его неинтегрированной природе, ср., например, дефиницию С. Левинсона: вокативы — это «именные группы, реферирующие к адресату, но не являющиеся синтаксически или семантически инкорпорированными в качестве аргументов предиката; они просодически отделены от «тела» предложения, которое могут сопровождать» [Levinson 1983], цит. по [Sonnenhauser, Hanna 2013: 2].

И обращение (в том числе выраженное формой НРВ), и многие ДМ (в том числе *слушай*-ДМ) могут быть отнесены к широкому классу парентетиков (скобочных конструкций). По выражению Н. Дехе и Й. Каваловой, парентетики — это пестрая, разношерстная компания [Dehé, Kavalova 2007: 1]. Отымперативные ДМ (например,

англ. *look, say, listen, say, mind you, mark you* или рус. *смотри, слушай, скажи, заметь* и др.) относятся к так называемым клаузуальным прагматическим маркерам или «вводным оборотам» (*comment clauses*) наряду с выражениями типа *I think* и др. [Brinton 2008]. Вокативы (обращения) — это парентетики, являющиеся именными группами; будучи включенными в разряд т. н. «экстра-сентенциальных», «периферийных» или «парентетических» элементов, они описываются как отдельная категория, см., например, [Astruc-Aguilera, Nolan 2007; Dehé 2014: 5].

На функциональную и иную близость вокатива и императива обращали внимание не раз (подробнее см., например, [Гусев 2005: 90–93; Даниэль 2008]). В классической работе об императиве читаем, что «любое адресованное слушающему апеллятивное высказывание (типа *Иван!*, *товарищ майор!* и т. п.) фактически представляет собой регулярный эллипсис вокативно-императивного высказывания. Императивная часть высказывания регулярно опускается потому, что ее интерпретация не вызывает затруднений: это, в сущности, всегда один и тот же императив *слушай/те*» [Храковский, Володин 2002: 253]. Ясно, однако, что в общем случае вокатив каузирует адресата слушать или, шире, управляет его коммуникативным поведением, а императив каузирует «выполнить обозначенное лексическим глаголом действие» [Даниэль 2008]. Если несколько упрощать картину, можно сказать, что в рассматриваемом случае и лексический глагол в императиве, от которого происходит ДМ, и вокатив каузируют адресата выполнить одно и то же действие — слушать, т. е. эти выражения служат для поддержания контакта с адресатом, см. об этом [Zwicky 1974].¹

Наиболее существенным различием между НРВ и *слушай*-ДМ в функциональном плане является способность НРВ называть адресатов; *слушай* же не может способствовать идентификации адресата, что, по-видимому, блокирует его употребление в функции

¹ «Maintenance of contact between speaker and addressee can be achieved with the following items as well as with vocatives: (9) *look, look here, listen, say, hey* [from the speaker], (10) *uh-huh, oh, sure, OK, yeah* [from the addressee]», то есть «Поддержание контакта между говорящим и адресатом может осуществляться как с помощью обращений, так и с помощью следующих единиц: (9) *look, look here* ‘смотри’, *listen* ‘слушай’, *say* ‘скажи’, *hey* ‘эй’ [со стороны говорящего], (10) *uh-huh* ‘ага, угу’, *oh* ‘о’, *sure* ‘конечно’, *OK* ‘ладно, хорошо, окей’, *yeah* ‘да, угу, вот-вот’ [со стороны адресата] [Zwicky 1974: 788] [перевод мой — О.Б.]»

т. н. «дальнего зова», т. е. в условиях пространственной или иной удаленности говорящего от слушающего.

1.2 Линейная позиция и длина *слушай*-ДМ и форм НРВ

Согласно одной из возможных трактовок, линейная позиция парентетиков в предложении не мотивирована их синтаксической позицией, они «встраиваются в уже построенный фрагмент синтаксической структуры» [Лютикова, Циммерлинг 2016: 10] и могут быть удалены без заметного воздействия на фразу-хозяина и ее смысл [Biber et al., 1999, 1067], цит. по [Dehé 2014].

Просодическое оформление парентетиков зависит в том числе от их длины в слогах [Dehé 2009], т. е. связано с протяженностью в словах [Dehé 2014: 43] и (опосредованно) — с синтаксической «сложностью». Так, короткие парентетики в большей степени способны к просодической интеграции, чем длинные [Peters 2006].

Прагматические маркеры — как правило, короткие выражения [Heine 2013: 1209], часто фонологически редуцированные; в современном английском это обычно однословные единицы из одного или двух слогов [Brinton 2017: 4].

Частотный ДМ *слушай* состоит из двух слогов, но имеет краткие реализации и часто звучит как *слуш*, *слыш*, *сьш*; *слушайте* в редуцированной форме может звучать как *слушите*, *сушите* и др. Формы НРВ в выборке односложны или двухсложны (см. п. 3.3 ниже). Соответственно, сравнение *слушай*-ДМ и форм НРВ корректно еще и потому, что сравниваемые выражения преимущественно однословны и относительно кратки.

2. Подходы к описанию позиционных свойств парентетиков

В описание линейной позиции парентетиков вовлекается противопоставление между периферийной «начальной» (initial), или «левой» позицией, периферийной «конечной» (final), или «правой» позицией, а также «срединной» (middle) позицией в предложении, реплике, фразе, см., например, [Dehé, Kavalova 2007: 2; Dehé, Wichmann 2010; Kaltenböck 2009] и др.

Отдельное внимание уделяется примерам, когда позиция языкового выражения может затруднять определение его синтаксического статуса (как в случае с начальными *I think*, *I believe* и их трактовкой

как главной клаузы или как вводного оборота), см., например, [Dehé, Wichmann 2010]. Кроме того, специально обсуждаются возможные ограничения на внедрение парентетиков в определенные внутрифразовые позиции, например, между определяемым словом и определением, обзор см. в [Dehé 2014: 10–12]. Наконец, для так называемых «якорных» (anchored) парентетиков, находящихся в тесной семантической связи с фразой-хозяином, может описываться позиция относительно их «якоря» [Там же: 8–11].

Позиционные свойства обращений описываются с использованием того же различия трех базовых позиций, однако специально выделяется четвертая — «автономная», «изолированная» и т. д. позиция. Скажем, Д. Лич выделяет «начальную», «конечную», «срединную» и «автономную» (stand-alone) позицию вокатива [Leech 1999: 114–116], хотя принципы выделения им «автономной» позиции не вполне ясны.

Схожим образом в [Даниэль 2008] предлагается разграничивать «дискурсивно изолированные» употребления вокатива (которые «сами по себе составляют высказывание») и «внутридискурсивные» употребления, не отделенные фразовыми паузами (/ /) и примыкающие к другим синтагмам. Внутридискурсивные употребления могут занимать во фразе начальное, срединное и конечное положение (там же), см. также [Parrott 2010: 218–219]. В [Кибрик, Подлеская 2009а: 92] предлагается различать обращения, формирующие отдельную иллокуцию, и обращения, встраивающиеся внутрь других типов иллокуций, причем указывается, что последние обычно попадают в т. н. ваккернагелевскую позицию (после первой синтаксической составляющей).

Если анализируется протекание дискурса и учитываются единицы большие, чем клауза, предложение, фраза или реплика, то рассматривается позиция парентетиков (и, в частности, вокативов) в т. н. «очереди» (turn)². По аналогии с [Leech 1999] выделяются: позиция в начале «очереди» (turn-initial или preface position), позиция в конце «очереди» (turn-final или tag-position), позиция в середине «очереди», а также автономная позиция [McCarthy, O’Keefe 2003; Heritage 2013].

---

² «Очередь» или «черёд» (turn) — «всё, что располагается между двумя последовательными сменами говорящих» [Корбут 2015: 134].

3. Методика исследования

3.1. Проверяемая гипотеза

Функциональное сходство НРВ и ДМ типа *слушай* позволяет подозревать наличие у этих выражений схожих позиционных свойств. В настоящей статье проверяется гипотеза, согласно которой НРВ и *слушай*-ДМ демонстрируют схожее позиционное поведение.

Можно думать, что и модель описания, предложенную в [Leech 1999] или [Даниэль 2008] для вокатива, можно применить при описании позиционного поведения *слушай*-ДМ, то есть можно использовать схему, в которой противопоставлены «изолированные» и «внутридискурсивные» употребления, а «внутридискурсивные» делятся на начальные, срединные и конечные.

3.2. Выбранный метод проверки

Различение «автономных» или «изолированных» и «внутридискурсивных» или «интегрированных» употреблений парентетиков на фразовом уровне представляет существенную сложность. Действительно, выделить «автономные» употребления на уровне turns (т. е. идентифицировать вокативы или ДМ, составляющее отдельную «очередь»), — нетрудная задача: в таком случае парентетик будет отделен репликой другого говорящего, как в примерах (1), (2), или ограничен продолжительной паузой, как в примере (3) из речевого корпуса «Один речевой день» (ОРД).

- (1) И88 *Никит !*
 *П
 М2 *да //*
 И88 *вы ехали из Вырицы да ?* [ОРД, ordS88-12]
- (2) Ж1 *послушай //*
 *П
 И120 *да //*
 Ж1 *Таня / вот здесь маленький вот кусочек / вот смотри //*
 [ОРД, ordS120-14]
- (3) Ж1 *Миш //*
 *П (8,8 с)
 Ж1 *Миша //* [ОРД, ordS114-01]

В случае же, если за репликой говорящего, употребившего вокатив, не следует ни реплики типа *aga, ugu, da* (ср. пример последовательности реплик *Mummy — Yes darling — I want a drink* из [McCarthy, O’Keefe 2003]), ни продолжительной паузы, мы сталкиваемся со сложной проблемой сегментации устного дискурса.

Для различения «автономных» и «внутридискурсивных» употреблений можно под влиянием [Даниэль 2008] использовать наличие незаполненной (абсолютной) или заполненной паузы после парентетика. В таком случае при наличии паузы определенной пороговой длины (или более длительной) можно будет считать употребление «автономным», или «изолированным».

Однако продолжительность такой «границной» паузы неясна. Кроме того, можно думать, что просодическая теория доказала недостаточность использования паузы как маркера просодических границ, см., например, [Кибрик, Подлесская 2009а]. Скажем, в [Dehé 2014: 94–96] подробно обсуждаются различные «ключи» к просодическим границам, а затем делается вывод, что «паузы сами по себе представляются слишком ненадежными для использования в качестве ключевого элемента для разграничения между просодическими составляющими разных иерархических уровней».

Или можно считать, что парентетик является «изолированным», если он просодически оформлен как отдельная «интонационная группа» (Intonational Phrase), «интонационное единство» (Intonational Unit), «элементарная дискурсивная единица» или другая релевантная единица членения речевого потока, принятая определенным коллективом исследователей или научной школой. Для реализации этого подхода нужно выбрать конкретную теоретическую модель описания просодии, в которой было бы подробно описано понятие просодической выделенности. Думается, что в [Dehé 2014] такая модель для английского языка была предложена (см., в частности, определение просодической выделенности на с. 102). Эта модель задействует комплекс супрасегментных и сегментных характеристик, а ее аккуратное применение подразумевает трудоемкий инструментальный фонетический анализ.

Однако, как показали [Bolinger 1989; Wichmann 2001] и многие другие, см. [Dehé 2014: 34], просодические схемы оформления парентетиков, особенно коротких парентетиков, очень многообразны. Разнообразие просодических паттернов оформления ДМ подтверждается на русском материале. Как указывают А. А. Кибрик

и В. И. Подлеская, «дискурсивные маркеры в разной степени склонны к автономизации, т. е. к формированию отдельных регуляторных ЭДЕ [элементарных дискурсивных единиц — О. Б.]», а их просодическая автономность может варьировать [Кибрик, Подлеская 2009б: 391–394]. Наконец, если использовать модель просодической автономности, предложенную [Dehé 2014], то важно понимать, что границы между единицами релевантного уровня ip (вложенного в IP) в материалах спонтанной речи определяются плохо [Dehé 2014: 102].

Поэтому для сравнения позиционного поведения рассматриваемых в настоящей статье выражений решено выбрать более простую, но вполне отвечающую задачам проверки поставленной гипотезы схему.

Будем различать три позиции парентетика в реплике: начальную, срединную и конечную. Возьмем из речевого корпуса две выборки реплик (выборку с формами НРВ и выборку с ДМ) и разметим все интересующие нас употребления, используя три пометы: I (употребление в абсолютном начале реплики), M (употребление не в абсолютном начале и не в абсолютном конце реплики), F (употребление в абсолютном конце реплики). Сравним полученные данные. Если сравнение покажет отсутствие статистически значимых различий между выборками, гипотеза будет нуждаться в дополнительной проверке и введении в описание «автономных» употреблений. Если же сравнение покажет наличие статистически значимых различий, то дальнейшей проверки гипотезы не потребуется: ее можно будет отбросить.

3.3. Материал и подходы к разметке

Предположение о сходстве позиционных свойств проверяется на материале корпуса русского повседневного общения «Один речевой день» [Bogdanova-Beglarian et al. 2016]. Единицей рассмотрения является реплика, границами между репликами считаются знаки фразового членения («//», «?», «!» или «...»)³. Из корпуса размером 898 744 токена извлечены две выборки реплик: первая содержит все найденные употребления НРВ, в том числе формы, образованные от личных имен, вторая — все употребления ДМ *слушай, слушайте, послушай, послушайте*.

³ Конкретная «очередь» текущего говорящего может состоять из одной или нескольких реплик. После смены говорящего начинается новая «очередь».

В рабочем корпусе указанного объема найдены звательные формы от следующих имен: *Алена, Алеша, Андрюша, Аня, Боря, Валя, Ваня, Вера, Виталя, Витюха, Вова, Володя, Галя, Гена, Гоша, Гуля, Даня, Даша, Дима, Женя, Илина, Ира, Ирина, Катя, Коля, Костя, Ксюша, Лариса, Леня, Леша, Лиза, Люба, Людмила, Люся, Маня, Марина, Матюша, Маша, Мила, Миша, Мотя, Муся, Надя, Настя, Наташа, Никита, Оля, Паша, Петя, Рита, Рома, Саша, Света, Сеня, Сережа, Слава, Соня, Таня, Юля, Юра, Яна*. Кроме того, найдены формы НРВ от существительных *мама, папа, дядя* и *ребята*. Выборка содержит 727 употреблений. Среди форм НРВ встретились только односложные (622 употребления) и двухсложные (105 употреблений), причем односложные заметно преобладают (их доля составляет 85,5%).

При разметке реплик, где вокативы употреблены подряд, решено действовать так: если формы не разделены паузами, объединены единым тональным контуром и имеют один акцентный центр (как в примере (4) ниже), они получают одну помету⁴. Если эти условия не выполняются, они получают две пометы (как в примере (5) ниже). Если в реплике встречаются две или более форм НРВ не подряд, каждая получает отдельную помету, ср. пример (6).

(4) *дядь Коль* [И] // [ОРД, ordS85-07]

(5) *мам* [И] / *П мам [М] / *такой у меня суп* // [ОРД, ordS113-19]

(6) *Петь* [И] / *тут это* () *Петь* [М] / *туалетный юмор* // [ОРД, ordS104-33]

Подобная схема описания была использована в случаях, когда подряд употреблялись формы НРВ и *слушай*-ДМ. Если употребления НРВ и *слушай*-ДМ не разделены паузами, объединены единым тональным контуром и имеют один акцентный центр (как в примере (7) ниже), они получают одну помету. В таком случае также стоит говорить о едином комплексе, в который объединяются односложный ДМ и обычно односложный НРВ, который может звучать, например, как *суш Кать* и который можно назвать «вокативным комплексом» или «апеллятивным комплексом». Если указанные

⁴ Рассмотрение тональных контуров и акцентных центров производилось с помощью Praat [Boersma, Weenink 2018], несколько подробнее о методике анализа см. [Блинова 2018].

условия не выполняются, формы получают две пометы (как в примере (8) ниже). «Комплексы» типа *суши Кать* помещены в состав группы примеров с НРВ. «Комплексов» типа *Кать суши* в выборках нет.

- (7) *ну ну / слушай пап [М] / ну я не хочу на ночь эти разговоры вести // [ОРД, ordS11-19]*
- (8) *слушай [П] / Кость [М] / тебе сейчас Екатерина Юрьевна должна прислать () список этих (...) групп второго курса / которых нужно определение / типа того / произвести // [ОРД, ordS117-36]*

Для разведения дискурсивных маркеров и лексических глаголов используются прежде всего синтаксические критерии. Например, если при *слушай* заполнены актантные позиции, наблюдаются сирконстантные зависимые или *слушай* сочинения с лексическим глаголом, он не считается дискурсивным маркером. Кроме того, императивы *слушай(те)*, *послушай(те)* с отрицанием (*не слушай*), частицей *давай* (*слушай давай*) также не считаются употреблениями ДМ, см. примеры (9)–(14) с лексическими глаголами *слушать*, *послушать* в императиве.

- (9) *ну Павел *Н / послушай меня ! ну ! [ОРД, ordS35-04]*
- (10) *а(:) / слушай / чего говорю // [ОРД, ordS124-06]*
- (11) *(э-э) то есть он поет / слушайте если хотите ... [ОРД, ordS114-05]*
- (12) *я говорю / слушай просто // [ОРД, ords44-10]*
- (13) *подожд... слушай дальше / (...) я значит это самое сказала хм / очень интересное предложение / неожиданное // [ОРД, ordS130-15]*
- (14) *ты сиди дома / слушай / может быть мы (э) если что-нибудь будет сильно интересное / может быть () ты мне (э) поделишься впечатлениями // [ОРД, ordS131-04]*

В выборке ДМ *слушай*, *слушайте*, *послушай*, *послушайте* распределены следующим образом: *слушай* — 606 употреблений (87,57%), *слушайте* — 67 употреблений (9,68%), *послушай* — 14

употреблений (2,02 %), *слушайте* — 5 употреблений (0,72 %). Нормализованные частоты (количество употреблений на миллион слов корпуса) представлены в *Таблице 1*.

Таблица 1. Нормализованные частоты *слушай*-ДМ
Table 1. Normalized frequencies of the form *slushay* ‘listen’
as a discourse marker

ДМ	ipm
<i>слушай</i>	674,27
<i>слушайте</i>	74,55
<i>послушай</i>	15,58
<i>послушайте</i>	5,56

Общий объем выборок составляет 712 реплик с НРВ, 692 реплики с ДМ. Реплики, содержащие и ДМ, и НРВ, попали в обе выборки в том случае, если ДМ и НРВ были размечены по отдельности, а не как единый «вокативный комплекс». «Комплексы» типа *суи Катя* условно помещены в состав употреблений НРВ. Нормализованная частота, посчитанная из общего количества употреблений, составляет 808,91 ipm для НРВ, 769,96 ipm для *слушай*-ДМ.

4. Позиционные свойства НРВ и *слушай*-ДМ: результаты сравнения

Данные для сравнения позиций императивов и усеченных вокативов содержатся в *Таблице 2*, где представлены абсолютные количества употреблений и доли употреблений по позициям в процентах. Видно, что и ДМ, и формы НРВ употребляются прежде всего в позиции абсолютного начала, а распределения позиций ДМ и НРВ имеют одну форму.

Таблица 2. Распределение позиций НРВ и *слушай*-ДМ
Table 2. Distribution of truncated vocative forms’ positions
and the form *slushay* ‘listen’ as a discourse marker

	Initial [I]	Middle [M]	Final [F]	Всего
НРВ	365 (50,35 %)	220 (30,34 %)	140 (19,31 %)	725
ДМ	468 (67,63 %)	202 (29,19 %)	22 (3,18 %)	692
Всего	833 (58,77 %)	422 (29,78 %)	162 (11,43 %)	1417

Оценка различий между двумя рассматриваемыми выборками выполнена с помощью критерия «хи-квадрат» ($X^2 = 98.74$, $df = 2$, $p < 0,001$). Полученный p -уровень значимости позволяет говорить о статистически значимых различиях между выборками. Следовательно, гипотезу о том, что *слушай*-ДМ и НРВ демонстрируют схожее позиционное поведение, можно отбросить.

Различия заметны прежде всего при взгляде на доли употреблений рассматриваемых парентетиков в конечной и в срединной позиции. Так, доля употреблений НРВ в конечной позиции составляет 19,31 % от всех употреблений НРВ, а доля конечных употреблений *слушай*-ДМ — 3,18 % от всех употреблений таких ДМ.

Для более содержательной оценки наблюдаемых различий, по-видимому, потребуется выполнить разметку реплик с парентетиками в терминах «диалогических актов» (ДА), см. о них, например, [Jurafsky 2006]. Скажем, даже при поверхностном взгляде на ДА в составе реплик с конечным НРВ становится видно, что среди ДА есть и сообщения, и вопросы, и директивы. Среди реплик с конечным *слушай*-ДМ вопросительных и побудительных ДА нет; ср. некоторые примеры:

- (15) *сегодня пятница* / *Коль* // [ОРД, ordS07-04]
- (16) *ты что прикалываешься* / *Наташ ?* [ОРД, ordS134-08]
- (17) *одень ей шапочку* / *Ром* // [ОРД, ordS135-17]
- (18) *ой / я не знаю* / *слушай* // [ОРД, ordS60-03]
- (19) **В хотя может быть / и не безуспешно / может быть / нормально слушай* // [ОРД, ordS11-18]
- (20) *вообще прикольно* / *слушай* // [ОРД, ordS08-13]
- (21) *без очков стригет* / *вот храбрая* / *слушай !* [ОРД, ordS67-13]
- (22) *и не говори* / *слушай* // [ОРД, ordS10-04]

Таким образом, можно, в частности, предполагать, что существуют ограничения на употребление *слушай*-ДМ в определенных позициях в составе реплик с некоторыми типами ДА. Однако этот вопрос требует отдельного более подробного рассмотрения.

5. Заключение

Итак, в статье проверена и отброшена гипотеза о сходстве позиционного поведения функционально близких однословных выражений. Использована простая схема описания линейной позиции парентетика в реплике. Учитывалось три позиции: позиция абсолютного начала, позиция абсолютного конца, неначальная и неконечная (срединная) позиция. Сравнение размеченных по позициям выборок реплик, включающих все употребления форм НРВ и все употребления ДМ *слушай, слушай, послушай, послушайте*, найденные в речевом корпусе объемом 898 744 токена, показало, что между выборками наблюдаются статистически значимые различия.

В принятой схеме описания внутри «начальной» позиции объединены «автономные» («дискурсивно изолированные») и «интегрированные» («внутридискурсивные») употребления. Можно было ожидать, что указанное объединение «смажет» различия между выборками. ДМ типа *слушай* не способны служить для идентификации адресата, соответственно, по сравнению с формами обращения могут употребляться в меньшем числе ситуаций. В частности, ДМ едва ли могут использоваться в роли т. н. «дальних зовов». Да и вообще их способность выполнять роль зовов (calls, обращений, инициирующих контакт в отличие от addresses, обращений, поддерживающих уже начатый контакт, см. [Zwicky 1974; Даниэль 2008; Янко 2001] и др.), по-видимому, чрезвычайно мала. Между тем, представляется, что прежде всего зовы (calls) оформляются как просодически автономные единицы. Таким образом, гипотеза не подтвердилась при различении трех названных позиций и дальнейшей проверки (через введение в описание «автономной» позиции) не требует.

Неподтверждение гипотезы не отменяет, а, скорее, делает более интересной задачу описания способов просодического оформления и позиционного поведения парентетиков (в частности, форм НРВ и *слушай*-ДМ) в русском устном дискурсе. В частности, крайне увлекательной представляется задача рассмотрения на корпусном материале возможных ограничений на внедрение парентетиков в определенные внутрифразовые позиции.

Сокращения и условные обозначения:

- *Н — неразборчивый фрагмент звукозаписи
- *П — незаполненная (абсолютная) структурная пауза
- *В — вздох
- (...) — незаполненная пауза колебания
- (э), (э-э) — заполненная пауза колебания
- (8,8 с.) — обозначение длины паузы в секундах
- (:) — знак нефонологического удлинения звука
- подожд...* — обрыв слова
- Ж1, М1 — обозначение собеседника информанта, женщины или мужчины
- И88 — обозначение информанта с указанием порядкового номера ordS88-12 имя файла расшифровки с указанием порядкового номера информанта и номера файла в его «речевом дне».

Литература

- Блинова 2018 — О. В. Блинова. Позиционные свойства русских апеллятивов: формат описания в речевом корпусе // В. П. Селегей (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 17 (24). Статьи, публикуемые на сайте (электронный документ). М.: Издательский центр «Российский гос. гуманитарный ун-т», 2018. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/4543/blinovaov.pdf> (дата обращения 24.12.2019).
- Гусев 2005 — В. Ю. Гусев. Типология специализированных глагольных форм императива, дисс. ... канд. филол. наук. Москва. Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2005.
- Даниэль 2008 — М. А. Даниэль. Звательность как дискурсивная категория. Несколько гипотез // В. Гусев, В. Плунгян, А. Урманчиева (ред.). Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 439–466.
- Кибрик, Подлесская 2009а — А. А. Кибрик, В. И. Подлесская. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК, 2009.
- Кибрик, Подлесская 2009б — А. А. Кибрик, В. И. Подлесская. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // А. Е. Кибрик (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 8 (15) М.: Издательский центр «Российский гос. гуманитарный ун-т», 2009. С. 390–395.
- Корбут, 2015 — А. Корбут. Говорите по очереди: нетехническое введение в конверсационный анализ // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 120–141.

- Лютикова, Циммерлинг 2016 — Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг. Архитектура клаузы и информационная структура // А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова (ред.). Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 9–22.
- Храковский, Володин 2002 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива: Русский императив. 2-е изд., стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Янко 2011 — Т. Е. Янко. Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей // Е. П. Чебучева (ред.). Язык и речевая деятельность. Т. 11. СПб.: Филологический ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011. С. 239–255.
- Astruc-Aguilera, Nolan 2007 — L. Astruc-Aguilera, F. Nolan. Variation in the intonation of extra-sentential elements // P. Prieto, J. Mascaró, M.-J. Solé (eds.). Segmental and Prosodic Issues in Romance Phonology. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 85–107.
- Biber et al. 1999 — D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad and E. Finegan. Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow: Pearson Education, 1999.
- Boersma, Weenink 2018 — P. Boersma, D. Weenink. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.0.39. URL: <http://www.praat.org/> (дата обращения 24.12.2019).
- Bogdanova-Beglarian et al. 2016 — N. Bogdanova-Beglarian, T. Sherstinova, O. Blinova, O. Ermolova, E. Baeva, G. Martynenko, A. Ryko A. Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech // A. Ronzhin et al. (eds.). SPECOM 2016, Lecture Notes in Computer Science, LNCS 2016. Vol. 9811. Switzerland: Springer. P. 659–666.
- Bolinger 1989 — D. Bolinger. Intonation and its uses: Melody in grammar and discourse. London; Melbourne: Edward Arnold, 1989.
- Brinton 2008 — L. J. Brinton. The Comment Clause in English: Syntactic Origins and Pragmatic Development. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Brinton 2017 — L. J. Brinton. The evolution of pragmatic markers in English. Pathways of change. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Dehé 2009 — N. Déhé. Clausal parentheticals, intonational phrasing, and prosodic theory // Journal of Linguistics. 2009. Vol. 45. Iss. 3. P. 569–615.
- Dehé 2014 — N. Déhé. Parentheticals in spoken English: the syntax-prosody relation. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Dehé, Kavalova 2007 — N. Déhé, Y. Kavalova. Parentheticals: An introduction // N. Déhé, Y. Kavalova (eds.). Parentheticals. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 1–22.

- Dehé, Wichmann 2010 — A. Wichmann, N. Dehé. Sentence-initial *I think (that)* and *I believe (that)*: Prosodic evidence for use as main clause, comment clause and discourse marker // *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. No. 1. P. 36–74.
- Heine 2013 — B. Heine. On discourse markers: Grammaticalization, pragmaticalization, or something else? // *Linguistics*. 2013. Vol. 51. Iss. 6. P. 1205–1247.
- Heritage 2013 — J. Heritage. Turn-initial position and some of its occupants // *Journal of Pragmatics*. 2013. Vol. 57. P. 331–337.
- Jurafsky 2006 — D. Jurafsky. *Pragmatics and Computational Linguistics* // L. R. Horn, G. Ward (eds.). *The handbook of pragmatics*. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 578–604.
- Kaltenböck 2009 — G. Kaltenböck. English comment clauses: position, prosody, and scope // AAA — *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*. Band 34. Heft 1. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2009. S. 49–75.
- Leech 1999 — G. Leech. The Distribution and Function of Vocatives in American and British English Conversation // H. Hasselgård and S. Oksefjell (eds). *Out of Corpora: Studies in Honour of Stig Johansson*. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 1999. P. 107–118.
- Levinson 1983 — S. Levinson. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- McCarthy, O’Keefe 2003 — M. McCarthy, A. O’Keefe. “What’s in a name?”: Vocatives in casual conversations and radio phone-in calls // P. Leistyna, C. Meyer (eds). *Corpus Analysis: Language Structure and Language Use*. Amsterdam: Rodopi, 2003. P. 153–185.
- Parrott 2010 — L. A. Parrott. Vocatives and other direct address forms: A contrastive study // A. Grønn, & I. Marijanovic (eds.). *Oslo Studies in Language*. 2010. Vol. 2. No 1. *Russian in Contrast*. P. 211–229.
- Peters 2006 — J. Peters. Syntactic and prosodic parenthesis // *Proceedings of the 3rd International Conference on Speech Prosody (Dresden, 2–5 May 2006)*. URL: https://isca-speech.org/archive/sp2006/papers/sp06_245.pdf (дата обращения 24.12.2019).
- Sonnenhauser, Hanna 2013 — B. Sonnenhauser, P. N. A. Hanna Introduction: Vocative! // B. Sonnenhauser, P. N. A. Hanna (eds.). *Vocative! Addressing between system and performance*. Berlin: De Gruyter Mouton. P. 1–23.
- Wichmann 2001 — A. Wichmann. Spoken parentheticals // K. Aijmer (ed.). *A Wealth of English. Studies in honor of Goran Kjellmer*. Goteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 2001. P. 177–193.
- Zwicky 1974 — A. Zwicky. Hey, what’s your name! // M. Galy, R. A. Fox, and A. Bruck (eds.). *Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago IL: Chicago Linguistics Society, 1974. P. 787–801.

References

- Astruc-Aguilera, Nolan 2007 — L. Astruc-Aguilera, F. Nolan. Variation in the intonation of extra-sentential elements. P. Prieto, J. Mascaró, M.-J. Solé (eds.). *Segmental and Prosodic Issues in Romance Phonology*. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 85–107.
- Biber et al. 1999 — D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad and E. Finegan. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow: Pearson Education, 1999.
- Blinova 2018 — O. V. Blinova. Pozicionnye svoystva russkikh apellyativov: format opisaniya v rechevom korpuse [Positional properties of Russian appellatives: approach to the description in a spoken corpus]. V. P. Selegey (ed.). *Kompyuternaya Lingvistika i Intellektualnye Tehnologii. Vyp. 17 (24). Stati, publikuemye na saite* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Iss. 17 (24). Articles published online]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2018. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/4543/blinovaov.pdf> (accessed on 24.12.2019).
- Boersma, Weenink 2018 — P. Boersma, D. Weenink. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.0.39. Available at: <http://www.praat.org/> (accessed on 24.12.2019).
- Bogdanova-Beglarian et al. 2016 — N. Bogdanova-Beglarian, T. Sherstinoва, O. Blinova, O. Ermolova, E. Baeva, G. Martynenko, A. Ryko. Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech. A. Ronzhin et al. (eds.) *SPECOM 2016, Lecture Notes in Computer Science, LNCS*. 2016. Vol. 9811. Switzerland: Springer. P. 659–666.
- Bolinger 1989 — D. Bolinger. *Intonation and its uses: Melody in grammar and discourse*. London; Melbourne: Edward Arnold, 1989.
- Brinton 2008 — L. J. Brinton. *The Comment Clause in English: Syntactic Origins and Pragmatic Development*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Brinton 2017 — L. J. Brinton. *The evolution of pragmatic markers in English. Pathways of change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Daniel 2008 — M. A. Daniel. Zvatelnost kak diskursivnaya kategoriya. Neskolko gipotez [Vocativness as a discourse category. Several hypotheses]. V. Goussev, V. Plungian and A. Urmanchieva (eds.). *Grammaticheskie kategorii v diskurse* [Grammatical categories in discourse]. Moscow: Gnosis, 2008.
- Dehé 2009 — N. Déhé. Clausal parentheticals, intonational phrasing, and prosodic theory. *Journal of Linguistics*. 2009. Vol. 45. Iss. 3. P. 569–615.
- Dehé 2014 — N. Déhé. *Parentheticals in spoken English: the syntax-prosody relation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Dehé, Kavalova 2007 — N. Déhé, Y. Kavalova. Parentheticals: An introduction. N. Déhé, Y. Kavalova (eds.). *Parentheticals*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 1–22.

- Dehé, Wichmann 2010 — A. Wichmann, N. Dehé. Sentence-initial *I think (that)* and *I believe (that)*: Prosodic evidence for use as main clause, comment clause and discourse marker. *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. No. 1. P. 36–74.
- Goussev 2005 — V. Ju. Goussev. Tipologiya specializirovannykh glagolnykh form imperativa [A typology of specialized imperative verb forms], PhD dissertation, Moscow. Lomonosov Moscow State University, 2005.
- Heine 2013 — B. Heine. On discourse markers: Grammaticalization, pragmaticalization, or something else? *Linguistics*. 2013. Vol. 51. Iss. 6. P. 1205–1247.
- Heritage 2013 — J. Heritage. Turn-initial position and some of its occupants. *Journal of Pragmatics*. 2013. Vol. 57. P. 331–337.
- Jurafsky 2006 — D. Jurafsky. Pragmatics and Computational Linguistics. L. R. Horn, G. Ward (eds.). *The handbook of pragmatics*. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 578–604.
- Kaltenböck 2009 — G. Kaltenböck. English comment clauses: position, prosody, and scope. *AAA — Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*. Band 34, Heft 1. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2009. S. 49–75.
- Khrakovsky, Volodin 2002 — V. S. Khrakovsky, A. P. Volodin. Semantika i tipologiya imperativa: Russkiy imperativ [Semantics and typology of imperative: Russian imperative]. 2nd edition. Moscow: Editorial URSS, 2002.
- Kibrik, Podlesskaya 2009a — A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaya (eds.). *Rasskazy o snovideniyah: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Night dream stories: A corpus study of spoken Russian discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2009.
- Kibrik, Podlesskaya 2009b — A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaya. Diskursivnye markery v strukture ustnogo rasskaza: opyt korpusnogo issledovaniya [Discourse markers in oral narrative structure: the experience of corpus study]. A. E. Kibrik (ed.). *Kompyuternaja lingvistika i intellektualnye tehnologii. Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog»* [Computational linguistics and intellectual technologies: proceedings of the annual international conference «Dialogue»]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2009. P. 390–395.
- Korbut 2015 — A. Korbut. Govorite po ocheredi: netekhnicheskoe vvedenie v konversacionnyy analiz [Turn-Talking: non-technical introduction to conversation analysis]. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2015. Vol. 14. Iss. 1. P. 120–141.
- Leech 1999 — G. Leech. The Distribution and Function of Vocatives in American and British English Conversation. H. Hasselgård, S. Oksefjell (eds.). *Out of Corpora: Studies in Honour of Stig Johansson*. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 1999. P. 107–118.
- Levinson 1983 — S. Levinson. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

- Lyutikova, Zimmerling 2016 — E. Lyutikova, A. Zimmerling. Arhitektura klauzy i informacionnaya struktura [Clause architecture and information structure]. E. Lyutikova, A. Zimmerling (eds.). *Arhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh: sintaksis, informacionnaya struktura, poryadok slov* [Clause architecture in the parametric models: syntax, information structure, word order]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2016. P. 9–22.
- McCarthy, O’Keefe 2003 — M. McCarthy, A. O’Keefe. “What’s in a name?”: Vocatives in casual conversations and radio phone-in calls. P. Leistyna, C. Meyer (eds.). *Corpus Analysis: Language Structure and Language Use*. Amsterdam: Rodopi, 2003. P. 153–185.
- Parrott 2010 — L. A. Parrott. Vocatives and other direct address forms: A contrastive study. A. Grønn, I. Marijanovic (eds.). *Oslo Studies in Language*. 2010. Vol. 2. No 1. *Russian in Contrast*. P. 211–229.
- Peters 2006 — J. Peters. Syntactic and prosodic parenthesis. *Proceedings of the 3rd International Conference on Speech Prosody (Dresden, 2–5 May 2006)*. Available at: https://isca-speech.org/archive/sp2006/papers/sp06_245.pdf (accessed on 24.12.2019).
- Sonnenhauser, Hanna 2013 — B. Sonnenhauser, P. N. A. Hanna. Introduction: Vocative!. B. Sonnenhauser, P. N. A. Hanna (eds.). *Vocative! Addressing between system and performance*. Berlin: De Gruyter Mouton. P. 1–23.
- Wichmann 2001 — A. Wichmann. Spoken parentheticals. K. Aijmer (ed.). *A Wealth of English. Studies in honor of Goran Kjellmer*. Goteborg: *Acta Universitatis Gothoburgensis*, 2001. P. 177–193.
- Yanko 2011 — T. E. Yanko. Leksicheskaya semantika obrashheniy: semanticheskie osobennosti russkikh antroponimov i drugich imen, oboznachayushih lyudey [Lexical semantics of vocatives: semantic features of Russian anthroponyms and other names denoting people]. E. P. Chebucheva (ed.). *Yazyk i rechevaya deyatel'nost'* [Language and speech activity]. Vol. 11. St Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University Press, 2011. P. 239–255.
- Zwicky 1974 — A. Zwicky. Hey, what's your name! M. Galy, R. A. Fox, A. Bruck (eds.). *Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago IL: Chicago Linguistics Society, 1974. P. 787–801.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА МЕТАФОРИЗАЦИЮ

И. В. Яковлева

Ульяновский государственный университет, Ульяновск
irinadubrov@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию грамматических ограничений на вид глагола в конструкциях с глаголами речи в русском языке, требующих заполнения валентности темы / содержания. Особенно ярко такие ограничения проявляются при осуществлении семантических переходов. Рассматриваемый семантический переход сводится к употреблению предикатов из различных донорских областей (каузации перемещения, звука и т. п.) в конструкциях, характерных для глаголов речи. При этом глаголы совершенного вида, обозначающие события, в целом лучше встраиваются в характерные для глаголов речи конструкции с прямой речью и придаточным изъяснительным. Конструкция с прямым объектом оказывается наиболее нейтральной в аспектуальном отношении, в то время как предложные конструкции с *о / про* допускают преимущественно глаголы несовершенного вида. Рассматриваемые аспектуальные ограничения становятся особенно заметными в условиях семантического перехода, поэтому исследование метафорических употреблений может способствовать выявлению таких семантических различий, которые оказываются неочевидными при изучении противопоставлений непосредственно в пределах одного семантического поля.

Ключевые слова: семантический сдвиг, метафора, метонимия, глаголы каузации перемещения, глаголы отделения, глаголы речи.

The semantic shifts in the lexical domain of Russian speech act verbs grammatical constraints on metaphorization

I. V. Iakovleva

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk
irinadubrov@gmail.com

Abstract. This study is devoted to aspectual constraints on Russian speech act verbs constructions. Semantic shifts make these constraints more prominent. In this article we study two types of semantic shifts caused by different semantic processes (metaphor, metonymy, rebranding). The first deals with the use of predicates from different source domains in constructions typical for speech act verbs: direct speech, complement clause, direct object, and prepositional constructions with *o/pro* ('about'). The semantic shift of the second type enables speech act verbs to take a non-agent subject. As for the semantic shift of the first type, perfective verbs denoting achievements build into direct speech constructions and complement clause construction better than imperfective process verbs. In addition, direct speech constructions seem to enjoy the highest "popularity" among borrowed predicates, being the most indifferent with respect to the speech act content. Complement clause constructions, by contrast, focus, to a certain degree, on the content of the speech act, contrary to the function of borrowed verbs in the recipient domain, as such verbs concentrate on the manner of speech rather than on the content of the speech act. Direct object constructions are the most aspectually neutral, while the targeted prepositional constructions do show some aspectual constraints, whereby imperatives build into them easier than perfectives. Due to certain semantic constraints of these prepositional constructions, only verbs of sound can build into them. As a result of very strong aspectual constraints emerging with the semantic shift of the second type, only process imperfectives can take a non-agent subject. To sum up, the semantic shifts under study are subject to aspectual constraints brought about by the co-occurrence of the basic speech act verbs *govorit* ('to speak') and *skazat* ('to say').

Keywords: semantic shift, metaphor, metonymy, verbs of caused motion, verbs of separation, verbs of sound, speech act verbs.

1. Постановка задачи и предшествующие исследования

Данная статья посвящена ограничениям, которые определенные конструкции с глаголами речи накладывают на вид глагола. Известно, что глагол *говорить* имеет перфективный коррелят *сказать* не во всех значениях [Евгеньева (ред.) 1999]. Исключения составляют следующие значения: 'иметь предметом обсуждения', 'общаться', 'означать' [Зализняк 2013: 155]. Следовательно, глагол *сказать* не способен встраиваться, например, в конструкцию с предложной группой с + Твор., заполняющей валентность адресата. Это тривиальное следствие расхождения в составе значений внутри аспектуальной пары. Наше внимание сконцентрировано на тех конструкциях, в которых способны употребляться оба представителя данной видовой пары: это конструкции с прямой речью и предложной группой *о* + Предл. / *про* + Вин. Анализ употребления рассматриваемых предикатов в данных конструкциях позволяет предположить, что эти конструкции, тем не менее, накладывают определенные ограничения на вид глагола, причем эти ограничения проявляются особенно ярко в случае метафоризации. Рассматриваемый семантический переход сводится к употреблению глаголов каузации перемещения, физического воздействия, звука и т. п. в конструкциях, характерных для глаголов речи, как в примере (1):

- (1) «*Ну, значит, я была права, — торжественно заявила она своей соседке, а мне бросила: — Вы свободны.*» [Людмила Гурченко. Аплодисменты. (1994–2003)]

Данная задача оказывается тесно связанной с вопросом об особенностях употребления предлогов *о* и *про* при глаголах речи в русском языке. При сопоставлении этих двух конструкций принято говорить об их синонимичности [Золотова 2001: 336–337]. Действительно, их взаимозамена возможна в большинстве случаев, однако, как показывают данные Национального корпуса русского языка, существуют употребления, которые подобную взаимозамену исключают [Яковлева 2014].

Исследование семантики русского глагола тесно связано с аспектуальной проблематикой. Некоторые грамматические особенности употребления предикатов определяются их таксономическим классом, а также оказываются обусловленными их принадлежностью к определенному семантическому полю [Падучева 2004].

Не менее значимой в этой связи оказывается проблематика видовых пар и инвариантных характеристик видового значения [Гловинская 1982; Падучева 2004]. При таком подходе каждая из двух видовых форм имеет некоторый семантический инвариант, при этом форма совершенного вида всегда описывает ситуацию изменения, а форма несовершенного вида представляет ситуацию во временном развитии [Падучева 2004: 24]. При описании грамматических ограничений на рассматриваемые семантические переходы мы будем придерживаться такой трактовки инвариантов видовых значений.

В нашем исследовании мы опираемся на подход Московской семантической школы к описанию семантики предикатов не изолированно, а в составе моделей управления. Такой подход позволяет объяснить семантические ограничения на сочетаемость предикатов того или иного вида с определенным синтаксическим окружением. Близкими нам оказываются и идеи грамматики конструкций, предложенной Ч. Филлмором и П. Кеем [Fillmore, Kay, O'Connor 1988] и разрабатываемой А. Гольдберг [Goldberg 1995], М. Фрид, Дж. Эстманом [Fried, Östman. 2004], Дж. Лейно [Leino, Östman. 2005], Е. В. Рахилиной [Рахилина 2010] и многими другими исследователями. Как известно, конструкционный подход позволяет изучать семантику глагольных лексем посредством анализа конструкций, в которые они способны встраиваться.

Обращаясь непосредственно к семантике глаголов речи, необходимо отметить, что для ряда европейских языков (английский, шведский, немецкий) данные лексические системы описывались с опорой на разработанный А. Вежбицкой естественный семантический метаязык, состав которого, однако, может оказаться неэлементарным [Wierzbicka 1987; Harras, Winkler 1994; Burenhult 1999]. Семантическое поле глаголов речи в английском языке детально рассматривалось в работах [Sweetser 1987; Traugott 1991]. Что касается русского языка, особую ценность для нашей работы имеют исследования Московской семантической школы, в частности, уже упоминавшееся детальное описание семантики глагола *говорить* [Зализняк 2013] и общий анализ семантики глаголов речи [Гловинская 1982], а также данные «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» [Апресян (ред.) 2003] и др.

Исследование базируется, в первую очередь, на данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ), поскольку сбалансированные языковые корпуса являются надежным источником

отсутствующих в словарях статистических данных, в частности, о метафорических употреблениях предикатов.

2. *Говорить и сказать*

Как уже отмечалось выше, глагол *сказать* часто рассматривается как видовой коррелят глагола *говорить*. При этом разница в сочетаемости данных глаголов проявляется даже в тех конструкциях, в которых способны употребляться оба предиката. Несмотря на, казалось бы, более узкую сферу употребления (см. упомянутые выше выделенные Анной А. Зализняк значения глагола *говорить*, в которых он не имеет перфективного коррелята *сказать* [Зализняк 2013: 155]), глагол *сказать* в целом оказывается более частотным [Ляшевская, Шаров 2009]. При этом глагол *сказать* вводит прямую речь в приблизительно в 238 тыс. случаев (40,4 % от всех употреблений), а глагол *говорить* в 112 тыс. контекстов (23 % от всех употреблений). Такое различие обусловлено тем, что рассматриваемая структура чаще всего описывает уже свершившееся действие, и именно глагол *сказать*, являясь перфективным коррелятом глагола *говорить*, обозначает в акциональном отношении событие и оказывается «привязанным» к прошедшему времени, как показано в [Рахилина (ред.) 2010: 36].

Конструкция с придаточным изъяснительным с союзом *что* оказывается в этом смысле значительно менее специализированной: глагол *сказать* вводит придаточное изъяснительное с союзом *что* в 62 тыс. случаев (11 % от всех употреблений данного глагола), а соответствующие употребления с глаголом *говорить* насчитывают 48 тыс. контекстов (9 % от всех употреблений). Как показывает Е. Н. Никитина, для видовой пары *писать* — *написать* [Никитина 2014: 77] несовершенный вид делает акцент на содержании речи, и, вероятно, подобной функцией концентрации на содержании, а не на обстоятельствах самого акта речи обладает и конструкция с придаточным изъяснительным. В результате глагол несовершенного вида легче встраивается в конструкцию с придаточным изъяснительным, чем в конструкцию с прямой речью. Этим и объясняется меньший разброс видо-временных форм и, соответственно, более ровное распределение глаголов *говорить* и *сказать* в предложениях с союзом *что*.

В то же время именно глагол *говорить* «притягивается» к конструкциям с предложными группами *о* + *Предл.* / *про* + *Вин.*

НКРЯ насчитывает 40150 случаев употребления глагола *говорить* в рассматриваемых конструкциях (8,25 % от всех употреблений), в то время как количество подобных употреблений глагола *сказать* составляет 7060 вхождений (1,2 %). Как и в рассмотренном выше случае, подобное различие в сочетаемости исследуемых предикатов связано с их видовыми различиями и принадлежностью к разным акциональным типам. Глагол *говорить* обозначает процесс, в то время как его перфектный коррелят *сказать* обозначает событие. Именно поэтому значение ‘иметь предметом обсуждения’, реализующееся в конструкциях с предложными группами *о + Предл. / про + Вин.* развивается именно у глагола *говорить*.

В целом, и для глагола *говорить*, и для глагола *сказать* более частотной оказывается конструкция с предлогом *о*. По данным НКРЯ для глагола *говорить* на эту конструкцию приходится 37362 употребления (93 % от всех употреблений с предлогами *о* или *про*), а для глагола *сказать* — 5629 контекстов (80 % от всех употреблений с рассматриваемыми предлогами). Соответственно, на конструкцию с предлогом *про* для глагола *говорить* приходится 2789 употреблений (7 % от всех контекстов с предлогами *о* или *про*), а для глагола *сказать* эта цифра составляет 1431 контекст (20 %). Исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что глагол несовершенного вида *говорить* обнаруживает несколько большее тяготение к конструкции *о + Предл.*, чем глагол несовершенного вида *сказать*, и эта разница явно не покрывается контекстами с неагентивным субъектом, в которых предложная группа *про + Вин.* невозможна (около 4000 контекстов). Интересным представляется также тот факт, что устный корпус НКРЯ дает сходную картину сочетаемости глаголов *говорить* и *сказать* с предложными группами *о + Предл.* и *про + Вин.* Количество употреблений глагола *говорить* с предлогом *о* насчитывает 3368 контекстов (89 % от всех употреблений данного глагола с предлогами *о* или *про*), а для глагола *сказать* эта цифра составляет 502 употребления (75,5 %). Соответственно, на конструкцию *про + Вин.* приходится 417 употреблений глагола *говорить* (11 %) и 163 контекста для глагола *сказать* (24,5 %).

Все это дает нам основание полагать, что разница между конструкциями *о + Предл.* и *про + Вин.* при глаголах речи имеет не столько стилистический, сколько семантический характер. Дело в том, что семантика предложной конструкции *о + Предл.*

подразумевает сосредоточенность на теме сообщения, в то время как семантика предложной конструкции *про + Вин.* допускает введение дополнительной информации, непосредственно не связанной с темой сообщения, но ассоциирующейся у говорящего и адресата с упоминаемым объектом [Яковлева 2014]. Именно поэтому вторая конструкция часто используется в номинативной функции в разговорной и детской речи. Об этом свидетельствуют, в частности, особенности употребления предложной группы *про + Вин.* в номинативной функции при предикатах, которые не являются непосредственно глаголами речи, но примыкают к ним. Среди них глагол *спеть*, который по данным НКРЯ оказывается «привязанным» к конструкции *про + Вин.*: с предлогом *про* он встречается 38 раз, а с предлогом *о* — только 12., ср. пример (2) из Корпуса устной речи НКРЯ (старая версия):

- (2) Ну/ спеть про в... про "... в высоту" / да? [Владимир Высоцкий. Выступление перед работниками Государственного центрального театра кукол, Москва // Интернет, 1973]

Предложная конструкция *про + Вин.* в номинативной функции часто встречается и при глаголе *почитать*, особенно когда речь идет о совместном чтении вслух. НКРЯ насчитывает 24 употребления этого глагола с предлогом *про* и 20 употреблений с *о*. Подобное тяготение к конструкции *про + Вин.* в номинативной функции в целом обнаруживается именно у глаголов совершенного вида. Глаголы несовершенного вида тяготеют к предложной группе *о + Предл.*, и это может быть обусловлено некоторым совпадением их семантики: предложная группа *о + Предл.* подразумевает сосредоточенность на теме сообщения, и, как уже упоминалось выше, именно акцент на содержании сообщения привносит в конструкцию глагол речемыслительного действия несовершенного вида. Так, количество употреблений глагола *петь* с предлогом *о* заметно превышает количество употреблений данного глагола с предлогом *про* (354 и 205 контекстов соответственно). То же самое мы можем сказать и о глаголе *читать* (793 употребления с предлогом *о* и 419 контекстов с предлогом *про*).

Таким образом, можно предположить, что многие глаголы, метафорически употребленные вместо базовых глаголов речи, перенимают грамматические (аспектуальные и синтаксические) свойства последних. Рассмотрим процесс такого перехода более подробно.

3. Переход в семантическое поле глаголов речи

Семантическая группа глаголов речи весьма неоднородна. К собственно глаголам речи, также имеющим центр и периферию [Зализняк 2013: 152–155; Кобозева 1985], примыкают глаголы других семантических классов, обнаруживающие способность к семантическому переходу в лексико-семантическое поле глаголов речи, особое место среди которых занимают глаголы каузации перемещения, такие как *бросить*, *обронить* и т. д. Подобной способностью обладают также некоторые глаголы физического воздействия (*отрезать*, *отрубить*, *молоть*, *корезжить* и т. д.) и глаголы звука (*скрипеть*, *вздыхать*, *щебетать*, *мурлыкать* и т. п.).

3.1. Глаголы каузации перемещения

Рассмотрим нашу гипотезу о «притягивании» глаголов совершенного вида конструкцией с прямой речью на примере глаголов каузации перемещения. Валентность содержания при данных глаголах может заполняться прямым объектом, придаточным изъяснительным с союзом *что*, а также прямой речью. В русском языке рассматриваемый семантический переход легче всего совершают глаголы каузативного перемещения по воздуху при помощи руки. Эти глаголы можно подразделить на предикаты, обозначающие контролируемое либо неконтролируемое действие, с одной стороны, и допускающие пассивность или активность объекта, с другой стороны. Так, глаголы *бросать* и *кидать* подразумевают намеренность, контролируемость действия со стороны агенса, а глаголы *ронять*, *обронить*, *проронить* характеризуются утратой агенсом контроля над ситуацией. При этом все указанные глаголы относятся к группе глаголов бесконтактного перемещения в терминологии Г. И. Кустовой [Кустова 2004: 155], в то время как для глаголов контролируемого перемещения (*ставить*, *класть*), семантика которых подробно рассматривается в работе [Кустова 2004: 122–155], семантический переход в лексико-семантическое поле глаголов речи не характерен.

Наиболее легко рассматриваемый семантический переход происходит с видовой парой *бросить* / *бросать*. При глаголе совершенного вида *бросить* валентность содержания может выражаться всеми перечисленными выше способами: прямым объектом, придаточным изъяснительным с союзом *что*, а также прямой речью. По данным НКРЯ, количество контекстов, в которых данный глагол

вводит прямую речь, составляет 858 вхождений (92 % от всех употреблений данного глагола в семантическом поле глаголов речи). Что касается глагола *бросать*, который также способен встраиваться во все конструкции, доступные для глаголов каузации перемещения, в семантическом поле глаголов речи, в НКРЯ насчитывается 158 случаев употребления данного глагола в конструкции с прямой речью (80 % от всех употреблений данного глагола в семантическом поле глаголов речи). Остальные употребления глаголов *бросить* и *бросать* приходятся на конструкцию с придаточным изъяснительным с союзом *что* (по данным НКРЯ, для глагола *бросить* это 18 контекстов, т. е. 1,9 % от всех употреблений в рассматриваемом семантическом поле и 4 вхождения для глагола *бросать*, т. е. 2 % от всех употреблений) и конструкцию с прямым объектом (для глагола *бросить* это 61 контекст, т. е. 6,5 % от всех употреблений, и 36 вхождений для глагола *бросать*, т. е. 18 %).

Подобную картину мы наблюдаем и при анализе метафорических употреблений глаголов *кинуть* и *кидать*, которые совершают анализируемый семантический переход значительно хуже рассмотренных выше глаголов, в частности, они не обнаруживают способности присоединять придаточное изъяснительное с союзом *что*. В НКРЯ насчитывается 79 употреблений глагола *кинуть* в конструкции с прямой речью (96,3 % от всех употреблений в функции глаголов речи, в то время как для глагола *кидать* эта цифра составляет 14 вхождений (74 %). Остальные употребления приходятся на конструкцию с прямым объектом: это 3 контекста для глагола *кинуть* (3,7 %) и 5 вхождений для глагола *кидать* (26,3 %).

Мы видим, что во всех конструкциях с прямой речью количество употреблений глаголов совершенного вида превышает количество употреблений глаголов несовершенного вида. В целом у глаголов каузации перемещения в функции глаголов речи на данную конструкцию приходится значительно больший процент от всех употреблений, чем у базовых глаголов *говорить* и *сказать*. Это легко объясняется тем, что сфера употребления глаголов каузации перемещения в данной функции естественным образом оказывается гораздо более узкой, чем у глаголов *говорить* и *сказать*. С этой точки зрения показательной представляется не только разница в проценте употребления глаголов совершенного и несовершенного вида в конструкции с прямой речью, но и непосредственно количественная разница. Именно то, что глаголы совершенного

вида как бы «притягиваются» конструкцией с прямой речью, обуславливает значительно более высокую способность глаголов совершенного вида к переходу в семантическое поле глаголов речи. Так, для глагола *бросить* общее количество употреблений в данной семантическом поле составляет 937 вхождений, в то время как для глагола *бросать* — всего 198. На глаголы *кинуть* и *кидать* подобных употреблений приходится 82 и 19 контекстов соответственно.

Интересно также отметить, что конструкция с придаточным изъяснительным при глаголах каузации перемещения оказывается значительно менее частотной, чем конструкция с прямой речью. Это может быть связано с тем, что конструкция с придаточным изъяснительным делает акцент на содержании сообщения, что плохо согласуется с функцией предикатов каузации перемещения в семантическом поле глаголов речи. Эти глаголы, как правило, призваны подчеркнуть особый характер действия, например, быстроту, резкость, агрессивность, а отнюдь не концентрировать внимание на содержании сообщения.

3.2. Глаголы отделения

Проверим нашу гипотезу о видовых ограничениях метафорических глаголов речи на примере глаголов отделения. Эти глаголы обнаруживают наибольшую способность к переходу в семантическое поле глаголов речи, поскольку их семантика, так же как и семантика рассмотренных в предыдущем разделе глаголов перемещения по воздуху, неплохо согласуется с распространенным метафорическим представлением о слове как об отделяемом и передаваемом объекте, что позволяет сделать акцент на содержании речи. В результате такие глаголы, как *отрезать*, *отрубить*, чаще других глаголов физического воздействия употребляются в конструкциях, характерных для глаголов речи. Они относительно легко встраиваются не только в конструкцию с прямой речью (в которой валентность содержания выражается дополнительным предложением), но и в конструкцию с придаточным изъяснительным с союзом *что*, требующей от предикатов донорских областей более глубокого проникновения в семантическое поле глаголов речи:

- (3) *Ерофеев сухо отрезал, что Лен не имеет к этому ни малейшего отношения.* [Н. Шмельникова. Последние дни Венедикта Ерофеева (2002)]

Рассматриваемые видовые ограничения действуют как в конструкции с прямой речью, так и в конструкции с придаточным изъяснительным. Количество употреблений глагола совершенного вида *отрѣзать* в конструкции с прямой речью в НКРЯ насчитывает 900 контекстов, в то время как его видовой коррелят несовершенного вида *отрѣзать* — только 15. Схожим образом, по данным НКРЯ, ведет себя и менее употребительный в данном семантическом поле глагол *отрубить*. В конструкции с прямой речью форма совершенного вида *отрубить* встречается более 60 раз, а форма несовершенного вида *отрубать* — 2 раза. Частотность других глаголов данной донорской области оказывается значительно ниже.

В конструкции с придаточным изъяснительным количество употреблений глагола совершенного вида *отрѣзать* насчитывает в НКРЯ 5 контекстов, в то время как его коррелят несовершенного вида *отрѣзать* представлен только одним примером.

Что касается глагола *отрубить*, НКРЯ содержит только 1 пример его употребления в конструкции с придаточным изъяснительным, при этом его видовой коррелят *отрубать* подобной способности не обнаруживает.

3.3. Глаголы звука

Глаголы звука в семантическом плане, на первый взгляд, оказываются значительно ближе к глаголам речи, чем предикаты каузации перемещения и физического воздействия. Семантика и сочетаемостные свойства глаголов звука неоднократно подвергались самому тщательному анализу [Падучева 2004; Rakhilina 2010] и др. В данной группе выделяются глаголы, описывающие звуки неодушевленных объектов (*скрипеть*, *грохотать*, *греметь*), и предикаты, описывающие звуки живых существ (*хрипеть*, *рычать*). Особый интерес для нас представляют глаголы звуков животных, поскольку они демонстрируют уникальную способность встраиваться в предложные конструкции *о + Предл.* и *про + Вин.*:

- (4) *Ира и Бобка не спали — успокаиваясь помаленьку, сидели на диване и ворковали о чем-то вполголоса.* [В. Рыбаков. Трудно стать Богом. (1996)]

Нас интересуют не просто случаи, когда человек выступает в качестве источника звука при таких глаголах, а именно те контексты, в которых глаголы звуков животных используются для

передачи семантически значимой речи и употребляются в конструкциях, требующих заполнения валентности содержания / темы сообщения. Поэтому контексты, в которых глаголы звуков животных метафорически обозначают нечленораздельную речь, не учитываются. Рассмотрим предикаты *шипеть*, *прошипеть*, *ворковать* и *проворковать*. Вопреки нашим ожиданиям, они встраиваются в характерные для глаголов речи конструкции отнюдь не чаще предикатов из других донорских областей. В конструкции с прямой речью глаголы *шипеть* и *ворковать* встречаются 306 и 45 раз соответственно, при этом для глаголов совершенного вида *прошипеть* и *проворковать* насчитывается 561 и 44 контекста. В конструкции с придаточным изъяснительным для глаголов *шипеть* и *прошипеть* в НКРЯ насчитывается всего 7 и 3 вхождения, а для глаголов *ворковать* и *проворковать* — 2 и 1 вхождение соответственно.

Дело в том, что здесь наблюдается некоторое противоречие между семантикой самих предикатов и семантикой принимающих конструкций. Предикаты, передающие сходство человеческого голоса с каким-либо звуком, обнаруживают тенденцию к описанию действия как процесса, в то время как в конструкции с прямой речью и придаточным изъяснительным легче встраиваются новые глаголы совершенного вида, обозначающие события. В результате, количество случаев употребления данных глаголов в конструкции с прямой речью остается незначительным по сравнению с предикатами из других донорских областей, при этом для отдельных глаголов, например, *ворковать* и *проворковать*, наблюдается некоторое нарушение общей тенденции к превалированию форм совершенного вида в данной конструкции, а примеры употребления рассматриваемых предикатов в более чувствительной к глагольной семантике конструкции с придаточным изъяснительным можно назвать единичными. Что касается предложных конструкций, глагол *ворковать* оказывается едва ли не самым частотным. В конструкции с предлогом *о* он встречается 16 раз, а в конструкции с предлогом *про* — 5 раз, в то же время глагол совершенного вида *проворковать* такой способностью не обладает. В предложных конструкциях доминируют предикаты несовершенного вида. При этом конструкция с предлогом *о* является в некотором роде доминирующей конструкцией, способной принимать новые глаголы. Как было показано выше, базовые глаголы данного семантического поля *говорить* и *сказать* также до определенной степени тяготеют к конструкции с предлогом *о*.

4. Заключение

В целом, глаголы совершенного вида, обозначающие события, лучше встраиваются в характерные для глаголов речи конструкции с прямой речью и придаточным изъяснительным, чем глаголы несовершенного вида, обозначающие процесс. При этом конструкция с прямой речью легче принимает новые предикаты, чем конструкция с придаточным изъяснительным, поскольку последняя делает акцент на содержании сообщения, что плохо согласуется с функцией заимствованных предикатов в семантическом поле глаголов речи. Они, как правило, призваны подчеркнуть манеру речи, а отнюдь не концентрироваться на содержании сообщения. Конструкция с прямым объектом оказывается наиболее нейтральной в аспектуальном отношении, в то время как предложные конструкции с *о/про* допускают преимущественно глаголы несовершенного вида. Подобные противопоставления заложены уже в употреблении базовых глаголов данного семантического поля. Таким образом, видовые противопоставления в конструкциях с глаголами речи, намечающиеся при сопоставлении сочетаемости базовых глаголов *говорить* и *сказать*, становятся очевидными при исследовании семантических переходов в данном лексическом поле.

Литература

- Апресян 2003 — Ю. Д. Апресян (ред.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Евгеньева 1999 — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1999.
- Зализняк 2013 — Анна А. Зализняк. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Золотова 2001 — Г. А. Золотова. Синтаксический словарь. М.: УРСС, 2001.
- Кобозева 1985 — И. М. Кобозева. О границах и внутренней стратификации семантического класса глаголов речи // Вопросы языкознания. 1985. № 6. С. 95–103.
- Кустова 2004 — Г. И. Кустова. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.

- Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
- Никитина 2015 — Е. Н. Никитина. Видо-временные формы рамочных глаголов в русском нарративе XIX–XXI вв. // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28). С. 58–81.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004.
- Рахилина 2010 — Е. В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.
- Яковлева 2014 — И. В. Яковлева. Синонимичные предложные конструкции с точки зрения грамматики конструкций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. С. 220–247.
- Burenhult 1999 — N. Burenhult. PPs, particles and polysemy of a basic Swedish speech act verbs // Working Papers, Lund University, Dept. of Linguistics. 1999. Vol. 47. P. 5–23.
- Fillmore et al. 1988 — Ch. Fillmore, P. Kay, C. O'Connor. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The case of *Let Alone* // Language. 1988. Vol. 64. No. 3. P. 501–538.
- Fried, Östman 2004 — M. Fried, J.-O. Östman. Construction grammar: a thumbnail sketch // M. Fried, J.-O. Östman (eds.). Construction grammar in a cross-language perspective. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 11–86.
- Goldberg 1995 — A. Goldberg. Constructions: A construction grammar approach to argument structure. Chicago: The University of Chicago Press, 1995.
- Harras, Winkler 1994 — G. Harras, E. Winkler. A Model for Describing Speech Act Verbs: the Semantic base of a Polyfunctional Dictionary // W. Martin, W. Meijs, M. Moerland, E. ten Pas, P. van Sterkenburg, P. Vossen (eds.). Proceedings of the 6th Euralex Conference. Amsterdam: Euralex, 1994. P. 440–448.
- Leino, Östman 2005 — J. Leino, J.-O. Östman. Constructions and variability // M. Fried, H. C. Boas (eds.). Grammatical constructions: back to the roots. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 191–213.
- Rakhilina 2010 — E. Rakhilina. Animal sounds: a human vantage point // Oslo Studies in Language. 2010. Vol. 2. No. 2. Russian in Contrast. P. 319–338.
- Sweetser 1987 — E. Sweetser. Metaphorical Models of Thought and Speech: a comparison of historical directions and metaphorical mappings in the two domains // J. Aske, N. Beery, L. Michaelis, H. Filip. (eds.). Proceedings of the Thirteenth Annual Meetings of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley; Berkeley Linguistics Society, 1987. P. 446–459.
- Traugott 1991 — E. Traugott. English speech act verbs: a historical perspective // L. R. Waugh, S. Rudy (eds.). New Vistas in Grammar: Invariance

and Variation, Proceedings of the Second International Roman Jakobson Conference, New York University, Nov. 5–8, 1985 (Current Issues in Linguistic Theory 49). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 387–406.

Wierzbicka 1987 — A. Wierzbicka, English speech act verbs: a semantic dictionary. Sydney: Academic Press, 1987.

References

- Apresyan 2003 — Yu. D. Apresyan (ed.). Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka [The new explanatory dictionary of Russian synonyms]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2003.
- Burenhult 1999 — N. Burenhult. PPs, particles and polysemy of a basic Swedish speech act verbs. *Working Papers*, Lund University, Dept. of Linguistics. 1999. Vol. 47. P. 5–23.
- Evgenyeva 1999 — A. P. Evgenyeva (ed.). Slovar russkogo yazyka: v 4-kh t. [Russian language dictionary: in 4 vol.]. Moscow: Russkiy yazyk, 1999.
- Fillmore et al. 1988 — Ch. Fillmore, P. Kay, C. O'Connor. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The case of *Let Alone*. *Language*. 1988. Vol. 64. No. 3. P. 501–538.
- Fried, Östman 2004 — M. Fried, J.-O. Östman. Construction grammar: a thumbnail sketch. M. Fried, J.-O. Östman (eds.). *Construction grammar in a cross-language perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 11–86.
- Glovinskaya 1982 — M. Ya. Glovinskaya. Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavleniy russkogo glagola [The semantic types of Russian verb aspectual oppositions]. Moscow: Nauka, 1982.
- Goldberg 1995 — A. Goldberg. Constructions: A construction grammar approach to argument structure. Chicago: The University of Chicago Press, 1995.
- Harras, Winkler 1994 — G. Harras, E. Winkler. A Model for Describing Speech Act Verbs: the Semantic base of a Polyfunctional Dictionary. W. Martin, W. Meijs, M. Moerland, E. ten Pas, P. van Sterkenburg, P. Vossen (eds.). *Proceedings of the 6th Euralex Conference*. Amsterdam: Euralex, 1994. P. 440–448.
- Iakovleva 2014 — I. V. Iakovleva. Sinonimichnye predlozhnye konstruktсии s tochki zreniya grammatiki konstruktсии [The synonymous prepositional constructions from the Construction Grammar perspective]. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. X. P. 2. P. 220–247.
- Kobozeva 1985 — I. M. Kobozeva. O granitsakh i vnutrenney stratifikatsii semanticheskogo klassa glagolov rechi [On the margins and inner stratification of the semantic field of speech act verbs] *Voprosy yazykoznanija*. 1985. No. 6. P. 95–103.

- Kustova 2004 — G. I. Kustova. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derivative meanings and mechanisms of linguistic extension]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.
- Leino, Östman 2005 — J. Leino, J.-O. Östman. Constructions and variability. M. Fried, H. C. Boas (eds.). *Grammatical constructions: back to the roots*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 191–213.
- Lyashevskaya, Sharov 2009 — O. N. Lyashevskaya, S. A. Sharov. *Chastotnyy slovar sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka)* [The Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (based on the Ruscorpora data)]. Moscow: Azbukovnik, 2009.
- Nikitina 2015 — E. N. Nikitina. *Vido-vremennye formy ramochnykh glagolov v russkom narrative XIX–XXI vv.* [Tense and aspect forms of frame verbs in Russian narrative in 19–21 c.]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2014. No. 2 (28). P. 58–81.
- Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the lexical semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2004.
- Rakhilina 2010 — E. V. Rakhilina (ed.). *Lingvistika konstruktсии* [Linguistics of constructions]. Moscow: Azbukovnik, 2010.
- Rakhilina 2010 — E. Rakhilina. Animal sounds: a human vantage point. *Oslo Studies in Language*. 2010. Vol. 2. No. 2. Russian in Contrast. P. 319–338.
- Sweetser 1987 — E. Sweetser. Metaphorical Models of Thought and Speech: a comparison of historical directions and metaphorical mappings in the two domains. J. Aske, N. Beery, L. Michaelis, H. Filip (eds.). *Proceedings of the Thirteenth Annual Meetings of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1987. P. 446–459.
- Traugott 1991 — E. Traugott. English speech act verbs: a historical perspective. L. R. Waugh, S. Rudy (eds.). *New Vistas in Grammar: Invariance and Variation, Proceedings of the Second International Roman Jakobson Conference, New York University, Nov. 5–8, 1985* (Current Issues in Linguistic Theory 49). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 387–406.
- Wierzbicka 1987 — A. Wierzbicka. *English speech act verbs: a semantic dictionary*. Sydney: Academic Press, 1987.
- Zaliznyak 2013 — Anna A. Zaliznyak. *Russkaya semantika v tipologicheskoi perspektive* [Russian semantics from the typological perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.
- Zolotova 2001 — G. A. Zolotova. *Sintaksicheskiy slovar* [The Syntactic dictionary]. Moscow: URSS, 2001.

**3. Видо-временная система
русского языка
с диахронической точки зрения**

ПЕРФЕКТ СО СВЯЗКОЙ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» КАК ФОКУСНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

В. А. Плунгян

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
plungian@gmail.com

А. Ю. Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
urmana@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются употребления перфектной конструкции со вспомогательным глаголом в «Повести временных лет». В этом памятнике вспомогательный глагол может выступать в препозиции либо в постпозиции по отношению к *l*-форме основного глагола. Традиционно такое варьирование объясняется через различные акцентные характеристики, приписываемые клаузам. В статье предложена альтернативная интерпретация: показано, что перфект во всех своих употреблениях (в противоположность аористу) ассоциируется с фокусным выделением, а препозиция и постпозиция вспомогательного глагола связана с различными типами прагматического фокуса (непредикатный vs предикатный).

Ключевые слова: древнерусский язык, глагол, перфект, вспомогательный глагол, фокусная конструкция.

The Perfect with the auxiliary verb in the Old Russian Primary Chronicle (Povest' Vremennykh let) as a focus construction

V. A. Plungian

V. V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences, Moscow
plungian@gmail.com

A. Y. Urmanchieva

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
urmanna@yandex

Abstract. The article discusses the use of the perfect construction with the auxiliary verb in the Old Russian *Primary Chronicle (Povest' Vremennykh Let)*. In this text, the auxiliary verb may appear in preposition or in postposition to the *l*-form of the main verb. Traditionally, this variation is explained through various accent characteristics ascribed to the clauses. In the paper, we propose an alternative interpretation: our analysis demonstrates that the perfect with auxiliary is invariably associated with different types of focalization. We assume that it is focalization that is the main function of the perfect as opposed to the aorist. And it is precisely this pragmatic characteristic that is the main condition for the use of the perfect (statistically, much rarer than the aorist), as the aspectual meanings of both forms fail to explain the choice between them, since aorist is freely used in resultative, and perfect, in non-resultative contexts.

Moreover, different positions of the auxiliary correlate with different focalization types. There is a narrow non-predicate focus in sentences with the auxiliary preposed to the main verb (the focused element in this case is placed before the auxiliary). In contrast, perfects with the postposed auxiliary occur in sentences with the predicate focus (or with a wider focus with contrastive comparison of the perfect situation to any other situation): out of 49 uses of the perfect with the postposed auxiliary, a close context allows to reliably attribute 30 as representing a predicate or wider focus; in other examples, the pragmatic emphasis can be explained by a wider context, though this paper only addresses the most revealing examples. Obviously, such a pragmatic emphasis should correlate with certain accent structures, and thus it does not contradict the traditional accentuation-oriented approach. Rather, we assume that a pragmatic-oriented study of Old Russian perfects can clarify the conditions for the use of various accent contours in perfect clauses. Typologically, such an interpretation of Old Russian perfect uses is quite natural: the use of enclitic components of analytical verb forms for marking communicative focus of a sentence is widely known.

Keywords: Old Russian language, verb, perfection, auxiliary verb, focus construction.

1. Введение

Перфектная конструкция в «Повести временных лет» (по Ипатьевскому списку, далее — ПВЛ) демонстрирует следующие типы формального варьирования: наличие vs отсутствие вспомогательного глагола и препозиция vs постпозиция вспомогательного глагола по отношению к *l*-форме основного глагола. В статье рассматриваются употребления перфектной конструкции со вспомогательным глаголом; показано, что они (в зависимости от позиции вспомогательного глагола относительно *l*-причастия) ассоциируются с различными типами прагматического фокуса. Помимо анализа древнерусского материала в статье также будет обсуждаться вопрос о том, насколько типологически ожидаемы такие функциональные корреляции формальных вариантов перфектной конструкции.

Статья состоит из *Введения* (первый раздел) и шести разделов. Во втором разделе дается обзор различных подходов к объяснению позиции связки во фразе. В третьем приводится статистическая информация по различным типам перфектной конструкции в ПВЛ и обосновывается выбор для анализа определенного круга контекстов. В четвертом разделе обсуждается конкуренция аориста и перфекта. В пятом обсуждается употребление перфекта с препозицией вспомогательного глагола, в шестом — с постпозицией вспомогательного глагола относительно *l*-причастия. В седьмом разделе подводятся итоги исследования и обсуждается, насколько типологически правдоподобным выглядит предложенное в данной работе описание функций перфектных форм в ПВЛ.

2. Объяснение позиции связки во фразе: возможные подходы

Как уже упомянуто выше, в статье анализируются перфектные формы с постпозицией и препозицией вспомогательного глагола. Наша гипотеза состоит в том, что перфектные формы всегда тяготеют к фокусной конструкции, а различное положение вспомогательного глагола коррелирует с различными типами фокуса — предикатным и непредикатным. Предложенный «прагматически ориентированный» подход в каком-то смысле составляет альтернативу (во многом, как мы попытаемся показать, мнимую) хорошо известному исследованию А. А. Зализняка [2008], в котором линейная

позиция связки ставится в зависимость от акцентных характеристик различных типов клауз. Поэтому, прежде чем перейти к прагматически ориентированному анализу перфектов в ПВЛ, необходимо обосновать, насколько вообще такой альтернативный анализ необходим, или же линейную позицию связки в формах перфекта можно удовлетворительно объяснить исходя из акцентных характеристик элементов клаузы.

В книге А. А. Зализняка просодический статус связок в древнерусских памятниках обсуждается достаточно подробно, см. в особенности [Зализняк 2008: 223–238]. Однако анализ материала не позволяет утверждать, что связка ведет себя абсолютно последовательно и ее поведение полностью предсказуемо в рамках предложенной модели расположения элементов в зависимости от их акцентных характеристик.

Так, приведенные А. А. Зализняком данные о позиции связок 1–2 лица в разных памятниках (старославянских и древнерусских) свидетельствуют о том, что последовательной картины их распределения не существует. Во-первых, хотя А. А. Зализняк предлагает единую классификацию клауз на основе их структуры (которая должна имплицировать их различные акцентные свойства), оказывается, что связки 1–2 лица в разных памятниках чувствительны к разным фрагментам этой классификации. Во-вторых, даже в одном и том же типе клауз разные памятники могут демонстрировать различные предпочтения относительно препозиции / постпозиции связки, ср. ниже данные для ПВЛ и Жития Андрея Юродивого. В-третьих, для каждого памятника в результате такого анализа определяется не однозначное распределение препозиции и постпозиции связки в клаузах различных типов, а только некоторые (более или менее строгие) тенденции. Ниже для наглядности мы приводим в сокращенном виде (опустив примеры) соответствующие таблицы из работы А. А. Зализняка [2008: 230–233]:

Синайская псалтирь
Psalterium Sinaiticum

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — редко	Постпозиция — норма
Любые иные клаузы	
Препозиция — отсутствует	Постпозиция — всегда

Перфект со связкой в «Повести временных лет» как фокусная конструкция

Мариинское евангелие

Codex Marianus

Препозиция — namного реже	Постпозиция — namного чаще
---------------------------	----------------------------

Супрасльский кодекс

Codex Suprasliensis

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
Простые клаузы с прилагательным	
Препозиция — namного реже	Постпозиция — namного чаще
Многоактантные и тяжелые клаузы	
Препозиция — крайне редко	Постпозиция — почти всегда

Флавий

Flavius

Простые клаузы	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
Многоактантные и тяжелые клаузы	
Препозиция — крайне редко	Постпозиция — почти всегда

Повесть временных лет

Rus' Primary Chronicle

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — namного чаще	Постпозиция — namного реже
Любые иные клаузы	
Препозиция — редко	Постпозиция — часто

Житие Андрея Юродивого

Hagiography of Andrew the Fool-for-Christ

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — норма	Постпозиция — редко
Любые иные клаузы	
Препозиция — несколько чаще	Постпозиция — несколько реже

Киев-Д.

Kyiv-D.

Простые и многоактантные клаузы с перфектом	
Препозиция — норма	Постпозиция — редко
Простые и многоактантные клаузы с прилагательным	
Препозиция — реже	Постпозиция — чаще
Тяжелые клаузы	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже

Берестяные грамоты

Birch bark manuscripts

Препозиция — почти всегда	Постпозиция — очень редко
---------------------------	---------------------------

Приведенные данные по связкам 1–2 лица (демонстрирующие значительное расхождение в поведении связок) А. А. Зализняк объясняет так:

Следует полагать, что в живой древнерусской речи связки всегда размещались во фразе в соответствии с правилами, действующими для энклитик. Наиболее убедительным свидетельством этого являются показания берестяных грамот.

Отклонения от этого принципа, которые обнаруживаются в древнерусских книжных текстах, вероятно, объясняются прежде всего тем, что сочинитель или переводчик мысленно представлял себе, как будет звучать сочиняемая им фраза (может быть, даже проговаривал ее), исходя именно из принятой манеры книжного чтения. Отсюда известная степень свободы от автоматизмов живой речи в расстановке слов. Определенную роль могло играть также прямое отталкивание от живой речи (ср. § 2.25). Еще одним стимулом, действовавшим в том же направлении, могло быть подражание старославянским образцам (о которых см. ниже).

Что касается старославянских текстов, то, по-видимому, в них отразился более ранний этап движения от полноударного статуса связок к энклитическому, чем в древнерусских текстах. Если в живом древнерусском языке XI–XII веков это движение уже фактически достигло своей конечной точки,

то для старославянского языка IX–X веков следует предполагать лишь некоторое промежуточное состояние [Зализняк 2008: 234].

Что касается связок 3 лица, А. А. Зализняк отмечает, что «связки 3-го лица, как и прочие, могут выступать в позициях, недопустимых для энклитик, причем в 3-м лице это случается гораздо чаще, чем в 1-м и 2-м» [Зализняк 2008: 236]. Это обстоятельство, наряду с некоторыми другими, подталкивает его к следующему заключению: «Общий вывод очевиден: связки 3-го лица в значительной части случаев выступают в роли акцентно самостоятельных словоформ, а не энклитик» [Зализняк 2008: 238].

Приведенный выше обзор раздела, посвященного поведению связок, показывает, что предложенная А. А. Зализняком модель не объясняет всех случаев размещения связки в клаузе (в ряде случаев объяснения сформулированы как весьма гадательные, ср. приведенное выше рассуждение, что сочинитель или переводчик, вероятно, пытались представить себе звучание фразы). Поэтому мы полагаем, что исследование А. А. Зализняка не отменяет возможности поиска альтернативных факторов (помимо акцентных), влияющих на выбор позиции связки. Предметом анализа в данной статье является позиция вспомогательного глагола перфектных форм, которая, на наш взгляд, связана с прагматическими факторами, а именно, с различным типом фразового фокуса.

В модели А. А. Зализняка понятие фокусного выделения обсуждается предельно кратко, применительно к понятию *факультативного ритмико-синтаксического барьера* (под барьером понимается такое место во фразе, которое предполагает паузу — тем самым в акцентном отношении оно приравнивается к началу клаузы). Так, А. А. Зализняк указывает, что «[в] отличие от обязательных барьеров, факультативный барьер возникает не автоматически. Он представляет собой просодическое выражение некоторого выделения того или иного звена фразы (или хотя бы его ритмического отделения от последующего текста). Такое выделение всегда предполагает соответствующую интенцию говорящего, а ее, разумеется, может и не быть. Соответственно, одна и та же (если не считать размещения энклитик) фраза может быть реализована как с барьером, так и без него.

Общий принцип состоит в том, что фразы без барьера предполагают сообщение без каких-либо специальных выделений или

подчеркиваний, тогда как наличие барьера говорит о том, что начальное слово (или словосочетание) в какой-то степени выделено» [Зализняк 2008: 55–56].

Ниже мы попытаемся показать, что в действительности расположение вспомогательного глагола в перфекте в значительной степени предопределяется наличествующими во фразе прагматически выделенными компонентами. Очевидно, что такое прагматическое выделение должно иметь своим коррелятом определенные акцентные структуры, и, таким образом, оно не противоречит понятию ритмико-синтаксического барьера. Скорее мы предполагаем, что проведенное исследование прагматики перфектных форм с различной позицией вспомогательного глагола позволит уточнить условия реализации «факультативных» ритмико-синтаксических барьеров в конструкциях с перфектом, так как в книге А. А. Зализняка это подробно не анализируется.

3. Перфектные формы в ПВЛ: анализируемые контексты и статистика

Национальный корпус русского языка позволяет получить следующую статистику употребления перфектных форм в ПВЛ (найденные в результате автоматического поиска данные были также перепроверены вручную)¹.

Следует также затронуть вопрос о том, не коррелирует ли употребление / неупотребление вспомогательного глагола с наличием / отсутствием в контексте эксплицитного указания на лицо субъекта. По этому поводу М. Н. Шевелева [2007: 218–219] пишет следующее: «Бывшее причастие в живом древнерусском языке уже превратилось в претерит, никакой связи перфекта не существует: в 3-м лице она отсутствует материально, в 1 и 2 лице превращается в синтаксический синоним личных местоимений, выражая только значение лица [Хабургаев 1978; Зализняк 2004: 179; Шевелева 2002: 61]». Действительно, в этом случае вспомогательный глагол не имел бы иной функции, кроме указания на лично-числовые характеристики субъекта, и вряд ли было бы возможно говорить об особых прагматических

---

¹ Ввиду того что опущение связки часто связывается с контекстом 3-го лица (что для рассматриваемых текстов не вполне точно), данные по перфектным формам 3-го лица в таблице для наглядности приводятся отдельно от данных по перфектным формам 1-го и 2-го лиц.

Таблица 1. Перфектные формы в ПВЛ
Table 1. Perfect forms in Rus' Primary Chronicle

	лицо глагола	всего	с препозицией / постпозицией вспомогательного глагола	всего
Перфект со вспомогательным глаголом	1-е и 2-е лицо	56	препозиция вспомогательного глагола	86
	3-е лицо	70	постпозиция вспомогательного глагола	40
Перфект без вспомогательного глагола	1-е и 2-е лицо	6		
	3-е лицо	74		

функциях конструкций со вспомогательным глаголом. Тем не менее, по крайней мере для ПВЛ, ситуация несколько отличается от описанной М. Н. Шевелевой²: в ПВЛ перфекты со вспомогательным глаголом употребляются в контексте местоимений (а в 3-м лице, естественно, и полнозначных существительных), позволяющих однозначно определить лично-числовую характеристику субъекта предикации. Тем самым, нельзя предполагать, что функции вспомогательного глагола в перфектной конструкции в ПВЛ однозначно сводятся к лично-числовому маркированию. Ниже в (1)–(3) приводятся примеры контекстов, где наличие вспомогательного глагола в перфектной конструкции было бы излишним, если бы его функцией было только лично-числовое маркирование субъекта предикации:

- (1) **вы** первѣ мене побѣдили есте
‘Когда-то **вы** победили меня’³.
- (2) **ты** еси прислалъ к намъ
‘**Ты** сам прислал к нам’.

² Во всяком случае, если описывать процесс редукции функций вспомогательного глагола до аналога лично-числового показателя в более строгих терминах, предложенных в [Петрухин, Сичинава 2008]: «процесс можно считать завершенным, если связка находится в отношениях дополнительного распределения с личными местоимениями, т. е. если возможно *я даль* или *есть даль*, но не *я есть даль*» [Петрухин, Сичинава 2008: 231].

- (3) ти бо сѹть намолвили дѣда
‘Они подговорили Давыда’.

Перфект со вспомогательным глаголом в ПВЛ может употребляться в следующих типах дискурсивных фрагментов:

а) в нарративе:

- (4) по разрушени же столпа и по раздѣлении ѧзыкъ. приаша сѣве симовы възстосточныа страны [а хамовы же сѣве полу[–]ныа страны] афетови же сѣве западъ приаша. и полунощныа страны. ѿ сихъ ж(е) ѿ. и дву ѧзыку. вы(с) ѧзыкъ словенскъ. ѿ племени же афетова. нарѣ[ц]аемѣи норци. иже сѹть словенѣ. по мнозѣхъ же временѣхъ. сѣлѣ сѹть словени. по дунави. кде есть ннѣ оугорскаяа земля. и болгарскаяа. ѿ тѣхъ словенъ. разидошася по земљи. и прозвасяа имени своими. кдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ.
‘По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама — южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же 70 и 2 язык произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норики, которые и есть славяне. Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели’.

б) в авторском комментарии:

- (5) и ѿтолѣ начааша звати [и] монастырь. печерьскыи. имже бѣша жили черньци преже в печерѣ. и ѿ того прозваса. печерьскыи монастырь есть же печерьскыи монастырь. ѿ блг(с)вниа сѣна горы пошелъ.
‘И с той поры начался Печерский монастырь: оттого, что жили чернецы прежде в пещере, и прозвался монастырь Печерским. Основался же монастырь Печерский по благословению Святой Горы’.

в) в диалоге:

- (6) ѡни же ркоша что сѹть вдалѣ
‘Опять спросили те: «А что дали?»’

В статье будут рассмотрены только случаи употребления перфекта в диалоге.

4. Конкуренция аориста и перфекта

Перфекты со вспомогательным глаголом могут передавать следующую собственно аспектуальную семантику: значение результивного перфекта ('результат ситуации в прошлом релевантен для настоящего момента') — (7) либо значение экспериенциального, или, иначе, экзистенциального⁴, перфекта ('ситуация имела место по меньшей мере один раз в прошлом, и это релевантно для настоящего момента') — в (8) сказано, что опыт говорящих таков, что прежде они ничего подобного не слышали:

- (7) мы же зло створили есмы. княжа своего прогнавшє. а се ведеть на [ны] землю лядьскую.
'Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Польскую землю'.
- (8) дивно находимъ мы чюдо ново егоже нѣсмы слыхали преже сихъ лѣтъ.
'Дивно мы нашли чудо, о котором не слышали раньше'.

Тем не менее, в ПВЛ легко обнаруживаются контексты, где в тех же значениях употребляется основная конкурирующая с перфектом аспектуальная форма — аорист:

- (9) и повѣдаша волѣ. ꙗко древлани придоша. и възва вльга к собѣ. и ре(ч) имъ добръ гостє придоша. и ркоша древланє. придохомъ княгини. и ре(ч) имъ вльга. да глите что ра(д) придостє сѣмо. и ркоша древлани. посла ны деревьск(а)ѣ земля. ркуци сице. мужа твоего оубихомъ. башеть во мужь твои ꙗко волкъ. възсхыщала и граба. 'И поведали Ольге, что пришли древяне, и призвала их Ольга к себе, и сказала им: «Гости добрые пришли». И ответили древяне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Так говорите же, зачем пришли сюда?». Ответили же древяне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил»'.

---

⁴ Понятие экспериенциального перфекта (ссылка на ситуацию в прошлом, входящую в «личный опыт» говорящего, откуда, собственно, и происходит название этой разновидности контекстов), на наш взгляд, уже понятия экзистенциального перфекта (значение которого — акцент на том, что такая ситуация уже имела место по меньшей мере один раз в прошлом).

- (10) глѣте ц(с)рма тако. како азъ крц(с)юса. како испытахъ преже сихъ днии законъ вашъ и есть ми любъ.

‘Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша’.

Таким образом, мы полагаем, что выбор между перфектными и аористными формами не связан с собственно аспектуальным значением перфекта и что необходимо искать другие факторы, регулирующие употребление перфекта. Хотя бы на основании редкости перфекта в сравнении с аористом (в ПВЛ форм перфекта 206, а форм аориста — 4402) можно предположить, что перфект употребляется в каких-то прагматически выделенных контекстах. Как представляется, дальнейший анализ материала позволяет подтвердить эту гипотезу.

5. Перфекты с препозицией вспомогательного глагола в ПВЛ

Перфекты с препозицией вспомогательного глагола употребляются при наличии в предложении непредикатного контрастивного фокуса; в фокусе находится тот элемент фразы, который занимает позицию перед глаголом (изредка — между вспомогательным глаголом и /-причастием смыслового глагола), ср. одинаковый синтаксический (и акцентный) контекст с субъектным местоимением *ты* перед глаголом в (11) с контрастивным фокусом (‘инициатором встречи был ты, а не мы’) и в (12) без него:

- (11) прииде к нимъ Дѣдъ Игоревичъ. и реѣ имъ на что ма есте привабилн. все есмь. кому до мене вбида. и ѡвѣща к нему Володимеръ. **ты** еси прислалъ к намъ река. хощю братье приити къ вамъ. и пожаловати своее вбиды.

‘Пришел к ним Игоревич Давид, и сказал им: «Зачем призвали меня? Вот я. У кого на меня обида?». И ответил ему Владимир: «*Ты сам прислал* к нам: «Хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды»’.

- (12) и посла Сѣтополкъ. и Володимеръ ко Улгови гл҃ца сице. се ты не шельз еси с нама на поганьгѣ. иже погубиша землю Русьскую.
'И послали Святополк и Владимир к Олегу, говоря так: «Вот, ты **не пошел** с нами на поганых, которые губили землю Русскую»'.

Ниже приводятся пары примеров: в примере с номером (N) приводится предложение с перфектной конструкцией с неперидикатным фокусом, находящийся в фокусе элемент выделен курсивом. Синтаксически такой элемент занимает предглагольную позицию и может иметь различную функцию — например, обстоятельства или подлежащего. В примере с дополнительным маркированием знаком апострофа (N') приводится предложение синтаксически сходной структуры: в таких предложениях в предглагольной позиции также находится обстоятельство или подлежащее, однако отсутствие на них фокусного выделения обуславливает иную позицию вспомогательного глагола в перфекте: употребляются перфекты с постпозицией вспомогательного глагола:

— *в фокусе обстоятельство:*

- (13) мнѣшеа ѡканьный. ꙗко здѣ ми естъ жїлице. *здѣ во не сущѣ оучїли аг҃ли. ни прѣрци прорекъли.*

'«Здесь же, — думал окаянный, — обрету себе жилище, ибо *здесь не учили* апостолы, ибо здесь пророки не **предрекали**»'.

- (13') Сѣтополкъ и Василко поидоста противу вземше хрестъ и Дѣду рѣша на цѣлован *пришеѡ еси. и реѣ Дѣдъ. пришеѡ. есмь. а с вама хоцїю имѣти миръ. и любовь.*

'Святополк и Василько вышли против него, взяв крест, и сказали Давыду: «Ты пришел целовать крест?» И сказал Давыд: «Пришел, а с вами хочу иметь мир и любовь»'.

- (14) и нарече имъ ꙗкова прозвутера. братїи же нелюбѡ бы(с). гл҃юще ꙗко *не здѣ естъ. постригъльса бѣ во иаковъ. пришеѡ съ лет[ь] ца. с братомъ. своимъ павломъ. и наѹаша братѣа просити Стефа деместъваника. суща тогда оученика Федосьева. гл҃юще ꙗко **сесь естъ възраелъ***

'И назвал им Иакова пресвитера. Братии же это не любо было, говорили, что «*не здесь пострижен*». Ибо Иаков пришел с Альты, вместе с братом своим Павлом. И стала

- братия просить Стефана доместика, бывшего тогда учеником Феодосия, говоря, что «тот **вырос** <здесь> под рукой твоей»’.
- (14’) и помыслихъ на землю · ладъскую · наступ[л]ю на зиму ꙗ на лѣто · и возму землю ладъскую и мьцю землю русьскую · и посемь хотѣлъ есмь · перенати болгары · дунаискыя · ꙗ посадити
‘И подумал: на землю Польскую пойду зимою и летом, и завладею землею Польскою, и отомщу за Русскую землю. И потом хотел захватить болгар дунайских, и посадить их у себя’.
- (15) брата моя. аще есте ѿсюду тѣломъ ѿтошла. то мѣтвою (своею) помозита ми
‘Братья мои! Хотя и отошли вы *телом* отсюда, но молитвою помогите мне»’.
- (15’) ре(ч) же има янь. по истинѣ прельстилъ есть. васъ дьяволъ. которому бѣ вѣруета. она же рекоста антихр[ъ]сту.
‘Сказал им Янь: «Поистине прельстил вас бес; какому богу веруете?». Те же ответили: «Антихристу!»’.
- (16) и приде единъ мужъ старъ. к нему. и ре(ч) ему княже. есть оу мене единъ снѣ. дома меншии. а съ четьрми есмь вышелъ.
‘И пришел к князю один старый муж, и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я **вышел с четырьмя**, а он дома остался»’.
- (16’) нынѣ же оувѣдалъ есть князь нашъ. посылати грамоту къ цр(с)тву вашему
‘Ныне же **повелел** князь ваш посылать грамоты к нам’.

— в фокусе подлежащее

- (17) и рѣша мужи Володимери и Дѣдви. и Улгови. извѣта ѡ семь не мѣгита. ꙗко Дѣдъ есть слѣпилъ. и не в Давыди градъ ꙗтъ есть ни вслѣплень. но въ твоємъ городѣ ꙗтъ и вслѣплень.
‘И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто *Давыд* **ослепил** его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоём городе взят и ослеплен»’.
- (17’) и влѣзе сотона оу сердце нѣкоторымъ мужемъ. и начаша глѣти. къ Дѣдви Игоревичю. рекуще сице. ꙗко Володимеръ сложилъса есть с Василкомъ. на Сѣполка и на тѣ.

‘И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они наговаривать Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя»’.

— в фокусе объект

(18) азъ же идохъ к василкови · и повѣдахъ ему всю рѣчь дѣдѣу. ѿн же рече · сего есмь не молвилъ

‘Я же пошел к Васильку и поведал ему все речи Давыда. Он же сказал: «Того я не говорил»’.

(18’) ре(ч) же володимиръ нѣм[ц(е)]мъ. идете опать. како ѿци наш(и) сего не приаали суть.

‘Сказал же Владимир немцам: «Идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого»’.

— в фокусе вопросительный элемент⁵

(19) ѿни же ркоша. что суть вдалѣ ѿни же показаша мечъ.

‘Опять спросили те: «А что дали?»» Они же показали меч’.

(19’) показа любовь велику. свершаа а́пла глѣца оутѣшанте печалныа. по истинѣ. аще что створи́лъ естъ на свѣтѣ семь. егеро согрѣшенье ѿдастьса ему. зане положи главоу свою за братъ своего.

‘...показав любовь великую, следуя словам апостола: «Утешайте печальных». Поистине, если и **сотворил** он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего’.

В выборке примеров (11)–(19), в противоположность конструкции с препозицией вспомогательного глагола, связанной с непредикатным контрастивным фокусом, конструкция с постпозицией вспомогательного глагола выглядит как прагматически нейтральная. Тем не менее рассмотренные в следующем разделе примеры ее употребления показывают, что это не так.

⁵ В (19) — совпадающее с вопросительным неопределенное местоимение, которое, в отличие от вопросительного местоимения в частных вопросах, не несет на себе фокусного выделения.

6. Перфекты с постпозицией вспомогательного глагола в ПВЛ

Интересно, что употребление перфекта с постпозицией вспомогательного глагола также связано с тем или иным прагматическим выделением, но, если рассмотренные в предыдущем разделе перфекты с препозицией вспомогательного глагола употреблялись в контексте узкого непредикатного фокуса, перфекты с постпозицией вспомогательного глагола употребляются либо в контексте узкого предикатного фокуса, либо в более широком контексте контрастивного сопоставления двух ситуаций.

В примере (20) перфект употреблен в контексте предикатного фокуса: ‘было ли это уже или только должно быть’:

- (20) то в[з] кое время събы(с)тъся се. и было ли се естъ. егда ли топѣрво
хоще(т) быти се.
‘Когда же это сбилось? И **сбылось** ли все это? Или еще только
теперь сбудется?’

В (21) предикатный фокус сопровождается контрастивным сопоставлением двух ситуаций (‘угодил Богу’ vs ‘не угодил Богу’), при этом находящиеся в фокусе противопоставляемые предикаты имеют форму перфекта: трижды — редко употребляемую форму перфекта в будущем, единожды — форму презентного перфекта:

- (21) аще по моему ѿшествию свѣта сего аще буду. бу оугодилъ. и приалъ
ма будетъ бѣ. то по моему ѿшествию монастырь са научеть строити
и прибывати в немъ. то вѣжете яко приалъ ма естъ бѣ. аще ли по моему
животѣ вскудѣвати научеть монастырь. а черноризци потребами
монастырьскими. то вѣдуще будете. яко не оугодилъ буду бу.
‘Если после того, как я покину свет этот, **буду** я Богу **угоден**
и **примет** меня Бог, то монастырь этот начнет устраиваться
и пополняться; так и знайте, что **принял** меня Бог. Если же
по моей смерти оскудевать начнет монастырь черноризцами
и монастырскими запасами, то знайте, что **не угодил** я Богу’.

В (22) предикатный фокус также сопровождается контрастивным сопоставлением «неправильной ситуации» и «правильной ситуации»:

- (22) не приимаи же ѿ латынѣ оучениа. ихже оучение развращено. влѣзъше
во въ црквѣ не покланяются иконамъ. но стоа и поклонитъся.
и поклонитъся. и поклонивса напишетъ. кр(с)тъ на земли и цѣлуетъ.

и встанеть. простъ ногама на немь. да легъ цѣлуеть. а вставъ попираеть. сего бо ап(с)ли не предаша. предали суть. ап(с)ли кр(с)тъ поставленъ. цѣловати.

‘Не принимай же учения от латинян, — учение их искаженное: войдя в церковь, не поклоняются иконам, но, стоя, кланяются и, поклонившись, пишут крест на земле, и целуют, а встав, становятся на него ногами, — так что, ложась, целуют его, а встав — попирают. Этому не учили апостолы; апостолы **учили** целовать поставленный крест’.

Эта же форма перфекта используется в рестриктивных придаточных, ср. примеры (23) и (24), где в обоих случаях противопоставляются две группы: с одной стороны — те, которые приняли крещение, с другой — некрещеные: те, которые крещены, принимают возмездие за нарушение клятвы от Бога Вседержителя (23) и клянутся церковью Святого Ильи (24), некрещеные за нарушение клятвы караются тем, что им не будет помощи ни от Бога, ни от Перуна (23), а клянутся они своим оружием (24):

(23) иже помыслити ѿ страны рускыя. раздршити такуюю любовь. и елико ихъ сщнение приаши суть. да примуть мѣсть ѿ ба вседѣржителя. осуженіе и на погибель. и в сии вѣкъ и в будущии. а елико ихъ не кр(с)щено есть. д(а) не имуть помощи ѿ ба. ни ѿ перуна.

‘А кто с русской стороны замыслит разрушить эту любовь, то пусть те из них, которые **приняли крещение**, получают возмездие от Бога Вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи ни от Бога, ни от Перуна’.

(24) мы же елико насъ кр(с)тилиса есмы. клахомса цркъвию стго ильи въ звори[тъ]и цркви. и пр(е)дълежаши ч(с)тнымъ кр(с)томъ. и харотьею сею. хранити же все еже есть написано на ней. и не преступати ѿ того ничтоже. а вже преступити се ѿ страны нашеа. или князь. или инъ кто. или кр(с)ченъ или не крѣченъ. да не имать ѿ ба помощи. и да будутъ рабѣ в сии вѣкъ и в будущии. и да заколенъ будетъ своимъ оружемъ. а не крѣчении русь. да полагають щиты своа и мечи свои нагы. и шеручи свои. и прочаа оружыа. и да клѣнутъса во все(м) ‘Мы же, те из нас, кто **крещен**, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи в предлежании честного креста и хартии этой соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать

из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей страны — князь ли или иной кто, крещеный или некрещеный, — да не получит он помощи от Бога, да будет он рабом в загробной жизни своей и да будет заклан собственным оружием.

А некрещеные русские кладут свои щиты и обнаженные мечи, обручи и иное оружие, чтобы поклясться’.

В (25) перфект также используется при контрастивном сопоставлении, обсуждается различное имущественное положение двух дружин, дружина князя Игоря жалуется ему на бедность, приводя в пример обогатившуюся дружину Свенельда:

(25) ѡтроци свѣнде(л)жи изоудѣлѣса сѹть ѡружьемъ и порты. а мы нази.

‘Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги’.

В (26) сопоставляются две симметричные ситуации (приведение к присяге двух сторон договора):

(26) твои сли водили сѹть ц(с)ра наше(г) ротѣ. и насъ послаша ротѣ водить тебе и мужъ твоихъ

‘Твои послы приводили к присяге наших царей, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей’.

В (27) сопоставляются две ситуации, прошедшая и текущая, а именно, описывается замена одного обычая другим: удостоверяющие печати послов и купцов заменяются верительными грамотами:

(27) ношаху слы печати зла(т). а гостие серебряны. нынѣ же оувѣдалъ естъ князь нашъ. посылати грамоту къ цр(с)тву вашему

‘Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные; ныне же **повелел** князь ваш посылать грамоты к нам, царям’.

В (28) также сопоставляется ситуация в прошлом с текущей ситуацией: старец Исакий говорит бесам, что прежде они победили его, явившись ему в образе ангельском, которого они недостойны, а теперь (когда они признали его победу), они являются в мерзком и злом обличье, каковы они и есть на самом деле:

(28) вы перѣте мене повѣдили есте. въ ѡбразѣхъ і(с)сѣхъ х(с)ѡѡ. и въ анг(с)комъ недостойнѣ сѹще того видѣнниа. (то)первое ѡвластеса. въ ѡбразѣхъ

звѣриномъ. и скотъемъ. змиами и гадомъ. ациже и сами быстѣ. сквѣрни
зи въ видѣньи.

‘[И не могли ему ничего сделать, и сказали ему: «Исакий! Победил ты нас». Он же сказал:] «Когда-то вы победили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но недостойны были вы того образа, а теперь по-настоящему являетесь в образе зверином и скотском и в виде змей и гадов, какие вы и есть на самом деле: скверные и злые на вид»’.

В (29) сопоставляется текущая и будущая ситуация: на вопрос печенежского князя встреченному им воину, не является ли тот самым князем Святославом, воевода Претич отвечает, что он — его подданный, и он-то пришел только с передовым отрядом, а вот уже за ним следом идет бесчисленное войско (что было хитростью, так как у Претича были все наличествовавшие на тот момент силы, и подкрепления ждать было неоткуда):

(29) рѣ(ч) князь печенѣжскыи. а ты князь ли еси. ѡнъ ж(ѣ) рѣ(ч) азъ
ѣсмь мужъ ѣ(г). и пришелъ ѣсмь въ сторожехъ. а по мнѣ идетъ вои
вещисленное множество.

‘Печенежский князь спросил: «А ты не князь ли?». Претич же ответил: «Я муж его, **пришел** с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество»’.

В (30) также сопоставляются две ситуации, Святополк и Владимир упрекают Олега в излишних симпатиях к половцам, припоминая ему и прежние, и нынешние проступки:

(30) и посла стѣполкъ и володимеръ ко ѡлгови глаца сице ꙗко се ты не шель еси
с нама на поганыхъ иже погубиша землю русьскую а се оу тебе есть итларе-
вичъ любо оуби любо даи нама то есть ворогъ нама и русьской землѣ
‘И послали Святополк и Владимир к Олегу, говоря так: «Вот ты не **пошел** с нами на поганых, которые губили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича — либо убей, либо дай его нам. Он враг нам и Русской земле»’.

В (31) также происходит сопоставление двух ситуаций с фокусом на предикате: принявшая крещение Ольга высказывает патриарху опасения по поводу того, что и сын ее, и все подданные — язычники, на что патриарх отвечает ей, что поскольку она крестилась в Христа,

Христос защитит ее от всякого зла (заметим, что здесь не узкий не-предикатный фокус, при котором ожидалась бы конструкция с препозицией вспомогательного глагола *‘крестилась именно в Христа, а не в какую-либо иную религию’, но предикат входит в фокус ‘поскольку ты приняла Христово крещение, Христос тебя защитит’):

- (31) она же хотачи домови. приде къ патриарху. блг(с)вниа просаци на домъ. и ре(ч) ему люд(д)е мои погани и снъ мои. да бы ма бѣ съблюлъ ѿ всакого {зла}. и ре(ч) патриархъ чадю вѣрное. въ х(с) а крѣстиласа еси и въ х(с)а облечеса. и х(с)ъ съхранить та.
‘Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения дому, и сказала ему: «Люди мои и сын мой язычники, — да сохранит меня Бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадю верное! В Христа ты крестилась и в Христа облечлась, и Христос сохранит тебя»’.

Сопоставление двух ситуаций представлено и в примере (32), где вторая ситуация рассматривается как возмездие за первую:

- (32) мы же зло створили есмы. князя своего прогнавшѣ. а се ведеть на [ны] землю ляддскую.
‘Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Польскую землю’.

В примерах (33) и (34) перфект употребляется при описании некоторой «эталонной» ситуации, которая должна повториться при определенных условиях; очевидно, что такие контексты также подразумевают сопоставление двух ситуаций с прагматическим выделением «эталонной» ситуации:

- (33) аще ли створить то же грѣ(ч)(и)нъ русину. да приме(т) ту же казнь. ѿкоже пр(и)далъ естъ онъ.
‘И если сделает то же грек русскому, да получит то же наказание, какое получил и тот’.
- (34) прими млтвѣу мою. ꙗ даи же ми смѣрть такую ѿкоже вдалъ еси брату моему борису и глѣб[о]ви. ѿ чужюю руку.
‘Прими молитву мою и дай мне смерть такую же, как <дал> и братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки’.

Перфект со связкой также употребляется в контекстах, в которых в современном русском языке уместно употребить ‘уже’ для

усиления ассертивности, ср. (35)–(39) ниже. В (35) Ольга (притворно) опровергает опасения древлян, что она хочет их покарать за смерть мужа, говоря, что она уже отомстила им:

(35) **д**ревляни же рькоша. ради быхомъ са гали по дань. но хоцещи мыцати мужа своего. ре(ч) же имъ вльга. како азъ оуже мстила есмь мужа св(о)свое(г).

‘Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что «я уже **мстила** за обиду своего мужа»’.

В (36) древляне спрашивают Игоря, зачем он опять идет к ним с дружиной после того, как уже собрал с них всю дань (и впоследствии убивают не внявшего их справедливым укорам Игоря):

(36) **п**очто идеши впать. **п**оималъ еси вьсю дань
‘Зачем идешь опять? **Забрал** уже всю дань’.

В (37) цитируются слова Василька, обращенные им перед битвой к ослепившему его Святополку:

(37) **в**залъ еси зракъ [оу] ме(н) вѣью мою а се ннѣ вѣати хоцещи дшю мою
‘Вот сперва **отнял** ты зрение у глаз моих, а теперь хочешь взять душу мою’.

Предыстория событий, описанных фрагментом в (38), такова: старец Исакий, затворившийся в пещере, не распознал бесовского наваждения и, забыв перекреститься, поклонился бесам, явившимся ему в образе ангелов и Христа. После этого он долго болел, а когда пришел в себя, опять вступил в противостояние с бесами. Старец говорит дьяволу, что уже поддался на его искушение, когда затворился в пещере, и поэтому теперь он больше не будет вести затворническую жизнь, а должен победить дьявола, находясь в монастыре:

(38) **с**е оуже прельстилъ ма еси дьаволе съдаща (на) единомъ мѣстѣ а оуже не имамъ. затворитиса в пещерь. но имамъ та побѣдити. входа в монастырь
‘Ты уже было **прельстил** меня, дьявол, когда я сидел на одном месте; а теперь я уже не затворюсь в пещере, но одержу над тобой победу, ходя по монастырю’.

Бесы, со своей стороны, всячески вредили старцу и повторяли ему, что он принадлежит им, потому что однажды уже поклонился их старейшине и им, ср. (39):

(39) и многажды вѣси пакости дѣаху. и глѣаху ему и нашъ еси поклонилъса еси нашему старѣишине и намъ.

‘Много раз бесы пакостили ему и говорили: «Наш ты и **поклонился** нашему старейшине и нам»’.

В (40) представлено значение, которое метафорически можно назвать фокусной экзистенциальностью (‘Были три брата...’); в (40) цитируется начало ответа на вопрос о том, кто основал Киев:

(40) и възпрошаста ркуцѣ. чии се городъ. ѡни же ркоша была сѹ(т) три братъа. кии. щекъ. хоривъ. иже сдѣлаша г(р)о(о)дъ сии. и изъгыбоша. ‘И спросили: «Чей это городок?» Те же ответили: «**Были** три брата — Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули»’.

Перфект с постпозицией вспомогательного глагола также употребляется при предикатном фокусе в контекстах со значением ‘что случилось с субъектом’, ср. примеры (41)–(44). В примере (41) приведен известный диалог вернувшегося из похода Олега с конюхом о судьбе коня, от которого ему было предсказано умереть:

(41) кд(ѣ) естъ конь мой егоже вѣхъ поставилъ. кормити и блюсти его. ѡнъ же рѣ(ч) **оумерлъ естъ**.

‘«Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «**Умер**»’.

В (42) старец после видения о том, что по монастырскому двору прошла толпа, и некто, ехавший в ней верхом на свинье, сказал, что они пришли за Михалем Тольбековичем, спрашивает, в келье ли Михаль, и ему отвечают, что после заутрени тот перескочил через ограду:

(42) иди възпроси естъ ли михаль в кельи. и рѣша ему **ѣако выскочилъ естъ** чресъ столпѣ по завѣтрѣнии

‘«Поди спроси, в келье ли Михаль». И сказали ему, что «давеча, после заутрени, **перескочил** через ограду»’.

В (43) описано другое видение того же старца: стоя на заутрене, он поднял глаза, чтобы посмотреть на игумена Никона, и увидел,

что на месте игумена стоит осел, и потому он понял, что игумен еще не встал:

(43) и видѣв ѡсла стоѡща на игумени мѣстѣ. и разумѣ ꙗко не вьсталъ естъ игуменъ

‘И видит осла, стоящего на игуменовом месте; и понял он, что **не вставал** еще игумен’⁶.

Наконец, в (44) рассказывается, как Исакий (уже упоминавшийся в (38) и (39)) затворился у Антония в пещерах, в малой келейке, и Антоний подавал ему по утрам через день еду — одну просфору — через такое малое окно, что можно было только руку просунуть. И однажды утром (после того, как Исакий поддался на бесовское искушение) Антоний пришел к келье Исакия и многожды звал его, но ответа не было, и Антоний сказал, что Исакий преставился:

(44) заоутра же бывши свѣтѣ. и припѣвшю вкушению хлѣба. и приде антонии къ концу по вьыгудю. и глѡ блг(с)ви ѡ[с]ѣ исакье. и не вы(с) гл(с)а ни послушаниа. и многожды глѡ антониини. и не вы(с) ѡвѣта. и глѡ антонии се оуже ꙗко **преставилъса естъ**.

‘На другой день, когда рассвело и подошло время вкушения хлеба, подошел Антоний, как обычно, к оконцу и сказал: «Господи, благослови, отче Исакий». И не было ответа; и сказал Антоний: «Вот, он уже **преставился**»’.

7. Выводы

Таким образом, оказывается, что перфект со связкой в ПВЛ достаточно устойчиво ассоциирован с фокусным выделением. Именно это, на наш взгляд, противопоставляет перфект аористу. Вместе с тем при употреблении конструкции с препозицией вспомогательного глагола в предложении всегда наличествует узкий непредикатный фокус с вынесением фокусируемого элемента в препозицию к связке (в единичных примерах фокусируемый элемент занимает позицию между вспомогательным глаголом и *l*-причастием основного глагола). Напротив, употребление перфекта с постпозицией

---

⁶ В (43) представлен контекст не собственно прямой речи, но близкий к нему контекст, в котором перфектная конструкция находится в клаузе, подчиненной предикату ментальной деятельности (что по сути близко к внутренней речи).

связки достаточно устойчиво ассоциировано с предикатным фокусом (либо с более широким фокусом с контрастивным сопоставлением перфектной ситуации с какой-либо другой ситуацией): из имеющихся в ПВЛ в диалогическом регистре 49 употреблений перфекта со вспомогательным глаголом в постпозиции близкий контекст позволяет надежно атрибутировать 30 как представляющие предикатный или более широкий фокус; в других примерах прагматическое выделение ситуации, вероятно, может обосновываться более широким контекстом, однако в работе мы ограничились рассмотрением только наиболее показательных примеров.

Насколько такое поведение связки является типологически естественным? На первый взгляд, приведенные закономерности кажутся необычными: в описаниях древнерусского перфекта часто встречаются рассуждения о его результативной семантике (в противопоставлении аористу), а в описаниях древнерусских энклитик акцент, напротив, обычно делается на морфосинтаксические, а не семантические правила их употребления. Вместе с тем, противоречия известным в русистике и в типологии данным, на наш взгляд, здесь нет — скорее, мы лишь предлагаем взглянуть под несколько другим углом на совокупность имеющихся фактов.

Действительно, древнерусский (и старославянский) перфект никогда не относился к прототипическим категориям с результативной семантикой: относительно старославянского языка указания на это содержатся, например, уже в раннем исследовании И. К. Буниной [1959], и сегодня можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что древнерусский и старославянский перфекты не выражали результативность в качестве своего основного значения (см. подробную аргументацию в наших работах [Плунгян, Урманчиева 2017; 2018]). Маркирование коммуникативной структуры высказывания наряду с выражением специфических видовременных значений — гораздо более предпочтительная альтернатива для адекватного представления употребления перфектных форм во всех имеющихся контекстах. Поддерживает такую интерпретацию и аналитическая природа этих форм. В типологии широко известны механизмы использования энклитических компонентов аналитических форм глагола (по преимуществу, грамматикализованных связочных элементов) для маркирования коммуникативно выделенных элементов предложения: о таких структурах в разных языках см., например, [Kazenin 2003; Сумбатова 2004; Onea, Zimmermann 2011;

Семёнова 2014] и мн. др. Новой здесь является, по существу, только гипотеза о существовании аналогичной техники и в древних славянских языках.

Литература

- Бунина 1959 — И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Петрухин, Сичинава 2008 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 224–258.
- Плунгян, Урманчиева 2017 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. Перфект в старославянском: был ли он результативным? // Slověne. 2017. Т. 6. № 2. С. 13–56.
- Плунгян, Урманчиева 2018 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. К типологии нерезультативного перфекта (на материале старославянского языка) // Slavistična revija. 2018. Letn. 66. Št. 4. С. 421–440.
- Семёнова 2014 — Кс. П. Семенова. Фокусное маркирование в современном восточноармянском языке «на дагестанском фоне» // Язык. Константы. Переменные. Памяти А. Е. Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 407–429.
- Сумбатова 2004 — Н. Р. Сумбатова. Коммуникативные категории и система глагола (о некоторых типологических особенностях дагестанского глагола) // В. С. Храковский и др. (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 487–504.
- Хабургаев 1978 — Г. А. Хабургаев. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 1978. № 4. С. 42–53.
- Шевелева 2002 — М. Н. Шевелева. Судьба форм презенса глагола быти по данным древнерусских памятников // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2002. № 5. С. 55–72.
- Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252.
- Kazenin 2003 — K. I. Kazenin. Focus in Daghestanian and word order typology // Linguistic Typology. 2003. Vol. 6. Iss. 3. P. 289–316.

Onea, Zimmermann 2011 — E. Onea, M. Zimmermann. Focus Marking Strategies and Focus Interpretation // *Lingua*. 2011. Vol. 121. Iss. 11. P. 1651–1766.

References

- Bunina 1959 — I. K. Bunina. Sistema vremen staroslavjanskogo glagola [Tense system of Old Church Slavonic verb]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1959.
- Kazenin 2003 — K. I. Kazenin. Focus in Daghestanian and word order typology. *Linguistic Typology*. 2003. Vol. 6. Iss. 3. P. 289–316.
- Khaburgaev 1978 — G. A. Khaburgaev. Sudba vspomogatelnogo glagola drevnix slavjanskix analiticheskix form v russkomazyke [The history of verbal auxiliary of old Slavic periphrastic forms in Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9, Filologiya. 1978. No. 4. P. 42–53.
- Onea, Zimmermann 2011 — E. Onea, M. Zimmermann. Focus Marking Strategies and Focus Interpretation. *Lingua*. 2011. Vol. 121. Iss. 11. P. 1651–1766.
- Petrukhin, Sichinava 2008 — P. V. Petrukhin, D. V. Sichinava. Yeshche raz o vostochnoslavjanskom sverkhslazhnom proshedshem, plyuskvamperfekte i sovremennykh dialektnykh konstruktivnykh [East Slavic “super-compound” past, pluperfect and modern dialectal constructions revisited]. *Russkijazyk v nauchnom osveshchenii*. 2008. No. 1 (15). P. 224–258.
- Plungian, Uрманchieva 2017 — V. A. Plungian, A. Yu. Uрманchieva. Perfekt v staroslavjanskom: byl li on rezultativnyj? [Perfect in Old Church Slavonic: was it resultative?]. *Slověne*. 2017. Vol. 6. No. 2. P. 13–56.
- Plungian, Uрманchieva 2018 — V. A. Plungian, A. Yu. Uрманchieva. K tipologii nerezultativnogo perfekta (na materiale staroslavjanskogoazyka) [Towards the typology of non-resultative perfect: case study of Old Church Slavonic]. *Slavistična revija*. 2018. Vol. 66. No. 4. P. 421–440.
- Semyonova 2014 — Ks. P. Semyonova. Fokusnoe markirovanie v sovremenom vostochnoarmjanskomazyke «na dagestanskom fone» [Focus marking in Modern Eastern Armenian “against the Daghestanian background”]. *Yazyk. Konstany. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgenievicha Kibrika* [Language. Constants. Variables. In memory of Aleksandr Evgenievich Kibrik]. St. Petersburg: Aleteya, 2014. P. 407–429.
- Sheveleva 2002 — M. N. Sheveleva. Sudba form prezensa glagola byti po danym drevnerusskix pamyatnikov [The history of the present-tense forms of the verb byti ‘be’ according to Old Russian written sources]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9, Filologiya. 2002. No. 5. P. 55–72.
- Sheveleva 2007 — M. N. Sheveleva. «Russkij plyuskvamperfekt» v drevnerusskix pamyatnikakh i sovremennykh govorakh [“Russian pluperfect” in Old Russian written sources and in modern dialects]. *Russkijazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. No. 2 (14). P. 214–252

- Sumbatova 2004 — N. R. Sumbatova. Kommunikativnye kategorii i sistema glagola (o nekotorykh tipologicheskikh osobennostyakh dagestanskogo glagola) [Communicative categories and verbal system (on some typological peculiarities of Daghestanian verb)]. V. S. Khrakovsky et al. (ed.). *40 let Sankt-Peterburgskoy tipologicheskoy shkole* [40 years of the St. Petersburg typological school]. Moscow: Znak, 2004. P. 487–504.
- Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.
- Zaliznyak 2008 — A. A. Zaliznyak. Drevnerusskie enklitiki. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2008.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЕВ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОЧЕТАНИЯ «*БЫТИ* В ПР. ВР. + *-Л*-ФОРМА» В ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ

М. В. Ермолова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
maria-anna2121@yandex.ru

Аннотация. Сочетание «*быти* в пр. вр. + *-л*-форма» обычно рассматривается как форма плюсквамперфекта. Однако в древнейших русских летописях был обнаружен ряд контекстов, в которых это сочетание не может объясняться ни одним из приписываемых плюсквамперфекту значений. Конструкция «*быти* в пр.вр. + *-л*-форма» в них либо выражает фоновое действие, либо участвует в обозначении последовательных действий в нарративной цепи. По всей видимости, такое употребление может объясняться тем, что наряду с формой плюсквамперфекта существовало свободное синтаксическое сочетание из глагола *быти* в пр. вр. и *-л*-формы, значение которого закономерно складывалось из его составляющих.

Ключевые слова: древнерусский; плюсквамперфект; причастие прошедшего времени.

On the interpretation of some examples with the construction «*быти* (past tense)+ *l*-form» in the oldest Russian chronicles

M. V. Ermolova

National Research University Higher School of Economics, V. V. Vinogradov
Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow
maria-anna2121@yandex.ru

Abstract. The construction “*быти* (past tense) + *l*-form” is usually regarded as a pluperfect form. As the oldest Russian chronicles

(The Hypatian Chronicle, The First Novgorodian Chronicle of Older and Younger Recensions, The Laurentian Chronicle) show, however, in some contexts this combination cannot be explained by pluperfect semantics. It can mark: 1) a background situation (*Ту бо бѣ Гдльгъ ждалъ его с женою*), 2) consecutive actions in the narrative chain (*и всю ночь пилъ бѣ с дружиною своею*), or 3) an action synonymous in its nature to other aorist-marked actions (*Изаслава же Мстиславича язвиши в руку. и свергли и бахуть с коня. и хотѣша и оубити*).

Apparently, the emergence of the “*быти* (past tense) + *l*-form” construction in the analyzed contexts can be explained by the fact that it was used not only as a grammatical form of a complex past tense, but also as a free syntactic combination of an existential verb and a participle. Therefore, its meaning was made up of that of its components. Taking into account the possible interchangeability of aorist and participial forms, as well as the possible synonymy of the *-l*-form and the *-ъс/-въс-* participles, the participial use of the *-l*-form in a construction with the verb *to be* in such use should not be viewed as impossible.

Keywords: Old Russian; pluperfect; past participle.

1. Вводные замечания

1.1. Постановка задачи

Сочетания, состоящие из глагола *быти* в прошедшем времени и *-l*-формы, традиционно рассматриваются как формы плюсквамперфекта. Исследованию плюсквамперфекта в древнейших русских летописных памятниках посвящено немало работ (см., например, [Истрина 1923: 123–125; Кузнецов 1959: 209–214; Чернов 1961; Фроянова 1970; Попова 1999; Петрухин 2004; 2008; Шевелева 2007; 2009]). Тем не менее проведенный анализ текста Ипатьевской летописи (далее ИЛ), Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов (далее НПЛ ст. и мл.), а также летописи по Лаврентьевскому списку (далее ЛЛ) показал, что в них существует ряд контекстов, в которых появление сочетания «*быти* в пр. вр. + *-l*-форма» не может объясняться ни одним из приписываемых плюсквамперфекту значений. Рассматриваемая конструкция в них либо обозначает фоновое действие, одновременное действиям основной

линии повествования, либо стоит в одном ряду с простыми претеритами и участвует в передаче последовательных событий. Целесообразно считать, что в таких случаях мы, по всей видимости, имеем дело не с грамматической формой плюсквамперфекта, а со свободным синтаксическим сочетанием глагола-связки и причастия.

1.2. Форма и значение плюсквамперфекта

Древнерусский «книжный» плюсквамперфект — это сложное прошедшее время, состоявшее из глагола *быти* в форме имперфекта или аориста от имперфективной основы и *-л-*причастия (*брь/брьаше* + *-л-*причастие). У него выделяется три основных значения: 1) предшествования в прошедшем, ср.: КЛ л. 235 *сего же волими wskоудъваючи силѣ. и шѣмнajúци языкѣ. и възноувъз и рече. ко княгинѣ своен. коли боудеть рече стѣхъ Маковѣи. она же в понедѣльникѣ. князь же рече. ѡ не дождоу ти яа того башеть во шѣе его Всеволодъ во днь стѣхъ Макъзкави. пошелъ к бѣи* КЛ л. 235 [Петрухин 2008: 218]¹; 2) результативности в прошедшем, ср.: КЛ л. 229 об. Романови же не бы и в лахоухъ помочи иде к Рюрикови ко цтю своему в Бѣльгородъ и с моужи тѣми котории же его ввели бахууть в Галичь [Шевелева 2007: 235], а также 3) значение антирезультатива (в том понимании этого термина, которое было предложено в [Плунгян 2001]), изначально в сильной степени обусловленное контекстом, ср.: КЛ л. 180 об. и много дѣшь ѿполониша. иже бахууть вziali половци [Шевелева 2007: 237].

Наряду с «книжной» формой существовало новообразование со связкой, употребленной в форме перфекта (*есть былъ* + *-л-*причастие) — так называемый «русский» плюсквамперфект (см., например, [Горшкова, Хабургаев 1981: 305–306]) или, в терминологии [Петрухин, Сичинава 2006], «сверхсложное прошедшее». Как убедительно показала М. Н. Шевелева, значение последнего сопоставимо с «книжным»: «старый плюсквамперфект — это форма прежде всего нарратива, новый — прежде всего прямой речи» [Шевелева 2007: 235]. В примерах, которые будут рассматриваться в данной статье, представлена только «книжная» форма.

В связи с эволюцией и упрощением системы прошедших времен «русский» плюсквамперфект получает значение давнепрошедшего

¹ М. Н. Шевелева считает, однако, что славянский плюсквамперфект никогда не выражал таксисного значения чистого предшествования в прошедшем и что он всегда имел аспектуальное значение перфектности в прошедшем [Шевелева 2007: 216].

или, в терминологии [Петрухин, Сичинава 2006], «неактуального прошедшего» и «относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого» [Зализняк 1995: 158]; в [Плунгян 2001] применительно к таким контекстам говорится о семантической зоне «сверхпрошлого». Частным случаем реализации такого значения является обозначение плюсквамперфектом начальной точки рассказа. Функцией плюсквамперфекта в таком случае является «маркирование самого первого звена собственно нарратива и маркирование первого звена нарративных эпизодов, вводящих новых персонажей или события» [Сичинава 2013: 115]. Как показывают Т. С. Жукова и М. Н. Шевелева на материале памятников, написанных на «простой мове», «плюсквамперфект в значении давнопрошедшего маркирует в рассказе о некотором происшествии начальную точку его сюжета, акцентируя внимание на этой “завязке”... выделительный компонент здесь присутствует почти всегда», ср. в «Страстях Христовых» (апокрифическое сочинение, переведенное на «простую мову» не позднее 1460-х гг. с латинского) в начале рассказа о приходе Иисуса в Иерусалим: л. 22 об. *Бы(л) некоторыи коро(л) атоу(с) имене(м). которыи(ж) некоторую девоку имене(м) мила. дочкоу некакого мелника телесне **позналь бы(л)**. да з нее сна выроди(л)* [Жукова, Шевелева 2009: 183].

1.3. Характеристика памятников

В статье будет проанализирован материал трех древнейших летописей — ИЛ, НПЛ ст. и мл. и ЛЛ.

ИЛ, созданная в юго-западном диалектном ареале, является списком с южнорусского летописного свода, составленного в XIV в., и датируется первой четвертью XV в. [Словарь книжников 1987: 238]. Летопись состоит из четырех частей: Повести временных лет, Киевской летописи (далее КЛ), Галицкой летописи и Волынской летописи (далее ВЛ). Текст воспроизводится по изданию [ПСРЛ, т. 2].

НПЛ ст., представленная единственным списком (Синодальным), состоит из двух частей, переписанных ок. 1234 г. и ок. 1330 г. НПЛ мл. была составлена в конце 30-х гг. XV в. и дошла до нас в двух списках — Академическом (40-е гг. XV в.) и Комиссионном (2-я половина XV в.) [Словарь книжников 1987: 246]. Текст воспроизводится по изданию [НПЛ].

ЛЛ, являющаяся памятником Владимиро-Суздальской Руси, была переписана в 1377 году. Она включает в себя Повесть временных

лет (далее ЛЛ ПВЛ) и Суздальскую летопись (далее СЛ). Текст воспроизводится по изданию [ПСРЛ, т. 1].

2. Летописный материал

Как было показано выше в 1.2, все значения, выделяемые у плюсквамперфекта, характеризуются обязательным семантическим компонентом предшествования в прошедшем, который может факультативно осложняться результативностью, антирезультативностью и т. д. Между тем, в исследованных летописях был обнаружен ряд контекстов, в которых сочетание глагола *быти* в прошедшем времени и *-л*-причастия такого компонента не имеет. Их можно разделить на три группы.

2.1. Сочетания «*быти* в пр. вр. + *-л*-форма» для обозначения фонового действия

Первую группу составляют контексты, в которых сочетание «*быти* в пр. вр. + *-л*-форма» обозначает фоновое действие, которое началось ранее и продолжается во время основного момента повествования. Рассмотрим примеры:

- (1) ИЛ КЛ л. 223 (Игорь) и то рекъ. переверде Донъць и тако приида. ко Усколоу. и жда два дѣи. брата своего Всеволода тотъ вашелъ инемь поутѣ(м). ис Коурьска — действия жда и ваше шелъ одновременны друг другу: 'Игорь ждал два дня, пока Всеволод ехал другим путем'.

Никакой ретроспективной направленности здесь не наблюдается. Значения результирующего состояния в прошлом в данном примере также не наблюдается, так как формой *ваше шелъ* обозначается длительное действие, процесс (результативные же формы, как правило, не характеризуются «процессуальностью, статальностью значений» [Трубинский 1984: 159]). Единственное кажущееся правдоподобным объяснение заключается в том, что данное сочетание следует понимать как свободное синтаксическое сочетание, состоящее из бытийного глагола и причастия в прошедшем времени, т. е. буквально 'Игорь ждал два дня, пока Всеволод был ехавший другим путем'.

- (2) НПЛ мл. л. 163 (из Жития Александра Невского) Жалостьно вѣ слышати, паѣ же и видѣти достойно, яко отець его Ярославъ

Честныи и великыи въ время то не бѣ въдалъ таковаго вѣстанія сына своего, СЛ л. 169 жалостно же и слышати како ѡцъ его Ч(с)тныи Ярославъ великыи не бѣ въдалъ такого встанья на сѣа своего милого Влеждандра.

Летописец рассказывает, что «король части Римския» собрался войною на Новгород, где в то время княжил Александр. Потом следует описание того, как Александр молился в святой Софии, как его благословлял епископ и как потом князь пошел на немцев с малым количеством воинов. Рассказчик сокрушается, что отец Александра все это время не знал о готовящемся сражении. Таким образом, как и в предыдущем случае, здесь нет ни предшествования, ни результирующего состояния. *Не бѣ въдалъ* — это скорее характеристика, признак: 'Ярослав не был знающим'. Кроме того, здесь присутствует значение фоновости: во время всех многочисленных описываемых событий Ярослав ничего о них не знал. Это сближает данный пример с примерами, в которых одиночная *-л-*форма имеет то же фоновое значение, ср.: ИЛ КЛ л. 222 об. наворопници же перешедше Хоролъ. взиндоша на шолома. гладдающе. кдѣ оузрять ъ. Кончакъ же стоалъ оу лоузѣ. егоже вдоуце по шоломени вминоуша. иныгъ же вагаты оузрѣвшє. оударisha на ниxъ — пока наворопники поднимались на холм, объезжали войско Кончака, хан все это время находился на лугу. Учитывая архаичность языка КЛ и практически полное отсутствие в ней примеров употребления *-л-*формы в аористном значении (см. [Шевелева 2009]), а также очевидную противопоставленность характера действия *стоалъ* действиям, выраженным формами аориста, едва ли *-л-*форму в данном случае следует рассматривать как финитную. Скорее всего, она выступает в причастной функции и выражает одно из свойственных причастным формам значение, передавая «действие добавочное, комментирующее по отношению к основному, выраженному аористом (или презенсом)» [Попова 1999: 137]. Таким образом, единственное отличие рассмотренного примера из КЛ от примера (2) заключается в наличии связки в прошедшем времени, которая, по всей видимости, была факультативной (см. ниже).

- (3) СЛ л. 112 об. приспѣвшю же Изаславу вборзѣ г королеви с Берендичи. а полкы свои встави назади. с братомъ своимъ (ѿ) Стополкомъ (ѿ). тогда же придоста к рѣцѣ к Саноку. Володимерко же роставалъ баше дружину свою на бродѣхъ. индѣ пѣши. а индѣ конники. король же нача

ставлати противу њему свои полкы на бродѣхъ же. Володимерко же видѣвъ силу королеву вѣчисленую. не стерпѣвъ вдругыѣ побѣже передъ ни(ѣ). в Перемышль — ‘Изяслав с королем подошли к реке [и увидели, что] Володимерко расставлял/был расставлявшим свои полки’.

Использование вторичного имперфектива *роставляти* говорит о том, что действие не было завершено к приходу Изяслава и продолжалось после него, т. е. семантики результирующего состояния или таксисного предшествования здесь не наблюдается. Если же сочетание *роставлялъ баше* трактовать как ‘был расставляющий’, то его появление кажется обоснованным.

(4) ИЛ КЛ Л. 188 об. того же лѣта исходаѹча поиде Ростиславъ Новгороду. занеже не добръ живаху. Новгородци съ Стѣславомъ. сѣмъ его. и приде Чичърьску к зати Улгови ту бо въ Улвѣгъ ждалъ его с женою и поид Улвѣгъ Ростислава на вѣдѣтъ. и бы(ѣ) ра(дѣ)сть велика въ тѣ днѣ межи,

Здесь можно согласиться с комментарием М. Н. Шевелевой: «‘Олег там уже к этому времени ждал его’, т. е. ‘был уже ждавшим’, — глагол несовершенного вида создает значение состояния, начавшегося ранее и продолжавшегося в данный момент летописного времени» [Шевелева 2007: 236]. Автор рассматривает анализируемое сочетание в данном примере как форму плюсквамперфекта. На наш взгляд, однако, действие, выраженное здесь глаголом *быти* и *-л*-формой, не отличается по своему характеру от действий, разобранных в предыдущих примерах (*не был знавшим, был идущим* и т. д.). Здесь, как и выше, на первый план выходит то, что действие, начавшееся до основного момента повествования, длилось и во время него: ‘Олег был ждавшим’. Кажется, именно это, а не значение «результирующего состояния в прошлом» объединяет анализируемые примеры.

В. И. Чернов такое употребление глагола *быти* в прошедшем времени и *-л*-формы называл «соотносительным» употреблением плюсквамперфекта: «Соотносительное значение заключается в том, что плюсквамперфект обозначает действие, не всегда предшествующее во времени другому событию, но всегда такое действие, которое совершилось не позднее события, обозначенного глагольной формой, стоящей непосредственно перед плюсквамперфектом... Главное в этом значении плюсквамперфекта — указать

не следование одного действия за другим, а их соотносительность, параллельность действий, совершившихся в одной временной плоскости» [Чернов 1961: 9]. Однако едва ли рассматриваемое сочетание действительно является формой плюсквамперфекта, т. к. в основе любого плюсквамперфектного значения лежит семантический компонент предшествования действию в прошлом; это тот компонент, который противопоставляет его, прежде всего, перфекту, а также другим прошедшим временам.

В трех разобранных примерах сочетание глагола *быти* в прошедшем времени и *-л*-формы имеет значение, сходное значению, выражаемому одной из форм плюсквамперфекта (глагол 'быть' в форме имперфекта + причастие прошедшего времени) в тохарском языке, а именно, обозначает «the background situation» «which lasts during the whole discourse chunk²» [Seržant 2016: 275–277]. Разница заключается в том, что в тохарском фоновое действие, длящееся во время описываемых событий, в отличие от наших примеров является результативным, ср. тохарский пример: 'Ajjivika came to Upananda. He had worn a red coat' ('Айивика пришел в Упананду. На нем был надет красный плащ'). «The resultant state of having a red coat on is a background state, and its reference time includes the reference time of the perfective event of 'coming'³» [Там же: 275]. Нет сомнения, что действие *надеть* является результативным (в данном случае результатом является красное покрывало на пришедшем человеке). В рассмотренных же нами контекстах значения результативности нет. По мнению И. А. Сержанта, обозначать «background information that holds true for the whole time frame of the narrowest discourse chunk⁴» позволяет именно связка в имперфекте, т.к. форма плюсквамперфекта со связкой в т. н. претерите (или perfective past) такого значения не имеет: она выражает «after-effects or results that are temporally delimited⁵» [Там же: 284]. Это позволяет исследователю утверждать, что плюсквамперфект

² «...Фоновую ситуацию», «которая длится в течение всего дискурсивного отрывка».

³ «Результативное положение вещей — надетое пальто — является фоновой ситуацией, и время, которое это положение охватывает, включает в себя время перфектного события 'прихода'».

⁴ «...Обозначать фоновую информацию, которая имеет место быть на протяжении всей временной рамки ограниченного дискурсивного отрывка...».

⁵ «...Последствия или результаты, которые имеют четкие временные рамки».

не является независимой грамматикализованной категорией и является, по сути, сочетанием перфектного / результативного причастия со связкой в прошедшем времени в той форме, которая лучше отражает действительность. Конструкции с причастием прошедшего времени являются «fully compositional in meaning and not grammaticalized into a grammatical category in its own right» [Там же: 275]. Как представляется, эти слова уместно отнести и к рассмотренным нами контекстам, в которых не наблюдается никаких дополнительных значений кроме значения, складывающегося из глагола-связки и причастия прошедшего времени (*был знавший, был шедший* и т. д.)⁶. По всей видимости, конструкция «*быти* в пр. вр. + *-л-форма*» могла функционировать не только как форма плюсквамперфекта, но и как свободное синтаксическое сочетание.

2.2. Сочетания «*быти* в пр. вр. + *-л-форма*» для обозначения продолжительного действия

Анализируемым сочетанием может обозначаться действие, которое отличается от действий, выраженных соседними формами аористов, большей продолжительностью (т. е. такой характер действия, для выражения которого обычно используются имперфектные или причастные формы):

- (5) ЛЛ ПВЛ л. 48 об. (Ярослав стоит на берегу озера напротив Святополка. Князья не решаются друг на друга напасть. Дружина убеждает Ярослава, что завтра утром надо переехать) *бѣ бо оуже в заморозъ. Стополкъ стояше межи двѣма wzерома. и всю ночь пилъ бѣ [РА пивъ] с дружиною своєю. Ярослав же заоутра исполъивъ дружину свою противу свѣту перевезеса. и высѣдъ на брегъ.*

Действие *пилъ бѣ* одновременно действию *стояше*, выраженному имперфектом, поэтому значения предшествования здесь нет.

---

⁶ Может возникнуть вопрос, почему в качестве параллели выбран тохарский язык, а не, например, греческий, тем более что сопоставление древнерусских переводов с греческим оригиналом часто помогает уточнить особенности тех или иных форм. Однако форма плюсквамперфекта в греческом принципиально отличается от древнерусского и тохарского. Она является не аналитической, состоящей из вспомогательного и смыслового глагола, а синтетической (φεύω — ἐτεφεύειν). В статье рассматриваются аналитические сочетания, являющиеся, прежде всего, грамматическими формами плюсквамперфекта.

О результативности также вряд ли уместно говорить, так как тот факт, что Святослав всю ночь пил со своей дружиной, никак не влияет на ход дальнейших событий (о результирующем состоянии можно было бы говорить, если бы в итоге, например, дружина Святослава была побеждена из-за того, что воины оказались пьяны). Таким образом, сочетание *пилъ бѣ* просто обозначает действие как факт, подчеркивая его продолжительность и не выражая при этом ни одного из присущих плюсквамперфекту значений. Показательно, что в разночтениях мы видим причастие прошедшего времени. Это служит подтверждением нашему предположению о том, что рассматриваемую конструкцию, как и в примерах из первой группы, нужно понимать как 'был пивший'.

- (6) СЛ л. 126 об. В лѣ(тѣ) .ѣ. ѿ. пѣ. Сѣдѣшема Ростиславичема. в княженѣи земля Ростовьскына. роздаѣала баста по городомъ посадничѣство Русьскы(мъ) дѣдыцимъ. вни же многу таготу людѣ(мъ) симъ створиша. продажами и вирами. а сама княза молада баста слушала боларъ. а боларе оучахуть ѣа на многое имѣнье.

В 1176 г. Ростиславичи правили в Ростовской земле и раздавали посадничества своим дружинникам. Сам контекст, а также глагол НСВ *роздаѣати* указывают на то, что в данном случае мы имеем дело с продолжительным, неоднократным действием. Таким образом, предшествования и результативности здесь нет. По всей видимости, рассматриваемое сочетание обозначает действие того же характера, что и имперфект *оучахуть*. Скорее всего, как и в предыдущем случае, *роздаѣала баста* следует понимать как 'были раздающие'.

2.3. Сочетания «быти в пр. вр. + -л-форма» в аористной функции

В следующих примерах анализируемое сочетание участвует в передаче последовательных событий, обозначая действие, по своему характеру аналогичное соседним действиям, выраженным формами аориста:

- (7) НПЛ ст. л. 148 об. — 149 И быша новгородци печални; а Ярославъ нача полкы копити на Новъгородъ, и бѣ послалъ къ цесарю татарьску Ративора, помочи прося на Новъгородъ. И се учювъ князь Василии Ярославич, присла послы в Новъгород, река тако:... — действия

нача и *въ послалъ* произошли либо одновременно, либо последовательно.

При этом они функционально равнозначны: князь начал собирать полки и послал за помощью. Действие *въ послалъ* не отличается от *нача* ни ретроспективностью, ни результативностью.

- (8) СЛ л. 111 об. *высѣ* съча крѣпка. и ту оубиша Володимера Дѣдовича. добраго и кроткаго князя. Черниговскаго. Изаслава же Мстиславича ѡзвѣиша в рѣку. и свергли и бахуть с коня. и хотѣша и оубити свои пѣшци. не знаютъ его. но сна с себе шело(м) и познаша и.

Данный контекст рассматривается М. Н. Шевелевой: здесь мы имеем дело с «цепью последовательно сменяющих друг друга действий в рамках одного эпизода»; «не исключено, что *бахуть* здесь употребляется как эквивалент русского вспомогательного *были* в роли показателя дистанцированности от момента речи (времени повествователя), возможно, в сочетании с подчеркиванием реальности существования данного факта в прошлом» [Шевелева 2007: 240]. Однако данное объяснение не кажется убедительным: действие *свергли бахуть* в плане дистанцированности от времени повествователя ничем не отличается от действий, выраженных соседними аористами *озвѣиша*, *хотѣша* и *познаша*.

- (9) ИЛ ВЛ л. 262 а Кондратъ повѣже до Лаховъ черезъ ночь. и топила башеть. ѿ вои его во Вепрю множество.

Тот факт, что многие люди Кондрата утонули в реке, является следствием того, что он отправился в путь ночью.

- (10) СЛ л. 132 а наши погнаша съкуще поганыхъ Бохмиты. и привѣгше к Волзѣ въскакаша въ оучаны. и ту авье впровергоша оучаны. и тако истопоша боле тысячи ихъ. Бѣжимъ гнѣвомъ гоними и стѣю Бѣю. и Всеволода князя мѣтвою. князь же Всеволодъ стѣявъ иколо города І. дни. Видѣвъ брата изнамагующа. и Болгаре выслалиса баху к нему с миромъ. поиде впать къ исадомъ.

В данном случае мы опять имеем дело с последовательностью событий: князь осаждал город 10 дней, после чего болгары решили заключить с ним мир.

- (11) НПЛ мл. л. 114 Того же лѣта, на зиму, ходи архиепископъ новгородѹжкыи Илья ко Андрѣви, въ Володимиръ, ходилъ бяше на всю правду.

Данный контекст несколько отличается от предыдущих, т. к. форма *ходилъ бяше (на всю правду)* не служит для передачи следующего действия в нарративной цепи, а уточняет сообщение о том, что архиепископ ездил во Владимир, для которого используется форма аориста (*ходи*). Однако, как и в вышерассмотренных примерах, если анализируемое сочетание интерпретировать как плюсквамперфект, то его употребление оказывается абсолютно немотивированным.

Таким образом, в данной группе, как и в предыдущих двух, появление сочетания «*быти* в пр. вр. + *-л-форма*» не может быть объяснено ни одним из плюсквамперфектных значений. Прежде всего потому, что у него отсутствует обязательный семантический компонент плюсквамперфекта «предшествование в прошедшем»: рассматриваемое сочетание в проанализированных примерах участвует в обозначении действия основной нарративной цепи, непосредственно следующего за предыдущим и предшествующего следующему действию, выраженному формой аориста.

3. Конструкция «*быти* в пр.вр. + *-л-форма*» как свободное синтаксическое сочетание

Как было показано выше, конструкция «*быти* в пр. вр. + *-л-форма*» во всех приведенных примерах не может быть интерпретирована как форма плюсквамперфекта. На наш взгляд, появление данного сочетания в проанализированных контекстах может объясняться тем, что перед нами не грамматическая форма сложного прошедшего времени, а свободное синтаксическое сочетание бытийного глагола и причастия. Следовательно, значение, которое оно передает, складывается из его составляющих.

В 1-й и 2-й группах глагол *быти* соединяется с глаголами НСВ, с чем связано возникновение семантики фоновости и / или продолжительности действия.

В 3-й группе глагол *быти* сочетается с глаголами, выражающими однократное действие, чаще всего СВ, в результате чего рассматриваемая конструкция обозначает действие, близкое по характеру действиям, обозначенным аористой формой. Если

учесть потенциальную взаимозаменяемость аористных и причастных форм⁷, а также возможную синонимию *-л-*формы и причастия на *-ъи/-въи-* (см. [Скачедубова 2017]), то причастное употребление *-л-*формы в сочетании с бытийным глаголом в прошедшем времени в таком употреблении не должно казаться невероятным.

Если посмотреть на причастные образования в древнерусском, то окажется, что все они могли употребляться как в сочетании с глаголом *быти* (в наст. и пр. вр.), так и без него не только по отношению к настоящему, но и к прошедшему времени. Так, в летописном языке частотны примеры употребления действительного причастия настоящего времени + *быти* (наст. / пр. / буд. вр.), ср.: ЛЛ ПВЛ л. 61 об. И бѣ тогда держа Вышегородъ Юдинъ, а церквь Лазорь. посем же разидошася в своа си. Примеров опущения связи значительно меньше (подробнее см. [Потебня 1888/1958: 134–137]), однако они встречаются, например: ИЛ КЛ л. 108 об. Мьстиславъ же с Юрополкомъ. съ вои. хотаца ити на Всеволода про Юрослава. Всеволодъ же послася по Половци. С действительными причастиями прошедшего времени наблюдается обратная картина. Летописный текст изобилует их бессвязочным употреблением, однако есть примеры, где они встречаются со связкой и в настоящем, и в прошедшем, и в будущем времени, ср.: НПЛ ст. л. 144 наѣхаша пещеру непроходну, в ней же баше множество Юди влѣзше (подробнее см. [Потебня 1958: 138–139]). И со связкой, и без связки употребляются страдательные причастия как настоящего, так и прошедшего времени, ср.: ИЛ КЛ л. 108 об. башеть бо в тзи дни игуменъ сѣаго андрѣя. григорин. любимъ бо бѣ преже володимеромъ — ИЛ КЛ л. 239 об. и тако спратавше. тѣло его вса братья во волговичехъ племени с великою ч(с)тью. и с плачемъ великимъ и рыданиемъ. понеже бо во волговичехъ. всихъ оудалѣе рожаемъ и воспитаемъ (и) возрастомъ. и всею добротю. и множьственою доблестю. и любовь имѣаше ко всимъ (в данном случае пропущен глагол *быти* в прошедшем времени); ИЛ КЛ л. 109 об. Томъ же лѣтъ. престависа изаславъ. сѣополуиць м(с)ца декабра. въ гѣ а погребенъ въ(с) бѣ. днь В лѣто ꙗꙗ·х·л̄. — ИЛ КЛ л. 107 Ведена мьстиславна въ грѣкы за црь и митрополитъ никита приде

⁷ Как известно, считается, что причастие выражало второстепенное действие, а аорист — главное (см., например, [Потебня 1888/1958: 188–197]); однако этот критерий очень субъективен, с чем и связаны многочисленные замены по летописным спискам аорист / причастие и наоборот (см., например, [Попова 1999: 135–137; Колесов 1976]).

изъ грєкъ — последние два контекста аналогичны друг другу. В них сообщается дата, когда произошло событие. В обоих случаях действие выражается страдательным причастием прошедшего времени. Разница заключается в том, что в первом примере причастие употреблено с глаголом-связкой, а во втором — без него.

Вопрос, почему один тип причастий употреблялся с глаголом *быти* регулярно, а другой — крайне редко, остается открытым и требует отдельного изучения. Однако для нас важна сама возможность употребления причастия в аналогичных контекстах как со связкой, так и без нее. Именно потому, что каждое причастное образование потенциально могло использоваться в одних и тех же случаях и с бытийным глаголом, и без него, кажется логичным утверждать, что такая же способность была и у *-л-*формы. Если *-л-*форма могла употребляться самостоятельно как «обычное» причастие прошедшего времени (т. е. не в составе перфекта), логично сделать вывод о том, что такое же употребление было возможно и с бытийным глаголом в прошедшем времени. Таким образом, мы должны допустить, что наряду с формами плюсквамперфекта существовали свободные синтаксические сочетания, состоящие из глагола *быти* в прошедшем времени и *-л-*формы.

4. Выводы

Проанализировав рассмотренные выше примеры, можно сделать следующие выводы.

В ряде контекстов сочетание «*быти* в пр. вр. + *-л-*форма» не является грамматической формой плюсквамперфекта, т. к. его появление не может объясняться ни одним из приписываемых плюсквамперфекту значений. В приведенных примерах отсутствует обязательный семантический компонент «предшествование в прошедшем», а рассматриваемая конструкция обозначает либо 1) фоновое действие, либо 2) продолжительное действие, либо 3) действие, синонимичное по характеру соседним действиям, выраженным формами аориста.

Все эти значения могут объясняться тем, что мы имеем дело со свободным синтаксическим сочетанием глагола *быти* и *-л-*формы, функционирующей в качестве причастия. Таким образом, семантика анализируемой конструкции в рассмотренных контекстах складывается из ее составляющих.

Список сокращений

- ВЛ — Волынская летопись
ИЛ — Ипатьевская летопись
КЛ — Киевская летопись
ЛЛ — Лаврентьевская летопись
НПЛ ст. — Новгородская первая летопись старшего извода
НПЛ мл. — Новгородская первая летопись младшего извода
ПВЛ — Повесть временных лет
СЛ — Суздальская летопись

Литература

- Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.
- Жукова, Шевелева 2009 — Т. С. Жукова, М. Н. Шевелева. «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // М. Л. Ремнева, С. П. Князев (отв. ред.). Вопросы русского языкознания. Вып. 13. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: к 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 171–191.
- Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Истрина 1923 — Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи // С. Ольденбург (секр.). Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук 1919 г. Т. 24. Кн. 2. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1923. С. 1–172.
- Колесов 1976 — В. В. Колесов. Динамика форм прошедшего времени в древнерусских памятниках // В. В. Колесов (отв. ред.). История русского языка: Древнерусский период. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976. С. 74–93.
- Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Петрухин 2004 — П. В. Петрухин. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // *Russian Linguistics*. 2004. Vol. 28. Iss. 1. P. 73–107.
- Петрухин 2008 — П. В. Петрухин. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 213–240.

- Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // А. М. Молдован (отв. ред.). Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 193–214.
- Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Грамматические категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
- Попова 1999 — Т. Н. Попова. Формы прошедшего времени глагола в летописных текстах (на материале Новгородской I летописи младшего извода и Московского летописного свода конца XV века). Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999.
- Потебня 1888/1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958.
- Скачедубова 2017 — М. В. Скачедубова. К интерпретации случаев употребления *-л-* форм без связки (на материале Ипатьевской летописи) // *Slavistična revija*. 2017. Letn. 65. Št. 1. S. 115–125.
- Словарь книжников 1987 — Д. С. Лихачев (отв. ред.). Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987.
- Трубинский 1984 — В. И. Трубинский. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
- Фроянова 1970 — Т. И. Фроянова. Формы перфектной группы в памятниках новгородской письменности XII–XV веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970.
- Чернов 1961 — В. И. Чернов. Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянскими языками. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1961.
- Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2 (14). С. 214–252.
- Шевелева 2009 — М. Н. Шевелева. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке). *Русский язык в научном освещении*. 2009. № 2 (18). С. 144–174.
- Seržant 2016 — I. A. Seržant. Periphrastic perfect / resultative in Tocharian. // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. XII. Ч. 2. С. 237–288.

Источники

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

ПСРЛ, т. 1 — Полное собрание русских летописей. Т. I. Вып. 1–3. Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928.

ПСРЛ, т. 2 — Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М.: Издательство восточной литературы, 1962.

References

Chernov 1961 — V. I. Chernov. Plyuskvamperfekt v istorii russkogo yazyka sravnitelno s cheshskim i staroslavjanskimi yazykami. Avtoref. diss... kand. filol. nauk [Pluperfect in the history of Russian language in comparison with Czech and Old Church Slavonic. Author's abstract of a phil. cand. diss.]. Leningrad, 1961.

Froyanova 1970 — T. I. Froyanova. Formy perfektnoy gruppy v pamyatnikakh novgorodskoy pismennosti XII–XV vekov. Avtoref. dis... kand. filol. nauk [Forms of the perfect group in Novgorod 12th–15th centuries manuscripts. Author's abstract of a phil. cand. diss.]. Leningrad, 1970.

Gorshkova, Khaburgaev 1981 — K. V. Gorshkova, G. A. Khaburgaev. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of Russian]. Moscow: Vysshaya shkola, 1981.

Istrina 1923 — Ye. S. Istrina. Sintaksicheskie yavleniya Sinodalnogo spiska I Novgorodskoy letopisi. [Syntactic phenomena of the synodal copy of The First Novgorodian Chronicle]. S. Oldenburg (secr.). *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Rossiyskoy Akademii Nauk 1919 g.* T. 24. Kn. 2 [Proceedings of the Department of Russian language and literature of Russian Academy of Sciences for 1919. Vol. 24. Book 2]. Petrograd: Russian State Academic Publishing, 1923. P. 1–172.

Kolesov 1976 — V. V. Kolesov. Dinamika form proshedshego vremeni v drevnerusskikh pamyatnikakh [The evolution of past tense forms in Old Russian texts]. V. V. Kolesov (ed.). *Istoriya russkogo yazyka: Drevnerusskiy period* [Historical grammar of Russian: Old Russian period]. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1976. P. 74–93.

Kuznetsov 1959 — P. S. Kuznetsov. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka. [Essays of historical morphology of the Russian language]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publishing House, 1959.

Petrukhin 2004 — P. V. Petrukhin. Perfekt i plyuskvamperfekt v Novgorodskoy pervoy letopisi po Sinodalnomu spisku [Perfect and pluperfect in the Synodal copy of The First Novgorodian Chronicle]. *Russian Linguistics*. 2004. Vol. 28. Iss. 1. P. 73–107.

Petrukhin 2008 — P. V. Petrukhin. Diskursivnye funktsii drevnerusskogo plyuskvamperfekta (na materiale Kievskoy i Galitsko-Volynskoy letopisey) [Discursive functions of the Old Russian pluperfect (a case study of the Kievan Chronicle and Galician-Volynian Chronicle)]. V. Yu. Gusev, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchieva (ed.). *Issledovaniya po teorii*

- grammatiki. Vyp. 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse* [Grammar theory researches. Vol. 4: Grammatical categories in the discourse]. Moscow: Gnozis, 2008. P. 213–240.
- Petrukhin, Sichinava 2006 — P. V. Petrukhin, D. V. Sichinava. «Russkiy pluskvamperfekt» v tipologicheskoy perspektive [«Russian pluperfect» in the typological perspective]. A. M. Moldovan (ed.). *Verenitsa liter: K 60-letiyu V. M. Zhivova* [A line of letters: On the 60th anniversary of V. M. Zhivov]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2006. P. 193–214.
- Plungian 2001 — V. A. Plungian. Antirezultativ: do i posle rezultata [Antire-sultative: before and after the result]. V. A. Plungian (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 1. Grammaticheskiye kategorii* [Grammar theory researches. Iss. 1. Grammatical categories]. Moscow: Russkie slovari, 2001. P. 50–88.
- Popova 1999 — T. N. Popova. Formy proshedshego vremeni glagola v letopisnykh tekstakh (na materiale Novgorodskoy I letopisi mladshogo izvoda i Moskovskogo letopisnogo svoda kontsa XV veka). Dis... kand. filol. nauk [Past tense verb forms in chronicles (a case study of the Novgorod First Chronicle of the younger recension and the Moscow Chronicle of the end of the 15th century). Phil. cand. diss.]. Kazan, 1999.
- Potebnya 1888/1958 — A. A. Potebnya. Iz zapisok po russkoy grammatike [From essays on Russian grammar]. Vol. I–II. Moscow: State Educational and Pedagogic Publishing of the Ministry of education of the RSFSR, 1958.
- Seržant 2016 — I. A. Seržant. Periphrastic perfect / resultative in Tocharian. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016. Vol. XII. Pt. 2. Iss. 7. P. 237–288.
- Sheveleva 2007 — M. N. Sheveleva. «Russkiy pluskvamperfekt» v drevnerusskikh pamyatnikakh i sovremennykh govorakh [«Russian pluperfect» in the Old Russian texts and modern dialects]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. No. 2 (14). P. 214–252.
- Sheveleva 2009 — M. N. Sheveleva. «Soglasovanie vremen» v yazyke drevnerusskikh letopisey (k voprosu o formirovanii otnositelnogo upotrebleniya vremen i kosvennoy rechi v russkom yazyke) [«Sequence of tenses» in the language of Old Russian chronicles (on formation of relative use of tenses and indirect speech in Russian)]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2009. No. 2 (18). P. 144–174.
- Skachedubova 2017 — M. V. Skachedubova. K interpretatsii sluchaev upotrebleniya -l- form bez svyazki (na materiale Ipatevskoy letopisi) [Towards interpretation of the use of -l-forms without auxiliary (based on the material of Hypatian Chronicle)]. *Slavistična revija*. 2017. Vol. 65. No. 1. P. 115–125.
- Slovar knizhnikov 1987 — D. S. Likhachev (ed.). Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. I (XI — pervaya polovina XIV v.) [A dictionary of scribes and booklore of the Ancient Rus. No. 1 (11th — first half of the 14th century)]. Leningrad: Nauka, 1987.

- Trubinskiy 1984 — V. I. Trubinskiy. Ocherki russkogo dialektного sintaksisa [An outline of the Russian dialectal syntax]. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1984.
- Zaliznyak 1995 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialect [Old Novgorod dialect]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kultury», 1995.
- Zhukova, Sheveleva 2010 — T. S. Zhukova, M. N. Sheveleva. «Novyy» plyuskvamperfekt v pamyatnikakh Yugo-Zapadnoy Rusi XV–XVI vv. i sovremennykh ukrainskikh govorakh v sravnenii s velikorusskimi [«New» pluperfect in the Southwestern Russian texts XV–XVI cc. and modern Ukrainian dialects in comparison with Russian]. M. L. Remneva, S. P. Knyazev (eds.). *Voprosy russkogo yazykoznaniiya. Vyp. 13. Fonetika i grammatika: nastoyashcheye, proshedsheye, budushcheye: k 50-letiyu nauchnoy deyatel'nosti S. K. Pozharitskoy*. [Questions of Russian linguistics. Iss. 13. Phonetics and grammar: present, past, future: on the 50th anniversary of S. K. Pozharitskaya's scientific work]. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2009. P. 171–191.

Sources

- NPL — Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov [The First Novgorodian Chronicle. Older and Younger recensions]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House, 1950.
- PSRL, t. 1 — Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. I. Vyp. 1–3. Lavrentevskaya letopis [Complete collection of Russian chronicles. Vol. I. Iss. 1–3: Hypatian Chronicle]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House, 1926–1928.
- PSRL, t. 2 — Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. II: Ipatevskaya letopis [Complete collection of Russian chronicles. Vol. II: Hypatian Chronicle]. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1962.

**4. Микродиахронические
изменения
в русской глагольной системе
(«малая диахрония»)**

**МИКРОДИАХРОНИЧЕСКИЕ СДВИГИ
В УПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ
И. С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ»)***

Я. Э. Ахапкина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
yakhapkina@hse.ru

Аннотация. В статье описаны случаи несовпадения нормы XIX века с современной в области употребления глагольных форм. На материале повести И. С. Тургенева «Ася» анализируются аспектуально-темпоральные и сочетаемостные особенности глаголов. Словоупотребление Тургенева рассматривается на фоне данных Национального корпуса русского языка и с учетом результатов опроса лицеистов-старшеклассников. Обосновывается разработка корпуса русского языка XIX века, который позволит отслеживать микродиакронические изменения в словоупотреблении.

Ключевые слова: аспектуально-темпоральная семантика, глагольная сочетаемость, традиционная речевая норма, современный узус.

Microdiamonic shifts in the use of verbal lexicon (on the material of Ivan Turgenev's novel 'Asya')

Ya. E. Akhapkina

National Research University 'Higher School of Economics', Moscow
yakhapkina@hse.ru

Abstract. The article describes cases of discordance between the 19th-century and modern norms of verb-form use in Russian.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах»).

Aspectual-temporal and collocational properties of verbs found in Turgenev's short novel "Asya" are compared against data from the Russian National Corpus and from a survey held among high school students. The paper substantiates a need for developing a corpus of the 19th century Russian as an instrument to follow micro-diachronic word-use changes across the two centuries. The study continues efforts to create, mark, and analyze a collection of corpora of unconventional Russian speech. Its findings show that the established differences between the old and the new norms would make it difficult for an uninformed present-day reader to understand old texts. This study is a part of research aimed to find out the degree of readability/understandability of old text sources for modern readers. The paper demonstrates constructions and word-forms that modern students usually fail to recognize and thus misinterpret texts. The paper describes cases of misunderstanding when modern readers confront words like *lyubopytnyy* 'curious', *zamechatelnyy* 'remarkable, excellent' used in their old meanings (*zamechatelnye pamyatniki* 'remarkable monuments', *zamechatelnye sobraniya* 'remarkable collections'), using additional data from "The History of Words" by V. V. Vinogradov. The paper comments on the semantic evolution of the verb pair *pryast* — *pryadat (ushami)* 'move one's ears', analyzes verb-dependent variations of nominal cases, discusses aspectual and temporal correlations of verbs within one utterance, and comments on the lexical and grammatical features of the Turgenev's text that have drawn the students' attention. Our questionnaire asked the consultants to translate an old phrase "from Russian into Russian" (i.e., to rewrite the phrase, replacing an old word or construction by a modern one with the same meaning). In the course of the exercise, the consultants tended to correct both peculiar features of the writer's own style involving indirect word use as irony or metaphors and common language phrases that have disappeared from active use by the 21st century. The results show that, in modern Russian, as a rule, more specific nominations cede place to more abstract ones.

Keywords: aspectual-temporal semantics, collocations of verbs, traditional speech norms, modern usage.

1. Постановка задачи

Тексты XIX века, как показало исследование Е. В. Рахилиной и соавторов, проведенное на материале одного из самых близких к современности по строю речи романов — романа М. Ю. Лермонтова

«Герой нашего времени», — содержат не менее 20% слов и конструкций, подвергшихся за истекшие с момента создания текста полтора столетия переосмыслению, видоизменению и функциональной трансформации, вплоть до вытеснения из активной речи [Рахилина и др. 2016а, б; 2017а, б]. Эти изменения затрагивают лексическую и грамматическую составляющие высказывания, проявляются в выборе слова и конструкции. Так, по наблюдениям исследователей, не характерны для современной речевой практики, включая и поэтически маркированные тексты, глагольные конструкции с префиксами и предлогами следующего вида: *нырнуть из-за X* (*нырнул из-за куста*; ср. современное *вынырнул из-за куста* при норм. *нырнул за куст*), *копыта оборвались с X* (*Задние его копыта оборвались с противоположного берега*; ср. современное *сорвались* при норм. *веревка оборвалась*), *подбавить X* (*Не хотите ли подбавить рому?* — в чай без рома, ср. современное *добавить* (ром к чистому чаю) при нормативном, хотя и разговорном, *подбавить*, если в напитке ром изначально присутствовал). Внимание к подобным явлениям микросинтаксиса¹ позволяет проследить, как меняется речевая практика и какие черты отличают язык позапрошлого столетия от языка современности.

Микродиахроническими называются «небольшие семантические сдвиги, изменения в лексике и словообразовании, управлении, порядке слов и проч., а также в слабо-композициональных и идиоматичных конструкциях разного рода» [Рахилина 2017а: 384], происходящие на протяжении сравнительно небольшого, по меркам истории языка, периода длиной в одно-два столетия.

¹ О явлении микросинтаксиса, требующего тонких инструментов лексико-грамматического анализа, и понимании термина см. лекцию Л. Л. Иомдина «Микросинтаксис русского языка» (электронный образовательный ресурс «Постнаука»), URL: <https://postnauka.ru/video/49441>: «В русском ... есть ... два синтаксиса. Это главный синтаксис, который описывает небольшое количество базовых синтаксических конструкций, например конструкции типа *подлежащее плюс сказуемое* либо *определение плюс существительное*: *красный мяч, большой дом* и т. д. Это базовые конструкции, их немного, но они описывают основную часть языка. И есть мелкие конструкции, которые описывают не базовую часть языка, а конкретную вещь. Но именно они являются наиболее сложными, а кроме того, они очень плохо описаны в традиционной лингвистике. Почему это происходит? Потому что они находятся на стыке словаря и грамматики. Грамматисты их, может быть, и упоминают, а у словарников не доходят руки до того, чтобы их подробно описать».

Материалом дальнейшего исследования послужил текст повести И. А. Тургенева «Ася». Информантам-старшеклассникам было предложено выявить слова и выражения, не входящие в практику активного употребления, и привести их аналоги, принадлежащие современному узусу. Часть расхождений относится к функционированию глагольных конструкций: *я вмешался в толпу* (ср. *смешался с толпой*); *женская фигура ... поместилась на уступе стены* (ср. *разместилась* с иным семантическим акцентом и *уселась*, отсутствующее в авторских вариантах и в авторитетных изданиях, включая отмеченные справочным аппаратом разночтения, но по недоразумению попавшее в электронные версии текста, см. текст в Национальном корпусе русского языка:

Каменистая тропинка вела к уцелевшим воротам. Мы уже подходили к ним, как вдруг впереди нас мелькнула женская фигура, быстро перебежала по груде обломков и уселась на уступе стены, прямо над пропастью. — А ведь это Ася! — воскликнул Гагин, — экая сумасшедшая! Мы вошли в ворота и очутились на небольшом дворике, до половины заросшем дикими яблонями и крапивой. [И. С. Тургенев. Ася (1858)]; мы уместились на лавочке; спросил еще кружку (ср. *попросил*).

В задачу исследования входят фиксация и комментирование некоторых расхождений классического текста с представлениями современного носителя о норме русского литературного языка и о современном речевом стандарте. Практическим выходом исследования становится размеченный в соответствии с выявленными расхождениями корпус классических текстов, позволяющий видеть общую картину малых изменений в лексической и грамматической структурах языка.

Такая постановка задачи базируется, с одной стороны, на традиционном представлении о том, что норма как опора литературного языка формируется на базе классических источников (художественных, публицистических, научных текстов авторитетных авторов), которые становятся основой кодификации. Такой норме, с учетом функциональных стилистических и регистровых особенностей, обучает школа, такая норма транслируется ориентированными на речевой стандарт средствами массовой информации в тех случаях, когда проблема нормы рефлексирована изданием или медийным ресурсом иного типа, такая норма ложится в основу употребления языковых средств в тех случаях, когда язык функционирует

в качестве государственного. С другой стороны, стандартизованный вариант речи меняется со временем, и сдвиг допустимых употреблений осознается говорящим: устарелость, архаичность, книжность слова или конструкции опознается при чтении. При этом в сознании носителя языка, завершающего обучение в школе, естественным образом формируется представление о норме, своего рода стереотип, источниками которого становятся не только (и даже не столько) авторитетные литературные тексты, включая современные, сколько речевая среда, синтезирующая жанры и регистры, часто выходящие за пределы собственно литературного языка. Таким образом, стереотипное представление о речевом стандарте в целом может быть демократичнее кодификаторов, хотя в отдельных случаях, напротив, способно включать более категоричные запреты, чем того требует рекомендательная норма.

2. Семантические сдвиги в диахронии

Семантический сдвиг характеризуется, в частности, вытеснением из активного употребления в речи носителей языка отдельных значений многозначного слова. Так, зафиксированное в качестве второго значения прилагательных *любопытный* и *замечательный* толкование 'достойный внимания, интересный, примечательный' [МАС] не вполне характерно для живой речи и слабо опознается молодым читателем (в опросе принимали участие 47 московских лицеистов-старшеклассников, среди предложенных ими толкований указанных прилагательных встретились 'красивый, популярный'). Для интерпретации предлагался фрагмент повести И. С. Тургенева «Ася», задание формулировалось так: *Отметьте, пожалуйста, слова и выражения, которые не встречаются Вам в современной речи. Подберите более привычные выражения с тем же смыслом.*

- (1) *Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидел любопытные памятники, замечательные собрания, один вид лон-лакея возбуждал во мне ощущение тоски и злобы...*
[И. С. Тургенев. Ася (1858)]

Комментируя пример (1), информанты высказывали удивление: *когда вообще говорили, что памятники могут быть любопытные???* Компенсации дефицита пассивного словаря, демонстрируемого этим комментарием, служит электронный ресурс «Корпус XIX

века» URL: http://www.web-corpora.net/19thcentury/, фиксирующий несовпадения употреблений речевых единиц в текстах ушедшей эпохи и современного дискурса.

В. В. Виноградов в этюде, посвященном прилагательному *замечательный* [Виноградов 1999 (конец 1930-х гг.)], отмечает, что современное экспрессивно-оценочное употребление ‘необыкновенный’ и ‘превосходный’, зафиксированное в словаре Д. Н. Ушакова, наследует серии более ранних, демонстрирующих последовательные семантические смещения. Диапазон смещений следующий: от этимологического состава глагольной пары *замечать* — *замечать* ‘ставить мету’ к ‘поставить на вид’, ‘обратить внимание’, затем — ‘выделить’ и ‘распознать’, откуда у производного *замечательный* появляется значение ‘внимательный, наблюдательный’ и субъективно-оценочное пассивное ‘заслуживающий внимания’.

Архаизация значения полисеманта легко проверяется. Обращенная к информантам (студентам-филологам и лицеистам) просьба восстановить пропуск в примере (2) привела к перечислению ряда глаголов, фиксируемых и в Национальном корпусе русского языка в аналогичных контекстах, но не к реконструкции источника.

- (2) *На улице, перед низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане Л. не хотели пропустить случая поглазеть на заезжих гостей. Я тоже ... толп... зрителей* (‘присоединившись, стал частью толпы, затерялся в ней’). *Мне было весело смотреть на лица студентов...* [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

Так, в толпу можно *попасть, проникнуть, войти, пойти, шагнуть, побежать, вступить, прыгнуть, нырнуть, скользнуть, юркнуть, шмыгнуть, погрузиться, влиться, влететь, полезть, направиться, устремиться, ринуться, кинуться, броситься, ворваться, протиснуться, втиснуться, втесниться, затесаться, втереться*. С толпой можно *слиться, соединиться, смешаться*. Выявленные глаголы в разной мере демонстрируют акцентирование способа проникновения лица в группу лиц, интенсивности этого действия, преодолеваемых сложностей (тесноты, скученности), намерения (скрыться), меры соединенности с толпой и под. Паронимичный варианту источника глагол *смешаться* в современной речи склонен к употреблению в контексте 3 л. мн. ч. субъекта действия, хотя в истории языка допускал употребление с 1 л. ед. ч.

Употребленный И. С. Тургеневым глагол *вмешаться* <в толпу> информантами не назывался. Его вытеснение из активной речевой практики отражено в группе словарей [Ушаков 1935–1940; Евгеньева 1970; Ожегов 1986 (1949); Александрова 1986 (1968); Абрамов 1999 (1900, 1915); Апресян 2014], но не нашло отражения в альтернативной лексикографической ветви, восходящей к МАС [Кузнецов 1998; Бабенко 1999; Ефремова 2000; Ожегов, Шведова 2010]. НКРЯ фиксирует 26 употреблений выражения, в частности Ф. М. Достоевским, А. К. Толстым, Д. Н. Маминым-Сибиряком, В. В. Вересаевым, Л. Н. Андреевым.

В ходе исследования обнаружена немотивированная правка, осовременивающая пример (3).

- (3) ...мелькнула женская фигура, быстро перебежала по груде обломков и **поместилась** на уступе стены, прямо над пропастью. [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

Источники [Тургенев 1858; 1978; 1980а, б] не фиксируют замены глагола *поместиться* глаголом *усесться*, не встречается и не комментируется эта замена в указанных разночтениях автографов, однако последний вариант транслируется в электронных публикациях повести, включая версию НКРЯ.

Семантическому сдвигу подверглись употребления, среди которых обнаруживаются как признаваемые словарями архаизмы — пример (4) и авторские употребления, ср. *мертвенная тяжесть разрешилась в жгучее волнение*, так и полисеманты, в частности формирующие архаичные коллокации, переосмысленные за прошедшие с момента публикации источника 160 лет и создающие определенные сложности для молодого читателя, но не зафиксированные словарями: *уместиться на лавочке* (о человеке), *повернуть тайну*, *разбирала досада*, *переменить разговор* и под.

- (4) Дорога к развалине вилась по скату узкой лесистой долины; на дне ее бежал ручей и шумно **прядал** через камни, как бы торопясь слиться с великой рекой, спокойно сиявшей за темной гранью круто рассеченных горных гребней. [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

Глагол *прядать* (несовершенный вид к *прянуть*) сохранился в составе фразеологизма *прядать ушами* ‘двигать, поводить’, вариант — *прясть ушами* [МАС] (вопреки мнению школьника 1950-х,

пуристически настаивающего на форме *воспрянул* из-за незнакомства с омонимичной парой *прясть шерсть* — *прясть ушами*, см. пример (5)). Значение ‘прыгать, скакать, падая, отскакивать, метаться в сторону, шевелиться’, еще фиксируемое с пометами *устаревшее* и *областное* в [Ушаков 1935–1940], из обихода вытеснено. Согласно данным Национального корпуса русского языка, в исходном значении глагол употребляется до середины XX века (в этот период еще *прядают* — всем телом, корпусом — не только *кони*, но и *рыбы, собаки, вороны, корабли*), заметно редая уже в первой половине столетия и уступая место фразеологизованному употреблению *прядать ушами*. Косвенным образом осознание первичного значения носителем из интеллигентной семьи в середине XX века поддерживается воспоминанием:

- (5) «*Воспрял духом*» — *в первый раз я услышал это на уроке истории в 1950 г. и был покороблен: ведь «прянуть» — от «прядать», а не «прясть».* [М. Л. Гаспаров. Записи и выписки (2001)]

Восполнить пробел, связанный с неполной ясностью для современного читателя словоупотребления в классических текстах, призван электронный ресурс «Корпус XIX века», снабженный системой помет, отражающих тип грамматической трансформации конструкции и семантического сдвига лексемы. Материалы корпуса могут служить основой для словаря вытесненных из активной речевой практики значений полисемантов.

Несовпадение классического и современного понимания, в частности, глагольного словоупотребления связано с трактовкой грамматической семантики, как семантики морфем, так и семантики конструкций (глагола и его зависимых). В примере (6) конкурируют конкретно-процессное (ср. соотносительное по виду и уместное в контексте примера (6) *заговорила* — в конкретно-фактическом значении совершенного вида), неограниченно-кратное и обобщенно-фактическое значения словоформы глагола несовершенного вида:

- (6) *Сначала она дичилась меня; но Гагин сказал ей: — Ася, полно ежиться! он не кусается. Она улыбнулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной.* [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

Отметим, что глагол *заговаривать* претерпел и более ранние изменения в истории языка. В значении ‘вступать в разговор’,

‘начинать говорить’ он сменил управление. В XVIII веке нормативно ушедшее сейчас управление *заговаривать кому о чем*, современная норма закрепила другой, тоже существовавший в XVIII веке вариант: *заговаривать с кем о чем*.

При употреблении в наиболее спорном для рассматриваемого контекста конкретно-процессном значении (на первый взгляд, недопустимом для *-ва*-глагола, претендующего на реализацию семантики многократности) передается идея единичного действия, ср. сходную аспектуально-темпоральную семантику первичных и вторичных глаголов несовершенного вида:

(7а) *Спустя минуту уже бежала ко мне, пела для меня, глядела мне в глаза².*

(7б) *Спустя минуту уже забегала ко мне, запевала для меня, заглядывала мне в глаза.*

В этой трактовке высказывание читается как ‘уже сама обращалась ко мне’, ‘сама заводила беседу’, что может быть интерпретировано не только как повторяемое, но и как однократное действие с акцентом на его протяженности, и такое употребление для современного узуса не вполне характерно, архаично. Однако в прошедшие эпохи оно реализовывалось:

(8) *Балашовъ увѣдомлялъ меня, что онъ по желанью моему заговаривалъ о семь однажды, но государь промолчалъ. [А. С. Шишков. Письма жене (1813–1814)]*

(9) *Я сам впервые вижу такого! — воскликнул, смеясь, Балдай. Он заговаривал теперь с возжаком точно так же, как заговаривал в Андреевском во время обедни с Верстаном. [Д. В. Григорович. Переселенцы (1855–1856)]*

Лексические маркеры временной локализованности *однажды* и *теперь* снимают возможность прочтения примеров (8–9) в обобщенно-фактическом значении, для которого «оказывается несущественным, является ли действие единичным или повторяющимся, длительным или кратным» [Бондарко 1971: 28].

Неограниченная кратность предполагает поддержку в контексте, например при помощи лексических маркеров повторяемости:

² Без атрибуции в скобках даны сконструированные примеры.

(10) *Я несколько раз заговаривал с ней об ее жизни в России, о ее прошлом: она неохотно отвечала на мои расспросы; я узнал, однако, что до отъезда за границу она долго жила в деревне.* [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

(11) *В течение дня он не раз заговаривал со мною, услуживал мне без раболепства, но за барином наблюдал, как за ребенком.* [И. С. Тургенев. Хорь и Калиныч (1847)]

(12) *Волынцев сидел, по обыкновению, возле нее и время от времени принужденно заговаривал с нею.* [И. С. Тургенев. Рудин (1856)]

Значение неограниченной кратности может быть поддержано множественным адресатом (регулироваться числом участников ситуации):

(13) *В этот день ему даже показалось, что как будто все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе. Он даже сам заговаривал с ними, и ему отвечали ласково. Он припомнил теперь это, но ведь так и должно было быть: разве не должно теперь все измениться?* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

(14) *Глуп, скажу я вам, один, как пара купеческих лошадей, а изволили бы вы поглядеть, как снисходительно он с нашим братом заговаривает, как великодушно изволит улыбаться на любезности наших голодных матушек и дочек!* [И. С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда (1849)]

В отсутствие такой поддержки маркером кратности остается суффикс *-ва-*, успешно реализующий и значение протяженности однократного действия, что обуславливает полисемичность аспектуально-темпоральной трактовки словоформы в контексте.

Обобщенно-фактическое значение ярко проявляется в контексте отрицания:

(15) *«Ну, — думаю я, — лучше не стану я с ним заговаривать: вишь, он сегодня что-то того, нездоров, должно быть».* [И. С. Тургенев. Три встречи (1852)]

Однако может быть реализовано и в отсутствие негации, без акцентирования длительности процесса, при «общем указании на самый факт наличия ... действия» [Бондарко 1971: 28]:

- (16) *Заметил я, во время отлучки твоей, что Гориславская не равнодушна к офицеру; старая барыня смотрит на это ласково и уж до тебя **заговаривала** мне, хоть на попятную.* [И. И. Лажечников. Вся беда от стыда (1858)]

Таким образом, сама множественность аспектуально-темпоральной трактовки ранжирует интерпретации употребления от более архаичных (конкретно-процессной и отчасти общефактической в отсутствие негации) к более актуальным в современном восприятии (неограниченно-кратной).

Противоположная диахроническая мена аспектуальных показателей наблюдается в контексте с показателем *когда* в случае представления многократного действия (конкурируют неограниченно-кратное значение несовершенного вида и наглядно-примерное совершенного):

- (17) *Гагин находился в том особенном состоянии художнического жара и ярости, которое, в виде припадка, внезапно **овладевает дилетантами**, когда они вообразят, что им удалось, как они выражаются, «поймать природу за хвост».* [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

В современном узусе предпочтителен несовершенный вид и настоящее время: *когда они вообразают* (хотя совершенный возможен: *Мужчина **вообразит** что хочет — целый мир — и делает с ним в воображении что хочет... манипулирует... — В воображении-то ты все можешь, — сказала она. — Я и говорю...* [Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)]). Ср. **пронесутся, *попадет* в примерах (18–19), которые изменили бы модальную семантику высказывания:

- (18) *Самому **не нравится**, когда машины проносятся близко.* [коллективный. АВТОтема (всё про автомобили) (2015.03.25)]
- (19) *В фэнтези нередко **изображается ситуация**, когда художник **попадает** в пространство своего творения.* [Иеромонах Димитрий (Першин). Волшебные миры в пространстве Евангелия (2015.08.26)]

Однако жесткого запрета в других контекстах может не быть, совершенный вид допустим, причем не только в отношении

действий в прошлом, но даже в футуральном плане, хотя и носит оттенок архаичности. Современная норма в этом случае отдает предпочтение союзу *если*.

Для прошедших эпох совершенный вид вполне типичен:

- (20) *Когда человекъ вспомнить, что видѣлъ работу несовершенну, то оная ему въ то время не будетъ нравиться, какъ поспѣть* [С. С. Волчков. Придворной человекъ [перевод книги Грациана с французского] (1742)]

Другим примером переосмысления аспектуально-темпоральных особенностей употребления становится глагол *обратиться* (ср. также *обратить взгляд, взор, глаза*). В значении ‘повернуться’, ‘устремиться’ сочетаемость с лексическим показателем длительности для него нетипична:

- (21) *Медленно обратились ко мне ее темные глаза.* [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

Так, в Национальном корпусе русского языка фиксируются только 3 примера такой сочетаемости в прозе И. С. Тургенева, один — в современной прозе, а выдача поискового механизма дает всего 16 примеров из современного интернет-узуса, преимущественно из стилизованного под классическую прозу.

- (22) *... под влиянием его упорного взора глаза ее, устремленные на сцену, медленно обратились и остановились на нем...* [И. С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859)]
- (23) — *И я, — прибавила Марианна, показавшись на пороге двери. Соломин медленно обратился к ней. — Я бы вам не советовал, Марианна.* [И. С. Тургенев. Новь (1877)]
- (24) *Светлые глаза капитана медленно обратились к нему, и лейтенант вдруг вспомнил о слухах, ходивших про Верзилу, будто он берсерк и иногда превращается в медведя.* [Елена Хаецкая. Хальдор из светлого города (1997)]

Соответственно, эта сочетаемость не сохранила актуальности. Как правило, с глаголом *обратить(ся)* сочетается противоположный длительности семантический маркер: *поспешно, быстро, не-медленно, мгновенно, стремительно, скоро*. Эта сохранившая актуальность сочетаемость фиксируется и в XIX веке:

- (25) *Взоры всех мгновенно обратились на боярина Иоанна.*
[Н. А. Полевой. Клятва при гробе Господнем (1832)]

Третью иллюстрацию переосмысления глагольной семантики представляет собой выражение *вызвать улыбку на* + *Вин. пад.* Для современного узуса типично в этом речевом обороте управление предложным падежом *на губах, устах, лице* (современный поисковый механизм Google предлагает 437 употреблений предложного падежа, из них 89 «на губах», 138 «на устах», 210 «на лице» при редких употреблениях винительного, чаще в классических текстах: 2 «на губы», 13 «на уста», 17 «на лицо»). Однако предложному управлению предшествовало управление винительным:

- (26) — *Вы сегодня не такая, как вчера, — заметил я после тщетных усилий вызвать улыбку на ее губы.* [И. С. Тургенев. Ася (1858)]
- (27) *Это воспоминание вызвало улыбку на личико Сони и смягчило ее.* [Максим Горький. Свадьба (1896)]
- (28) *«Кто осушил слезы на лице ребенка и вызвал улыбку на его уста, тот в сердце милостивого Будды достойнее человека, построившего самый величественный храм».* [А. И. Куприн. По заказу (1901)]

В современном узусе встречаются единичные аналоги с другим контекстным окружением:

- (29) *Внимание, вопрос: какие процессы (воздействие каким полем) могут вызвать испарину на пробирки с водой?* [Научно-технический форум, 9.02.2009]

Современная конструкция *вызвать улыбку на губах* с предложным падежом сопоставима с аналогами *вызвать огоньки в глазах, складки на лбу*. В современной речи *вызывают усмешку, гримасу, морщины, испарину, искорки на/в + предл.* Такое управление не следует буквальному — каузации пациенса или адресата, предполагающей управление винительным падежом:

- (30) *Потом он вызвал желающих на сцену и стал их гипнотизировать.* [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010]

Ср. употребление с предложным падежом на первом шаге удаления от буквального прочтения глагола при внутреннем объекте

(и имплицитном носителе эмоции) в результате метонимического переноса: **вызвать недоумение на сцене, в зале:**

- (31) *Эта сентенция **вызвала смех на скамьях** левых.* [Неизвестный. Забастовка журналистов в Германии (1908.03.21) // «Русское слово», 1908]

Для передачи семантики места / направления и цели употребляется винительный, а не предложный падеж: *вызвать (пригласить, направить кого куда) — врача на дом, подчиненного на ковер, полк на площадку, кухарку на лестницу, инспектора на мостик, огонь на себя.*

Для передачи семантики места и результата — предложный, а не винительный:

- (32) *Стрельба **вызвала панику на асфальте во дворе.*** [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)]

Ср. *вызвать (породить, стимулировать что где) — царапину на эмали, пожар на аэродроме, лавину на леднике, эпидемию на территории противника, полемику на страницах журналов, протест на улицах, одобрение на Западе, ажиотаж на рынке.*

Речение *вызвать улыбку на лицо* с семантикой цели и винительным падежом управляемого компонента сопоставимо с буквальным употреблением: *вызвать желающих на сцену, мастера на дачу, людей на площадь* (вызвать¹, помимо директивной зависимой, в современном узусе управляет словоформой, выражающей семантическую роль пациенса или адресата), ср. однако в речи XIX–XX вв.:

- (33) *...Сто любопытных глаз ... **вызвали краску на нежные щеки** ее...* [М. Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская (1836–1837)]

- (34) *...**Что вызвало кровь на эти бледные, похудевшие щеки?** что облило страстью эти нежные черты лица?* [Ф. М. Достоевский. Белые ночи (1848)]

- (35) *...**Меня обуюло непостижимое малодушие, чуть не вызвавшее слезы на глаза**...* [Ю. В. Жадовская. В стороне от большого света (1857)]

- (36) *«**Все ли?**» — явился назойливый вопрос и **вызвал краску на побледневшее лицо** Пинегина.* [К. М. Станюкович. Женидьба Пинегина (1893–1903)]

- (37) *Последняя строка вызвала слезы на глаза* — слезы, как всё сегодня, как воздух, которым я дышала, были колючие. [Л. К. Чуковская. Спуск под воду (1949–1957)]

Речение *вызвать улыбку на лице* с семантикой результата и предложным падежом управляемого компонента сопоставимо с нематериальным осмыслением ситуации: *вызвать недоумение на сцене, дефицит на рынке, волнение на фестивале* (*вызвать*²; управляет внутренним объектом).

Во второй половине XX в. употребления с винительным исчезают. Сегодня они воспринимаются как ошибка.

Одна морфосинтаксическая валентность глагола может заполняться двумя ролями. К таким двойным ролям относятся, в частности, конечная точка и место: *повесить белье на веревку* — *повесить белье на веревке*.

«Сочетание с винительным падежом *на веревку* соответствует семантической роли КОНЕЧНОЙ ТОЧКИ, а сочетание с предложным падежом *на веревке* — роли МЕСТА, однако они заполняют одну и ту же — третью — валентность при глаголе *повесить*. Двойственность здесь заключается в том, что КОНЕЧНАЯ ТОЧКА и МЕСТО заполняют одну и ту же валентность и не могут выражаться одновременно. Однако при этом они сохраняют свое индивидуальное синтаксическое выражение и свою семантическую специфику» [Апресян 2017: 9].

Противопоставляя семантику директивного и локативного зависимых, В. Ю. Апресян указывает на предпочтительность предложного падежа при нецеленаправленном или произвольном перемещении, отмечает тяготение винительного к обозначению компактной поверхности и цели, а предложного — к передаче идеи объемного пространства и результата: *повесить на шею бусы* — *повесить объявление на рынке, выбросить на свалку* — *выбросить на свалке*. Фокусировка на процессе перемещения предполагает винительный, на локализации объекта — предложный: «Если реализуется роль КОНЕЧНОЙ ТОЧКИ (с винительным), фокус внимания чаще на том, что происходит с перемещаемым объектом; если реализуется роль МЕСТА (с предложным), фокус внимания чаще на том, что происходит с МЕСТОМ» [Апресян 2017: 18].

С этой точки зрения, устаревшее *вызвать улыбку на губы* предполагает фокусировку на целенаправленности действия,

подчеркивает его подконтрольность, намеренность, фиксирует внимание на самом процессе, а также на компактной поверхности, тогда как современное *вызвать улыбку на губах* допускает меньшую произвольность действия, включает фокусировку на локации и ставит акцент на восприятии результата.

Возможно, на закрепление варианта с предложным оказали влияние выражения *с улыбкой на губах / заиграла улыбка на губах, со слезами на глазах / выступили слезы на глазах*³.

3. Результаты опроса

Современная речь грамматически и лексически заметно отличается от дискурса позапрошлого века, как было показано в *Разделе 2*. Круг программного чтения школьника неизбежно складывается из частично герметичных для него текстов, понимание которых молодым читателем оказывается неполным или искаженным. С одной стороны, читатель выявляет в тексте конструкции и словоформы, потенциально ему понятные или с некоторой степенью вероятности понимаемые (дешифруемые) при помощи контекста, но не включенные в активный речевой запас. Эти элементы при сфокусированном чтении в случае необходимости переводятся на современный язык, им подыскивается аналог в активном словоупотреблении. С другой стороны, ряд слов и конструкций ускользает из поля зрения читателя, оставаясь непроясненными. В соответствии с поставленной задачей обнаружить расхождения между актуальной речевой практикой читателя и традиционным образцом был определен круг классических текстов, содержащих конструкции и словоформы, вытесняемые из активного употребления в современном узусе. В ходе эксперимента старшеклассникам 16–17 лет, обучающимся по программе гуманитарного направления (47 участников для части 1 и 37 для части 2), было предложено проанализировать фрагмент повести И. С. Тургенева «Ася», обратив внимание на слова и выражения, которые не характерны для современной русской речи в целом и для привычной информанту речи (его собственной и его ближайшего окружения) в частности. Этим речевым единицам было предложено найти эквивалент в актуальной речевой практике школьника⁴.

---

³ На конференции «Русский глагол» это соображение было высказано И. Б. Иткиным.

⁴ Благодарим за помощь в проведении опроса С. Ю. Жукову (Пужаеву).

Анализ ответов показал стремление к упрощению морфемной структуры источника и сопутствующей нейтрализации специфических черт идиостиля, воспринимаемого как архаичный (*прехрошенький — красивый, захождение солнца — закат, камня — камни, трехугольный — треугольный, говаривалось — говорилось, напросишься — попросишь, хлебца — хлеба, отправляться — ехать, просиживал долгие часы — проводил много времени*), замену книжных, специфически метафорических наименований и лексики терминологического характера общеупотребительными или более частотными единицами устного словаря, включая мену паронимов (*подошва холмов — подножье холмов, ощущение злости — злость, почел долгом — счел долгом, окончить — закончить*), упрощение семантической структуры номинации, включая случаи затемнения в современном узусе ясной читателю прежних эпох внутренней формы слова (*коварный — хитрый, исключительно одни люди — только люди, лон-лакей — слуга, уязвила — ранила / кинула / оскорбила, чрезвычайно — сильно, искал уединения — хотел быть один, хороша собой — красива, любопытные памятники — красивые, замечательные собрания — интересные*), снижение экспрессии и отказ от высокого слога (*возбуждал во мне ощущение — вызывал у меня чувство, тотчас — сразу, наблюдать кого — смотреть за кем, поражен в сердце — сильно поражен*).

Архаичными старшекласнику представляются не только традиционно трактуемые словарями как устаревшие номинации (*толковать — говорить, баширак — ботинок*), но и стилистически маркированные (признаваемые книжными) речевые единицы (*минувших — прошедших, пожертвовав мною — предпочтя мне*), утратившие распространение экспрессивы, требующие замены в активной речи экспрессивами актуальными (*сбиваюсь в сторону — ухожу от темы, забавляло наблюдать — любопытно / прикольнo наблюдать, признаться сказать — честно говоря*).

Для перевода «с русского на русский» характерны такие явления, как смена глаголов, тяготеющих к статусу легких, то есть неполнозначных, тяготеющих к статусу служебных (*предаться чему — побыть в чем, завестись — возникнуть*), замена партитива каноническим винительным объекта (*искать уединения — уединение*), местоименного сочетания — наречием (*не для чего — незачем*). Опознавались в качестве устаревших следующие конструкции: прямая переходность, уступившая место косвенной (*наблюдать*

людей — за людьми), генитивная структура, уступившая место предложно-падежной локативной (*рана сердца — на сердце*), замена множественного числа единственным числом (*речи — речь*), глагольно-именного сочетания — придаточным изъяснительным (*почел долгом — решил, что должен*), предложно-падежного — наречием (*жить без оглядки — беззаботно*), варьирование падежа управляемого компонента при глаголах движения (*бежали на парусах — шли под парусами*).

Правке подвергались как особенности идиостиля, связанные с непрямым словоупотреблением (иронические, метафорические), так и общеречевые номинации, вытесненные из узуса к XXI в. (как правило, более конкретное наименование уступает место более обобщенному, лишённому части сем и коннотаций, что естественно при попытке дать толкование единице пассивного словаря).

Остановимся на одном примере ответа информантов подробнее. Действительно, согласно НКРЯ, пик употребления эпитета *прехорошенький* (с усилительным префиксом и уменьшительным суффиксом) приходится на 1840-е годы, по окончании десятилетия наблюдается постепенный спад вплоть до почти полного исчезновения в современности. Зафиксировано 368 употреблений. В романтическом дискурсе *прехорошенькими* были юные девушки, мальчики и вообще дети, в речи девушек и сентиментальных юношей — предметы, причем используется деминутив в роли определяемого (*холстинка, домик, супирчик* ‘тонкий перстень’), животные (*лошади*), герои (*Александр Македонский*), в речи молодых людей — детали женского облика (*талия, глазки, зубки*). Вероятно, слово архаизируется вместе с исчезновением сентиментального и романтического типажа, чей речевой портрет его включает, сохраняясь преимущественно в повторе *хорошенький-прехорошенький*.

Модель *усилительный пре-* + *уменьшительный суффикс -еньк-* реализуется вне повтора, согласно НКРЯ, в лексеме *премиленький* (127 вхождений, пики в 1830–1840-х гг.), остальные употребления единичны (далее слова расположены в порядке встречаемости первого упоминания при сортировке по дате создания текста с указанием в скобках количества и даты последнего упоминания): *преподленький* (2, последнее употребление в 1860-х), *преизрядненький* (1, последний раз в 1843), *превеселенький* (3, 1912), *прекоротенький* (4, 2007), *премаленький* (8 употреблений вне конструкции повтора, последнее в 1929), *пресвеженький* (1,

1851), *преузенский* (3 вне повтора, 1887), *предобренький* (4, 1992), *прекрасивенький* (1, 1862), *премолоденький* (4, 1867), *преавенантенький* ('милый, приветливый', 2, 1909, цитируется употребление 1866), *престройенький* (1, 1869), *преглупенький* (2, 1882), *прехуленький* (1 вне повтора, 1880), *превостренький* (1, 1894), *преуменький* (5, 1992), *прехитренько* (1, 1922), *претоненький* (2 вне повтора, 1926), *препоганенький* (1, 1929), *препестренький* (1, 1948), *престрашенький* (1, 2004), *преспоконенько* (23 вхождения с 1971 по 2009 год).

Пик употребления в коллекции всех слов модели приходится на середину позапрошлого века, затем следует неуклонный спад. В современном дискурсе актуализировалось одно нетрадиционное для предшествующих эпох употребление: *преспоконенько*. Очевидно, часть коллекции *пре-еньк-*лексем семантизируется в русле интенсифицированной ласкательности, зоной влияния префикса в этом случае представляется положительная субъективная оценка, сообщаемая суффиксом или корнем и суффиксом (*премиленький*, *престройенький*). Другая часть — собственно деминутивная, префикс интенсифицирует малый размер, заданный параметрическим корнем и усиленный суффиксом (в этом случае семантика уменьшительности передается трижды: *преузенский*, *претоненький*; на периферии этой зоны количественные, но не параметрические лексемы возраста: *премолоденький*, *пресвеженький*). Более слабым вариантом оказывается деминутивное прочтение суффикса при непараметрическом корне, где суффикс этикетно смягчает категоричность отрицательной оценки, заданной корневой морфемой, а экспрессивный префикс гиперболизирует негативное отношение говорящего к объекту речи (*преподленький*, *препоганенький*). Наконец, выделяется внешне оксюморонное прочтение сочетания параметрического корня и уменьшительного суффикса (*преизряденький*), при котором префикс и корень аугментивны, а функция деминутивного суффикса состоит в маркировании отношения говорящего к ситуации (в частности, в интенцию входит снижение категоричности, этикетное принижение сообщения), конструировании коммуникации с учетом адресата и создании собственного речевого портрета.

«Корпус XIX века» позволяет не только выявить исторические тенденции, связанные с распространением в речи носителей языка или вытеснением из употребления слов и конструкций,

но и сформулировать вопросы о причинах микродиахронических сдвигов, потенциально связанных с влиянием иноязычных аналогий, расширением или сужением сочетаемости слова, его поли- или монореферентностью на разных этапах функционирования, правилами наполнения позиций в синтаксической модели и заполнения слотов в грамматической конструкции, изменением сценария глагола (в частности, сменой его транзитивного статуса с переходного на непереходный и наоборот), изменением позиции относительно описываемой реальности носителя состояния или оценки, наблюдателя, исполнителя действия.

В результате проведенного исследования обнаружены некоторые микродиахронические сдвиги в употреблении глагольных конструкций (в частности, управление в оборотах (а) *вмешаться в толпу* и (б) *вызвать улыбку на ее губы*; видо-временная характеристика глагольных форм в выражениях (в) *немного спустя уже сама заговаривала*, (г) *овладевает, когда они вообразят* и (д) *глаза медленно обратились*), связанные с аспектуальными и акционсартными (связанными со способами глагольного действия) характеристиками глагольной словоформы и ее сочетаемостью (ср. в опросе *напросишься и попросишь, говоривалось и говорилось, бежали на парусах и шли под парусами*), изменением в управлении глагола (ср. в опросе *наблюдать кого или за кем*), а также семантические сдвиги в употреблении глагола, прилагательного, предложно-именных сочетаний. Наблюдения основаны на анализе текста И. С. Тургенева, опросе школьников и проверке по коллекции Национального корпуса русского языка.

Литература

- Апресян 2017 — В. Ю. Апресян. Двойные семантические роли в исходных и переносных значениях многозначных глаголов // Вопросы языкознания. 2017. № 2. С. 7–32.
- Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971.
- Виноградов 1999 — В. В. Виноградов. История слов. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999.
- Рахилина и др. 2016а — Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян, М. А. Бородинна. «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX в. // Г. И. Кустова, А. А. Пичхадзе (отв. ред.). Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Тезисы докладов

- Международной научной конференции 30 мая — 1 июня 2016 г. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2016.
- Рахилина и др. 2016б — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, М. А. Бородинна. «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX в. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. Вып. 10. С. 242–255.
- Рахилина 2017а — Е. В. Рахилина. *Говорю я, Карл...* // В. П. Селегей (научн. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции «Диалог-2017». Вып. 16. Т. 2. М.: Издательский центр «Российский гос. гуманитарный ун-т», 2017. С. 384–392.
- Рахилина 2017б — Е. В. Рахилина. «Не хотите ли подбавить рому?»: о нестандартном Лермонтове (электронный документ). Доклад на научном семинаре школы лингвистики ФГН НИУ ВШЭ. 2017. URL: <https://ling.hse.ru/news/201379660.html> (дата обращения 24.12.2019).

Источники

- Абрамов 1999 — Н. Абрамов. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999.
- Александрова 1986 — З. Е. Александрова. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1986.
- Апресян 2014 — Ю. Д. Апресян (ред.). Активный словарь русского языка. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Бабенко 1999 — Л. Г. Бабенко (ред.). Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-Пресс, 1999.
- Евгеньева 1970 — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь синонимов русского языка. Т. 1. М.: Наука, 1970.
- Ефремова 2000 — Т. Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
- Кузнецов 1998 — С. А. Кузнецов (ред.) Большой толковый словарь. СПб.: Норинт, 1998.
- МАС 1985 — Словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1985.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка.
- Ожегов 1986 — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.
- Ожегов, Шведова 2010 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2010.
- Тургенев 1858 — И. С. Тургенев. Ася // Современник. 1858. Т. 67.
- Тургенев 1978 — И. С. Тургенев. Ася // Собрание сочинений. В 12 томах. Т. 6. М.: Худож. лит., 1978.

- Тургенев 1980а — И. С. Тургенев. Ася // Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Сочинения. В 12 томах. Т. 5. М.: Наука, 1980.
- Тургенев 1980б — И. С. Тургенев. Ася. М.: Детская литература, 1980.
- Ушаков 1935 — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1935.

References

- Apresyan 2017 — V. Yu. Apresyan. Dvoynye semanticheskie roli v iskhodnyh i perenosnyh znacheniyah mnogoznachnyh glagolov [Double semantic roles in the original and portable values of multivalued verbs]. *Voprosy yazykoznanija*. 2017. No. 2. P. 7–32.
- Bondarko 1971 — A. V. Bondarko. Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie) [Type and time of the Russian verb (meaning and use)]. Moscow: Prosveshchenie, 1971.
- Rahilina 2017a — E. V. Rahilina. *Govoru ya, Karl... [I say, Carl]*. V. P. Selegey (sc. ed.). *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii. Po materialam Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog-2017»*. Vyp. 16. T. 2 [Computer linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the International conference “Dialogue-2017”. Iss. 16. Vol. 2]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2017. P. 384–392.
- Rahilina 2017b — E. V. Rahilina. «Ne hotite li podbavit romu?»: o nestandardnom Lermontove. Doklad na nauchnom seminare shkoly lingvistiki FGN NIU VShE [“Do not you want to add rum?”: About non-standard Lermontov. Oral presentation at the scientific seminar of the school of linguistics, Faculty of Humanities HSE]. 2017. Available at: <https://ling.hse.ru/news/201379660.html> (accessed on 24.12.2019).
- Rahilina et al. 2016a — E. V. Rahilina, V. A. Plungian, M. A. Borodina. «Taman segodnya»: korpusnoe issledovanie russkogo yazyka XIX v. [“Taman Today”: case study of the nineteenth-century Russian language]. G. I. Kustova, A. A. Pichkhadze (eds.). *Grammaticheskie processy i sistemy v sinhronii i diahronii. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 30 maya — 1 iyunya 2016 [Grammatical processes and systems. The Book of abstracts of the International scientific conference 30 May — 1 June 2016]*. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 2016.
- Rahilina et al. 2016b — E. V. Rahilina, T. I. Reznikova, M. A. Borodina. «Taman segodnya»: korpusnoe issledovanie russkogo yazyka XIX v. [“Taman Today”: case study of the nineteenth-century Russian language]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2016. Iss. 10. P. 242–255.

Vinogradov 1999 — V. V. Vinogradov. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow: Vinogradov Institute of Russian language, 1999.

Sources

- Abramov 1999 — N. Abramov. *Slovar russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy* [The dictionary of Russian synonyms and expressions close to them in meaning]. Moscow: Russkie slovari, 1999.
- Aleksandrova 1986 — Z. E. Aleksandrova. *Slovar sinonimov russkogo yazyka* [The dictionary of synonyms of Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk, 1986.
- Apresyan 2014 — Yu. D. Apresyan (ed.). *Aktivnyi slovar russkogo yazyka* [The active dictionary of Russian language]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2014.
- Babenko 1999 — L. G. Babenko (ed.). *Tolkovyy slovar russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [The explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-Press, 1999.
- Efremova 2000 — T. F. Efremova. *Novyy slovar russkogo yazyka Tolkovo-slovoobrazovatelnyy* [The new dictionary of Russian language. Explanations and derivations]. Moscow: Russkiy yazyk, 2000.
- Evgenyeva 1970 — A. P. Evgenyeva (ed.). *Slovar sinonimov russkogo yazyka* [The dictionary of synonyms of Russian language]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1970.
- Kuznetsov 1998 — S. A. Kuznetsov (ed.) *Bolshoy tolkovyy slovar* [The big explanatory dictionary]. St. Petersburg.: Norint, 1998.
- MAS 1985 — *Slovar russkogo yazyka* [The dictionary of Russian language]. Vol. 1–4. Moscow: Russkiy yazyk, 1985.
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [The national corpus of Russian language].
- Ozhegov 1986 — S. I. Ozhegov. *Slovar russkogo yazyka* [The dictionary of Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk, 1986.
- Ozhegov, Shvedova 2010 — S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of Russian language]. Moscow: Oniks, 2010.
- Turgenev 1858 — I. S. Turgenev. *Asya* [Asya]. *Sovremennik*. 1858. No. 67.
- Turgenev 1978 — I. S. Turgenev. *Asya* [Asya]. *Sobranie sochineniy. V 12 tomakh* [Collection of works. In 12 volumes]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978.
- Turgenev 1980a — I. S. Turgenev. *Asya* [Asya]. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem. V 30 tomakh. Sochineniya. V 12 tomakh* [Complete works and

letters. In 30 volumes. Works. In 12 volumes]. Vol. 5. Moscow: Nauka, 1980.

Turgenev 1980b — I. S. Turgenev. *Asya* [Asya]. M.: Detskaya literatura, 1980.

Ushakov 1935 — D. N. Ushakov (ed.) *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of Russian language]. Vol. 1. Moscow: OGIz, 1935.

ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМУЛЫ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ХОЧЕШЬ, КАК ЗНАЕШЬ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

С. Ю. Жукова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
syupuhaeva@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается особый тип конструкций — дискурсивные формулы, представляющие собой законченные реплики — реакции говорящего на вербальный стимул. Главное отличие этих конструкций от традиционных заключается в том, что они не содержат переменных внутри самой единицы, опираясь на предшествующий и иногда последующий речевые акты таким образом, что слоты самой конструкции вынесены вовне. Эти конструкции очень частотны и динамичны, вследствие чего значимые изменения в их семантике и функционировании заметны уже на таком коротком периоде, как 200 лет. Изменения, происходящие в употреблении этих конструкций, позволяют зафиксировать этапы процесса прагматикализации. В центре внимания в статье оказываются на первый взгляд синонимичные формулы *как хочешь* и *как знаешь*, которые в действительности различаются вследствие разницы в семантике исходных глаголов. Были рассмотрены как словарные толкования данных ДФ, так и примеры их реального употребления по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ): 439 вхождений *как хочешь* и 140 примеров употребления *как знаешь* в качестве собственно ДФ; более 1500 контекстов, включающих в себя единицу *как хочешь* и более 700 примеров с элементом *как знаешь* в составе конструкций *как знаешь / как хочешь, так и Р*; *как знаешь / как хочешь, а Р*. В ходе анализа были выявлены двухчастный и трехчастный варианты ДФ как конструкций на дискурсивном уровне, дано описание семантической разницы ДФ с учетом предшествующего контекста. Кроме того, было проведено сопоставление ДФ *как знаешь* и *как хочешь* с их иноязычными эквивалентами. Переводные примеры были также взяты из НКРЯ, параллельного

подкорпуса, а именно английского и французского корпусов. Переводные варианты показательны в том смысле, что в противовес данным русско-английского фразеологического словаря отражают некомпозициональность данных ДФ. Динамика употребления ДФ и развернутых конструкций проиллюстрирована с помощью графиков относительной частотности употребления описываемых единиц по данным НКРЯ.

Ключевые слова: дискурсивные формулы, конструкция, переменные, семантика, диахрония, глагол, корпус.

Discourse formulae *kak hochesh* and *kak znaesh* in the diachronic aspect

S. Yu. Zhukova

National Research University Higher School of Economics, Moscow
syupuhaeva@gmail.com

Abstract. The article investigates specific constructions called discourse formulae functioning as complete replies or speakers' reactions to verbal stimuli. The main distinctive feature of these formulae that set them aside from traditional constructions is that they don't contain variables in their structure. They are based on the preceding and sometimes also on the subsequent speech act so that slots of the construction itself transcend its boundaries. As these constructions are very frequent and dynamic, significant changes in their meaning and function have taken place in a relatively short period of 200 years. These changes make it possible to determine stages in the pragmaticalization process. The article focuses on the discursive formulae *kak hochesh* 'as you like' and *kak znaesh* 'as you wish' which, although synonymous at first glance, differ because of the underlying verbs' meanings. We have analyzed both dictionary explications of these formulae and examples of their actual use from the Russian national corpus: 439 entries with *kak hochesh* and 140 examples with *kak znaesh* as actual discourse formulae; as well as over 1500 contexts with *kak hochesh* and over 700 examples with *kak znaesh* as parts of the constructions *kak znaesh / kak hochesh, tak i P* 'as you know / wish, so P' and *kak znaesh / kak hochesh, a P* 'as you know / wish, but P'. We have found two-part and three-part variants of the discourse formulae and described their semantic differences adjusted for the preceding

contexts. In addition, an analysis of English and French translations of these discourse formulae was undertaken, with data from the Russian National Corpus, its English and French parallel translation subcorpora also added. The latter demonstrated that these discourse formulae are non-composite, in contrast to the data of the Russian-English Phrase Dictionary. The paper also illustrates the dynamics of the use of discourse formulae and extended constructions with relative frequency diagrams based on data from the Russian National Corpus.

Keywords: discursive formulas, construction, variables, semantics, diachrony, verb, corpus.

1. К проблеме определения дискурсивных формул

Общий интерес к изучению дискурса и организующим его элементам заставляет обратить внимание на особые конструкции, которые представляют собой устойчивые, легко воспроизводимые единицы, используемые в процессе конкретного речевого акта для упрощения коммуникации — так называемые «дискурсивные формулы». Под дискурсивными формулами мы понимаем типовые высказывания, равные одной реплике, которые выступают маркерами реакций на определенные вербальные стимулы. С позиции русистики, дискурсивные формулы — разновидность коммуникативов, наиболее активно на данный момент разрабатываемых И. А. Шароновым [Шаронов 1996], хотя сам термин «коммуникатив» был введен еще в 1983 г. В. Ф. Киприяновым [Киприянов 1983]. В зарубежной традиции они восходят к термину *speech formulas*, предложенному Ч. Филлмором [Fillmore 1984], и соотносятся с тем, что в работах [Biber et al. 1999; Wray, 2002] называется *formulaic sequences*. В силу частотности [Bybee 2003; Bybee 2006], а также фиксированности интонационного контура [Schmitt, Carter 2004] многие из подобных единиц представляют собой результат грамматикализации или лексикализации [Lehmann 2002; Lehmann 2004; Hopper, Traugott 2003], а выполнение ими зачастую исключительно прагматических функций позволяет говорить также о процессе прагматикализации [Traugott 1995; Diewald 2011], которому также подвергаются эти конструкции. В связи с этим наиболее важной чертой таких дискурсивных единиц для нас оказывается некомпозициональность. Некомпозициональность в совокупности с фиксированностью

формы и интонационного оформления позволяет рассматривать дискурсивные формулы как особый вид конструкций¹ [Fillmore 1988, 1989; Fillmore, Kay 1992] — конструкций, не содержащих переменных и опирающихся на речевой акт в целом, — именно как отдельный тип конструкций эти единицы и представлены в Конструктиконе — базе данных, описывающей конструкции русского языка [Janda et al. 2018].

Поскольку до сих пор не существует единого списка дискурсивных формул русского языка, изучение этой группы единиц представляет собой определенную сложность. Исследования, проводимые сейчас, носят преимущественно «точечный» характер в силу того, что в них рассматривается функционирование конкретной ДФ внутри схожих элементов одного с ней семантического поля.

2. Материал исследования

Поскольку ДФ непосредственно связаны с речевым актом, естественной средой для них оказывается разговорная речь. Но анализ разговорной речи в настоящее время затруднителен ввиду отсутствия полных доступных ресурсов, с одной стороны, и нетривиальности обработки материала — с другой. В связи с этим на первом этапе изучение ДФ целесообразно проводить на материале драматургии, рассматривая пьесы разных эпох. Первоначально были вручную размечены 64 пьесы XIX–XX веков. В ходе разметки выделялись все реплики, подходящие под критерии определения ДФ.

Даже при беглом рассмотрении материала несложно заметить, что формулы с глагольным компонентом составляют отдельную группу, включающую в себя как устаревающие (*милости прошу*), так и новые ДФ (*ну перестань, да что ты говоришь* и др.) В качестве примера рассмотрим ДФ *как знаешь* и *как хочешь*, а также синтаксические конструкции, которые включают аналогичный глагольный компонент.

---

¹ Согласно Грамматике конструкций, «C is a CONSTRUCTION iffdef C is a form-meaning pair $\langle F_i, S_i \rangle$ such that some aspect of F_i or some aspect of S_i is not strictly predictable from C's component parts or from other previously established constructions» [Goldberg, 1995: 4], иными словами, конструкция — это «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова, 2010: 19].

Материалом для данного исследования послужили контексты, взятые из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В силу того, что в корпусе представлены тексты разных стилей и жанров, необходимо было накладывать особые ограничения на поиск ДФ: так, при поиске конкретной формулы задавались параметры «first» для первого слова и «слово перед любым знаком препинания» для последнего, что делало выборку менее полной, но более точной. При поиске конструкций с рассматриваемыми компонентами подобные ограничения не учитывались. В общей сложности было рассмотрено 439 вхождений ДФ *как хочешь* и 140 примеров употребления ДФ *как знаешь*. Такое количественное различие обусловлено разной частотностью рассматриваемых формул. При анализе развернутых конструкций было просмотрено более 1500 контекстов, включающих в себя единицу *как хочешь* и более 700 примеров с элементом *как знаешь*.

Переводные примеры были также взяты из НКРЯ, параллельного подкорпуса, а именно английского и французского корпусов. Так, в английском корпусе было рассмотрено для *как хочешь* 58, для *как знаешь* — 26 примеров, а во французском 11 и 4 контекстов соответственно.

3. Дискурсивные формулы *как знаешь* и *как хочешь*: словарная фиксация

Исследуя функционирование ДФ *как знаешь* и *как хочешь* в речи, следует помнить, что эти конструкции отражают семантику исходных глаголов, которые относятся к разным семантическим группам; так, глагол *хотеть* — модальный глагол [Шведова 1980], глагол воли [Падучева 2011], имеет значение «испытывать желание, охоту, ощущать потребность, необходимость в чем-либо» [Евгеньева 1999: 622]), предполагает наличие выбора. *Знать* — глагол со значением интеллектуального состояния [Шведова 1980], который следует отнести к предикатам «свойств», отражающим «признак, устойчивый в сверхдолгих интервалах времени» [Иванова 2009], глагол, «неспособный к актуальному употреблению» [Селиверстова 1982: 40]. Глаголы типа *знать, любить, ненавидеть* и т. д. описывают «соответствующие положения вещей как некую “данность” и (...) не могут употребляться в конкретно-процессном значении» [Селиверстова 1982: 41].

Интересен статус исследуемых формул с точки зрения фиксации в словарях. Так, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова [Ушаков 1940] можно найти толкование выражения *как хотите* или *как хочешь* со значениями (1) *'как вам или тебе угодно, нравится'* и (2) *'вводное слово'*. Употребляется при возражении на что-нибудь в значении *'а все-таки, несмотря ни на что, действительно'*. При этом выражение *как знаешь* не зафиксировано [Ушаков 1940]. Толкование выражения *как хочешь*, приводимое в словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, совпадает с толкованием из словаря Д. Н. Ушакова: (1) *'как вам (тебе) угодно'*; (2) *'вводный элемент', 'используемый при возражении: а все-таки, несмотря ни на что'*. Там же мы можем найти и значение выражения *как знаешь*: разговорное — *'как считаешь (считаете) нужным', 'решиай (решиайте) сам (сами)', 'дело твое (ваше)'* [Ожегов, Шведова 2006], иными словами, исследуемые ДФ не являются тождественными, но могут выступать как синонимичные, конструкция *как хочешь / хотите* оказывается нейтральной с точки зрения стилистической окраски, в то время как *как знаешь / знаете* снабжена пометой «разговорное».

Однако в Малом академическом словаре (МАС) толкование выражения *как знаешь* дается через конструкцию *как хочешь* без каких-либо пояснений, при этом значение *как хочешь*, фактически, остается неизменным: *'как тебе (вам) угодно'*. [Митя:] *Но, впрочем, судите, как хотите, я весь тут-с: я вашу дочку полюбил душою-с*. А. Островский, «Бедность не порок»; при возражении: *'а все-таки, тем не менее, несмотря ни на что'*. [Хлестаков:] *Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга*. Гоголь, «Ревизор» [Евгеньева 1999].

В Большом толковом словаре дублируется значение конструкции *как хочешь*, данное в МАС, при этом значение единицы *как знаешь / знаете* совпадает со значением, приведенном в словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой с пометами «в значении наречия», «разговорное»: *'как считаешь, считаете нужным'*; *'дело твое, ваше'*.

Тождественность данных конструкций вызывает сомнения и с точки зрения их толкования во Фразеологическом словаре русского языка [Федоров 2008]:

Как знаешь: Разг. Полагайся на себя, на своё усмотрение, разумение; Как угодно.

Как (ты) хочешь: Разг. Может быть, тебе неприятно; вопреки твоим желанием. Прост. Сам выходи из затруднительного положения.

Интересно, что только во фразеологическом словаре оба выражения оказываются уравненными по стилю, при этом ДФ *как знаешь* приписывается значение, которое толковые словари дают ДФ *как хочешь*, а толкование конструкции *как хочешь* становится более узким.

Таким образом, можно заметить, что конструкция *как хочешь* подверглась более ранней кодификации, значение ее оставалось почти неизменным, в то время как конструкция *как знаешь* попадает в словари гораздо позже, при этом значение этой единицы оказывается неопределенным, в разных словарях толкуется по-разному. Однако ни один из словарей не предлагает описание полного спектра возможных конструкций, словарные толкования во многом не учитывают возможные синтаксические виды употреблений.

4. *Как знаешь и как хочешь* в переводных текстах

В Русско-английском фразеологическом словаре С. И. Лубенской мы находим обе конструкции. Для обеих единиц отмечается фиксированность порядка слов, однако в одну словарную статью наряду с конструкцией *как знаешь* попадает также вариант с глаголом в форме 3 лица (*как знает*). Среди предлагаемых английских эквивалентов встречаются следующие: *do as you wish / please / like / choose; suit yourself, you know what's best* и другие.

Для *как хочешь* в словаре С. И. Лубенской предлагаются только формы единственного и множественного числа. Варианты перевода на английский язык: *do as you please / will / wish / like; any way you want; whatever you want* (не во всех контекстах).

Вместе с тем, переводные контексты показывают, что обе конструкции функционируют как некомпозиционные единицы:

- (1) *"I entreat you. The lad hesitated, and looked over at Lord Henry, who was watching them from the tea-table with an amused smile. "I must go, Basil," he answered. "Very well," said Hallward, and he went over and laid down his cup on the tray. [Oscar Wilde. The Picture of Dorian Gray (1890–1891)]*

— Умоляю вас! — Юноша в нерешимости посмотрел на лорда Генри, который, сидя за чайным столом, с улыбкой

слушал их разговор. — Нет, я должен идти, Бэзил. — **Как знаете.** — Холлурд отошел к столу и поставил свою чашку на поднос. — В таком случае не теряйте времени. [Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея (М. Абкина, 1960)]

- (2) *Let's get the ID, if it's there, and then we'll figure out who was hurting the kid. — Fine. It's your case.* [Michael Connelly. City Of Bones (2002)]

Давайте сначала установим личность мальчика, если это возможно, а потом будем выяснять, кто его избивал. — Как знаете. Над делом работаете вы. [Майкл Коннели. Город костей (Д. Вознякевич, 2006)]

В представленных примерах нейтральное согласие *fine, very well* на русский язык переведено конструкцией *как знаете*, что добавляет определенный оттенок значения, а именно снятие с себя ответственности, согласие с высказанной позицией, согласие невмешательства, что в примере (2) поддерживается выражением «*It's your case*» — это твое дело.

Похожий пример, в котором, однако, русскоязычный текст выступает исходным, встречаем и в переводе на французский язык:

- (3) — *He со мной, — повторил Беловзоров. — Как хотите. Что ж? Я вам лошадь доставлю.* [И. С. Тургенев. Первая любовь (1860)]
— *Pas avec moi..., répéta le hussard... Soit...* [дословно: хорошо, аминь, да будет так — С. Ж.] *je vais vous trouver une monture.* [Ivan Tourgueniev. Premier Amour (Michel-Rostislav Hofmann, 1974)]

Несложно заметить, что в переводных текстах исследуемые формулы повсеместно смешиваются:

- (4) *В следующий раз... — Как знаешь. Я на турбазу вечером зайду.* [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)]
La prochaine fois. — Comme tu voudras [букв.: как хочешь — С. Ж.]. *Je passerai au centre de tourisme ce soir.* [Sergey Dovlatov. Le Domaine Pouchkine (Christine Zeytounian-Beloüs, 2004)]
- (5) *"It is not too late," cried David sitting up suddenly, with blazing eyes, and striking the atlas with his fist. Krug removed the book and bent over David to kiss him good night. David abruptly turned away to the wall. "Just as you like," said Krug, "but you'd better*

say good night [pokoinoi nochi] because I'm not going to come again". [Vladimir Nabokov. Bend Sinister (1947)]

— *И вовсе не поздно, — вскричал Давид, внезапно садясь, со вспыхнувшими глазами, и кулаком ударил по атласу. Круг отобрал книгу и склонился к Давиду, чтобы поцеловать его на ночь. Давид резко отвернулся к стене. — Как знаешь, — сказал Круг, — но лучше скажи мне спокойной ночи [pokoinoi nochi] сейчас, потому что больше я не приду.* [Владимир Набоков. Под знаком незаконнорожденных (С. Ильин, 1993)]

- (6) *"Do what you want," somebody say, "we got other shit to do."* [Winston Groom. Forrest Gump (1986)]

— *Делай, как знаешь, — говорят они, — у нас своей работы полно.* [Уинстон Грум. Форрест Гамп (Ю. Вейсберг, 2004)]

- (7) *"I told you I need men. If you don't want to work — well, that's your business."* *The deputy smiled.* [John Steinbeck. The Grapes of Wrath (1939)]

— *Я же говорю, мне люди нужны. Не хотите работать — как знаете. Понятой улыбнулся* [Джон Стейнбек. Гроздь гнева (Н. Волжина, 1940)]

- (8) *Он слегка усмехнулся, пожал плечами: — Как хочешь! Тебе виднее.* [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)]

He gave a short laugh and shrugged. "As you wish. You know better." [Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. Roadside Picnic (Antonina W. Bouis, 1977)]

Из приведенных примеров видно, что в переводных текстах встречается как смешение ДФ *как знаешь* и *как хочешь*, так и соответствие им иных некомпозициональных единиц, выражающих согласие. Разнообразие вариантов перевода заставляет нас углубиться в историю конструкций, а также рассмотреть иные конструкции с аналогичным компонентом.

5. Синтаксическая конструкция *как знаешь / как хочешь, так и Р*

Следует различать изолированное употребление данных единиц и частные синтаксические конструкции, в которые они

встраиваются. Рассмотрим синтаксические конструкции *как хочешь / как знаешь, так и Р*:

- (9) — *Господи! да еще бы Авдотья Селифонтьевна не пошла за такого женишка! а с родителями-то ее был уж лад. — Тот-то; так ты как знаешь, так и делай, чтоб до поста дело покончить. На-ко, вот тебе на гарнитуровое платье да на платок.* [А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848)]
- (10) — *Как знаешь, Софьюшка, так и делай, ты разумнее нас!* [Е. П. Карнович. На высоте и на доле: Царевна Софья Алексеевна (1879)]
- (11) — *Воля твоя, я больше не могу оплачивать твои глупости, — заметил наконец Привалов своему брату. — Тогда я перейду на сторону Половодова. — Для тебя же хуже, а мне все равно: как знаешь, так и делай. Но Тит рассчитал, что выгоднее держаться за брата, и не привел своей угрозы в исполнение.* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы (1883)]
- (12) *А може, и не думает: наделал дел, а уж тут как знаешь, так и расхлебывай...* [Н. Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты (1895)]

Из приведенных примеров видно, что конструкция *как знаешь, так и Р* обладает разной семантикой. Так, в примере (9) возможно произвести замену глагола *знать* на глагол *мочь, уметь*, что соотносится скорее не со знанием, а со способностями собеседника, к которым отсылает говорящий.

В примере (10), кажется, говорящий отсылает к тому, что собеседник действительно может обладать некоторым представлением, знанием о ситуации, жизни, поэтому его решение не вызывает возражений. Однако уже в примере (11) речь идет не об абстрактном знании, не о способности принимать верные решения, а о конкретном выборе, с которым говорящий вынужден согласиться, но который он при этом не одобряет. В примере (12) конструкция *как знаешь, так и Р* употреблена в обращении не к собеседнику, а к себе, при этом последний слот конструкции заполнен глаголом с негативной коннотацией.

Интересно, что конструкция *как знаешь, так и Р* встречается в основном подкорпусе НКРЯ всего 7 раз только на протяжении XIX века, а число употреблений конструкции *как хочешь, так и Р*, напротив, растет. Кроме того, именно она представлена в устном и газетном подкорпусах НКРЯ. При этом спектр возможных употреблений данной конструкции оказывается несколько иным.

Первый пример употребления этой конструкции в основном подкорпусе НКРЯ относится к первой половине XIX века:

- (13) *Агафья Тихоновна. Право, такое затруднение — выбор! Если бы еще один, два человека, а то четыре. Как хочешь, так и выбирай. Никанор Иванович недурен, хотя, конечно, художав; Иван Кузьмич тоже недурен.* [Н. В. Гоголь. Женитьба (1833–1842)]

Несмотря на то, что глагол *выбирать* не содержит негативного компонента в своем значении, приведенный контекст кажется похожим на пример (12), поскольку описываемая ситуация кажется говорящему затруднительной, вызывающей негативные переживания. Подобное употребление оказывается распространенным, значительное количество примеров можем найти и в современных текстах:

- (14) *Чего отцу с матерью не жить! — Только и надежда на карасиков, — вздохнула хозяйка. — В январе получили двести тысяч — и всё. Как хочешь, так и живи. Лишь ведомости пишут в конторе. А чего там пишут, и когда мы эти деньги увидим... — Обещают после уборки, — сказал Степан.* [Борис Екимов. Пиночет (1999)]
- (15) *И ни на каком заводе они, конечно, тоже не работали. — Вот так и учат дураков, — сказал директор, заканчивая рассказ. — И винить некого. Сам всё отдал. Теперь как хочешь, так и ищи, хоть цыганке ручку золоти, хоть по тому черепу гадай. — И он скверно выругался. — Это по какому же черепу? — спросил Зыбин.* [Ю. О. Домбровский. «Факультет ненужных вещей», часть 1 (1978)]
- (16) *Ведь все равно понятно, что ты не рванешь навстречу потоку. А вот когда при перестроениях не включают, бесит!!!! И в пробках, и без, блин, ехал-ехал себе, вдруг бац! влез перед*

тобой ни с того, ни с сего, а ты как хочешь, так и тормози.
Lili. [Учимся водить (2007–2008)]

- (17) *Легко сказать — описать все эти штуки корявым газетным языком того времени! Представьте себе, уважаемый читатель, здоровенный отполированный деревянный пень, в который воткнуты буйволиные рога. Внизу — табличка: «От Гваделупской народно-революционной партии». Как хочешь, так и понимай.* [Борис Грищенко. Посторонний в Кремле (2004)]

Во всех приведенных примерах соблюдается одна и та же структура: конструкция опирается на собственную реплику говорящего; описываемая в левом контексте ситуация в некоторой степени является затруднительной, неприятной для говорящего. При этом он либо понимает невыполнимость определенного действия, как в примере (15), либо лишен возможности избежать его выполнения, например, контекст (16). Кажется, что здесь уже появляется оттенок значения, который можно охарактеризовать как растерянность, неопределенность, возможно, бессилие — понять в данном случае то, что дано в левом контексте, для говорящего оказывается нетривиальной задачей.

Синонимичной данной конструкции оказывается «свернутый вариант» — *как хочешь, так и вертись* — *вертись, как хочешь*. Но здесь более сильные семантические ограничения на первом слоте — либо сам глагол должен иметь негативную коннотацию, либо негативная ситуация задана контекстом слева.

- (18) *Господин мой скучал, как был на службе, скучает теперь в отставке; и то и се желает, то и се приказывает, и опять отдумывает; а наш брат угоддай как знаешь, хотя ввек попасть нельзя на мысль; они у него, как шары, один другого прогоняет.* [Е. Р. Дашкова. Тоисиоков (комедия в пяти действиях) (1786)]
- (19) *Я сказал, что тебя поцелую, — и вертись себе как хочешь, а я поставлю на своем.* [М. Н. Загоскин. Аскольдова могила (1833)]

Интересен пример, в котором осмысляется внутренняя форма конструкции. Замена *как хочешь* на *как знаешь* здесь приведет к утрате смысла.

- (20) *Дураку понятно. Как прекратить-то? Много спорим о свободе у них, у нас, а разница невелика. У них — **ЖИВИ, КАК ХОЧЕШЬ**, у нас — **КАК ХОЧЕШЬ, ТАК И ЖИВИ**. Название для книги: «Русские народные сказки и конституции». [Анатолий Трушкин. 208 избранных страниц (1990–2002)]*

При этом конструкция *как хочешь, так и Р* стремится, с одной стороны, к заполнению финального слота глаголом с негативной окраской, а с другой — опирается на речевой акт, кодирующий заведомо неблагоприятную ситуацию.

Схожая по значению конструкция представлена в примерах

- (21)–(22):

- (21) *И овес выкидывается. — Ладно. У меня чтобы всего, и ржи и овса — всего чтобы сам-сём было. **Как хочешь, так и распоряжайся**, я знать ничего не хочу. — Что-то, Федор Васильич, овса-то будто уж и многонько. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887–1889)]*

- (22) — ***Как хочешь, так и устраивай**, меня это не волнует! [Елена Ханга. Про все (2000)]*

Ключевые отличия заключаются в том, что в приведенных контекстах конструкция *как хочешь, так и Р* употреблена говорящим при обращении к собеседнику, чем обеспечивается сходство с конструкцией с глаголом *знать* в примерах (9) — (12), при этом на первый план выходит приказ, повеление выполнения некоторого действия, говорящему не важно, каким образом этот приказ будет осуществлен.

В связи с этим особого внимания заслуживает пример (23), в котором, как и в предыдущих примерах, сохраняется значение приказа, способ выполнения которого не интересует говорящего.

- (23) *Вот барышня-то и говорит нам: «Я, говорит, далее на почтовых не поеду. **Как знаете**, говорит, пароходом везите». А Иванов еле глаза продрал с похмелья — сердитый. «Вам об этом, говорит, рассуждать не полагается. Куда повезут, туда и поедете!» [В. Г. Короленко. Чудная (1880)]*

Однако употребление в данном случае глагола *знать* с позиции современности кажется неестественным, в то время как легко

представимы подобные конструкции с глаголом *хотеть*, на первый план выходит значение 'любым способом', 'как угодно'.

Иным представляется употребление конструкции *как хочешь* в значении 'дело твое', 'тебе решать' в примерах (24) — (25):

(24) *Дача — твоя, как хочешь, так и распоряжайся.* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]

(25) *Если б не его наглость... Но теперь об этом поздно думать... — Да, — сказал начальник, словно случайно вспоминая об этом, — как ты думаешь, Христо на нас не обидится на том свете, если мы лечкопский магазин на него спишем? — Это твое дело, начальник, — сказал Тико, — как хочешь, так и делай. — Все-таки, как ты думаешь, дело же надо закрыть? — повторил начальник, пытаясь выудить у него заинтересованность.* [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (книга 2) (1989)]

Говорящий подтверждает слова собеседника или передает право принятия решения собеседнику, негативная коннотация отсутствует, впрочем, нет и положительной оценки знаний или способностей собеседника, актуализируется волюнтивность глагола *хотеть*.

(26) *Мне бы вот тоже хотелось помереть, как старуха Анна помирала, это любимый, самый близкий мне персонаж. Но вряд ли удастся... — А что мешает? Как хочешь, так и помирай. И к тебе твои дети придут проститься. И внуки. И даже я — правнук.* [Сергей Залыгин. Уроки правнука Вовки // «Новый мир» (1997)]

Комичность примера (26) обусловлена тем, что *помирать* кодирует явление, которое происходит независимо от волеизъявления субъекта, в то время как конструкция требует глагола, обозначающего контролируемое человеком действие.

Закономерно, что *как знаешь* и *как хочешь* обладают разной способностью встраиваться в конструкции с глаголом *быть* в форме будущего времени. Так, грамматичным кажется пример *как хочешь, так и будет*. Возможно также представить на месте глагола *будет* иной глагол в форме будущего времени, например, *как хочешь, так и сделаем*.

В НКРЯ встречаются примеры с глаголом *захотеть*:

- (27) — *Вспомни, что твоя полная воля, как захочешь, так и будет.*
[Ф. М. Достоевский. Бесы (1871–1872)]

Очевидно, данная конструкция встраивается в один ряд со следующими предикатами: *как скажешь, как пожелаешь, как велишь, (так и будет)*, поскольку глаголы желания и волеизъявления могут иметь конкретно-временное значение, опираться на конкретную ситуацию и быть направлены в будущее, в то время как глагол *знать*, как было сказано выше, не может употребляться на конкретном временном отрезке, он отражает состояние, длящееся некоторое время и, следовательно, имеющее связь с прошлым.

6. Противительная конструкция *как знаешь / как хочешь, а Р*

Следует заметить, что *как знаешь* и *как хочешь* как изолированные дискурсивные единицы соотносятся с противительной конструкцией *как знаешь / как хочешь, а Р*.

Конструкция *как хочешь, а Р* появляется в текстах раньше, пик ее употребления приходится на середину 19 века.

- (28) *Ты скорее меня известишься об этом: спроси Александра.* — **Как хочешь, а я от него не скрою твоего поступка...**
[А. С. Грибоедов. Письма (1825)]

- (29) — *Што ж ему было делать, когда он был сослан туда?* — **Как знаешь, а я здесь останусь... Попробую.** [Ф. М. Решетников. Где лучше? (1868)]

Конструкции *как знаешь / как хочешь, а Р* в современном употреблении представляют собой развернутый вариант ДФ, иными словами, ДФ могут выступать матричными клаузами для подобных противительных конструкций. Более того, изолированно употребляемые ДФ могут сопровождаться противительным компонентом в правом контексте, при этом союз может быть опущен:

- (30) [МЧ2, муж] *Я уже окочурился весь! Мож на маршрутке?*
[МЧ1, муж] *нет / у меня денег нет.*
[МЧ2, муж] *ладно / как хошь. Я пойду ловить.*
[МЧ1, муж] *Валяй. Эй!*
[Разговор молодых людей на автобусной остановке // Из коллекции НКРЯ, 2007]

Рис. 1. Дискурсивная формула *как хочешь*
Pic. 1. Discourse form *kak hochesh* 'as you want'

Рис. 2. Конструкция *как хочешь, а P*
Pic. 2. Construction *kak hochesh, a P* 'as you want, but P'

Рис. 3. Дискурсивная формула *как знаешь*
Pic. 3. Discourse form *kak znaesh* 'as you know'

Рис. 4. Конструкция *как знаешь, а P*

Fig. 4. Construction *как знаешь, а P* 'as you know, but P'

В случае с *как хочешь* формульный вариант употребления, как показывают данные НКРЯ, возрастает с течением времени (Рис. 1), в то время как собственно противительная конструкция становится значительно менее употребительной (Рис. 2).

Графики изменения употребления ДФ *как знаешь* (Рис. 3) и конструкций *как знаешь, а P* (Рис. 4) имеют больше сходства, однако и в данном случае ДФ оказывается более употребительной.

Обратимся к анализу собственно ДФ. Как оказалось, обе ДФ могут встраиваться в двухчастную (31)–(33) и трехчастную (34) конструкции.

- (31) — *Может быть, просто пройдемся? — Как хочешь. А ты не устал?* [И. А. Новиков. Золотые кресты (1907)]
- (32) — *Я буду здесь, в правлении. — Как хочешь, — согласился Саша. — А то давай так: выходи на развилку и жди.* [Сергей Антонов. Тетя Луша (1956)]
- (33) — *Я просто делаю другой ход. — Как знаешь. Мы замолчали.* [Андрей Лазарчук. Все, способные держать оружие...(1995)]

Двухчастная конструкция предполагает сообщение о некотором решении или предложении некоторого действия говорящим и ДФ со значением согласия в качестве ответа собеседника. Однако это согласие оказывается разным. Создается впечатление, что в примерах, содержащих ДФ *как знаешь*, левый контекст содержит некоторую презумпцию, с которой не согласен собеседник, собеседник это понимает, он может быть расстроен, обижен, но вынужден

согласиться с говорящим. Таким образом, говорящий заведомо сделал некоторый выбор или принял решение, с которым собеседник вынужден согласиться.

В том случае, когда собеседник использует ДФ *как хочешь*, он так же, как и говорящий имеет возможность сделать выбор, иными словами, решение еще не принято, говорящий принимает решение в момент речи, собеседник соглашается, делегируя ответственность за сделанный выбор говорящему. Интересно, что трудно представить употребление ДФ *как знаешь* в контексте предложения совместного действия.

Трехчастная конструкция имеет иную структуру: реплика с ДФ принадлежит говорящему, являясь реакцией на отказ собеседника:

(Говорящий 1) Предложение

(Говорящий 2) Отказ

(Говорящий 1) *Как хочешь / как знаешь*

(34) *Аркадина. Костя, оставь свой рукописи, пойдем есть.*

Треплев. Не хочу, мама, я сыт.

Аркадина. Как знаешь. (Будит Сорина.) [А. П. Чехов. Чайка (1896)]

(35) — *Ты останешься?* — *строго спросил отец. Артем виновато кивнул. — Ну, как знаешь. Счастливо. Родители ушли. Георгий Степанович, вздыхая, завалился спать.* [Роман Сенчин. «Елтышевы» (2008) // «Дружба Народов» (2009)]

(36) — *Такая цена. Нестандартное дерево. — Не дури мне голову. — Как хочешь, — смеётся он. — Можешь заказывать мебель в другом месте.* [Владимир Маканин. Отдушина (1977)]

(37) [Девушка-1, жен., 20] *В таком случае я / наверное / консерватор... Не принимаю я подобное вольное обращение с классикой... Я и сочетание джинсов с туфлями не особо признаю...*
[Девушка-2, жен., 20] *Ну / как знаешь... Посмотреть надо*
[Разговор в метро // Из коллекции НКРЯ, 2005]

В подобных контекстах конструкции могут быть заменены на *ну ладно, хорошо, дело твое*, однако приводимые аналоги оказываются более нейтральными, исходные конструкции содержат элемент сожаления, постулирования ответственности отказывающегося, подчеркивание наличия возможностей, от которых человек отказался.

Можно предположить, что ДФ *как знаешь* используется, опять же, в том случае, когда собеседник имеет определенную точку зрения, позицию, приобретенную ранее, не в момент речи, говорящий же имеет собственную позицию, которая противоречит позиции собеседника, но вынужден согласиться. При этом в качестве дополнительных оттенков значения можно выделить обиду, негодование, огорчение.

В том случае, когда говорящий использует ДФ *как хочешь*, собеседник принимает решение непосредственно в момент речи, т. е. у него нет сформированной позиции, говорящий при этом также находится в позиции незнания, он соглашается с отказом, делегируя ответственность за принятое решение собеседнику, сопутствующим оттенком значения может быть безразличие.

Интересно, что встречаются примеры употребления лексикализованной единицы *не хочешь, как хочешь* с эксплицитованным отказом:

(38) — *Если хочешь, можешь сначала доесть суп. — Да на фиг мне сдался твой суп. — Ну, не хочешь как хочешь. Тогда иди сразу.* [Андрей Геласимов. Год обмана (2003)]

Однако подобная конструкция с глаголом *знать* фактически невозможна и встречается в НКРЯ только один раз в тексте XIX века:

*Не хочешь, как знаешь (?)

(39) *Вовсе не по мне это звание, ваше благородие... Явите божескую милость, дозвоьте остаться в матросах! — докладывал Федос, не объясняя, однако, мотивов своего нежелания. — Ну, если не хочешь, как знаешь... А я думал тебя наградить...* [К. М. Станюкович. «Нянька» (1895)]

Согласно данным НКРЯ, ДФ *как хочешь* имеет более высокую частоту употреблений, кроме того, только она встречается в устном подкорпусе НКРЯ, что может свидетельствовать о том, что данная ДФ будет продолжать употребляться в речи, в то время как ДФ *как знаешь* постепенно выходит из обихода.

7. Заключение

Как видим, ДФ *как хочешь* и *как знаешь* имеют разную историю, разную статистику употреблений и разную судьбу — *как знаешь*

постепенно выходит из употребления, *как хочешь* активно употребляется как в письменной, так и в устной речи. Семантика обеих единиц плохо различается и в словарях, и в текстах, вместе с тем их нельзя назвать тождественными. Конструкция *как знаешь, так и Р* скорее композициональна, поскольку напрямую отсылает к знаниям или умениям собеседника. В свою очередь, конструкция *как хочешь, так и Р* некомпозициональна, на первый план выходит приказной характер высказывания, при этом не важно, каким образом требуемое будет осуществлено, иными словами, человек в любой ситуации должен найти способ выполнить *Р*.

Основными типами употребления данных ДФ оказываются двухчастная и трехчастная конструкции, в последней особенно явно наблюдается противопоставленность этих единиц: только одна из них может встраиваться в лексикализованную структуру с эксплицитованным отказом *не хочешь, как хочешь*. Из примеров становится ясно, что обе ДФ отражают семантику исходных глаголов, однако их лексическое значение с течением времени уходит на второй план. Первична для ДФ противительная конструкция *как знаешь / как хочешь, а Р*, хотя на современном этапе она воспринимается скорее как возможный развернутый вариант ДФ, если учитывать контекст справа. В двухчастной конструкции ДФ *как знаешь* употребляется со значением вынужденного согласия с решением, принятым говорящим заранее по какой-либо причине и неприятном собеседнику. ДФ *как хочешь* употребляется в том случае, если собеседник и говорящий принимают решение спонтанно, в момент речи, при этом тот, кто произносит ДФ, соглашается с принятым решением, снимая с себя ответственность.

Встраиваясь в трехчастную конструкцию, ДФ *как знаешь* сходным образом употребляется тогда, когда собеседник имеет собственную точку зрения, которая противоречит точке зрения говорящего или вступает с ней в конфликт, поэтому говорящий соглашается с неохотой, заметным неудовольствием, т. е. согласие отягчается оттенком обиды, негодования. Формула *как хочешь* означает, что говорящий соглашается с отказом собеседника, в данном случае согласию сопутствует оттенок безразличия.

Семантическое поле согласия с дополнительными оттенками огорчения, вынужденности, безразличия, делегирования ответственности, к которому следует отнести *как знаешь* и *как хочешь*,

представлены также иными конструкциями, которые заслуживают дальнейшего изучения.

Литература

- Евгеньева 1999 — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка. В 4-х т. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999.
- Иванова 2009 — Е. Ю. Иванова. Семантическая типология предикатов в сопоставительном аспекте: предикаты «свойств» в русском и болгарском языках // *Болгарская русистика*. 2009. № 3–4. С. 5–17.
- Кузнецов 2004 — С. А. Кузнецов (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2004.
- Киприянов 1983 — В. Ф. Киприянов. Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке. М.: Московский обл. пед. ин-т, 1983.
- Лубенская 1997 — С. И. Лубенская. Русско-английский фразеологический словарь. М.: Языки славянской культуры, 1997.
- Ожегов, Шведова 2006 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006.
- Падучева 2011 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2011.
- Рахилина, Кузнецова 2010 — Е. В. Рахилина, Ю. Л. Кузнецова. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // *Лингвистика конструкций / Под ред. Е. В. Рахилиной*. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–79.
- Селиверстова 1982 — О. Н. Селиверстова. Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.
- Ушаков 1940 — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940.
- Федоров 2008 — А. И. Федоров. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, 2008.
- Шаронов 1996 — А. И. Шаронов. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // *Русистика сегодня*. 1996. № 2. С. 89–112.
- Шведова 1980 — Н. Ю. Шведова. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.
- Biber et al. 1999 — D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow: Pearson Education, 1999.

- Bybee 2003 — J. Bybee. Mechanisms of change in grammaticization: The role of frequency. B. D. Joseph, J. Janda (eds.). *The Handbook of Historical Linguistics*. Oxford: Blackwell, 2003. P. 602–623.
- Bybee 2006 — J. Bybee. *Frequency of use and the organization of language*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Diewald 2011 — G. Diewald. Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse functions. *Linguistics*. 2011. Vol. 49. Iss. 2. P. 365–390.
- Fillmore 1984 — Ch. J. Fillmore. Remarks on contrastive pragmatics. J. Fisiak (ed.). *Contrastive linguistics: Prospects and problems*. Amsterdam: Mouton, 1984. P. 119–141.
- Fillmore 1988 — Ch. J. Fillmore. The mechanisms of “construction grammar”. S. Axmaker, A. Jaisser, H. Singmaster (eds.). *Proceedings of the Fourteenth Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1988. P. 35–55.
- Fillmore 1989 — Ch. J. Fillmore. Grammatical construction theory and the familiar dichotomies. R. Dietrich, C. F. Graumann (eds.). *North-Holland Linguistic Series: Linguistic Variations*. Vol. 54. *Language Processing in Social Context*. Amsterdam; New York; Oxford; Tokyo: Elsevier, 1989. P. 17–38.
- Fillmore, Kay 1992 — Ch. J. Fillmore, P. Kay. *Construction Grammar Course Book*. Berkeley: University of California, 1992.
- Goldberg 1995 — A. Goldberg. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Hopper, Traugott 2003 — P. J. Hopper, E. C. Traugott. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Janda et al. 2018 — L. A. Janda, O. Lyashevskaya, T. Nessel, E. Rakhilina, F. M. Tyers. A Constructicon for Russian: Filling in the Gaps. B. Lyngfelt, L. Borin, K. Ohara, T. Timponi (eds.). *Constructicography: Constructicon development across languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2018.
- Lehmann 2002 — Ch. Lehmann. *Thoughts on Grammaticalization*. München; Newcastle: Lincom, 2002.
- Lehmann 2004 — Ch. Lehmann. Theory and method in grammaticalization. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2004. Vol. 32. Iss. 2. P. 152–187.
- Schmitt, Carter 2004 — N. Schmitt, R. Carter. Formulaic sequences in action: An introduction. N. Schmitt (ed.). *Formulaic Sequences*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2004. P. 1–22.
- Traugott 1995 — E. C. Traugott. The role of the development of discourse markers in a theory of grammaticalization. Paper presented at the International Conference on Historical Linguistics XII. Manchester, 1995. URL: <https://web.stanford.edu/~traugott/papers/discourse.pdf> (дата обращения 24.12.2019).
- Wray 2002 — A. Wray. *Formulaic Language and the Lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

References

- Biber et al. 1999 — D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow: Pearson Education, 1999.
- Bybee 2003 — J. Bybee. Mechanisms of change in grammaticization: The role of frequency. B. D. Joseph, J. Janda (eds.). *The Handbook of Historical Linguistics*. Oxford: Blackwell, 2003. P. 602–623.
- Bybee 2006 — J. Bybee. Frequency of use and the organization of language. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Diewald 2011 — G. Diewald. Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse functions. *Linguistics*. 2011. Vol. 49. Iss. 2. P. 365–390.
- Evgenyeva 1999 — A. P. Evgenyeva (ed.). Slovar russkogo yazyka. V 4-kh t. 4-e izd., ster. [The Russian language dictionary. In 4 vol. 4th ed.]. Moscow: Russkiy yazyk, 1999.
- Fedorov 2008 — A. I. Fedorov. Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka [The phrase book of the Russian literary language]. Moscow: Astrel, 2008.
- Fillmore 1984 — Ch. J. Fillmore. Remarks on contrastive pragmatics. J. Fisiak (ed.). *Contrastive linguistics: Prospects and problems*. Amsterdam: Mouton, 1984. P. 119–141.
- Fillmore 1988 — Ch. J. Fillmore. The mechanisms of “construction grammar”. S. Axmaker, A. Jaisser, H. Singmaster (eds.). *Proceedings of the Fourteenth Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1988. P. 35–55.
- Fillmore 1989 — Ch. J. Fillmore. Grammatical construction theory and the familiar dichotomies. R. Dietrich, C. F. Graumann (eds.). North-Holland Linguistic Series: Linguistic Variations. Vol. 54. *Language Processing in Social Context*. Amsterdam; New York; Oxford; Tokyo: Elsevier, 1989. P. 17–38.
- Fillmore, Kay 1992 — Ch. J. Fillmore, P. Kay. Construction Grammar Course Book. Berkeley: University of California, 1992.
- Goldberg 1995 — A. Goldberg. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Hopper, Traugott 2003 — P. J. Hopper, E. C. Traugott. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Ivanova 2009 — E. Yu. Ivanova. Semanticheskaya tipologiya predikatov v sopostavitelnom aspekte: predikaty «svoystv» v russkom i bolgarskom yazykakh [Semantic typology of predicates in comparative aspect: the predicates of quality in the Russian and Bulgarian languages]. *Bolgarskaya rusistika*. 2009. No. 3–4. P. 5–17.
- Janda et al. 2018 — L. A. Janda, O. Lyashevskaya, T. Nettet, E. Rakhilina, F. M. Tyers. A Constructicon for Russian: Filling in the Gaps. B. Lyngfelt,

- L. Borin, K. Ohara, T. Timponi (eds.). *Constructicography: Constructicon development across languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2018.
- Kipriyanov 1983 — V. F. Kipriyanov. Problemy teorii chastei rechi i slova-kommunikativy v sovremennom russkom yazyke [Problems of the theory of parts of speech and communicative words in modern Russian]. Moscow: Moscow District Pedagogical Institute, 1983.
- Kuznetsov 2004 — S. A. Kuznetsov (ed.-in-ch.). Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka [The big dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint, 2004.
- Lehmann 2002 — Ch. Lehmann. Thoughts on Grammaticalization. München; Newcastle: Lincom, 2002.
- Lehmann 2004 — Ch. Lehmann. Theory and method in grammaticalization. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2004. Vol. 32. Iss. 2. P. 152–187.
- Lubenskaya 1997 — S. I. Lubenskaya. Russko-angliiskiy frazeologicheskii slovar [The Russian-English phrase dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 1997.
- Ozhegov, Shvedova 2006 — S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. Tolkovyy slovar russkogo yazyka [The explanatory dictionary of Russian language]. Moscow: ITI Tekhnologii, 2006.
- Paducheva 2011 — E. V. Paducheva. Semanticheskie issledovaniya: semantika vremeni i vida v russkom yazyke; semantika narrativa [The semantic research: the semantics of time and aspect in the Russian language; the semantics of narrative]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2011.
- Rakhilina, Kuznetsova 2010 — Yu. L. Kuznetsova. Grammatika konstruktivnykh i nekonstruktivnykh predlozheniy: teoriya, storonniki, blizkie idei [Introduction. Construction Grammar: Theories, Adherents, Similar Approaches]. E. V. Rakhilina (ed.). *Lingvistika konstruktivnykh i nekonstruktivnykh predlozheniy* [Construction linguistics]. Moscow: Azbukovnik, 2010. P. 18–79.
- Schmitt, Carter 2004 — N. Schmitt, R. Carter. Formulaic sequences in action: An introduction. N. Schmitt (ed.). *Formulaic Sequences*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 1–22.
- Seliverstova 1982 — O. N. Seliverstova. Semanticheskie tipy predikatov [Semantic types of predicates]. Moscow: Nauka, 1982.
- Sharonov 1996 — A. I. Sharonov. Kommunikativy kak funktsionalnyy klass i kak obyekt leksikograficheskogo opisaniya [Communicatives as a functional class and the object of lexicographical description]. *Rusistika segodnya*. 1996. No. 2. P. 89–112.
- Shvedova 1980 — N. Yu. Shvedova. Russkaya grammatika. T. 1 [The Russian Grammar. Vol. 1]. Moscow: Nauka, 1980.
- Traugott 1995 — E. C. Traugott. The role of the development of discourse markers in a theory of grammaticalization. Paper presented at the International Conference on Historical Linguistics XII. Manchester, 1995.

Available online: <https://web.stanford.edu/~traugott/papers/discourse.pdf> (accessed on 24.12.2019).

Ushakov 1940 — D. N. Ushakov (ed.). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of Russian language]. Moscow: Gosudarstvennyy institut “Sovetskaya entsiklopediya”, OGIZ; State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1935–1940.

Wray 2002 — A. Wray. *Formulaic Language and the Lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

АНАЛИЗ ВИДОВ ГЛАГОЛА И ДЕЕПРИЧАСТИЯ В РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ С ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

М. Китадзё

Университет Киото Санге, Киото, Япония
kitajo@cc.kyoto-su.ac.jp

Аннотация. В статье прослеживаются изменения в типичном расположении глаголов и деепричастий разного вида по отношению к конструкциям прямой речи.

В первой половине XIX века глагол независимо от аспектуального статуса занимает отдаленное от конструкций прямой речи место. Во второй половине XIX века глаголы СВ не отличаются закрепленным расположением по отношению к прямой речи, тогда как глаголы НСВ тяготеют к дистантному расположению по отношению к прямой речи. Сверх того в первой половине и во второй половине XX века глаголы СВ и НСВ симметрично помещаются: глаголы СВ — близко к конструкциям прямой речи, а глаголы НСВ — далеко от последних.

В первой половине XIX века деепричастия обычно занимает контрастные места в зависимости от вида: деепричастия СВ — близкое к конструкциям прямой речи место, а деепричастия НСВ, напротив, отделены от прямой речи. Однако во второй половине XIX века деепричастия СВ подвижны по отношению к КПр, а деепричастия НСВ все чаще помещаются близко к прямой речи. Эта тенденция сохраняется у деепричастий НСВ и в XX веке, в то время как деепричастия СВ на протяжении XX века нестабильны, располагаясь в первой половине XX века преимущественно близко к прямой речи, а во второй половине — обычно далеко от них.

Другими словами, в современных произведениях глаголы СВ и деепричастия НСВ (а отчасти и деепричастия СВ) в большей степени тяготеют к фигурированной ситуации, чем в классических. Только глаголы НСВ независимо от веков постоянно отдаляются от фигурированной ситуации.

Ключевые слова: фигура и фон, текстовые функции видов, расположение глагола и деепричастия, конструкции прямой речи.

Analysis of aspects of verb and converb in the Russian literary works from the diachronic point of view

M. Kitajo

Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan

kitajo@cc.kyoto-su.ac.jp

Abstract. Previous studies on verbal aspect have not paid sufficient attention to the functional differences between Russian perfective vs. imperfective verbs and converbs from a diachronic perspective. The aim of the present paper is to investigate them in terms of the parameters of “foreground vs. background”, which concerns, e.g., the position of direct speech constructions (DSCs). The latter are regarded as emotional and pragmatic turning points for the development of narration. Thus, DSCs are interpreted in our representation as a foreground and the rest of the text, as rather a background of narratives.

We analyze 34503 verbs (19179 perfectives and 15324 imperfectives) and 6870 converbs (2640 perfectives and 4230 imperfectives) from 16 Russian 19th–20th century literary works. Our main point of interest was the position of those verb forms in relation to DSCs. Proposed below are our findings regarding the frequency of use of the two types of verbs (perfectives or PVs, and imperfectives or IVs) and the two types of converbs (perfective or PCs, and imperfective or ICs).

VERB: In the first half of the 19th century, PVs and IVs were mostly used in positions separated from DSCs. In the second half of the 19th century, PVs do not show any preference as regards their position with respect to DSCs, while IVs mostly remain separated from DSCs. Both in the first, and in the second half of the 20th century, PVs frequently occur close to DSCs, whereas IVs invariably take distant positions with respect to DSCs, this trend continuing until the end of the 20th century.

CONVERB: In the first half of the 19th century, PCs are regularly found near DSCs, while ICs regularly prefer distant positions. The second half of the 19th century saw a change where the distance between PCs and DSCs shows ambivalence, while that between ICs and DSCs becomes rather close. In the first half of the 20th century, PCs are preferentially located near DSCs, whereas in the late 20th century PCs take distant positions from DSCs. ICs, on the contrary, are consistently found in the vicinity of DSCs both in the first and the second half of the 20th century.

In other words, in modern Russian literature, PVs and ICs become more relevant (as opposed to PCs) for foregrounded situations compared to classical works. IVs, in contrast, have invariably occupied distant positions.

Keywords: foreground, textual function of aspect, the position of verbs and converbs, the direct speech construction.

1. Введение

Одним из аспектов изучения функционирования категории вида является анализ видовых форм глагола, выступающих как средство организации текста. Во второй половине XX века наблюдения о роли вида в тексте делались многими исследователями ([Якобсон 1972; Виноградов 1980; Fontaine 1983; Маслов 1984; Поспелов 1990; Падучева 1993; Бондарко 1998; Золотова и др. 1998; Плунгян 2000]). Предшествующие исследователи, изучавшие текстовые функции видов глагола, выделяют повествовательную функцию совершенного вида и описательную функцию несовершенного вида. Но они не обращают должного внимания на текстовые функции вида деепричастия и не рассматривают текстовые функции видов глагола и деепричастия с диахронической точки зрения. Например, В. В. Виноградов [Виноградов 1980] пишет, что формы совершенного вида, словно обладая кинетической энергией, вытесняют друг друга, побуждая сюжет двигаться к развязке, и намечают «основной чертеж» повествования. В то же время «в этот “линейный чертеж” вносятся новые измерения формами прошедшего времени несовершенного вида» [Виноградов 1980: 114]. Виноградов [1986: 453–463] соотносит функции форм совершенного вида (динамическую и результативную) с функциями древних форм аориста и перфекта, а функции форм несовершенного вида (живописующую и качественно-характеризующую) — с ролью имперфекта. Следуя за В. В. Виноградовым, Г. А. Золотова [Золотова и др. 1998] соотносит выделенные им четыре функции не только с видо-временными формами глагола, но и с предикатами текста. Однако ни Виноградов, ни Золотова не упоминают вида деепричастия и исторического изменения текстовых функций деепричастия. Таким образом, до сих пор остаются белые пятна в исследовании функционирования видов глагола и деепричастия в тексте.

Наиболее заметным свойством текста является порядок его развертывания. Развертывание текста осуществляется за счет рематизации предложения — присоединения компонентов, несущих новую информацию, к уже реализованной части текста. Результатом последовательного объединения коммуникативно неравноценных компонентов является иерархичность повествования, в котором выделяются сюжетные линии, служащие продвижению сюжета, и побочные линии, которые находятся на периферии текста, не продвигая сюжет, а лишь расширяя и обогащая текст.

Доминирующая изобразительно-выразительная функция противопоставляет художественные тексты научно-деловым, в которых преобладает коммуникативная функция и для которых характерно наличие исключительно эксплицитного содержания. В художественной прозе развитие действия, сюжета проявляется во взаимоотношениях героев в определенных ситуациях. Естественно, что не все ситуации равнозначны. Важнейшая роль принадлежит напряженной ситуации, обозначающей переломные, эмоционально окрашенные моменты в развитии действия. В предшествующих исследованиях почти не упоминается об эмоционально-экспрессивных окрасках. Например, А. В. Бондарко [Бондарко 1998], исследуя соотношение глагольного вида с признаком изменения ситуации, отмечает, что совершенный вид, относящийся к изменениям ситуации, создает первый план повествования, передающего действие единичное, законченное в цепи других действий, и ведущего сюжет от завязки до развязки, а несовершенный вид, не относящийся к изменению ситуации, — фон в повествовании. При этом существует большая разница между простой временной последовательностью двух ситуаций и связью двух ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой. Как отмечает Аристотель в «Поэтике», посвященной изучению системы средств выражения в литературном произведении, «большая разница, случится ли нечто вследствие чего-либо или после чего-либо» [Аристотель 1984: 657].

С развертыванием текста соотносится понятие фигуры. Понятие фигуры возникло первоначально в изобразительном искусстве и было введено в область психологии в начале XX века датским психологом Э. Рубином [Rubin 1915]. Фигурой называется замкнутая, выступающая вперед, привлекающая внимание часть феноменального поля, имеющая предметный характер. Фигура используется в целях

усиления художественной выразительности, эмоциональности литературного произведения. В художественном тексте фигурирующие ситуации в сумме составляют своего рода семантико-прагматический скелет текста, который автор текста хочет выделить на общем фоне повествования. В нашей концепции понятие фигуры соотносится с основными функциями СВ, в то время как НСВ играет роль фона для переломных ситуаций, соотносимых с СВ.

В связи с понятием фигуры мы обращаем внимание на конструкции прямой речи (далее КПр). В художественной прозе используются экспрессивные формы передачи чужой речи (прямая речь, несобственно-прямая речь, косвенная речь и др.). В отличие от других, прямая речь, как наиболее близкая к живой речи форма передачи чужого высказывания, выделяется особой эмоциональностью. Как известно, диалог — наиболее естественная форма языка, он является основным способом передачи речи персонажей в художественной литературе. Персонажи вступают в разнообразные отношения друг с другом. В контактах персонажей диалог порождает различные речевые акты, в которых отражаются отношения персонажей: требование, побуждение, просьба, вопрос, соглашение и др. По мнению А. Н. Баранова и Г. Е. Крейдлина [Баранов, Крейдлин 1992: 89], «инвариантной особенностью всех типов диалогов является динамический характер речевого взаимодействия». Такое речевое взаимодействие часто создает сюжетное напряжение.

КПр выступает в изобразительной функции, рисуя облик героя, у которого своя манера речевого поведения, и оживляет литературное повествование. Многие исследователи изучали текстовые функции КПр, определяя ее как «театральность» [Wierzbicka 1974], «кульминационный пункт повествования» [Waltz 1976; Witte 1977], «экспансивность» [Clark 1990]. В одной из предыдущих наших работ, посвященных русским деепричастиям [Китадзё 2014], было отмечено, что, по теории П. Дж. Хоппера и С. А. Томпсон [Hopper, Thompson 1980], употребление КПр соответствует фигуре. Эту нашу идею мы продолжаем развивать в данной работе.

Наша цель состоит в том, чтобы проанализировать отношения видов глагола (далее Г) и деепричастия (далее Д) к КПр в русских литературных произведениях XIX–XX веков и выяснить исторические изменения их текстовых функций. Мы предлагаем считать позиционное отношение Г и Д к КПр одним из факторов повествовательной функции «фигуры».

2. Расположение Г, Д и КПР

В литературном произведении КПР состоит из речи действующего лица и слов автора. Слова автора комментируют речь действующего лица, устанавливают связь между репликами диалога. Наше исследование выявило пять возможных позиций Г и Д в словах автора или в отдельном предложении по отношению к КПР. Ниже по каждой позиции мы приводим примеры глагола совершенного вида (далее ГСВ), глагола несовершенного вида (далее ГНСВ), деепричастия совершенного вида (далее ДСВ) и деепричастия несовершенного вида (далее ДНСВ).

I. Г, Д сливаются с КПР (далее ГКПР, ДКПР)

ГКПР

- (1) Что ты сделал, Сурин? — **спросил** (ГСВ) хозяин. [«Капитанская дочка», А. С. Пушкин]
- (2) — Да вот она, — **отвечал** (ГНСВ) ямщик. [«Капитанская дочка», А. С. Пушкин]

ДКПР

- (3) — Кого же сватать-то идете? — безразлично спросила она, **скрестив** (ДСВ) на высокой груди полные руки. [«Любовины», В. М. Шукшин]
- (4) — В общем, не видать тебе Марьи как своих ушей, — сказал Макар, **поднимаясь** (ДНСВ). [«Любовины», В. М. Шукшин]

II. Г, Д находятся в интерпозиции (далее КПР + Г + КПР, КПР + Д + КПР)

КПР + Г + КПР

- (5) — Не можете ли вы одолжить мне карандашика? — обратился Пигасов к Басистову.

Басистов не тотчас **понял** (ГСВ), что у него спрашивал Пигасов.

— Зачем вам карандаш? — проговорил он наконец. [«Рудин», И. С. Тургенев]

- (6) — Я люблю вас, — повторил он, — и как я мог так долго обманываться, как я давно не догадался, что люблю вас!.. А вы?.. Наталья Алексеевна, скажите, вы?..

Наталья едва **переводила** (ГНСВ) дух.

— Вы видите, я пришла сюда, — проговорила она наконец. [«Рудин», И. С. Тургенев]

КПР + Д + КПР

- (7) Юра сел с Леной, положил руку ей на плечо, холодно сказал:
— Очередная истерика старой девы.

Юра сказал это спокойно, обдуманно, **положив** (ДСВ) руку на плечо Лены.

— Прикуси язык, Шарок! — Саша исподлобья смотрел на него. Теперь есть повод за все с ним рассчитаться. [«Дети Арбата», А. Н. Рыбаков]

- (8) — Редактор здесь? — спросил Баулин.

Все задвигались, **разглядывая** (ДНСВ) Руночкина.

— Расскажите, Руночкин, как вы дошли до жизни такой, — проговорил Баулин с обычным своим зловещим добродушием. [«Дети Арбата», А. Н. Рыбаков]

III. Г, Д находятся непосредственно перед КПР (далее Г + КПР, Д + КПР)

Г + КПР

- (9) Наконец он **кашлянул** (ГСВ).

— Что ты? — спросил Илья Ильич. [«Обломов», И. А. Гончаров]

- (10) Но вот опять **звонят** (ГНСВ).

— Что это сегодня за раут у меня? — сказал Обломов. [«Обломов», И. А. Гончаров]

Д + КПР

- (11) Кузьма, как-то вдруг сразу **обессилен** (ДСВ), молчал.

— На то мы и люди, чтобы быть вместе, — говорил Евгений Николаевич. [«Последний срок», В. Г. Распутин]

- (12) Василий стоял у ворот, **выступая** (ДНСВ) из темноты высокой, крупной фигурой.

— Чего в избу не заходишь? — спросил Кузьма. [«Последний срок», В. Г. Распутин]

IV. Г, Д находятся непосредственно после КПр (далее КПр + Г, КПр + Д)

КПр + Г

- (13) — Удержите его, господина, удержите! — кричала Ольга Ивановна.

Она **кинулась** (ГСВ) за ним. [«Первые радости», К. А. Федин]

- (14) — Поехали, — закончил Мефодий.

Они **начинали** (ГНСВ) пьянеть. [«Первые радости», К. А. Федин]

КПр + Д

- (15) — Настоящий мордаш, — продолжал Ноздрев, — я, признаюсь, давно острил зубы на мордаша. На, Порфирий, отнеси его!

Порфирий, **взявши** (ДСВ) щенка под брюхо, унес его в бричку. [«Мертвые души», Н. В. Гоголь]

- (16) — Помилуйте, не только одеваться, но можете совершать при мне все, что угодно вашему превосходительству, — сказал Чириков.

Генерал стал умываться, **брызгаясь** (ДНСВ) и **фыркая** (ДНСВ), как утка. [«Мертвые души», Н. В. Гоголь]

V. Г, Д находятся на расстоянии более чем одного предложения от КПр (далее Г + более 1 пр. + КПр, КПр + более 1 пр. + Г, Д + более 1 пр. + КПр, КПр + более 1 пр. + Д). В этих случаях место КПр обычно занимает несобственно-прямая речь.

Г + более 1 пр. + КПр, КПр + более 1 пр. + Г

- (17) Вереница «уазиков» обгоняла самосвалы, шаткие автобусы с рабочей сменой. В головной машине сидел секретарь

райкома Костров, озабоченный, почти удрученный. Недавний обход строительства обнаружил множество огрехов, срывов, очередное невыполнение графиков. Станция снова **ошеломила** (ГСВ) его своей огромностью, сложностью. Он, в прошлом школьный учитель, не мог ее себе объяснить. Не мог соперничать с инженерами, создавшими станцию. Строители, виновные в неполадках и срывах, он уверен, были сведущими, образованными, знающими дело людьми. И он, не умея понять мучительную технологию стройки, драму управления, вынужден был вмешиваться, требовать, контролировать. [«Шестьсот лет после битвы», А. А. Проханов]

- (18) И эта едкая неприязнь и ревность сменились в нем смутной тревогой, посещавшей его теперь постоянно. Опасением — не за себя, а за все громадное любимое дело, за государство, которому верой и правдой служил, в незыблемость которого верил. И она, незыблемость, стала вдруг колебаться, породила страхи, сомнения. Новые времена, где ему не быть, куда **отпускал** (ГНСВ) от себя свое дело, сулили беды. И они, эти новые люди, оттеснявшие его, старика, сумеют ли справиться с бедами? Не напортят построенное с таким усилием? Не разбазарят накопленное с таким трудом? [«Шестьсот лет после битвы», А. А. Проханов]

Д + более 1 пр. + КПр, КПр + более 1 пр. + Д

- (19) Мармеладов опять остановился в сильном волнении. В это время вошла с улицы целая партия пьяниц, уже и без того пьяных, и раздались у входа звуки нанятой шарманки и детский, надтреснутый семилетний голосок, певший «Хуторок». Стало шумно. Хозяин и прислуга занялись вошедшими. Мармеладов, не **обращая** (ДНСВ) внимания на вошедших, стал продолжать рассказ. Он, казалось, уже сильно ослаб, но чем более хмелел, тем становился словоохотнее. Воспоминания о недавнем успехе по службе как бы оживили его и даже отразились на лице его каким-то сиянием. Раскольников слушал внимательно. [«Преступление и наказание», Ф. М. Достоевский]
- (20) Раскольников тотчас признал Катерину Ивановну. Это была ужасно похудевшая женщина, тонкая, довольно высокая

и стройная, еще с прекрасными темно-русскими волосами и действительно с раскрасневшимися до пятен щеками. Она ходила взад и вперед по своей небольшой комнате, **сжав** (ДСВ) руки на груди, с запекшимися губами и неровно, прерывисто дышала. Глаза ее блестели как в лихорадке, но взгляд был резок и неподвижен, и болезненное впечатление производило это чахоточное и взволнованное лицо, при последнем освещении догорающего огарка, трепетавшем на лице ее. Раскольникову она показалась лет тридцати, и действительно была не пара Мармеладову... [«Преступление и наказание», Ф. М. Достоевский].

Пять типов расположения Г, Д и КПр разделяются на три группы: а) ГКПр и ДКПр могут занимать позицию в конструкции прямой речи, б) [КПр + Г, Д + КПр], [Г, Д + КПр], [КПр + Г, Д] — могут характеризоваться очень близким расположением глагола и деепричастия к конструкции прямой речи, в) многим глагольным формам [Г, Д + более 1 пр. + КПр], [КПр + более 1 пр. + Г, Д] свойственно сравнительно отделенное расположение глагола и деепричастия от конструкции прямой речи. Учитывая данные группы, мы рассмотрим частотность расположения ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ и КПр в произведениях XIX–XX веков, разделяя их на четыре периода (первую и вторую половины XIX в. и первую и вторую половины XX в.). Нами рассмотрены контексты с 19179 ГСВ, 15324 ГНСВ, 2640 ДСВ и 4230 ДНСВ из 16 литературных произведений: 1) произведения первой половины XIX в.: «Капитанская дочка» (А. С. Пушкин), «Герой нашего времени» (М. Ю. Лермонтов), «Мертвые души» (т. 1) (Н. В. Гоголь), «Кто виноват?» (А. И. Герцен), 2) произведения второй половины XIX в.: «Обломов» (ч. 1) (И. А. Гончаров), «Рудин» (И. С. Тургенев), «Преступление и наказание» (ч. 1–2) (Ф. М. Достоевский), «Воскресение» (ч. 1) (Л. Н. Толстой), 3) произведения первой половины XX в.: «Мать» (ч. 1) (М. Горький), «Мастер и Маргарита» (М. А. Булгаков), «Поднятая целина» (к. 1) (М. А. Шолохов), «Первые радости» (К. А. Федин), 4) произведения второй половины XX в.: «Любавины» (В. М. Шукшин), «Последний срок» (В. Г. Распутин), «Дети Арбата» (А. Н. Рыбаков), «Шестьсот лет после битвы» (А. А. Проханов).

3. Анализ расположения Г, Д и КПП в произведениях XIX–XX вв.

3.1. Расположение Г и КПП

Все данные о расположении Г и КПП в произведениях XIX века сведены в *Таблицы 1 и 2*.

Таблица 1. Частотность употребления ГСВ, ГНСВ и КПП
в произведениях первой половины XIX в.
Table 1. The frequency of use of Imperfective verbs,
Perfective verbs and direct speech constructions
in the texts of the 1st half of the 19th century

Вид глагола	ГСВ			ГНСВ		
	А	б	в	а	б	в
Капитанская дочка	300	353	812	163	132	925
Герой нашего времени	253	186	790	140	113	843
Мертвые души (т. 1)	438	113	830	220	60	1295
Кто виноват?	96	86	576	71	85	903
Итого	1087	738	3008	594	390	3966

$$\chi^2=440.5870. \nu=15. p<0.005$$

Таблица 1 (как и *Таблицы 2, 3, 4*) устроена следующим образом: в строках обозначены названия произведений, в столбцах «а» — ГКПП, «б» — КПП + Г + КПП / Г + КПП / КПП + Г, «в» — Г + более одного предложения + КПП / КПП + более одного предложения + Г. Столбцы «а» и «б» содержат данные совпадающей с КПП и близкой к КПП групп, а «в» — данные по отделенной от КПП группе. Высокая частотность показана жирным. В этой таблице в 4 произведениях ГСВ и ГНСВ преимущественно употребляются в «в». Под данной и следующими далее таблицами приведено значение критерия χ^2 Пирсона, число степеней свободы для данного распределения и значение p — вероятности получения такого распределения при отсутствии различий между произведениями. При значении p меньше, чем 0,05, можно заключить, что между произведениями есть значимые различия в распределении исследуемых конструкций.

Таблица 2. Частотность употребления ГСВ, ГНСВ и КПП
в произведениях второй половины XIX в.

Table 2. The frequency of use of Imperfective verbs, Perfective verbs and
direct speech constructions in the texts of the 2nd half of the 19th century

Вид глагола	ГСВ			ГНСВ		
	а	б	в	а	б	в
«Обломов» (ч. 1)	491	153	199	174	60	493
Рудин	396	256	306	48	70	374
Преступление и наказание (ч. 1–2)	242	308	1032	128	174	1612
Воскресение (ч. 1)	294	163	1558	45	62	921
Итого	1423	880	3095	350	366	3400

$$\chi^2=1846.8821. v=15. p<0.005$$

Как видно из таблицы, ГСВ в двух произведениях («Обломов» и «Рудин») особенно часто встречается в позициях «а» и «б», а в произведениях «Преступление и наказание» и «Воскресение» глагол чаще попадает за пределы КПП («в»). Между тем как ГНСВ во всех четырех произведениях сосредоточенно употреблен в «в».

Далее мы перейдем к рассмотрению произведений XX века. Все расположения Г и КПП в произведениях XX века сведены в *Таблицу 3* и в *Таблицу 4*.

Таблица 3. Частотность употребления ГСВ, ГНСВ и КПП
в произведениях первой половины XX в.

Table 3. The frequency of use of Imperfective verbs, Perfective verbs and
direct speech constructions in the texts of the 1st half of the 20th century

Вид глагола	ГСВ			ГНСВ		
	а	б	в	а	б	в
Мать (ч. 1)	236	154	102	50	110	444
Мастер и Маргарита	337	186	505	51	81	395
Поднятая целина (к. 1)	323	222	316	102	106	381
Первые радости	240	134	234	31	53	464
Итого	1136	696	1157	234	350	1684

$$\chi^2=320.0114. v=15. p<0.005$$

Как показывает таблица, ГСВ в трех произведениях («Мать», «Поднятая целина», «Первые радости») в большинстве случаев употребляется в позициях «а» и «б», только в «Мастере

и Маргарите» — во всех трех позициях («а», «б» и «в»). Тогда как ГНСВ в 4 произведениях главным образом помещается в «в».

Таблица 4. Частотность употребления ГСВ, ГНСВ и КПП в произведениях второй половины XX в.

Table 4. The frequency of use of Imperfective verbs, Perfective verbs and direct speech constructions in the texts of the 2nd half of the 20th century

Вид глагола	ГСВ			ГНСВ		
	а	б	в	А	б	В
Любавины	1052	1002	959	221	392	1445
Последний срок	273	113	279	102	115	1317
Дети Арбата	353	149	321	112	117	869
Шестьсот лет после битвы	449	286	723	215	207	2844
Итого	2127	1550	2282	650	831	6475

$$\chi^2=1489.8258. v=15. p<0.005$$

Как видно из таблицы, ГСВ в трех произведениях («Любавины», «Последний срок», «Дети Арбата») большей частью принадлежит к «а» и «б», только в книге «Шестьсот лет после битвы» ГСВ располагается в позициях «а», «б» и «в» поровну, в то время как ГНСВ в 4 произведениях концентрированно используется в «в».

3.2. Расположение Д и КПП

Дальше будем обращать внимание на частотность расположения Д и КПП. Все примеры расположения Д и КПП в произведениях XIX века сведены в *Таблицу 5* и в *Таблицу 6*.

Таблица 5. Частотность употребления ДСВ, ДНСВ и КПП в произведениях первой половины XIX в.

Table 5. The frequency of use of Imperfective converbs, Perfective converbs and direct speech constructions in the texts of the 1st half of the 19th century

Вид деепричастия	ДСВ			ДНСВ		
	а	б	В	а	Б	в
Капитанская дочка	58	23	62	79	17	130
Герой нашего времени	63	22	48	35	14	94
Мертвые души (т. 1)	136	48	136	89	13	114
Кто виноват?	42	20	73	47	16	107
Итого	299	113	319	250	60	445

$$\chi^2=65.2222. v=15. p<0.005$$

Таблица 5 (как и Таблицы 6, 7, 8) устроена таким же образом, как и предыдущие: в строках обозначены названия произведений, в столбцах «а» — ДКПР, «б» — КПР + Д + КПР / Д + КПР / КПР + Д, «в» — Д + более одного предложения + КПР / КПР + более одного предложения + Д. [«а» и «б»] означает близкую к КПР группу, а «в» — отделенную от КПР группу. Высокая частотность показана полужирным. Как видно из таблицы, ДСВ в трех произведениях («Капитанская дочка», «Герой нашего времени», «Мертвые души») по большей части собирается в позициях «а» и «б», только в «Кто виноват?» ДСВ тяготеет к «в». Между тем ДНСВ в 4 произведениях предпочтительно входит в «в».

Таблица 6. Частотность употребления ДСВ, ДНСВ и КПР в произведениях второй половины XIX в.
Table 6. The frequency of use of Imperfective converbs, Perfective converbs and direct speech constructions in the texts of the 2nd half of the 19th century

Вид деепричастия	ДСВ			ДНСВ		
	а	б	в	а	б	в
Позиция						
Обломов (ч.1)	75	5	11	162	25	56
Рудин	48	5	33	48	7	49
Преступление и наказание (ч. 1–2)	46	10	106	110	34	142
Воскресение (ч.1)	78	43	259	24	37	385
Итого	247	63	406	344	103	632

$$\chi^2=499.0336. v=15. p<0.005$$

В этой таблице Д показывает разные частотности употребления. ДСВ в двух произведениях («Обломов» и «Рудин») главным образом тяготеет «а» и «б», а в двух других произведениях («Преступление и наказание» и «Воскресение») — к «в». При этом ДНСВ в 2 произведениях («Обломов» и «Рудин») в основном находится в «а» и «б», а в романе «Воскресение» — в «в», и к тому же в «Преступлении и наказании» ДНСВ употребляется в «а», «б» и «в» поровну.

Дальше будем рассматривать произведения XX века. Все примеры расположения Д и КПР в произведениях XX века сведены в Таблицы 7 и 8.

Таблица 7. Частотность употребления ДСВ, ДНСВ и КПП
в произведениях первой половины XX в.

Table 7. The frequency of use of Imperfective converbs, Perfective converbs and direct speech constructions in the texts of the 1st half of the 20th century

Вид деепричастия	ДСВ			ДНСВ		
	А	б	в	а	б	в
Позиция						
Мать (ч.1)	48	16	27	105	15	63
Мастер и Маргарита	61	18	49	88	24	32
Поднятая целина (к.1)	35	20	70	128	56	88
Первые радости	26	11	31	81	20	43
итого	170	65	177	402	115	226

$$\chi^2=77.50325. \nu=15. p<0.005$$

Как видно из таблицы, ДСВ в 3 произведениях («Мать», «Мастер и Маргарита», «Первые радости») чаще всего содержится в «а» и «б», только в «Поднятой целине» — в «в». В то же время, ДНСВ в 4 произведениях преимущественно относится к «а» и «б».

Таблица 8. Частотность употребления ДСВ, ДНСВ и КПП
в произведениях второй половины XX в.

Table 8. The frequency of use of Imperfective converbs, Perfective converbs and direct speech constructions in the texts of the 2nd half of the 20th century

Вид деепричастия	ДСВ			ДНСВ		
	а	б	в	а	б	В
Позиция						
Любавины	33	48	112	287	49	82
Последний срок	28	4	64	145	30	106
Дети Арбата	122	38	150	193	52	70
Шестьсот лет после битвы	17	10	152	276	95	268
Итого	200	100	478	901	226	526

$$\chi^2=293.3779. \nu=15. p<0.005$$

Как показывает таблица, ДСВ в трех произведениях («Любавины», «Последний срок», «Шестьсот лет после битвы») в большинстве случаев расположены в «в», только в «Детях Арбата» ДСВ располагается в «а» и «б». В то же время ДНСВ в 4 произведениях включены исключительно в [«а» и «б»].

Заключая нашу работу, приведем характерный текст, в котором типично употребляются ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ.

В примере (21) диалог происходит между пожилыми супругами (Гаврилой и его женой) и их земляком, казаком (Прохором). Прохор был свидетелем смерти единственного сына Гаврилы (Петро) и под пытливым взглядом и вопросами старика описывает гибель Петро во всех подробностях. Гаврила приходит в ярость от трагической новости. Гаврила Василич обращает всю боль, которая жила в его душе долгое время, на Прохора. Этот факт вносит напряжение в атмосферу диалога.

(21) Перед завтраком **глянул** (ГСВ) Гаврила в окно, **сказал** (ГСВ) почему-то шепотом:

— Прохор идет!

Вошел он, на казака не похожий, чужой обличьем. Скрипели на ногах у него кованые английские ботинки, и мешковато сидело пальто чудного покроя, с чужого плеча, как видно.

— Здорово живешь, Гаврила Василич!..

— Слава богу, служивый!.. Проходи, садись.

Прохор **снял** (ГСВ) шапку, **поздоровался** (ГСВ) со старухой и **сел** (ГСВ) на лавку, в передний угол.

— Ну, и погодка пришла, снегу надуло — не пройдешь!..

— Да, снега нынче рано упали... В старину в эту пору скотина на подножном корму ходила.

На минутку тягостно **замолчали** (ГСВ). Гаврила, с виду равнодушный и твердый, **сказал** (ГСВ):

— Постарел ты, парень, в чужих краях!

— Молодеть-то не с чего было, Гаврила Василич! — **улыбнулся** (ГСВ) Прохор.

Зайкнулась (ГСВ) было старуха:

— Петра нашего...

— Замолчи-ка, баба!.. — строго **прикрикнул** (ГСВ) Гаврила. — Дай человеку опомниться с морозу, успеешь... узнать!..

Поворачиваясь (ДНСВ) к гостю, **спросил** (ГСВ):

— Ну как, Прохор Игнатич, протекала ваша жизнь?

— Хвалиться нечем. Дотянул до дому, как кобель с отбитым задом, и то — слава богу.

— Та-а-ак... Плохо у турка жилось, значит?

— Концы с концами насилу связывали. — Прохор **побарабанил** (ГСВ) по столу пальцами. — Однако и ты, Гаврила

Василич, дюже постарел, седина вон как обрызгала тебе голову... Как вы тут живете при Советской власти?

— Сына вот жду... стариков, нас докармливать... — криво **улыбнулся** (ГСВ) Гаврила.

Прохор торопливо **отвел** (ГСВ) глаза в сторону. Гаврила **приметил** (ГСВ) это, **спросил** (ГСВ) резко и прямо:

— Говори: где Петро?

— А вы разве не слыхали?

— По-разному слыхали, — **отрубил** (ГСВ) Гаврила.

Прохор **свил** (ГСВ) в пальцах грязную бахромку скатерти, **заговорил** (ГСВ) не сразу:

— В январе, кажись... Ну да, в январе, стояли мы сотней возле Новороссийского... Город такой у моря есть... Ну, обнакновенно стояли...

— Убит, что ли?.. — **нагибаясь** (ДНСВ), низким шепотом **спросил** (ГСВ) Гаврила.

Прохор, не **поднимая** (ДНСВ) глаз, **промолчал** (ГСВ), слово и не слышал вопроса.

— Стояли, а красные прорывались к горам: к зеленым на соединенье. Назначает его, Петра вашего, командир сотни в разъезд... Командиром у нас был подъесаул Сенин... Вот тут и случись... понимаете...

Возле печки звонко **стукнул** (ГСВ) упавший чугун, старуха, **вытягивая** (ДНСВ) руки, **шла** (ГНСВ) к кровати, крик **распирал** (ГНСВ) ей горло.

— Не вой!!! — грозно **рявкнул** (ГСВ) Гаврила и, **облокотясь** (ДНСВ) о стол, **глядя** (ДНСВ) на Прохора в упор, медленно и устало **проговорил** (ГСВ): — Ну, кончай!

— Срубили!.. — **бледнея** (ДНСВ), **выкрикнул** (ГСВ) Прохор и **встал** (ГСВ), **нащупывая** (ДНСВ) на лавке шапку. — Срубили Петра... насмерть... Остановились они возле леса, коням передышку давали, он подпругу на седле отпустил, а красные из лесу... — Прохор, **захлебываясь** (ДНСВ) словами, дрожащими руками **мял** (ГНСВ) шапку. — Петро черк за луку, а седло коню под пузо... Конь горячий... не сдержал, остался... Вот и все!..

— А ежели я не верю?.. — раздельно **сказал** (ГСВ) Гаврила.

Прохор, не **оглядываясь** (ДНСВ), торопливо **пошел** (ГСВ) к двери.

— Как хотите, Гаврила Василич, а я истинно... Я правду говорю... Гольную правду... Своими глазами видал...

— А ежели я не хочу этому верить?! — багровея, **захрипел** (ГСВ) Гаврила. Глаза его **налились** (ГСВ) кровью и слезами. **Разодрав** (ДСВ) у ворота рубаху, он голой волосатой грудью **шел** (ГНСВ) на оробевшего Прохора, **стонал** (ГНСВ), **запрокидывая** (ДНСВ) потную голову:

— Одного сына убить?! Кормильца?! Петьку мово?! Бре- шешь, сукин сын!.. Слышишь ты?! Бре- шешь! Не верю! [«Чужая кровь», М. А. Шолохов].

В данном фрагменте используются только близкие к КПР группы (ГКПР, ДКПР, КПР + Г + КПР, КПР + Д + КПР). Среди них подавляющее большинство составляют ГСВ и ДНСВ: 30 ГСВ (*глянул, сказал* (3), *снял, поздоровался, сел, замолчали, улыбнулся* (2), *заикнулась, прикрикнул, спросил* (3), *побарабанил, отвел, заметил, отрубил, свил, заговорил, промолчал, стукнул, рявкнул, проговорил, выкрикнул, встал, пошел, захрипел, налились*) и 11 ДНСВ (*поворачиваясь, нагибаясь, поднимая, вытягивая, глядя, бледнея, нащупывая, захлебываясь, оглядываясь, багровея, запрокидывая*). В то время ГНСВ и ДСВ немногочисленны: 5 ГНСВ (*шла, распирал, мля, шел, стонал*) и всего 1 ДСВ (*разодрав*). Таким образом, ГСВ и ДНСВ активнее участвуют в фигурированной ситуации, чем ГНСВ и ДСВ.

4. Заключение

Частотность расположения Г, Д и КПР в произведениях XIX–XX веков резюмирована в *Таблице 9* на с. 338. («ОК» означает высокую частоту. / «?» — возможность высокой частоты.)

На основании данных, представленных в *Таблице 9*, можно сделать следующие выводы.

ГЛАГОЛ:

В первой половине XIX века независимо от аспектуального различия Г в общем занимает отделенное от КПР место. Но во второй половине XIX века ГСВ не находит себе преимущественного места по отношению к КПР, тогда как ГНСВ показывает заметную ориентированность на отдаленное место от КПР. Кроме того, в первой

Таблица 9. Частотность расположения Г, Д и КПП
в произведениях XIX–XX вв.

Table 9. The frequency of verbs, converbs and direct speech constructions
in the texts of the 19–20th centuries

			XIX в.		XX в.	
			п. п.	в. п.	п. п.	в. п.
Г	СВ	близкое к КПП		ОК	ОК	ОК
		отделенное от КПП	ОК	ОК		
	НСВ	близкое к КПП				
		отделенное от КПП	ОК	ОК	ОК	ОК
Д	СВ	близкое к КПП	ОК	ОК	ОК	
		отделенное от КПП		ОК		ОК
	НСВ	близкое к КПП		ОК	ОК	ОК
		отделенное от КПП	ОК	?		

половине и во второй половине XX века ГСВ и ГНСВ симметрично помещаются: ГСВ — близко к КПП, а ГНСВ — далеко от КПП.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ:

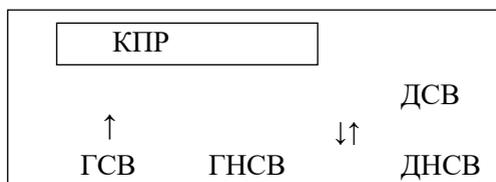
В первой половине XIX века Д обычно занимает контрастные места в зависимости от аспекта: ДСВ — близкое к КПП место, а ДНСВ — отдаленное от КПП место. Однако во второй половине XIX века ДСВ не стабилизируется по отношению к КПП, а ДНСВ, колеблясь, склоняется к близкому к КПП месту. После этого ДСВ между первой и второй половинами XX века проявляет противоположные тенденции: в первой половине ДСВ главным образом направляется на близкое к КПП место, а во второй половине — на отдаленное от КПП место. В то же время ДНСВ в первой половине и во второй половине XX века последовательно располагается близко от КПП.

Другими словами, в современных произведениях ГСВ и ДНСВ сильнее (ДСВ слабее) тяготеют к фигурированной ситуации, чем в классических. Только ГНСВ независимо от периода постоянно отдаляется от фигурированной ситуации.

Итак, результаты нашего анализа отражены в схеме 1.

Схема 1. Изменение отношений ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ с КПП
в произведениях XIX–XX вв.

Scheme 1. The change in relations between Perfective verbs, Imperfective verbs, Perfective converbs, Imperfective converbs, and direct speech constructions in the texts of the 19–20th centuries

XIX век получил название «золотого века» русской культуры, которая заняла выдающееся положение в общемировой культуре. Именно во второй половине XIX века были созданы произведения, по которым и сегодня во всем мире судят о русской культуре и русском характере в целом. Описывая морфологическую систему русского литературного языка во второй половине XIX века, В. В. Виноградов [Виноградов 1982] отмечает, что она подверглась большим изменениям. По его словам, «процесс стабилизации грамматической системы русского литературного языка во второй половине XIX в. сопровождается унификацией грамматических форм — при очень значительном усложнении их функций — и заметным сдвигом в сторону аналитического строя, вытесняющего по многим направлениям элементы былого синтетизма» [Виноградов 1982: 477]. Имея в виду, что в произведениях второй половины XIX века, в отличие от других периодов, наблюдаются ощутимые колебания в отношениях Г и Д с КПП, можно сказать, что на диахроническом изменении отношений Г и Д с КПП сказываются динамические процессы, отраженные в русских литературных произведениях XIX–XX веков.

Как уже сказано, КПП (соответствующая фигуре) является одним из сильнейших средств передачи эмоций и связанных с ними оттенков смысла. В современных произведениях ГНСВ и ДСВ, ГСВ и ДНСВ крепко связываются с КПП и помогают выражать напряженную ситуацию.

Литература

Аристотель 1984 — Аристотель. Поэтика. Сочинения в 4-х тт. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 645–680.

- Баранов, Крейдлин 1992 — А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 84–93.
- Бондарко 1998 — А. В. Бондарко. Проблемы инвариантности / вариантности и маркированности / немаркированности в сфере аспектологии // М. Ю. Черткова (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 64–80.
- Виноградов 1980 — В. В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы» // В. В. Виноградов О языке художественной прозы. Избранные труды. Т. 5. М.: Наука, 1980. С. 176–249.
- Виноградов 1982 — В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982.
- Виноградов 1986 — В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986.
- Золотова и др. 1998 — Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 1998.
- Китадзё 2014 — М. Китадзё. Видовые синонимичные формы русских деепричастий и причастий в художественном тексте // О. Я. Титаренко (ред.). Типология вида / аспекта: проблемы, поиски, решения. Симферополь: ДИАЙПИ, 2014. С. 30–48.
- Маслов 1984 — Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984.
- Падучева 1993 — Е. В. Падучева. Результативные значения несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное // Вопросы языкознания. 1993. № 1. С. 64–74.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: введение в проблематику. М.: УРСС, 2000.
- Поспелов 1990 — Н. С. Поспелов. Мысли о русской грамматике. Избранные труды. М.: Наука, 1990.
- Якобсон 1972 — Р. О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Б. А. Успенский, Г. О. Ревзина (ред.). Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
- Clark, Gerring 1990 — H. H. Clark, R. J. Gerring. Quotations as demonstrations // *Language*. 1990. Vol. 66. No. 4. P. 764–805.
- Fontaine 1983 — J. Fontaine. Grammaire du texte et aspect du verbe en russe contemporain. Paris: Institut d'Études Slaves, 1983.
- Hopper, Thompson 1983 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. Vol. 56. No. 2. P. 251–299.
- Rubin 1915 — E. Rubin. Synsoplevede figurer, studier i psykologisk analyse. Kobenhavn og Kristiania: Gyldendal, Nordisk forlag, 1915.
- Waltz 1976 — N. Waltz. Discourse functions of Guanano sentence and paragraph // R. E. Longacre (ed.). *Discourse Grammar: studies in indigenous*

- languages of Colombia, Panama and Ecuador. Pt. 1. Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1976. P. 21–145.
- Wierzbicka 1974 — A. Wierzbicka. The semantics of direct and indirect discourse // Paper in linguistics. 1974. Vol. 7. Iss. 3–4. P. 267–307.
- Witte 1977 — P. Witte. Function of the Andoke copulative in discourse and sentence structure // R. E. Longacre (ed.). Discourse Grammar: studies in indigenous languages of Colombia, Panama and Ecuador. Pt. 3. Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1977. P. 253–288.

References

- Aristotle 1984 — Aristotle. Poetika. Sochineniya v 4-h tt. T. 4 [Poetics. Complete collection in 4 vol. Vol. 4]. Moscow: Mysl, 1984. P. 645–680.
- Baranov, Kreidlin 1992 — A. N. Baranov, G. E. Kreidlin. Struktura dialogicheskogo teksta: leksicheskie pokazateli minimalnykh dialogov [Structure of a dialogical text: lexical markers of minimum dialogues]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1992. No. 3. P. 84–93.
- Bondarko 1998 — A. V. Bondarko. Problemy invariantnosti / variantnosti i markirovannosti / nemarkirovannosti v sfere aspektologii [The problem of invariance / variation and markedness / unmarkedness in the field of aspectology]. M. Iu. Chertkova (ed.). *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya* [Typology of aspect: problems, search, decision]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kultury”, 1998. P. 64–80.
- Clark, Gerring 1990 — H. H. Clark, R. J. Gerring. Quotations as demonstrations. *Language*. 1990. Vol. 66. No. 4. P. 764–805.
- Fontaine 1983 — J. Fontaine. Grammaire du texte et aspect du verbe en russe contemporain. Paris: Institut d’Études Slaves, 1983.
- Hopper, Thompson 1983 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse. *Language*. 1980. Vol. 56. No. 4. P. 251–299.
- Jakobson 1972 — R. O. Jakobson. Shiftery, glagolnye kategorii i russkiy glagol [Shifters, verbal categories and the Russian verb]. B. A. Uspenskiy, G. O. Revzina (eds.). *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of various structure]. Moscow: Nauka, 1972. P. 95–113.
- Kitajo 2014 — M. Kitajo. Vidovye sinonimichnye formy russkikh dееprichastiy i prichastiy v khudozhestvennom tekste [Aspectual synonymous forms of Russian verbs and converbs in the literary text]. O. Ya. Titarenko (ed.). *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya* [Typology of aspect: problems, search, decision]. Simferopol: DIAIPI, 2014. P. 30–48.
- Maslov 1984 — Iu. S. Maslov. Ocherki po aspektologii [The Essays on aspectology]. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1984.
- Paducheva 1993 — E. V. Paducheva. Rezultativnye znachenya nesovershenno-go vida v russkom yazyke: obshchefakticheskoe i aktsionalnoe [Resultative

- meaning of the imperfective aspect in Russian language: obshchefakticheskoe and aktsionalnoe]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1993. No. 1. P. 64–74.
- Plungian 2000 — V. A. Plungian. Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku [General morphology: introduction to problematics]. Moscow: URSS, 2000.
- Pospelov 1990 — N. S. Pospelov. Mysli o russkoy grammatike. Izbrannye trudy [Thoughts on Russian grammar. Selected Writings]. Moscow: Nauka, 1990.
- Rubin 1915 — E. Rubin. Synsoplevede figurer, studier i psykologisk analyse. Kobenhavn og Kristiania: Gyldendal, Nordisk forlag, 1915.
- Vinogradov 1980 — V. V. Vinogradov. Stil “Pikovoy damy” [The style of “The Queen of Spades”]. V. V. Vinogradov. *O yazyke khudozhestvennoy prozy. Izbrannye trudy*. T. 5 [On the language of literary prose. Selected Writings. Vol. 5]. Moscow: Nauka, 1980. P. 176–249.
- Vinogradov 1982 — V. V. Vinogradov. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov [The Essays on the history of the Russian literary language of the 17–19 century]. Moscow: Vysshaya shkola, 1982.
- Vinogradov 1986 — V. V. Vinogradov. Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [The Russian language. The grammatical doctrine of the word]. Moscow: Vysshaya shkola, 1986.
- Waltz 1976 — N. Waltz. Discourse functions of Guanano sentence and paragraph. R. E. Longacre (ed.). *Discourse Grammar: studies in indigenous languages of Colombia, Panama and Ecuador*. Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1976. P. 21–145.
- Wierzbicka 1974 — A. Wierzbicka. The semantics of direct and indirect discourse. *Paper in linguistics*. 1974. Vol. 7. Iss. 3–4. P. 267–307.
- Witte 1977 — P. Witte. Function of the Andoke copulative in discourse and sentence structure. R. E. Longacre (ed.). *Discourse Grammar: studies in indigenous languages of Colombia, Panama and Ecuador*. Pt. 3. Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1977. P. 253–288.
- Zolotova et al. — G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Iu. Sidorova. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative grammar of Russian language]. Moscow: Nauka, 1998.

**5. Особенности усвоения
русской глагольной системы
детьми**

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНИМАНИЯ ФАЗОВОЙ СТРУКТУРЫ ДЕЙСТВИЯ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ*

П. М. Эйсмонт

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
p.eysmont@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования у детей понимания фазовой структуры глагольного действия. Материалом анализа стали 213 устных неподготовленных извлеченных текстов русскоязычных монолингвов в возрасте от 2;7 до 7;6 лет¹. Полученные результаты показали, что к семилетнему возрасту дети овладевают основными способами выражения фазовых значений, однако фазовые глаголы появляются в их речи только в возрасте 4;6 лет. До этого возраста дети выражают фазовые значения посредством префиксальных глаголов. Кроме того, полученные данные подтвердили зависимость понимания фазовой структуры от когнитивного развития ребенка, а также влияние на ее выражение типа текста (например, нарратива). Анализ средств выражения начальной фазы действия показал, что на протяжении развития речи способы выражения фазового значения проходят следующие стадии: префиксация > фазовый глагол *стать* > фазовый глагол *начать* / *начинать* > глаголы *пойти* и *решить* / *решать* (последние начинают выражать фазовое значение после 7–8-летнего возраста). Отсутствие в речи детей оценочных коннотаций, а также периферийных способов выражения фазового значения не позволяет утверждать, что к семилетнему возрасту фазисно-временные способы глагольного действия уже полностью усвоены русскоязычными детьми.

Ключевые слова: детская речь, фазовые глаголы, нарратив, семантика, аспектуальность.

---

* Проект № 16-04-50114-ОГН «Усвоение семантико-синтаксической структуры русского глагола» выполнен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

¹ Возраст детей указан в форме год;месяц, например, 5;10 означает 5 лет 10 месяцев.

Developing the phase structure understanding in child language

P. M. Eismont

Saint Petersburg State University, St. Petersburg
p.eysmont@spbu.ru

Abstract. The paper discusses the problem of phase structure acquisition in Russian children. The study is based on 213 oral unprepared elicited narratives by Russian monolingual children at ages from 2 years and 7 months to 7 years and 6 months old. The findings show that discerning action phases depends on the development level of the child's cognitive abilities as well as on the type of the text: for example, unprepared narratives require the use of starting-phase verbs, continuing actions may be described with repeated verb forms, while concluding phases are usually omitted. My analysis shows that Russian-speaking children start using prototypical phase verbs as of the age of 4 years and 6 months, prior to which they tend to describe the starting phase of actions by using prefixed inchoative verbs. In the course of language mastering, the composition of starting-phase descriptions evolves in the following order: prefixation > phase verb *stat* 'become' > phase verb *nachat/nachinat* 'begin' > verbs *poyti* 'go' and *reshit/reshat* 'decide' (notably, the latter only acquire phase meanings at an age of 7 to 8 years). Thus, at early stages of language acquisition, phase meanings tend to be expressed by verbs' lexical meanings. The lack of evaluation connotations in the use of phase verbs in child speech and the poor repertoire of peripheral phase verbs prove that although Russian-speaking children generally master phase meanings by the age of 7 years and 6 months, one cannot describe this ability as developed in full.

Keywords: child language, language acquisition, phase verbs, narrative, semantics, aspect.

1. Введение

Действия являются центральным компонентом не только окружающей нас действительности, но и отражающей эту действительность речи. Действие формирует ситуацию, изменяет ее, организует характер взаимодействия участвующих в ней объектов и субъектов.

Выражающие действия глаголы занимают центральную позицию в предложении и определяют его семантическую и синтаксическую структуру.

Исследования детской речи показывают, что глаголы появляются в речи ребенка довольно поздно, уступая именам существительным и некоторым именам прилагательным [Цейтлин 2000; Воейкова 2011; Елисеева 2014]. Такая очередность вызвана не только когнитивным развитием ребенка, но и сложностью самих действий, их разнообразием и многоуровневым устройством. Многие действия плохо наблюдаемы. Мы часто судим о совершенном действии, исходя из видимых изменений ситуации, произошедших в результате данного события. И дети на ранних этапах развития речи склонны актуализировать именно результат действия или объект, над которым действие было совершено, а не использовать какую-либо глагольную лексему. Для выбора правильного глагола говорящему надо оценить внутреннюю структуру действия, осознать его причинно-следственные связи, его точечный или протяженный во времени характер, закономерности его развития. Все эти когнитивные способности формируются у ребенка постепенно в возрасте с 2 до 3 лет, когда и происходит лексический глагольный взрыв [Гагарина 2008; Елисеева 2014], устанавливаются грамматические категории времени, вида, падежа, появляются сложные синтаксические структуры [Лепская 1997; Цейтлин 2000; Елисеева 2014].

В статье рассматривается ход формирования у детей фазовой структуры действия — его начала, продолжительности и завершения. В *Разделе 2* рассматриваются некоторые вопросы семантики фазового значения и способы выражения фаз в русском языке, а также дается обзор работ по исследованию отражения структуры действия в детской речи. *Раздел 3* посвящен описанию анализируемого материала и обсуждению полученных результатов. В *Разделе 4* формулируются выводы и заключительные положения.

2. Глагольное действие в детской речи

Семантика глагольного действия, в которой отражены тип действия, способы его изменения и этапы его совершения, является одним из определяющих факторов выбора конкретной глагольной лексики и ее грамматической формы. Фазисно-временной способ действия может быть выражен как синтетически (при

помощи префикса), так и аналитически при помощи фазового глагола. В литературе нет единого мнения о грамматическом статусе таких глаголов. Хотя выражаемые этими глаголами значения относятся к полю аспектуальности и столь же успешно выражаются морфологическими средствами, синтаксически и семантически они не могут считаться эквивалентными вспомогательным глаголам. В. С. Храковский называет фазовые глаголы «квази-предикатами», отмечая отсутствие у них непосредственной семантической связи с субъектом [Храковский 1987], а Е. В. Грудева подчеркивает, что эти глаголы являются функторами (в терминологии В. Б. Касевича) и имеют только одну семантическую валентность на пропозицию, выраженную либо инфинитивом, либо отглагольным именем [Грудева, Кузьмина 2009] (см. также в [Падучева 2001; Падучева 2004] о семантических различиях между данными способами выражения пропозиций). В связи с этим многие авторы склонны считать такие глаголы полувспомогательными (или полуграмматическими) [Michaelis 1998; Кустова 2002; Грудева, Кузьмина 2009; Курганова 2011].

Какое бы средство ни было использовано для выражения фазисно-временной характеристики действия, возникает так называемая «расчлененная номинация действия» [Грудева, Кузьмина 2009]. Основная задача фазового глагола — вычленять в действии его начальную, срединную (продолжительную) и конечную фазы («линейная аспектуальность» [Плунгян 2003]). Сами эти фазы неравнозначны. Начальная и конечная фазы соотносятся со значением предела, при этом начальная фаза оказывается более значимой [Маслов 1978; Кустова 2002; Падучева 2004]. Начальная фаза фиксирует возникновение чего-то нового, что не существовало ранее (ср. трактовку начинательности через понятия существования и бытийности в [Кустова 2002; Падучева 2004]). В отличие от этого, конец действия всегда приводит к достижению определенного результата и является, таким образом, полисемичным [Michaelis 1998; Петрухина 2009]. Самой «незаметной» оказывается срединная (продолжительная) фаза, которая является нейтральной как с точки зрения временных рамок, так и с точки зрения внутренних изменений действия [Апресян 2017].

Еще один тип аспектуальной семантики, не относящийся непосредственно к выделению определенной фазы действия, но, тем не менее, характеризующий его фазисно-временные свойства, — это

ограничительное значение, выражаемое делимитативными префиксами [Петрухина 2009]. Особенностью этого значения является указание на продолжительность действия, на его видимую завершенность без указания временных границ его протекания. Однако омонимичность выражающего делимитативное значение префикса *по-* (*погулять, попеть*) ингрессивному *по-* (*подуть, потечь*) и результативному *по-* (*позвонить, поздороваться*) может приводить к смешению этих значений, особенно в ходе усвоения речи ребенком.

Исследования развития понимания и выражения аспектуальности в детской речи начались сравнительно недавно. Сложность анализа заключается не только в том, что аспектуальные значения могут выражаться и лексически, и грамматически, но и в том, что аспектуальность тесно связана с пониманием и выражением времени — когнитивной категорией, которая формируется у детей достаточно поздно (см. обзор исследований по усвоению аспектуальности в [Stoll 2005]). Полученные результаты подтвердили отмеченные еще первыми исследователями [Гвоздев 1981] наблюдения о более раннем появлении в речи детей глагольных форм совершенного вида прошедшего времени по сравнению с формами несовершенного вида настоящего времени² и позволили выдвинуть так называемую *The Aspect-before-Tense Hypothesis*, в соответствии с которой на ранних этапах речевого развития глагольные маркеры отражают исключительно аспектуальные, а не временные значения [Antinucci, Miller 1976]. Более поздние исследования выявили противоречащие столь жесткой формулировке данные (напр., в румынском и итальянском языках) и уточнили гипотезу, указав, что лексическая аспектуальность подсказывает употребление тех или иных временных маркеров, однако ни отрицать, ни утверждать сформированность у детей временной системы невозможно³ [Shirai, Andersen 1995; Stoicescu 2009; Shirai 2013; Bertinetto 2015].

---

² Другой причиной более позднего появления форм несовершенного вида настоящего времени может быть его бóльшая многозначность и метонимичность по сравнению с прошедшим временем [Князев 2002].

³ Сложность формирования когнитивной категории времени заключается в ее многоуровневости. Р. Вист выделяет 4 этапа усвоения этой категории: с года до 1;6 — *speech time system* (время речи совпадает с временем события, «здесь и сейчас»), с 1;6 до 2;6 — *event time system* (формируется понимание временной структуры события), с 2;6 до 3;0 — *restricted reference system* (время становится

Наибольший вклад в изучение процесса усвоения аспектуальности русскоязычными детьми внесли работы С. Штолль (Stoll 1998, Stoll 2005) и Н. В. Гагариной (Гагарина 2007, Гагарина 2008). Исследования С. Штолль позволили выявить роль контекста и типа высказывания в реализации в детской речи аспектуальных значений. Проведенный ею анализ показал, что нарративный текст провоцирует употребление ингрессивных глаголов, однако не оказывает влияния на частотность глаголов иных способов действия [Stoll 2005]. Этапы формирования функционально-семантического поля аспектуальности в детской речи удалось выявить Н. В. Гагариной [Гагарина 2008]. Она показала, что хотя формирование и категории вида, и категории времени зависят от когнитивного развития ребенка, их функционирование в речи развивается по-разному. Поскольку аспектуальное значение тесно связано с лексическим значением глагола и даже зависит от него, его понимание формируется у детей раньше, чем они усваивают различные способы его выражения. В отличие от этого временные маркеры дети усваивают раньше, чем у них формируется когнитивное понимание устройства времени вообще и временной системы языка в частности.

Таким образом, все исследователи детской речи (независимо от усваиваемого языка) сходятся в выводе о достаточно раннем понимании детьми основных аспектуальных значений и способов глагольного действия, однако процесс овладения всеми возможными средствами их выражения и вычленения периферийных значений функционально-семантического поля аспектуальности пока остается недостаточно изученным.

3. Развитие понимания фазовой структуры

3.1. Материал

Материалом анализа стали устные монологические нарративы, полученные в ходе проведения серии экспериментов с русскоязычными детьми в возрасте от 2;7 до 7;6, посещающими детские сады г. Санкт-Петербург [Эйсмонт 2017а]. Всего было получено 213

относительной категорией, но относится всегда к какому-то одному определенному моменту), с 3;0 до 4;0 — free reference system (формируется «взрослое» понимание временной относительности) [Weist 1986].

устных неподготовленных извлеченных текстов. Все дети были разделены на 5 экспериментальных групп, сбалансированных по возрасту и полу (см. табл. 1).

Таблица 1. Возраст и пол испытуемых
Table 1. Age and gender of the participants

Группа	М	Ж	Кол-во испытуемых	Средний возраст в месяцах (М)
1	21	16	37	37.37
2	30	20	50	49.98
3	25	24	49	59.71
4	20	22	42	72.10
5	16	19	35	83.26

Для проведения исследования было подобрано 3 экспериментальных дизайна, в зависимости от уровня когнитивного развития детей [Ambridge, Rowland 2013; Эйсмонт 2016]. Эксперимент с детьми самого младшего возраста (от 2;7 до 3;6) проходил в форме игры: перед ребенком стоял стол, за которым сидели два помощника экспериментатора, разделенные «стеной». Один из экспериментаторов при помощи двух игрушек-бибабо выполнял различные действия, а второй экспериментатор должен был их воспроизвести. Однако из-за «стены» он не мог видеть первого экспериментатора, и ребенок должен был ему помочь, описывая выполненные первым экспериментатором действия. Для подтверждения того, что ребенок правильно понимает задание, а также для получения более широкой речевой продукции второй экспериментатор иногда намеренно выполнял не те действия, на которые указывал ребенок, и испытуемому приходилось его корректировать и заново описывать произведенные первым экспериментатором действия.

Поскольку после трехлетнего возраста в речи ребенка уже начинают появляться связные монологические тексты [Bamberg 1987; Nickmann 2003], дети четырех старших возрастных групп должны были рассказать связную историю, основываясь либо на книжке с картинками (дети в возрасте от 3;7 до 4;6), либо на беззвучном фрагменте мультфильма (дети в возрасте от 4;7 до 7;6). Для проведения эксперимента с детьми второй возрастной группы была выбрана книжка В. Сутеева «Три котенка», а для проведения эксперимента с детьми трех старших возрастных групп был выбран 4-минутный фрагмент мультфильма «Как стать большим»

(Союзмультфильм, 1967). Каждый ребенок опрашивался индивидуально, все тексты были записаны на видео- и аудионосители. У детей не было времени на предварительное знакомство с содержанием книжки или мультфильма, нарративы порождались одновременно с просмотром экспериментального материала.

3.2. Результаты и анализ

Для проведения анализа все полученные тексты были переведены в орфографическую запись. Общий объем полученных текстов составил 25689 словоупотреблений, из них 6521 словоупотребление являются глаголами⁴ (в *Таблице 2* представлено общее число словоупотреблений, количество глагольных словоформ по возрастным группам и процентное соотношение фазовых глаголов к общему числу глагольных словоформ в каждой возрастной группе).

Таблица 2. Общее число словоупотреблений, количество глагольных словоупотреблений и процентное соотношение глаголов с фазовым значением в каждой возрастной группе

Table 2. The amount of all tokens, the amount of verbal tokens and the percentage of phasic verbs in each age group

Группа	Кол-во с/у	Среднее кол-во с/у (М)	Кол-во глагольных форм	Среднее кол-во глагольных форм (М)	Кол-во глаголов с выраженным фазовым значением (в %)
1	768	20,76	368	9,95	4,0
2	4338	86,76	1002	20,04	3,8
3	6190	126,33	1603	32,65	7,95
4	7453	177,45	1808	43,05	10,3
5	6940	198,29	1740	49,74	11,5

Дети всех возрастных групп использовали в своей речи глаголы, выражающие фазовое значение, однако в текстах детей младшего возраста (две младшие возрастные группы) были обнаружены

⁴ Все полученные тексты представлены в корпусе, размещенном в интернете по адресу: <https://konduitcorpus.ru>. На сайте также организован поиск по глагольной лемме или по глагольной словоформе, что позволяет познакомиться со всеми вошедшими в анализ глаголами, выражающими фазовое значение.

только префиксальные (начинательные⁵) глаголы, а собственно фазовые глаголы появляются в речи детей только с 4,7 лет⁶ (см. Рис. 1):

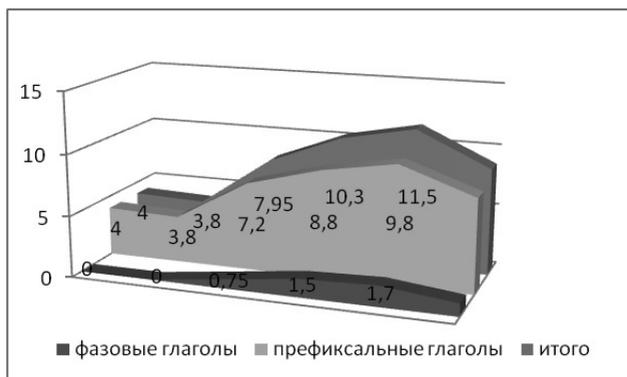

Рис. 1. Процент глаголов, выражающих фазовое значение, от общего числа глагольных словоупотреблений в каждой возрастной группе

Рис. 1. The percentage of phasic verbs out of all verbal tokens in each age group

Как видно из этой диаграммы, заметный рост употребления выражающих фазовое значение глаголов у детей анализируемого возрастного периода происходит не за счет активного употребления фазовых глаголов. Столь позднее появление фазовых глаголов также может быть связано с более поздним появлением в детской речи аналитических форм, так как фазовые глаголы, хотя и не могут считаться исключительно формальными и полностью грамматикализованными, тем не менее являются в определенной степени полуграмматическими [Кустова 2002].

Все фазовые глаголы, обнаруженные в анализируемых текстах, являются прототипичными способами выражения соответствующих фаз и входят в десятку самых частотных фазовых глаголов

⁵ Глаголы с начинательным значением в зависимости от отношения к признаку длительности / недлительности распределяются на две группы — инхоативные (с префиксом *no-*) и ингрессивные (с префиксом *za-*) [Прокопович 1952]. В данной статье оба типа рассматриваются вместе, так как общее число примеров таких глаголов во всех группах слишком мало для проведения статистически релевантного анализа их взаимоотношения.

⁶ Дети второй возрастной группы активно использовали в своей речи глагол *стать* в значениимены состояния [Эйсмонт 2017б], однако не было обнаружено ни одного примера его использования именно в фазовом значении.

по данным Национального корпуса русского языка [Грудева, Кузьмина 2009]: *начать / начинать, стать, пойти, продолжать, перестать* (на Рис. 2 представлено общее количество фазовых глагольных словоформ).

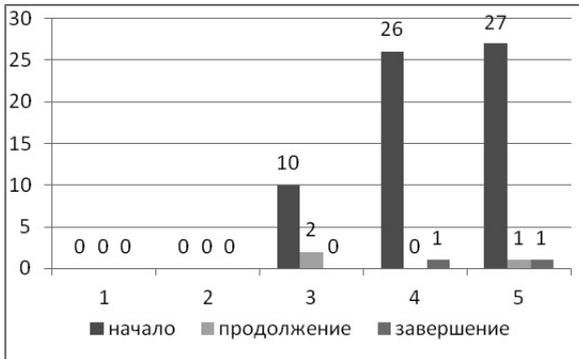

Рис. 2. Частотность выражения начальной, продолжительной и конечной фаз при помощи фазовых глаголов (в абсолютных числах)

Fig. 2. The frequency of expression of the initial, continuous and final phases of an action by phasic verbs (in absolute numbers)

Как видно из диаграммы, самое большое внимание дети уделяют начальной фазе глагольного действия. Сопоставление функционирования начинательных глаголов *стать* и *начать / начинать* показывает этапы появления фазовых глаголов в детской речи (см. Рис. 3).

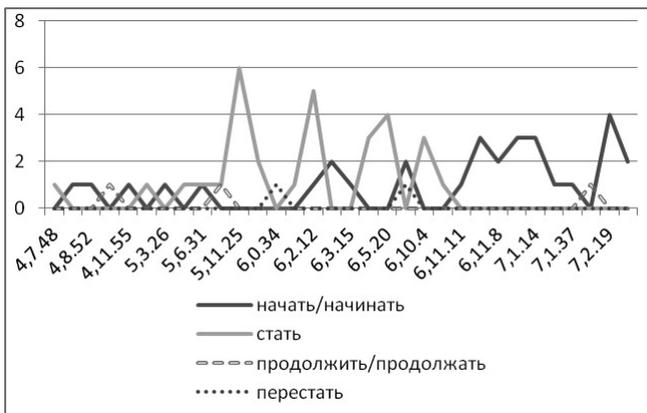

Рис. 3. Употребление фазовых глаголов детьми в возрасте от 4;7 до 7;6

Fig. 3. The use of phasic verbs by children aged from 4;7 to 7;6

В возрасте от 4;7 до 5;7 каждый ребенок использует только какой-либо один из этих глаголов; в возрасте от 5;8 до 6;10 общее количество фазовых глаголов увеличивается, появляются глаголы, характеризующие другие фазы действия, однако начальная фаза значительно чаще выражена при помощи глагола *стать*: *там котенок стал на дерево карабкаться* (Ж, 5;6), *мама-кошка покосилась на стул / и стала разговаривать по телефону* (Ж, 6;5). И только после 6;11 лет сферы употребления этих глаголов окончательно дифференцируются, и глагол *начать* / *начинать* остается единственным средством выражения начинательности. Такая конкуренция между двумя основными выражающими начинательность глаголами может свидетельствовать о том, что в процессе становления языковой системы дети (возможно, даже в отличие от многих взрослых носителей русского языка) ярко чувствуют те незначительные семантические различия, которые существуют между этими глаголами, поскольку глагол *стать* не столько отражает наличие последовательной фазы в самом действии, сколько просто фиксирует смену одного действия другим [Падучева 2004; Молдован 2010]. Наблюдаемое же предпочтение после 6,11 лет именно глагола *начать* / *начинать* показывает, что только к этому возрасту понимание и фазовой структуры глагола, и владение средствами ее выражения можно считать сформированными.

Способы характеристики глагольного действия при помощи префикса также меняются с возрастом (см. Рис. 4).

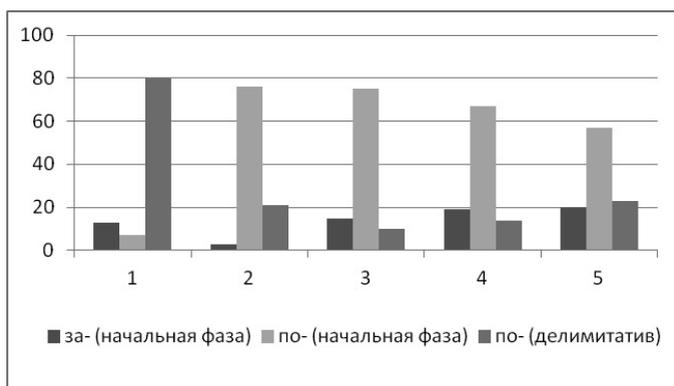

Рис. 4. Распределение префиксальных глаголов с фазовым значением по возрастным группам

Pic. 4. The distribution of phasic verbs with prefixes by age groups

Такое распределение начинательных и делимитативных глаголов может быть вызвано несколькими причинами. Значительное преобладание в речи детей самого младшего возраста делимитативов не может свидетельствовать о сформированности у них понимания делимитативного значения, так как и в самой ситуации, и в лингвистическом контексте отсутствовали какие-либо указания на временной промежуток. Используемые детьми делимитативы не выражают временную ограниченность или неполноту совершенного действия, а указывают на сам факт того, что это действие происходило: *они поразговаривали* (М, 3,4); *попели песенку* (Ж, 3,5). В этом возрасте для детей когнитивно значимым для описания действия является его результативность [Гагарина 2008], и делимитативное и результативное значения приставки *по-* к 3,5 годам пока еще не дифференцировались⁷.

В текстах детей 2–5 возрастных групп самым частотным семантическим глагольным классом были глаголы движения, что и отразилось на преобладании в речи детей этого возраста глаголов с начинательной приставкой *по-* (*погнаться, полететь, полезть, побежать* и др.). В то же время большое количество глаголов движения и ярко выраженное при их описании внимание к началу самого движения показывает, что, по-видимому, движение — одно из первых понимаемых ребенком действий, в котором вычленяются фазы его протекания, определяются точки его начала и окончания, осознаются цели его совершения (см. в [Эйсмонт 2018] анализ эксплицитного заполнения семантических валентностей исходной и конечной точки движения в текстах детей разного возраста).

Сравнительно незначительное число начинательных глаголов с приставкой *за-* (т. е. глаголов с инхоативным значением) в анализируемых текстах может быть связано с многозначностью самой этой приставки и вызванной этим сложностью внутренней градации инхоативных значений. Описанные в [Зализняк, Шмелев 2002] семантические классы инхоативных глаголов характеризуются

---

⁷ В то же время такая разница в употреблении префиксальных глаголов между детьми первой возрастной группы и остальными может объясняться различием самого экспериментального материала, т. к. в возрасте до 3,6 лет дети еще не владеют нарративными навыками, оказывающими влияние на использование начинательных глаголов (ср. [Stoll 2005]).

неясностью границ действий (парно-инхоативные глаголы), гомогенностью действия (собственно инхоативные глаголы) или его целостностью (инхоативно-тотальные глаголы) и т. д. Эти свойства различных способов глагольного действия еще только формируются в речи дошкольников.

На *Рис. 5* представлено общее распределение глаголов, выражающих фазы действия по возрастным группам (в процентном соотношении от общего числа глаголов с фазовым значением в каждой группе):

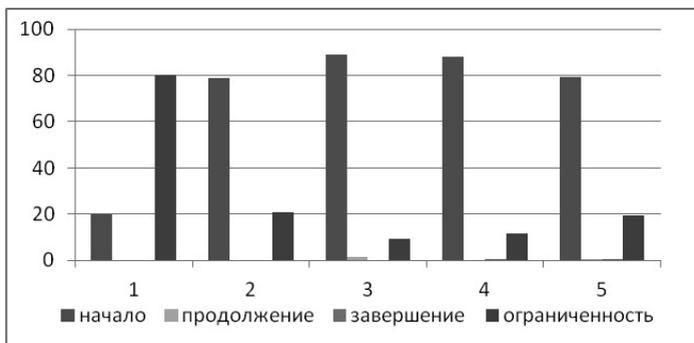

Рис. 5. Общее распределение глаголов, выражающих фазовое значение, по всем возрастным группам⁸

Pic. 5. The general distribution of phasic verbs by all age groups

Эти данные позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, предпочтение выражения начальной фазы и указание на ограниченность действия может считаться одним из свойств неподготовленного нарратива, когда говорящий не знает, что произойдет дальше и описывает события одновременно с их созерцанием. В такой ситуации реализуется основное значение начинательной фазы: сигнализация о смене событий, когда одно действие сменяет другое [Зализняк, Шмелев 2002, Апресян 2017]: *и / начал играть в футбол / сломал часы / начал играть с клубками / уронил* (М, 5,11),

⁸ Глаголы со значением продолжения составили 1,6% от общего числа глаголов в третьей возрастной группе и 0,5% от общего числа глаголов в пятой возрастной группе; глаголы со значением завершения составили 0,3% от общего числа глаголов в четвертой возрастной группе и 0,5% от общего числа глаголов в пятой возрастной группе.

а котенок вышел через окошко и / прыгнул вниз / и начал идти (М, 7,5). При этом уже нет необходимости подчеркивать конечную фазу предыдущего действия, что и объясняет практически полное отсутствие эксплицитного выражения конечной фазы действия⁹. В то же время фаза продолжения действия не предполагает никакого значимого развития событий, их смены или хронологии [Апресян 2017]. Если при порождении нарративного текста говорящему надо подчеркнуть длительность действия, он использует прием повторения лексемы: *ой она лезет туда / лезет...там... лезет туда* (М, 4,2), *а они прыгали-прыгали* (М, 5,11), *он шел шел шел пока / и вдруг увидел одуванчики* (М, 7,5). Этот прием (так же, как и использование делимитативов) позволяет избежать временной неясности, поскольку говорящий в случае спонтанного одномоментного описания наблюдаемой ситуации не может предсказать, ни когда действие прекратится, ни чем оно закончится.

С другой стороны, сравнение полученных результатов с данными такого же эксперимента, проведенного со взрослыми носителями русского языка [Эйсмонт 2008], показывает различные подходы к пониманию и описанию структуры действия у взрослых и детей. Хотя в целом соотношение эксплицитно выраженных фаз глагольного действия у взрослых совпадает с данными эксперимента с детьми, используемые глаголы заметно различаются. Для взрослых носителей русского языка типично использование глаголов, которые либо имеют оценочные коннотации (*броситься, кидаться*), либо выражают ментальное состояние субъекта, выполняющего действие (*решить / решать, надоесть*). В возрасте до 7 лет дети описывают события отстраненно, не перенимая на себя чувства и желания героя, не оценивая их. Учитывая, что оценочные коннотации являются достаточно важным компонентом значения фазовых глаголов [Зализняк, Шмелев 2002, Петрухина 2009, Апресян 2017], утверждение, что к семилетнему возрасту дети полностью их усвоили, представляется преждевременным.

---

⁹ В статье не рассматриваются способы выражения завершенности действия, достижения результата. Фаза итогового состояния может включаться в трактовку предельного целенаправленного действия [Князев 2002], однако не является показателем когнитивной способности структурирования самого хода протекания действия (ср. указания в [Падучева 2001; Зализняк, Шмелев 2002] на то, что собственно фазовые глаголы выражают само событие начала или завершения соответствующего действия).

4. Заключение

Проведенный анализ позволил определить некоторые закономерности усвоения детьми в возрасте от 2,7 до 7,6 лет фазовой структуры глагольного действия и формирования навыков их выражения. К семилетнему возрасту дети свободно оперируют прототипичными фазовыми глаголами, которые выражают основные фазовые значения. Коннотативные значения, в первую очередь оценочные, оказываются невыраженными. Дети описывают события, находясь в стороне от них, наблюдая происходящее, но никак не участвуя в них. Иное поведение демонстрируют дети младшего возраста. Особенность проведения эксперимента с маленькими детьми заключается в том, что для успешного выполнения задания ребенок должен быть эмоционально в него вовлечен. Желание помочь героям (игрушкам-бибабо, которыми манипулировали экспериментаторы) заставляло детей активно участвовать в эксперименте¹⁰. Такая эмоциональная вовлеченность могла привести к более частотному по сравнению с другими возрастными группами употреблению делимитативных глаголов. Однако анализ ситуативного контекста их употребления показывает, что их частотность может быть вызвана ошибочным пониманием завершенности и результативности действия (ср. [Гагарина 2007]), при котором делимитативы оказываются недостаточно дифференцированными от результативных глаголов с тем же префиксом.

На ранних этапах развития речи аспектуальность (в том числе фазисно-временные значения) выражается через лексическое значение глагола. Первые собственно фазовые глаголы отражают начальную фазу действия, причем глаголы *стать* и *начать* / *начинать* оказываются для детей семантически дифференцированными. Первичность именно начальной фазы действия может быть связана как с типом текста (связный нарратив), так и с когнитивным развитием ребенка (начало, появление чего-то нового всегда оказывается более ярким событием, чем продолжение или окончание действия). Последовательная смена «начал» обеспечивает связность текста, выражает причинно-следственную связь последующего действия

---

¹⁰ Два мальчика в ходе проведения эксперимента помогали игрушкам поднимать упавшие предметы, другие дети также пытались не объяснить действие, а самостоятельно построить из кубиков башню или нарисовать солнышко.

с предшествующим [Michaelis 1998]. Средства выражения начальности появляются в детской речи в следующей последовательности: префиксация > фазовый глагол *стать* > фазовый глагол *начать* / *начинать* > глаголы *пойти* и *решить* / *решать* (последний этап происходит после 7–8-летнего возраста).

В то же время фазы выражаются только у активных действий, быстро сменяющих друг друга. Фазовое значение продолжения действия дети склонны выражать при помощи повтора глагольных лексем без указания продолжительности совершаемого действия. Практически полное отсутствие фазовых глаголов, выражающих окончание действия, также вызвано типом нарративного текста и экспериментальным дизайном, при котором говорящий не может предсказать, когда действие завершится и начнется следующее событие. Таким образом, усвоение средств выражения фаз продолжения и завершения действия должно быть рассмотрено также и на других типах текстов — подготовленных или личных нарративах.

Литература

- Апресян 2017 — В. Ю. Апресян. Глаголы со значением продолжения: семантика и конструкции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 2. С. 5–15.
- Воейкова 2011 — М. Д. Воейкова. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак, 2011.
- Гагарина 2007 — Н. В. Гагарина. Становление функционально-семантического поля аспектуальности в детской речи // С. Н. Цейтлин (отв. ред.). Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 26–48.
- Гагарина 2008 — Н. В. Гагарина. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008.
- Гвоздев 1981 — А. Н. Гвоздев. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981.
- Грудева, Кузьмина 2009 — Е. В. Грудева, Ю. Ю. Кузьмина. Фазовые глаголы в современном русском языке (корпусное исследование) // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2009. № 3. С. 36–43.
- Елисеева 2014 — М. Б. Елисеева. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. Ранние этапы. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Зализняк, Шмелев 2002 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Семантика ‘начала’ с аспектологической точки зрения // Н. Д. Арутюнова

- (отв. ред.). Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. С. 211–224.
- Князев 2002 — Ю. П. Князев. Фазы действия и метонимические сдвиги в значении видо-временных форм // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. С. 225–236.
- Курганова 2011 — Н. В. Курганова. Фазовые глаголы в аспектуальном семантическом пространстве английского языка // Вестник Кыргызско-Российского Славянского ун-та. 2011. Т. 11. № 3. С. 16–20.
- Кустова 2002 — Г. И. Кустова. Семантические аспекты лексических функций (глаголы со значением ‘начаться’ / ‘кончиться’) // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. С. 69–82.
- Лепская 1997 — Н. И. Лепская. Язык ребенка. Онтогенез речевой коммуникации. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.
- Маслов 1978 — Ю. С. Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии // Ю. С. Маслов (отв. ред.). Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 4–43.
- Молдован 2010 — А. М. Молдован. К истории фазового глагола статья в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5–17.
- Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Фазовые глаголы и семантика начинательности // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 4. С. 29–39.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Петрухина 2009 — Е. В. Петрухина. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М.: МАКС Пресс, 2009.
- Плунгян 2012 — В. А. Плунгян. Общая морфология: введение в проблематику. М.: УРСС, Либроком, 2012.
- Прокопович 1982 — Е. Н. Прокопович. Глагол в предложении. Семантика и стилистика видо-временных форм. М.: Наука, 1982.
- Храковский 1987 — В. С. Храковский. Семантика фазовости и средства ее выражения // А. В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 153–179.
- Цейтлин 2000 — С. Н. Цейтлин. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.
- Цейтлин 2007 — С. Н. Цейтлин. (ред.). Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007.
- Эйсмонт 2008 — П. М. Эйсмонт. Семантика и синтаксис спонтанного нарратива (экспериментальное исследование на материале русского

- языка). Дисс. ... канд. фил. наук (рукопись). СПбГУ, Санкт-Петербург, 2008.
- Эйсмонт 2016 — П. М. Эйсмонт. Экспериментальное изучение связной детской речи в раннем возрасте // Ю. А. Антохина (отв. ред.). Научная сессия ГУАП: сб. докладов. Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та аэрокосмического приборостроения, 2016. С. 203–207.
- Эйсмонт 2017а — П. М. Эйсмонт. «Конduit»: корпус устных детских текстов // В. П. Захаров (отв. ред.). Корпусная лингвистика — 2017: сб. материалов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 373–377.
- Эйсмонт 2017б — П. М. Эйсмонт. «Как стать большим?»: предикативные прилагательные в детской речи // Вопросы языкознания. 2017. № 6. С. 65–78.
- Эйсмонт 2018 — П. М. Эйсмонт. Изменение представления ситуации движения в неподготовленной речи русскоязычных детей в возрасте от 2;7 до 7;6 лет // А. К. Крылов, В. Д. Соловьев (отв. ред.). Восьмая международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 1110–1112.
- Ambridge, Rowland 2013 — B. Ambridge, C. F. Rowland. Experimental methods in studying child language acquisition // WIREs Cognitive Science. 2013. Vol. 4. Iss. 2. P. 149–168.
- Antinucci, Miller 1976 — F. Antinucci, R. Miller. How Children Talk About What Happened // Journal of Child Language. 1976. Vol. 3. Iss. 2. P. 167–189.
- Bamberg 1987 — M. Bamberg. The acquisition of narratives: Learning to use Language. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987.
- Bertinetto et al. 2015 — P.-M. Bertinetto, E. Freiberger, A. Lenci, S. Noccetti, M. Agonigi. The acquisition of tense and aspect in a morphology-sensitive framework: Data from Italian and Austrian-German children // Linguistics. 2015. Vol. 53. Iss. 5. P. 1113–1168.
- Hickmann 2003 — M. Hickmann. Children's discourse: person, time, and space across languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Michaelis 1998 — L. Michaelis. Aspectual Grammar and Past-time Reference. London: Routledge, 1998.
- Shirai 2013 — Y. Shirai. The acquisition of tense and aspect // H. Winkler, P. Padakannaya (eds.). South and Southeast Asian Psycholinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 60–70.
- Shirai, Andersen 1995 — Y. Shirai, R. W. Andersen. The acquisition of tense-aspect morphology: a prototype account // Language. 1995. Vol. 71. Iss. 4. P. 743–762.
- Stoicescu 2009 — I. Stoicescu. Lexical and grammatical aspect in language acquisition // Bucharest Working Papers in Linguistics. 2009. Vol. 11. Iss. 1. P. 267–275.
- Stoll 1998 — S. Stoll. The role of Aktionsart in the acquisition of Russian aspect // First Language. 1998. Vol. 18. Iss. 54. P. 351–376.

- Stoll 2005 — S. Stoll. Beginning and end in the acquisition of the perfective aspect in Russian // *Journal of Child Language*. 2005. Vol. 32. Iss. 4. P. 805–825.
- Weist 1986 — R. M. Weist. Tense and aspect // P. Fletcher, M. Garman (eds.). *Language Acquisition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 356–374.

References

- Ambridge, Rowland 2013 — B. Ambridge, C. F. Rowland. Experimental methods in studying child language acquisition. *WIREs Cognitive Science*. 2013. Vol. 4. Iss. 2. P. 149–168.
- Antinucci, Miller 1976 — F. Antinucci, R. Miller. How Children Talk About What Happened. *Journal of Child Language*. 1976. Vol. 3. Iss. 2. P. 167–189.
- Apresyan 2017 — V. Yu. Apresyan. Glagoly so znacheniem prodolzhenija: semantika i konstruktсии [On ‘continuation’ verbs: semantics and construction]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 2017. Vol. 76. No. 2. P. 5–15.
- Bamberg 1987 — M. Bamberg. The acquisition of narratives: Learning to use Language. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987.
- Bertinetto et al. 2015 — P.-M. Bertinetto, E. Freiberger, A. Lenci, S. Noccetti, M. Agonigi. The acquisition of tense and aspect in a morphology-sensitive framework: Data from Italian and Austrian-German children. *Linguistics*. 2015. Vol. 53. Iss. 5. P. 1113–1168.
- Eismont 2008 — P. M. Eismont. Semantika i sintaksis spontannogo narrativa (eksperimentalnoe issledovanie na materiale russkogo yazyka) [Semantics and syntax of spontaneous narrative (an experimental study of Russian)]. Phil. cand. diss. (manuscript). Saint Petersburg, 2008.
- Eismont 2016 — P. M. Eismont. Eksperimentalnoe izuchenie svyaznoy detskoj rechi v rannem vozraste (Experimental study of early narratives in child language). Yu. A. Antokhina (ed.). *Nauchnaya sessiya GUAP: sbornik dokladov*. [SUAI Scientific Session: book of conference materials]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation Publishing House, 2016. P. 203–207.
- Eismont 2017a — P. M. Eismont. “Konduit”: korpus ustnyh detskikh tekstov [“Konduit”: corpus of child oral narratives]. V. P. Zakharov (ed.). *Korpusnaya lingvistika — 2017: sbornik dokladov* [Corpus linguistics — 2017: book of conference materials]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishing House, 2017. P. 373–377.
- Eismont 2017b — P. M. Eismont. “Kak stat bolshim?”: predikativnye prilagatelnye v detskoj rechi [“How to grow big?”: predicative adjectives in Russian child language]. *Voprosy yazykoznanija*. 2017. No. 6. P. 65–78.

- Eismont 2018 — P. M. Eismont. *Izmenenie predstavleniya situatsii dvizheniya v nepodgotovlennoy rechi russkoyazychnyh detey v vozraste ot 2;7 do 7;6 let* [The change of movement representation in Russian unprepared speech by 2;7–7;6-year-olds]. A. K. Krylov, V. D. Solovyev (eds.). *Vosmaya mezhdunrodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke. Tezisy dokladov* [Eight International conference on cognitive science: Book of abstracts]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publishing House, 2018. P. 1110–1112.
- Eliseeva 2014 — M. B. Eliseeva. *Stanovlenie individualnoy yazykovoy sistemy rebenka* [The development of the individual language system of a child]. Moscow: Yazyki slavianskoy kultury, 2014.
- Gagarina 2007 — N. V. Gagarina. *Stanovlenie funkcionalno-semanticheskogo polya aspektualnosti v detskoj rechi* [The development of the functional-semantic field of aspect in language acquisition]. S. N. Tseitlin (ed.). *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi* [Semantic categories in child language]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 2007. P. 26–48.
- Gagarina 2008 — N. V. Gagarina. *Stanovlenie grammaticheskikh kategoriy russkogo glagola v detskoj rechi* [The Formation of Grammatical Categories of the Russian Verb in Child Speech]. Saint Petersburg: Nauka, 2008.
- Grudeva, Kuzmina 2009 — E. V. Grudeva, Yu. Yu. Kuzmina. *Fazovye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Phase verbs in modern Russian]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudartsvennogo universiteta*. 2009. No. 3. P. 36–43.
- Gvozdev 1981 — A. N. Gvozdev. *Ot pervyh slov do pervogo klassa. Dnevnik nauchnyh nabludeniy* [Since the first words to the first grade. Diary of scientific observations]. Saratov: Saratov University Publishing House, 1981.
- Hickmann 2003 — M. Hickmann. *Children's discourse: person, time, and space across languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Khrakovsky 1987 — V. S. Khrakovsky. *Semantika fazovosti i sredstva ee vyrazheniya* [Phase semantics and means of its expression]. A. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [The theory of the functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad: Nauka, 1987. P. 153–179.
- Knyazev 2002 — Yu. P. Knyazev. *Fazy deystviya i metonimicheskie sdvigi v znachenii vido-vremennyh form* [Phases of action and metonymic changes in the meaning of verb forms]. N. D. Arutyunova (ed.). *Logicheskij analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical Analysis of Language. Semantics of Beginning and End]. Moscow: Indrik, 2002. P. 225–236.
- Kurganova 2011 — N. V. Kurganova. *Fazovye glagoly v aspektualnom semanticheskom prostranstve angliyskogo yazyka* [Phase verbs within aspectual semantic field of English]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta*. 2011 Vol. 11. No. 3. P. 16–20.
- Kustova 2002 — G. I. Kustova. *Semanticheskiye aspekty leksicheskikh funktsiy (glagoly so znacheniem 'nachatsya'/'konchitsya')* [Semantic Aspects

- of Lexical Functions (Verbs Meaning ‘to Begin’/‘to End’)]. N. D. Arutyunova (ed.). *Logicheskiy analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical Analysis of Language. Semantics of Beginning and End]. Moscow: Indrik, 2002. P. 69–82.
- Lepskaya 1997 — N. I. Lepskaia. *Yazyk rebenka (ontogenez rechevoy kommunikatsii)* [Child language (development of verbal communication)]. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1997.
- Maslov 1978 — Yu. S. Maslov. *K osnovaniyam sopostavitelnoy aspektologii* [To the basics of comparative aspectology]. Yu. S. Maslov (ed.). *Voprosy sopostavitelnoy aspektologii*. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1978. P. 4–43.
- Michaelis 1998 — L. Michaelis. *Aspectual Grammar and Past-time Reference*. London: Routledge, 1998.
- Moldovan 2010 — A. M. Moldovan. *K istorii fazovogo glagola stat v russkom yazyke. Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010. No. 1 (19). P. 5–17.
- Paducheva 2001 — E. V. Paducheva. *Fazovye glagoly i semantika nachinatelnosti* [Phase verbs and the ‘beginning’ semantics]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 2001. Vol. 60. No. 4. P. 29–39.
- Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of the Lexicon]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.
- Petrukhina 2009 — E. V. Petrukhnina. *Russkiy glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy)* [Russian verb: categories of tense and aspect (in the frame of modern linguistic studies)]. Moscow: MAKS Press, 2009.
- Plungian 2012 — V. A. Plungian. *Obschaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [General morphology: introduction to the issue]. Moscow: URSS, Librokom, 2012.
- Prokopovich 1982 — E. N. Prokopovich. *Glagol v predlozhenii. Semantika i stilistika vido-vremennykh form* [The verb in sentences. Semantics and stylistics of tense-aspect forms]. Moscow: Nauka, 1982.
- Shirai 2013 — Y. Shirai. *The acquisition of tense and aspect*. H. Winkler, P. Padakannaya (eds.). *South and Southeast Asian Psycholinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 60–70.
- Shirai, Andersen 1995 — Y. Shirai, R. W. Andersen. *The acquisition of tense-aspect morphology: a prototype account*. *Language*. 1995. Vol. 71. Iss. 4. P. 743–762.
- Stoicescu 2009 — I. Stoicescu. *Lexical and grammatical aspect in language acquisition*. *Bucharest Working Papers in Linguistics*. 2009. Vol. 11. Iss. 1. P. 267–275.
- Stoll 1998 — S. Stoll. *The role of Aktionsart in the acquisition of Russian aspect*. *First Language*. Vol. 18. Iss. 54. P. 351–376.

- Stoll 2005 — S. Stoll. Beginning and end in the acquisition of the perfective aspect in Russian. *Journal of Child Language*. 2005. Vol. 32. Iss. 4. P. 805–825.
- Tseitlin 2000 — S. N. Tseitlin. *Yazyk i rebenok. Lingvistika detskoy rechi: ucheb. posobie* [Language and child. A study guide]. Moscow: Vlado, 2000.
- Tseitlin 2007 — S. N. Tseitlin (ed.). *Semanticheskie kategorii v detskoy rechi* [Semantic categories in child language]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007.
- Voeikova 2011 — M. D. Voeikova. *Rannie etapy usvoeniya detmi imennoy morfologii russkogo yazyka* [Early phases of the acquisition of Russian noun morphology by children]. Moscow: Znak, 2011.
- Weist 1986 — R. M. Weist. Tense and aspect. P. Fletcher, M. Garman (eds.). *Language Acquisition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 356–374.
- Zaliznyak, Shmelev 2002 — Anna A. Zaliznyak, A. D. Shmelev. *Semantika ‘nachala’ s aspektologicheskoy tochki zreniya. Logicheskiy analiz yazyka* [Semantics of ‘beginning’ from the aspectological point of view]. N. D. Arutyunova (ed.). *Semantika nachala i kontsa* [Logical Analysis of Language. Semantics of Beginning and End]. Moscow: Indrik, 2002. P. 211–224.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОСВОЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА РУССКО-ШВЕДСКИМИ ДЕТЬМИ-БИЛИНГВАМИ: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ «ЭРИТАЖНОГО» ЯЗЫКА*

Г. Р. Доброва

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
galdobr@peterlink.ru

Н. Рингблом

Стокгольмский университет, Стокгольм,
Упсальский университет, Упсала
nari@slav.su.se

Аннотация. Исследование основано на материале данных проведенного авторами эксперимента и на данных спонтанной речи детей-билингвов. В эксперименте приняли участие 40 детей: 10 детей из смешанных русско-шведских семей, проживающих в Швеции (симультантные билингвы — 5 мальчиков, 5 девочек, средний возраст детей — 8;0¹), 10 детей из русских семей, проживающих в Швеции (сукцессивные билингвы, для которых русский язык на ранних этапах развития был первым и единственным, — 6 девочек, 4 мальчика, средний возраст — 6;0), 10 проживающих в России детей-инофонов (с родными языками узбекским, хакасским и др., а русским неродным — 5 мальчиков, 5 девочек, средний возраст детей — 5;10) и 10 проживающих в России детей-монолингвов (5 мальчиков, 5 девочек, средний возраст — 4;11). Монолингвы для эксперимента привлекались более младшего, чем билингвы, возраста для получения относительно

---

* Исследование Г. Р. Добровой выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00293

¹ Возраст детей указан в форме год;месяц.день в соответствии с правилами международной системы обмена данными по детской речи CHILDES (<https://childes.talkbank.org>), например, 5;10 означает 5 лет 10 месяцев.

сопоставимых по речевому развитию детей данных. Обнаруживается, что успешные дети-билингвы, вначале осваивавшие русский язык и лишь в дальнейшем (не ранее 2–3 лет) начавшие осваивать шведский, не допускают, в отличие от детей — симультанных билингвов и детей-инофонов, ошибок в выборе глагольного вида, что трактуется как доказательство весьма раннего освоения глагольного вида в процессе речевого онтогенеза (не позднее 2–3 лет). При сравнении речевой продукции русско-шведских детей-билингвов с речевой продукцией детей-инофонов и русскоязычных детей-монолингвов выявляются две стадии «проблем с видом» у симультанных билингвов: а) стадия неуверенности (ранний этап) и б) стадия отсутствия колебаний в выборе вида, «равнодушия» к виду (более поздний этап). Кроме того, полученные в ходе проведения эксперимента и наблюдений над спонтанной речью детей-билингвов данные сопоставляются с результатами исследований М. В. Русаковой, и подтверждается вывод о том, что в ментальном лексиконе носителей языка глаголы, парные по виду, хранятся совместно.

Ключевые слова: освоение глагольного вида, эритажные носители языка, ошибки в выборе глагольного вида, смешение парных по виду глаголов.

Acquisition of aspect in Russian-Swedish bilingual children: on the peculiarities of heritage Russian

G. R. Dobrova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
galdobr@peterlink.ru

N. Ringblom

Stockholm University, Stockholm, Uppsala University, Uppsala, Sweden
nari@slav.su.se

Abstract. This study is based on the experimental and spontaneous speech data of 40 bilingual children: 10 simultaneous bilinguals from mixed Russian-Swedish families living in Sweden (5 boys and 5 girls; mean age 8;0), 10 children from Russian families living in Sweden (successive bilinguals with Russian as L1; 6 girls and 4 boys, mean age 6;0); and 10 successive bilingual children with various mother tongues

such as Tajik, Uzbek, Azerbaijani (5 girls and 5 boys; mean age 5;10) who moved to Russia and acquired Russian as L2 in preschool. This group was not exposed to Russian at home. The results of these groups are compared with the control group: 10 monolingual Russian children living in Russia and attending preschool in St Petersburg (5 boys and 5 girls; mean age 4;11). The monolingual control group was younger than the experimental group in order to obtain comparable results concerning the children's linguistic production. The results indicate that successive bilinguals with Russian as L1, who were exposed to Swedish at the age of 2–3 years, made no mistakes in Russian aspects (unlike simultaneous Russian — Swedish bilingual children and successive bilingual children exposed to Russian at preschool). This indicates that children acquire Russian aspect in a very young age (not later than at 2–3 years of age). When comparing the production of Russian — Swedish bilingual children with that of Russian L2 children and Russian monolingual children, two stages of aspect acquisition were discovered: (a) a stage of uncertainty (the earlier stage) and (b) a stage of indifference to the aspect choice (the later stage). The results of the experiment and spontaneous speech data are compared with the results of Rusakova and confirm her idea of aspectual pairs being stored together in the mental lexicon of native speakers.

Keywords: acquisition of aspect, heritage children, aspect mistakes, mixing of pairs of verbs.

1. Вступительные замечания

Книга А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол» [Бондарко, Буланин 1967] дала в свое время мощный толчок исследованиям русского глагола, в частности — его вида. В последующие годы было произведено много исследований, посвященных различным аспектам изучения глагольного вида, и одним из таких аспектов является вопрос об освоении глагольного вида в процессе речевого онтогенеза. В последние два десятилетия многие исследователи [Ахапкина 2011; Гагарина 1997; 2008; Gagarina 2004; Князев 2000; 2001; Пупынин 1998; Цейтлин 2009 и др.] интересуются проблемами освоения глагольного вида детьми, в том числе и русскими детьми, проживающими за пределами России.

В фокусе внимания данного исследования — вопрос о том, существуют ли различия в освоении глагольного вида детьми,

находящимися в разных языковых ситуациях. Будет произведено сравнение освоения глагольного вида четырьмя группами детей — детьми-«эритажниками», точнее — русско-шведскими детьми-билингвами, проживающими в Швеции (как симультанными билингвами, изначально осваивавшими в качестве родных 2 языка, так и сукцессивными билингвами, изначально осваивавшими в качестве родного только русский язык, а затем начавшими активно осваивать шведский язык); детьми-монолингвами, проживающими в России; детьми, проживающими в России, для которых русский язык родным не является (детьми-инофонами). Предполагается, что выявится различие в освоении вида детьми двух групп, проживающих в Швеции: освоение вида детьми — симультанными билингвами будет более похоже на освоение вида детьми-инофонами, а освоение вида детьми — сукцессивными билингвами (осваивавшими приблизительно до 2–3 лет только русский язык) будет более похоже на освоение вида русскоязычными монолингвами. Если данное ожидание подтвердится, это будет свидетельствовать о том, что вид осваивается на весьма раннем этапе речевого развития, поскольку исследуемые сукцессивные билингвы в основном до 2–3 лет находились под воздействием только русского языка, а мощное воздействие другого языка (шведского) начали испытывать только в 2–3 года — в детских дошкольных учреждениях, в общении со сверстниками и т. д.

Имеет смысл начать с уточнения терминологии. Как известно, существуют исследователи, выступающие против терминов «эритажный язык» («херитажный язык») и тем более «дети-эритажники» («дети-херитажники»). Всецело согласимся с некоторой неуклюжестью данного термина (и с тем, что термин «эритажник» несколько вульгарный, сленговый), но достаточно длительные поиски так и не помогли пока найти какой-то иной термин, удовлетворяющий всех исследователей (предлагаемый и используемый в последнее время некоторыми исследователями термин «наследники» является с нашей точки зрения, не совсем удачным, поскольку вызывает в русскоязычной среде не те коннотации и ассоциации). Возможно, более удачен термин «семейный язык», но от него пока не образован краткий термин для обозначения детей, для которых русский язык является родным (домашним). Поэтому в данной статье будет использоваться термин «эритажный» и даже «эритажники», поскольку он все-таки позволяет коротко обозначить важную группу детей, для которых русский язык является родным (или одним

из родных), языком домашнего общения (одним из языков домашнего общения), в то время как проживают эти дети в социуме с другим доминантным языком.

Таким образом, термин «эритажный» мы понимаем широко — вслед за С. Монтруль, которая относит к «эритажным носителям» всех представителей языковых меньшинств, которые выросли в окружении как родного языка (языка меньшинства), так и языка общества [Монтруль 2016: 2]. Сказанное означает, что в данном исследовании под этим термином понимаются как симультанные, так и последовательные билингвы.

Известно, что «в общем виде» ситуация такова: дети с родным русским языком не допускают ошибок в выборе вида (об этом писал в свое время А. Н. Гвоздев [Гвоздев 2007], об этом много говорила и говорит С. Н. Цейтлин [Цейтлин 2009: 210 и далее]), в то время как для людей с русским языком неродным эта проблема весьма актуальна.

При этом в последнее время появились исследования, где высказывается мысль, что дети, адекватно используя видовые формы, не всегда воспринимают конвенционально видовые значения [Гагарина 2008]. Сказанное заставляет некоторых исследователей даже предположить, что, в отличие от усвоения лексики, где восприятие всегда опережает продуцирование, для грамматики более характерно обратное — адекватное использование грамматических форм до осознания соответствующих значений, т. е. использование не сознательное, а в силу подражания взрослым — такое предположение выдвигает М. Д. Воейкова [Воейкова 2011].

И с первым, и со вторым постулатом, несмотря на кажущуюся противоречивость этих идей, мы всецело согласны. В особенности нам близко второе утверждение (утверждение М. Д. Воейковой), являющееся более универсальным (о том, что адекватное использование грамматических форм возможно ДО осознания соответствующих значений)².

2. Экспериментальный материал

Мы исследовали лексикон детей с помощью лексического теста, однако полученные результаты позволили поставить вопрос

---

² Один из соавторов данной статьи писал об этом применительно к местоимениям еще в 2003 г., вступив в заочный научный спор с S. Chiat [Доброва 2003], что теперь находит подтверждение на совсем ином грамматическом материале.

и об особенностях освоения детьми глагольного вида, поскольку в использовавшемся тесте были вопросы «Что он(а) делает? Что он(а) сделал(а)?».

В ходе эксперимента был использован специально созданный стандартизированный инструмент для исследования лексикона детей CLT (Cross-linguistic Lexical Tasks, лексический тест для детей, говорящих на разных языках), разработанный в рамках проекта COST Action IS0804 (русская версия — [Гагарина, Неннон 2016]). Тест состоит из четырех заданий, связанных с именами существительными (понимание и называние) и глаголами (понимание и называние), по 32 картинки в каждом из заданий. В заданиях на понимание ребенок в каждом случае должен выбрать одну картинку из четырех — ту, которая соответствует вопросу экспериментатора. В заданиях на называние ребенок должен назвать тот предмет или то действие, которые изображены на картинке. В заданиях на называние глаголов ребенку задается вопрос «Что он делает?» или «Что он сделал?», и ребенок должен ответить, произнося глагол несовершенного или, соответственно, совершенного вида. Кроме того, в некоторых случаях имеет место противоречие между тем, что изображено на картинке, и тем, как сформулирован вопрос. Например, на картинке изображено уже совершённое действие, а в вопросе звучит глагол несовершенного вида — «Что он делает?» (конкретные примеры приведены ниже). Вопрос в таком случае заключается в том, глагол какого вида использует ребенок в ответе. Всё сказанное дает возможность использовать данный тест не только для проверки словаря детей, но и для выяснения того, глаголы какого вида используют дети.

В нашем исследовании приняли участие 40 детей четырех групп — 10 детей из смешанных русско-шведских семей, проживающих в Швеции (симультантные билингвы — 5 мальчиков, 5 девочек, средний возраст детей — 8;0), 10 детей из русских семей, проживающих в Швеции (последовательные билингвы, для которых русский язык на ранних этапах развития был первым и единственным — 6 девочек, 4 мальчика, средний возраст — 6;0), 10 проживающих в России детей-инофонов (с родными языками узбекским, хакасским и др., а русским неродным — 5 мальчиков, 5 девочек, средний возраст детей — 5;10) и 10 проживающих в России детей-монолингвов (5 мальчиков, 5 девочек, средний возраст — 4;11). Монолингвы для эксперимента привлекались более младшего, чем билингвы, возраста сознательно — требовалось сформировать хотя бы относительно

сопоставимые по речевому развитию детей группы. Разумеется, нельзя не учитывать различия между тем, как ребенок в спонтанной речи использует глагол того или иного вида, и тем, как он отвечает на указанные вопросы в эксперименте: во втором случае можно предположить, что ребенок не столько «перепутал» вид, сколько обратил больше внимания на картинку, чем на формулировку вопроса. Так, на одной из картинок изображен человек, который (в данный момент) крадет кошелек из сумки, а вопрос к этой картинке звучит как «Что он сделал?». Составители теста явно не ставили перед собой задачи проверить, какого вида глагол использует ребенок (*украл* или *крадёт*), нам же это представлялось интересным. Кроме ответов *крадёт*, двое детей симультанных билингов сказали, что на этой картинке злой дядя *кладет* ей в сумку яблоко. Помимо того, что дети не поняли изображения, они, что показательно, и здесь снова используют несовершенный вид глагола — потому что на картинке изображен процесс, происходящий в данный момент, а не уже завершённый. Кроме этой картинки, есть еще картинка с уже вспотевшим человеком (а вопрос — «Что он делает?») и картинка с мальчиком, бьющим по ноге другого мальчика (а вопрос — «Что он сделал?»). Нельзя не отметить, что русскоязычные дети-монолингвы всегда, без единого исключения опирались в эксперименте на формулировку вопроса: если их спрашивают; «Что он сделал?», они и в ответе используют глагол совершенного вида. Однако дети, владеющие не только русским языком, могут обратить основное внимание на картинку, игнорируя форму совершенного вида глагола в вопросе: «Что он *сделал*?» — «Он *делает* то-то». Наверное, можно задуматься, о чем это свидетельствует (о какой-то «неустойчивости» детей, владеющих не только русским языком, в отношении глагольного вида или же о каких-то проблемах этих детей психолингвистического характера — например, об их склонности опираться на более очевидный перцептивный стимул — «реагирую на то, что видят мои глаза»), но обратить внимание на это различие между монолингвами и билингвами представляется целесообразным.

3. Основные результаты эксперимента

Основные результаты эксперимента в целом таковы.

С учетом сказанного (несоответствия в некоторых случаях изображенного на картинке и формулировки вопроса) можно

констатировать, что у монолингвов вообще нет ответов со смешением форм глагольного вида, у инофонов — 5 таких ответов, у симультанных билингвов — 9, у последовательных билингвов (детей с русским первым) — 0. Интересно, что указанные смешения глаголов совершенного / несовершенного вида симультанными билингвами и детьми-инофонами, как показал материал, вообще не зависят от возраста испытуемых: такие смешения обнаружались в ответах симультанных билингвов от 3;7 до 14 лет, в ответах детей-инофонов — от 2;8 до 8;9. Полученные в эксперименте результаты можно интерпретировать следующим образом: дети с русским языком родным и единственным даже на самом раннем этапе речевого развития не смешивают глагольный вид (что всецело подтверждает упомянутые выше выводы А. Н. Гвоздева [Гвоздев 2007] и С. Н. Цейтлин [Цейтлин 2009]). При этом выявилось, что ошибки, связанные с видом глаголов, характерны не только для детей, для которых русский язык не является родным (дети-инофоны), но и для детей, у которых изначально 2 родных языка — в нашем случае, русский и шведский.

Существенно, что в этом вопросе заметно разошлись результаты у живущих в Швеции симультанных билингвов (детей из смешанных семей) и у живущих там же последовательных билингвов — с русским первым: у детей с русским первым таких смешений видовых форм не выявилось вообще. Это различие свидетельствует о том, на сколь раннем этапе жизни (до 2–3 лет) «закладывается» у ребенка достаточно прочное осознание видового противопоставления (или — как минимум — умение верно использовать глагол нужного вида).

Обнаружилось также еще одно существенное отличие симультанных билингвов от детей всех других групп: в большинстве случаев при использовании глагола «не того» вида эти дети, кроме того, еще и употребляли этот глагол в форме инфинитива. Например,

- (1) Что она делает? — *Почистить* (Саша³ 11;0),
- (2) Что она делает? — *Почистить зубы* (Настя 14;0.).

Примеры использования инфинитива вместо личных форм глаголов у детей этой группы встречались и в правильных в отношении вида ответах:

---

³ Здесь и далее имена детей изменены.

- (3) Что она делает? — *Посажать* [цветок] (Моника О. 6;2).

Интересно и то, что такие использования глаголов в форме инфинитива обнаружили и у детей другой группы детей-билингвов (с русским первым):

- (4) Что он сделал? — *Бить* (Давид 4;9),
(5) Что он делает? — *Бриться* (Диана 10;0).

У русских монолингвов таких ответов почти нет. Только в одном случае есть одно самоисправление:

- (6) Что он делает? — *Драться... дерется* (София, 9).

У инофонов, как и у монолингвов, встретился один случай самоисправления:

- (7) Что он делает? — *Драться... нет, дерутся* (Карамат, 6.4).

Кроме того, у инофонов встретилось два не подвергшихся самоисправлению использования формы инфинитива там, где требовалась личная форма глагола:

- (8) Что он делает? — *Драться* (София, 6;1),
(9) Что здесь происходит? [пчела жалит человека] — *Больно делать человеку. А кстати, мне пчёлы напали все. Больно было* (Тимур, 6.4).

Материал показывает, таким образом, что для монолингвов использование формы инфинитива в функции личных форм глагола нехарактерно, а у детей из остальных групп встречается, но, безусловно, встречается чаще, чем у других, — у симультанных билингвов. Создается ощущение, что такие дети не смешивают глаголы разных видов, а создают в своем сознании некий концепт, объединяющий глаголы обоих видов и различных грамматических форм. В этом плане любопытны попытки 9-летней Софии «нащупать» правильный глагол в правильной форме:

- (10) *Он брать, не... он взят... эээ квист* (шв: kvist) ‘веточка’ *вещь из дерева из earth... Ну, взёт. Взят. Забрать. Заберёт* (София 9;0).

На этом примере видно, как ребенок перебирает близкие по семантике глаголы разных видов, причем то в форме инфинитива,

то в личных формах разного времени. И если ответы инофонов (с неверным выбором вида) больше похожи на используемые в качестве прототипа формы (*драться* используется, наверное, чаще, чем *дерется* — ср. с *не надо драться, нельзя драться* и т. п.) и даже на усвоенные в готовом виде («гештальтно») прототипические формы (*делать* [кому-то] *больно* используется чаще, чем *он делает* [кому-то] *больно*), то у симультанных билингвов, кажется, генезис таких ошибок несколько иной.

4. Создание детьми — симультанными билингвами «комплексов» из глаголов разных видов и разных форм

Можно предположить, что симультанные билингвы в раннем детстве формируют представление о глаголах разных видов (или становятся способны их использовать верно, не вполне осознавая семантику видового противопоставления, если принять точку зрения Н. В. Гагариной и М. Д. Воейковой о возможности адекватного использования грамматических форм до осознания соответствующих значений). Однако постепенно, по мере всё большего включения в другой язык, в котором семантика видового противопоставления никак не маркируется, и уменьшения доли общения на русском языке, они постепенно утрачивают понимание семантики видового противопоставления (или способность ее адекватно маркировать): оба глагола (разных видов) еще присутствуют в словаре ребенка как лексемы, а различия в их семантике уже забываются. Аналогичным образом аттриция (утрата, забывание) затрагивает и другие глагольные категории: в ментальном грамматиконе еще сохраняются различные личные формы и инфинитив, а семантические различия между формами уже забываются.

В сознании такого ребенка, по-видимому, формируется некий «комплекс», состоящий из глаголов разных видов (с близкой семантикой) и разных грамматических форм. Постепенно этот комплекс, вероятно, сужается, пока не доходит до наиболее «ядерной» формы — формы инфинитива (нечто вроде «первоформы»⁴ у совсем маленьких русских монолингвов, только это уже скорее «постформа»).

---

⁴ Термин «первоформа» (означающий появляющуюся на ранних этапах речевого развития «застывшую форму», обычно, но не всегда, совпадающую с начальной формой слова и выполняющую функцию различных его форм), используется,

Нечто похожее, по-видимому, происходит в период аттриции и с грамматическими категориями других частей речи — например, с формами падежа и рода существительных, когда теряющие русский язык дети могут произвольно употреблять разные формы существительного (которые раньше употребляли адекватно), что в конечном итоге тоже может привести к появлению «постформы» — формы, похожей на именительный падеж, но выполняющей все функции (по аналогии с первоформой на раннем этапе освоения русского языка как родного).

Именно поэтому, по-видимому, в речи детей-билингвов в период активного действия аттриции наблюдается неустойчивость, непостоянство в использовании тех или иных глагольных форм: они могут использовать какую-то форму (иногда правильно, а иногда и нет), затем вскоре — другую форму (в той же функции), затем — еще какую-то, затем снова — использованную в первый раз и т. д.

5. Материал спонтанной речи детей-билингвов

Обратимся теперь к другому материалу — к собранным нами примерам спонтанной речи русско-шведских детей-билингвов (симультантных билингвов)⁵.

Начнем даже не с глаголов, а с других частей речи.

Девочка рассуждает о том, почему у нее и ее подруги русский язык — лучше, чем у других детей:

- (11) *Они еле-еле буквы знают по русскому. ... Мы нормально говорим по-русски. Мы говорим по русскому дома, мы говорим по-русски с сестрами, братьями...* (Юля, 13;0).

Очевидно, что девочке всё равно, какую из этих форм («по-русски» или «по русскому») использовать: она слышала и «говорить по-русски», и, очевидно, что-то типа «задано по русскому».

например, в [Доброва 2007]. Используется также термин «базовая форма» — для обозначения полифункциональной формы им. пад. существительного и инфинитива глагола на ранних этапах речевого онтогенеза (см., например [Stephany, Voeikova 2009]).

⁵ У симультантных детей-билингвов, проживающих в Швеции, речь которых анализируется в данном разделе, русский язык является слабым, а сильным (доминантным) языком является шведский.

По-видимому, эти две формы для нее слились воедино, и она использует их как синонимичные.

Далее — примеры, связанные с глаголами.

Начнем не с вида, а с других «проблемных точек» глагола.

Та же девочка:

- (12) (о баскетболе) *Я обожаю забивать голы и бежать. ... И я обожаю бежать сама, с мячом, мчусь быстро, когда люди сзади меня бегают, чтобы меня взять* (Юля,13;0).

Здесь, по-видимому, имеет место неразличение (и потому использование в одинаковых функциях) глаголов *бежать* (действие, направленное в одну сторону, однократное) и *бегать* (действие, направленное в разные стороны, многократное). И опять — та же стратегия: при неразграничении семантики ребенок-билингв использует формы (в данном случае — разные глаголы) как синонимичные. Возможна, разумеется, и иная интерпретация данного примера, связанная с некоторым противоречием между принятой в языке практикой использования в определенных ситуациях глагола одного вида и семантической желательностью использования глагола другого вида. Так, в русском языке после глаголов, выражающих эмоции, принято использовать разнонаправленные глаголы, поэтому здесь правильно было бы сказать не «обожаю бежать», а «обожаю бегать». С семантической же точки зрения, ребенок-билингв, возможно, хочет выразить свое стремление двигаться в одном направлении, а не бегать с мячом в разные стороны, т. е. «бежать», а не «бегать». Вместе с тем, подобная интерпретация вызывает у нас некоторые сомнения: если бы Юля стремилась обозначить именно однонаправленность своего движения, она, скорее всего, использовала бы тот же однонаправленный глагол и при описании действия других игроков, стремящихся ее догнать и отобрать у нее мяч. Однако в этом случае она использует глагол разнонаправленный — «бегать»: «Люди сзади меня бегают, чтобы меня взять». Поэтому мы склонны скорее к первой интерпретации — признанию того, что девочка не различает и потому использует как синонимичные однонаправленный и разнонаправленный глаголы.

Далее — примеры, касающиеся непосредственно глагольного вида.

Та же девочка, но совсем маленькая — в 1;9.

(13) Юля сидит за столом с отцом (шведом), у нее с ноги упал носок:

— *Паль!*

[Папа не реагирует].

— *Упаль!* [Папа не реагирует].

— *Упала!* [Папа не реагирует].

— *Ramla* [sc. Ramlade] —

[Папа реагирует]. [Ringblom 2012: 177]

Глагол *упал* — безусловно, глагол совершенного вида. Вид же глагола *пал* в данном конкретном детском высказывании не столь очевиден. Скорее всего, это — «недоговоренное» *упал* (совершенного вида); во всяком случае, это, безусловно, не глагол *пал* (тоже совершенного вида, но без отчетливой префиксальной маркировки) в том его значении, которое используется в сочетаниях типа *крепость пала, пал смертью храбрых*. Интересно, что столь маленький ребенок (1;9) и сам чувствует эту «недоговоренность», «недомаркированность» изначально произнесенного глагола, т. к. Юля сама же уточняет глагол, добавляя префикс и тем самым четко «закрепляя» его за определенным видом — *упал*. Таким образом, можно видеть, как маленький ребенок как бы перебирает разные формы глагола — по принципу «Ну, может быть, хоть так подойдет?». Причем (в отношении глагольного вида) она уточняет верно — исправляет с окказионального и нечетко маркированного в отношении вида (более короткого и, возможно, потому и произнесенного изначально именно в таком симплифицированном виде — *пал*) на правильное — более длинное *упал* совершенного вида (с правильной префиксальной маркировкой вида). И, наконец, использует шведский эквивалент, что, кстати, интересно в другом отношении — как пример переключения языкового кода в таком раннем возрасте. Однако в данном случае важнее другое: создается ощущение, что девочке не всё равно, какой глагол и в какой форме использовать, поскольку она перебирает имеющиеся в ее запасе варианты, всё более уточняя глагольную форму (в том числе — уточняя вид глагола), чтобы папа отреагировал.

У той же девочки в дальнейшем, в существенно более старшем возрасте, наблюдается и еще одна стратегия поведения в отношении глаголов: видимо, она ощущает неуверенность, какой глагол надо использовать, и вставляет на его место шведский эквивалент:

- (14) *Она försöker* ‘старается’ *слишком много. Она gömmer* себя ‘прячется’ (Юля, 13;0).

Разумеется, вполне возможно, что она не знает / не помнит сам русский глагол, а не пытается избежать необходимости использовать тот или иной вид. Или же (другая версия) она заменяет глагол шведским эквивалентом не потому, что не знает русский глагол, а потому что не понимает, какой вид здесь нужен, а шведский эквивалент позволяет ей избежать необходимости выбора вида.

Интересные стратегии поведения в ситуации, когда ребенок-билингв колеблется в выборе вида, разумеется, встречаются не только у Юли.

Девочка отвечает на вопросы экспериментатора по картинкам (о маме-птице):

- (15) Почему мама улетает? — *Принесить что-то кушать* (Анна, 5;7)

Ребенок как будто бы начинает произносить глагол совершенного вида (*принести*), что правильно, а затем переходит на глагол несовершенного вида (что неправильно). Абсолютно аналогичный пример — у другой девочки (симультанного билингва):

- (16) *Кошка зашипела и погонялась за собакой* (Саби, 6;2).

Видимо, первый из глаголов совершенного вида предопределяет, что и второй глагол должен быть совершенного вида (*зашипела и погналась*), и девочка начинает его произносить правильно, используя (правильно) префикс *по-*, но, по мере произнесения глагола, переключается на несовершенный вид и создает окказиональный глагол **погоняться*. Такие примеры можно считать особенной стратегией речевого поведения. Обратим внимание на то, что эти колебания — в обоих случаях у детей дошкольного возраста.

Сравним их с примерами из речи русско-шведского билингва-эритажника уже в более старшем возрасте (студента):

- (17) Что сделала девушка в форме, которая сидела в кабине, с документами Яна? — *Она смотрела на их и вернула их* (Мария, 21).

Уже нет никаких колебаний, сомнений по поводу вида, просто используется один из двух глаголов (видимо, тот, который быстрее актуализировался), причем глаголы разных видов используются

параллельно, как равноправные, в функции однородных членов предложения. Примеров использования такими билингвами глагола «не того» вида столь много, что приводить такого рода примеры нецелесообразно. Интереснее рассматривать примеры как бы параллельного использования глаголов двух видов, что показывает равноценность совершенного / несовершенного вида для билингвов-эритажников на более поздних стадиях аттриции.

6. Две стадии «проблем с видом» у симультанных билингвов: различные интерпретации

Таким образом, можно предположить, что у симультанных билингвов при аттриции имеют место две разные стадии «проблем с видом» — стадия неуверенности в выборе / использовании глагольного вида, с одной стороны (это происходит на более раннем этапе и при относительно неплохом владении языком) — и стадия отсутствия колебаний в выборе / использовании вида, «равнодушия» к виду, параллельного, синонимичного использования глаголов разных видов (это происходит уже на более поздних стадиях аттриции).

Вместе с тем полученные результаты можно интерпретировать и несколько иным образом. Для того чтобы это сделать, обратимся к интересной теории организации глагольных словоформ в составе русских глагольных словоизменительных парадигм, выдвинутой М. В. Русаковой [Русакова 2013]. Задавшись вопросом о том, как хранятся в ментальном лексиконе члены видовых пар (вместе или порознь), автор провела следующий эксперимент. Испытуемым (детям 3 лет и взрослым) были предложены глаголы совершенного и несовершенного вида, и они должны были назвать форму прошедшего времени. Экспериментатора интересовал вопрос: назовут ли испытуемые те же самые глаголы (т. е. оставят вид неизменным) или же назовут другие, парные по виду глаголы. Результаты эксперимента показали, что ошибочных ответов было получено весьма много: их количество колебалось от 4 % до 36 % для стимулов несовершенного вида (разное количество ошибок для глаголов, имеющих различные словоизменительные характеристики) и от 40 % до 77 % для стимулов совершенного вида. Исходя из этих результатов, М. В. Русакова делает вывод, что «члены по крайней мере некоторых видовых пар хранятся в ментальном

лексиконе как словоформы, входящие в одну (гипер) парадигму» [там же: 415].

При рассмотрении полученных нами результатов в свете данной теории можно сделать, как минимум, три вывода.

Во-первых, наши результаты (уже на ином материале) подтверждают вывод М. В. Русаковой, что, действительно, в ментальном лексиконе носителей языка глаголы, парные по виду, хранятся совместно (хотя материал у нас совсем не столь обширен, как в исследовании М. В. Русаковой, поскольку мы не ставили своей целью исследование ментального лексикона). Существенно в этом отношении даже не столько то, что билингвы допускают ошибки со смешением вида (что естественно), сколько то, что оговорки и последующие самоисправления такого рода были зафиксированы и у детей других групп, в том числе у русских монолингвов. Русские монолингвы, как известно, в спонтанной речи не смешивают глаголы разных видов, но в эксперименте, «под нагрузкой», как выясняется, могут спонтанно назвать и глагол не того вида (в нашем эксперименте, впрочем, сразу же исправив свою ошибку). Подтверждают идею о совместном хранении в ментальном лексиконе глаголов разных видов, как представляется, и отмеченные выше ответы детей-билингвов, когда они как будто бы начинают ответ с глагола одного вида, но по ходу произнесения словоформы переключаются на глагол другого вида, создавая несколько странные инновации.

Во-вторых, М. В. Русакова замечает, что в ее эксперименте «количество ответов несовершенного вида больше, чем количество ответов совершенного вида для стимулов обоих видов» [там же: 416], из чего делает вывод, что, если словоформы членов каких-то видовых пар хранятся в лексиконе как одна лексема, то базовой формой в этой гиперпарадигме будет скорее форма несовершенного вида, чем совершенного. Полученные нами в эксперименте ответы детей-билингвов не подтверждают преобладания несовершенного вида, однако мы не считаем, что это противоречит данным и выводам М. В. Русаковой: тем, видимо, и отличается, в частности, речь ребенка-билингва от речи ребенка-монолингва, что у билингва нет четкого представления о функции видового противопоставления и, соответственно, не формируется отчетливая иерархия — глагол какого из видов выступает в функции базовой формы гиперпарадигмы. Впрочем, специально этот вопрос применительно к билингвам мы не исследовали, а поскольку, как справедливо отмечает

М. В. Русакова, для разных пар глаголов базовыми могут оказаться глаголы разных видов, полноценно сопоставить реакции билингов и монолингов можно только в том случае, если полностью повторить эксперимент автора, но с билингвами — с теми же словами-стимулами (что мы считаем важной и интересной задачей для себя в дальнейшем).

Наконец, в-третьих, М. В. Русакова отмечает весьма значимый факт: в ее эксперименте трехлетние дети давали правильные ответы с более высокой вероятностью, чем все остальные группы испытуемых, в то время как ошибок было больше всего у взрослых. Этот вывод требует сопоставления с полученными нами данными: у нас получилось, что дети-билингвы, проживающие не в России (хуже, естественно, чем монолингов, понимающие вид и / или использующие глаголы разных видов), проходят две стадии: на первой стадии, когда они проводят больше времени в семье и потому лучше владеют русским языком, они еще колеблются в выборе глагола соответствующего вида, а на следующей, более поздней стадии, когда русский язык уже подвергается аттриции, — уже не колеблются, просто произвольно называя глагол одного из видов, — по-видимому, тот, который быстрее актуализировался. Если же сопоставить этот факт с идеями М. В. Русаковой, то ему можно дать и другую интерпретацию. М. В. Русакова полагает, что, видимо, члены видовых пар сначала осваиваются ребенком независимо друг от друга, а затем их ментальные репрезентации, вследствие регулярных взаимоотношений друг с другом, начинают формировать единую гиперпарадигму.

Поэтому полагаем, что отмеченные нами две стадии «проблем с видом» у детей — симультанных билингов (сначала — колебания в выборе глагола нужного вида, а затем — «равнодушие» к виду, случайный выбор глагола того или иного вида) имеют двойную природу: и неизбежная аттриция в ситуации не доминантного русского языка приводит к потере стремления найти глагол требуемого вида, и общее (свойственное всем носителям русского языка) постепенное объединение в ментальном лексиконе парных глаголов по виду в единую гиперпарадигму ведет к тому же. Отличие же билингов от монолингов на более поздних стадиях проявляется в том, как именно формируемая ментальная гиперпарадигма влияет на речевое поведение индивида: русский монолингв, даже храня в ментальном лексиконе парные по виду глаголы совместно, никогда

не путает их в речи, но может допустить ошибку «под напряжением», в специально организованном эксперименте (см. описанный выше эксперимент М. В. Русаковой); билингв же просто постепенно теряет интерес к выбору глагола нужного вида, выбирая случайно один из двух парных глаголов.

7. Заключение

Итак, в целом результаты исследования показывают, что для последовательных билингвов с первым русским языком глагольный вид сложности не представляет (поскольку осваивается на очень ранних этапах, когда эти дети, по сути, еще монолингвы); у симультанных же билингвов, как и у детей с русским иностранным / неродным, проблемы с видом есть (хотя не такие существенные, как у детей с русским неродным). На ранних этапах речевого онтогенеза, когда дети одновременно постигают два языка, в одном из которых есть видовое противопоставление, а в другом его нет, проблемы усвоения вида выражаются в колебаниях, какой вид выбрать. Однако в период, когда (по отношению к русскому, недоминантному языку) аттриция заходит уже дальше, а кроме того, происходит постепенное сближение (как и у всех носителей языка) глаголов, парных по виду, вследствие постепенного объединения освоенных по отдельности, но постепенно создающих гиперпарадигму глаголов, возникают некие «комплексы» из глаголов разных видов с близкой семантикой и разных грамматических форм, что выражается в «параллельном», синонимичном использовании глаголов разных видов и разных форм.

Литература

- Ахапкина 2011 — Я. Э. Ахапкина. Повторяемость действия в раннем речевом онтогенезе // Т. А. Круглякова (отв. ред.). Онтолингвистика — наука XXI века: материалы международной конференции, посвященной 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А. И. Герцена. СПб.: Златоуст, 2011. С. 107–111.
- Бондарко, Буланин 1967 — А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967.
- Воейкова 2011 — М. Д. Воейкова. Усвоение первого и второго языка: сходства и различия // С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева (отв. ред.). Путь в язык: одноязычие и двуязычие. М.: Знак, 2011.

- Гагарина 1997 — Н. В. Гагарина. Аспектуальная семантика и функционирование видов русского глагола в детской речи. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1997.
- Гагарина 2008 — Н. В. Гагарина. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008.
- Гвоздев 2007 — А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. СПб.: Детство-Пресс, 2007.
- Доброва 2003 — Г. Р. Доброва. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2003.
- Доброва 2007 — Г. Р. Доброва. Освоение детьми функционально-семантической категории персональности // С. Н. Цейтлин (отв. ред.). Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 181–199.
- Князев 2000 — Ю. П. Князев. Основные этапы усвоения видо-временных значений в детской речи // С. Н. Цейтлин (ред.). Речь ребенка: первые этапы. СПб.: Изд-во Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2000. С. 105–114.
- Князев 2001 — Ю. П. Князев. Формирование видо-временных противопоставлений в детской речи // И. В. Недялков (отв. ред.). Исследования по языкознанию: к 70-летию чл. корр. РАН А. В. Бондарко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 347–355.
- Пупынин 1998 — Ю. А. Пупынин. Элементы видо-временной системы в детской речи // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 102–117.
- Русакова 2013 — М. В. Русакова. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Цейтлин 2009 — С. Н. Цейтлин. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.
- Gagarina 2004 — N. Gagarina. Does the acquisition of aspect have anything to do with aspectual pairs? // ZAS Papers in Linguistics. 2004. Vol. 33. P. 39–61.
- Nenonen, Gagarina 2016 — O. Nenonen, N. Gagarina. Crosslinguistic Lexical Tasks: Russian version (CLT-RU) // A part of LITMUS COST IS0804 Battery. Unpublished material. 2016.
- Ringblom 2012 — N. Ringblom. The Acquisition of Russian in a Language Contact Situation. A Case Study of a Bilingual Child in Sweden. Stockholm: Stockholm University, 2012.
- Montrul 2016 — S. Montrul. The Acquisition of Heritage Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- Stephany, Voeikova 2009 — U. Stephany, M. D. Voeikova. Introduction // U. Stephany, M. D. Voeikova (eds.). Development of nominal inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective. SOLA 30. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 15–48.

References

- Akhapkina 2011 — Ya. E. Akhapkina. Povtoryaemost deistviya v rannem rechevom ontogeneze [Repetitiveness of an action in the early language acquisition]. T. A. Kruglyakova (ed.). *Ontolingvistika — nauka XXI veka: materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchenoy 20-letiyu kafedry detskoj rechi RGPU im. A. I. Gertsena* [Ontolinguistics as a science of the 21st century: Proceedings of the conference in honour of the 20th anniversary of the Department of children's speech in Herzen State Pedagogical University of Russia]. St. Petersburg: Zlatoust, 2011. P. 107–111.
- Bondarko, Bulanin 1967 — A. V. Bondarko, L. L. Bulanin. Russkiy glagol [Russian verb]. Leningrad: Prosveshchenie, 1967.
- Dobrova 2003 — G. R. Dobrova. Ontogenez personalnogo deiksis (lichnye mestoimeniya i terminy rodstva) [Ontogenesis of personal deixis (personal pronouns and terms of kinship)]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publishing House, 2003.
- Dobrova 2007 — G. R. Dobrova. Osvoenie detmi funktsionalno-semanticheskoy kategorii personalnosti [Children's acquisition of the category of personality]. S. N. Tseitlin (ed.). *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi* [Semantic categories in children's speech]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. P. 181–199.
- Gagarina 1997 — N. V. Gagarina. Aspektualnaya semantika i funkcionirovanie vidov russkogo glagola v detskoj rechi. Diss. ... kand. filol. nauk [Aspectual semantics and functioning of Russian verb aspects in children's speech: Phil. cand. diss.]. St. Petersburg, 1997.
- Gagarina 2004 — N. Gagarina. Does the acquisition of aspect have anything to do with aspectual pairs? *ZAS Papers in Linguistics*. 2004. Vol. 33. P. 39–61.
- Gagarina 2008 — N. V. Gagarina. Stanovlenie grammaticheskikh kategorij russkogo glagola v detskoj rechi [Formation of grammatical categories of the Russian verb in children's speech]. St. Petersburg: Nauka, 2008.
- Gvozdev 2007 — A. N. Gvozdev. Voprosy izucheniya detskoj rechi [On the study of children's speech]. St. Petersburg: Detstvo-Press, 2007.
- Knyazev 2000 — Yu. P. Knyazev. Osnovnye etapy usvoeniya vido-vremennykh znachenij v detskoj rechi [Main stages in the acquisition of aspectual and temporal semantics in children's speech]. S. N. Tseitlin (ed.). *Rech rebenka: pervye etapy* [Child's speech: first stages]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publishing House, 2000. P. 105–114.
- Knyazev 2001 — Yu. P. Knyazev. Formirovanie vido-vremennykh protivopostavlenij v detskoj rechi [Formation of aspectual and temporal oppositions in children's speech]. I. V. Nedyalkov (ed.). *Issledovaniya po yazykoznaniiyu: k 70-letiyu chl.-korr. RAN A. V. Bondarko* [Studies in linguistics: in honour of the 70th anniversary of corresponding member

- of RAS A. V. Bondarko]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2001. P. 347–355.
- Montrul 2016 — S. Montrul. *The Acquisition of Heritage Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- Nenonen, Gagarina 2016 — O. Nenonen, N. Gagarina. *Crosslinguistic Lexical Tasks: Russian version (CLT-RU)*. *A part of LITMUS COST IS0804 Battery*. Unpublished material. 2016.
- Pupynin 1998 — Yu. A. Pupynin. *Elementy vido-vremennoy sistemy v detskoj rechi* [Elements of the aspectual and temporal system in children's speech]. *Voprosy yazykoznanija*. 1998. No. 2. P. 102–117.
- Ringblom 2012 — N. Ringblom. *The Acquisition of Russian in a Language Contact Situation. A Case Study of a Bilingual Child in Sweden*. Stockholm: Stockholm University, 2012.
- Rusakova 2013 — M. V. Rusakova. *Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka* [Elements of the anthropocentric grammar of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.
- Stephany, Voeikova 2009 — U. Stephany, M. D. Voeikova. Introduction. U. Stephany, M. D. Voeikova (eds.). *Development of nominal inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective*. SOLA 30. Berlin; New York.: Mouton de Gruyter, 2009. P. 15–48.
- Tseitlin 2009 — S. N. Tseitlin. *Oчерки po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays on derivation and word formation in children's speech]. Moscow: Znak, 2009.
- Voeikova 2011 — M. D. Voeikova. *Usvoenie pervogo i vtorogo yazyka: skhodstva i razlichiya* [Acquisition of L1 and L2: differences and similarities]. S. N. Tseitlin, M. B. Eliseeva (eds.). *Put v yazyk: odnoyazychie i dvuyazychie* [The way to the language: monolingualism and bilingualism]. Moscow: Znak, 2011.

II. VARIA

**LANGUAGES AND IDENTITIES
IN THE BERING STRAIT AREA
IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY**

Evgeny V. Golovko

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences;
European University at St. Petersburg, St. Petersburg
evggolovko@yandex.ru

Abstract. Despite an international border that separates Chukotka and Alaska, native people living on both sides of the Bering Strait have always been in close interaction. If one only applies most general ethnic terms used in the academic discourse, the Chukchi and the Eskimo were involved in these cross-border contacts. The latter included the Naukan Eskimo (Yupik language group) and several communities speaking Inupiaq dialects. The Chukchi, who speak a variety of idioms that are very close to each other, represent two groups that are different in their cultural practices — coastal Chukchi (sea-mammal hunters, very close to the Eskimos in their subsistence practices) and reindeer herders (living inland). For the native people themselves these ethnic labels were meaningless: they have always had their own ideas about linguistic and cultural affinity. These ‘folk’ ideas, as well as the connection between languages and identities, are in the focus of the present research. The interviews collected in coastal villages demonstrate that native people used different strategies in the course of interaction. Some visitors had command of three languages, some others were bilingual. Bilingualism was, in most cases, passive — speakers of two different languages used their own language while speaking to each other. The existence of contact-induced languages based on Chukchi and, perhaps, Eskimo cannot be rejected either. An important role in communication was played by nautical jargon (which was, on the Chukotkan side, often taken as “English”). The material for research was collected during interviews in the framework of a four-year project funded by U.S. National Park Service (Alaska Region) in the mid-1990s. The research team consisted of two people, an anthropologist and a linguist — Peter Schweitzer from the University of Alaska Fairbanks and the author of this article.

Keywords: language contacts, culture contacts, interethnic communication, cross-border communication, language and identity, multilingualism, bilingualism, ‘folk’ linguistics, language ideologies, Eskimo languages, Chukchi language, Inupiaq languages, Yupik languages, nautical jargon, pidgin.

Языки и идентичности в районе Берингова пролива в первой половине XX века

Е. В. Головко

Институт лингвистических исследований РАН;
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург
evggolovko@yandex.ru

Аннотация. Несмотря на государственную границу, разделяющую Чукотку и Аляску, коренные народы, живущие на побережье, всегда активно контактировали между собой. Если использовать только самые общие этнические и культурные «ярлыки», принятые в академическом дискурсе, можно говорить о контактах между чукчами и эскимосами; последние представлены в этом регионе науканскими эскимосами (языковая группа юпик) и несколькими общностями, говорящими на диалектах группы инупиак. Чукчи, говорящие на нескольких очень близких друг другу диалектах (говорах), разделяются на две отличающиеся друг от друга в культурном отношении группы — на прибрежных и оленных. Для самих этих народов упомянутые выше этнические и лингвистические «ярлыки» не имели смысла: у них всегда были свои представления как о культурной, так и о языковой близости. Эти представления, а также связь используемых в ходе контактов языков с самоидентификацией конкретных этнических групп находятся в центре исследовательского внимания. В ходе интервью с жителями различных поселков по обе стороны Берингова пролива выяснилось, что жители прибрежных поселков использовали в ходе контактов различные коммуникативные стратегии. Некоторые из контактировавших знали в той или иной степени три языка. Значительная часть населения была двуязычной, при этом чаще всего двуязычие было пассивным — представители разных групп, общаясь друг с другом, использовали каждый свой язык. В статье также высказывается предположение о существовании в регионе

контактных языков, возникших на базе чукотского и, возможно, эскимосского. Указывается на важность так называемого морского жаргона (пиджина) и английского языка. Настоящая публикация основывается на полевой работе, проводившейся в середине 90-х гг. XX в. в рамках четырехлетнего проекта, поддержанного Службой национальных парков США. Вместе с автором статьи вторым участником проекта был Петер Швайтцер, антрополог, работавший в то время в Университете Аляски (г. Фербенкс).

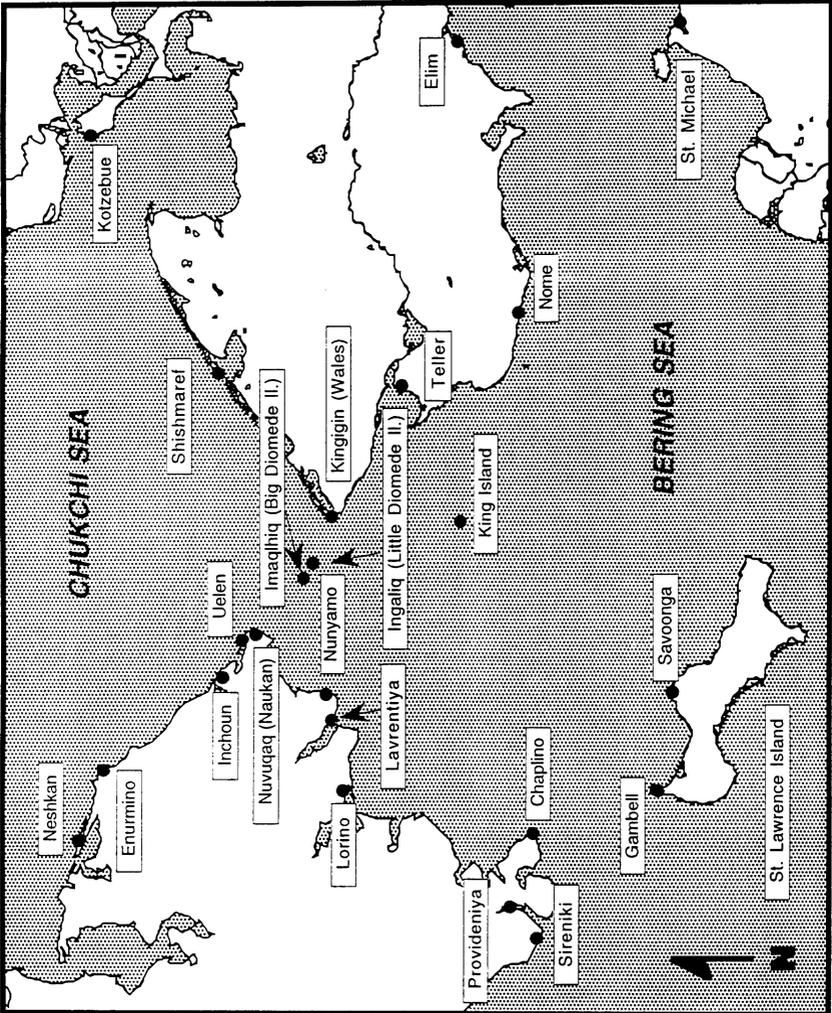
Ключевые слова: языковые контакты, культурные контакты, межэтническая коммуникация, трансграничная коммуникация, язык и самоидентификация, многоязычие, двуязычие, «народная» лингвистика, языковые идеологии, эскимосские языки, чукотский язык, инупиакские языки, юпикские языки, морской жаргон, пиджин.

1. Introduction

Despite an international border that cuts across the Bering Strait region, human and non-human life has been in constant interaction across the narrow body of water that separates the Eurasian and North American continents. In order to document and analyze the extent of cultural and social exchange that has been achieved by the native residents of the area in countless generations, but with a stress on the first half of the 20th century (1898–1948), the joint project “Traveling between Continents” was launched in the 1990s and funded by the US National Park Service, Alaska Region. The research team consisted of two people, an anthropologist and a linguist — Peter Schweitzer from the University of Alaska Fairbanks and the author of this article. We conducted fieldwork both on the Russian side of the Bering Strait, and in Alaskan Bering Strait communities.

The area under consideration — the Bering Strait region — is historically heterogeneous. If one only counts broad ethnic and linguistic categories, Chukchi, Naukan Yupik (NY), and Inupiaq (the latter two are also referred to as Eskimo) have to be considered. However, up to, at least, the nineteenth century, these ethnic categories were meaningless to the peoples themselves. Instead, smaller units — societies, consisting most often of one larger settlement and several smaller ones — were the basis of self-identification.

Map. Bering Strait area
(map courtesy James Simon)

The focus of the study was on the communities most active in trans-continental contacts during the first half of the 20th century (see the map): Naukan, Big Diomedede, and Uelen on the Russian side of the Bering Strait, Little Diomedede, King Island, and Nome on the American side. The Eskimo communities of Naukan and Big Diomedede are now both abandoned and their former residents are dispersed all over Chukotka Peninsula. All the communities on the Alaskan side of the Bering Strait were and are inhabited by Inupiat and three of them (Little Diomedede, Wales, and Nome) are still in existence, while the King Islanders were involuntarily relocated, mostly to Nome.

The major method utilized for collecting oral histories on interethnic contacts in the Bering Strait area was structured interviews with open-ended questions. At the same time, we could not ignore published and unpublished folklore data which exhibited a large degree of inter-societal exchange of songs, stories, and personal names¹. This short paper presents some interpretations of the collected oral histories related to the topic.

2. What Language to Speak While Visiting

In the Introduction, I made a brief account of Bering Strait languages and dialects as presented in modern scholarly literature. Before we discuss how people in the Bering Strait area managed to cope with a variety of languages and dialects while visiting, it seems essential to find out how various communities identify themselves as regards their linguistic characteristics. That is, in addition to a pure linguistic distribution of languages presented in the Introduction in terms of genetic affiliation, we would like to introduce another dimension, namely, the sociolinguistic one, which seems to be of crucial importance in the context of inter-community communication.

Once this dimension is introduced, we find out that the relative unity of Inupiaq dialects fall apart and we encounter a highly diverse picture of sociolinguistic varieties. A striking illustration of mutual repulsion shows up through interviews telling about Little Diomedede and Big Diomedede idioms:

---

¹ The latter issues are not considered below; see separate papers on these matters [Schweitzer, Golovko 1995; Schweitzer, Golovko 1997; Golovko, Schweitzer 2004; Golovko, Schweitzer 2007].

Big Diomedes and Little Diomedes have same language, but their wording, you know, long... We make the word short, and they make the word long over there. But it's same language, just a little bit different (Pat Omiak in Little Diomedes, July 1994, taped).

There is difference between Big Diomedes and Little Diomedes dialects. Slight, slight difference, in their pronunciation mostly (Alvin Kayouktuk in Anchorage August 1994, taped).

Big Diomedes dialect, mostly, I guess, that's understandable with us. Little bit different from Little Diomedes, still you could understand (Harold Ahmasuk in Wales, August 1994, taped).

(...) They came [on visits] from Big Diomedes too. Big Diomedes is right here, Little Diomedes is right here. They are close together long time ago, the old people talk the same language, but little bit different dialect. It's not far away, but we talk different little dialects. But we can understand them (Peter Oscar Ahkinga, August 1994, Little Diomedes, taped).

But we still could understand people from Imaaqliq [Big Diomedes] (Andrew Kunayak in Little Diomedes, August 1994, taped).

Little Diomedes are persistent in stressing the unique character of their idioms. Definitely, Big Diomedes do not let down their former neighbors:

In Kotzebue I could hardly understand anything. In Shishmaref people talk very fast, I missed a lot. And on Little Diomedes, the dialect is nearly the same as on Big Diomedes. Lena Kanto [formerly the resident of Big Diomedes] agreed with me. I think their pronunciation is slightly different (Pavel Tulun, 1996, Lavrentiya, taped).

The latter interview was recorded from Pavel Tulun, born in Naukan in 1955, who learned the language from his parents, former Big Diomedes residents; he also mentions another Inupiaq speaker, Yelena Kanto who resided in Lavrentiya at that time. These last speakers of Inupiaq in Chukotka do not hesitate to mark their own language variety as unique.

Interestingly, speakers of other Inupiaq idioms (e.g., Wales, Shishmaref, Teller) also make distinctions between the two idioms spoken on the two islands. When our consultants from Alaskan coastal villages

spoke about Siberian transit visits and recalled names of the Naukan people who had been able to speak Inupiaq, they never missed an opportunity to specify which variety of Inupiaq was spoken by a particular Naukan individual. For example, Harold Ahmasuk remembers very clearly that, over half a century ago, during the last Siberian visit,

Noomila [Naukan man] spoke Big Diomed language. They could not understand here, see? And the rest of them were speaking the Yupik over there, so, he [Noomila] was translator for the Yupiks into Big Diomed language (Harold Ahmasuk in Wales, August 1994, taped).

The former Naukan resident Izabella Avtonova could not speak Inupiaq, but she did not hesitate to distinguish between the idioms (not the people):

We did not distinguish between Big Diomed and Little Diomed. There was no distinction. Only the dialects were different. But many people could speak Little Diomed dialect. Even I know some words, I have remembered them since I was a girl (Izabella Avtonova in Lorino, July 1993, taped).

It seems that the three miles watershed between the two Diomed Islands is to be found also in linguistic map. There is no doubt that other Inupiaq dialects, given their more distant geographical position, will show even more differences. We will present here only one example. Vincent Okpealuk, who lived the first twelve years of his life on Little Diomed before he moved to Wales, feels these contrastive distinctions very clearly:

Certain terms in Little Diomed and Wales dialects are different. King Island is somewhat different too (Vincent Okpealuk in Wales, August 1994, taped).

Of course, the distinctions within the Inupiaq dialectal chain, especially between Big Diomed and Little Diomed idioms, are hardly perceivable, and, probably, show themselves in intonation, rhythm, and speed, i.e., prosodic features that are not phonologically relevant in Inupiaq. From the position of language structure, both idioms (Big Diomed and Little Diomed) should be certainly treated as one (sub)dialect. Still, the emphasis on these tiny distinctions, placed in all the interviews quoted above, is of considerable significance from a sociolinguistic

perspective. The members of different communities admit their relatedness (“We could understand them”), but, at the same time, strive for additional identity markers distinguishing members from non-members on the basis of the language they speak (for more facts underlying the division between Eskimo nations, see the prolific work [Burch 1998]). All individual evaluations of the ‘distance’ between different idioms can be interpreted within a certain average standard for each community. However, among these individual evaluations, some extreme examples can be found. An impressive instance of such individual sociolinguistic perception comes from the memories of one old Shishmaref lady, who stated that the language of Big Diomedede people, unlike those of Little Diomedede, was completely incomprehensible. Her memory is obviously prompted by later political events, and sociolinguistic and political boundaries make one and the same projection on her personal language map.

As was discussed in the Introduction, Naukan Yupik (NY), with only seventy speakers left, does not show any language variation at all. Unfortunately, for the time being, the only variation to be taken into account is to what extent this language approaches the state of language death in each individual case of seventy speakers.

The Chukchi language, perhaps even to a greater extent than Inupiaq, shows a vast dialectal diversification. Again, when speaking of language structure, these (sub)dialectal distinctions should not be overestimated. Vladimir Bogoras had a reason for saying that “the differences between the idioms of reindeer and maritime Chukchis are very inconsiderable” [Bogoras 1900: III]. However, in terms of communal identity, a lot of language distinctions are found even within coastal Chukchi communities. All our informants from the Chukchi coastal villages of Inchoun, Uelen, and Lorino gave a detailed description regarding particular features of the idioms of all coastal villages (structurally, it is, of course, one dialect). The distinctions were formulated in the following terms: their (i.e., of the other community) dialect is “sharper”, or “softer”; “they speak so fast that they do not pronounce word endings”; “they speak as if they sing”, or “as if they have gravel in their mouths”, “it takes me five days to get used to their pronunciation”, “sometimes you have to guess”, etc. (Zinaida Evtug’e in Anadyr’; Valeriy and Larisa Vukvurakhtyrgen in Anadyr’; Lev Tegrenkeut in Inchoun; Viktor Raikhlin in Lavrentiya; Mikhail Zelenskiy in Lavrentiya). Clearly, all members of various Chukchi communities, exactly in the same way as Inupiaq

people, fix certain language markers (again, mostly prosodic) to distinguish between ‘us’ and ‘them.’

The emphasis on particular linguistic traits do not set up additional barriers for intercommunity communication, as this play up is only prompted by strive for communal identity. The distinctions discussed above have little to do with language structures as they are. Still, turning to structural characteristics and genetic affiliation, we should keep in mind that there are three different Native languages spoken in Bering Strait, which are considered mutually incomprehensible in linguistic analysis — Chukchi, NY, and Inupiaq. As was already mentioned in the Introduction, the latter two languages belong to the same language family. But as is often the case, related languages can be situated on one genetic ‘tree’, but on the ‘branches’ that are very far from each other. Thus, in the first half of this century, the Bering Strait area comprised several communities with different languages, and it is known that, at the same time, it was the arena for all kinds of international affairs. Reasonably effective communication is a condition for more or less effective interrelationships in any multilingual area, and Bering Strait is no exception. There are several reliable strategies to bridge the communication gap between groups speaking different languages. Bilingualism is the most common way to provide mutual understanding. The degree of bilingualism was not equal in all the study communities. It depended on the social and economic role of each community in the intercontinental network, as well as on a number of geographic, historical, and psychological factors. The highest level of bilingualism is found, not surprisingly, in the middle part of this intercontinental route, namely in Naukan and the two Diomed Islands, while the extreme points of the imaginary cross-continental bridge, Chukchi coastal villages and Inupiaq villages along Alaska coast, and King Island, hardly show any bilingualism at all.

Let us start with the Chukotkan side of the strait, in particular with the Chukchis, who are famous for their adherence to their native language. When the first Russians reached the lands occupied by Chukchis in the middle of the seventeenth century, Chukchis, who eagerly entered new trade relations with Russians, were still persistent in speaking their own language to their new partners; for more details and additional references see [de Reuse 1994: 296-297]. Moreover, Bogoras [1949: 29] points out that in the second half of the nineteenth century, there were “Russian Cossacks”, along with some other neighboring ethnic groups, who spoke Chukchi. One of the neighboring groups, mentioned by Bogoras, were

Eskimos. The popular explanation of the fact that Chukchi — Eskimo bilingualism was required only of Eskimos, not of Chukchis, was Eskimos' dependence on Chukchi economy, not the other way around [Vdovin 1965: 55; Krupnik and Chlenov 1979: 26; Menovshchikov 1986: 63, 75; de Reuse 1994: 296]. This statement implies the reference to reindeer Chukchis, because coastal Chukchis did not differ from Eskimos in their subsistence practices. However, even if we take reindeer Chukchis, the above statement would hardly be justified. Moreover, if we seriously consider the economic matter, the situation was, more likely, the reverse [Bogoras 1904-09]. There is enough evidence from other areas, including the Alaskan side of the Bering Strait, to prove that coastal people could survive without herders; the reverse would be more than questionable. Still, it seems that there have been no reindeer Chukchi people in the past or in the present, who could speak NY (or Central Siberian Yupik in the Chaplino area). Very few exceptions found among the coastal Chukchis, speaking NY (only in Uelen) or even Inupiaq, can be explained by personal biographies (mostly intermarriage).

Valentina Bychkova (born 1930, in Uelen, August 1995, taped) finds such an example in her family:

They [Alaskans] came every summer together with Naukan people, in several boats. Naukantsy were interpreters — only their elders knew the language. My grandfather spoke Naukan language too, his mother was Eskimo.

Aleksandr Zhirintan (Lavrentiya, August 1995, untaped) recalls that, “Chinoy, a Chukchi man from Nunyamo, could speak Inupiaq.”

The examples given above are rather exceptions from the widely accepted pattern. That pattern worked out even in Uelen, the village, which, among all coastal Chukchi villages, had the closest relations with Naukan. According to our Chukchi and Naukan informants, there were very few Chukchi men in Uelen who could understand some NY or could say a couple of most popular phrases in this language. And it is mostly our Uelen consultants that point out to some NY speakers among the Uelen Chukchis. Practically all Naukan consultants are very resolute as regards Chukchi bilingualism, including Uelen Chukchi:

Naukantsy spoke only Chukchi when talking to Chukchis. None of Chukchis could speak Naukanski (Olga Uyghak in Lavrentiya, August 1993, taped).

A popular explanation of this discrepancy by Naukan people would sound like the following:

My mother was Russian. She was a teacher. She comes from Krasnoyarskiy kray. She worked as a teacher in Lorino and Mechigmen for forty years. She spoke Chukchi very well, but she could not learn Eskimo, it is very difficult. (Valentina Sukhovaya in Lavrentiya, July 1995, untaped).

There seems to be two main reasons for this state of affairs. The first reason, pointed out by Bogoras [1949: 29], is a mere numerical superiority of Chukchis over Eskimos. It seems only natural that the population of the isolated village with only 400, at the most, people would learn the language of numerically dominating people, than the other way around. However, this explanation would not work in other cases of Chukchi contacts, for example in the case of the above-mentioned early contact with Russians. Another reason of Chukchi reluctance to learn any other language could be, more likely, of psychological nature. What is meant here is the feeling of superiority often found in pastoralist societies in many parts of the world in relation to the neighboring societies of hunters and gatherers, and, in the end, to all other, different, societies. This feeling of ‘pastoralist superiority’ can last through centuries, in case of Chukchis all the historic time. Coastal Chukchis, being in the favorable position of having the same language as reindeer herders, did not find it necessary to learn foreign languages either. Moreover, they are likely to have caught the “virus of superiority.” Let us quote Albert Heinrich, who worked on Little Diomedea as a teacher in 1945–1948 and witnessed the last “Siberian” visits before the closure of the border:

You could tell a Chukchi by the way he walked, like a chief: ‘we are better’. The Chukchi, like Frenchmen, felt superior and did not learn a foreign language (Corvalis, Ore., December 1996, taped interview by Peter Schweitzer) .

This spontaneous observation of coastal Chukchis, whom Heinrich saw for the first time in his life, sounds reliable, given the fact that it was made by the person “from aside”, with no personal involvement in Alaska — Siberia connections.

Seemingly, the coastal Chukchis had an excuse for their not learning foreign languages fixed in their folklore tradition. The following

is the story told by the Chukchi writer Valentina Veket (Uelen, August 1995, taped):

There lived an old man and an old woman here, in Uelen. Both were Chukchi. They were husband and wife. Once the old man was sitting on the shore and was working on a stick with his knife. He got up to go home, but, that time, he forgot to pick up all shavings from the ground. The sea took the shavings, and he said, "Let them drift to the other side. I guess there are no living beings there. And he even helped all the shavings get into the sea. Some time passed, one year, maybe two. He was working on the shore, on the spit. Again, he dropped shavings into the sea. The weather was beautiful. The sea was calm. And suddenly he saw some black spots out on the sea. He called his wife to come out and have a look. She did not believe him. And the spots were approaching. He said to his wife, "Guests are coming. It is a surprise. We have been living here many years and we have never seen anybody coming from the other side. Let us cook something for them. They must be tired. They have covered a big distance." When the skin boats came, they saw that those people wore short parkas with rich fur trim on their hides, and trousers with strings on them. They came up and started talking in a strange language. There were men and women and children and small babies among them. The guests brought many gifts. The old man and the old woman fed the guests. They talked in a strange language. After they had lived some time with them, the old man asked them who they were. They explained that they were those shavings, but they had turned into people. They said, "You wanted to have people on the other side, so that they visit you from time to time. So here we are." He asked, "Why do you speak the language that I do not understand?" And they answered, "When you put us onto the water, the wind was very strong and took us away very quickly. And you forgot to tell us, 'Talk Chukchi.'" So we went there, but we did not know what language to speak. And while we were drifting to the other side, we heard the sea-gulls talking, the loons talking. We understood their language very well. So, it happened so that we learned from them and started talking their language. My mother told me that story."

Thus, many Naukan residents were bilingual, i.e., besides their mother tongue, they had a fairly good command of Chukchi. The Chukchis themselves give a high praise to them:

In old days many of Naukan people could speak Chukchi. At least a little bit. And some could speak very good Chukchi (Viktor Gualin in Inchoun, August 1995, taped).

First of all, this refers to adult men [Menovshchikov 1986: 75], who were most active in contacts both with coastal and reindeer Chukchi. The command of Chukchi by Naukan women, at least before the village was relocated in 1958, was, more likely, very much restricted. At least, the two oldest Naukan ladies, born in 1912 and 1914, whom we interviewed in the Chukchi villages of Lavrentiya and Uelen in 1993 and 1995 could not speak or understand Chukchi (nor Russian). However Ermen claims that these two cases were rather exceptional:

Most people in Naukan could speak Chukchi, all of the men and most part of women. In Uelen some Chukchis could speak Naukanski. I knew one old man, he could speak very good Naukanski (Uelen, August 1993, taped).

Among women in Naukan, there were very few Chukchis², who married in, and for whom Chukchi was their mother tongue. But being incorporated in Naukan community, they had to switch to NY in their everyday life.

Due to its geographic position, Naukan occupied a special place in the intercontinental network. It had close contacts with various Chukchi communities, as well as with the Eskimo communities on the two Diomed Islands and around Cape Prince of Wales. The reasons for contacts between Nuvuqaghmiit (Naukan people) and Diomed Inupiat lay mostly in kin and personal relationships, trade being involved as well to some extent.

We have recorded a fairly large number of names of Naukan people who were able to speak Inupiaq. Of Naukan women, only those (very few) from Diomed Islands or Alaska married in Naukan, spoke Inupiaq, which was their first (native) tongue. Again, it was mostly men that had command of Inupiaq. The number of such people was, by far, less than those speaking Chukchi. At the same time, all Inupiaq speakers in Naukan were, presumably, speakers of Chukchi, which makes them into a group of tri-lingual (NY — Chukchi — Inupiaq) speakers. Inupiaq,

---

² In 1950, according to Anadyr' Archives, there were only seven Chukchis in Naukan against 247 Eskimos.

which was spoken by Naukan people, is identified by modern Alaskan informants as “Big Diomedede language” (in most cases) or “Little Diomedede language”. In the 1990s, among all the people of Naukan origin in Chukotka, none could speak any Inupiaq. However, there are three or four Inupiaq speakers (certainly, more or less disqualified, due to lack of practice), former Big Diomedede residents or their offspring. All the former Big Diomededes and some of their offspring, who live in Chukotka today, are persistent in stressing their Big Diomedede identity, in spite of their formal Naukan origin. Some of them claim they can speak Inupiaq, but, when asked to demonstrate, do it reluctantly, being afraid of disqualification. The “new contacts” (after 1990) with “old relatives” give them an opportunity to restore self-confidence. Interestingly, after the resumption of contacts, some of the most active modern Naukan travelers have already been able to pick up some Inupiaq (which is evaluated as “pretty good” by some Little Diomedede and Nome residents). This fact can be interpreted as an attempt to regain (confirm) the special status of the community, which has always had intimate relationships with Alaska.

Inupiaq — NY bilingualism was also typical of Diomedede Islands. Based on his interviews with the people of Little Diomedede, Lawrence Kaplan claims that “Diomededes learned NY more often than the other way around” [Kaplan 1996]. Our work on both sides of the strait has convinced us that the number of Inupiaq speakers in Naukan and the number of NY speakers on Little Diomedede were approximately equal.

The participant of the last 1947 travel to Nome via Little Diomedede Ermen recalls:

Naukan elders could speak the language of the other side. Some Diomedede people could speak Naukan language pretty well too. Especially their elders could speak very good Naukan Yupik (Uelen, 1993, tape 12, side B).

The equality of social status of these groups, as well as a similar psychological perception of their own role in the intercontinental network (major middlemen between the two sides of the strait) caused an approximately equal level of bilingualism. Intermarriage (including not very infrequent cases of spouse exchange, which presupposed a several months’ stay on the other side of the strait) also made a certain contribution to bilingualism in Naukan and Diomedede Islands. Intermarriage was, at all times, the most effective instrument to reach bilingualism. Here is some evidence from Naukan folklore:

A man from Nunaq [later assimilated by the Naukan community] and his female cousin fled from Nunaq to Keggte [the Naukanski name for Wales, but here it is probably used as a general term and refers to whole Alaska], because they were afraid of being killed by their brothers. At Keggte they met two Alaskan Eskimos, also a man and his female cousin who came there from Tikighaq [Point Hope] to gather plants. The Nunaq man married the Tikighaq woman, and the Tikighaq man married the Nunaq woman. Both couples had children. Some time later they decided to visit their brothers: they were not afraid of being killed any more, because they had already got children. When they went to their brothers, they found out that they were not going to kill them any more. Since that time they made peace. Sometimes their cousin visit them, sometimes the Nunaq people go. And that's why the Nunaq people understood Imaaqliq [Menovshchikov 1987, text 27:180–186; told by Ggulgen-ga].

This folklore text, as is often the case with folklore sources³, leaves room for interpretation.

However simplistic the question of bilingualism might seem, there are certain aspects, for which satisfactory interpretations are still to be found. For example, it is rather difficult to imagine that Little Diomed Island, the closest to the Siberian side, was exclusively orientated to NY as the second native language. There is evidence that some of most active Diomed travelers (for example, Moses Milligrock) had connections only with Uelen, and did not visit Naukan for once. It would be natural to assume that, in this case, there would be more reason for such travelers to learn some Chukchi. Moses Milligrock (Little Diomed, August 1994, taped) told us that when he went to Uelen in old days, he did not have problems in communication. He claims that it was more difficult for him to understand people from Nuughaq (Naukan), and their language differed from that spoken in Uelen. Frieda Larsen (Nome, August 1994, taped) remembers very clearly that her mother (Wales resident), who was a frequent visitor to Saggtuq [Chegitun], felt much easier when she talked to Saggtuq people than to those of Wolik (Uelen). Given the fact that many people on Alaskan side, especially those not from Little Diomed, often use the term Nuughaq referring to Chukotkan coast

³ See [Bogoras 1936; Kuz'mina 1981] for more information on Eskimo folklore.

in general, it would be only natural to presume that Chukchi could well stand behind the term “Nuughaq language.”

However important the command of two languages might have been to provide unimpeded communication, it was not bilingualism, in the proper sense of the word, that bridged the communication gap between Naukan and Little Diomede. Practically all our informants from these two communities were unanimous at one point: during their visits, both groups spoke their own languages, which did not prevent them from effectively communicating. The Naukan man Nikolay Yakyn, who visited Little Diomede three times in his youth, said,

During these meetings [with Little Diomede people] Naukan people often spoke their own language, but we understood each other (Uelen, tape 1993/10, side A).

Moses Milligrock has preserved similar memories:

I could understand Nuughaq people, they could understand me too, even though we talk a little bit different (Little Diomede, 1994).

The explanation that immediately comes to mind is that what we have in this case can be explained in terms of the so-called passive bilingualism, where a person can understand the other language without being able to speak it. This explanation might be valid, but only to a limited extent. The concept of passive bilingualism works fine for the situation, in which the two languages have nothing in common. This is not the case of Inupiaq and NY, which are related, though distantly.

It is likely that in an urgent situation of “communication vacuum”, the two languages that belong to two different sub-branches of the language family and are considered to have split centuries ago, turn out to be mutually intelligible. If the Native people on both sides were professional Eskimologists, probably, from the very start, they would think of their efforts to understand each other as destined to fail, and would not even try doing so. Fortunately, they did not care:

There is much in common between our languages — on Little Diomede and in Naukan. That’s why people understood each other (Nikolai Yaken in Uelen, 1993, taped).

Nuughaq people have same language all right, only it’s slower. We had same language, but they slow (Alice Soolook in Little Diomede, July 1994, taped).

The people from Nuughaq [Naukan] spoke much the same language like we do (Charlie Iyapana in Little Diomede, August 1994, taped).

Interestingly, the same Little Diomede people, who never miss an opportunity to stress hardly perceptible distinctions between Little Diomede and Big Diomede idioms (see above), claim that the language they speak and NY are so close it was no problem to communicate. Obviously, we encounter here the two extremes of search for identity: on the one hand, the exaggeration of subtle nuances in order to distinguish themselves from other communities, and, on the other hand, the diminishing of more than considerable differences in order to claim close relationships.

Supposedly, in this contact situation, as elsewhere, a certain technique, close to what is sometimes called *foreigner talk* [Ferguson 1971; Ferguson 1975; Romaine 1988: 72–84] was employed. It implies simplifying or avoiding some of the differences between two languages, in order to adjust own language to the language of a person spoken to. Besides reduced vocabulary and simplified syntactic structures, which are typical of this type of communication, in our case (distantly related languages), an important role was played by the tendency to choose, of several possible words with close meanings, those stemming, in both languages, from the same root. We should admit that, theoretically, the emergence of an inter-dialect communication system was possible in this case. Dialect mixing is not infrequent in the process of dialect contact, and it is normally accompanied by leveling, simplification, re-allocation, and the appearance of inter-dialect forms [Trudgill 1986]. It is hard to say how stable that hypothetical linguistic system was. A possibility of a certain type of Naukan Yupik — Inupiaq jargon (see below) may not be excluded. In any case, this sort of communication, with adjustment technique, though highly variable, but within certain limits, requires constant practice. After the resumption of native contacts across the strait, half a century break showed its negative effect right away.

One of the most active contemporary travelers puts it very clearly:

There are no people who can speak Nuughaq language today. When we meet, we speak our languages. I can understand. We would be real good at understanding each other, if they didn't close that border. It's all these years. We don't hear a language. Bering Bridge Expedition [1989], that's the first time we ran into each other, you know.

In over 50 years. I think now I could speak these Siberian Yupiks better than I could speak Nuughaq language. Them old people they been going back and forth. They know how to understand Nuughaq very good. But those older people from Nuughaq, they could understand Inupiaq. Being with each other more often, you know, they did (Pat Omiak in Little Diomedes, 1994)

This is how Eermeen (Uelen, 1993), who claimed that it was no problem understanding each other in old days (see above), describes one of the “new” contacts:

They say that my father stayed there [on Little Diomedes] long. I don’t know. A man [from the Alaskan side] came once [in 1991] and said he was my father’s son. But I don’t know. He understood me with difficulty, same with me, the dialects are different (Uelen, 1993).

The complete destruction of Big Diomedes community in 1948 causes (people were forcibly relocated to the mainland by Soviet administration) many problems today if one tries to reconstruct all aspects of its life including the linguistic one. The eastward population drift that took place in 1880s–1930, when most Big Diomedes moved to Little Diomedes and some Naukan people settled on Big Diomedes (for more details see [Krupnik 1994: 62ff]), supposedly, made impact on Inupiaq — Naukan Yupik bilingualism on Little Diomedes Island. As a result of this eastward drift, the Big Diomedes community even acquired at least two fluent speakers of Chukchi, Jimmy Kopari (also recorded in different sources as Kapori, Korpari, Karepari, Koripari, and so forth — from Chukchi *keeppeer* ‘wolverine’) and Kayouktuk, the well-known names in the Bering Strait region.

Krupnik [1994: 63] posits that “by 1930, (<...>) the initial population of Big Diomedes was all but replaced by Yupik-speaking people from East Cape, Siberia.” This statement correctly presents the fact of the population movement, but it sounds somewhat strong as regards the Inupiaq language removal. Indeed, the population loss on Big Diomedes was restored through the resettlement of some Naukan people. However, as these resettlements were mainly made through marriage [Krupnik 1994: 70], it rather went as an adaptation into the already existing community, not a mere replacement of the Inupiaq-speaking population by the Yupik-speaking one. According to our consultants, Inupiaq was

the major (or, at least, on a par with NY) language of the community until its forcible relocation in 1948, however small [Krupnik 1994: 70] the community had become by the 1940s.

The following words of Nikolai Yaken are crucial for the reconstruction of the language situation on Big Diomedede in the 1930s–1940s:

When people from Naukan lived on Big Diomedede together with Big Diomedede people, they spoke their own languages to each other, and they understood each other pretty well. Each had a bit of knowledge of the neighbor's language. It was the same way when Naukan people visited little Diomedede (Uelen, September 1993, tape 10, side B):

Turning to the Alaskan coast and to King Island, it should be noted that there were few bilingual speakers in all the communities there⁴. Supposedly, Wales could be the village with a certain number of bilingual speakers, due to its geographical position. As was already said, there were, actually, two different villages at Cape Prince of Wales — one before 1918, and the other after the flu disaster. We should admit that, in pre-epidemic Wales, there were some bilingual speakers, due to more frequent contacts with the Siberian side in those days. Again, the question of what language could be the second in Wales, rests unresolved. Wales residents use the term “Nuughaq” to refer to the Siberian coast in general, so, at least theoretically, the second language for some Wales residents (seemingly, very few) could be Chukchi. One of the eldest Wales residents Ernest Oxereok recollects:

Older, older people used to speak their language, but they are all gone now. For example, my grandfather used to talk to Iivik [man from Naukan] in their language. He knew their language. He used to cross there in summertime, and spend the summer over there for maybe a couple or a month (Wales, August 1994, taped).

The name of the Naukan man Iivik, mentioned in the interview, does not clear up the ambiguity, as all Naukan men spoke good Chukchi.

Ernest Oxereok (tape 1994/21/9, side A) told us that when Siberians had come to Wales after a long break, in 1947, all of them stayed at different people's places, including his parents' house. However, the

---

⁴ Speaking of bilingualism now, we only mean the command of some other native language, besides own. In this case, it could be Chukchi or NY.

visitors did not speak Inupiaq and had mostly to communicate in gestures. One of them was a fluent Inupiaq speaker (all our Wales consultants identified him as speaking “Big Diomedede language”) and served as an interpreter. Supposedly, already in the 1930-1940s some of the “interpreters” were specially selected and used by intelligence services, at least on the part of the KGB, to deliver information from the other side. On the American side of the strait, this fact was recognized not only by FBI (Albert Heinrich: “FBI guys were very nervous about it”), but by the Native people, as well. For example, some Wales’ residents still remember the name of the Naukan man who, as they suspect, was connected with secret services. This suspicion is supported by some indirect evidence: today we know it for a fact that, in the late 1960s—mid-1970s, native people from both sides of the strait took part in the “spontaneous” meetings on the ice and out on the sea, following the assignments from secret services (the meetings were initiated by KGB, but American intelligence service was aware of it). To close the “espionage” topic⁵, we should mention one fluent Inupiaq speaker among the three Naukan men, who were a permanent team for intelligence assignments in the area between the two Diomedede Islands (see [Golovko and Schweitzer 2004]), and two good NY speakers on Little Diomedede side.

King Islanders were not actively involved in intercontinental travels in the study period, with exceptions of 1946 and 1947. The direct consequence of this was the absence of NY speakers in the King Island community. During the stop-by visits on the way to Nome, only Inupiaq was used as the vehicle of communication [Kingston 2000].

In a similar vein, there were hardly any bilingual speakers on the Seward Peninsula north of Wales. At least, we failed to identify any for the Shishmaref area. We should admit that communication was carried out in the same fashion as it was on King Island. A serious difficulty, though, were considerable distinctions of the Wales-Shishmaref dialect, compared to Diomedede: our Shishmaref consultants complained that the “Big Diomedede language”, spoken by “Siberians” was nearly incomprehensible (see below for an alternative explanation). Shishmaref people point out that, during their visits to Shishmaref, “Siberians” were accompanied by Diomededers. The latter also acted as interpreters, as they were more skillful in communicating with speakers of Shishmaref Inupiaq, due to closer contacts with this area.

---

⁵ For more details see [Schweitzer, Golovko 2004].

In the Teller area, some people, accidentally, knew some NY. Elsie Kugzruk (born 1909 not far from Mary's Igloo) remembers:

Only my father Keelik could understand Siberians. Their language was different. Father asked not to laugh at them, if they did not understand them, and not to look straight at them in order not to make them uncomfortable (Teller, August 1996, taped).

A few more words are to be said about Inupiaq-Chukchi bilingualism. As was mentioned above, by 1930, the Little Diomed community received two fluent Chukchi speakers as a result of the population drift from Big Diomed to Little Diomed. Those two men, Koopari and Kayouktuk, probably were the best Chukchi speakers on Big Diomed at that time. However, the ability to speak Chukchi was not exceptional on Big Diomed. Other people born in the second half of the nineteenth century had some command of Chukchi too.

My father spoke Chukchi, fluently... Most of our older people, my father's age, a lot of them speak a little bit of it (Alvin Kayouktuk, Anchorage, 1995, taped).

There is also some evidence that a number of Little Diomed men spoke some Chukchi in the past. Today only the most active "new" travelers know a couple of popular Chukchi words (for "hello", "tea", etc.), which were picked up during the recent visits. However, that was mainly the job for Naukan people, as now it was their turn to do visitors a favor, interpreting Chukchi. In the past, on their visits to Uelen and other coastal Chukchi villages, Diomeders' were, normally, accompanied by one or two Naukan boats.

Apart from bilingualism (multilingualism), there was another effective means to fill the communication gap, namely *lingua franca*, that is, a language, which is not native for all the people involved in communication in the given area. Of the two possible choices for the Bering Strait area, Russian and English, Russian is not to be considered as such. There is a lot of evidence that, before the beginning of the twentieth century, even the natives on the Chukotkan side, the Naukan people and the coastal Chukchis, had very little contact with Russians.

Before the Soviet power, no one in Naukan could speak Russian. It was only occasionally that Russians came (Nikolai Yaken, Uelen, 1993, taped).

The first Soviet guard posts appeared in the northeast Chukotka in the early 1920s. However, most of our Naukan informants, when asked about the time of the establishment of the Soviet power, point out to the 1930s⁶. For our purposes, the introduction of school teaching in Russian is essential. The first schools in Naukan and Uelen were opened in the late 1920s. So, we should admit that Russian, in spite of its steadfast position today, was the last language to come to the area. In the mid-1990s, among approximately seventy Naukan speakers, only the two eldest Naukan ladies, mentioned above, had absolutely no command of Russian. However, one of them, born 1912, have managed to pick up some Russian from her great granddaughter, the schoolgirl of 8 years old.

Some Russian loans (we mean only the “old“ words, which went through phonetic adaptation) are found in NY, but it is hard to say whether these entered Naukanski via Chukchi reindeer herders or if they were borrowed directly from Russian. Besides, it is rather hard to estimate now the time of borrowing, since after the establishment of Soviet power in Chukotka, Russian became the dominant language of the prestigious majority.

In contrast to Russian, the number of English borrowings in Naukan Yupik [Dobrieva et al. 2004], as well Siberian Yupik of Chaplino and Saint Lawrence Island [de Reuse 1994], is impressive. The reason for this flood of English words in the languages of the Soviet Far East is well-known. Starting with the mid-nineteenth century, American and other whaling ships were regularly spending summers in the Bering Strait area. The ships stopped at Eskimo villages to replenish their water supplies and to trade [Bockstoce 1991; Bockstoce 1995]. Some Naukan and Chukchi coastal men were hired as sailors for those ships. Such contacts gave native people the impetus to learn English, and it seems to have been learned with enthusiasm [Silook 1976: 53; Krupnik and Chlenov 1979: 26; de Reuse 1994: 299-300]. Bogoras [Bogoras 1913: 441; see also de Reuse 1994 300–301] remarked about his Chaplino informant who, like all the young men, had a strong desire to learn some English; having no means to do so, he would imitate English songs and words and put them into his songs.

---

⁶ Incidentally, one Naukan lady said that “Soviet power started after the war” (World War II); in this case, Soviet power is associated, not coincidentally, with the infamous ‘collectivization’ campaign.

Since the conditions in Chukotka were favorable for wintering and landings, many Native men from all over the coast were taken as crew members on whaling ships. It gave them an opportunity to travel (some of them are reported to have wintered in Seattle, San Francisco, Hawaii, and even Spain) and learn English. When talking about languages spoken in old days, none of our Naukan and Chukchi informants missed an opportunity to mention that some of their (great)grandfathers were fluent English speakers. According to Izabella Avtonova, some Naukan women spoke English too:

My grandmother on the mother's side Tutoya could speak English. I know it for sure (Lorino, July 1993, taped).

This information matches the reports of numerous Russian government officials, who visited Chukotka in the late nineteenth and early twentieth centuries:

Besides their native language, all of them understand some English, even women and children; many of them can speak [English], and those who sail on American ships in the summertime or have been to San Francisco, talk as born Americans [Resin 1888:180].

Already in earlier days, due to whalers, English became known all over the coast of the Bering Sea [Kirillov 1912: 340].

People of a younger generation of former Naukan residents are sure that English was another language of the Naukan community. Valentina Sukhovaya said,

My father Nuteesqen could speak English. All Naukantsy could speak English. My grandmother could speak [English] too. She hardly knew any Russian (Lavrentiya, August 1995).

Seemingly, the only foreign language learned by some coastal Chukchis, was English. The old hunter Lyolich states:

My father Tyngak lived in Dezhnevo. He could speak English. He spoke to Charlie [American trader]. And Charlie was "closed" in the 1920s or 1930s (Uelen, August 1995, taped).

Valeriy Cheyvyn (born 1939) told us a story illustrating the role of English as a vehicle of intercommunity communication:

There was one interesting case in Inchoun in the 1960s. We had a President of the Village Council here [in Inchoun] named Ulgun, the former Naukan resident. He spoke Chukchi very poorly. But he knew English very well. Once people were sitting and talking. Suddenly Ulgun made a joke in English. Memylu [the Chukchi man from Inchoun] answered and they started talking English (Inchoun, August 1995, taped).

Today no traces of old days' English can be found in Chukotka. Still, the question remains: what did the "English language", reportedly spoken in Chukotka in those days, look like? Two assumptions can be made in this respect. First of all, it could be the American English vernacular, acquired to a more or less extent.

Alvin Kayouktuk recalls one of his travels, when he accompanied his father as a boy:

He was Chukchi. Apparently, he traveled extensively with whaling ships, because one time when we went to Woolik [Uelen], he really surprised me, start speaking English to me. I was just a child. It was very good English. He was an old man at that time (Anchorage, August 1995, taped).

Some Wales residents managed to recollect several names of Siberians who spoke English during the post-epidemic visits. It is probably no coincidence that these names come from our Wales informants: English was hardly needed for Siberians to communicate with Diomeders, while in Wales (after 1918) it provided another option of understanding each other.

3. Contact-induced languages

The language, referred to as "English" by modern Chukotka informants, could well be the so-called *nautical jargon* used by whaling crews. It was not strictly codified as regards its lexicon, which varied from crew to crew. Most likely, it was English-based, and included Hawaiian and Portuguese words, as well as words from other languages. As is typical of such language systems, it is hardly possible to trace the origin of some lexical items. The nautical jargon became extinct, with the decay of whaling business, by 1900. However, there are some

obscure indications to the existence of the nautical jargon as late as the first half of twentieth century. The Wales resident, Ernest Oxereock (August 1994, taped), recalls that when Chukotkan people came once to Wales (a transit visit on the way to Nome), one of them, named Iivik, said he could speak English (the Naukan man Yaken confirmed that Iivik, who was his uncle, learned English when he worked as a cook on a whaling ship). However, when he tried to speak English to the local school teacher, the latter could not understand him. Presumably, the “English language” spoken by Iivik could be a nautical jargon. Probably, there were many English word roots in it (alongside with word roots from some other languages) but phonetically distorted and with shifts in their meaning. What is even more important and what could be the major obstacle for mutual understanding in the case described above is that any pidgin has a grammatical structure (though rather unstable) of its own. A considerable number of word roots of English origin could be the reason why it was identified in that particular case as incomprehensible English.

Very interesting evidence [which refers to 1945–1948] comes from Albert Heinrich:

... reminds me of an elderly man in Nome, family name of Martin, reputed to be of French-Canadian descent, who was married to a local Eskimo. Mr. Martin must have come to the Nome area during the closing days of the Gold Rush. He firmly believed that he used to be able to converse with “the natives” in their “old time language”. I asked him to demonstrate. He uttered several phrases and from what I could make out this form of speech, most probably, was Whalers’ Pidgin, perhaps heavily laced with Kanaka⁷ (Letter to Peter Schweitzer, December 1996).

Today, it is hardly possible to find and traces of the nautical jargon in Alaskan communities, as American English vernacular has become the “language of a wider communication”. Even if the nautical jargon was remembered by some of the elders, it got dissolved due to the expansion of American English (de-pidginization). Of course, older Natives in Alaskan coastal villages often use a number of incorrect English

---

⁷ It is likely that Heinrich refers to Hawaiian Pidgin; the word ‘kanaka for ‘man’ occurs in both English- and French-based pidgins throughout the Pacific, and it is also found in Chinook Jargon (Vancouver area, along the coast); for example, see [Romaine 1988: 85].

grammatical forms, such as ‘no’ instead of ‘not’ (e.g., ‘it is no good’); loss of agreement suffix *-s* in 3 p. sg.; generalization of tense forms (loss of *-ed* suffix in the past tense); the use of ‘them’ instead of ‘they’ in the nominative, and some others. These features are also typical of English-based pidgins. However, it would be too risky to treat these examples as remnants of any English-based pidgin, as they are, at the same time, typical of imperfect second language acquisition [Schumann 1978].

Speaking of hypothetical *contact-induced language systems*, based on a native language (languages) in the Bering Strait, it is only natural to assume that Chukchi played a significant role in all of them. We already wrote above that there is historical evidence of the dominating position of the Chukchi language in the area. Gondatti [1897: 167–168] claims that the Eskimos of Chukotka did not understand each other and had to use Chukchi as a means of communication. Bogoras [1949: 29] points out that, besides the Eskimos, the Chuvan, the Evenki (Tungus) and the Yukagir (Odu) had a command of Chukchi. As was mentioned above, according to Bogoras [1949: 29], “Russian cossacks” could speak Chukchi, too. There are two possible interpretations of this historical evidence: 1) Chukchi (in a simplified form) could serve as a “lingua franca” in the area under consideration, and 2) there could exist a Chukchi-based jargon (pidgin?). Neither supposition is mutually exclusive of the other. There is also evidence from Bogoras [1901: 13] that indirectly confirms the dominant position of Chukchi. The structure of Russian, spoken by the so-called Russian old-settlers (who lived in the same villages with native people and often intermarried with them), was noticeably influenced by Chukchi.

It is not likely that there were stable pidgins or mixed languages (like Medny/Copper Island Aleut [Golovko 1994; Golovko 1996; Golovko 2003]), in Chukotka before the twentieth century. Old word lists (see [de Reuse 1994: 319–329]) show features typical of jargons in general. De Reuse [1994: 328–329] posits that in the course of history there have been at least three, and maybe four, unstable trade jargons in use in the Bering Strait area:

- 1) Eskimo-based jargon, used for communication with the Chukchi and other Eskimo groups (Inupiaq-speaking groups of Alaska included), containing many Chukchi loans, in particular particles and personal pronouns;

- 2) Chukchi-based jargon, mostly simplified Chukchi, used for communication with outsiders;
- 3) whalers' jargon, probably English-based, with Hawaiian and Portuguese words, used by and with the ships' crews only;
- 4) maybe a Russian-based jargon, primarily for trade with Russians and probably never used in the easternmost part of the Chukotka Peninsula.

De Reuse himself [de Reuse 1994: 329] admits that this is an idealized classification. In reality, these four types of jargons could not be kept distinct because of their unstable character and diverse situations of language contact.

Clearly, a whalers' (nautical) jargon was in the area for some time, and we still can, somehow, trace it, due to loans in coastal native languages and dialects, and obscure memories. It is also highly probable that a Chukchi-based jargon (No. 3 in de Reuse's classification) was in existence, though any remnants of this jargon are not likely to be found today. The existence of an Eskimo-based jargon (No. 1 in the classification above) is the most questionable issue. If such a jargon had been used in the past, it is highly doubtful that it would have been a means of communication with Chukchis. Possibly, it could be employed for communication between Yupik-speaking and Inupiaq-speaking Eskimos. In fact, it could have been a mixture of Inupiaq and NY, described above.

During our field trips, we failed to receive any evidence of pre-existing contact-induced language systems based on native languages. Today even the eldest people cannot recollect any special language forms in trade contact on both sides of Bering Strait. However there is a possibility of the existence of contact-induced language systems prior to the time when the border in the Bering Strait was closed, and Russian and English became the vehicles of inter-ethnic communication on the two sides of the strait. Today we can hardly expect to receive new information on the topic, as contact-induced language systems are rather unstable, and normally disappear as soon as there are no longer favorable conditions for their maintenance.

4. Conclusion

The native people of the Bering Strait region were great travelers. Unlike modern white adventurers, they traveled in the open sea

and on ice without strive for publicity; it was just part of their life. But they were also great connoisseurs of languages. It was also part of their life. It would have been very difficult to trade, make visits, and get married without being able to communicate. People of the area always found a way to communicate⁸. The Bering Strait area was, indeed, a well-balanced social and economic system. It was effective too, due to communicational balance. As is always the case in any complex system, different kinds of work are distributed unevenly between different parts of the system. The major portion of linguistic work fell on the communities located in the central part of the area. The special role of Naukan and Diomed Islands as major mediators in the interethnic network in the first half of the twentieth century presupposed a great amount of multilingualism in these communities. It was not uncommon to find Naukan Yupik — Chukchi — Inupiaq (Big Diomed or Little Diomed idioms) — English quadro-lingualism in the Naukan community (Russian, which was taught during the campaign for “liquidation of illiteracy“ in the 1930s, was a fifth language for some Naukan people!). The corresponding set of languages for Big Diomed would be: Inupiaq (Big Diomed idiom) — Naukan Yupik — Chukchi — English; and for Little Diomed: Inupiaq (Little Diomed idiom) — English — Naukan Yupik — Chukchi. Of course, the order of succession of languages (which reflects the level of knowledge) could change in the course of time, as it depended on the changing social and economic ties.

The contemporary picture of intercontinental communication looks completely different from that in the first half of the twentieth century. While elders and people in their forties try to revive old practices of communicating in their native tongue, Siberian youngsters try to speak English to their Alaskan friends. In Uelen we saw a growing interest to the study of English at school, and hardly any interest to Chukchi. The Uelen teacher of English actively participates in modern native travels, acting as an interpreter. Seemingly, in the future, English has a better chance to become the language of communication during Alaska — Siberia native contacts.

---

⁸ Or not to communicate: in folklore stories, which are famous on both sides of the strait, “wild people“, “outcast“ (“whistlers“) lose their ability to speak, as they become alien (“dead“) — they can only express themselves by whistling [Golovko, Schweitzer 2007].

References

- Bockstoce 1991 — J. Bockstoce. Alaskan-Siberian trade patterns from first western contact to the present. R. K. Johnson, L. J. Hickey, C. A. Hoover (eds.). *Crossroads of Continents: The Material Culture of Siberia and Alaska*. (The Yale-Smithsonian Seminar on Material Culture.) Washington, DC: Smithsonian Institution. New Haven, CT: Yale University Press, 1991. P. 34–38.
- Bockstoce 1995 — J. Bockstoce. Whales, Ice and Men: The history of whaling in the Western Arctic. Seattle: University of Washington Press, 1995.
- Bogoras 1900 — V. G. Bogoraz. Materialy po izucheniyu chukotskogo yazyka i folkloru, sobrannye v Kolymskom okruge V. G. Bogorazom [Materials for the study of Chukchi language and folklore in Kolymskiy okrug collected by V. G. Bogoraz]. *Trudy Yakutskoy ekspeditsii, snaryazhennoy na sredstva I. M. Sibiryakova* [Proceedings of the Yakut expedition sponsored by I. M. Sibiryakov]. Section 3. Vol. XI. Pt. III. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences Publishing House, 1900.
- Bogoras 1901 — V. G. Bogoraz. Oblastnoy slovar kolymskogo russkogo narechiya i pesni russkikh porechan na Kolyme [Regional dictionary of the Kolyma Russian idiom as spoken by local population on the Kolyma River and their songs]. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii Nauk* [Collection of the Russian language department, Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences Publishing House, 1901.
- Bogoras 1904–09 — V. G. Bogoras. The Chukchee. The Jesup North Pacific Expedition, Vol. 7. Leiden: E. J. Brill. New York: G. E. Stechert, 1904–1909.
- Bogoras 1913 — V. G. Bororas. The Eskimo of Siberia. The Jesup North Pacific Expedition, Vol. 8, Pt. 3. Leiden: E. J. Brill. New York: G. E. Stechert. 1913.
- Bogoras 1936 — V. G. Bogoraz. Osnovnye tipy folkloru Severnoy Evrazii i Severnoy Ameriki [Major types of folklore in Northern Eurasia and North America]. *Sovetskiy Folklor*. 1936. Nos. 4-5. P. 29–50.
- Bogoras 1949 — V. G. Bogoraz. Materialy po yazyku aziatskikh eskimov [Materials on the language of the Assiatic Eskimos]. Leningrad: Uchpedgiz, 1949.
- Burch 1998 — E. S. Burch, Jr. The Iñupiaq Eskimo Nations of Northwest Alaska. Fairbanks: University of Alaska Press, 1998.
- de Reuse 1994 — W. J. de Reuse. Siberian Yupik Eskimo: The language and its contacts with Chukchi. Salt Lake City: University of Utah Press, 1994.
- Dobrieva et al. — E. A. Dobrieva, E. V. Golovko, S. A. Jacobson, M. E. Krauss. Naukan Eskimo Dictionary. Ed. by S. A. Jacobson. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, Alaska Native Language Center, 2004.

- Ferguson 1971 — C. A. Ferguson. On the absence of copula and the notion of simplicity: A study of normal speech, baby talk, foreigner talk and pidgins. D. Hymes (ed.). *Pidginization and Creolization of Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 141–150.
- Ferguson 1975 — C. A. Ferguson. Towards a characterization of English foreigner talk. *Anthropological Linguistics*. 1975. No. 17. P. 1–14.
- Golovko 1994 — E. V. Golovko. Copper Island Aleut: An Aleut-Russian mixed language. P. Bakker, M. Mous (eds.). *Mixed Languages: 15 case studies in language intertwining*. Amsterdam: IFOTT, 1994. P. 113–121.
- Golovko 1996 — A case of nongenetic development in the Arctic area: The contribution of Aleut and Russian to the formation of Copper Island Aleut. E. H. Jahr, I. Broch (eds.). *Language Contact in the Arctic: Northern Pidgins and Contact Languages*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 63–77.
- Golovko 2003 — E. V. Golovko. Language contact and group identity: The role of ‘folk’ linguistic engineering. Y. Matras, P. Bakker (eds.). *The Mixed Language Debate: Theoretical and empirical advances*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 177–207.
- Golovko, Schweitzer 2004 — E. Golovko, P. Schweitzer. Traveling between Continents: Native contacts across the Bering Strait. Y. P. Tret'yakov, N. P. Aleksandrova (eds.). *Rossiisko-amerikanskije svyazi: 300 let sotrudnichestva / Russian American Links: 300 Years of Cooperation*. St. Petersburg: Akademicheskij proekt, 2004. P. 99–119.
- Golovko, Schweitzer 2007 — E. Golovko, P. Schweitzer. A Song as Worthy as a Dog: A note on alien elements in Bering Strait folklore. N. B. Vakh-tin (ed.). *AB-60. Sbornik statej k 60-letiyu A. K. Baiburina* [Festschrift for Albert Baiburin's 60th birthday]. (Studia Ethnologica 4). St. Petersburg: European University Press, 2007. P. 288–297.
- Gondatti 1897 — N. L. Gondatti. Sostav naseleniya Anadyrskoy okrugy [The composition of the population of Anadyr region]. *Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* (Khabarovsk). 1897. Vol. 3(1). P. 166–176.
- Kaplan 1996 — L. Kaplan. Oral communication. Fairbanks, AK. 1996.
- Kingston 2000 — D. M. Kingston. Siberian Songs and Siberian Kin: Indirect Assertions of King Islander Dominance in the Bering Strait Region. *Arctic Anthropology*. 2000. 37(2). P. 38–51.
- Kirillov 1912 — N. V. Kirillov. Alyaska i ee otnoshenie k Chukotskomu poluostrovu [Alaska and its relation to Chukotks peninsula]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. T. 45. No. 1-5. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Publishing, 1912.
- Krupnik 1994 — I. I. Krupnik. ‘Siberians’ in Alaska: Siberian Eskimo Contribution to the Alaskan Population Recoveries, 1880-1940. *Études/Inuit Studies*. 1994. Vol. 18(2). P. 49–80.

- Krupnik, Clenov 1979 — I. I. Krupnik, M. A. Chlenov. Dinamika etnolingvističeskoj situatsii u aziatskikh eskimosov (konets XIX veka — 1970-e gg.) [Dynamics of the ethnolinguistic situation among the Asiatic Eskimos (late 19th century — 1970s)]. *Sovetskaya Etnografiya*, 1979. No. 2. P. 19–29.
- Kuz'mina 1981 — L. P. Kuz'mina. Folklor eskimosov (po materialam V. G. Bogoraza) [Eskimo folklore (according to Bogoraz materials)]. I. I. Gurchich (ed.). *Traditsionnye kultury Severnoy Sibiri i Severnoy Ameriki* [Traditional cultures of northern Siberia and North America]. Moscow: Nauka, 1981. P. 200–211.
- Menovshchikov 1986 — G. A. Menovshchikov. Eskimossko-chukotskiy bilingvizm i interferentsiya chukotskoy periferiynoy leksiki v eskimosskiy jazyk [Eskimo-Chukchi bilingualism and the incorporation of Chukchi marginal words into Eskimo language]. P. Ya. Skorik (ed.). *Paleoaziatskie yazyki* [Paleoasiatic languages]. Leningrad: Nauka, 1986. P. 63–76.
- Menovshchikov 1987 — G. A. Menovshchikov. Materialy i issledovaniya po yazyku i folkloru naukanskikh eskimosov [Materials and studies of the language and folklore of the Asiatic Eskimos]. Leningrad: Nauka, 1987.
- Resin 1888 — A. A. Resin. Ocherk inorodtsev poberezhya Tikhogo okeana [Essay of the non-Russians of the Pacific coast]. St. Petersburg: A. S. Suvorin Publishing House, 1888.
- Romaine 1988 — S. Romaine. Pidgin and Creole Languages. London: Longman, 1988.
- Schumann 1978 — J. H. Schumann. The relationship of pidginization, creolization, and decreolization to second language acquisition. *Language Learning*. 1978. Vol. 28. P. 367–379.
- Schweitzer, Golovko 1995 — P. Schweitzer, E. Golovko. Traveling between Continents: The Social Organization of Interethnic Contacts across Bering Strait. *The Anthropology of East Europe Review. Special Issue: Culture and Society in the Former Soviet Union*. 1995. Vol. 13(2). P. 50–55.
- Schweitzer, Golovko 1997 — P. Schweitzer, E. Golovko. Local identities and traveling names: Interethnic aspects of personal naming in the Bering Strait area. *Arctic Anthropology*. 1997. Vol. 34(1). P. 167–180.
- Silook 1976 — R. Silook. Seevookuk: Stories the Old People Told on St. Lawrence Island. Anchorage, 1976 (publisher unidentified).
- Trudgill 1986 — P. Trudgill. Dialects in Contact. Oxford: Blackwell, 1986.
- Vdovin 1965 — I. S. Vdovin. Ocherki istorii i etnografii chukchey. Moskva [Essays of the history and ethnography of the Chukchi]. Leningrad: Nauka, 1965.

Литература

- Bockstoce 1991 — J. Bockstoce. Alaskan-Siberian Trade Patterns from First Western Contact to the Present // R. K. Johnson, L. J. Hickey, C. A. Hoover

- (eds.). *Crossroads of Continents: The Material Culture of Siberia and Alaska*. (The Yale-Smithsonian Seminar on Material Culture.) Washington, DC: Smithsonian Institution. New Haven, CT: Yale University Press, 1991. P. 34–38.
- Bockstoce 1995 — J. Bockstoce. *Whales, Ice and Men: The history of whaling in the Western Arctic*. Seattle: University of Washington Press, 1995.
- Bogoras 1900 — В. Г. Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. Г. Богоразом. Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отд. 3. Т. XI. Ч. III. СПб.: Изд-во Российской академии наук, 1900.
- Bogoras 1901 — В. М. Богораз. Областной словарь Колымского русского наречия и песни русских поречан на Колыме. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб.: Изд-во Российской академии наук, 1900.
- Bogoras 1904–09 — V. G. Bogoras. *The Chukchee*. The Jesup North Pacific Expedition, Vol. 7. Leiden: E. J. Brill. New York: G. E. Stechert, 1904–1909.
- Bogoras 1913 — V. G. Bogoras. *The Eskimo of Siberia*. The Jesup North Pacific Expedition, Vol. 8. Pt. 3. Leiden: E. J. Brill. New York: G. E. Stechert, 1913.
- Bogoras 1936 — В. Г. Богораз. Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки // Советский фольклор. 1936. № 4-5. С. 29–50.
- Bogoras 1949 — В. Г. Богораз. Материалы по языку азиатских эскимосов. Л.: Учпедгиз, 1949.
- Burch 1998 — E. S. Burch, Jr. *The Iñupiaq Eskimo Nations of Northwest Alaska*. Fairbanks: University of Alaska Press, 1998.
- de Reuse 1994 — W. J. de Reuse. *Siberian Yupik Eskimo: The language and its contacts with Chukchi*. Salt Lake City: University of Utah Press, 1994.
- Dobrieva et al. — E. A. Dobrieva, E. V. Golovko, S. A. Jacobson, M. E. Krauss. *Naukan Eskimo Dictionary* / Ed. by S. A. Jacobson. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, Alaska Native Language Center, 2004.
- Ferguson 1971 — C. A. Ferguson. On the absence of copula and the notion of simplicity: A study of normal speech, baby talk, foreigner talk and pidgins // D. Hymes (ed.). *Pidginization and Creolization of Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 141–150.
- Ferguson 1975 — C. A. Ferguson. Towards a characterization of English foreigner talk // *Anthropological Linguistics*. 1975. No. 17. P. 1–14.
- Golovko 1994 — E. V. Golovko. *Copper Island Aleut: An Aleut-Russian mixed language* // P. Bakker, M. Mous (eds.). *Mixed Languages: 15 case studies in language intertwining*. Amsterdam: IFOTT, 1994. P. 113–121.
- Golovko 1996 — A Case of nongenetic development in the Arctic area: The contribution of Aleut and Russian to the formation of Copper Island Aleut //

- E. H. Jahr, I. Broch (eds.). *Language Contact in the Arctic: Northern Pidgins and Contact Languages*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 63–77.
- Golovko 2003 — Language contact and group identity: The role of ‘folk’ linguistic engineering // Y. Matras, P. Bakker (eds.). *The Mixed Language Debate: Theoretical and empirical advances*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 177–207.
- Golovko, Schweitzer 2004 — E. Golovko, P. Schweitzer. *Traveling between Continents: Native Contacts across the Bering Strait* // Ю. П. Третьяков, Н. П. Александрова (ред.). *Российско-американские связи: 300 лет сотрудничества / Russian American Links: 300 Years of Cooperation*. СПб.: Академический проект, 2004. P. 99–119.
- Golovko, Schweitzer 2007 — E. Golovko, P. Schweitzer. *A Song as Worthy as a Dog: A Note on Alien Elements in Bering Strait Folklore* // Н. Б. Вахтин (ред.). *Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина. (Studia Ethnologica 4)*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. P. 288–297.
- Gondatti 1897 — Н. Л. Гондатти. *Состав населения Анадырской округи // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества*. 1897. Т. 3. Ч. 3. № 1. С. 166–176.
- Kaplan 1996 — L. Kaplan. *Oral communication*. Fairbanks. 1996.
- Kingston 2000 — D. M. Kingston. *Siberian Songs and Siberian Kin: Indirect Assertions of King Islander Dominance in the Bering Strait Region* // *Arctic Anthropology*. 2000. Vol. 37. № 2. P. 38–51.
- Kirillov 1912 — Н. Б. Кириллов. *Аляска и ее отношение к Чукотскому полуострову // Известия Русского Императорского географического общества*. 1912. Т. 45. № 1-5. СПб.: Изд-во М. М. Стасюлевича, 1912.
- Krupnik 1994 — I. I. Krupnik. ‘Siberians’ in Alaska: Siberian Eskimo Contribution to the Alaskan Population Recoveries, 1880-1940 // *Études/Inuit Studies*. 1994. Vol. 18. № 2. P. 49–80.
- Krupnik, Clenov 1979 — И. И. Крупник, М. А. Членов. *Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX века — 1970-е гг.) // Советская этнография*. 1979. № 2. С. 19–29.
- Kuz'mina 1981 — Л. П. Кузьмина. *Фольклор эскимосов (по материалам В. Г. Богораза)* // И. И. Гурвич (ред.). *Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки*. М.: Наука, 1981. С. 200–211.
- Menovshchikov 1986 — Г. А. Меновщиков. *Эскимосско-чукотский билингвизм и интерференция чукотской периферийной лексики в эскимосский язык* // П. Я. Скорик (ред.). *Палеоазиатские языки*. Л.: Наука, 1986. С. 63–76.
- Menovshchikov 1987 — Г. А. Меновщиков. *Материалы и исследования по языку и фольклору науканских эскимосов*. Л.: Наука, 1987.

- Resin 1888 — А. А. Ресин. Очерк инородцев побережья Тихого океана. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1888.
- Romaine 1988 — S. Romaine. *Pidgin and Creole Languages*. London: Longman, 1988.
- Schumann 1978 — J. H. Schumann. The relationship of pidginization, creolization, and decreolization to second language acquisition // *Language Learning*, 1978. Vol. 28. P. 367–379.
- Schweitzer, Golovko 1995 — P. Schweitzer, E. Golovko. Traveling between Continents: The Social Organization of Interethnic Contacts across Bering Strait // *The Anthropology of East Europe Review*. Special Issue: Culture and Society in the Former Soviet Union. 1995. Vol. 13. № 2. P. 50–55.
- Schweitzer, Golovko 1997 — P. Schweitzer, E. Golovko. Local Identities and Traveling Names: Interethnic Aspects of Personal Naming in the Bering Strait Area // *Arctic Anthropology*. 1997. Vol. 34. № 1. P. 167–180.
- Silook 1976 — R. Silook. *Seevookuk: Stories the Old People Told on St. Lawrence Island*. Anchorage, 1976 (без издательства).
- Trudgill 1986 — P. Trudgill. *Dialects in Contact*. Oxford: Blackwell, 1986.
- Vdovin 1965 — И. С. Вдовин. *Очерки этнографии чукчей*. Л.: Наука, 1965.

ORIGINS OF THE CANAANITE ALPHABET AND WEST SEMITIC CONSONANTS' INVENTORY

A. V. Nemirovskaya

St. Petersburg State University, St. Petersburg
a.nemirovskaya@spbu.ru

Abstract. It has been not infrequently mentioned by Semitists that a few graphemes of the West Semitic consonantal alphabet had been multifunctional. This is witnessed, in particular, by transcriptions of Biblical names in Septuagint, Demotic transcriptions of Aramaic as well as by the Arabic alphabet, Aramaic by its origin, which twenty two graphemes were ultimately developed into twenty eight ones through inventing additional diacritics. The oldest firmly deciphered and convincingly interpreted variety of the West Semitic consonantal script was employed in Ugarit as early as the 13th century BC. Being contemporaneous with the epoch of the invention of the West Semitic consonantal script the most significant evidence is provided with Semitic words occasionally transcribed in Egyptian papyri from the New Kingdom. Examples collected (J. Hoch) demonstrate that one and the same Semitic consonant could be recorded variously with different Egyptian consonants used; even more crucial is that various Semitic consonants could be recorded with the same Egyptian one.

E. de Rougé was the first one to state that the immediate prototypes of Semitic letters were to be sought among the Hieratic characters. W. Helck and K.-Th. Zauzich determined that the West Semitic alphabet comprised only those characters which had been used in “Egyptian syllabic writing”. Summarizing philological and historical evidence does allow us to conclude that the Canaanite consonantal alphabet developed as a local adaptation of the Egyptian scribal practice of recording non-Egyptian words. This local adaptation must have occurred under Ramesside rule, when Egyptian or Egyptian-trained scribes resided at Canaanite sites.

It seems reasonable to conclude that West Semitic consonantal graphemes were not intended for reflecting Semitic phonetics adequately from the beginning of their existence. Their usage was originally conditioned by the Egyptian scribal practice of rendering Semitic words that was current during the New Kingdom.

Keywords: West Semitic, Canaanite, Egyptian, Ugaritic, consonantal, script, alphabet, multifunctional grapheme, scribal practice.

Происхождение ханаанского алфавита и западносемитский консонантный инвентарь

А. В. Немировская

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
a.nemirovskaya@spbu.ru

Аннотация. Такие особенности ханаанского инвентаря графем, как игнорирование вокализма и полифункциональность ряда графем (гортанные, сибиланты и интердентальные) объясняются тем, что ханаанский консонантный инвентарь изначально, по всей видимости, не предназначался для адекватной передачи звукового строя семитских языков, сформировавшихся в XIII — нач. XII вв. до н.э. на основе египетского делового курсива в результате местной (левантийской) адаптации египетской писцовой практики записи неегипетской лексики.

Ключевые слова: западносемитский, ханаанский, египетский, угаритский, консонантный, письмо, алфавит, полифункциональная графема, писцовая практика.

1. ‘Multifunctionality’ of consonantal graphemes versus ‘historical merger’ of West Semitic consonants

Though the inventory of West Semitic consonants is not the subject of much debate, it is still treated with some inconsistency. The inventory of such languages as Hebrew, Phoenician or Aramaic, for instance, is normally represented as reduced due to the supposed historical merger of some phonemes [Militarev, Kogan 2000: LXVIII–LXIX] and thereby observed in terms of linguistics. At the same time, the problem has been taken absolutely different and discussed in terms of merely graphemes’ usage. A good illustration of this disagreement is *The Semitic languages: An International Handbook*. It contains the general chart ‘Regular correspondences of the Proto-Semitic consonants’ preceded by the

statement that Proto-Semitic “consonantal inventory is very stable and only two of its segments — sibilants and gutturals — have been subject to substantial changes in individual Semitic languages” [Kogan 2011: 55]. The latter obviously involve Hebrew and Aramaic which is represented in the paragraph by Syriac only. According to the chart [ibid., Tab. 6.2] and the attached lexical illustrations, the “substantial changes” imply **merger of sibilants and gutturals** [ibid.: 55–59]. There is, however, some disagreement between this approach and the following consideration:

In the Phoenician alphabet, *ħ and *γ are rendered by the same graphemes as *ħ and *ʕ ... If the alphabet was created to render adequately the Phoenician consonantal inventory ... *ħ and *γ must have shifted to *ħ and *ʕ in that language (and in its forerunner in the ‘short’ Ugaritic alphabet ...). But this need not be true for other NWS idioms using the Phoenician alphabet: **in these languages π and υ may have been polyphonic and render both uvulars and pharyngeals, still unmerged. It seems that this was indeed the case in most of early Aramaic and Canaanite** (*bold mine* — A. N.) [ibid.: 114–115].

In any case, it has been not infrequently mentioned by Semitists that a few graphemes of the West Semitic consonantal alphabet had a double or even a triple function, namely those used for recording gutturals, sibilants and interdental [Hoch 1994: 413–418; Rendsburg 1996: 509–510; Steiner 2005; Blau 2010: 73–76; Fales 2011: 566; Kogan 2011: 92, 114–115; Lehmann 2012: 34–37], as shown by the quotations below:

When borrowed from the Phoenicians, the graphemes <ψ> in Hebrew served ‘double duty’ ... The introduction of diacritical dots (<ψ̣> vs. <ψ̣̣>) was due to the Masoretes” [Edzard 2011: 482–483]¹.

Hebrew does not have separate signs for those phonemes in its twenty-two-letter alphabet, but, ever since the nineteenth century, many scholars have argued that the letters π and υ were polyphonic, each representing a uvular fricative as well as a pharyngeal one. The argument has been based on transcriptions of etymologically

¹ This holds for the Tiberian tradition, while the Babylonian tradition, its earlier and much more economical counterpart, lacks the diacritic dots for ψ as well as any special means to mark double consonants (*geminata*).

transparent names in the Septuagint (LXX), correlated with cognates in three other Semitic languages — Arabic at first, later ESA and Ugaritic. The claim is that the LXX uses the Greek velar stops (normally χ and γ , rarely κ) to transcribe the Semitic uvular fricatives ($*h$ and $*g$) but zero, a, or ϵ for the Semitic pharyngeal fricatives (h and ʕ) [Steiner 2005: 231–232].

Differentiating Aramaic gutturals (uvulars from pharyngeals) in the first millennium BC can be shown by Demotic transcriptions of Aramaic from Ptolemaic Egypt due to papyrus Amherst 63 which dates from the early 3rd century BC. The Aramaic texts it contains are, however, not later than the 7th century BC [van der Toorn 2018: 38]. R. Steiner, who is a pioneer in the decipherment and investigation of the Amherst Papyrus, pointed out that

Until two or three decades ago, most Semitists assumed that uvular $*h$ was lost already in Old Aramaic, as the result of a merger with pharyngeal $*h$. Today, thanks to papyrus Amherst 63 (the Aramaic text in Demotic script), there is a new conventional wisdom” [Steiner 2011: 195].

In his earlier article Steiner described the matter in the following way:

Unlike the Greek alphabet and the cuneiform syllabary, upon which previous attempts to demonstrate the polyphony of π and ν in the Hellenistic period were based, the Egyptian script is reasonably well suited to the task of differentiating uvulars from pharyngeals. This is at least as true of the Demotic script in Amherst 63 as it is of the New Kingdom scripts used for Canaanite in the second millennium B.C.E. They all have contrasting signs for ʕ , h , and h , not to mention h . In fact, in addition to h , Demotic has a phonetically similar fricative transliterated h . The absence of a sign for g is a drawback, but not a serious one. In Amherst 63, h and h are used to render $*g$ (as well as $*h$) ... In Amherst 63, Aramaic $*g$ and $*h$ are consistently distinguished from $*\text{ʕ}$ and $*h$, respectively, in dozens of examples [Steiner 2005: 236].

Furthermore, the Arabic alphabet, which is Aramaic in origin and based on the same inventory of consonant letters, also bears witness to the multifunctionality of some consonantal graphemes. Denoting 28 Arabic consonants by means of not more than 22 graphemes was facilitated by the vocalization of the Quran and its enhancement by diacritics.

Before this stage the Arabic letters for recording gutturals, sibilants and interdental sibilants evidently had a double consonantal function: ḥ / ḫ (ح/خ); d / ḏ (ד/דז); s / š (ש/שש); ṣ / ḏ (ص/ض); ṭ / ḏ (ظ/ط); ʕ / ġ (ع/عغ). It is natural to assume that at the time of Mohammed the situation in Aramaic or, at any rate, in some of its dialects was the same, at least in the case of the gutturals denoted by ḤET (ḫ) and ʕAYN (ʕ), as witnessed by Aramaic loanwords in the Quran (Table 1).

Table 1. Some Aramaic loanwords with gutturals in the Quran, based on [Jeffery 2007 [1938]: 116–117, 279–280, 202–203, 208–209]

	Aramaic	Arabic		Aramaic	Arabic
'crime, sin'	חוב <i>ḥwb</i>	حوب <i>ḥūb^{um}</i>	'the world, the universe'	עלם (עלמין pl) <i>ʕlm</i> (pl <i>ʕlmyn</i>)	عالمين <i>ʕālamīn^a</i> (only in the pl)
'a copy, exemplar'	נסחת <i>nsḥt²</i>	نسخة <i>nushat^{um}</i>	'idolatry'	טעות <i>tʕwt³</i>	طاغوت <i>tāġūt^{um}</i>

But of special importance for our subject is just the earliest available evidence that is provided by the Egyptian transcriptions (or, maybe more accurately, transliterations) of Semitic/Canaanite words attested in Egyptian sources primarily of the second half of the second millennium BC [Albright 1934; Helck 1989; Hoch 1994; Steiner 2005: 230, 236]. In fact, this was contemporaneous with the beginnings of the Canaanite consonantal alphabet. In his monograph James Hoch [1994] presents about six hundred words of Semitic origin attested in Egyptian transmission. A significant outcome of the research is that

the most important factor that emerges from the Egyptian evidence is the size of the phonemic inventory, which numbers as high as 27–29 phonemes, even in the more recent material. **This is far more than usually believed to be present in the contemporary Canaanite dialects** (*bold mine* — A. N.). Although it cannot be demonstrated that any single dialect contained the full inventory, it would seem likely that at least some did (or nearly so) since the

² < Akkadian *nishu(m)* 'extract, copy' [Kaufman 1974: 78].

³ The use of Aramaic *tʕwt* 'error' as a technical theological term 'idol / pagan god', in contrast to the Lord, was specific to the Targums [Jeffery 2007 [1938]: 203; Sokoloff 1990: 227; Cook 2008: 107; Cook 2015: 96].

Egyptian evidence suggests that dialects with mergers were in the minority as source languages. In most cases we have hieroglyphic / hieratic evidence for the phonemic oppositions down to the end of the 11th century B.C.E. [Hoch 1994: 413–414].

Within this relatively small list one can nevertheless perceive phonetic variation in conveying Semitic consonants, which in all likelihood can be explained by the lack of an overarching written norm. For this reason, when selecting particular symbols to denote a word-form from a foreign language, an Egyptian scribe must have relied on his own experience of comprehending and recording foreign words. An illustration of all the attested variants of the Egyptian denotation of Semitic sibilants, interdental and gutturals is presented in the table below (Table 2). It leads to two conclusions: 1) one Semitic consonant could be occasionally recorded by different Egyptian consonants; 2) Egyptian scribes could record different Semitic consonants by one and the same consonant. Neither of these two results is surprising since any foreign transmission cannot and usually does not strive to convey the source language phonetics precisely, especially in writing⁴.

Table 2. Egyptian transmission of the Semitic (Canaanite) consonants, based on [Hoch 1994: 435–437]

Egyptian transcription	Semitic phonemes (interdentals and sibilants)	Egyptian transcription	Semitic phonemes (velars and gutturals)
Ḍ	/s/, /z/, /d/, /d̪/	Ḥ	/h/, /ħ/
S	/t̪/, /s/, /š/	Ḥ	/ħ/
Š	/š/, /t̪/	ʿ	/ʕ/, /ğ/
T	/s/, /d̪/ ⁵	Q	/q/, /ğ/, /g/
		G	/ğ/, /g/

2. Egyptian origins of the consonantal script in the Late Bronze Age Levant

As for the origins of the Canaanite consonantal alphabet, most plausible from a historical viewpoint as described below seems to be the

⁴ Cf., e.g., Late Babylonian renderings of Aramaic names, where “Cuneiform *h* stands for Aramaic *h*, *h* and *ʾ*” [Streck 2017: 182].

⁵ But also /z/, see [Shisha-Halevy 1978: 149, 152].

so-called 'hieratic hypothesis' [Weidmüller 1960; Hodge 1969; Helck 1972; Zauzich 2015]. It is alternative to its much more popular 'proto-sinaitic/acrophonic' counterpart [Gardiner 1916; Sethe 1918; Hamilton 2006; Krebernik 2007; Morenz 2011]⁶ whose modern-day approach, which still comes across crucial stumbling blocks concerning real historical context, is outlined by Benjamin Sass as follows:

The alphabet was created by speakers of a West Semitic tongue either in the Sinai under Egyptian domination or in Egypt itself, mostly employing hieroglyphic Egyptian models for the pictographic letters ... It was Albright ... who first labelled the inscriptions "Proto-Sinaitic". Frustratingly, **the dating evidence is contradictory** (*bold mine — A . N.*); it seems to point to two alternative timeframes, very wide apart, for the birth of the alphabet: either ca. 1800 BCE, an idea revived by Goldwasser ... or ca. 1300 BCE ...

The next phase in the history of the alphabet is **no less enigmatic** (*bold mine — A . N.*). Under still obscure circumstances, alphabetic writing seems to have vanished from Egypt, resurfacing in the Egyptian-controlled Shephelah ... If one is looking for stratified inscriptions only, the alphabet is found first in Late Bronze contexts of the 13th and 12th centuries at Lachish and neighbouring sites ... In this phase the alphabet lost many of its pictographic aspects while still keeping others; it also kept multidirectional writing. Frank Moore Cross ... labelled this stage "Proto-Canaanite". One may as well employ the term "linear alphabet" ... in order to distinguish this script from its contemporary adoption in cuneiform guise in Ugarit and the rest of the northern and central Levant.

And to yet **another enigma** (*bold mine — A . N.*): Judging by the stratified inscriptions — and they are still very few — the linear alphabet seems to have remained confined to the Shephelah for the next three or four hundred years — Late Bronze II–III and Iron I. Meanwhile, the region has become Philistia. Only in early Iron IIA did the alphabet begin to spread to Phoenicia and to other parts of the West Semitic area [Sass 2017b: 89–90].

---

⁶ The book by Zauzich [2015] is the most comprehensive study to date devoted to the comparison of the two hypotheses and focused on the hieratic one ('Die hieratische Theorie'); it also includes comprehensive bibliography on the subject and some other topics related to it.

According to the hieratic hypothesis, by contrast, the prototypes for the letters were cursive (hieratic) characters of the so-called ‘Egyptian group writing’⁷, by using which the Egyptians adjusted themselves to writing down foreign-language words, including those of Canaanite origin. In the nineteenth century, Emmanuel de Rougé [1874] was the first one to state that the West Semitic consonantal alphabet had originated from the Egyptian cursive script, with

his clear perception of the fact, itself antecedently probable, that the immediate prototypes of the Semitic letters must be sought, not, as had hitherto been vainly attempted, among the hieroglyphic pictures of the Egyptian monuments, but among the cursive characters which the Egyptians had developed out of their hieroglyphs, and which were employed for literary and secular purposes, the hieroglyphic writing being reserved for monumental and sacred uses [Taylor 1883: 90].

A century later, Wolfgang Helck [1972] and Karl-Theodor Zauzich [2002; 2003] determined that the West Semitic alphabet had comprised only those Egyptian cursive characters which had been used in the group writing. In addition, it has been proposed that the traditional names of the West Semitic graphemes stem from some technical (mnemonic) designations of their Egyptian prototypes, either single glyphs or groups of characters [Weidmüller 1960; Zauzich 2015; Nemirovskaya, Soushchevsky 2016]⁸.

The innovative Egyptian scribal practice was widely introduced as a consequence of Egyptian conquests in Western Asia at the time of the 18th dynasty [Albright 1934: 12–14; Helck 1971: 505 ff., 580;

---

⁷ It is often referred to as ‘syllabic writing / orthography’, but “Group writing does not imply an indication of specific vowels (which is why the term ‘syllabic writing’, that is sometimes used synonymously, is erroneous)” [Wimmer, Maier 2007: 42 n.10].

⁸ [Nemirovskaya, Soushchevsky 2016: 768] ought to be corrected: “As for the expression *i.n=f* ‘thus he said’, which presumably constituted the prototype of the name *ALEPH* and whose recording normally began with this group, it was in general a typical literary cliché in Neo-Egyptian narratives with the help of which Egyptian scribes (authors) of the New Kingdom used to mark the end of one’s direct speech in their literary compositions [Korostovtsev 1973: 268]. The fact that this literary cliché was particularly typical of NeoEgyptian literature allows us to treat the New Kingdom as the *terminus ante* (sic!) *quem* for the developing of the long-lived alphabetic scribal curriculum that has come down to us” — to put it more accurately, *terminus post quem*.

Artzi 1990: 154]. Egyptian military and administrative control over the Levant, particularly in Southern Canaan, was exercised for about four hundred years and achieved its maximum in the Ramesside period in the reign of the 19th and the beginning of the 20th dynasties in Egypt (the 13th — early 12th centuries BC) [Na'aman 1981: 185; Weinstein 1981; Higginbotham 2000: 34–40; Redford 2003: 255; Hoffmeier 2004: 141; Gadot 2010: 52; Gilmour, Kitchen 2012; Koch 2014; Koch 2018]. As it was supposed by William Albright, the widespread occurrence of syllabic writings in Egyptian papyrus documents might have been affected by the syllabic principle of the Mesopotamian cuneiform which was generally practised in this period in Levantine city-states and elsewhere in the Near East:

Since the influence of cuneiform in Egypt probably reached its maximum in the reign of Ramesses II, owing to the extensive correspondence with Asiatic princes required by his wars and diplomatic relations with the Hittites, a slight cuneiform influence on the syllabic orthography seems not unlikely.

There can thus be no doubt that the Egyptian scribes of the fourteenth and thirteenth centuries actually learned cuneiform in order to write letters abroad [Albright 1934: 13, with n. 50].

It was the hieratic script that was directly employed for writing on papyrus in order to compose administrative documents, letters and pieces of literature versus formal hieroglyphs carved in stone. Thus the official documents were written in the same way in the Levant as in Egypt itself [Goldwasser 1984; Goldwasser 1991; Goldwasser, Wimmer 1999; Sweeney 2005; Wimmer, Lehmann 2014]. See the quotations below:

Two types of Egyptian inscriptions have been recovered in Canaan: hieratic inscriptions written in cursive script with ink on Egyptian-style bowls; and hieroglyphic inscriptions carved into stone. Hieratic inscriptions are the more numerous of the two and are apparently related to the economic administration of the region. All these inscriptions, dating broadly to the Ramesside period, have been recovered from sites in Canaan with Egyptian ties ... Although the Lachish ostraca were not found in situ, one of the sherds contains the word for “scribe.” Orly Goldwasser ... suggests that this may indicate that Egyptian or Egyptian-trained scribes resided at the site [Killebrew 2005: 67].

By the end of the Nineteenth Dynasty and during the Twentieth Dynasty Egyptian scribes resided at Lachish, Tell Sera^ç, Tell Haror, Qubur el-Walaydah, Tell el Far^{ah} South and Ashkelon. They wrote good, contemporary, administrative hieratic that exhibited no specific provincial affinities. Naturally, what has come down to us is not papyri but writing on pottery sherds (ostraca) and complete bowls. On the one hand, the language, topics and measurements mentioned in the texts make part of the typical Egyptian repertoire; on the other hand, however, the yield is a specific Canaanite-Egyptian production. The complete Canaanite bowls that carry hieratic inscriptions (to be carefully differentiated from the ostraca) seem to be related to a religious-administrative local belief-system ... Most likely, Egyptian scribes who resided in Canaan and had to deal with such issues were bilingual and possibly even of Canaanite background [Goldwasser 2016: 151]⁹.

It is not surprising, therefore, that this was this historical epoch when the oldest real (i.e. firmly deciphered and convincingly interpreted¹⁰) project of Levantine consonantal phonography was launched in the city-state of Ugarit. Although the cuneiform shape and clay tablets may seem to have prevented anyone from even thinking of anything Egyptian, Carleton Hodge [1969: 278] dared to assume that since the scribal practice of the group writing “was the normal representation of foreign words in Egyptian, it would be logical to look to it as a possible ‘model’ for Ugaritic¹¹. It should also be remembered that what the Egyptian wrote was hieratic, not hieroglyphic”.

---

⁹ Remarkably, at least one sherd bearing a non-Egyptian, presumably Canaanite, text written in hieratic of the 20th dynasty has been identified within the corpus of non-literary Late Egyptian ostraca from Egypt [Shisha-Halevy 1978].

¹⁰ This still cannot be said about the so-called “Proto-Sinaitic alphabetic inscriptions” from Serabit el-Khadem (Sinai) and Wadi el-Hol (northwest of Luxor) [Haring 2015: 21, 24], though the following consideration probably aims to support some cautious optimism, despite everything: “Obviously much more research is needed in order to decipher the alphabetic inscriptions at Serabit el-Khadim and Wadi el-Hol, and to give them their proper place in the history of alphabetic writing. Solving the chronological controversies seems to be especially important so that we know what developments took place in the second millennium BCE, and when precisely in that millennium” [ibid.: 29]; on such chronological controversies see above, the quotation from [Sass 2017b].

¹¹ This view appears to have been shared by Helck though he did not mention Hodge’s article directly [Helck 1972; Dietrich, Loretz 1988: 42].

At the present time, it is generally believed that the Ugaritic consonantal script was invented in the 13th century BC [Pardee 2007: 186189; van Soldt 2010: 205]¹² when Ugarit enjoyed its last high point in the relationship with Egypt, which visibly affected the scribal practice in Ugarit during the Ramesside period [Mynářová 2010: 365–369; cf. Gilmour, Kitchen 2012: 11]. As regards the two patterns of the cuneiform consonantal script attested at Ugarit, a longer one with its 30 letters (for 27 consonants) and left-to-right direction of writing and a shorter one with its 22 letters and right-to-left direction (the so-called “long” and “short” alphabets, respectively), Manfred Dietrich and Oswald Loretz came to the shrewd conclusion¹³ (still unconventional, however) that the shorter alphabet appears to have been the predecessor of its longer counterpart:

To all intents the Ugaritic alphabet looks like, so to speak, the Phoenician alphabet with 22 consonants, extended by the insertion of 5 additional letters plus 3 at the end. Consequently, the Phoenician alphabet formed the forerunner of the longer Ugaritic alphabet ... The establishment of a longer alphabet comprising 30 letters could, however, also be understood as the original and earlier one, from which a shorter alphabet developed through the loss of 8 letters, i.e. the later Phoenician alphabet — advocated by Albright and his students up to the present as the ‘reduction theory’¹⁴. However, that would contradict what happens when an alphabet is adopted and where necessary extended by adding further letters, according to the principle ‘an alphabet comes after a language’. This became clear when a group of tablets was published, also from Ugarit and contemporary with the others, which displayed the following ‘Phoenician’ characteristics: a script going from right to left and a short 22-letter alphabet. This proved that in Ugarit two alphabets coexisted: a shorter alphabet with the characteristics of later Phoenician,

---

¹² Previously the most widespread opinion was that the Ugaritic alphabetic cuneiform had been invented in the 14th century [Pardee 2007: 186–188].

¹³ First presented in [Dietrich, Loretz 1988: 297–299].

¹⁴ Cf., e.g., the following view: “At the present time one can propose as a working hypotheses that the West-Semitic linear consonantal script, primitively consisting of 27 consonants, was sometimes reduced to 22 letters, in certain ‘Proto-Phoenician’ cities of the Levant, that is, on the coast. These two types of linear alphabetic script, first the 27-letter script, then the 22-letter one, went through an adaptation to cuneiform” [Lemaire 2008: 48–49].

and a longer one, expressly for writing down Ugaritic [Dietrich, Loretz 1999: 82–83].

In addition to cuneiform alphabetic texts from Ugarit

the earliest buildup of well-dated alphabetic inscriptions in Palestine belongs to the 13th century. The dozen or so preserved examples from the end of the Late Bronze Age, mostly on pottery, are evidently but a fraction of the bulk of the texts, written on perishable papyrus and now lost [Sass 2005: 153–154].

Referring to observations of van der Kooij, Lundin, Dietrich and Loretz, Reinhard Lehmann reasonably concludes that writing on an uneven hard surface should have been secondary to that carried out on a flat smooth one:

What we know of the *original* West Semitic texts, i.e., inscriptions, from the middle or late second and even of the first millennium, are sherds, graffiti, and fragments incised in stone, but naturally nothing that is written flat. Flat writing however, i.e., with ink on papyrus or another smoothed or planar surface, must have gone on simultaneously with and even earlier than clumsy scratches on sherds. This is also most likely considering the conjectural genesis of Ugaritic cuneiform ... It is also evident that scratched or carved ‘cursive’ linear letter forms in argil always are predated by plain cursive types of professional flat writing ... Unfortunately, all this has gone forever because of the perishable nature of papyrus in the climate of Palestine, and, therefore, conclusions are speculative [Lehmann 2012: 31].

Later on, the similar scheme with cursive writing preceding its monumental / lapidary counterpart is also witnessed by epigraphic material of the first millennium BC:

The script of the Byblos texts, too, imitates the cursive in part ... But the West Semitic alphabet in its non-monumental manifestation is earlier than that: stratigraphically dated inscriptions on pottery indicate that the alphabet ... moved from south to north in the second half of the tenth century (early Iron IIA) from its core region, the Shephelah/Philistia ... Then in late Iron IIA, roughly the first half of the ninth century or slightly before, the alphabet spread to the entire Levant and the Jazira — presumably for use

in documents written in ink as indicated by the streamlined, cursive shapes the letters were acquiring then ... When a few decades later, ca 830, the alphabet in the West Semitic kingdoms finally gained enough ground, the first monumental alphabetic inscriptions were set up [Sass 2017a: 110].

Finally, witty observations were made by Anson Rainey in his on-line critique of “How the Alphabet Was Born from Hieroglyphs” by Orly Goldwasser¹⁵:

the alphabet was invented by highly sophisticated Northwest Semites who knew not only hieroglyphics but probably also hieratic, the cursive script generally used by Egyptians at that time ... It should be obvious that the alphabet was designed to be written on papyrus ... The miners who inscribed their thoughts on the walls of the turquoise mines or on the cliff above the smelting camp at Bir Nasib, were hardly the inventors of the alphabet [Rainey 2010].

3. Conclusions

It is the foreign origin of the consonantal alphabet that makes it easy to explain its *initial inadequacy* for recording Semitic phonetics it had been adapted to convey, were it the case of Canaanite (Phoenician, Hebrew or Moabite) or other Semitic languages (Aramaic and later Arabic)¹⁶ as well as a non-Semitic language¹⁷. Moreover, it is the

---

¹⁵ Moreover, a similar view was expressed more than thirty years ago: “Now, the question arises: Did these West Semitic workers or slaves in Sinai invent the first alphabetic writing? For some decades after the discovery, the answer was positive. Scholars believed that these Semites, who were in daily contact with Egyptian writing, improved it and restricted it to uniconsonantal signs, thereby inventing the alphabetic system of writing. In addition, there were scholars who tried to relate this script to the Israelites, who after the Exodus lived for a generation in the Sinai peninsula. Nowadays these romantic views are no longer accepted” [Naveh 1987: 25–26].

¹⁶ Somewhat similar may sound Lehmann’s view that “the Northwest Semitic shortened or ‘short Abgad’ does not reflect a spoken dialect at all, but has emerged as a *scriptio franca* for the Semitic-speaking Levant” [Lehmann 2012: 13].

¹⁷ Epigraphic material from the Philistine cities made with an early form of the consonantal alphabet has also been found [Maier et al. 2008; Shai 2011: 125]; see, e.g., the following observation: “The existence of a specific West Semitic scribal tradition in Philistia appeared only about 25 years ago in West Semitic epigraphy research. Of course,

consonantal character of the early Canaanite alphabet that proves this idea. A specific feature of Semitic is its root-and-pattern morphology based on transfixes, and the patterns always include internal vocalization, which means that vowels play a significant role in Semitic morphology. The consonant alphabet, by contrast, had completely ignored vocalism from the very beginning, which can only be explained by its non-Semitic, namely Egyptian origin. The historical grounds of this have been described above.

As to the linguistic ones, it is well known that “hieroglyphic writing consistently ignored and omitted the vowels” [Gardiner 1957: 26]. This peculiarity of the Egyptian script is likely to have been directly influenced by the Egyptian language itself whose linear morphology appears to have been originally characterized by just a secondary, non-essential role of vowels as opposed to consonants¹⁸. In a similar fashion, when the Egyptians had to write down non-Egyptian lexemes they used to divide them primarily into *consonantal segments*. Thus, for example, the city of Babylon (biblical *Bābāl*) was recorded as *b-b-r*¹⁹. The Canaanite consonantal script appears to have emerged as a local adaptation of the Egyptian scribal practice of recording non-Egyptian words in the second half of the second millennium BC. This is why from the very beginning, the graphemes of the Canaanite alphabet were *not intended* for any exact denotation of the real consonantal structure of Canaanite lexemes (not to mention their vocalism) but rather reflected the Egyptian scribal practice of denoting the Semitic consonants.

The common misconception that the consonantal script, despite all its shortcomings, did adequately reflect the Semitic consonantism is a mere derivative of the belief that the consonant alphabet ought to have

---

this scribal tradition developed from the Canaanite tradition and during the 12th–10th centuries BCE. It is practically impossible to distinguish this script from the proto-Phoenician or proto-Hebrew Script. However it is necessary to take into account this political and cultural specificity” [Lemaire 2012: 297].

¹⁸ Grammarians prefer to describe this feature in terms of the writing system peculiarities: “the Egyptian scribes ignored the vowels in writing” [Gardiner 1957: 9]; “hieroglyphic writing usually shows only the consonants of Egyptian words” [Allen 2014: 13].

¹⁹ It seems reasonable to transliterate the spelling just this way, and not as *b-b-ra* [Hoch 1994: 95] taking into account the fact that in the so-called Egyptian syllabic orthography “ steht auch dort, wo wir ein silbenschießendes ‘r’ erwarten” [Helck 1989: 131].

been invented by native speakers of a certain Semitic language²⁰. At the same time, the precise identity of this language usually makes no difference for such speculations. A factor that is even more crucial is that one is accustomed to perceive West Semitic languages through the prism of the consonantal scripts. But in practice, this interpretation implies that ancient scribes should have had *an idea of phonemes* (consonants and vowels). Then they should have separated vowels from consonants for some sophisticated reasons and picked out just consonants for recording, as is presumed by

the following scenario: In a moment of contact, some Canaanites confronted the inventors with the fact that they could write their names in Egyptian, using “little pictures” ... Both Egyptian and Semitic languages are root based. This kind of “consonants only” system serves an important cognitive role ... Perhaps confronted with a foreign name written in mono-consonantal hieroglyphs, the genius inventor(s) may adopted from the Egyptian system only the **option** of writing a word or name using consonants alone [Goldwasser 2015: 134–135].

Such a modern abstract linguistic approach can hardly be relevant to the activities of scribes in the Ancient Near East. In actual fact, a clear logical mistake is that the *final stage* of the process that unintentionally resulted in developing consonantal phonography has been broadly considered to represent its *starting point*. It is clearly not a matter of pure chance that the most long-lived and developed among the Ancient Semitic writing traditions, namely the Akkadian cuneiform, had nothing to do with the principles of consonantal writing. The only exception is the period from the 8th century BC onward (Neo-Assyrian and Neo-/Late Babylonian), when Mesopotamian cuneiform conventions were partly influenced by the Aramaic consonantal writing [Streck 2001; Streck 2005; George 2003: 442]. Finally, it is relevant to mention here an important conclusion reached by Ignace Gelb [1963: 141]:

---

²⁰ See, e.g., the assertion that “native alphabets (such as Ugaritic and Phoenician) were with all likelihood specifically designed for the consonantal systems of the respective languages” [Kogan 2011: 97]. Considering co-existence of the two Ugaritic alphabets, together with the multifunctionality of Semitic / Canaanite consonantal graphemes not infrequently mentioned elsewhere including the same author [ibid.: 114–115], this “likelihood” is far from being so certain, however.

In investigating various types of writing I have found the following conditions affecting the names of signs: **Either the forms of the signs, their values, and their names are all directly borrowed by one system from another, as in the case of Greek from Semitic or Coptic from Greek** (*bold mine* — A. N.); or the forms of the signs and their values are borrowed, as in the case of Latin from Greek or Armenian from Aramaic, and in subsequent years the names of the signs are freely invented and added; or finally the forms of the signs and their values are first freely invented and then the sign names are added, as in the case of the Slavonic Glagolitsa or the Germanic runes.

The first scenario (typed bold) described by Gelb is, actually, the oldest pattern of the adoption of a writing system. Moreover, it seems to be the most natural and appropriate one for Ancient Near Eastern scribal practices, if not in general. It is highly probable that just this scribal strategy was implemented in course of Canaanite adaptation of the so-called Egyptian group writing, which must have occurred under Ramesside rule in the reign of the 19th and the beginning of the 20th dynasties, i.e. in the 13th— early 12th centuries BC.

References

- Albright 1934 — W. F. Albright. *The Vocalization of the Egyptian Syllabic Orthography*. New Haven: American Oriental Series 5, 1934.
- Allen 2014 — J. P. Allen. *Middle Egyptian: An Introduction to the Language and Culture of Hieroglyphs*. 3rd ed. Cambridge University Press, 2014.
- Artzi 1990 — P. Artzi. *Studies in the Library of the Amarna Archive*. J. Klein, A. Skaist (eds.). *Bar-Ilan Studies in Assyriology dedicated to P. Artzi*. Bar-Ilan: University Press, 1990. P. 139–156.
- Blau 2010 — J. Blau. *Phonology and Morphology of Biblical Hebrew*. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2010.
- Cook 2008 — E. M. Cook. *A Glossary of Targum Onkelos according to Alexander Sperber's Edition*. Leiden: Brill, 2008.
- Cook 2015 — E. M. Cook. *Dictionary of Qumran Aramaic*. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2015.
- de Rougé 1874 — E. de Rougé. *Mémoire sur L'origine Égyptienne de L'alphabet Phénicien* par M. le Vte Emmanuel de Rougé publié par les soins de M. le Vte Jacques de Rougé. Paris: Imprimerie Nationale, 1874.
- Dietrich, Loretz 1988 — M. Dietrich, O. Loretz. *Die Keilalphabet. Die phönizisch-kanaanäischen und altarabischen Alphabete in Ugarit (ALASP 1)*. Münster: Ugarit-Verlag, 1988.

- Dietrich, Loretz 1999 — M. Dietrich, O. Loretz. The Ugaritic Script. W. G. E. Watson, N. Wyatt (eds.). *Handbook of Ugaritic Studies*. Leiden: Brill, 1999. P. 81–89.
- Edzard 2011 — L. Edzard. Biblical Hebrew. S. Weninger (ed.). *The Semitic Languages: An International Handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. P. 480–514.
- Fales 2011 — F. M. Fales. Old Aramaic. S. Weninger (ed.). *The Semitic Languages: An International Handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. P. 555–573.
- Gadot 2010 — Y. Gadot. The Late Bronze Egyptian Estate at Aphek. *Tel Aviv*. 2010. Vol. 37. P. 48–66.
- Gardiner 1916 — A. H. Gardiner. The Egyptian Origin of the Semitic Alphabet. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1916. Vol. 3. Iss. 1. P. 1–16.
- Gardiner 1957 — A. H. Gardiner. Egyptian Grammar, Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs. 3rd ed., rev. Oxford: Griffith institute, 1957.
- Gelb 1963 — I. J. Gelb. A Study of Writing. Rev. ed. Chicago: University Press, 1963.
- George 2003 — A. R. George. The Babylonian Gilgamesh Epic. Introduction, critical edition and cuneiform texts. 2 vols. Oxford: University Press, 2003.
- Gilmour, Kitchen 2012 — G. Gilmour, K. A. Kitchen. Pharaoh Sety II and Egyptian Political Relations with Canaan at the End of the Late Bronze Age. *Israel Exploration Journal*. 2012. Vol. 62. No. 1. P. 1–21.
- Goldwasser 1984 — O. Goldwasser. Hieratic Inscriptions from Tel Sera' in Southern Canaan. *Tel Aviv*. 1984. Vol. 11. Iss. 1. P. 77–93.
- Goldwasser 1991 — O. Goldwasser. An Egyptian Scribe from Lachish and the Hieratic Tradition of the Hebrew Kingdoms. *Tel Aviv*. 1991. Vol. 18. Iss. 2. P. 248–253.
- Goldwasser 2015 — O. Goldwasser. The Invention of the Alphabet: On “Lost Papyri” and the Egyptian “Alphabet”. Ch. Rico, C. Attucci (eds.). *Origins of the Alphabet: Proceedings of the First Polis Institute Interdisciplinary Conference*. Cambridge: Scholars Pub., 2015. P. 124–140.
- Goldwasser 2016 — O. Goldwasser. From the Iconic to the Linear—the Egyptian Scribes of Lachish and the Modification of the Early Alphabet in the Late Bronze Age. I. Finkelstein, Ch. Robin, Th. Römer (eds.). *Alphabets, Texts and Artifacts in the Ancient Near East. Studies presented to B. Sass*. Paris: Van Dieren Éditeur, 2016. P. 118–160.
- Goldwasser, Wimmer 1999 — O. Goldwasser, S. J. Wimmer. Hieratic Fragments from Tell el-Far'ah (South). *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1999. No. 313. P. 39–42.
- Hamilton 2006 — G. J. Hamilton. The Origins of the West Semitic Alphabet in Egyptian Scripts. Washington: Catholic Biblical Association of America, 2006.

- Haring 2015 — B. Haring. The Sinai Alphabet: Current State of Research. R. E. de Jong (ed.). *Proceedings of the Multidisciplinary Conference on the Sinai Desert*. Cairo: Netherlands-Flemish Institute, 2015. P. 18–32.
- Helck 1971 — W. Helck. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. 2., verbesserte Auflage. Wiesbaden: Harrassowitz, 1971.
- Helck 1972 — W. Helck. Zur Herkunft der sog. ‘phönizischen’ Schrift. *Ugarit-Forschungen*. 1972. Bd. 4. P. 41–45.
- Helck 1989 — W. Helck. Grundsätzliches zur sog. “Syllabischen Schreibung”. *Studien zur Altägyptischen Kultur*. 1989. No. 16. P. 121–143.
- Higginbotham 2000 — C. R. Higginbotham. Egyptianization and Elite Emulation in Ramesside Palestine: Governance and Accommodation on the Imperial Periphery. Leiden: Brill, 2000.
- Hoch 1994 — J. Hoch. Semitic Words in Egyptian Texts of the New Kingdom and Third Intermediate Period. Princeton, NJ: University Press, 1994.
- Hodge 1969 — C. T. Hodge. The Hieratic Origin of the Ugaritic Alphabet. *Anthropological Linguistics*. 1969. Vol. 11(9). P. 277–289.
- Hoffmeier 2004 — J. K. Hoffmeier. Aspects of Egyptian Foreign Policy in the 18th Dynasty in Western Asia and Nubia. G. N. Knoppers, A. Hirsch (eds.). *Egypt, Israel, and the Ancient Mediterranean World: Studies in Honor of D. B. Redford*. Leiden: Brill, 2004. P. 121–141.
- Jeffery 2007 — A. Jeffery. Foreign Vocabulary of the Qur’ān. Oriental in Baroda: Oriental Institute. (1st ed. 1938). Leiden: Brill, 2007.
- Kaufman 1974 — S. A. Kaufman. The Akkadian Influences on Aramaic. Chicago: University Press, 1974.
- Killebrew 2005 — A. E. Killebrew. Biblical Peoples and Ethnicity: An Archaeological Study of Egyptians, Canaanites, Philistines, and Early Israel, 1300–1100 B.C.E. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2005.
- Koch 2014 — I. Koch. Goose Keeping, Elite Emulation and Egyptianized Feasting at Late Bronze Lachish. *Tel Aviv*. 2014. Vol. 41. Iss. 2. P. 161–179.
- Koch 2018 — I. Koch. The Egyptian-Canaanite Interface as Colonial Encounter: A View from Southwest Canaan. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2018. Vol. 18. P. 24–39.
- Kogan 2011 — L. Kogan. Proto-Semitic Phonetics and Phonology. S. Weninger (ed.). *The Semitic Languages: An International Handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. P. 54–151.
- Korostovtsev 1973 — M. A. Korostovtsev. Grammaire du Néo-Égyptien. Moscou: Naouka, 1973.
- Krebernik 2007 — M. Krebernik. Buchstabennamen, Lautwerte und Alphabetgeschichte. R. Rollinger, A. Luther, J. Wiesehöfer (eds.). *Getrennte Welten? Kommunikation, Raum und Wahrnehmung in der Alten Welt*. Frankfurt am Main: Verlag Antike, 2007. P. 108–175.

- Lehmann 2012 — R. G. Lehmann, 27–30–22–26 — How Many Letters Needs an Alphabet? The Case of Semitic. A. de Voogt, J. F. Quack (eds.). *The Idea of Writing: Writing across Borders*. Leiden: Brill, 2012. P. 11–52.
- Lemaire 2008 — A. Lemaire. The Spread of Alphabetic Scripts (c. 1700–500 BCE). *Diogenes*. 2008. Vol. 55/218. Iss. 2. P. 44–57.
- Lemaire 2012 — A. Lemaire. West Semitic Epigraphy and the History of the Levant during the 12th–10th centuries BCE. G. Galil, A. Gilboa, A. M. Maeir, D. Kahn (eds.). *The Ancient Near East in the 12th–10th Centuries BCE: Culture and History. Proceedings of the International Conference held at the University of Haifa, 2–5 May, 2010 (AOAT 392)*. Münster: Ugarit-Verlag, 2012. P. 291–307.
- Maeir et al. 2008 — A. M. Maeir, S. J. Wimmer, A. Zukerman, A. Demsky. A Late Iron Age I/Early Iron Age II Old Canaanite Inscription from Tell eš-Šâfi/Gath, Israel: Palaeography, Dating, and Historical-Cultural Significance. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 2008. No. 351. P. 39–71.
- Militarev, Kogan 2000 — A. Militarev, L. Kogan. Semitic Etymological Dictionary. Vol. 1: Anatomy of Man and Animals (AOAT 278/1). Münster: Ugarit-Verlag, 2000.
- Morenz 2011 — L. Morenz. Die Genese der Alphabetschrift: Ein Markstein ägyptisch-kananäischer Kulturkontakte. Würzburg: Ergon, 2011.
- Mynářová 2010 — J. Mynářová. Tradition or Innovation? The Ugaritic-Egyptian Correspondence. *Ägypten und Levante (Egypt and the Levant)*. 2010. Vol. 20. P. 363–372.
- Na'aman 1981 — N. Na'aman. Economic Aspects of the Egyptian Occupation of Canaan. *Israel Exploration Journal*. 1981. Vol. 31. No. 3/4. P. 172–185.
- Naveh 1987 — J. Naveh. Early history of the Alphabet. An Introduction to West Semitic Epigraphy and Palaeography. 2nd rev.ed. Jerusalem: Magnes Press, Hebrew University Press, 1987.
- Nemirovskaya, Soushchevsky 2016 — A. V. Nemirovskaya, A. G. Soushchevsky. The Egyptian Origin of Names and Forms of the West Semitic (Canaanite) Consonantal Graphemes Illustrated by MĪM / MĒM and NŪN. N. N. Kazansky (ed.). *Indo-European linguistics and classical philology XX (J. M. Tronsky memorial conference): Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 20–22 June, 2016*. St. Petersburg: Nauka, 2016. P. 765–775.
- Pardee 2007 — D. Pardee. The Ugaritic Alphabetic Cuneiform Writing System in the Context of Other Alphabetic Systems. C. L. Miller (ed.). *Studies in Semitic and Afroasiatic Linguistics presented to G. B. Gragg. Studies in Ancient Oriental Civilization 60*. Chicago: University Press, 2007. P. 181–200.
- Rainey 2010 — A. F. Rainey. Turquoise Miners Did *Not* Invent the Alphabet, 2010. Available at: <http://www.biblicalarchaeology.org/daily/biblical-artifacts/inscriptions/rainey-s-first-critique/> (accessed on 09.09.2017).

- Redford 2003 — D. B. Redford. The Wars in Syria and Palestine of Thutmose III. Leiden: Brill, 2003.
- Rendsburg 1996 — G. A. Rendsburg. Semitic Words in Egyptian Texts. A rev. of: J. Hoch. Semitic Words in Egyptian Texts of the New Kingdom and Third Intermediate Period. Princeton, 1994. *Journal of the American Oriental Society*. 1996. Vol. 116. No. 3. P. 508–511.
- Sass 2005 — B. Sass. The Genesis of the Alphabet and its Development in the Second Millennium B.C. Twenty Years Later. Ch. Robin (ed.). *De Kêmi à Birût Nâri: Revue Internationale de l'Orient Ancien 2*. Paris: Geuthner, 2005. P. 147–166.
- Sass 2017a — B. Sass. The Emergence of Monumental West Semitic Alphabetic Writing, with an Emphasis on Byblos. *Semitica*. 2017. Vol. 59. P. 109–141.
- Sass 2017b — B. Sass. The Khirbet Qeiyafa Ostrakon in its Setting. S. Schroer, S. Münger (eds.). *Khirbet Qeiyafa in the Shephelah. Papers Presented at a Conference of the SGOA/SSPOA at the University of Bern, September 6, 2014 (Orbis Biblicus et Orientalis 282)*. Fribourg (CH): Academic Press, 2017. P. 87–111.
- Sethé 1918 — K. Sethé. Die neuentdeckte SinaiSchrift und die Entstehung der Semitischen Schrift. Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse aus dem Jahre 1917. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1918. P. 437–475.
- Shai 2011 — I. Shai. Philistia and the Philistines in the Iron Age IIA. *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins*. 2011. Bd. 127. H. 2. P. 119–134.
- Shisha-Halevy 1978 — A. Shisha-Halevy. An Early North-West Semitic Text in the Egyptian Hieratic Script. *Orientalia*. 1978. Vol. 47. No. 2. 1978. P. 145–162.
- Sokoloff 1990 — M. Sokoloff. A Dictionary of Jewish Palestinian Aramaic of the Byzantine period. Ramat-Gan: Bar-Ilan University Press, 1990.
- Steiner 2005 — R. C. Steiner. On the Dating of Hebrew Sound Changes (H>Ĥ and Ĝ>') and Greek Translations (2 Esdras and Judith). *Journal of Biblical Literature*. 2005. Vol. 124. No. 2. P. 229–267.
- Steiner 2011 — R. C. Steiner. H̄ > Ĥ in Assyria and Babylonia. G. Frame, E. Leichty, K. Sonik, Jeffrey H. Tigay, S. Tinney (eds.). *A Common Cultural Heritage: Studies on Mesopotamia and the Biblical World in Honor of Barry L. Eichler*. Bethesda: CDL Press, 2011. P. 195–206.
- Streck 2001 — M. P. Streck. Keilschrift und Alphabet. D. Borchers, F. Kammerzell, S. Weninger (eds.). *Hieroglyphen, Alphabete, Schriftreformen: Studien zu Multiliteralismus, Schriftwechsel und Orthographieneuregelungen, Lingua Aegyptia-Studia monographica 3*. Göttingen: Seminar für Ägyptologie und Koptologie, 2001. P. 77–97.
- Streck 2005 — M. P. Streck. Orthographie. B. Akkadisch im II. und I. Jt. § 4. Neu-/Spätbabylonisch und Neuassyrisch. *Reallexikon der Assyriologie*. 2005. Bd. 10. P. 139–140.

- Streck 2017 — M. P. Streck. Late Babylonian in Aramaic Epigraphs on Cuneiform Tablets. A. Berlejung, A. M. Maier, A. Schüle (eds.). *Wandering Arameans: Arameans Outside Syria. Textual and Archaeological Perspectives*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2017. P. 169–194.
- Sweeney 2005 — D. Sweeney. The Hieratic Inscriptions. D. Ussishkin (ed.). *The Renewed Excavations at Lachish (1973–1994)*. Tel Aviv University: Monograph Series of the Institute of Archaeology 22, 2005. V. III. P. 1601–1617.
- Taylor 1883 — I. Taylor. The Alphabet. An Account of the Origin and Development of Letters in Two Volumes. Vol. 1: Semitic Alphabets. London: Kegan Paul, Trench & CO, 1883.
- van der Toorn 2018 — Karel van der Toorn (ed.). Papyrus Amherst 63. (AOAT 448). Münster: Ugarit-Verlag, 2018.
- van Soldt 2010 — W. H. van Soldt. Ugarit as a Hittite Vassal State. *Altorientalische Forschungen*. 2010. Vol. 37. Iss. 2. P. 198–207.
- Weidmüller 1960 — W. Weidmüller. Phoinikische Buchstaben — ägyptische Bildzeichen. 1. Teil: Herkunft der Buchstabennamen AK.; 2. Teil: Herkunft der Buchstabennamen LT. *Börsenblatt für den deutschen Buchhandel-Frankfurter Ausgabe*. No. 39 (17.5.1960). P. 733–739; No. 46 (10.6.1960). P. 985–991.
- Weinstein 1981 — J. M. Weinstein. The Egyptian Empire in Palestine: A Reassessment. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1981. No. 241. P. 1–28.
- Wimmer, Lehmann 2014 — S. J. Wimmer, G. Lehmann. Two Hieratic Inscriptions from Qubur el-Walaydah. *Ägypten und Levante (Egypt and the Levant)*. 2014. Vol. 24. P. 343–348.
- Wimmer, Maier 2007 — S. J. Wimmer, A. M. Maier. “The Prince of Safit?” A Late Bronze Age Hieratic Inscription from Tell ešŠâfi / Gath. *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins*. 2007. Bd. 123. H. 1. P. 37–48.
- Zauzich 2002 — K.-Th. Zauzich. Von den Hieroglyphen zum Alphabet. U. Sinn (ed.). *Schrift, Sprache, Bild und Klang: Entwicklung der Schrift von der Antike bis in die Neuzeit*. Würzburg: Ergon, 2002. P. 48–53.
- Zauzich 2003 — K.-Th. Zauzich. Unsere Buchstaben — ägyptische Hieroglyphen. W. Seipel (ed.). *Der Turmbau zu Babel. Ursprung und Vielfalt von Sprache und Schrift*. Bd. 3 A: Schrift. Wien-Milano: Kunsthistorisches Museum, 2003. P. 183–189.
- Zauzich 2015 — K.-Th. Zauzich. Hieroglyphen mit Geheimnis: Neue Erkenntnisse zur Entstehung unseres Alphabets. Darmstadt: Zabern Philipp von GmbH, 2015.

О НЕКОТОРЫХ ОРОКСКИХ (УИЛЬТА) ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ*

А. М. Певнов

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
pevnov@gmail.com

Аннотация. Из тунгусо-маньчжурских народов только ороки (уильта), эвенки и эвены являются оленеводами. С точки зрения исторической фонетики орокская оленеводческая терминология весьма архаична, основную ее часть нельзя считать заимствованной. Что касается заимствованных орокским языком оленеводческих терминов, то некоторые имеют явно эвенское происхождение. Возможно, предки ульчей, ороков и нанайцев первоначально были оленеводами, при этом только ороки ими и остались.

Ключевые слова: оленеводческая терминология, языковые контакты, орокский (уильта) язык, эвенский язык, язык неизвестного происхождения, этимология, заимствование.

On some Orok (Uilta) reindeer husbandry terms

A. M. Pevnov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
pevnov@gmail.com

Abstract. Oroks (Uilta(s)), Evenks, and Evens are the only Manchu-Tungusic peoples who practice(d) reindeer husbandry. In Evenki and Even the word for reindeer is *oron* and *orən* respectively, while in Orok the word for this animal is quite different (*ulā*, the same in Oroch but in that language it is borrowed from Orok). This word probably derives from **ulayar* or **ulayal* (cf. Old Turkic *ulay* 'pack animal'). From the point of view of historical phonetics the Orok

---

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-04-50123 а(ф) «Исторические контакты исчезающего орокского языка».

terms of reindeer husbandry are rather archaic, in any case most of them are not borrowed from Evenki or Even. Probably “language ancestors” of Ulchas, Oroks and Nanais were initially reindeer breeders and only Oroks preserved their reindeer husbandry traditions due to insular isolation on Sakhalin. Some Orok terms of reindeer husbandry are of unknown origin (e.g. *jāndu* ‘pasture’, *motoliŋga* ‘hornless reindeer’, *saruka* ‘fence for reindeer’). Four Orok terms of reindeer husbandry are definitely borrowed from the Even language (*jawata* ‘reindeer herd’, *karāw* ‘grey (of reindeer)’, *dupči* ‘male reindeer (5-6 year old)’, *namaŋki* ‘saddle-girth’), dialects of which were located presumably westward of the Lower Amur. Here are some more examples testifying to former contacts between the ancestors of Oroks and the ancestors of Evens: cf. Orok *dō* ‘valley’ and Even *dō* ‘valley, dale’ (in folklore), Orok *ajuŋutči-* ‘to repair’ and Even *ajjur-* ‘to repair’, Orok *bokko* ‘belly’ and Even *bōŋkə* ‘stomach’. So far only one Even word can be regarded as a borrowing from Orok (not in the opposite direction like the above-mentioned words): cf. Even *hultə* (< *sulikta or *sulukta) ‘crumbled up fish and dish out of it’ and Orok *sulikta* ~ *sulukta* denoting approximately the same product and dish.

Thus, according to the Orok lexical data, the Orok reindeer breeding is ancient enough and original, not borrowed from Evenks or Evens. Borrowings are also present and they demonstrate complicated ethnic history of Oroks (Uilta(s)) who migrated some centuries ago from the continent to Sakhalin.

Keywords: reindeer husbandry terms, language contacts, the Orok (Uilta) language, the Even language, language of unknown origin, etymology, borrowing.

Из всех народов, говорящих на тунгусо-маньчжурских языках, лишь эвенки (не все), эвены (также не все) и ороки занимаются (занимались) оленеводством.

В большей части тунгусо-маньчжурских языков общее название домашнего оленя восходит к *орон; по-эвенкийски он так и называется, по-эвенски — *орън* (Ол, Алл, Б, М, П, Т¹), *одна* ~ *ор* ~ *орна* (Арм), *оран* (Ох), *орон* (К-О, Ск). Эвенкийское *орон* ‘домашний олень’ было, вероятно, заимствовано в языки тунгусо-маньчжурских народов, не занимающихся оленеводством, ср. нег. *ојон* (Н, В),

¹ Расшифровка сокращенных названий языков и их территориальных вариантов приведена в конце статьи.

уд. *оло* ~ *оро* (Хор), ульч. *оро(н-)*, нан. *орō* (Нх, К-У), ма. *орон буху* 'домашний олень' [ССТМЯ 1977: 24-25]; С. Н. Оненко отмечает долготу гласного второго слога в нанайском названии домашнего оленя: *орō̄* 'домашний олень' [Оненко 1980: 315]). В некоторых тунгусо-маньчжурских языках есть слова, по-видимому, с тем же корнем **оро-* (**орō-*), но со значением 'домашнее, прирученное животное', ср. уд. 'о' 'домашнее животное, домашняя птица; дикое животное или птица, живущие в неволе' (слово приведено по словарю [Шнейдер 1936: 57]; восходит оно к *орокōн, где **-кōн* выступал диминутивным суффиксом²), ороч. *орокō(н)* 'медвежонок' [Аврорин, Лебедева 1978: 216] (судя по наличию звука *р*, ороческое слово заимствовано из какого-то другого тунгусо-маньчжурского языка; известно, что орочи, подобно ульчам, орокам, нивхам, айнам, а также негидальцам нижнего течения Амгуни выкармливали медвежат в неволе с последующим ритуальным убиением уже взрослых животных [Аврорин, Лебедева 1978: 37]), нан. *орōкā* 'прирученный, ручной птенец или детеныш животного', *орōла-* 'оставлять птенца или детеныша животного для приручения' [Оненко 1980: 315]. Таким образом, этимология тунгусо-маньчжурского слова *орон 'домашний олень' представляется вполне очевидной — первоначальным значением корня **оро-* (**орō-*) было 'домашнее, прирученное животное'.

Ороки, будучи оленеводами, причем географически изолированными (живут они только на Сахалине), называют домашнего оленя иначе — *ула*³ (так же называется домашний олень и по-орочски, однако орочи не занимаются оленеводством и вряд ли им когда-либо занимались, поэтому они, скорее всего, заимствовали название домашнего оленя у ороков). Во время поездки на Сахалин в 2010 г. в поселке Вал Ногликского района я записал на ороческом языке от И. Я. Федяевой текст, в котором встретился отсутствующий в словарях глагол *ороскондо-* (*оросконда-?*) 'поехать на оленях

² В работе И. В. Кормушина в «форме из записей речи удыхейцев с р. Самарги» обозначена долгота «прерывного гласного»: *ō̄* (в оригинале не', а зеркальное отражение знака ') 'домашнее животное, домашняя птица; дикое животное, дикая птица, живущие в неволе' [Кормушин 1998: 273].

³ Примеры в статье даны в транскрипции, принятой в [ССТМЯ 1975, 1977], однако при этом не указываются варианты фонем, обусловленные действием закона сингармонизма. Если слово приводится по опубликованной работе, то дается транскрипция, принятая в ней.

искать своих оленей'. Корень этого слова несомненно тот же, что и в эвенкийском *орон* или эвенском *орън* 'домашний олень', суффикс *-ндо-* (*-нда-*) имеет значение «идти или ехать с целью совершения действия, обозначенного основой глагола»; сегмент *-ско-* (< **-ксо-*?) остается пока без объяснения.

В относительно недавно опубликованной статье [Ревнов 2016: 55–56] я сравнивал орокское *улā* 'домашний олень' (< *улауар или *улауал), в частности, с древнетюркским *улау* 'вьючное животное, верховой конь'. Не отказываясь от этого сравнения, расширю область этимологического поиска и предложу сравнение с эвенским глаголом *улуд-* 'вьючить', который К. А. Новикова производит от *инуд-* 'вьючить' [Новикова 1980: 218], что, по-моему, ошибочно по историко-фонетическим причинам. Эвенский глагол *улуд-* 'вьючить' включает показатель «несовершенного вида» *-д-* ~ *-ǰ-* — таким образом, основой является *улу-*. Ввиду нередуцированного характера гласного второго слога основу *улу-* можно возводить к **улӯ-*, что, в свою очередь, допустимо реконструировать как **улауу-* (ср. эвенское *ал* (< *ала) 'лямка в оленьей упряжке') и производный от этого слова глагол *алу-* (< **алӯ-* < **ала-уу-*) 'запрягать, впрягать'). Исторический изоморфизм обеих рассматриваемых основ (*улу-*(*-д-*) и *алу-*) позволяет реконструировать для праэвенского состояния существительные *ала-у 'лямка в оленьей упряжке' (ср. эвенк. *алау* (П-Т, Алд, Е, З, Н, Тнг) 'лямка в оленьей упряжке') и *ула-у 'вьюк'. Корень последнего (**ула-*) можно сравнить с древнетюркским *ула-* 'связывать, присоединять', от этого глагола образовано древнетюркское существительное *улау* 'вьючное животное, верховой конь', что и фонетически, и семантически довольно близко к орокскому *улауар (*улауал) 'домашний олень'. К сожалению, сегмент **-ар* (**-ал*) остается пока без объяснения⁴.

В [ССТМЯ 1977: 263] орок. *ула* 'олень (домашний)' помещено в одну словарную статью («УЛТА орок») с ма. *улха*, *улха уџима* 'парн. скот (вообще), животное (домашнее)'. Уверен, что орокское название домашнего оленя не имеет отношения к самоназванию ороков, однако сравнение ма. *улха* 'скот, домашние животные' (привожу

⁴ Звук *p* (или *l*) в исходе орокского названия домашнего оленя восстанавливается с учетом формы винительного падежа (*улāба*) — алломорф *-ба* присоединяется к словам, некогда имевшим в исходе плавный, напр.: винительный падеж *дубэ* от *дү* 'два' (< *ǰүл < *ǰүр < *ǰүр).

по словарю [Захаров 1875: 160]) с орок. *улā* ‘домашний олень’ безусловно заслуживает внимания. Можно предложить такое историко-фонетическое обоснование сравнения: ма. *хулха* ‘вор’ заимствовано из монгольского и соответствует п.-мо. *xulayai* ‘вор’; такое соответствие позволяет нам говорить о том, что ма. *улха* ‘скот, домашние животные’ вполне может восходить к **улауа*, которое отличается от орокского реконструированного названия домашнего оленя (**улауар* ~ **улауал*) лишь отсутствием плавного в исходе слова. Если орокское название домашнего оленя на самом деле происходит от маньчжурского слова, означающего ‘скот, домашние животные’, то заимствование должно было быть из раннего маньчжурского или из чжурчжэньского, в котором еще не было синкопы (ср. чж. **зулаха* ‘сапог(и)’ и ма. *зулха* ‘сапог(и)’). В свою очередь маньчжурское *улха* ‘скот, домашние животные’ может быть ранним тюркизмом (ср. др.-тюрк. *улау* (< **улауа*?) ‘вьючное животное, верховой конь’). Подтверждением того, что ранние тюркизмы могли проникать в древнеманьчжурский язык, является, например, такое соответствие: ма. *тулу* ‘грудь у лошади’ и др.-тюрк. *iōš* ‘грудь’ (*š* < **l* в соответствии с законом ламбдаизма). Если допустить, что орокское название домашнего оленя имеет маньчжурское происхождение, то мы должны признать, что миграция ороков на Сахалин была из региона, находившегося не так далеко от этнической территории маньчжуров.

Что касается других оленеводческих терминов в эвенкийском, эвенском и орокском, т. е. в языках тунгусо-маньчжуроязычных оленеводов, то в основном они имеют общее происхождение. Интересно, что некоторые слова, весьма важные для орокского оленеводства и имеющие надежные соответствия в эвенкийском и эвенском языках, с точки зрения исторической фонетики являются исконно орокскими, не заимствованными ни из эвенкийского, ни из эвенского; приведу примеры:

нōтоно ‘олень 4 лет, самец’ < **н'ōркōно* < **н'ōуркōно*, образовано от корневой основы **н'ō-* ‘опередить, обогнать’ и имеет соответствия в эвенкийском и эвенском языках (в негидальском — заимствование из эвенкийского) (см. [ССТМЯ 1975: 641-642]). Внутренняя форма этого слова позволяет предложить этимологию орокского слова *хаматана* ‘олень пяти лет’ — оно восходит к **хама-ркāна* (ср. эвен. *амаркана* (Ох) ‘1) дикий олень (самец 4–5 лет); 2) дикий баран (самец

4–5 лет)'), где корень **хама-* означает 'зад, задний'. От этого же корня **хама-* в тунгусо-маньчжурских языках образован глагол, означающий 'отставать, опаздывать'. Получается, что более молодой олень (4 лет) опережает по возрасту старшего (5 лет), который как бы позади него, отстает от него. Аналогичным образом называли амурские нивхи близнецов: *ырин''а* 'близнец, родившийся первым (букв. «задний зверь» (или «отстающий», «остающийся позади». — А.П.)', *нуг''ин''а* 'близнец, родившийся вторым' (от *нуг''и* 'впереди', *нуг''и-* 'быть первым, передовым, идущим впереди. — А.П.) [Крейнович 1973: 479, 493];

сачиуа 'самка оленя двух лет' < *сачи-кән, ср. эвенк. *сачарй* (П-Т, Алд, З, Н, Сх, Тк, Тмт, Учр, Хнг, Члм, Чмк, Тит.) 'важенка (самка оленя 1-2 лет)', эвен. *һатти* (Ск) 'важенка (самка домашнего оленя 1-2 лет)'. Ср. также эвен. (Момский район Якутии) *һатти* 'однолетняя самка оленя, не имеющая теленка' [Лебедев 1978: 191];

силма 'недоуздок' < *хилма; ср. эвенк. *инман*, *инмар* (П-Т, В-Л, Сх, Тит.) 'недоуздок (затылочный ремень, завязки в оленьем недоуздке)', и с эвен. *инмър* (Ол), *инмар* (Ох), *инмор* (Ск) 'недоуздок' [ССТМЯ 1975: 316];

сõндõ 'годовалый олененок (самец)' < *сõнжõ < *сõнжõ-кõн < *сõ-рйо-кõн (букв. 'желтенький' от корня **сõ-* 'желтый'). Типологическим семантическим соответствием, подтверждающим такую этимологию, является ненецкое *таско* 'новорожденный олений теленок', по происхождению связанное с ненецким словом *тасо* 'желтовато-бурый'⁵. Кстати, в английском языке *fawn* означает не только 'олenenок', но и 'желтый, коричневый' (при этом второе значение в английском производно от первого, а в тунгусо-маньчжурских языках и в ненецком было, по-видимому, наоборот — олененка называли по цвету его шерсти (желтый);

сẽпууа 'теленки (домашний олень 1-2 лет)' < *хиану-кән (*-*кән* представляет собой диминутивный аффикс, ср. *сачи-кән;

⁵ Возможность семантической параллели с ненецким языком обнаружилась в ходе беседы с А. Ю. Урманчиевой.

*cō-рyо-кōн); орокское *cēпууа* не заимствовано из эвенкийского или эвенского и вообще не является заимствованием, на что указывают особенности исторической фонетики: начальный *c* в орокском *cēпууа* восходит к среднеязычному *ç* (“ich-Laut”), который, в свою очередь, представляет собой результат палатализации велярного *x* (восходящего к *k^h?*). Ср. эвенк. *ēvkān* ‘1) теленок (домашний олень-бык 2–3 лет); 2) лосенок (одного года)’, эвен. *ǣvkan* (Ол, Б, П) ‘1) теленок (домашний олень 1–2 лет); 2) ягненок’, *ǣvkačan* (Ол, Б, П) ‘теленка (дикий олень 1–2 лет)’ [ССТМЯ 1975: 288]. Тунгусо-маньчжурские слова с соответствием *x*- (*c*-) / *ø*- являются весьма древними (см. выше орок. *хаматана*, *силма* (*си...* < **хи...*)), они восходят ко времени формирования ветвей тунгусо-маньчжурского праязыка⁶, поэтому можно думать, что появление тунгусо-маньчжурского оленеводства относится по крайней мере к первому тысячелетию нашей эры (распад тунгусо-маньчжурского праязыка происходил в начале нашей эры).

На мой взгляд, объяснить историко-фонетическую архаичность данных оленеводческих терминов можно лишь допустив, что носители праульскоорокского (не исключая, что и прананайскоульскоорокского) языка были оленеводами. Часть из них, ставшая впоследствии ульчами, перешла к оседлому образу жизни, передав свой язык местному оседлому населению низовьев Амура. Другая же часть носителей праульскоорокского языка компактно и более или менее одновременно переселилась на Сахалин, где продолжила занятие оленеводством, сочетая его с охотой и рыболовством — потомуки этих переселенцев и есть ороки (ульта, уильта)⁷.

Таким образом, предлагаю считать ороков потомками древних тунгусо-маньчжуроязычных оленеводов, в давнее время разделившихся на две ветви: тунгусскую и приамурскую. Тунгусское оленеводство распространилось на огромной территории: от Большого Хингана до Таймыра и от реки Васюган до Сахалина.

⁷ Типологически сходными примерами передачи оленеводами своего языка аборигенному оседлому населению могут служить арманцы (группа оседлых эвенов недалеко от Магадана, в настоящее время полностью обрусела и забыла свой весьма своеобразный арманский идиом), а также несколько этнографических групп коряков — в частности, паланцы и алюторцы.

Приамурское же оленеводство по причине более или менее близкого соседства с такой богатой рыбой рекой, как Амур, постепенно прекратило свое существование, оставшись только в виде, так сказать, орокского островка на острове Сахалин.

В орокском языке есть оленеводческие термины неизвестного происхождения, например:

ǰāнду ~ *ǰāн'ду* 'пастбище' [ССТМЯ 1975: 341];

лиллу 'ремень для привязывания нарты к дереву' [ССТМЯ 1975: 498];

мотолиуга 'комольй, безрогий (об олене)' [ССТМЯ 1975: 547];

нув- 'кормить, подкармливать оленей' [ССТМЯ 1975: 607],

сарука '1) изгородь; 2) загородка для оленей' [ССТМЯ 1977: 67],

хэкэ 'олень-полукровка (помесь домашнего с диким)' [ССТМЯ 1975: 480].

Как было отмечено выше, орокская оленеводческая лексика весьма архаична — во всяком случае с историко-фонетической точки зрения. Что касается инноваций, то имеется несколько слов, заимствованных из эвенского языка, диалекты которого в настоящее время географически существенно дальше от орокского, чем некоторые дальневосточные диалекты эвенкийского (особенно сахалинские). Приведу эти орокско-эвенские параллели в оленеводческой лексике:

1. Орокское слово *ǰавата* 'стадо домашних оленей' сравнивается с эвенским (Ол) *ǰэвта* 'стадо домашних оленей, летнее' [ССТМЯ 1975: 288]. В других тунгусо-маньчжурских языках соответствующие слова отсутствуют (по крайней мере, их нет в словарях). Эвенское *ǰэвта* делится на корень и словообразовательный суффикс (*ǰэв-та*), что подтверждается наличием других производных от этого корня (*ǰэв-чак* '1) пастьба оленей ночью; 2) ночное пастбище; 3) ночные пастухи', *ǰэв-чи-* 'пасти оленей ночью') [ССТМЯ 1975: 288]. Словообразование при помощи суффикса *-та* не является живым ни в одном из современных тунгусо-маньчжурских

языков; вероятно, он имел собирательное значение — такой вывод можно сделать на том основании, что суффикс этот по всей видимости выступает вторым компонентом составного показателя *-кта* (> эвен. *-т*) со значением скопления, массы однородных мелких предметов (*-кта* < **-та* < **-ни-та*). Орокское *јавата* ‘стадо домашних оленей’ с точки зрения орокского словообразования является непроизводным, и именно это обстоятельство позволяет с уверенностью говорить о том, что орокское *јавата* заимствовано, причем заимствовано из эвенского языка, в котором соответствующее слово *ǰвта* является, повторю, производным.

На мой взгляд, эвенский корень *ǰв-* представлен в эвенском (Ол) *ǰвкан* ‘1) теленок (домашний олень 1–2 лет; 2) ягненок)’ (*-кан* — диминутивный суффикс). Этому эвенскому слову соответствуют эвенк. *ǰвкǰн*, *ǰвкǰчǰн* ‘1) теленок (домашний олень-бык 2–3 лет); 2) лосенок одного года’, нег. (Н) *ǰвкǰн* ‘теленка (домашний олень до года)’ и орок. *сǰно*, *сǰнууа* ‘теленка (домашний олень 1–2 лет)’ [ССТМЯ 1975: 288]. Думаю, этот же корень имеет эвенк. *ʷемнан* (Тмт) ‘важенка с прошлогодним теленком’ (слово приведено по [ССТМЯ 1975: 290]); этимология этого слова такова: *ʷемнан* < **ǰв-нан*, где *-нан* — «суффикс, обозначающий самку вместе с детенышем: **сǰннган** теленок (олень) — **сǰннганǰн** важенька с теленком» [Василевич 1958: 778] (как видим, Г. М. Василевич указывает долготу гласного в этом суффиксе).

Получается, что в орокском языке есть два слова с этимологически общим корнем **к^hиану-* ~ **к^hиаву-*, причем одно из них (*сǰно* ~ *сǰнууа* ‘теленка (домашний олень 1–2 лет)’) является исконным, а другое (*јавата* ‘стадо домашних оленей’) — заимствованным из родственного орокскому эвенского языка. Что касается исконного орокского слова *сǰнууа* ‘теленка (домашний олень 1–2 лет)’ (в южном диалекте орокского языка есть некоторые отличия: *сеерууа* ~ *сеероо* ‘теленка домашнего оленя одного года’ [Кегамі 1997: 176]), то напомню, что его можно реконструировать следующим образом: **хиану-кǰн* < **к^hиану-кǰн* (где *-кǰн* является показателем диминутива).

2. Орокское слово *карǰв* ‘серый (о масти оленя)’ (*караи* [Кегамі 1997: 96]) сравнивается с эвенскими *карǰв* (К-О, Ск) ‘сивый, темно-серый (о масти оленя)’, *карǰвкан* (Ол, П, М, Ск) ‘серый (кликча оленя)’ [ССТМЯ 1975: 379]. В этой статье «Сравнительного словаря

тунгусо-маньчжурских языков» указаны слова эвенкийского, солонского, негидальского, нанайского и маньчжурского языков. Возможно, все приведенные в словарной статье примеры имеют исторически общий корень, связанный с тюркскими и монгольскими словами, означающими ‘черный’ (во всяком случае так считали составители словаря), однако, на мой взгляд, истинную лексическую параллель представляют собой лишь орокское и эвенское слова (*карāв*), причем с немалой долей вероятности орокский и в данном случае заимствовал из эвенского.

3. Основываясь на данных [ССТМЯ 1975: 276], можно привести изоглоссу, связывающую эвенский язык (*жунт̄ри* (Ол, Алл, Б, П, Т), *жунтури* (Ол) ‘бык-олень домашний (5–6 лет)’; *жунт̄са* (Ол) ‘1) бык-олень дикий (5–6 лет); 2) самец горного барана (5–6 лет)’ с сахалинским эвенкийским (*жунтир̄и* ‘бык-олень 5 лет’) и с орокским (*дунчи* ‘бык-олень (5–6 лет)’). Все эти слова помещены в ССТМЯ в словарную статью «ЖУПТИ повторный». В сахалинском эвенкийском слово *жунтир̄и* ‘бык-олень 5 лет’ явно заимствовано из эвенского. То же можно сказать и об орокском *дунчи* ‘бык-олень (5–6 лет)’, в котором следует отметить депалатализацию начального согласного, что свидетельствует о явно непозднем заимствовании.

4. Орок. *наманки* ‘подпруга у верхового седла’ и эвен. *намь-нук̄* (М, Т), *наманка* (Ох) ‘подпруга’ [ССТМЯ 1975: 580]; есть такое слово также в ольском говоре: *намьнук̄* ‘подпруга’ [Новикова 1980: 194].

Об исторических контактах орокского языка с эвенским свидетельствуют некоторые другие сепаратные лексические изоглоссы. Их не так много, в качестве наиболее показательных примеров приведу следующие:

орок. *ажунутчи-* (<**ажунур-чи-*?) ‘исправить, починить’ и эвен. *ажур-* (Ол, Алл, Б, М, Ох, П) ‘1) исправить, починить, наладить; 2) обновить’ [ССТМЯ 1975: 17–18];

орок. *бокко* ‘живот’ и эвен. *боонкы* ‘желудок’ [Лебедев 1978: 153], *бōңк̄а* ‘брюхо, живот’ [Дуткин 1995: 90], *boŋka*, *bʷoŋka* ‘желудок, брюхо’ [Westlamutische Materialien 1978: 83], *боунко* (Алл, Ск), *боунка* (К-О) ‘1) желудок; 2) живот; 3) содержимое

желудка' [ССТМЯ 1975: 94]; надо сказать, что согласно законам орокской исторической фонетики слово *бокко* вполне может восходить к *боуко, ср. орок. *окко*- 'пастись' и эвенк. *оуко*- 'пастись';

орок. *дб* 'долина' и эвен. (Ол, Ох; фольк.) *дб* '1) долина; 2) теснина; 3) (Ох) река' [ССТМЯ 1975: 210];

орок. *зэлум*- 'красться, пробираться тайком' и эвен. *зэльм*- (Ол) 'красться, пробираться тайком' [ССТМЯ 1975: 284];

орок. *мусиму*- 'усмехаться, улыбаться' и эвен. *мусьм*- (Ол, Б, П) 'усмехаться, улыбаться' [ССТМЯ 1975: 561];

орок. *мэлиму* '1) шейный позвонок; 2) черепное отверстие; 3) шея (задняя часть)' и эвен. *мэлимки* (Ох) 'шейный позвонок' [ССТМЯ 1975: 567];

орок. *суликта* ~ *сулукта* '1) мука из сушеной рыбы, порса; 2) название блюда из рыбной муки или растертой юколы и риса' соответствует эвенскому эвен. *хулть* '1) порса (рыбная мука); 2) лепешки (из рыбной муки, смешанной с кетовой икрой)' (привожу слово по работе [Новикова 1980: 229]; *хулть* закономерно восходит или к *суликта, или к *сулукта, ср. аналогичное звуковое изменение в эвен. *бость* 'почка, почки' < *боскто, *имсь* 'сало, жир' < *имуксэ).

Данные названия рыбной муки и блюда из нее характерны для двух тунгусо-маньчжурских языков — для орокского и для эвенского (в аянском говоре эвенкийского это явное заимствование из эвенского). Поскольку в орокском представлены три продукта словообразования с корнем *сулу*- ~ *сули*- (*суликта* ~ *сулукта* '1) мука из сушеной рыбы, порса; 2) название блюда из рыбной муки или растертой юколы и риса', *сулумбузи*- 'изготавливать муку из сушеной рыбы' и *сулун*- '1) крошить юколу; 2) мешать, перемешивать'), а в эвенском только один (*хулть* и его фонетические варианты), то можно говорить о заимствовании эвенским языком орокского слова. Интересно, что согласно ССТМЯ, рассматриваемое название рыбной муки имеется не только в восточных говорах эвенского языка (в ольском, пенжинском, быстринском, охотском, а также в арманском идиоме), но и в крайне западном — в саккырырском (*хулто*). Это свидетельствует о том, что орокско-эвенские контакты

происходили давно — когда предки эвенов кочевали, по-видимому, к западу от Нижнего Амура и к северу от Среднего Амура. Таким образом, предки эвенов вряд ли бывали на Сахалине, их контакты с предками ороков были на континенте — где-то в весьма обширном регионе бассейнов левых притоков Нижнего и Среднего Амура.

Предложенная локализация орокско-эвенских контактов вполне согласуется с наличием в негидальском немалого количества эвенских особенностей, причем на всех языковых уровнях [Хасанова, Певнов 2003: 285–286]. Вряд ли негидальско-эвенские контакты происходили где-то на севере, в местах современного расселения эвенов: «Вероятно, несколько веков назад этническая территория эвенов простиралась далеко на юг в сравнении с современной» [Хасанова, Певнов 2003: 286]. Вполне возможная локализация негидальско-эвенских контактов — территории к западу от Нижнего Амура, где когда-то, до переселения на Сахалин, скорее всего, и кочевали предки ороков.

Итак, орокское оленеводство, судя по соответствующей лексике, не было заимствовано ни у эвенков, ни у эвенов, оно появилось во всяком случае не позже, чем у этих двух народов. Тем не менее именно с эвенами у ороков были относительно поздние контакты, которые нашли отражение в том числе и в заимствовании орокским языком нескольких эвенских слов, имеющих отношение к оленеводству.

Сокращения (по [ССТМЯ 1975: XXIV–XXV])

Тунгусо-маньчжурские языки:

- ма. — маньчжурский язык
- нан. — нанайский язык
- нег. — негидальский язык
- орок. — орокский язык
- ороч. — ороцкий язык
- уд. — удэгейский язык
- ульч. — ульчский язык
- эвен. — эвенский язык
- эвенк. — эвенкийский язык

Территориальные варианты негидальского языка:

- В — верхне-амгуньский говор, Н — нижне-амгуньский говор

Территориальные варианты нанайского языка:

Бк — бикинский говор, К-У — кур-урмийский говор, Нх — найхинский говор

Территориальный вариант удэгейского языка:

Хор — хорский говор

Территориальные варианты эвенкийского языка:

Алд — алданский говор восточного наречия, Брг — баргузинский говор южного наречия, В-Л — верхоленский говор южного наречия, Е — ербогочёнский говор северного наречия, З — зейский говор восточного наречия, Н — непский говор южного наречия, Нрч — нерчинский говор восточного наречия, П-Т — подкаменнотунгусские говоры южного наречия, Сх — сахалинские говоры восточного наречия, Тк — токкинский говор восточного наречия, Тмт — томмотский говор восточного наречия, Тнг — тунгирский говор восточного наречия, Урм — урмийский говор восточного наречия, Учр — учурский говор восточного наречия, Хнг — хинганский говор восточного наречия, Члм — чульманский говор восточного наречия, Чмк — чумиканский говор восточного наречия;

К. — материалы М. А. Кастрена, Тит. — материалы Е. И. Титова

Территориальные варианты эвенского языка:

Алл — аллайховский говор среднего наречия, Арм — арманский диалект, Б — быстринский говор восточного наречия, К-О — колымско-омолонский говор восточного наречия, М — момский говор среднего наречия, Ол — ольский говор восточного наречия, Ох — охотский говор восточного наречия, П — пенжинский говор восточного наречия, Ск — саккырырский говор западного наречия, Т — томпонский говор среднего наречия

др.-тюрк. — древнетюркский язык

п.-мо. — монгольский письменный язык («письменно-монгольский»)

Литература

- Аврорин, Лебедева 1978 — В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Ороческие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978.
- Василевич 1958 — Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г. М. Василевич. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
- Дуткин 1995 — Х. И. Дуткин. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука, 1995.
- Крейнович 1973 — Е. А. Крейнович. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука, 1973.

- Лебедев 1978 — В. Д. Лебедев. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978.
- Новикова 1980 — К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Л.: Наука, 1980.
- Оненко 1980 — С. Н. Оненко. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980.
- Хасанова, Певнов 2003 — М. Хасанова, А. Певнов. Мифы и сказки негидальцев. ELPR Publications Series A2-024. Kyoto, 2003.
- Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь. М.; Л.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1936.
- Ikegami 1997 — Jirô Ikegami. A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997.
- Pevnov 2016 — A. Pevnov. On the Specific Features of Orok as Compared with the Other Tungusic Languages // E. Gruzdeva, J. Janhunen (ed.). Cross-linguistics and Linguistic Crossings in Northeast Asia: Papers on the Languages of Sakhalin and Adjacent Regions. Studia Orientalia 117. Helsinki: Finnish Oriental Society, 2016. P. 47–63.
- Westlamutische Materialien 1978 — Westlamutische Materialien. Aufgezeichnet von Arvo Sotavalta. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1978.

Источники

- ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. I. Л.: Наука, 1975.
- ССТМЯ 1977 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред.: В. И. Цинциус. Т. II. Л.: Наука, 1977.

References

- Avrorin, Lebedeva 1978 — V. A. Avrorin, Ye. P. Lebedeva. Orochskiy teksty i slovar [Oroch Texts and Dictionary]. Leningrad: Nauka, 1978.
- Dutkin 1995 — Kh. I. Dutkin. Allaikhovskiy govor evenov Yakutii [Allaikha dialect of Evens of Yakutia]. St. Petersburg: Nauka, 1995.
- Evenkiysko-russkiy slovar. Sostavila G. M. Vasilevich. [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1958.
- Ikegami 1997 — Jirô Ikegami. A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997.
- Khasanova, Pevnov 2003 — M. Khasanova, A. Pevnov. Mify i skazki negidaltsev [Myths and Tales of the Negidals]. ELPR Publications Series A2-024. Kyoto, 2003.

- Kreynovich 1973 — Ye. A. Kreynovich. Nivkhgu. Zagadochnyye obitateli Sakhalina i Amura [Nivkhgu. Enigmatic Inhabitants of Sakhalin and Amur]. Moscow: Nauka, 1973.
- Lebedev 1978 — V. D. Lebedev. Yazyk evenov Yakutii [The Language of Evens of Yakutia]. Leningrad: Nauka, 1978.
- Novikova 1980 — K. A. Novikova. Ocherki dialektov evenskogo yazyka. Olskiy govor [Study of Dialects of the Even Language. Ola Dialect]. Leningrad: Nauka, 1980.
- Onenko 1980 — S. N. Onenko. Nanaysko-russkiy slovar [Nanai-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk, 1980.
- Pevnov 2016 — A. Pevnov. On the Specific Features of Orok as Compared with the Other Tungusic Languages. E. Gruzdeva, J. Janhunen (ed.). *Crosslinguistics and Linguistic Crossings in Northeast Asia: Papers on the Languages of Sakhalin and Adjacent Regions*. Studia Orientalia 117. Helsinki: Finnish Oriental Society, 2016.
- Shneyder 1936 — Ye. R. Shneyder. Kratkiy udeysko-russkiy slovar [Concise Ude-Russian Dictionary]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo, 1936.
- Westlamutische Materialien 1978 — Westlamutische Materialien. Aufgezeichnet von Arvo Sotavalta. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1978.

Sources

- SSTMY 1975 — Sravnitelnyy slovar tunguso-manchzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovaryu [Comparative Dictionary of Manchu-Tungus Languages. Materials for the Etymology Dictionary]. Ed.-in-chief: V. I. Tsintsius. Vol. I. Leningrad: Nauka, 1975.
- SSTMY 1977 — Sravnitelnyy slovar tunguso-manchzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovaryu [Comparative Dictionary of Manchu-Tungus Languages. Materials for the Etymology Dictionary]. Ed.-in-chief: V. I. Tsintsius. Vol. II. Leningrad: Nauka, 1977.

НАЗВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ В ИСТОЧНИКАХ О РУССКО-ИНДИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ XVII В. (ПО ДОКУМЕНТАМ АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗА)*

К. С. Худин

Институт всеобщей истории РАН, Москва
khudin1988@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена фитонимам растений, за-казанных индийским купцам Аптекарским приказом в 1663 г. В ней рассмотрены сведения об использовании в Аптекарском приказе этих растений, на материале различных источников: приказных книг; росписей лекарств, рецептов, а также иных документов. Кроме того, рассмотрены альтернативные Индии каналы поставки этих растений. Мы заключаем, что эти расте-ния были востребованы в Аптекарском приказе, и хотя их про-ще было доставлять через Европу, правительство искало прямых каналов поставки.

Анализируя различные контексты употребления фитонимов, можно прийти к выводу, что растения, произраставшие в Юго-Вос-точной Азии, попадали в Россию разными путями. Например, воз-ведение происхождения слова «чепучинный (хинный) корень» к кечуанскому языку ошибочно, и следует считать, что это расте-ние попало в Россию из Китая, посредством персидских купцов. В особенностях написания некоторых фитонимов (например, рас-тений кассия и хинный корень) в документах мы обнаруживаем греческое влияние. Это может свидетельствовать о широком кру-ге пациентов, среди которых были и носители греческого языка. В целом, эти выводы свидетельствуют о широких международных контактах России в XVII веке, в том числе и в области медицины.

Ключевые слова: этноботаника, источниковедение, вспомо-гательные исторические дисциплины, сравнительное языкознание,

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00376 «Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI–XVII вв.)».

история Средневековья и раннего Нового времени, XVII век, русско-индийские связи, история медицины, история аптечного дела, Аптекарский приказ.

**Botanic names in sources on Russia-India trade
in the 17th century
(as stated in Apothecary Chancery records)**

K. S. Khudin

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow
khudin1988@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the phytonyms of plants, which were mentioned in the note issued to the Indian merchants who were leaving Moscow for India in September 1663. They were to purchase these plants and bring them to Moscow. The paper discusses information on the use of these plants in Apothecary Chancery's medical practices gleaned from: the note itself; departmental records; lists of medicines imported from abroad; medical prescriptions issued to specific individuals; as well as other routine official documents. The present research is based on methods of source studies, on findings in paleography, diplomatics, codicology, filigree studies, etc., as well as on methods of comparative historical linguistics. Alternative supply channels of the medicinal plants (including from Hamburg, Holland, China, Persia) were also considered. The two main conclusions from the study are: 1) plants ordered via the Indian merchants were in demand for a long time and used for treatment of Apothecary Chancery patients; 2) although plants originating from Asia were cheaper and easier to deliver through Europe, the Russian government was looking for direct supply channels, as evidenced by the Indian merchants' mission.

Plants grown in the Southeast Asia came to Russia in various ways, as follows from the context of the use and etymology of the phytonyms addressed. Thus the origins of the word "chepuchinny" (*Smilax china* L.), previously traced back to the Quechuan quin-quina, were evidently misleading. The etymology of this phytonym indicates that the plant came to Russia from China through Persian merchants. The spelling of some words reveals Greek influence, which suggests that

patients, who used preparations from the plants *Senna alexandrina* and *Smilax china*, could be native Greek speakers. The findings of the article confirm that Russia maintained broad international relations in the field of medicine in the 17th century.

Keywords: ethnobotany, source study, comparative historical linguistics, auxiliary historical subjects, Medieval & Early Modern history, Seventeenth-century studies, Russian-Indian connections, medical history, history of pharmacy, Apothecary Chancery.

1. Краткая историография

Русско-индийские торговые связи XVII в. хорошо изучены в работах А. Ф. Малиновского [Малиновский 1837], В. А. Уляницкого [Уляницкий 1888], С. В. Жуковского [Жуковский 1915], Н. М. Гольдберга [Гольдберг 1949], Р. В. Овчинникова [Овчинников 1958], К. А. Антоновой [Антонова 1963] и Н. Б. Байковой [Байкова 1964]. Н. А. Богоявленский посвятил отдельную работу индийскому влиянию в русской медицине [Богоявленский 1956]. Объемный сборник документов по русско-индийским отношениям в XVII в. объединил разрозненные материалы из различных архивов: как на русском языке, так и на санскрите [РИО 1958]. На основе этой публикации в 2009–2010 гг. Казанский лингвографический фонд разработал интернет-словарь с возможностью поиска по различным словоформам [ЯД РИО]. Некоторые фитонимы получили отражение в диссертации екатеринбургского филолога О. Г. Олехнович [Олехнович 2000: 19, 26, 46–47, 57, 71, 98–100, 138, 150, 191–192, 200, 207, 214, 222, 224].

В перечисленных работах упомянуто множество товаров, которые привозились из Индии в Россию; в их числе и многочисленные лекарственные растения.

2. Источники исследования

Объектом изучения в данной статье является источник, сохранившийся фонде Аптекарского приказа в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА) в Москве. Этот документ происходит из канцелярии Аптекарского приказа

и представляет собой список лекарств, который был составлен в сентябре 1663 г. специально для индийских купцов, покидавших Москву. Им надлежало приобрести для царской казны указанные лекарства в своей стране и доставить их в Россию. По всей видимости, этот источник не попал в сферу внимания исследователей русско-индийских связей, т. к. этот фонд ими специально не изучался.

Известно, что индийские купцы и ранее привозили в Россию лекарственные растения, например, в Ярославль в 1650 г. [РГАДА. Ф. 56. Оп. 1. 1650 г. Д. 1]. Тем не менее роспись этих растений обнаружить не удалось. Таким образом, список 1663 г. приобретает особое значение.

Однако этот, казалось бы, рядовой документ заслуживает внимания еще и потому, что в нем отразились представления русского общества о том, какие товары *могли быть* куплены в Индии и сопредельных с ней землях. По всей вероятности, при составлении этого списка происходили какие-то консультации с индийскими купцами. Однако, как будет показано ниже, некоторые растения из этого списка до 1663 г. попадали в Россию иными путями. На череду попыток в установлении отношений с Индией указывали С. В. Жуковский и А. А. Преображенский [Жуковский 1915: 27; Преображенский 1951: 271]. Вероятно, именно поиск альтернативных каналов поставки лекарственных средств и обусловил создание этого документа. Полный текст документа см. в Приложении к данной статье (далее — Приложение).

Также будут привлечены другие источники Аптекарского приказа. Их можно разделить на 4 группы:

- 1) приказные книги (приходные, расходные, записные и пр.);
- 2) перечни (росписи) лекарственных препаратов, привозившихся из-за границы или отправленных с лекарями в военные походы;
- 3) рецепты, содержащие список лекарственных препаратов, а иногда и рекомендации по их применению. Они выписывались конкретным пациентам, среди которых довольно широкий круг, включающий в себя представителей служилых людей, духовенства и ремесленников;
- 4) текущее делопроизводство Аптекарского приказа, переписка с другими приказами, а также с воеводами на местах.

Отдельно стоит обозначить такой важный источник, ранее не введенный в научный оборот, как «Алфавитный перечень

лекарств с обозначением их стоимости» [РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1а; Худин 2020]. Документ написан на 14 листах в 4° и скреплен в книгу. Документ не датирован, но по почерку может быть отнесен ко второй половине XVII в. Используя методы филигранологии, удалось установить, что на бумаге имеются филигранные, относящиеся к типу т. н. «Агнца пасхального». Более всего бумажный знак схож с образцами № 1480 (1658 г.) в альбоме А. А. Гераклитова [Гераклитов 1963: 223] и №№ 2–12 в каталоге рукописных источников ГИМ, в особенности с №№ 3 (1646 г.), 4 (1646 г.) и 12 (1673 г.) [Дианова, Костюхина 1988]. Поскольку создание этого источника связано с каким-то переломным моментом в деятельности приказа, то исходя из датировки его можно отнести: 1) ко времени назначения в Аптекарский приказ дьяка Ивана Десятого (1648/49 г.); 2) ко времени масштабного расширения производственного комплекса Аптекарского приказа и переноса его от стен Кремля в Огородную слободу (1658 г.); 3) ко времени отстранения от должности дьяка Ивана Десятого и преобразования единого приказа в Старый Аптекарский приказ и Приказ Новой аптеки (1672 г.). Для уточнения происхождения источника требуется более детальное изучение филигранных. Привлекаются и другие источники, опубликованные в сборнике «Русско-индийские отношения» [РИО 1958].

3. Задачи исследования

В данной работе нас, в первую очередь, интересуют названия растений — фитонимы. Основное внимание уделено лекарственным (или условно лекарственным) растениям.

В статье будут решаться три задачи:

- 1) проследить по делопроизводственным документам Аптекарского приказа словоупотребление фитонимов из указанного списка растений, созданного для индийских купцов;
- 2) проследить каналы доставки в Россию растений из этого списка: для решения этой задачи будут также привлечены делопроизводственные источники Аптекарского приказа;
- 3) проследить историю вхождения указанных фитонимов в русский язык, а также вариативность их заимствования: для решения этой задачи будут использованы этимологические и иные словари.

4. Происхождение источника

В первую очередь, стоит упомянуть тех, для кого был создан этот источник: в его тексте они названы армянами¹ [Преображенский 1951: 271], которые являлись подданными «индейского шаха». 1 марта 1663 г. они, как водится, привезли с собой помимо товаров на продажу еще и различные подарки для царя и его семьи. Среди этих даров было множество предметов из драгоценных металлов, тканей и иных предметов роскоши. Обратим внимание на растения (или плоды), которые находились среди всего этого многообразия.

В подарок царю купцы преподнесли «7 мѣст дерева уд душистого» [РГАДА. Ф. 56. Оп. 1. 1663 г. Д. 1 Л. 2–3, 8; РИО 1958: 143]. «Мѣсто — 8. Отдельный предмет из клади, груза; штука, мешок» [СлРЯ 9: 117]. В интернет-словаре слово «уд» ошибочно передано как «уот», см. [ЯД РИО]. Царевичу Алексею Алексеевичу достались «3 мешечка виноградов розных. Мешечек фиников сухих. Мешечик орехов», а его младшему брату Феодору — «3 мешечка виноградов розных. Мешечик ядер миндальных. Тыква с финиками свежими». По всей видимости, тыква использовалась в качестве тары для транспортировки, что позволяло сохранить свежесть продуктов. «Лагенария упоминается и в древнейших китайских рукописях. Ее считали царицей растительного мира, выращивали в императорских садах для изготовления особых чаш. Сосуды из тыквы-горлянки часто использовали для хранения лекарств в древнем Китае, она стала торговым знаком аптекарей» [цит по: Цаценко 2013: 24]. Все дары были оценены у русских мастеров, живших в Москве иноземцев, торговых людей, но оказалось, что «7 мест дерев уд душистого, ценить некому». Тем не менее в списке даров напротив этой статьи стоит помета: «Взять». Орехи, виноград и финики без оценки были взяты «к великому государю в верх», т. е. во внутренние царские комнаты [СлРЯ 2: 101].

В августе 1663 г. один из этих купцов подал челобитную с просьбой пропустить его сына из Астрахани в Москву — тот вез с собой из Индии различные товары, в числе прочих — «чепучинное корень» [РГАДА. Ф. 56. Оп. 1. 1663 г. Д. 2. Л. 1; РИО 1958: 148–149].

---

¹ «Арменья». Чаще всего сами индийские купцы не доезжали до Москвы. Транзитной торговлей занимались армянские или персидские купцы.

5. Корень хины — чепучинный корень

Составители терминологического словаря к сборнику «Русско-индийские отношения» определяют чепучинный корень как «лекарственное растение, произраставшее в Индии и употреблявшееся как потогонное средство» [РИО 1958: 400]. Слово «чепучинный / чипучинный» отсутствует в таких словарях, как словарь И. И. Срезневского и «Словарь русского языка XI–XVII вв.»².

Ряд словарей отмечают тождественность «хинного» и «чепучинного» корня, в их числе, например, ботанические словари личного врача русской императрицы Екатерины II Н. М. Максимовича-Амбодика и Н. И. Анненова [Максимович-Амбодик 1795: 23; Анненков (сост.) 1878: 332–333].

Анненков ставит в один ряд слова «чепучинный», «чапутинский» и «чувашинский» корень, а, кроме того, объединяет в одной статье и чепучинный, и хинный корень, и даже сарсапариллу (о ней см. ниже).

О. Г. Олехнович называет «хинный» и «чепучинный» «номинативными дублетами», т. е. абсолютными синонимами [Олехнович 2004: 137]. Действительно, в определенное время оба этих слова могли стать номинативными дублетами, что, однако, не означает, что они были дублетами этимологическими. Обратимся к происхождению каждого из них.

«Хина», согласно «Словарю церковно-славянского и русского языка» (1847 г.), соотносится с растением «Cortex Cinchonaesen Chinae» и определяется как «кора некоторых южных растений. Лихорадочная кора» [СлЦСРЯ 4: 400]. Олехнович, вслед за М. Фасмером и П. Я. Черных, видит в качестве первоисточника кечуанское «quin-quina». Посредством испанского «quina» и итальянского «china» это слово попало в немецкий язык, где образовались также сочетания «Chinabaum» — «хинное дерево» и «Chinarinde» — «хинная кора». Уже благодаря немецкому посредничеству слово «хинный» попало в русский язык [Фасмер 1987: 237; Олехнович 2000: 47].

Это растение было названо *Cinchonaesen Chinae* Карлом Линнеем в XVIII в. в честь жены вице-короля Перу графини Чинchon

---

² Том «Словаря русского языка XI–XVII вв.», включающий буквы «Х» и «Ч», на данный момент еще не издан.

(1599–1625), которая якобы излечилась от лихорадки корой хинного дерева, а затем привезла его в Испанию. По другой версии, впервые это растение привез в Европу Бернабе Кобо в 1632 г. [Назарова, Станевич 2018: 10]. Оба объяснения выглядят легендарными.

В 1930 году дневник графа Чинчон был подробно исследован, и никаких упоминаний ни о болезни жены, ни о ее лечении этим растением там не обнаружилось. Кроме того, до этого момента считалось, что лечению подверглась его первая жена Ана де Озорио [Markham 1874: 40–45]. Однако она умерла в 1625 г., когда ее муж еще не стал правителем Перу. Вторая жена не возвращалась в Испанию и умерла в г. Картахена (совр. Колумбия) в 1641 г. [Urdang 1945: 19–20].

Вместе с тем Олехнович оговаривается, что слово «хина» в России XVII в. не имеет «ничего общего ... с корой хинного дерева — ботаническое название *Cinchona*» [Олехнович 2000: 98]. В этом мы склонны согласиться с исследовательницей. Приведем ряд аргументов в поддержку этой точки зрения: 1) хронологический, 2) географический и 3) ботанический. Для этого обратимся к информации, получившей отражение в источниках того времени.

Во-первых, если исходить из того, что впервые это растение попало в Европу не ранее середины XVII в., то и его название не могло появиться в русскоязычных источниках раньше этого времени. Тем не менее сохранилось несколько упоминаний слова «хина» в русских документах уже в начале 20-х гг. XVII в.

В приказной записи, составленной подьячим Аптекарского приказа Вялицей Потемкиным («Писал Вялка Потемкин»), сообщается, что 20 марта 1621 г. «по памяти ис Посол(ь)сого прикасу са пріпис(ь)ю думного дьяка Івана Грамотіна взято в обтеку чапучіново корен(ь)я {хіны}³ куплі дьяка Міхаїла Тюхіна» 65 «кореньев больших и малых, а весу в них двадцать пять фунтов» [РГАДА. Ф. 141. 1620 г. Д. 13. Л. 13]. Судя по этой записи, современники использовали эти названия как синонимы.

24 мая 1618 г. дьяк Тюхин был отправлен в посольство в Персию с князем М. П. Борятинским и И. Чичериным. Находясь в посольстве до 1620 г., он «ходил без товарищей к шаху, за что пытан, обвинен в измене и приговорен к ссылке в Сибирь» [Веселовский 1975: 529; Лисейцев 2009: 628–629]. Н. Ф. Демидова предполагает,

---

³ Слово вписано над строкой.

что именно тогда он приобрел этот корень, на этот факт она указала в биографии дьяка Тюхина [Демидова 2011: 573]. Она приводит цитату (не указывая лист дела) о том, что в Аптекарском приказе был принят «чепучинск[ий] корень шаха» [Ф. 77. Оп. 1. 1620 г. Д. 1; цит. по: Демидова 2011: 573]. В описи имущества Михаила Тюхина, выявленного при обыске, значится «корен(ь)е чепучинное», а далее идет уточнение: «а сказал Михаило, что куплено на г(о)с(у)д(а)р(е)в ѡбиход на г(о)с(у)д(а)р(е)вы денги» [РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1620 г. Д. 1. Л. 39]. Таким образом, указание на шаха не фигурирует в источнике, на который ссылается исследовательница без указания листа.

Олехнович отмечает некоторые трудности с определением этимологии слова «чепучинный». Она возводит происхождение этого слова к персидскому *chub-chiny* [Олехнович 2000: 98]. Если обратиться к русско-персидскому словарю, то мы обнаружим, что *čub* означает «дерево (материал)», а *čini* — «китайский» [Восканян 1986: 129, 221]. Таким образом получается, что перед нами фактически калька немецкого слова «*Chinabaum*» — «китайское дерево».

В пользу этой этимологии свидетельствует второй аргумент — географический. Именно Персия стала регионом, откуда совершались первые поставки «чепучинного корня хины». Посредством индийских купцов, это растение могло попадать из Китая в Персию, а затем — в Россию.

Наконец, третьим аргументом является ботанический. Во всех обнаруженных нами русских источниках упоминает именно корень «хины», а не кора. До нас дошли даже описания этого корня, относящиеся, правда, уже ко второй половине XVIII в.

Участник шведского посольства в Россию И. Ф. Кильбургер в 1674 г. сообщал, что «хинный корень», или «лат. *Radix Chinae*», — «корень, употребляемый против французской болезни, привозят в Москву сибирские купцы, но он очень плохой, и его продают от 30 до 40 копеек и немного дороже, отчего происходит, что провизор царской аптеки большую часть выписывает из Германии и охотнее за него платит в Москве 4 любских марки за фунт. Снаружи он бывает красный или немного черноватый, изнутри же белый или красноватый, и чем он чернее, тем он и лучше» [Кильбургер 1915: 119–120]. В марте того же 1674 г. доктору Стефану фон Гадену было приказано выплатить 53 рубля «за чепучинное корен(ь)е хину, что куплено у него» «по рублю за фунт» [Ф. 143. Оп. 2. Д. 1074. Л. 1].

Если доверять показаниям Кильбургера и считать, что 4 любские марки — это около двух рублей, то, скорее всего, в «Алфавитном перечне» упомянут хинный корень европейского происхождения, тогда его стоимость в среднем можно оценивать в 1–2 рубля за фунт.

Судя по всему, к концу XVII века существовало два канала поставки этого растения в Россию: азиатский (через Персию или Сибирь) и европейский (по всей вероятности, морем из южно-азиатских колоний в европейские страны).

Что касается значения самого слова «чепучинный» в России, то представляется, что оно изменялось на протяжении XVII в., расширяя семантический ореол.

Анненков утверждает, что «чепучина есть стар(инное) наз(ание) сифилитической болезни» [Анненков (сост.) 1878: 332]. Затем это название могло также использоваться для обозначения врача, лечившего эти недуги. В. Б. Колосова в своей книге приводит названия растений, образованные от названия больного органа или болезни, напр., бородавочник, горлянка, животный корень, а также грыжная, золотушная и лихорадочная травы и пр. [Колосова 2009: 53–57]⁴.

Олехнович, вслед за Г. И. Родзевичем, полагает, что постепенно слово «чепучинный» стало означать не только растение, но и профессию: «чепучинного дела лекарь был специалист по части лечения чепучинным корнем» [Родзевич 1887: 251–252; цит. по: Олехнович 2000: 98]. Эти специалисты занимались также сбором и заготовкой «чечуйной травы». В фонде Аптекарского приказа сохранилась переписка между Москвой и казанским воеводой по поводу сбора и заготовки этого растения, начиная с 1658 г. Так, например, в марте 1662 г. в Казань «для чечуйные травы» был послан «костоправного и чепучинного дела мастер» Митрофан Петров, служивший в Аптекарском приказе.

«Почечуйная трава», или горец почечуйный (лат. *Polygonum persicaria*), — однолетняя трава высотой 20–60 см, семейства гречишных, «произрастает по берегам рек, озер и на лугах, а также как сорняк на полях, огородах и в садах». В «медицинской практике жидкий экстракт почечуйной травы применяют как нежное слабительное при запорах и кровоостанавливающее средство при геморроидальных и маточных кровотечениях» [БСЭ: 452].

---

⁴ *Выражаю большую признательность Валерии Борисовне Колосовой за указание на этот материал.*

Корень хины многократно упоминается в делопроизводственных документах Аптекарского приказа.

В 1658 г. русская армия взяла шведский город Кокнесе, переименовала его в Царевичев-Димитриев и установила в городе русскую администрацию. В апреле того же года ненужные больше войскам лекарства были отосланы обратно в Москву. Среди них находились 2 фунта корня «хины» [РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 363; Мамонов (ред.) 1881–1885: 707].

Летом 1663 г. полковой лекарь Лука Салтыцкий был отправлен из Казани в Персию («Кизылбаши») для покупки 20 пудов «корени хины ... доброво и свежево»: «указали мы, великий государь, в Кизылбашской земле купить корени хины дватцать пудов доброво, а купя, тот корень привезть к Москве. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б корени хины велели купить дватцать пудов доброво и свежево. А купя, тот корень, прислали к нам, великому государю, к Москве. А сколько того корени в Кизылбашах куплено будет, и почему за пуд денег велите дать, и с кем именем тот корень отпустите, и вы б о том нам отписали, а отписку велели подать и с коренем явитца в Аптекарском Приказе боярину нашему Илье Даниловичу Милославскому да дьяку нашему Ивану Десятову» [Ф. 143. Оп. 2. Д. 660].

29 сентября 1663 г. хинный корень (*Radix Chinae*) оказался в числе лекарств [РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 705. Л. 1], выписанных протопопу Благовещенского собора Лукьяну Кирилловичу [РИБ 1904: 27]. Этот храм был домовым для русских царей.

Стоит обратить внимание на необычность написания слов «корень хины» и некоторых других. Создается впечатление, что запись делалась на слух, а не переписывалась, и писец был более знаком со словами греческого происхождения, нежели с латинскими. Автор совершенно четко делит его на слова, присоединяя последнюю букву «с» к следующему слову, получая вместо «радис хина» (т. е. «корень хины» от лат. *radix* — «корень»), написание «ради схина». Первая часть («ради») совпадает с русским предлогом, имеющим широкий семантический ореол: «для», «из-за», «по причине», «посредством» [СлРЯ 21: 122]. Слово же «схина» может восходить к греческому слову *σχῖνος* [схинос], являющееся названием растения мастиковое дерево (*Pistacia Lentiscus*) [Гимадеев 2018: 357]. Это написание созвучно таким греческим словам, как, например, «схимник», «схизма» и т. п.

Кроме того, необычно написание фитонима «касия лигна» (т. е. «дерево кассия», или «древесина кассии») (от лат. *lignum* — дерево, древесина). В рецепте искаженно написано «касия лигма», что созвучно таким греческим словам как, например, «сигма» и «энигма». В любом случае, в других источниках Аптекарского приказа подобных искажений нам не встречалось. Таким образом, мы не можем объяснить этот феномен слабостью переводческой школы служащих Аптекарского приказа. Некоторые другие особенности текста также указывают на его принадлежность не к латинской, светской традиции Аптекарского приказа, но к греческой, книжной, церковной, например, использование прилагательного «индриковый» вместо «индроговый», чаще употреблявшегося в документации Аптекарского приказа.

Стоит также обратить внимание на протокол документа. Он начинается словами «Надобно благовещенскому протопопу Лукиану на двор из обтеки». В этой формуле привлекает внимание использование слова «надобно» вместо обычных «дано», «дати» и «отпустить», более характерных для приказного делопроизводства.

Обобщая все вышеперечисленные наблюдения, рискнем предположить, что этот текст был создан кем-то из окружения благовещенского протопопа.

К тому моменту, когда составлялся этот рецепт, лекарь Лука Салтыцкий, скорее всего, должен был находиться в Персии, т. к. только 30 июня был туда отправлен. Однако можно допустить, что к концу сентября он уже вернулся с хинным корнем в Москву — тогда составители рецепта могли иметь в виду эту партию корня. Более точных данных об этой поездке нам пока обнаружить не удалось.

Корень хины упоминается также в «Алфавитном перечне лекарств с обозначением их стоимости: корень оценивался в 1 рубль 26 алтын 4 деньги за фунт [РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1а. Л. 4 об.].

Мы встречаем упоминания «хины» и в других, более поздних рецептах. 6 апреля 1682 г. были выписаны «хины полфунта» и 12 золотников сассафраса [РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1372. Л. 387] для старца Ипполита [РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1372. Л. 376]. Стоит также отметить, что в рецепте для старца присутствуют те же фитонимы, что и в списке для индийских купцов, за исключением двух: кассия лигния и полиподиума. 10 апреля было также выписано еще полтора фунта «хины корени», а 11 апреля еще неизвестное количество. Судя по хронологическим рамкам, этот рецепт предназначался

для старца Ипполита, однако его имя не указано: «а про ково составлено того в тех росписях не имяновано» [РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1372. Л. 536]. Может быть, получателем хины являлся и сам царь Феодор Алексеевич: существуют выписки, составленные вскоре после его смерти, из рецептов, которые составлялись для него в последние его дни. В них фигурируют 6 золотников «корени хины». Точную дату рецепта установить не представляется возможным [Мамонов (ред.) 1881–1885: 1298].

Из источников Аптекарского приказа известно, что «резного дела мастер старец» Ипполит был прислан из Приказа Большого дворца в Аптекарский 19 марта 1672 г. «для аптекарских нужных дел на время» [Ф. 143. Оп. 2. Д. 968. Л. 1] — по всей видимости, в связи с перестройкой здания Аптекарского приказа. Вероятно, его работа была связана с устройством туалета в здании приказа. Рискнем предположить, что «нужные дела» могли означать устройство «нужника». «На территории Кремля туалеты имелись также в зданиях приказов. По наблюдениям А. В. Белякова, в Посольском приказе они были расположены в сенях и за задней палатой», см. [Орленко, Шамин 2018: 486–501]. Он также упоминается в дворцовых документах. В августе 1673 г. он вырезал для царевича Петра «потешную лошадку» из липы [Петр Великий 1872: 8], в 1681 г. сделал резное кипарисовое распятие в храме в царском Каменном тереме [Забелин 1895: 65].

Упоминание коры хины встретилось нам лишь однократно. Это упоминание относится к 1689 г. и связано с челобитной польского резидента Юрия Довманта. В ней он, помимо других лекарственных трав просил также «коренья и коры радицхины два фунта» [Ф. 79. Оп. 1. Кн. 231. Л. 666]. Примечательно, что два слова слились в одно. Первая часть этого слова («радиц») уже воспринимается как часть названия, а не как указание на часть растения (лат. *radix* — корень).

6. Сассафрас и сарсапарилла (Под *Sassafras*, сем. Лавровых)

Кустарник сассафрас произрастает в Северной Америке и в Восточной Азии. Из его корней производят так называемое корневое пиво (*rootbeer*), или сарсапариллу. Н. М. Максимович-Амбодик, а также О. Г. Олехнович возводят оба слова к уже упоминавшемуся выше растению *Smilax* — «смилакс (сассапариль, или сарсапарель)». Органическая связь между словами «сассафрас и сарсапарилла» прослеживается и в документах Аптекарского приказа (см. ниже).

О. Г. Олехнович опирается на мнение Фасмера о том, что слово заимствовано из немецкого *Sarsaparille*, произошедшего от исп. *Zarzaparilla* — то же «zarza» — «ежевичный куст» + фамилия врача Парильо, который открыл это растение и привез в Европу» [Олехнович 2000: 47]. В текстах документов Аптекарского приказа она отмечает следующие формы написания: «сарсапарилла», «сансапарилла», «салсапарилла», «салцапарлия» и «салцапариль» [Олехнович 2000: 138]. Последняя форма наиболее близка к словопотреблению в изучаемом нами источнике: «корени ... сал(ь)цапарил(ь)я»⁵, см. Приложение.

Вариативность написания, по мнению Олехнович, иллюстрирует смену обеих согласных от РС к ЛЦ. Она относит случай с переходом согласных в рассматриваемом нами слове к регрессивной консонантной диссимиляции, при которой «остается один из консонантов при тождественных согласных» [Олехнович 2000: 136].

Доктор Аптекарского приказа сообщал весной 1664 г. в своей записке, что «Бразилиане люди в Америке, наги и безкнижны, обаче имеют своя лекарства (*Pharmaca*) неуничижена, принесоша бо нам древо сассафрас (*Sassaphras*) во употребление» [ЕПДР 1988]. И. Ф. Крузенштерн, совершавший свое плавание у берегов Бразилии в начале XIX в., отмечал: «Сассафрас и растение, из коего извлекают касторовое масло, находятся здесь везде во множестве» [Крузенштерн 1809].

Впервые в документах Аптекарского приказа 1 фунт «сасафраса» упоминается в феврале 1633 г. в росписи лекарств, которые лекарь Матвей Кинфин (Килфин) взял с собой в поход в Пермь Великую — район Верхнекамья к западу от северного Урала (города Соликамск, Сольвычегодск, Чердынь и др.). Незадолго до экспедиции в августе 1631 г. он приехал на русскую службу из Англии [РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 100]. В той же росписи пунктом ниже упомянут 1 фунт «сал(ь)цапарил(ь)я» [РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 98. Л. 2; АИ: 473; Мамонов (ред.) 1881–1885: 32]. Возглавил поход стольник Василий Иванович Стрешнев — в середине 1620-х — один из влиятельнейших людей при дворе [Павлов 2011: 205]. Главной целью экспедиции был поиск золотой руды. Золото обнаружено

---

⁵ Поскольку обе буквы «л» в этом слове всегда пишутся выносными, можно предположить после них написание мягкого знака.

не было, но в Соликамске была найдена медная руда и открыт завод [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 72. Л. 2].

2 августа 1643 г. алхимист Аптекарского приказа Христофор Пухнер изготовил «дух з деревом сасофрасом» из 3 фунтов растения и 18 кружек романей: «взято осмнатцать кружак раманей и истое раманей алхимист Христофор делал дух з деревом сасофрасом. Сасофрасу дано три фунта. Зделаного духу принято весом три фунта без осми золотников» [Ф. 143. Оп. 1. Д. 133б. Л. 2 об.]. Этот же рецепт приводит доктор Андрей Энгельгард около 1677 г. [ОР РНБ. Ф. 532. Д. 4619. Л. 45].

В росписи лекарств, привезенных доктором Венделиусом Сибелистом из Гамбурга в январе 1645 г., напротив «масла сасафрас перепускново» стоит помета «нет». Следом за ним в списке следует масло «из святого дерева перепускново» с пометой «нет разбито» [РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 160. Л. 2; Мамонов (ред.) 1881–1885: 80]. Остается не до конца ясным, к какому времени относятся эти пометы: ко времени составления списка или более позднему, когда им уже пользовались в Аптекарском приказе для инвентаризации. Тем не менее планировалось масла из этих растений доставить в Москву. В октябре 1647 г. в Архангельск были доставлены лекарства из Голландии, в их списке присутствует и 1 пуд «дерева сасафрасу».

В «Алфавитном перечне» упомянуто «дерево сасафрас» по 3 алтына 2 деньги за фунт [Ф. 143. Оп. 1. Д. 1а. Л. 3], а также масло «ис сассафрасу оптиме» по 5 алтын 4 денги за золотник [Ф. 143. Оп. 1. Д. 1а. Л. 7].

«Сальцапарилья» («сальсапарилья») встречается в документах реже. В 1633 г., как уже было сказано выше, 1 фунт «салсапарилья» был взят в поход в Пермь Великую. Учитывая родство происхождения, не случайно расположение этих фитонимов по соседству в списке лекарств. Форма лекарственного препарата в перечне не указана: это может быть как жидкость, так и корень растения. По всей видимости, в языке существовали разные названия для разных частей растения: наземная часть растения именовалась сассафрас («дерево сассафрас»), а подземная — сальсапарилья («корень сальсапарилья»). Такую же ситуацию мы наблюдаем в современном народно-разговорном названии растения *Arctium lappa*: *лопух* — обозначает растение целиком или его листья, а *репей(ник)* — соцветия⁶.

⁶ За указание на эту аналогию благодарю Валерию Борисовну Колосову.

Такое словоупотребление встречается в рецепте 1682 г.: царю Феодору Алексеевичу было выписано неизвестное количество «коренья сал(ь)сапарилла» в качестве «крепительного» [Ф. 143. Оп. 1. Д. 1372. Л. 527]. Из другого рецепта, созданного всего за 2 дня до смерти царя — 25 апреля 1682 г., известно, что ему выписали «сансапарилла 8 золотников». Идет ли речь об одном и том же получении лекарства, зафиксированном в разных источниках, сказать затруднительно.

Судя по имеющимся данным, сассафрас привозился из Западной Европы — из Голландии и, вероятно, из Гамбурга.

7. Святое дерево и его кора (*Guaiacum officinale*)

Согласно «Ботаническому словарю», в некоторых регионах России божьим или святым деревом называли растение полынь [Анненков (сост.) 1878: 48]. В исследуемом нами источнике (см. Приложение) встречается упоминание коры и древесины этого растения, что совершенно невозможно применительно к полыни. Очевидно, необходимо искать какое-либо дерево с таким названием. О. Г. Олехнович считает, что «французским божьим деревом» называлось гвяиковое дерево (*Guaiacum officinale*) [Олехнович 2000: 161], произрастающее в Индии. Отвар из его древесины и настойка смолы используются при лечении ревматизма и подагры [БФС 1990: 179]. В словаре Н. М. Максимовича-Омбодика можно отыскать несколько растений с прибавлением слова *sanctum* («святой, священный») [Максимович-Амбодик 1795: 6, 110, 247]. Таких всего три: *Acrostichumsanctum* — сытовец (косянец) священный; *Gossipium (Gossipion) sanctum (religiosum)* — хлопчатник священный; *Solanum (Solanom) fruticomsanctum* — псинк (полён) священный. Древесную форму из них имеют и *Акростихум*, называемый также расщельник, который произрастает в Индийско-Тихоокеанском регионе, и хлопчатник, растущий во всей субтропической зоне. Только лишь паслен седой (*Solanumsanctum*, или *Solanumincanum*), также связанный с Юго-Восточной Азией, является травянистым многолетником. Последний вряд ли являлся тем самым «святым деревом».

В «Алфавитном перечне» упоминаются листья гвяикового дерева «лигнум гвяиком» по 2 алтына 4 деньги за фунт, а рядом приписка «святое тож» [РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1а. Л. 6]. В том же

перечне упомянут «гвояком» по 25 алтын за фунт [РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1а. Л. 2].

Как уже говорилось выше, старцу Ипполиту в апреле 1682 г. были выписаны 1 фунт святого дерева (очевидно, древесины или настойки) и полфунта коры этого растения [РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1372. Л. 376]. Еще раз отметим, что список лекарств для старца Ипполита почти в точности повторяет список лекарств для индийских купцов.

К сожалению, информация о способах доставки этого растения у нас отсутствует.

8. Полиподиум (*Polypodiumvulgare*)

Н. М. Максимович-Амбодик связывает это латинское название с растением, именуемым по-русски «ангельская сладость», «черный солодковый корень», а по-немецки Engelfuss, т. е. «ангельская ножка» [Максимович-Амбодик 1795: 29]. Это название папоротника, называемого солодкой, или, солодковым папоротником, а также «многоножкой». Последнее название является калькой с лат. *Polypodium* (от греч. πολύς — «многочисленный» и πόδιον — «ножка»). О. Г. Олехнович отмечает заимствование из латинского языка, о чем свидетельствует окончание слова (-um) [Олехнович 2000: 46].

Из документов Аптекарского приказа известно, что растение доставлялось из Западной Европы, т. к. оно упомянуто в росписи лекарств из Гамбурга: «корени полиподиум фунт 4 [<алтын>]» [Ф. 143. Оп. 1. Д. 160. Л. 13; Мамонов (ред.) 1881–1885: 85].

«Корень полиподиум» регулярно встречается в рецептах второй половины 60-х годов XVII в. (в объеме от 3 до 12 золотников): неизвестному лицу (1666 г.) [ОР РНБ. Ф. 532. Д. 1599. Л. 2]; окольничему Ф. М. Ртищеву (1667 г.) [ОР РНБ. Ф. 532. Д. 1631. Л. 2]; боярину И. Д. Милославскому (1667 г.) [ОР РНБ. Ф. 532. Д. 1633. Л. 2], вселенским патриархам⁷ Макарию Антиохийскому (1667 г.) [ОР РНБ. Ф. 532. Д. 1647. Л. 1] и Паисию Александрийскому (1667 и 1668 гг.) [ОР РНБ. Ф. 532. Д. 1647. Л. 1; Там же. Д. 1670. Л. 1], боярину князю Н. И. Одоевскому (1667 г.) [ОР РНБ. Ф. 532. Д. 1652. Л. 1] и неизвестному лицу (1667 г.) [ОР РНБ. Ф. 532. Д. 1641. Л. 4],

⁷ За атрибуцию выражаю отдельную благодарность Вере Георгиевне Ченцовой.

ясельничему Ф. Я. Вышеславцову (1672 г.) [Мамонов (ред.) 1881–1885: 812–813]

В «Алфавитном перечне» указана цена: «полиподиум по 6 ал(тын) по 4 де(нги) фунтъ» [РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1а. Л. 8 об.].

9. Касия Лигния (листья растения *Cassia fistula*)

Н. М. Максимович-Амбодик в своем словаре соотносит слово «кассия (касія)» с растением *Cassia fistula* и приводит другие русские синонимы: мед дивый, сладкая трость, стручковое дерево [Максимович-Амбодик 1795: 21]. Ту же версию приводит и О. Г. Олехнович [Олехнович 2000: 57].

Родина этого дерева высотой до 18 м — Южная и Юго-Восточная Азия. В теплые зимы в условиях культуры в субтропиках оно сбрасывает листья только на период цветения. Листья растения кассия встречаются в «Алфавитном перечне» по цене 25 алтын за фунт [РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1а. Л. 4].

1 фунт «меду дивия» был опущен в 1631 г. к патриарху Филарету для приготовления мира [РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 139а. Л. 1]. Об ином использовании этого растения и его доставке в Россию ничего не известно.

10. Выводы

Несмотря на фрагментарность источников и их, в основном, позднее происхождение (вторая половина XVII в.), мы можем сделать несколько выводов.

1) Лекарства, выписанные для покупки индийскими купцами, были в разной степени востребованы в Аптекарском приказе. Самым употребительным, пожалуй, является хинный корень, сведений же о кассии практически не встречается. Тем не менее все указанные в перечне растения нашли свое отражение в источниках: «Алфавитном перечне», записных, приходных и расходных книгах, рецептах и других документах. Среди пациентов были люди разных социальных слоев и статуса: вселенские патриархи и протопоп Благовещенского собора, бояре, окольные, стольники и резных дел мастера.

2) Те товары, которые происходили из Азии, проще, дешевле и безопаснее было доставить морем через Европу. Поэтому основным каналом поставки лекарств в Россию к концу XVII в. оставалась

Европа, преимущественно Голландия и вольный город Гамбург. Эти страны специализировались на международной торговле и являлись посредниками в доставке товаров из Нового Света в Россию. Но несмотря на это, русское правительство все же искало каналы прямой торговли с Востоком. Такие связи устанавливались через Астрахань, куда съезжались восточные купцы. Однако если поездки русских людей за медикаментами в Персию отмечены в источниках, то о подобных путешествиях в Индию до конца XVII в. нам неизвестно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст написан канцелярской скорописью XVII в. Выносные буквы выделены курсивом, пропущенные при сокращении буквы раскрыты в круглых скобках, зачеркнутые слова обозначены знаком *. В переводе на метрическую систему мер и весов: пуд весил 16,38 кг, фунт — 409,512 г, золотник — 4,267 г. [Русская метрология 1975: 142]

Роспис(ь) аптекарским запасом: / корени хины / сал(ь)цапарил(ь)я по 10 пудов доброво* / дерева сасофрасу 7 пудов / касия лигния 2 пуда / коры св(я)тово дерева / св(я)т(о)во дерева по 3 пуда / полиподиум пуд. / А привесть тѣ запасы самые добрые. / Такова роспис(ь) отдана индѣйским купчи/нам Сентября въ 4(-й) де(нь) н(ы)нешняго / 172-г(о) году.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
Ф. 143 (Аптекарский приказ). Оп. 2. Д. 701. Л. 1.
Подлинник. Отпуск

Список условных сокращений

ОР РНБ — Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки;
РГАДА — Российский Государственный Архив Древних Актов

Литература

Антонова 1963 — К. А. Антонова. Русско-индийские отношения в XVII и XVIII вв. М.: [б.и.], 1963.

- Байкова 1964 — Н. Б. Байкова. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина XVI — вторая половина XVIII в.). Ташкент: Наука, 1964.
- Богоявленский 1956 — Н. А. Богоявленский. Индийская медицина в древнерусском врачевании. Л.: Медгиз., Ленингр. отд-ние, 1956.
- Гимадеев 2018 — И. Р. Гимадеев. Была ли известна жевательная резинка в эпоху Горация? (о значении слова *pastillusy* *Hor. sat. I 2, 26; 4, 91*) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. № 22. С. 355–361.
- Гольдберг 1949 — Н. М. Гольдберг. Русско-индийские отношения в XVII веке // Ученые записки Тихоокеанского института. Т. II. Индийский сборник. [Доклады на Объед. науч. сессии отд-ний истории и философии, литературы и яз., экономики и права Акад. наук СССР, посвящ. изучению Индии. 14–18 июня 1947 г.] / Под ред. чл.-кор. Акад. наук СССР Е. М. Жукова и др. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. С. 129–148.
- Демидова 2011 — Н. Ф. Демидова. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): биографический справочник / Федеральное архивное агентство, Российский гос. архив древних актов. М.: Памятники исторической мысли, 2011.
- Жуковский 1915 — С. В. Жуковский. Сношения России с Хивой и Бухарой за последнее 300-летие. Пг.: [б.и.], 1915.
- Орленко, Шамин 2018 — С. П. Орленко, С. М. Шамин. Личная гигиена в Московском Кремле XVII столетия: ванна и туалет // Историк и источник. Сб. статей к юбилею С. Н. Кистерева / Л. А. Тимошина (сост.). СПб.: Искусство России, 2018. С. 486–501.
- Колосова 2009 — В. Б. Колосова. Лексика и символика славянской народной ботаники: этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. С. 53–57.
- Лисейцев 2009 — Д. В. Лисейцев. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.: Ин-т российской истории РАН; Тула: Гриф и К°, 2009.
- Максимович-Амбодик 1795 — Н. М. Максимович-Амбодик. Словарь ботанический, содержащий наименования растений и их частей. СПб.: [Типография] При Имп. Шляхет. и сухопут. кадет. корпусе, 1795.
- Малиновский 1837 — А. Ф. Малиновский. Известия об отправлении в Индию российских посланников, гонцов, купчин с товарами, и о приездах в Россию индейцев с 1469 по 1751 год // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М.: Университетская типография, 1837. Ч. VII. С. 121–207.
- Назарова, Станевич 2018 — И. Г. Назарова, С. В. Станевич. Названия лекарственных растений в фармацевтической терминологии (лингвистические заметки «на манжетах») // Ученые записки Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2018. № 4(16). С. 8–11.

- Овчинников 1958 — Р. В. Овчинников. Обзор документов Астраханской приказной палаты о русско-индийской торговле последней четверти XVII века // Археографический ежегодник за 1957 г. / Под ред. М. Н. Тихомирова. М.: Наука, 1958. С. 217–227.
- Олехнович 2000 — О. Г. Олехнович. Медицинская терминология в «Делах Аптекарского приказа», XVII в.: дисс. ... канд. филол. наук, Уральский гос. ун-т, Екатеринбург, 2000.
- Олехнович 2004 — О. Г. Олехнович. Народные названия растений в «Делах Аптекарского приказа» (XVII в.) // Ономастика и диалектная лексика. Сб. науч. тр. / Ур. гос. ун-т им. А. М. Горького; Под ред. М. Э. Рут. 2004. № 5. С. 134–137.
- Павлов 2011 — А. П. Павлов. Царская родня Стрешневы и их утверждение при дворе в 20-х годах XVII в. // Русистика Ивана Скрынникова. Сб. статей памяти профессора Р. Г. Скрынникова в честь его 80-летия / Под ред. Д. Свака и И. О. Тюменцева. Будапешт; Волгоград: [б. и.], 2011. С. 203–219.
- Преображенский 1951 — А. А. Преображенский. Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII веке // Исторические записки / Акад. наук СССР, Ин-т истории; отв. ред. акад. Б. Д. Греков. Т. 36. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 269–286.
- Родзевич 1887 — Г. И. Родзевич. Исследование о чепучинных лекарствах // Русская медицина. 1887. № 14. С. 251–252.
- Уляницкий 1888 — В. А. Уляницкий. Сношения России со Средней Азией и Индией в XVI-XVII веках // Чтения Общества истории и древностей российских. Кн. 3. Исследования. М.: Университетская типография, 1888. С. 1–62.
- Цаценко 2017 — Л. В. Цаценко. Ботаническая иконография тыквенных культур: уч. пособие. Краснодар: Кубанский гос. аграрный ун-т, 2017.
- Худин 2020 — К. С. Худин. Документы Аптекарского приказа (1629–1672 гг.) как исторический источник. Дисс ... канд. ист. наук. Приложение № 3. М., 2020 [в печати].
- Markham 1874 — C. R. Markham. A memoir of the Lady Ana de Osorio, countess of Chinchon and vice-queen of Peru. London : Trübner & Co, 1874.
- Urdang 1945 — G. Urdang. The Legend of Cinchona // The Scientific Monthly. 1945. Vol. 61. № 1 (Jul.). P. 17–20.

Источники

- Анненков (сост.) 1878 — Н. Анненков. Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1878.

- БСЭ — Большая Советская Энциклопедия. 3-е издание. Т. 20: Плата; Проб. М.: Большая советская энциклопедия, 1975.
- БФС 1990 — Ботанико-фармакогностический словарь: справ. пособие / Ред. К. Ф. Блинова, Г. П. Яковлев. М.: Высшая школа, 1990.
- Веселовский 1975 — С. Б. Веселовский. Дьяки и подьячие XV–XVII вв.: Акад. наук СССР, Отд-ние истории, Архив АН СССР. М.: Наука, 1975.
- Восканян 1986 — Г. А. Восканян. Русско-персидский словарь. М.: Русский язык, 1986.
- Гераклитов 1963 — А. А. Гераклитов. Филигранные XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.
- Дианова, Костюхина 1988 — Филигранные XVII века по рукописным источникам ГИМ: Каталог. Гос. ист. музей / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М.: ГИМ, 1988.
- Забелин 1895 — И. Е. Забелин. Домашний быт русского народа в XVI–XVII ст. Т. 1. М.: Тип. Грачева и К°, 1895.
- Малиновский 1837 — А. Ф. Малиновский. Известия об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов, купчин с товарами, и о приездах в Россию индейцев с 1469 по 1751 год // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М.: Университетская типография, 1837. Ч. VII. С. 121–207.
- Мамонов (ред.) 1881–1885 — Н. Е. Мамонов (ред). Материалы для истории медицины в России. Дела Аптекарского приказа с 1629 по 1682 гг. В 4 вып. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1881–1885.
- ЕПДР 1988 — О рассуждении Самуила Коллинса. Пер. А. П. Богданова // Естественнонаучные представления Древней Руси / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры; Отв. ред. Р. А. Симонов. М.: Наука, 1988. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Collins/rass.phtml> (дата обращения: 21.12.2019)
- Кильбургер 1915 — Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Пер. Б. Г. Курца // Сб. студенческого историко-этнографического кружка при Императорском университете Св. Владимира. Вып. VI. Киев: Типография И. И. Чоколова, 1915.
- Крузенштерн 1809 — Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах. По повелению его Императорского Величества Александра I, на кораблях Надежде и Неве под начальством Флота Капитан Лейтенанта, ныне Капитана второго ранга, Государственного Адмиралтейского Департамента и Императорской Академии Наук Члена. Ч. I. СПб.: В Морской Типографии, 1809. (URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XIX/1800-1820/Kruzenstern/text2.phtml>) (дата обращения: 21.12.2019)
- Петр Великий 1872 — Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М.: Унив. тип., 1872.

- РИБ 1904 — Дела Приказа Тайных дел. Кн. 3 // Русская историческая библиотека. Т. 23. СПб.: Сенатская типография, 1904.
- РИО 1958 — Русско-индийские отношения в XVII в.: сб. документов / Сост. Т. Д. Лавренцова, Р. В. Овчинников, В. Н. Шумилов. Отв. ред. К. А. Антонова, Н. М. Гольдберг, Т. Д. Лавренцова. М.: Издательство восточной литературы, 1958. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XVII/1600-1620/Russ_ind_17 (дата обращения 21.12.2019).
- Русская метрология 1975 — Русская метрология. Учеб. пособие / Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1975.
- СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв / Ф. П. Филин, Г. А. Богатова (ред.). Ин-т рус. языка РАН им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1975—... (продолжающееся издание).
- СлЦСРЯ — Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. / И. И. Срезневский. (ред). СПб.: Императорская Академия наук, 1847.
- Фасмер 1987 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Изд. 2-е, стереотип. Т. IV. М.: Прогресс, 1987.
- ЯД РИО — Язык документов по русско-индийским отношениям XVII века: интернет-словарь [Электронный ресурс]. Казанский лингвографический фонд (2009–2010) [URL: <http://www.klf.kpfu.ru/ros-vost/rio/index.php>] (дата обращения 23.07.2018)

References

- Antonova 1963 — K. A. Antonova. Russko-indiyskiye otnosheniya v XVII i XVIII vv. [Russian-Indian relations in the XVII and XVIII centuries] Moscow: [publishing house unknown], 1963.
- Baykova 1964 — N. B. Baykova. Rol Sredney Azii v russko-indiyskikh torgovykh svyazyakh (pervaya polovina XVI — vtoraya polovina XVIII v.) [The role of Central Asia in Russian-Indian trade relations (first half of the 16th — second half of the 18th century)]. Tashkent: Nauka, 1964.
- Bogoyavlenskiy 1956 — N. A. Bogoyavlenskiy. Indiyskaya meditsina v drevnerusskom vrachevanii [Indian medicine in Old Russian medical practices]. Leningrad: Medgiz, Leningradskoe otdelenie, 1956.
- Demidova 2011 — N. F. Demidova. Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII veka (1625–1700): biograficheskiy spravochnik [Serving Bureaucracy in Russia in the XVII century (1625–1700): a biographical reference book]. Federalnoye arkhivnoye agentstvo, Rossiyskiy gos. arkhiv drevnikh aktov [Federal Archival Agency, Russian State Archives of Ancient Acts]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2011.
- Gimadeyev 2018 — I. R. Gimadeyev. Byla li izvestna zhevatelnaya rezinka v epokhu Goratsiya? (o znachenii slova pastillusu Hor. sat. I 2, 26; 4, 91) [Was chewing gum known in the Horace's era? (on the meaning of the

- word 'pastillusy' Hor. sat. I2, 26; 4, 91)]. *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya*. 2018. No. 22. P. 355–361.
- Goldberg 1949 — N. M. Goldberg. Russko-indiyskiye otnosheniya v XVII veke [Russian-Indian relations in the XVII century] *Proceedings of the Pacific Institute. The Indian digest*. Vol. II. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1949. P. 129–148.
- Khudin 2020 — K. S. Khudin. Dokumenty Aptekarskogo prikaza (1629–1672 gg.) kak istoricheskiy istochnik [Documents of the Apothecary Chancery (“Aptekarskiy prikaz”) (1629–1672) as a historical source]. PhD thesis. Appendix #3. Moscow, 2020. [in press]
- Kolosova 2009 — V. B. Kolosova. Leksika i simvolika slavyanskoy narodnoy botaniki: etnolingvisticheskiy aspekt [The Lexicon and Symbolism of Slavic Folk Botany: The ethnolinguistic Aspect]. Moscow: Indrik, 2009. P. 53–57.
- Liseytshev 2009 — D. V. Liseytshev. Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epokhu Smuty [The departmental system of the Moscow state in the Time of Troubles]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Tula: Grif i K°, 2009.
- Maksimovich-Ambodik 1795 — N. M. Maksimovich-Ambodik. Slovar botanicheskiy, soderzhashchiy naimenovaniya rasteniy i ikh chastey [A botanical dictionary containing the names of plants and their parts]. St Petersburg: [Typography] Under the Imperial Gentry and Ground Cadet Corps, 1795.
- Malinovskiy 1837 — A. F. Malinovskiy. Izvestiya ob otpravleniyakh v Indiyu rossiyskikh poslannikov, gontsov, kupchin s tovarami, i o priyezdakh v Rossiyu indeytsev s 1469 po 1751 god [Bulletin on departures of Russian envoys, messengers, couriers, and merchants with commodities to India, and on the arrivals of Indians to Russia from 1469 to 1751]. *Trudy i letopisi Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh* [Proceedings and chronicles of the Society of History and Antiquities of Russia]. St. Petersburg: University Printing House, 1837. Pt. VII. P. 121–207.
- Markham 1874 — C. R. Markham. A memoir of the Lady Ana de Osorio, countess of Chinchon and vice-queyeyen of Peru. London: Trübner & Co, 1874.
- Nazarova, Stanevich 2018 — I. G. Nazarova, S. V. Stanevich. Nazvaniya lekarstvennykh rasteniy v farmatsevticheskoy terminologii (lingvisticheskiye zametki «na manzhetakh») [Names of medicinal plants in the pharmaceutical terminology (linguistic notes “on the cuffs”)]. *Uchenyye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. 2018. No. 4(16). P. 8–11.
- Orlenko, Shamin 2018 — S. P. Orlenko, S. M. Shamin. Lichnaya gigiyena v moskovskom Kremlе XVII stoletiya: vanna i tualet [Personal hygiene in the Moscow Kremlin of the XVII century: bath and toilet]. L. A. Timoshina (compl.). *Istoriк i istochnik. Sbornik statey k yubileyu Sergeya Nikolayevicha Kistereva* [The historian and the source. A collection

- of articles for the anniversary of Sergei Nikolaevich Kisterev]. St. Petersburg: Iskusstvo Rossii, 2018. P. 486–501.
- Ovchinnikov 1958 — R. V. Ovchinnikov. Obzor dokumentov Astrakhanskoj prikaznoy palaty o russko-indiyskoy torgovle posledney chetverti XVII veka [A review of the documents of the Astrakhan Departmental Chamber on the Russian-Indian trade in the last quarter of the XVII century]. M. N. Tikhomirov (ed.). *Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1957 g.* [Archaeographic Yearbook for 1957]. Moscow: Nauka, 1958. P. 217–227.
- Olekhovich 2000 — O. G. Olekhovich. Meditsinskaya terminologiya v «Delakh Aptekarskogo prikaza», XVII v.: diss. ... kand. filol. nauk. Uralskiy gosudarstvennyy universitet [Medical terminology in the “Apothecary Chancery (Aptekarskiy prikaz) cases”, XVII century: a PhD dissertation; Urals State University]. Yekaterinburg, 2000.
- Olekhovich 2004 — O. G. Olekhovich. Narodnyye nazvaniya rasteniy v «Delakh Aptekarskogo Prikaza» (XVII v.) [Folk names of plants in the “Apothecary Chancery Cases” (XVII century)]. M. E. Rut[ed.]. *Onomastika i dialektnaya leksika* [Onomastics and dialect vocabulary: collection of scientific proceedings]. Ural State University named after A. M. Gorky. 2004. Iss. 5. P. 134–137.
- Pavlov 2011 — A. P. Pavlov. Tsarskaya rodnya Streshnevy i ikh utverzheniye pri dvore v 20-kh godakh XVII v. [Tsar’s Relatives Streshnevs and their rise at the Court in the 20-ies of the XVII century]. D. Swak and I. O. Tyumentsev (ed.). *Rusistika Ivana Skrynnikova. Sb. statey pamyati professora R. G. Skrynnikova v chest ego 80-letiya* [Rusistika by Ivan Skrynnikov. Collection of articles in memory of Professor R. G. Skrynnikov in honor of his 80th birthday]. Budapesht; Volgograd: [publish house unknown], 2011. P. 203–219.
- Preobrazhenskiy 1951 — A. A. Preobrazhenskiy. Iz istorii snosheniy russkogo gosudarstva so Sredney Aziyey v XVII veke [From the history of relations of the Russian State with Central Asia in the XVII century]. B. D. Grekov (ed.). *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Vol. 36. Moscow: USSR Academy of Sciences, Institute of History, 1951. P. 269–286.
- Rodzevich 1887 — G. I. Rodzevich. Issledovaniye o chepuchinnykh lekaryakh [A research on “chepuchinny” healers]. *Russkaya meditsina*. 1887. No. 14. P. 251–252.
- Russkaya metrologiya 1975 — I. Kamentseva, N. V. Ustyugov. Russkaya metrologiya. Uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola, 1975.
- Tsatsenko 2017 — L. V. Tsatsenko. Botanicheskaya ikonografiya tykvennykh kultur: Ucheb. posobiye [Botanical iconography of pumpkin cultures: handbook]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University Press, 2017.
- Ulyanitskiy 1888 — V. A. Ulyanitskiy. Snosheniya Rossii so Sredney Aziyey i Indiyey v XVI–XVII vekakh [Russia’s Relations with Central Asia and India in the XVI–XVII centuries]. *Chteniya Obshchestva istorii i drevnostey*

- rossiyskikh* [Readings of the Society for Russian History and Antiquities].
Researches. Vol. 3. Moscow: Universitetskaya Tipografiya, 1888. P. 1–62.
- Urdang 1945 — G. Urdang. The Legend of Cinchona. *The Scientific Monthly*.
1945. Vol. 61. No. 1 (Jul.). P. 17–20.
- Zhukovskiy 1915 — S. V. Zhukovskiy. Snosheniya Rossii s Khivoy i Bukharoy
za posledneye 300-letiyе [Russia's relations with Khiva and Bukhara over
the last 300 years]. Petrograd: tipo-lit. N. I. Yevstifeeva, 1915.

Sources

- Annenkov (sost.) 1878 — N. Annenkov. *Botanicheskiy slovar. Spravochnaya kni-
ga dlya botanikov, selskikh khozyayev, sadovodov, lesovodov, farmatsevtov,
vrachey, drogistov, puteshestvennikov po Rossii i voobshche selskikh zhitel-
ley* [Reference book for botanists, farmers, horticulturists, foresters, pharma-
cists, doctors, druggists, travelers in Russia and rural residents in general].
St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1878.
- BSE — Bolshaya Sovetskaya Yentsiklopediya [The Great Soviet Encyclopedia].
3rd edition. Vol. 20. Moscow: Great Soviet Encyclopedia, 1975.
- BFS 1990 — K. F. Blinovoy, G. P. Yakovleva (eds.). *Botaniko-farmakognos-
ticheskiy slovar: sprav. posobiye* [Botanical-Pharmacognostic Dictionary:
a reference book]. Moscow: Vysshaya shkola, 1990.
- Davydov 1962 — N. N. Davydov. *Botanicheskiy slovar. Russko-angliys-
ko-nemetsko-frantsuzsko-latinskiy* [Botanical Dictionary. Russian-Ger-
man-German-French-Latin dictionary]. Moscow: Fizmatgiz, 1962.
- Dianova, Kostyukhina 1988 — T. V. Dianova, L. M. Kostyukhina (comp.) *Fili-
grani XVII veka po rukopisnym istochnikam GIM: Katalog* [Filigree of the
XVII century according to the manuscript sources of the State Historical
Museum: Catalogue]. Moscow: State Historical Museum Press, 1988.
- Geraklitov 1963 — A. A. Geraklitov. *Filigrani XVII veka na bumage rukopisnykh
i pechatnykh dokumentov russkogo proiskhozhdeniya* [Filigree of the XVII
century on paper in manuscripts and printed documents of Russian origin].
Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publishing House, 1963.
- Kilburger 1915 — Sochineniye Kilburgera o russkoy torgovle v tsarstvovani-
ye Alekseya Mikhaylovicha [Kilburger's essay about Russian trade in the
reign of Alexei Mikhailovich] Transl. B. G. Kurtsa. *Sbornik studenchesko-
go istoriko-etnograficheskogo kruzha pri Imperatorskom universitete
Sv. Vladimira* [A collection of the Student's History and Ethnography
Circle at St. Vladimir Imperial University]. Vol. VI. Kiyev: Tipografiya
I. I. Chokolova, 1915.
- Kruzenshtern 1809 — *Puteshestviye vokrug sveta v 1803, 4, 5 i 1806 godakh.
Po poveleniyu yego Imperatorskogo Velichestva Aleksandra I, na korably-
akh Nadezhde i Neve pod nachalstvom Flota Kapitan Leytenanta, nyne Ka-
pitana vtorogo ranga, Kruzenshterna, Gosudarstvennogo Admiralteyskogo*

- Departamenta i Imperatorskoy Akademii Nauk Chlena [Around the World in 1803, 4, 5 and 1806. On a decree by His Imperial Majesty Alexander I, on the ships 'Nadezhda' and 'Neva' under the command of the Navy Captain Lieutenant, now Captain II Rank, Kruzenshtern, a Member of the State Admiralty Department and the Imperial Academy of Sciences]. Pt. I. St. Petersburg: At the Marine Printing House, 1809. [Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XIX/1800-1820/Kruzenstern/text2.phtml>] (accessed on 23.07.2018).
- Mamonov (ed.) 1881–1885 — N. E. Mamonov (ed.). *Materialy dlya istorii meditsiny v Rossii. Dela Aptekarskogo prikaza s 1629 po 1682 gg.* [Materials for the history of medicine in Russia. Cases of the Aptekarsky Chancery from 1629 to 1682]. In 4 issues]. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1881–1885.
- Novombergskiy — N. Ya. Novombergskiy. *Materialy po istorii meditsiny v Rossii* [Materials on the history of medicine in Russia]: in 3 volumes. Vol. I. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1905; Vol. 2. St. Petersburg: Tipografiya Altshullera, 1906. Tomsk: Tovarishchestvo «Pechatnaya S. P. Yakovleva», 1905–1906.
- Petr Velikiy 1872 — *Sbornik vypisok iz arkhivnykh bumag o Petre Velikom* [A collection of extracts from the archives of Peter the Great]. Vol. 1. Moscow, 1872.
- RIB 1904 — *Dela Prikaza Taynykh del* [Documents of the Secret Affairs Chancery (Prikaz Taynykh del)]. Book 3. Russkaya istoricheskaya biblioteka. Vol. 23. St. Petersburg: Senate Printing House, 1904.
- RIO 1958 — *Russko-indiyskiye otnosheniya v XVII v.: sbornik dokumentov* [Russian-Indian relations in the XVII century. A collection of documents] Collect.: T. D. Lavrentsova, R. V. Ovchinnikov, V. N. Shumilov; ed. by K. A. Antonova, N. M. Goldberg, T. D. Lavrentsova. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1958.
- SLRYA — F. P. Filin, G. A. Bogatova (ed.). *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [A dictionary of Russian language of the XI–XVII centuries]. Vinogradov Rus. Language Institute, Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka, 1975–... (continued edition).
- SLTSSRYA — I. I. Sreznevskiy (ed). *Slovar tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka* [A dictionary of the Church Slavonic and Russian language: in 4 volumes. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences]: in 4 vol. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1847.
- Vasmer 1987 — M. Vasmer. *Yetimologicheskii slovar russkogo yazyka* [An etymological dictionary of the Russian language]: in 4 vol. 2nd edition, stereotype. Vol. IV. Moscow: Progress, 1987.
- Veselovskiy 1975 — S. B. Veselovskiy. *Dyaki i podyachiye XV–XVII vv.:* [Saxtons and consignatories in the XV–XVII centuries. Academy of Sciences of the USSR. Moscow: Nauka, 1975.

- Voskanyan 1986 — Russko-persidskiy slovar. [A Russian-Persian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk, 1986.
- YAD RIO — Yazyk dokumentov po russko-indiyskim otnosheniyam XVII veka [Language of documents on Russian-Indian relations in the XVII century]: An Internet Dictionary [Electronic resource]. Kazanskiy lingvograficheskiy fond (2009–2010) [Available at: <http://www.klf.kpfu.ru/ros-vost/rio/index.php>] (accessed on 23.07.2018).
- YEPDR 1988 — O rassuzhdenii Samuila Kollinsa [On the reasoning of Samuel Collins] / transl. A. P. Bogdanova. Moscow: Nauka, 1988. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Collins/rass.phtml> (accessed on 23.07.2018).
- Zabelin 1895 — I. E. Zabelin. Domashniy byt russkogo naroda v XVI–XVII st. [Domestic life of the Russian people in the XVI–XVII centuries]. Vol. 1. Moscow: Tip. Gracheva i K^o, 1895.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахапкина Яна Эмильевна — кандидат филологических наук, доцент школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: yakharkina@hse.ru.

Блинова Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доцент департамента филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург. Электронная почта: o.blinova@spbu.ru.

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: n.bogdanova@spbu.ru.

Воейкова Мария Дмитриевна — доктор филологических наук, заведующий отделом теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: maria.voeikova@gmail.com.

Головко Евгений Васильевич — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, директор Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург; профессор факультета антропологии Европейского университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: evggolovko@yandex.ru.

Горбова Елена Викторовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург. Электронная почта: elena-gorbova@yandex.ru; egorbova@herzen.spb.ru.

Доброва Галина Радмировна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкового и литературного образования ребенка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург. Электронная почта: galdobr@peterlink.ru.

Ермолова Мария Вадимовна — кандидат филологических наук; старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва. Электронная почта: maria-anna2121@yandex.ru.

Жукова Светлана Юрьевна — аспирант школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: syurpuhaeva@gmail.com.

Китадзё Мицуси — PhD, профессор, заведующий кафедрой европейских языков, Университет Киото Сангё, Киото (Япония). Электронная почта: kitaajo@cc.kyoto-su.ac.jp.

Коцкова Яна — PhD, младший научный сотрудник Славянского института Чешской академии наук, Прага (Чехия). Электронная почта: kockova@slu.cas.cz.

Маслова Елена Руслановна — магистр лингвистики, независимый исследователь, Санкт-Петербург. Электронная почта: elena.r.maslova@gmail.com.

Миллиареси Татьяна Васильевна — доктор филологических наук, профессор, директор департамента романских, славянских и восточных языков Государственного Лилльского университета; исследовательская группа STL 8163, C.N.R.S, Лилль (Франция). Электронная почта: tatiana.milliaressi@univ-lille.fr.

Немировская Адель Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры Древнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: a.nemirovskaya@spbu.ru.

Певнов Александр Михайлович — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: pevnov@gmail.com.

Плунгян Владимир Александрович — академик РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом корпусной лингвистики и поэтики Института русского языка РАН им. В. В. Виноградова, Москва. Электронная почта: plungian@gmail.com.

Рингблом Наталья — PhD, научный сотрудник Стокгольмского университета; лектор Упсальского университета, Упсала (Швеция). Электронная почта: nari@slav.su.se.

Урманчиева Анна Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: urmanna@yandex.ru.

Худин Кирилл Станиславович — младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва. Электронная почта: khudin1988@yandex.ru.

Цейтлин Стелла Наумовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкового и литературного образования ребенка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; ведущий научный сотрудник отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: stl2006@list.ru.

Эйсмонт Полина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: p.eysmont@spbu.ru.

Яковлева Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент Ульяновского государственного университета. Электронная почта: irinadubrov@gmail.com.

CONTRIBUTORS

Akhapkina Yana E. — Cand. Sc. in Philology, Associate Professor of the Faculty of Humanities, School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics, Moscow. E-mail: yakhapkina@hse.ru.

Blinova Olga V. — Cand. Sc. in Philology, Associate Professor at Department of General Linguistics, St. Petersburg State University, Associate Professor at Department of Philology, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg. E-mail: o.blinova@spbu.ru.

Bogdanova-Beglaryan Natalia V. — Dr. Sc. in Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, St. Petersburg State University, St. Petersburg. E-mail: n.bogdanova@spbu.ru.

Dobrova Galina R. — D. Sc. in Philology, Professor, Professor of the Department of Child's Language and Literature Education, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. E-mail: galdobr@peterlink.ru.

Eismont Polina M. — Cand. Sc. in Philology, Associate Professor of the Department of General Linguistics at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University, St. Petersburg. E-mail: p.eysmont@spbu.ru.

Ermolova Maria V. — Cand. Sc. in Philology, Senior Lecturer of National Research University Higher School of Economics; Researcher of Institute of Russian Language (Vinogradov's Institute), Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: maria-anna2121@yandex.ru.

Golovko Evgeny V. — Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. in Philology, Director of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Professor of the Anthropology Department, European University, St. Petersburg. E-mail: evgolovko@yandex.ru.

Gorbova Elena V. — D. Sc. in Philology, Professor of Department of Roman Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. E-mail: elena-gorbova@yandex.ru; egorbova@herzen.spb.ru.

Iakovleva Irina V. — Cand. Sc. in Philology, Associate Professor of Ulyanovsk State University, Ulyanovsk. E-mail: irinadubrov@gmail.com.

Khudin Kirill S. — Junior Research Fellow of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: khudin1988@yandex.ru.

Kitajo Mitsushi — PhD., Professor, Head of the Department of European languages, Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan. E-mail: kitajo@cc.kyoto-su.ac.jp.

Kocková Jana — PhD, Junior Research Fellow of the Institute of Slavonic Studies, Czech Academy of Sciences, Prague, Czech. E-mail: kockova@slu.cas.cz.

Maslova Elena R. — Master in Linguistics, Independent Researcher, St. Petersburg. E-mail: elena.r.maslova@gmail.com.

Milliaressi Tatiana — D. Sc. in Philology, Professor, Director of Department of Romance, Slavic and Oriental Languages, University of Lille and STL 8163, C.N.R.S., France. E-mail: tatiana.milliaressi@univ-lille.fr.

Nemirovskaya Adel V. — PhD, Associate Professor of the Ancient Near Eastern Studies, Oriental faculty, St. Petersburg State University, St. Petersburg. E-mail: a.nemirovskaya@spbu.ru.

Pevnov Aleksandr M. — Dr. Sc. in Philology, Chief Researcher of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: pevnov@gmail.com.

Plungian Vladimir A. — Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. in Philology, Professor, Head of the Department of Corpus Linguistics and Poetics, Institute of Russian Language (Vinogradov's Institute), Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: plungian@gmail.com.

Ringblom Natalia — PhD, Researcher of Stockholm University, Stockholm; Lecturer of Uppsala University, Uppsala, Sweden. E-mail: nari@slav.su.se.

Tseitlin Stella N. — Dr. Sc. in Philology, Professor, Professor of the Department of Child's Language and Literature Education, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg; Leading Researcher of the Department of Theory of Grammar, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: stl2006@list.ru.

Urmanchieva Anna Yu. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher of Department of Theory of Grammar of Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: urmanna@yandex.ru.

Voeikova Maria D. — Dr. Sc. in Philology, Head of the Department of Theory of Grammar, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Language Department of St. Petersburg State University, St. Petersburg. E-mail: maria.voeikova@gmail.com.

Zhukova Svetlana Yu. — Postgraduate Student of the Faculty of Humanities, School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics, Moscow. E-mail: syupuhaeva@gmail.com.

ЭТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Этика научных публикаций

Международный журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редакционной коллегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE).

2. Авторство работы

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии таковых.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные), исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы) и данные информантов (при публикации результатов полевых исследований). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. Любая форма плагиата неприемлема. Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных

изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее двух лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редакционная коллегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редакционной коллегии. Автор может отозвать принятую рукопись до того, как материалы будут отправлены для редактирования. В случае если автор отзывает рукопись по завершении процесса редактирования, редакционная коллегия вправе отказать в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редакционная коллегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

3. Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» с авторов не взимаются.

При отправке материалов для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» автор выражает согласие с тем, что принятие этих материалов к публикации подразумевает их дальнейшее распространение в соответствии с лицензией Creative Commons | Attribution-NoDerivatives, допускающей распространение материалов

в коммерческих и некоммерческих целях, если оно осуществляется без каких-либо изменений текста и с указанием авторства. Вместе с тем за автором в полном объеме сохраняются авторские права на опубликованную работу.

4. Достоверность информации

Представляя рукописи для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», авторы несут ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в их работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он должен незамедлительно уведомить редактора и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной ревизии текста, отозвать рукопись.

В журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Авторы несут ответственность за достоверность всех данных, опубликованных в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований». Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редакционная коллегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

5. Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редакционной коллегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия окончательного решения относительно публикации представленных рукописей.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редактору и отказаться от рецензирования. Контакты между рецензентом и автором, поддерживаемые за пределами сферы ответственности редакционной коллегии, не являются достаточным основанием для смены рецензента.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редакционной коллегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редакционной коллегии на любые признаки плагиата.

Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок; в ряде случаев публикация работы может быть перенесена на следующий год.

6. Обязанности членов редакционной коллегии

На всех этапах редакционного и издательского процесса редакционная коллегия журнала обеспечивает следующее:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования;
- решение о принятии, отказе в публикации или назначении дополнительной экспертизы в зависимости от заключения рецензента;
- все члены редакционной коллегии должны быть в курсе содержания текущего выпуска;
- члены редакционной коллегии могут оказывать посильную помощь авторам в вычитке статей;
- корректуру выпуска перед публикацией в бумажном формате и в сети Интернет.

Главный редактор координирует работу редакционной коллегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редакционной коллегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Редакторы не вправе злоупотреблять служебным положением и должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов редакторов и авторов предоставляемых для публикации рукописей недопустим. В случае возникновения конфликта интересов работы авторов должны быть направлены на рассмотрение другому редактору.

Редакционная коллегия гарантирует высокий научный уровень материалов, публикуемых в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», и, при необходимости, обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения.

7. Редакционная коллегия

Международная редакционная коллегия журнала «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Члены редакционной коллегии имеют право принятием коллективного решения приостановить или отклонить публикацию материалов, прошедших процедуру двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редакционной коллегии, представленные для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются на общих основаниях, вне зависимости от вхождения автора в состав редакционной коллегии.

Благодаря научному авторитету, географическому охвату и принципу коллегиальности международная редакционная коллегия журнала «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» гарантирует соответствие опубликованных материалов международным стандартам научной и редакционной этики. Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редакционной коллегии.

8. Язык публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

PUBLICATION ETHICS AND PUBLICATION MALPRACTICE STATEMENT

1. Publication ethics

The international journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas; therefore the journal's activities are solely for the sake of scholarship. All participants in the editorial and publishing process (Authors, Reviewers, Editors, and Editorial Board Members) should keep this in mind and follow the ethical standards outlined below, which are based on the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

2. Authorship issues

When submitting a paper to publish in *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies*, the Author thereby confirms his or her authorship. In the case of a collaborative work, one of the Authors may submit material for publication provided that all coauthors are listed with all necessary and correct information about them.

If there are agencies or other entities that contributed to the content or provided funding or support for the work submitted, the Author should clearly identify them. If necessary, the Author should express gratitude to colleagues who have made a contribution to the submitted work.

The Authors must present in full all sources of information used in the work, including lists of sources (both published and unpublished), research literature (including the Authors' own previously published works), and informants (when publishing the results of field studies). The Authors should ensure that if they have used the work and/or words of others, this has been appropriately cited or quoted. Any form of plagiarism is unacceptable. Self-plagiarism, i.e., the attempt to republish one's own previously published work without significant changes to it, is similarly unacceptable. Concurrent submission of the same work

to *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies and to any other publication is prohibited. The research archive used by the Author should be accessible upon request for the period of at least two years.

In case of violation of any of the rules listed above, the Editorial Team is entitled to refuse to publish the materials at any time, including during preliminary consideration, without involving reviewers, and also not to proceed with the publication of any work from the Author for a period of three years.

Any changes added by the Author to a text that has been peer-reviewed and accepted for publication can be made only in coordination with the Editorial Team. An Author can withdraw an accepted work only before the materials have been sent out for editing. If the Author absolutely wishes to withdraw the material from publication after the editorial work has been done, the Editorial Team is entitled to refuse to consider publication of any work submitted by this Author for a period of three years.

It is unacceptable for an Author to place into the public domain any materials that have been accepted for publication and sent for editing but which have not yet been published. If this rule is violated, the Editorial Team is entitled to withdraw these materials and to refuse to consider publication of any work by the Author for a period of three years.

3. Copyright and open access

The journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies has agreed to the Budapest Open Access Initiative and therefore provides immediate open access to its content on the principle that making research freely available to the public supports a greater global exchange of knowledge. At the same time, the Authors are not charged any fees for publication in *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies.

When sending materials for consideration by the journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies, the Authors agree that the acceptance of these materials for publication ensures their redistribution in accordance with the license Creative Commons | Attribution-NoDerivatives (this allows for redistribution, commercial and non-commercial, as long as it is passed along unchanged and in its entirety, with attribution). At the same time, copyright remains in full with the Authors.

4. Accuracy of information

The Authors of the papers submitted to the journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* are responsible for detailed verification of all the information contained in their work in order to avoid inaccurate references to sources or the omission of necessary references. If, in the process of editing the materials accepted for publication, the Author discovers mistakes or inaccuracies, he or she must notify the Editor as soon as possible and either withdraw the publication (in the case of significant errors requiring a complete revision of the text) or correct it.

The Author must avoid personal attacks, disparaging remarks, and accusations against other scholars. Defamation is not allowed in the journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies*.

The Authors are responsible for the accuracy of all data published in the journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies*. If a violation of the above rules is discovered after publication, the Editorial Team is entitled to publish a refutation in the next issue and also not to proceed with any work from the defaulting Author for a period of three years.

5. Review process

All submitted papers are evaluated on the principle of double-blind peer review, which means that all materials are sent to the Reviewers in anonymized form (the files contain no information about the Authors and information is also deleted from the metadata of the submitted files).

None of the members of the Editorial Team or any other participants in the publication process is allowed to disclose the Authors' names to Reviewers before the final decision regarding the publication of the submitted papers.

If a Reviewer recognizes the Author of the article being reviewed and discovers a conflict of interest, he or she is to inform the Editor of this and recuse himself or herself. Contacts between the Reviewer and the Author maintained outside of the Editorial Team's responsibilities are not sufficient grounds for disqualification of the Reviewer.

The Reviewer's name can be disclosed to the Author by the Editorial Team only at the request of the Reviewer and only after the final decision regarding the publication of the submitted materials.

The review should be objective and impartial and must not contain personal attacks against the Author. All comments and suggestions for improving the work should be made in polite form, and all criticism should be justified. Reviewers are encouraged to recommend additional publications relating to the submitted work for which there are no references. The Reviewer should also draw the attention of the Editorial Team to any evidence of plagiarism.

The review should be completed within the time frame established by the journal; the appointment of reviewers, reviewing, acceptance, editing and publication can take over 12 months.

6. Duties of the Editorial Team members

Managing / Academic Editors provide for all stages of the editorial and publishing process:

- preliminary consideration of the Authors' submissions;
- selecting the Reviewers in accordance with their research interests;
- maintaining confidentiality during the double-blind review process;
- deciding on acceptance, rejection, or submission to additional peer review, depending on the Reviewers' reports;
- notifying members of the Editorial Board of the current issue data;
- sending the edited materials to the Layout Editor and facilitating the Authors' proofreading of the galleys;
- control proofreading (reconciliation) of the issue before its publication online and in hard copy.

The Editor-in-Chief coordinates all the work of the Editorial Team and makes decisions on key issues; he or she also releases issues for printing and gives permission for publication on the website. Also, as a member of the Editorial Team and the Editorial Board, the Editor-in-Chief fully guarantees strict compliance with all ethical standards set forth herein.

All Editors must be careful not to abuse their official position and they are to maintain their impartiality and objectivity toward all participants in the editorial and publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious belief, ethnic origin, nationality, or political opinion. The materials submitted by the Editors for publication

in the journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are considered solely on their scholarly merit and with the observance of the principle of double-blind peer review.

There must be no conflict of interest between the Editors and the Authors of the materials accepted or rejected for publication. In case such conflict occurs, the Authors' materials are to be sent to another Editor.

The Editorial Team ensures the high academic quality of the materials published in the journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies and, if necessary, is obliged to publish corrections, clarifications, and apologies.

7. Editorial Board

The international Editorial Board of the journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies is the supreme governing and controlling body of the periodical. The Editorial Board members, by means of collective decision, have the right to suspend or reject the publication of materials that have gone through double-blind peer review. Papers written by members of the Editorial Board that are submitted for publication in the journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are considered on their own merit, without regard for their Author's position on the Board.

Due to its academic authority, geographical coverage, and the principle of collegiality, the international Editorial Board of the journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies guarantees that the published content meets international standards of scholarly and editorial ethics. All conflicts arising between the participants of the editorial and publishing process are to be resolved through the direct involvement of the Editorial Board.

8. Our languages

The journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies accepts papers in Russian, English, French or German. If the paper is written in a non-native language, the Authors are advised to consult a qualified native-speaking editor in order to avoid possible misunderstanding.

All metadata of the papers are reflected on the website of the journal in Russian and English.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Актуальные проблемы изучения русского глагола

М. Д. Воейкова

Изучение глагольной системы русского языка в XXI веке:
50 лет книге А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина
«Русский глагол» 9

1. Русская видо-временная система в свете сравнительных и типологических исследований

Е. В. Горбова

Дискуссия о русском виде как грамматической категории
словоизменительного vs. классифицирующего vs.
смешанного типа и имперфективация перфективных
способов действия 27

Т. В. Миллиареси

Эвиденциальное и модальное употребление
прошедшего времени в русском языке в контексте
таксисной одновременности действий 59

Я. Коцкова

Неличные формы глагола как средства выражения таксиса
в русском и чешском 87

2. Употребление глагольных форм в устной речи

Н. В. Богданова-Бегларян

Глаголы в устной речи: путь от лексемы к прагматеме
(от значения к функции) 113

С. Н. Цейтлин

Глагольные словоизменительные оговорки в речи
носителей русского языка 134

- Н. В. Богданова-Бегларян, Е. Р. Маслова*
Русские контактные глаголы в устной спонтанной речи: объем словника и функционально-семантическое разнообразие 158
- О. В. Блинова*
Позиционные свойства русских усечённых обращений и дискурсивных маркеров типа слушай 185
- И. В. Яковлева*
Грамматические ограничения глаголов речи и их метафорических заместителей 205
3. Видо-временная система русского языка
с диахронической точки зрения
- В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева*
Перфект со связкой в «Повести временных лет» как фокусная конструкция 223
- М. В. Ермолова*
К вопросу об интерпретации некоторых случаев употребления сочетания «*быти* в пр.вр. + -л-форма» в древнейших русских летописях
4. Микродиахронические изменения
в русской глагольной системе («малая диахрония»)
- Я. Э. Ахапкина*
Микродиахронические сдвиги в употреблении глагольной лексики (на материале повести И. С. Тургенева «Ася») 271
- С. Ю. Жукова*
Дискурсивные формулы русского языка *как хочешь, как знаешь* в диахроническом аспекте 295
- М. Кутадзё*
Анализ видов глагола и деепричастия в русских литературных текстах с диахронической точки зрения 320

5. Особенности усвоения
русской глагольной системы детьми

П. М. Эйсмонт

Формирование понимания фазовой структуры действия
в детской речи 345

Г. Р. Доброва, Н. Рингблом

О некоторых особенностях освоения глагольного
вида русско-шведскими детьми-билингвами:
к вопросу о специфике «эритажного» языка 367

II. Varia

E. V. Golovko

Languages and identities in the Bering Strait area in the first
half of the 20th century. 391

A. V. Nemirovskaya

Origins of the Canaanite alphabet and West Semitic
consonants' inventory. 425

А. М. Певнов

О некоторых орокских (уильта) оленеводческих
терминах 446

К. С. Худин

Названия лекарственных растений в источниках
о русско-индийской торговле XVII в.
(по документам Аптекарского приказа) 461

Сведения об авторах 489

Contributors 492

Этические требования 495

Publication ethics and publication malpractice statement 501

CONTENTS

I. Current issues in the study of Russian verb

M. D. Voeikova

Studying Russian verb system in the XXI century:
50 years of the book “Russian verb” by A. V. Bondarko
and L. L. Bulanin 9

1. Russian tense-aspect system: comparative and typological perspectives

E. V. Gorbova

Russian verb aspect as infl ectional vs. classifying vs.
mixed type grammatical category and the imperfectivation
of perfective Aktionsarten 27

T. Milliaressi

Evidentiality and modality: past tense for actions’
simultaneity. 59

J. Kocková

Non-finite forms of verbs as means of expression of the taxis
in Russian and Czech 87

2. The usage of verbal forms in oral speech

N. V. Bogdanova-Beglarian

Verbs in the oral speech: a way from lexeme to pragmateme
(from Value to Function). 113

S. N. Tseitlin

Verbal word formation speech mistakes in Russian native
speakers. 134

N. V. Bogdanova-Beglarian, E. R. Maslova

Russian contact verbs in oral speech: glossary and functional
and semantic variety 158

<i>O. V. Blinova</i>	
Positional properties of truncated vocatives and <i>listen</i> -forms in Russian	185
<i>I. V. Iakovleva</i>	
The semantic shifts in the lexical domain of Russian speech act verbs grammatical constraints on metaphorization.	205
3. Russian tense-aspect system: a diachronic perspective	
<i>V. A. Plungian, A. Y. Urmanchieva</i>	
The Perfect with the auxiliary verb in the Old Russian Primary Chronicle (Povest' Vremennykh let) as a focus construction	223
<i>M. V. Ermolova</i>	
On the interpretation of some examples with the construction «быти (past tense)+ <i>l</i> -form» in the oldest Russian chronicles.	250
4. Micro-diachronic changes in the Russian tense-aspect system	
<i>Ya. E. Akhapkina</i>	
Microdiachronic shifts in the use of verbal lexicon (on the material of Ivan Turgenev's novel 'Asya').	271
<i>S. Yu. Zhukova</i>	
Discourse formulae <i>kak hochesh</i> and <i>kak znaesh</i> in the diachronic aspect.	295
<i>M. Kitajo</i>	
Analysis of aspects of verb and converb in the Russian literary works from the diachronic point of view	320
5. Specific features of the acquisition of Russian verbal system by children	
<i>P. M. Eismont</i>	
Developing the phase structure understanding in child language	345

G. R. Dobrova, N. Ringblom
 Acquisition of aspect in Russian-Swedish bilingual children:
 on the peculiarities of heritage Russian 367

II. Varia

E. V. Golovko
 Languages and identities in the Bering Strait area in the first
 half of the 20th century 391

A. V. Nemirovskaya
 Origins of the Canaanite alphabet and West Semitic
 consonants' inventory 425

A. M. Pevnov
 On some Orok (Uilta) reindeer husbandry terms 446

K. S. Khudin
 Botanic names in sources on Russia-India trade in the 17th
 century (as stated in Apothecary Chancery records) 461

Contributors (in Russian) 489

Contributors 492

Publication Ethics and Publication Malpractice Statement
 (in Russian) 495

Publication Ethics and Publication Malpractice Statement 501

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Глав. ред. Е. В. Головки.

Т. XV. Ч. 3. I. Актуальные проблемы изучения русского глагола / Ред. М. Д. Воейкова, С. В. Краснощекова, Е. Г. Сосновцева; II. *Varia*. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. — 512 с.

Подписано к печати ●●●●●●●●

Формат 60×90 1/16

Усл. печ. л. 32. Тираж ●●● экз.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru
<https://iling.spb.ru>

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
Оригинал-макет подготовил С. С. Белоусов

Корректор — Е. В. Артемьева

Издательство РХГА
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: +7 812 310-79-29, +7 981 699-65-95
E-mail: rhgapublisher@gmail.com
<http://irhga.ru>

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>